

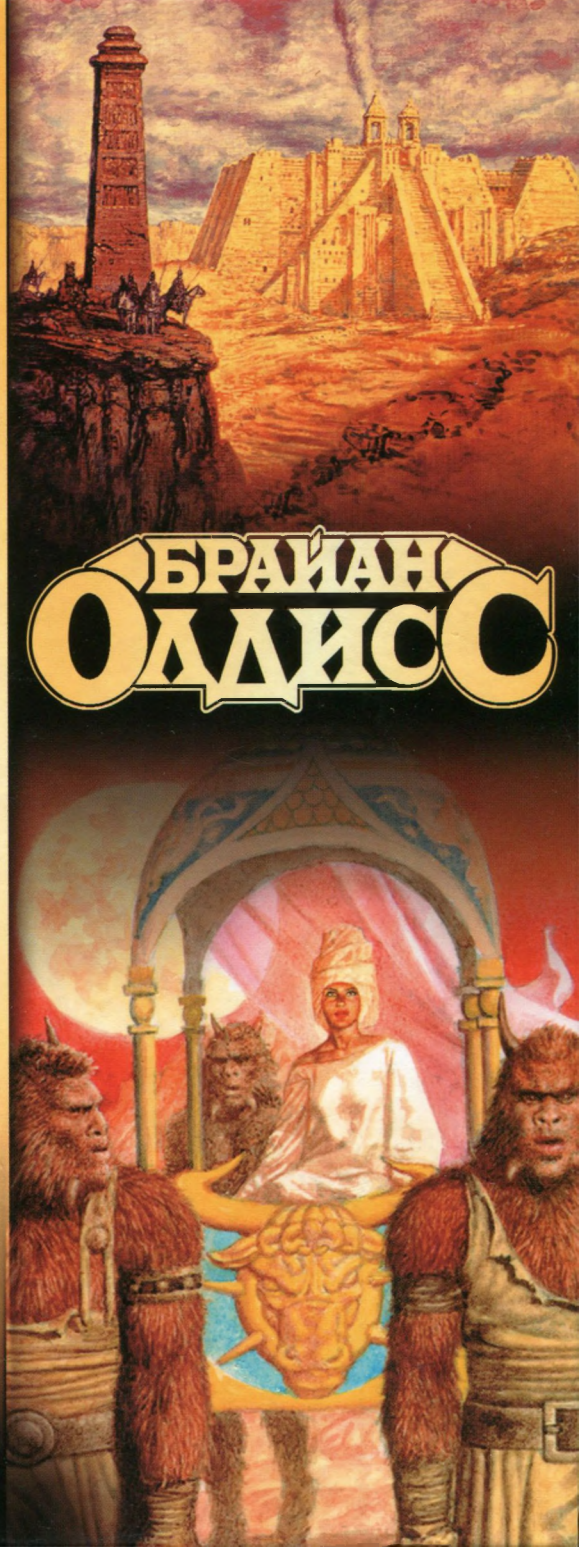
ЛЕТО ГЕЛЛИКОНИИ

БРАЙАН
ОДДИСС

ЛЕТО ГЕЛЛИКОНИИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

БРАЙАН
ОДДИСС

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

BRIAN
ALDISS

HELLICONIA
SUMMER

БРАЙАН ОЛДИСС

ЛЕТО
ГЕЛЛИКОНИИ

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (4Вел)-44

О-53

Серия основана в 1999 году

Brian Aldiss
HELLICONIA SUMMER
1983

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Б. Кадникова, О. Колесникова

Художник В. Ненов

Печатается с разрешения автора и его литературного агента
Curtis Brown c/o Toymania LLC.

Подписано в печать 22.11.02. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 10000 экз. Заказ № 2294.

Олдисс Б.

О-53 Лето Гелликонии: Фантаст. роман / Б. Олдисс; Пер. с англ.
Б. Кадникова, О. Колесникова. — М.: ООО «Издательство
АСТ», 2003. — 605, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-016663-X

Брайан Олдисс.

Мастер «золотого века» мировой фантастики — и один из немногих англичан, которых «считали за своих» американские фантасты.

Писатель, ТРИЖДЫ резко менявший творческий «стиль и почерк» — от добротной «традиционной» научной фантастики к «Новой волне», а после того как «Новая волна» «схлынула» — назад, к традиции.

Обладатель огромного количества премий и наград — от «Хьюго» и «Небьюлы» до итальянской «Кометы д'Ардженто» и французского «приза Жюль Верна».

Перед вами — одно из лучших творений Олдисса. «Космическая сага», сравнимая по масштабу, увлекательности и эпизму лишь с «Дюной» Фрэнка Герберта.

Сага о планете Гелликония, на которой каждый «великий год» — это время жизни сотен поколений. О планете, солнце которой снова и снова оборачивается вокруг более яркой звезды, неся с каждым оборотом коренные перемены климата и экологии.

Это мир, прописанный до мельчайшей детали — от военного искусства до дипломатии, от науки — до философии.

Добро пожаловать на Гелликонию!

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (4Вел)-44

© Brian Aldiss, 1983

© ООО «Издательство АСТ», 2003

Человек — всегда на удивленье симметричен,
Пропорции его — «сечение золотое»,
И с миром, что вокруг него лежит,
Давно он сжился преотлично.
Любая часть его — творенье выше всех похвал,
И так же в дружбе с головой его рука,
Как сам приятельство он водит
С Луною и приливами морей.

Так много ожидает Человека слуг,
Что не о всех он слышал и не всех он знает.
В любом пути, который соизволит он начать,
Они дадут ему и силы и поддержку,
Тем паче, коль недуг злой обуяет вдруг его,
Согнав окрас со щек и слабостью дурной наполнив тело.
Могучая Любовь! С ней наш герой, имея мир внутри себя,
Бессчетное число миров обрел в придачу
И помощь в них нашел.

Джордж Герберт, «Человек».

Глава I

БЕРЕГ БОРЛИЕНА

Волны накатывались на песчаную косу, отступали и набегали снова. Неподалеку от берега вздымалась из моря поросшая мхом скала. Сразу за ней вода меняла светлую голубизну отмели на темную синеву глубины. Давным-давно, в незапамятные времена, эта скала была частью могучего кряжа, но землетрясения и непогода разрушили его, источили и обломки сбросили в бухту.

У скалы было имя. Люди называли ее Линен. Это имя дало название бухте и ее окрестностям — Гравабагаалинен. Бескрайняя водная гладь, простирающаяся за скалой, называлась Орлиным морем. Вода у берега казалась мутной из-за мелких песчинок, которые волны, отступая, слизывали с пляжа. Извилистая полоска пены, оставленная ими, сразу же впитывалась жадным горячим песком.

У самой кромки прибоя стоял золотой трон, который принесли и заботливо установили четыре фагора. Накатывая и отступая, волны Орлиного моря играли с крошечными пальчиками нежно-розовых ножек королевы Борлиена.

Фагоры, с отпиленными, как положено, рогами, стояли неподвижно, словно статуи. Они смертельно боялись воды, но не смели проявить своих чувств; только едва заметное подрагивание ушей их выдавало. От дворца до моря было не меньше полумили; нечелы несли свою королевскую ношу весь этот путь, но, казалось, ни капельки не устали.

Жара, судя по всему, тоже ничуть их не беспокоила. Когда нагая королева поднялась с трона и неторопливо вошла в воду, они и к этому не проявили ни малейшего интереса.

За спинами фагоров два человека-раба под надзором королевского мажордома ставили легкий шатер. Выстлать пол шатра пестрыми ковриками мади мажордом должен был лично.

Пенные гребешки ласкали колени королевы МирдемИнгалы. «Королева королев», так называли ее борлиенские землепашцы. Вслед за матерью в воду вошла принцесса Татро, а за ней — и другие купальщицы.

Юная принцесса с визгом бросилась навстречу волне, подняв тучу брызг. В свои два года и три теннера она относилась к морю как к огромному, простоватому другу, всегда готовому с ней поиграть.

— Ух, мама, смотри, какая волна! Огромная, прямо до неба, настоящая гора! А вот еще одна! Ого, они все больше и больше! Все больше и больше, правда, ма? Смотри скорее, сейчас меня накроет с головой! Смотри, смотри, мама!

Рассеянно кивнув дочери, которая отчаянно сражалась с ласковыми и мирными волнами, королева устремила взгляд вдаль. С юга уже тянулись слоистые серо-зеленые облака — герольды приближающегося сезона дождей. Цвет океанской воды на глубине не был истинно голубым — в нем можно было различить лазурь и аквамарин, бирюзу и свежую зелень. Но ближе всего этот оттенок был к цвету камня в кольцо королевы, которое она носила не снимая, — камня настолько редкого, что за всю жизнь МирдемИнгала не встречала человека, который бы знал, где добывают такие. Порой королева с печалью думала о том, что и она сама, и все, кого она любит, — лишь песчинки в вечном круговороте жизни, такие же крошечные, как капелька этого камня по сравнению с бескрайностью океана.

Для Татро, еще вкушающей дары детства, каждая волна была отдельным событием, никак не связанным с тем, что унесло прошлое или готовит грядущее, просто волной, и не более, но в глазах королевы нескончаемая вереница волн слу-

жила олицетворением неустанной деятельности, неотъемлемого свойства не только океана, а вообще мира, его постоянной изменчивости. Размолвка с мужем, уходящие к горизонту армии и безжалостно нарастающая жара — все виделось ей частичками этого всеобъемлющего процесса. Ни от того, ни от другого, ни от третьего она не могла ни спрятаться, ни убежать, и бесполезно было пытаться. И прошлое и будущее этого мира смыкалось для нее в тревожном настоящем.

Махнув рукой Татро, она устремилась в объятия океана и, поблескивая кольцом на пальце, поплыла вперед. Прохладная вода нежно омывала ее тело; океан дарил ей свою силу, и она чувствовала, как с каждым мгновением нерешительность и печаль покидают ее. Линия бурунов далеко впереди отмечала границу бухты и океана, играющего могучими мышцами западного течения, которое отделяло жаркие земли Кампаннлата от прохладного Геспагората. За эту белую полосу МирдемИнггала заплывала очень редко и только тогда, когда «добрые друзья» соглашались сопровождать ее.

Сегодня они появились, едва она окунулась в волны — сладкий дух ее женственности притягивал их, как магнит железо, — и закружились рядом. Королева прислушивалась к музыкальному щебету, заменяющему им язык, и, хотя понимать его она до сих пор не научилась, ей показалось, что дельфины пытаются предупредить ее о какой-то угрозе, тающейся где-то поблизости.

МирдемИнггала легла на спину и закачалась на волнах, подставив свое нежное тело горячим лучам Беталикса. У нее была небольшая изящная грудь с темными сосками цвета корицы, мягкие губы и узкая талия. Она знала, что придворные стараются не упускать из виду свою королеву, но они делали это ненавязчиво и не тревожили ее одиночества. Несколько купальщиц доплыли до самой скалы Линен и забрались на нее, а другие уже вернулись на берег и нежились на песке. Они негромко переговаривались, и их голоса вплетались в монотонный рокот прибоя.

Здесь, на южной оконечности Борлиена, в древнем Гравабагалинен, населенном призрачной армией воинов, пав-

ших в незапамятные времена, МирдемИнггала оказалась по воле короля, который отправил ее в изгнание. Теперь эта узкая полоса побережья стала единственным владением опальной королевы, здесь она жила в ожидании развода — или же смерти. Далеко за холмами, окруженные вьом сияли белые с золотом стены дворца Грвабагалинен. На таком расстоянии он казался ярко раскрашенной игрушкой.

Фагоры стояли не двигаясь, словно выросли ногами в песок. Далеко в море белым треугольником замер неизвестный парус. Облака в небе не сдвинулись ни на дюйм и казались нарисованными. Только время было в движении. «Легкий» день клонился к закату. Выйти под свет сразу двух солнц в этих широтах не рискнуло бы ни одно живое существо. Едва легкий день начал угасать, облака вновь потекли по небу, а парус сместился к востоку, в направлении Оттассола.

К вечеру волны прибили к берегу труп. Только тогда королева поняла, что именно об этом пытались предупредить ее дельфины: в их свисте явно слышалось отвращение.

Труп обогнул скалу Линен, как будто еще обладал способностью сознательно выбирать направление, подплыл к берегу и закачался в маленькой заводи. Ко всему безразличный, мертвец лежал на воде лицом вниз. Его спина и плечи были исклеваны морскими птицами.

Сначала МирдемИнггала не поняла, что это такое, и решила подойти ближе, чтобы разглядеть получше. Одна из фрейлин опередила ее и теперь с ужасом смотрела на то, что издали показалось ей диковинной рыбиной. От соленой воды густые черные волосы мертвеца слиплись и торчали во все стороны, одна рука, очевидно сломанная, была прижата к горлу. Разложение уже зашло довольно далеко, и труп вздулся от газов. Крошечные креветки, которых всегда полным-полно возле берега, вовсю пировали, добравшись до лакомства сквозь разорванную штанину. Брезгливо вытянув ножку, фрейлина толкнула труп. Испустив облако воню, тело безвольно перевернулось лицом вверх.

Мелкие рыбы-прилипалы, деловито пожирающие глаза и слизистые части рта мертвеца, свисали, как бахрома, с

обезображенного лица. Они были настолько увлечены своим занятием, что даже солнечные лучи не заставили их оторваться.

Заслышав за спиной приближающийся топоток маленьких ножек, королева поспешно обернулась. Перехватив Татро, она повернула ее спиной к труп, поцеловала, улыбнулась и, приговаривая что-то ласковое, повела прочь от отвратительного зрелища. У шатра королева окликнула мажордома.

— СкафБар! Пусть рабы уберут его и закопают. Где-нибудь за старым земляным валом.

Старый слуга вышел из тени шатра, отряхивая песок со своего чарфрула.

— Будет исполнено, ваше величество.

Внезапно королеве пришло в голову, что от мертвеца можно избавиться более выгодным способом.

— Нет. Лучше отвези его в Оттассол, к одному человеку, имя которого я тебе назову, — приказала она мажордому, невозмутимо глядя ему прямо в глаза. — Он астролог, и иногда покупает тела усопших для научных целей. Кроме того, ты возьмешь с собой письмо, которое не предназначается астрологу. Имей в виду, что говорить ему, откуда взялся труп и кто тебя послал, нельзя ни в коем случае. Ты понял?

— Как зовут этого человека, которому я должен продать тело? — спросил королеву СкафБар, всем видом выражая покорность судьбе.

— Его зовут КараБансити. Упомянуть при нем мое имя я запрещаю. Он хитер, и репутация у него соответствующая.

Королеве, старательно скрывающей от слуги свою тревогу, конечно же, было невдомек, что не за горами то время, когда ее честь окажется в руках хитреца КараБансити.

Подвалы под деревянным дворцом чрезвычайно напоминали подземное гнездо медоносного шмеля. Часть этих каморок, соединенных извилистыми проходами, была заполнена ледяными блоками, выпиленными из ледника в далеком Геспагорате. После того как зашли оба солнца, СкафБар, взяв лампу, спустился в подвал. Мальчик-раб,

которого он взял с собой, испуганно держался за полу его чарфрула. За годы службы СкафБар здорово поднаторел в умении притворяться и превратился в узкогрудого, сутулого, пузатенького человечка, явно не блещущего умом. Никому не пришло бы в голову давать ему какие-то сложные поручения. Но, к сожалению, на сей раз этот образ не сработал. Дело, порученное ему королевой, было сложным и деликатным.

Спустившись в подвал, он надел кожаный фартук и перчатки, потом сбросил циновку, прикрывающую штабель ледяных брусков, и, отдав лампу мальчику-рабу, с помощью тяжелого топора отделил один из примерзших друг к другу брусков.

Прижав брусок обеими руками к груди, мажордом поднялся наверх и проследил, чтобы мальчишка тщательно запер подвал. Из темноты коридора навстречу им выскочили два огромных сторожевых пса. СкафБара и мальчика собаки знали и поэтому не стали поднимать шума. Кряхтя под тяжестью льда, мажордом толкнул боковую дверь и вышел во двор. Во дворе он прислушался и с удовлетворением услышал, что мальчик не забыл запереть за ним дверь изнутри. После этого СкафБар двинулся через двор к конюшням.

Путь ему освещали звезды да редкие вспышки далеких зарниц. Впрочем, отыскать дорогу не представляло труда и в полной темноте: запах вонючего навоза хоксни никому не дал бы сбиться с пути.

Конюший дожидался мажордома у входа, дрожа от страха: не было человека в Гравабагалинене, кто чувствовал бы себя ночью спокойно. Легенды об армиях мертвецов, с наступлением темноты поднимающихся из могил и разбредающих по городу в поисках людей своей октавы, были на удивление живучи.

— Все готово? — спросил СкафБар.

— Ага.

По приказу мажордома конюший еще засветло снарядил двух хоксни и установил им на спины дощатый помост с вместительной плетеной корзиной для перевозки продук-

тов. Крякнув, СкафБар свалил льдину в корзину, дно которой было предусмотрительно выстелено стружкой.

— Пошли, поможешь мне принести мертвеца. И не вздумай уронить его на меня, понял? Не вороти нос и держи как следует.

Труп лежал у стены в луже морской воды. Примерившись, они подняли мертвеца с пола, подтащили к упряжке и закинули в корзину. Потом закрыли крышку корзины и заперли на защелки.

— Холодный, как змея, — заметил конюший, вытирая руки о чарфрул.

— Мертвец он и есть мертвец — никому неохота с ним возиться, — отозвался СкафБар, снимая перчатки и фартук. — Нам еще повезло, что в Оттассоле подвернулся этот астролог.

Взяв правую хоксни под уздцы, он вывел упряжку из конюшни. Усатые стражники у ворот проводили его тревожными взглядами. Охранять королеву-изгнанницу король поставил самых старых и ненадежных солдат. СкафБару тоже было не по себе; он то и дело испуганно озирался и вздрагивал от любого шороха. Когда стены дворца остались далеко позади, он остановился, тяжело вздохнул и оглянулся.

Темная громада дворца выделялась на фоне усыпанного блестящими камешками неба неровной, извилистой линией, похожей на обтрепанный край куска полотна. Из всех окон горело только одно: в комнате с балконом, на котором можно было смутно различить одинокий силуэт женщины. СкафБар кивнул своим мыслям, потянул повод и зашагал по змеящейся вдоль берега дороге, которая довольно скоро должна была повернуть на восток, туда, где раскинулся город Оттассол.

Королева МирдемИнггала, как многие люди, была суеверна, и потому испугалась, что мертвец появился у берега, когда она купалась. Она видела в этом дурное предзнаменование, говорящее о близкой смерти.

Поцеловав на ночь принцессу ТатроманАдалу и пожелав ей спокойных снов, королева удалилась к себе, чтобы

помолиться Акханаба Всемогущему. Но в этот вечер молитва не принесла ей успокоения. Немилость супруга страшила королеву: МирдемИнггала понимала, что любовь, которую она снискала у подданных, теперь может стать причиной ее гибели. Единственной надеждой опальной королевы был некий молодой генерал, решительный и отважный; она послала ему несколько писем, но все остались без ответа. В этом не было ничего удивительного: шла Западная Война, генерал был далеко, и письма могли просто-напросто до него не дойти.

И королева решила попробовать найти защиту в другом месте. Ее супруг и посол Священной Панновальской Империи уже были в пути и в скором времени должны были прибыть в Оттассол; оттуда они отправятся сюда, на побережье, чтобы получить на грамоте, удостоверяющей развод, ее подпись. Королева с ужасом ждала этого дня.

Письмо, которое она отправила со СкафБаром, предназначалось лично послу, Эламу Эсомберу. В нем королева просила защиты от собственного мужа. В это беспокойное время солдаты короля имели право остановить и обыскать любого гонца, но сутулый человек, бредущий рядом с парой навьюченных хоксни, вряд ли у кого-то мог вызвать подозрения. И уж тем более никому не пришло бы в голову обыскивать труп, на котором было спрятано письмо.

Вообще-то свое письмо она адресовала не Эламу Эсомберу, а самому Святейшему Це'Сару. У Це'Сара были собственные причины недолюбливать короля Борлиена, и потому он вполне мог не отказать в покровительстве известной своей набожностью королеве.

Босая, она стояла на балконе и смотрела в ночь. Внезапно затея с письмом показалась ей смешной по сравнению с огненным адом, грозящим в недалеком будущем всему миру. Королева взглянула на север, туда, где горела в ночи комета ЯрапРомбри: для кого-то это был символ конца света, для кого-то — спасения. Где-то во тьме крикнула ночная птица. Когда крик затих, королева еще некоторое время прислушивалась к тишине так человек, уронивший в воду нож,

еще долго следит за тем, как он безвозвратно уходит в чистую прозрачную голубизну.

Убедившись, что мажордом отправился в путь, королева ушла с балкона и забралась на свое ложе под шелковым балдахином. Но сон упорно не шел к ней, и заснула она только под утро.

Пыльная дорога, а точнее сказать, просто выючная тропа, белела во тьме, словно полоска тумана. СкафБар с тревогой поглядывал по сторонам, и когда из темноты раздался приказ остановиться, чуть не помер от страха.

Остановивший его, судя по оружию и доспехам, был одним из людей короля ЯндолАнганолоа, поставленных проверять всех, кто хотел войти в Гравабагалинен или выйти оттуда. Стражник подозрительно приняхался, и СкафБар объяснил, что по приказу королевы везет в Оттассол продавать астрологу мертвеца.

— Неужто королева совсем обнищала? — бросил СкафБару стражник и, не дожидаясь ответа, взмахом руки разрешил проходить.

Вслушиваясь в тишину, прерываемую только мерным стуком копыт хоксни да поскрипыванием корзины, СкафБар неторопливо зашагал дальше. О побережье ходила дурная слава: Западной Войне, развязанной Борлиеном против Рандонана и Кейце, не было видно конца, и в таких глухих уголках кишмя кишели банды наемников, пробирающихся от одних хозяев к другим, дезертирами да королевскими стражниками, которые чаще всего были ничем не лучше ни тех, ни других.

Часа через два СкафБар свернул с тропы и остановил хоксни под раскидистым деревом. Теряясь во тьме, тропа, змеясь, уходила вперед, чтобы, как ручеек в полноводную реку, влиться в южную широкую дорогу, которая тянулась на запад от Оттассола до самого Рандонана.

Путь от Гравабагалинен до Оттассола, занимающий двадцать пять часов, вовсе не обязательно было проделывать пешком. Существовал способ и поудобнее.

Привязав хоксни к дереву, СкафБар забрался на толстый сук и принялся ждать. Он уже начал дремать, когда послышался скрип приближающейся повозки. СкафБар спрыгнул на землю и особым образом свистнул. Возчик ответил ему таким же свистом, и повозка лениво свернула к обочине.

Возчик по имени ФлоерКроу был старым приятелем СкафБара. Они родились и выросли в одной деревне. Летом малого года ФлоерКроу каждую неделю возил товары местных фермеров на рынок и, конечно, был не против оказать земляку услугу и прокатить его до Оттассола, тем более что СкафБар был готов поставить своих хоксни на перемену тяжеловозу. Он привязал хоксни к повозке Флоера и забрался на козлы рядом с приятелем. ФлоерКроу шелкнул кнутом, и повозка со скрипом покатила вперед.

ФлоерКроу основательно экипировался в дорогу. Несмотря на теплую ночь, на голове у него была фетровая шляпа, а на плечах — теплый плотный плащ. У правой руки пристроился меч в простых железных ножнах. Он вез в Оттассол четырех черных поросят, хурму, гвинг-гвинг и несколько корзин с овощами. Поросята беспомощно болтались в сетках, привязанных к бортам повозки. Покалякав с земляком о том о сем, СкафБар устроился поудобнее, откинулся на спинку козел, надвинул шапку на глаза и быстро уснул.

Его разбудила тряска: повозка запрыгала по иссушенным солнцем колеям. Заря, обещающая скорый восход Фреира, гасила звезды одну за другой. Утренний ветерок доносил запахи человеческого жилья.

Еще не рассеялась ночная тьма, а земледельцы уже спешили на свои поля. Молчаливые фигуры, движущиеся по обочинам дороги, были похожи на тени; инструменты, которые они несли на плечах, глухо постукивали в такт мерным шагам. Склоненные головы выдавали ту бесконечную усталость, которая владела этими людьми. Бескрайние лёссовые равнины тянулись от южной части тропического Кампанлата почти до границы с Олдорандо на север, а на восток — до реки Такисса, на которой стоял Оттассол. Жирный плодо-

родный чернозем усердно перекапывался в течение неисчислимого количества лет. Одно поколение возводило дамбы и насыпи, потом начиналась война, и восстанавливать их приходилось уже третьему поколению. Так продолжалось без конца. Лёсс давал урожай даже во времена ужасных засух, и только это спасало тех, чей удел был — выращивать пищу на этой грязи.

— Хопа, — сказал ФлоерКроу, указывая на деревню, которую дорога разрезала надвое.

Высокие насыпи укрывали поля от мародеров. Ворота в оградах, сорванные ветром во время последнего сезона муссонов, до сих пор не были отремонтированы. До рассвета было еще далеко, но ни одно окно уже не горело. Куры и гуси бродили у подножия земляной стены, пестрящей заплатами частых ремонтов и священными знаками, отгоняющими несчастья.

Одно только радовало глаз путника — мигающий огонек жаровни неподалеку от насыпи. Пожилому торговцу не было нужды надирать голос, зазывая покупателей: чудный запах свежих лепешек говорил сам за себя.

ФлоерКроу кнутовищем показал на торговца. СкафБар все понял без слов. Он сонно сполз с козел и отправился покупать себе и товарищу завтрак. С аппетитом съев свою порцию, ФлоерКроу перебрался в повозку и захрапел, а СкафБар поменял хоксни, взял вожжи в руки, и повозка покатила дальше.

Постепенно стал клониться к концу и этот день. После полудня на дороге стало оживленнее, да и окружающая местность изменилась. То есть сначала ее не стало вообще: дорога опустилась в глубокий каньон. А когда она вновь взобралась на дамбу, перед путниками предстала картина торжества цивилизации.

Равнина, усеянная согбенными фигурками, была ровной, как стол. Повсюду преобладали прямые линии. Поля и террасы были квадратными. Кормовые травы росли широкими прямыми полосами. Укрошенные реки были загнаны в каналы; и паруса лодок в этих каналах тоже были квадратными.

Война не война, жара не жара — а в последние годы солнца палили нещадно — на полях от темноты до темноты не прекращалась работа. Овощи, фрукты и вероник, который всегда был в цене, требовали постоянного ухода и внимания. Сколько бы солнц ни взбиралось на небо, одно ли, два ли, спины земледельцев не разгибались.

По сравнению с тусклым красным диском Беталикса, свет Фреира был безжалостно ярким. Люди, приезжающие из Олдорандо, привозили с собой ужасные вести о лесных пожарах, вспыхивающих мгновенно в те дни, когда Фреир особенно свирепствовал. В то, что скоро Фреир окончательно поглотит мир, верили, наверное, все, но несмотря на это, грядки пропалывались неукоснительно, а вода аккуратными струйками лилась под корни нежных ростков.

До Оттассола было уже рукой подать. Дорога снова спустилась в широкий желоб, стены которого вздымались не меньше чем на тридцать футов. В насыпях были прорезаны широкие квадратные дыры — для освещения. Это была деревня Мордек. Жилища были вырыты в земле, и с обочин дороги к ним вели деревянные лесенки. Крышами этих домов были поля.

СкафБар с приятелем напоили усталых хоксни, а потом спустились перекусить в таверну «Спелый флагон» — полутемную пещеру, где царила приятная прохлада. Поев, ФлоерКроу заметил, допивая вино:

— А он воняет, этот твой мертвец.

— Это старый мертвец. Волны долго носили его по морю, пока не прибили к берегу. Я думаю, этого парня пристукнули в Оттассоле и сбросили труп с набережной, чтобы скрыть это дело. К Гвабагалинен его принесло течением.

Расплатившись, они вернулись к повозке.

— Для королевы королев это дурной знак, точно тебе говорю, — сказал ФлоерКроу.

Они забрались на козлы и покатали вперед, спеша засветло проехать еще несколько миль, оставшихся до Оттассола.

— Уж если король ЯндолАнганол решил с кем-то покончить, он это сделает, помяни мое слово...

СкафБар был потрясен этим замечанием.

— Не может быть! Он любит королеву без памяти. Да и все ее любят. У нее много друзей.

Он вспомнил о письме и кивнул сам себе. Вот именно, влиятельных друзей.

— А вместо нее возьмет себе эту одиннадцатилетнюю мокрощелку.

— Ей одиннадцать лет и десять теннеров, — машинально поправил приятеля СкафБар.

— Один хрен. Вот уж ловчила.

— Это уж точно, — согласился СкафБар. — Одиннадцать с половиной лет, подумать только!

Он почмокал губами и многозначительно присвистнул. Друзья переглянулись и понимающе улыбнулись.

Поскрипывая, повозка катилась к Оттассолу, а следом за ней кралась сумерки.

Оттассол был великим городом-невидимкой. Во времена холодов равнина спасала его от морозов, а сейчас укрывала от палящего зноя. Это был подземный лабиринт, населенный людьми и фагорами. На поверхности от города не осталось ничего, разве что квадратные дыры для вентиляции и освещения. Под каждой дырой была площадь, окруженная фасадами домов, вырытых в толще земли.

В городе насчитывалось 695 тысяч жителей. Его план уже не могли бы составить и старожилы: благодаря плодородной почве, хорошему климату и удобному расположению порт Оттассол разросся очень быстро, обогнав даже столицу Борлиена, Матрассил. Многоэтажные подземные обиталища тянулись на многие мили, и только река Такисса сдерживала дальнейшее расширение города.

Подземные улицы были достаточно широкими, чтобы на них могли свободно разъехаться две повозки. Перегрузив корзину с мертвецом на своих хоксни, СкафБар расстался с ФлоерКроу у рынка на окраине и вдоль улицы. Ледяной брусок в корзине почти весь уже растаял. Прохожие морщили нос, проходя мимо, и провожали мажордома удивленными взглядами, но тот не обращал на это внимания.

— Мне нужен астролог, — спрашивал он встречающих. — Его зовут Бардол КараБансити. Не знаете, где его дом?

В конце концов ему было сказано, что ученый живет на Больничной площади.

Со ступеней многочисленных храмов тянули руки нищие. Их количество поражало — здесь были солдаты-инвалиды всяческих войн, калеки и прокаженные. СкафБар не удостоивал попрошайек даже взглядом. В клетках, висящих на каждом углу и на всех площадях, пели пекубы. У каждой птицы была своя песня, и благодаря этому слепые могли без труда ориентироваться на улицах города.

СкафБар добрался до Больничной площади, спустился на нее по нескольким широким ступеням и, еще раз спросив, где дом КараБансити, остановился перед дверью с выгравированным на ней именем астролога. У двери висел колокольчик, и он вежливо позвонил.

Дверь приоткрылась, и фагор в грубой одежде из мешковины взглянул на пришельца с молчаливым вопросом в недобрых глазах под кустами бровей.

— Я хочу видеть астролога.

По-прежнему молча, фагор отворил дверь шире.

Привязав хоксни к специальному столбику, СкафБар вошел в дом и оказался в комнате со сводчатым потолком. За широкой стойкой стоял второй фагор.

Первый фагор, который впустил СкафБара, двинулся по коридору, широкими плечами едва не задевая за стены. Отодвинув занавесь, он заглянул в гостиную. На диване у противоположной стены возились ученый и его супруга. Заметив фагора, они прервали свое занятие, которому предавались весьма увлеченно. КараБансити выслушал доклад слуги и вздохнул.

— О боги. Сейчас иду.

Он встал с дивана, приподнял чарфрул и подтянул штаны, потом опустил чарфрул и рассеянно разгладил его 'полы.

Жена запустила в него с дивана подушкой.

— Какой же ты пентюх, Бардол! Начал дело, так изволь закончить. Прикажи этому болвану убраться с глаз долой.

Тряся тяжелыми щеками, анатом покачал головой:

— К сожалению, дорогая, так устроен мир. Клиенты приходят и уходят независимо от моего желания, и с этим ничего не поделаешь. Я скоро вернусь, а ты пока согрей мне местечко.

Из тени коридора астролог некоторое время рассматривал посетителя, сам оставаясь невидимым. Бардол КараБансити был невысок, но кряжист, своей большой головой он смахивал на фагора и имел привычку выражаться витиевато. Свой чарфрул он подпоясывал крепким кожаным ремнем, на котором висел неизменный кинжал. С виду его можно было легко принять за мясника, но на самом деле он был широко известен как человек сведущий во многих науках и умелый лекарь.

СкафБар со своей сутулой спиной и торчащим пузом не произвел на астролога особого впечатления и потому, приняв суровый вид, он спокойно вышел к нему из тени коридора.

— Я к вам по делу, господин, — сказал, увидев его, СкафБар. — У меня есть мертвое тело на продажу, человеческое тело, господин.

Продолжая молчать, КараБансити сделал знак фагорам. Повинуясь безмолвному приказу, нечелы вышли за дверь, и вскоре мертвец СкафБара уже лежал на прилавке. К одежде покойного прилипла стружка и ледяная каша.

Астролог критически осмотрел товар.

— Гниловат. Где ты его откопал, приятель?

— Я выловил его из реки, господин. Когда рыбачил.

От газов труп настолько раздулся, что на нем уже начала лопаться одежда. КараБансити перевернул мертвеца на спину и вытащил из кармана его куртки небольшуюдохлую рыбу. Подняв бровь, он поглядел на СкафБара и бросил рыбу к его ногам.

— Это скаппер, рыба-прилипала, если тебе неизвестно. Вообще-то это не рыба, а морская личинка червя Вутры, но тебе, предпочитающему правде ложь, это, конечно же, неинтересно. Сейчас важно другое, а именно то, что личинка эта водится исключительно в море. В море, а не в пресной

воде, ясно? Теперь скажи, зачем ты мне солгал? Может быть, ты убил этого бедолагу? Я немного знаком с френологией, и череп у тебя совершенно бандитский.

— Хорошо, господин, если вам угодно, я выловил труп из моря. Мне тяжело об этом говорить, но несчастная королева, верным слугой которой я являюсь, не хотела, чтобы об этом стало известно.

КараБансити всмотрелся в лицо мажордома.

— Ты хочешь сказать, неуч, что служишь МирдемИнггале, королеве королев? Горько слышать, потому что эта дама заслуживает лучших лакеев и лучшей участи.

С этими словами анатом поглядел на дешевый лубочный портрет королевы, висящий в углу комнаты.

— С вашего позволения, я слуга королевы и служу ей верой и правдой. Какую цену вы могли бы дать за этот труп?

— Учитывая путь, который тебе пришлось проделать, — десять рун, не больше. Сейчас такие времена, что при необходимости я могу покупать себе материал хоть каждый день. И посвежее твоего.

— Мне велено было просить с вас пятьдесят рун, господин. Пятьдесят рун.

СкафБар суетливо потер ладони, изображая смущение.

— Странно, что ты со своим тухлым товаром явился в Оттассол именно сейчас, когда сюда вот-вот должны прибыть король и посланник Святейшего Це'Сарра. Уж не сам ли король тебя послал?

СкафБар развел руками и пожал плечами.

— Я только что привел своих хоксни из Гравабагаалинен, а короля, как известно, там нет. Заплатите мне хотя бы двадцать пять рун, господин, чтобы я мог немедленно отправиться в обратный путь.

— Ты еще и торгуешься, низкопоклонник! Неудивительно, что мир наш катится к гибели.

— Ну что ж, в таком случае, господин, я могу удовольствоваться двадцатью рунами. Двадцать — это очень скромная цена.

Анатом позвал одного из фагоров.

- Заплати ему, и пусть убирается.
- Школько я должен ему жаплатить?
- Десять рун.

СкафБар испустил придушенный крик.

— Черт с тобой, пятнадцать. За это ты, друг мой, передашь своей госпоже мои лучшие пожелания. Наилучшие пожелания от Бардола КараБансити.

Фагор сунул лапу в мешок у себя на поясе, вытащил кожаный кошель и протянул СкафБару три золотые монеты. Мажордом сгреб деньги с ороговелой трехпалой лапы и покинул дом анатома с видом угрюмым и оскорбленным.

Едва дверь за СкафБаром закрылась, астролог моментально преобразился: он оживился и прищелкнул пальцами, отдавая приказ фагору. Тот с видимой неохотой взвалил труп на плечи и понес его по темному мрачному проходу, из глубины которого сквозняк доносил странные запахи. КараБансити, который с одинаковым увлечением изучал как движение звезд, так и работу кишечника, оборудовал в своем жилище лаборатории на все случаи жизни.

Фагор принес труп в прозекторскую. Сквозь маленькие квадратики окошек, пробитых в толстенных стенах, пробивался скудный свет. При каждом шаге из-под ступней нечела прыскали тусклые лучики. Казалось, что, шагая, он давит ногами рассыпанные по полу алмазы; на самом деле это были осколки стекла, оставшиеся с тех времен, когда КараБансити занимался изготовлением линз.

На одной стене прозекторской были старательно нарисованы десять зодиакальных домов. На другой висели три распятые туши в различной степени препарирования — гигантская рыба, хоксни и фагор. На письменном столе были разбросаны листки с пометками и рисунками, сделанными цветной тушью: КараБансити трудился над сравнительным описанием внутренних органов этих существ.

Фагор распялил гравабагаалиненского мертвеца в анатомической раме и по знаку хозяина безмолвно удалился. Присутствие фагоров во время работы раздражало анатома, но в остальном он терпел их, потому что они обходились ему дешевле слуг-людей или рабов.

После недолгого поверхностного осмотра добычи ученый извлек из ножен кинжал и, не обращая внимания на трупный запах, начал срезать с мертвеца одежду.

Покойный был молодой человек лет двенадцати — двенадцати с половиной, самое большее — двенадцати лет и девяти теннеров от роду. Покрой его простой и грубой одежды был иноземным, а волосы пострижены так, как это принято у моряков.

— Ты не борлиенианец, мой друг, — сказал КараБансити трупу. — Таковую одежду носят в Геспагорате — а может, в Димариаме.

Раздев труп, он обнаружил на мертвеце нательный кожаный пояс, почти скрытый складкой распухшего живота. Быстрые пальцы анатома ловко расстегнули пряжку, и живот трупа немного осел. При этом стала видна рана, очевидно, и явившаяся причиной смерти. Натянув перчатки, КараБансити осторожно прощупал рану изнутри и наткнулся на что-то твердое. Это оказался изогнутый серый рог фагора. Вытащив рог, анатом с любопытством его осмотрел. Обоюдоострые рога фагоров были грозным оружием. Этот, судя по царапинам на нем, когда-то был насажен на рукоятку; она потерялась, скорее всего пока мертвеца носило по морю.

КараБансити взглянул на труп с новым интересом. Без сомнения, тут крылась какая-то тайна, а тайны всегда манили его.

Отложив рог, он взял в руки пояс. Кожа была превосходной выделки, но в остальном пояс ничем не отличался от других, и купить его владелец мог где угодно — например, в Осоилима. Там бойко шла торговля такими изделиями: обычно их покупали пилигримы, проходящие через этот город. Зато, перевернув пояс, КараБансити обнаружил с обратной стороны застегивающийся на пуговицу кармашек, из которого извлек на свет непонятный предмет.

Озадаченно нахмурившись, он положил его на свою шершавую ладонь и поднес к лампе. Ничего похожего до сей поры ему видеть не доводилось. Металл, из которого был изготовлен предмет, тоже оказался ему незнаком. И суевер-

ный страх сжал своими ледяными когтями его прагматичный разум.

Когда КараБансити, накачав из колонки воды, смывал с находки кровь и песок, в прозекторскую вошла его жена, Биндла.

— Ну и чем, скажи на милость, ты увлекся на сей раз? Сколько прикажешь тебя ждать? Ты же сам просил согреть для тебя местечко.

— Да, дорогая, конечно, но у меня появилось одно срочное дело.

Биндла была уже немолода, недавно ей минуло двадцать девять, и ее медные волосы уже начинали терять цвет; но она понимала свою зрелую красоту и умела ее преподнести. Поморщившись, она помахала рукой у лица.

— Какая вонь! Как только ты это терпишь? А я-то думала, ты опять засел за свои религиозные трактаты.

КараБансити неопределенно хмыкнул.

— Вонь мне интереснее.

— КараБансити, тебе нужно учиться мыслить здраво. Религия будет всегда, а вонь — раз, и нету.

— Вот и нет, золотко, вот и нет. Как раз наоборот — это религии приходят и уходят. А вонь будет сопровождать нас на пути в вечность и останется после нас.

— У тебя какой-то странный вид. Что-то случилось?

— Вот, взгляни сама.

Биндла подошла ближе и, увидев то, что ее муж держал на ладони, ахнула.

Искусно сплетенная из нитей неизвестного металла полоска, очень похожая на браслет, с двух сторон крепилась к диску величиной с большую золотую монету. На верхней части диска за щитком из прозрачного материала (но не стекла) горели три группы цифр.

06:16 5512:37 7319:20:14

Последние цифры в каждой группе изгибались и менялись прямо на глазах. КараБансити и его жена переглянулись в немом изумлении и снова уставились на цифры.

— Никогда в жизни такого не видела, — испуганным шепотом выдохнула Биндла. — Может, это какой-то талисман?

Как замороженные они не могли отвести глаз от диковинной вещицы. Черные цифры на желтом фоне продолжали мигать. КараБансити вслух прочитал их:

06:20 5513:00 7319:23:44

Приложив диск к уху, он прислушался, в надежде уловить в металлическом корпусе отзвук работы какого-нибудь механизма. Внезапно за его спиной ожили большие стальные ходики и, надсадно заскрипев внутренностями, пробили тринадцать раз. Эти часы, сложные и очень точные, КараБансити сделал своими руками несколько лет назад. Кроме обычного времени — иначе говоря, каждой из 100 секунд минуты, сорока минут часа, двадцати пяти часов дня, восьми дней недели, шести недель теннера и десяти теннеров года по 480 дней — часы в виде условных картинок показывали движение по небосклону Беталикса и Фреира, а также отмечали смену времен года.

Кроме этого, на циферблате часов КараБансити имелся годичный круг, разграфленный на 1825 малых лет Великого Года; стрелка указывала на 381 — текущий год по календарю Борлиена — Олдорандо.

Биндла тоже взяла послушать браслет и тоже ничего не услышала.

— Неужели эта штуковина — тоже часы?

— Вполне может быть. Средний ряд цифр показывает тринадцать часов, время Борлиена.

Биндла достаточно хорошо знала мужа. Сжав кулак, КараБансити, как мальчишка, покусывал костяшки пальцев, а это был верный знак, что он растерян и озадачен.

В верхней части диска имелся ряд крохотных бугорков. Биндла осторожно дотронулась до одного из них.

Цифры под прозрачным щитком мигнули и погасли, а вместо них загорелись другие:

6877 828 3269

(1177)

— Средняя цифра может означать год по древнему календарю. Но как, разрази меня гром, эта штука работает?

КараБансити снова нажал на тот же бугорок, что нажимала Биндла, и прежний ряд цифр вернулся на место. Положив браслет на скамью, он задумчиво посмотрел на него, но Биндла не дала ему размышлять долго: подхватив браслет, она быстро надела его себе на руку, очевидно, желая узнать, как тот будет на ней смотреться. Не успела она моргнуть глазом, как браслет сам собой затянулся по размеру ее пухлой ручки. Биндла взвизгнула от неожиданности.

Поморщившись, КараБансити прошел к полке с коротким рядом потрепанных книг. Пролистав старинный томик *in folio* под названием «Заветы РайниЛайана», он поставил его на место и вытащил из середины ряда «Календарные Таблицы Предсказателей и Астрологов». Проглядев несколько страниц, он принялся водить пальцем по какой-то таблице.

Хотя текущий год по календарю Борлиена — Олдорандо считался 381-м, такое летосчисление не было общепринятым. Другие народности, например иные, пользовались собственным календарем, который имелся в сравнительной таблице, найденной КараБансити; по нему текущий год был как раз 828-м. Этот календарь, известный как «Календарь Дэнниса», сегодня был прочно забыт, и если о нем вспоминали, то лишь в связи с оккультными обрядами и колдовством. Дэннисом звали легендарного короля, который, предположительно, правил Кампаннлатом в глубокой древности.

— Центральные цифры, без сомнения, обозначают местное время... — КараБансити снова принялся грызть костяшки пальцев. — Устройство непромокаемо, поскольку сохранило работоспособность после продолжительного пребывания в морской воде. В какой же стране могли создать такой шедевр механики? А может быть, его изготовили еще во времена короля Дэнниса...

Он взял запястье жены в свою руку, и они снова долго следили за миганием цифр. Происхождение предмета, по-

павшего в их руки, было чрезвычайно загадочным и скорее всего несло в себе какую-то мистическую тайну. Зато со стоимостью браслета все было предельно ясно: его цена наверняка была сказочно велика.

Кем бы ни был умелец, чье мастерство позволяло создавать такие вещи, он, безусловно, жил далеко за пределами беспокойного Борлиена, доведенного королем ЯндолАнганолом до крайнего обнищания. В портовом Оттассоле жизнь была еще сносной, за счет торговли с другими государствами, но в остальной части Борлиена, где правили бал засуха, голод и беззаконие, люди не жили, а лишь выживали. Обескровленной войнами и междоусобицами стране был нужен новый правитель и другая, вместо нынешней, погрязшей в коррупции, скритина. Вместе с тем ненавидеть короля ЯндолАнганола было невозможно: даже КараБансити, предаваясь постоянным размышлениям о судьбах родины, так и не сумел внушить себе это чувство, поскольку ради чего, как не во благо страны, Орел решил отвергнуть красавицу жену, королеву королев, и взять в жены несмышленное дитя, полумади, чтобы скрепить таким образом союз Борлиена и его извечного врага, Олдорандо? Король ЯндолАнганол был жесток и неукротим — но, как и любой из его подданных, повиновался ветрам неумолимых обстоятельств.

— Опять стоит мечтает! — прикрикнула на мужа Биндла. — Не видишь — этот браслет вот-вот раздавит мне руку. Сейчас же сними его!

Глава II

ПРИБЫТИЕ ВО ДВОРЕЦ

Перемены, которых так боялась королева, приближались с безжалостной быстротой. Король ЯндолАнганол направлялся в Гравабагаалинен с твердым намерением получить от нее согласие на развод.

Начав свое путешествие из столицы Борлиена, Матрассила, он должен был спуститься по реке Такисса до Оттассола, а оттуда ему оставался уже совсем короткий переход морем вдоль побережья до бухты Гравабагагинен. Прибыв, король при свидетелях представит ей грамоту Святейшего Це'Сарра о разводе, она ее подпишет, после чего они расстанутся, скорее всего навсегда.

Таков был план короля, и он, невзирая на все преграды, добивался его осуществления. Под звуки труб королевская карета проехала по кривым улочкам Матрассила и остановилась у пристани. В карете вместе с королем был рунт Юлий, молодой ручной фагор, обычный спутник ЯндолАнганоло. В преддверии путешествия по ненавистой ему воде Юлий был неспокоен, не мог усидеть на месте и все время крутился на мягком кожаном сиденье. Сквозь его белый взрослый мех еще проглядывал коричневый детский подшерсток.

Король вышел из кареты, и капитан корабля отдал ему честь.

— Отчаливай сразу же, нет времени ждать, — коротко бросил ЯндолАнганол капитану.

Пять теннеров назад с этой же пристани отплывала в изгнание королева. На почтительном расстоянии от причала теснились горожане, не желающие упустить случай поглазеть на короля. Мэр города церемонно пожелал своему монарху доброго пути. Со стороны зевак слышались жалкие приветственные выкрики, не идущие ни в какое сравнение с тем восторженным ревом, которым толпа провожала королеву МирдемИнгалу.

Король поднялся на борт. Гребцы дружно навалились на весла, разворачивая корабль, и паруса наполнились свежим ветром.

Стоя у борта, король смотрел на мэра и его советников. Выражение их лиц трудно было назвать радостным. Мэр изо всех сил старался изобразить преданность и покорность, но король знал, что он с трудом скрывает ярость. Монарх выбрал крайне неподходящее время, чтобы покинуть капилию. Пользуясь тем, что главные силы Борлиена были

связаны непрерывными военными действиями на границе с Рандонаном, коварные дикари Мордриата готовили кровавые вылазки на северо-западе, угрожая столице.

Король не мог не признать, что у мэра есть все основания злиться. Донесения, приходящие с высоких плато Мордриата, свидетельствовали о том, что безжалостный военачальник Ундрейд Молот накопил большие силы и вновь проявляет активность. Чтобы повысить боевой дух солдат, было принято решение назначить командующим Борлиенской Северной Армии сына короля, РобайдайАнганол, но в день, когда король официально объявил о своем разводе, РобайдайАнганол бесследно исчез, сбежал.

— Вот и верь после этого детям... — горько сказал ЯндолАнганол налетающему ветру. По сути дела, в том, что ему пришлось сесть на корабль и отправиться в путь без промедления, виноват был не кто иной, как его сын.

Когда лиц стоящих на пристани людей стало уже нельзя рассмотреть, король, не дожидаясь, пока из-за горизонта появится ослепительно голубой диск Фреира, удалился в свои покои.

Шелковый королевский шатер был раскинут на корме корабля. Почти все три дня плавания король провел там, иногда пребывая в одиночестве, иногда в обществе приближенных. В нескольких футах под походным шатром короля, на нижней палубе, сидели за веслами полуголые рабы, в основном пленные рандонанианцы, готовые, как только спадет ветер, прийти на помощь слабеющим парусам. Острый запах пота поднимался с нижней палубы и, смешиваясь с запахами дерева, дегтя и пеньки, достигал королевских ноздрей.

— В Осоилима сделаем остановку, — объявил король.

Город Осоилима, раскинувшийся на берегу реки, был знаменитым местом паломничества. Король желал посетить святые места и подвергнуть себя бичеванию. Как человек глубоко верующий, он, предвидя грядущие испытания, хотел снискать благословение Акханабы Всемогущего.

ЯндолАнганол был крупным мужчиной, с угрожающим выражением на угрюмом лице. В двадцать пять с неболь-

шим лет он был еще молод, но лоб его был изрезан морщинами: от этого он казался наделенным мудростью, которой, как говорили злые языки, на самом деле не обладал.

Голову он всегда держал высоко, как подобает истинному правителю. Его величавая осанка, словно бы олицетворяющая собой нестигаемость нации, неизменно привлекала к нему внимание. У ЯндолАнганол были широкие черные брови вразлет, аккуратно подстриженные борода и усы почти полностью скрывали чувственный рот. Из-за крючкова-того носа и темных глаз, в которых бушевал неукротимый огонь, король заслужил себе прозвище Борлиенский Орел.

Впрочем, те, кто удостоился чести узнать короля ближе, нередко заявляли, что знаменитый Орел большую часть времени сидит в клетке, ключ от которой надежно хранится у королевы королев. Король ЯндолАнганол был одержим кхми-ром, иначе говоря, приступами неукротимой похоти — но в жарких странах это не в диковинку.

Привычка по-орлиному внезапно поворачивать голову, оставаясь в остальном неподвижным, выдавала в нем натуру, постоянно терзаемую страхом сделать неверный шаг.

Церемония с королевским участием в Осоилима была скромной и краткой. Накинув на плечи плащ, сквозь который тут же проступила кровь, король вернулся на свой корабль, и тот сразу же отчалил, чтобы продолжить путешествие.

В кильватере королевского корабля шло второе судно, бывшая баржа-скотовоз: она везла королевских гвардейцев, лучших из лучших — Первый Полк Фагорской Стражи. Когда через три дня корабль вошел в бухту Оттассола, баржа держалась рядом, прикрывая его с правого борта.

Флаги на пристани были приветственно приспущены. На набережной волновалась толпа, явившаяся лицезреть короля. Кое-где среди флагов можно было увидеть лозунги Непреклонных: «Когда геенна огненная близка и океаны горят, выбор прост — или жизнь с Акха, или вечный огненный ад Фрейра». Умело используя атмосферу всеобщего страха, церковь торопливо заманивала в свои ряды испуганных грешников.

Промаршировав между складами и развернувшись на набережной, оркестр заиграл вариации на темы королевских гимнов. Когда ЯндолАнганол появился на трапе, в толпе раздались аплодисменты — правда, весьма сдержанные.

Встречать короля вышли члены городской скритины и почтенные горожане. Любовь короля к стремительности была хорошо известна всем, и потому приветственные речи были короткими.

Кратким было и его ответное слово.

— Я рад видеть Оттассол, главный порт страны, богатеющим и процветающим. К сожалению, не смогу задержаться здесь надолго. Серьезные дела, о сути которых вы, без сомнения, осведомлены, требуют моего присутствия в других местах. Я твердо намерен освободить себя от супружеских уз, связывающих меня с нынешней королевой МирдемИнггалой, для чего мною была получена грамота о разрешении на бракоразводный процесс, подписанная лично Великим Це'Сарром Киландром IX, Главой Священной Панновальской Империи и Верховным Отцом Церкви Акханаба, чьими покорными слугами мы все являемся. Представив при назначенных Святейшим Це'Сарром свидетелях грамоту королеве и отправив потом эту грамоту с подписью королевы обратно Святейшему, я, по получении им сей грамоты, смогу считать себя свободным от обязательств и взять в жены совершеннолетнюю дочь королевского дома Олдорандо, Симоду Тал. Этот брак скрепит союз нашей страны и Олдорандо, союз давних друзей и равноправных членов Священной Империи. Объединившись, мы разобьем наших общих врагов и поднимем знамя нашего могущества на высоту славных подвигами времен наших отцов и дедов.

Ответом были жидкие хлопки и нестройные выкрики. Основная часть толпы с увлечением следила, как высаживается на берег фагорская гвардия.

Готовясь явиться населению Оттассола, король решил отказаться от кидранта и обычной своей одежды в полувойском стиле. Вместо этого он надел черную с желтым безрукавку, выгодно открывающую его мускулистые руки, желтые шел-

ковые лосины и сапоги с отворотами из матовой кожи. Единственным оружием на нем был короткий меч в ножнах на поясе. Темные волосы короля были оплетены вокруг золотого обруча — священного круга Акханаба, милостью которого он правил своим королевством. Завершив ответное слово, он спокойно рассматривал вышедших приветствовать его избранных народа.

Избранники в нерешительности переминались с ноги на ногу. Возможно, они ожидали от него каких-то более конкретных заявлений. Портовый Оттассол был влюблен в королеву МирдемИнгалу не меньше столичного Матрассила. Быстро оглянувшись на свою свиту, ЯндолАнганол сошел на берег.

Набережной, по сути дела, не было, ее заменяла насыпь из вездесущего здесь лёсса, с проложенной в честь короля желтой тканой дорожкой. Даже не ступив на нее, король напрямик прошел к ожидающей его карете. Слуга закрыл дверцу, кучер стегнул хоксни, и карета, миновав арку главных городских ворот, углубилась в лабиринт городских улиц. Фагорская гвардия неотступно следовала за своим главнокомандующим.

Король, у которого в жизни было много предметов для ненависти, среди прочего ненавидел и свой дворец в Оттассоле. Его мрачное расположение духа не развеялось даже оттого, что на пороге дворца его встретил сам королевский викарий — женоподобный и невозмутимый АбстрогаЗенат.

— Да благословит вас Великий Акханаба, государь. Мы рады лицезреть среди нас ваше величество в столь трудное время, когда из Рандонана, от Второй Армии, без перерыва идут худые вести.

— О делах военных я привык говорить с военными, — коротко бросил в ответ король и прошествовал в приемную зала.

Во дворце всегда, даже в самую страшную жару на поверхности, царила прохлада, но его подземное расположение короля угнетало. Это напоминало ему о двух годах, которые в детстве он провел в Панновале в качестве мальчика-служки.

Его отец, ВарпалАнганол, в свое время значительно расширил оттассольский дворец. Надеясь, что сыну понравится результат, он спросил его мнение о новом дворце.

— Холодно, громоздко и непродуманно, — был ответ принца ЯндолАнганола.

Королю ВарпалАнганолу, всегда далекому от премудростей военного искусства, было невдомек, что подземное сооружение с точки зрения обороны значительно уязвимее, чем расположенное на поверхности.

День, когда оттассольский дворец подвергся нападению заговорщиков, ЯндолАнганол помнил очень живо, несмотря на то что в ту далекую пору ему едва минуло три года. Он фехтовал деревянным мечом в одном из подземных залов, воображая себя героем из сказок, и внезапно гладкая лёссовая стена зала начала рушиться прямо у него на глазах. В образовавшуюся дыру в зал один за другим ворвались десятка полтора вооруженных людей. Каким-то образом бунтовщикам удалось прорыть подземный ход и сохранить это в тайне. До сих пор, вспоминая, что прежде чем наброситься на неприятеля со своим игрушечным мечом, он закричал от страха, король ЯндолАнганол испытывал стыд и досаду.

По счастливому стечению обстоятельств в соседнем зале как раз происходила смена караула, и моментально прибежавшие на шум королевские стражники вступили в бой с бунтовщиками. После короткой и яростной схватки нападающие были перебиты. Сооруженный ими подземный ход через несколько лет был искусно включен в ансамбль дворца, а бунт ВарпалАнганол в конце концов подавил, хотя и без должной энергии и суровости.

Сейчас старик-король был заточен в крепости Матрасила, а коридоры дворца в Оттассоле охранялись людьми и фагорами. Шагая по извилистым дворцовым переходам, король впивался цепким орлиным взором в неподвижные молчаливые фигуры; ни один из стражников, заведя короля, не смел даже моргнуть: в припадке ярости король мог убить на месте того, кто показался ему нерадивым.

Новость о том, что король сильно не в духе, мгновенно облетела дворец. Решено было устроить увеселения, чтобы

развлечь монарха. Первым делом король приказал привести гонцов и потребовал отчета о положении на западном фронте.

— Ударный отряд Второй Армии, продвигавшийся через Чвартскую Возвышенность с намерением захватить рандонанский город-порт Пурис, попал в засаду и был атакован превосходящими силами противника. Бой шел до наступления ночи, под покровом которой уцелевшие отступили, чтобы предупредить основные силы. Один из раненых был послан передать донесение о происшедшем по семафору Южной оттассольской дороги.

— Что слышно от генерала ТолрамКетинета?

— По-прежнему не утихают бои, государь, — ответил гонец.

Выслушав эти дурные вести, ЯндолАнганол молча спустился в королевскую часовню — для молитвы и бичевания. В таких случаях кнутом обычно орудовал АбстрогАзенат, благодаря его умению и без того суровая процедура превращалась в утонченное истязание.

Положение борлиенских армий, находящихся почти в трех тысячах миль от дворца, мало волновало придворных, более озабоченных тем, чтобы разлив королевской желчи не испортил вечерних увеселительных игрищ. Таким образом, добровольное истязание ЯндолАнганола было на руку всем.

К королевской часовне вела винтовая лестница. Вырытое в глинах, залегающих под поверхностным плодородным слоем лёсса, место поклонения, угнетающее и тесное, было устроено в панновальском духе. Стены, до высоты пояса выложенные камнем, выше были покрыты ровными строками изречений из священных писаний. Сочающаяся из стен вода стекала вниз миниатюрными водопадами. За мутными стеклами горели масляные светильники. Под тихую мрачную музыку королевский викарий достал свою плетку-девятихвостку из-за алтаря с Колесом Акханаба, состоящим из двух кругов, внутреннего и внешнего, соединенных парой извилистых спиц. Висящий позади алтаря шитый золотом и

пурпуром гобелен изображал череду достославных противоречий Великого Акханаба: «два-в-одном», зверь и бог, дитя и чудовище, преходящий и вечный, милосердие и жестокость. Встав перед алтарем, король всмотрелся в звериный лик бога. Его вера во Всемогущего была совершенно искренней. Всю жизнь, с юных лет служения в панновальском монастыре, религия вела его и направляла. Она же помогала ему править страной: именно религия держала в повиновении и знать, и простолюдинов.

Не что иное, как та же общая вера в Акханаба, объединяла Борлиен, Панновал и Олдорандо в зыбкий союз. Без Акханаба мир превратился бы в хаос, где темные силы без помех вершили бы свое злодейское дело.

АбстрогАзенат жестом приказал королю преклонить колени и прочитал над ним короткую молитву:

— Мы стали перед Тобой, о Акханаба, чтобы молить тебя о прощении и пролить кровь искупления. Среди нас, грешных, только Ты, о Великий Целитель, можешь посылать боль, и Ты, Всемогущий, вправе отнимать силу. Ты ведешь нас волей своей по узкой дороге меж Льдом и Пламенем, чтобы смогли мы познать тщету своего бытия тут, на Гелликонии, и узреть уже пройденное Тобой во имя наше — вечные муки Жара Огненного и Мороза Жгучего. Прими же эти страдания, о Великий Господи, как мы пытаемся принять Твои.

Плеть со свистом опустилась на королевские плечи. Тонкий и женоподобный АбстрогАзенат был крепок мускулами и прилежен во всем, что касалось претворения воли Акханаба.

За молитвой и покаянием последовало церемониальное омовение; после него король счел возможным снизойти до утех мирских.

На смену плети пришло кружение юбок в безудержном танце. Толстые музыканты наигрывали веселые плясовые. Король позволил себе улыбку; он опустил ее на лицо, словно забрало, вспомнив, что еще совсем недавно эти залы были осенены присутствием королевы МирдемИнгаллы.

Стены дворцового зала были украшены цветами, источающими сладкий, душистый аромат. На столах высились груды фруктов и теснились кувшины с черным вином. Крестьяне могли умирать от голода, но во дворце не должно было быть ни в чем недостатка.

Взяв кубок с черным вином, король собственноручно разбавил вино фруктовым соком и бросил в кубок горсть колотого лордриардрийского льда. Пригубив вино, он без всякого выражения уставился на танцовщиц, очевидно, не замечая их. Осторожные придворные предусмотрительно старались держаться поодаль. К королю были посланы ласковые и умелые наложницы, но он тут же прогнал их прочь.

Перед отъездом из Матрассила король лишил должности своего Главного Советника. Новый Главный Советник, взятый пока только на пробу, сейчас крутился где-то позади трона. Он еще не пришел в себя после столь неожиданного назначения, и от этого держался одновременно заискивающе и вызывающе. Он все надеялся, что король заведет разговор о деталях предстоящего плавания в Гравабагаалинен, и наконец, не выдержав, предпринял попытку сам начать такой разговор, но король тут же прогнал и его.

Задерживаться надолго в Оттассоле король не собирался. Дождавшись посланника Це'Сарра, он намеревался сразу же отправиться вместе с ним в Гравабагаалинен. А после того, как королева поставит свою подпись на грамоте, планировал скорым маршем добраться до Олдорандо; там, вступив в законный брак с принцессой Симодой Тал, он наконец завершит всю эту мучительную рокировку. Заручившись поддержкой Олдорандо и Панновала, он разделается со своими врагами и установит наконец в границах своей страны желаемый мир. После этого сам он предается государственным делам и часто будет в отъезде, а принцесса Симода Тал станет спокойно жить во дворце в Матрассиле, поскольку особых причин для частых встреч с этой девочкой король пока что не видел. Таким был его план, и он твердо намеревался его выполнить.

Король поискал глазами посланника Це'Сарра, Элама Эсомбера. Первый раз они встретились, когда юный Ян-

долАнганол служил в панновальском монастыре, там же подружился и оставались друзьями по сию пору. Элам Эсомбер, теперь важный сановник, должен был стать свидетелем подписания королевой бракоразводной грамоты, чего требовали законы, установленные Церковью. Подписанная грамота должна была быть доставлена Киландру XI, и только тогда брак мог считаться законно расторгнутым. Король был рад, что такое деликатное дело поручили Эсомберу, его доброму другу, который, конечно же, во всем будет на его стороне.

Однако среди придворных Эсомбера не оказалось: он еще был в своих покоях. Обстоятельства, задержавшие его там, были воплощены в низеньком сутулом человечке в заляпанной дорожной одежде, туго обтягивающей его торчащее пузо. Он осмелился утверждать, что у него есть к посланнику неотложное дело.

— Насколько я понимаю, ты не от моего портного?

Рассыпавшись в извинениях, сутулый человечек подтвердил, что послал его действительно не портной, и достал из внутреннего кармана куртки письмо. С выражением глубочайшего почтения человечек протянул письмо посланнику. Неторопливым изящным движением Элам Эсомбер распечатал конверт.

— Нижайше прошу прощения, господин посланник, но, насколько мне известно, это письмо предназначено только для глаз его святейшества Це'Сарра, лично. Еще раз прошу прощения.

— С твоего позволения я являюсь полномочным представителем Це'Сарра в Борлиене, — ровным голосом ответил посланник.

Пробежав глазами письмо, он кивнул и достал из кармана серебряную монету.

С поклоном взяв деньги, человечек ретировался, бормоча что-то себе под нос. Выбравшись из подземного дворца, СкафБар отвязал своих хоксни и пустился в обратный путь в Гравабагалинен, спеша доложить королеве о том, что ее поручение выполнено успешно.

После его ухода посланник некоторое время стоял в задумчивости, улыбаясь своим мыслям и почесывая кончик носа. Элам Эсомбер, мужчина двадцати четырех с половиной лет, худощавый, но представительный, был облачен в длинный, до пят, кидрант, полы которого при ходьбе волочились по полу.

Размышляя, он задумчиво покачивал письмо, удерживая его за уголок, и рассматривал медальон с портретом королевы МирдемИнггалы, который она подарила ему собственноручно. Миссия в Грвабагалинен с самого начала казалась ему любопытным приключением, и он не собирался скучать ни в пути, ни по приезде на место. Письмо позволяло взглянуть на ситуацию в несколько ином свете, из чего он, посланник, мог извлечь немалые выгоды, как общеполитические, так и для себя лично.

Едва корабль ЯндолАнганола пришвартовался к причалу, на площади перед королевским дворцом собралась толпа горожан в надежде пожаловаться на свои беды лично монарху. Согласно закону, все прошения королю должны были подаваться через скритину, но древняя традиция бросаться в ноги правителю умирать не желала. ЯндолАнганол, который всегда предпочитал дело праздности, согласился принять просителей в соседнем небольшом зале. Ручной рунт устроился на скамеечке рядом с хозяином, чтобы тот, опуская руку, мог время от времени поглаживать его по большелобой голове.

Вслушав двух горожан, король приказал впустить третьего, коим оказался уже знакомый нам Бардол КараБансити, анатом и астролог, по торжественному случаю надевший поверх обычного чарфрула короткий вышитый плащ. Увидев солидного горожанина, приближающегося к трону уверенной походкой, король поднял бровь, а когда тот цветисто поклонился, нахмурился.

— Имя этого человека — КараБансити, государь, — шепотом доложил королю Главный Советник, стоящий по левую руку от трона. — Он известный астролог и анатом и

некоторые из его трудов по описанию движений светил и внутреннего устройства живых существ имеются во дворцовой библиотеке.

Кивнув, король проговорил, обращаясь к астрологу:

— Да, я помню тебя. Ты был дружен с моим бывшим Главным Советником, СарториИвррашем.

Налитые кровью глаза КараБансити мигнули.

— Смею надеяться, ваше величество, что СарториИврраш по сию пору пребывает в добром здравии, несмотря на то что теперь к его титулу Главного Советника добавилось слово «бывший».

— Он сбежал в Сиборнел, так что не знаю, в каком здравии он там сейчас пребывает. Так что ты хочешь от меня?

— Для начала, ваше величество, я хотел бы попросить стул, поскольку ноги мои невыносимо болят от долгого стояния.

Некоторое время монарх и анатом молча изучали друг друга. Наконец король жестом велел пажу поставить для астролога стул. КараБансити неторопливо уселся и заговорил:

— Поводом для просьбы об аудиенции у вашего величества явилась странная находка — на мой взгляд, бесценная, — которую я, зная репутацию вашего величества как человека сведущего в науках и наукам покровительствующего, решил представить вам.

— В науках я несведущ, но достаточно неглуп, чтобы к лести относиться с презрением. Как король Борлиена, большую часть внимания я уделяю политике.

— Разумный человек старается черпать знания из всех доступных источников, поскольку в знании — сила. Я смогу сломать человеку руку быстрее, если буду знать, каким образом устроен его локтевой сустав.

Король рассмеялся. Его смех был глухим и хриплым. С улыбкой он наклонился к анатому.

— Что значит твоя ученость против неумолимого зноя Фреира? В последнее время мне кажется, что даже Всемогущий Акханаба отступает перед яростью нашего солнца.

КараБансити скромно опустил глаза.

— Я не слишком осведомлен о возможностях Всемогущего, ваше величество, поскольку он не удостоивает меня ни своим вниманием, ни беседой. На прошлой неделе какие-то простонародные мудрецы нацарапали ругательное слово «безбожник» на двери моего дома. С тех пор я проживаю под этой табличкой.

— Тогда тебе стоит подумать о спасении души своей. — Король произнес это без вызова, с интонацией дружеского совета. — Но, астролог, что ты, как человек, знающий толк в небесных явлениях, можешь сказать о несносной жаре, терзающей нашу землю? Говорят, что эти мучения ниспосланы роду людскому за прегрешения, — каково твое мнение? Сгорим ли мы все заживо в пламени Фреира? Что ты знаешь о комете, которая раз за разом появляется в северной части неба и которую простолюдины считают предвестницей конца света?

— Ваше величество, эта комета, носящая название Ярап-Ромбри, предвестница не гибели, а надежды. Я сейчас же мог бы привести доказательства своему утверждению, почерпнутые мной из астрономических наблюдений, но боюсь утомить ваше величество перечислением сухих фактов. Название комете было дано в честь древнего мудреца — картографа и астронома ЯрапРомбри Кевассиненского. Он первым вычертил карту земного шара, поставив в центр ее Оттаасаал, как в ту пору наш город назывался, и описал поведение кометы. С тех пор минуло 1825 малых лет — то есть один великий год. Возвращение кометы, на мой взгляд, доказывает лишь, что так же, как и она, мы вращаемся вокруг Фреира, и поскольку до сих пор жизнь Гелликонии счастливо продолжалась, то и теперь нам не грозит ничего, кроме небольшой горячей бани!

Король задумался.

— Примерно то же самое говорил мне и СарториИрваш. Но ваши слова — это слова ученых, а я хочу получить ответ сердца верующего.

КараБансити погрыз костяшки пальцев.

— А что говорит на этот счет Священная Панновальская Империя, осмелюсь я спросить? Толкуя небесные явления исключительно как очередной гнев Акха и трепеща перед ним, Церковь видит в появлении кометы лишь удобный повод устроить народы. В умах церковников появление кометы почему-то неизменно связывается с необходимостью объявить очередной святой поход против фагоров, и за полное истребление этих лишенных души созданий обещается немедленное улучшение климата. Однако в годы всеобщего оледенения Церковь тоже во всем винила безбожных фагоров. В этих заявлениях недостает одного — логики, впрочем, как и во всем, что сопряжено с религией.

— Осторожнее, анатом. В Борлиене Церковь — это я.

— В таком случае прошу прощения, ваше величество. Если мои слова показались вам оскорбительными, вы вольны прогнать меня, так же как недавно прогнали Сартори-Ивраша.

— Твой друг, которого ты не устаешь вспоминать, тоже стоял за повсеместное истребление фагоров.

— Государь, и я придерживаюсь того же мнения, хотя и использую фагоров в качестве слуг. Если вы позволите мне произнести еще одно слово правды, то я скажу, что ваше расположение к фагорам тревожит меня. Однако я, отдавая свой голос за тех, кто желает истребить нечелов, поступаю так не по религиозным мотивам, а просто потому, что считаю фагоров извечными врагами человечества.

Борлиенский Орел хлопнул ладонью по подлокотнику трона. Главный Советник подскочил от неожиданности.

— Все — больше я не желаю слышать твоих лукавых речей! Я прикажу выкинуть тебя из дворца, ты, дерзкий богохульник!

КараБансити с достоинством поклонился.

— Хорошо, государь! Власть лишает людей слуха, и они перестают слышать голос разума. Не я, а вы сами, ваше величество, назвали себя несведущим. К сожалению, вероятность того, что эта ситуация когда-то исправится, крайне мала — тот, кто пугается одного лишь внешнего вида пред-

мета, никогда не сможет проникнуть в его суть. Что ж, ваше величество, видно, такова уж ваша судьба.

Король поднялся. Советник попятился и прижался спиной к стене. КараБансити тоже встал и теперь стоял молча, побелев как мел. Он перешел все дозволенные границы и сам знал об этом.

Однако тяжелая длань ЯндолАнганола остановилась на дрожащем советнике.

— Взгляни на эту трусливую душонку, анатом. У меня нет более сил иметь дело с такими людьми. Мой советник немощен духом, так стань же ты на его место и просвети меня учеными речами, хотя в том, что они окажутся настолько же невыносимо витиеватыми, как и моего бывшего Главного Советника, твоего друга, я нисколько не сомневаюсь. После того как я возьму в жены дочь короля Олдорандо Сайрена Станда, узы, связывающие мое королевство со Священной Панновальской Империей, значительно укрепятся, что, без сомнения, будет Борлиену только на пользу. Однако я знаю, что, как только это случится, со стороны Святейшего Це'Сарра на меня тут же будет оказано давление. Он потребует немедленно известить в Борлиене всех фагоров, как когда-то это было сделано в Панновале. Скажу прямо: в Борлиене мало солдат, и мы не имеем права так просто разбрасываться фагорами. Скажи, анатом, сумеешь ли ты, ученый человек, помочь мне так составить ответное письмо, чтобы убедить Це'Сарра?

— Хм. — КараБансити закусил губу. — В Панновале и Олдорандо всегда ненавидели фагоров, в то время как в Борлиене к ним относились терпимо. Но наша страна никогда не лежала на пути их миграций, в основном они проходят через Олдорандо. Святым отцам потребуется найти для раздувания старой войны новый предлог... Думаю, я сумею вооружить вас научными доводами в споре с Церковью, государь. Прошу простить меня, но Панновал всегда отличался невежеством.

— Тогда говори, а я и мой умный рунт будем тебя слушать.

— То, что я скажу, государь, вы, без сомнения, поймете. В том, поймет ли это ваш рунт, я глубоко сомневаюсь. Уверен, что вам известен древний манускрипт, называющийся «Заветы РайниЛайана». Он высоко ценится среди историков. В этой древней книге мы встречаем жизнеописание одной святой дамы, госпожи ВрайДен, супруги премудрого РайниЛайана. Госпожа ВрайДен известна тем, что сумела разгадать некоторые тайны небесной обители, где, по ее мнению, и я с ней согласен, обитают силы исключительно добра и истины, а никак не зла. Госпожа ВрайДен погибла во время великого пожара, поглотившего Олдорандо в году 26-м. Событие сие случилось три тысячи и пятьдесят пять лет назад — иначе говоря, около пятнадцати поколений назад, поскольку мы живем теперь дольше, чем жили тогда. Святая Церковь всеми силами пытается убедить нас, что госпожа ВрайДен рождена фантазией сказителей Ледяных Веков, но я уверен, что она существовала на самом деле.

— К чему ты клонишь, анатом? — спросил король.

Слушая КараБансити, монарх мерил шагами приемную зала, а его ручной фагор Юлий, семена, поспешал за ним. Слова анатома и астролога напомнили монарху о королеве, которая часто читала принцессе Татро истории о древних временах из книги РайниЛайана.

— То, к чему я клоню, содержит в себе неоспоримый ответ на ваш вопрос, ваше величество. Госпожа ВрайДен, о которой я веду речь, тоже была неверующей, что позволяло ей видеть мир таким, как он есть, без тумана божественной воли. До тех пор пока ВрайДен не рассеяла этот миф, повсеместно считалось, что Беталикс и Фреир суть два живых стража, охраняющих наш мир от могущественных недругов, грозящих людям с небес. При помощи науки геометрии эта замечательная женщина сумела предсказать циклы движения и затмений светил и сделала из этого вывод о близком окончании холодных лет. За познанием идет познание, причем сказать с уверенностью, куда приведет нас следующий шаг, очень трудно. Круг — эмблема Церкви — плохо олицетворяет это извечное движение.

— Для меня это предпочтительнее слепого блуждания ощупью во тьме.

— Но я нашел способ увидеть сквозь эту тьму свет. С помощью нашего общего знакомого, СарториИрвраша, я изготовил из стекла линзы, во многом подобные человеческому глазу.

В нескольких словах анатом и астролог описал королю устройство телескопа, посредством которого они с СарториИрврашем наблюдали фазы Ипокрена и других планет.

— Мы наблюдали небесных странников, и один за другим они раскрывали нам свои тайны. Вскоре мы получили возможность с убедительной точностью предсказывать их движение и подкрепили свои наблюдения расчетами. Установив общее в поведении каждого планетного тела, мы вывели законы небесной геометрии, которые, как нам потом стало ясно, были известны еще при ЯраРомбри, который за свои передовые взгляды подвергся мучениям от рук Церкви. В частности, один из законов, которые мы взяли на себя смелость сформулировать, гласит, что все миры обращаются вокруг Беталикса, а тот, в свою очередь, описывает бесконечные замкнутые круги вокруг Фрейра. Причем радиус-векторы кругового движения и планет, и Беталикса покрывают в одинаковые промежутки времени одинаковые площади пространства, иными словами, скорость их обращения подчиняется строгим закономерностям. Кроме того, мы установили, что одна из быстрых планет, Кайдау, обращается не вокруг Беталикса, а вокруг самой Гелликонии, и может с полным правом именоваться нашим спутником, или луной.

Король перестал вышагивать по зале и, повернувшись к ученому, быстро спросил:

— Может быть так, что на Кайдау тоже живут люди?

Вопрос был задан с таким живым интересом, что КараБансити на мгновение растерялся.

— На мой взгляд, государь, Кайдау — это не настоящий мир, в том же смысле, как Гелликония и Ипокрен. Это просто серебряный глаз в небе, не более того.

Король хлопнул в ладоши.

— Все, объяснения закончены. С меня хватит. Вижу, что ты кончишь точно так же, как СарториИрвраш, ибо я ничего не понял из того, что ты тут наговорил.

— Если бы нам удалось донести эти объяснения до понимания Панновала, это могло бы значительно освежить несколько устаревшие воззрения Священного Города. По моему глубокому убеждению, как только Святейший Це'-Сарр поймет небесную геометрию, он изменит свои взгляды и на геометрию человеческую — то есть предоставит людям и фагорам точно так же в мире и согласии обращаться друг вокруг друга, как это многие века делают Беталикс и Фреир, вместо того чтобы раз за разом строить планы священного истребления фагоров, которые, по сути дела, лишь приносят сумятицу в порядок вещей.

Разглагольствования КараБансити, которым он предавался с видимым удовольствием, были прерваны нетерпеливым жестом короля.

— Продолжим в другой день. Моему разуму трудно вместить столько ереси сразу, хотя я должен отдать должное остроумности твоих суждений, анатом. Насколько я понял, ты, так же как и я, предпочитаешь исходить из того, что дано, из обстоятельств. Так зачем же ты пришел — позабавить меня своими хитроумными рассказами?

КараБансити поднял голову и с достоинством встретил взгляд пронзительных глаз короля. Выдержав паузу в несколько биений сердца, он ответил:

— Нет, ваше величество, я пришел не за этим. Как большинство ваших подданных, я имел намерение получить от вас какую-то выгоду.

Расстегнув пояс, анатом достал браслет, найденный им на мертвце, и протянул его королю.

— Приходилось ли вам видеть нечто подобное раньше, ваше величество?

Король взял в руки странный браслет и уставился на него в явном изумлении.

— Да, — наконец ответил он. — Я уже видел этот браслет раньше, в Матрассиле. Эта удивительная вещь попала

ко мне в руки от не менее удивительного человека, утверждавшего, что он прибыл с другой планеты. С твоего Кайдау, анатом.

Проговорив это, король поджал губы, как будто сразу же пожалел о сказанном. Он долго смотрел, как извиваются и меняются цифры за прозрачным щитком браслета, а потом сказал:

— В другой раз, когда у меня будет больше времени для бесед, ты расскажешь мне, каким образом эта вещь попала к тебе, анатом. Теперь же аудиенция окончена. Меня ждут неотложные дела.

Король сжал браслет в кулаке.

КараБансити попытался слабо воспротивиться, но лицо короля мгновенно преобразилось, и ярость вспыхнула в каждой его черточке. Как хищная птица, он быстро наклонился вперед.

— Тебе, безбожнику, не понять, что Борлиен живет и умирает только своей религией. Разве не грозят нам со всех сторон варвары и неверные? Без веры империя не сможет существовать, без веры она — ничто. Браслет, который ты осмелился потребовать у меня назад, олицетворяет собой угрозу вере, а следовательно, и самой империи. Эти мигающие цифры порождены миром, который способен принести нам гибель... — Понизив голос, король добавил: — Таково мое убеждение, а убеждение — это то, с чем мы должны жить и умирать.

КараБансити укусил себя за костяшки пальцев и промолчал, а король, окинув его задумчивым взглядом, продолжал:

— Я предлагаю тебе должность моего Главного Советника. Подумай, и если решишься принять мое предложение, приходи во дворец завтра. Мы продолжим наш разговор. А эту еретическую игрушку я оставляю себе.

Проследив взглядом, как исчезает браслет в складках королевской одежды, КараБансити вздохнул.

— Я благодарю вас, ваше величество, за столь лестное для меня предложение. Но прежде чем принять окончатель-

ное решение, я должен посоветоваться со своим главным советником — с женой...

Король повернулся и без слов покинул зал. КараБансити склонился в поклоне.

В коридоре неподалеку от приемной зала посланник Святейшего Це'Сарра готовился предстать перед монархом.

Медальон с портретом королевы королев, счастливым обладателем которого Элам Эсомбер являлся, был сделан из бивня морского чудовища. Лицо МирдемИнгалы, с четкой линией безупречных бровей, обрамленное густыми локонами, рассыпанными в хорошо продуманном беспорядке, было прекрасно. Глаза королевы цвета темной морской голубизны были затенены густыми ресницами, упрямый подбородок придавал ее лицу властности.

Рассматривая портрет, посланник Святейшего Це'Сарра позволил своим мыслям принять весьма фривольное направление. Совсем скоро, может быть, всего через день-другой, он увидит оригинал этого чудесного портрета воочию, и эта мысль отдавалась тянущим жаром в его чреслах.

Элам Эсомбер был не один. Перед ним стояли два шпиона Святейшего Це'Сарра, которые принесли свежие новости. Не отрывая глаз от портрета королевы королев, посланник выслушал последние сплетни Оттассола. Главной темой пересудов на рынках и в кабаках была та опасность, которой королева королев подвергнется, едва ее брак с королем Ян-долАнганолом будет расторгнут. Когда она подпишет грамоту, король скорее всего постарается удалить МирдемИнгалу со сцены совершенно. Окончательно.

Симпатии большинства и знати, и простолюдинов были на стороне королевы. Короля можно было обвинить во многом: он упрятал в застенки собственного отца и разорил страну. Ввиду этого существовала опасность бунта, который приведет на престол королеву. Что, по сути дела, не противоречило закону наследования.

Заставив себя наконец оторвать взгляд от портрета, Эсомбер ласково взглянул на шпионов.

— Ах вы, черви, — тихо проговорил он. — Еретики. Собиратели грязных сплетен. Короли всегда разоряют свои страны — на то они и короли, это их первейшее занятие. Мало кто из королей, получив власть, не бросил в темницу папашу. И разве быть королевой — это не смертельно опасно? А простолюдины? Разве не мечтает любая толпа взбунтоваться и свергнуть кого-то — все равно, того короля или этого, им безразлично. То, о чем вы осмелились судить, — обычное дело для власть предержащих в нашем мире. В ваших донесениях нет ничего нового. В Олдорандо за такие донесения шпионов просто-напросто порют.

Шпики виновато понурились.

— Еще мы хотели доложить вам, что встречали в Оттасоле агентов Олдорандо.

— Уверен, что в отличие от вас они не проводят все время за бутылкой дешевого вина в припортовых кабаках. В следующий раз я жду от вас действительно ценных сведений, а не сплетен.

Шпионы поклонились и удалились, улыбаясь, как люди, получившие значительно больше того, на что рассчитывали.

Элам Эсомбер вздохнул и вновь посмотрел на портрет королевы.

— Наверняка она глупа или имеет какой-то другой изъян, уравнивающий столь поразительную красоту, — тихо проговорил он и убрал медальон в потайной карман.

Посланник Це'Сарра Киландра IX происходил из благородной глубокорелигиозной семьи Берущих, обладающей обширными связями в подземельях Святого Города. Его отец, суровый член Верховного Суда, которого Элам всегда презирал, считал, что успех в карьере пришел к его сыну чересчур рано. Свою нынешнюю поездку посланник Эсомбер считал больше развлекательной, чем деловой. С благоволения Святейшего ему вышли внеочередные каникулы, а на каникулах не грех и развлечься. И в планах посланника эти развлечения в немалой степени были связаны с королевой МирдемИнггалой.

Посланник решил, что настала пора предстать перед королем. Он вызвал слугу и потребовал отвести себя к королю. Через несколько минут старые друзья заключили друг друга в объятия.

Эсомбер отметил, что с последней их встречи король стал еще более нервным и озабоченным. Монарх повел посланника в пиршественную залу, где веселье по-прежнему шло полным ходом. Рунт Юлий не отставая бежал за королем. Посланник Эсомбер с отвращением взглянул на фагора, но промолчал.

— Итак, Ян, — сказал он, когда они уселись за стол, — милостью Господней мы оба добрались в Оттассол живыми и невредимыми. Меч недругов миновал нас на нашем пути.

Дружба короля и посланника была дружбой в том смысле, как ее понимали в этих кругах. Больше всего в Эсомбере короля привлекали циничное отношение к жизни и манера всегда держать голову чуть набок, словно от вечного желания задать миру каверзный вопрос.

— Да, Унндрейд Молот пока прекратил свои разбойные вылазки. Думаю, что о моих попытках покончить с Дарвлишем Черепом ты тоже слышан?

— Не сомневаюсь, что эти проходимцы так же устрашающи, как их имена. Интересно, если бы они звались по-другому, не так неуклюже, это отразилось бы как-нибудь на их манерах?

— Надеюсь, тебя хорошо устроили?

— Сказать по правде, Ян, я всегда чувствовал себя в твоём подземном дворце неуютно. Что будет, если Такисса вдруг выйдет из берегов?

— Крестьяне возведут на пути паводка дамбу из собственных тел. Как ты смотришь на то, если мы отплывем в Гравабагаалинен завтра же? Приближается сезон муссонов, а дело уже и без того очень сильно затянулось. Чем раньше я получу развод, тем лучше.

— Хорошо, можно отплыть и завтра. Ты же знаешь, я не имею ничего против морских прогулок — конечно, непродолжительных и поближе к берегу.

Слуги подали им вино и колотый лед.

— Что-то тебя беспокоит, брат? — спросил посланник.

— Причин для беспокойства не счесть, Элам. Сказать по правде, в последнее время меня стала беспокоить даже собственная вера. — Король помолчал и быстро глянул через плечо. — А то, что угрожает мне, угрожает и всему Борлиену. Твой повелитель, Святейший Император Це'Сарр, меня бы понял. Наша вера — это то, чем мы живем. А теперь моя вера заставляет меня отказаться от МирдемИнггалы.

— Брат, в беседе с глазу на глаз мы всегда можем допустить, что вера — это все-таки предмет недостаточно овестьствованный. Что касается твоей красавицы королевы...

Слушая посланника, король ощупывал в кармане браслет, принесенный ему КараБансити. Браслет был предметом вполне материальным. И сделан был, как подсказывала королю его интуиция, руками врага чрезвычайно хитроумного, способного в одночасье положить конец существованию его, ЯндолАнганола, страны, пусть даже не очень благополучному.

Свои слова Эсомбер сопровождал изящными жестами. В отличие от королевских томные движения рук посланника не были импульсивными; каждое он тщательно продумывал, а потом долго оттачивал.

— Мир погряз в разврате, брат. Он катится в пропасть, и Фреир тут ни при чем. Что касается меня, то вера никогда не лишала меня сна. Напротив, религия всегда заменяла мне снотворное. У каждого народа свои беды. У вас это Рандонан и кровожадный Молот. Олдорандо никак не может справиться с Кейце. На Панновал вновь начались набеги сиборнельцев — они приплывают к нам с юга, через Чалц. Видать, им уже надоел мерзкий климат своей страны. Союз между Панновалом, Олдорандо и Борлиеном станет залогом спокойствия на всем Кампаннлате. Ведь остальные наши соседи — не более чем варвары.

— Узнаю тебя, Элам, — другой бы, понимая мое состояние перед разводом, постарался бы подбодрить меня, а ты наоборот, еще добавляешь мрачности.

Посланник допил вино и поставил кубок на стол.

— Я придерживаюсь мнения, что по большому счету все женщины одинаковы. Не сомневаюсь, что довольно скоро ты найдешь утешение в объятиях юной Симода Тал.

Посланник замолчал, заметив, как дернулось, словно от сдерживаемой боли, лицо короля. Устремив взгляд на танцовщиц, ЯндоЛанганоЛ ответил:

— Скажу откровенно: я собирался женить на Симодэ Тал своего сына, но эта затея не увенчалась успехом. С наследником меня постигло несчастье. МирдеМинггала понимает, что мой шаг продиктован только интересами Борлиена.

— Священные камни, ты в самом деле так думаешь? — Сунув руку за отворот своей шелковой одежды, посланник вынул конверт. — Я думаю, тебе будет небезынтересно прочесть письмо, которое по счастливой случайности попало мне в руки.

Узнав крупный, решительный почерк МирдеМинггалы, король вздрогнул и, взяв письмо, углубился в чтение. Руки его дрожали.

Святейшему Императору Це'Сарру Киландру IX, главе Панновальской Империи, в город Панновал, в страну с тем же названием.

К Вашему Святейшеству — в преданности которому нижеподписавшаяся спешит принести уверения — с надеждой на Вашу милость к одной из Ваших несчастных дочерей, взываю.

Я, королева МирдеМинггала, несу наказание за преступление, которого не совершала. Мой супруг, король ЯндоЛанганоЛ, и его отец обвинили меня в тайном сговоре с Сиборнелом против Борлиена, и теперь моя жизнь в серьезной опасности.

Ваше Святейшество, мой муж, король, выдвинул против меня это ничем не подтвержденное обвинение и теперь обращается со мной в высшей степени несправедливо. Он отослал меня в провинцию и запретил мне покидать это место. Здесь мне суждено оставаться, покуда король, разум которого, без сомнения, помутился под влиянием очередного приступа кхми-ра, не избавится от меня, по всей видимости, самым ужаснейшим способом.

Тринадцать лет я была королю верной женой, родила ему сына и дочь. Наша дочь сейчас находится в изгнании вместе со мной. Сын, узнав о причиненной мне несправедливости, потерял голову, бежал, и по сей день я не знаю, где он скитается.

С тех пор как мой муж, король, узурпировал трон и заточил в темницу своего отца, беды обрушиваются на наше королевство одно за другим; безусловно, это возмездие за беззакония, совершенные монархом. Он перессорился со всеми, и теперь наша страна окружена врагами. В надежде разорвать круг несчастий король решил взять в жены принцессу дома правителей Олдорандо, Симоду Тал, дочь короля Сайрена Станда. В этом, как мне стало известно, королю ЯндоЛанганолу удалось заручиться Вашим согласием. Я взываю к Вам как к высшему судье, поскольку знаю точно, что король Борлиена намерен не только сделать меня жертвой своих политических манипуляций, но и окончательно устранить путем убийства.

Поэтому я нижайше умоляю Ваше Святейшество запретить королю ЯндоЛанганолу чинить вред мне и моим детям под угрозой лишения Вашей милости и отлучения от Церкви. Я возлагаю свои надежды на то, что вера в моем муже еще крепка; такая угроза возымеет действие.

*Ваша несчастная дочь-в-вере,
КонегАнданори МирдемИнггала.*

Это письмо должен доставить Вам Ваш посланник в Оттассоле, и я молю Господа, чтобы оно попало к вам как можно скорее.

— Да, с этим что-то нужно делать, — прошептал король, с перекошенным лицом стискивая в дрожащих пальцах листок.

— Положись на меня, брат, я все улажу, — подал голос посланник Эсомбер и осторожно вынул письмо из руки короля.

На следующий день король со своей свитой отплыл на запад. Вместе с королем в плавание отправился и его новый Главный Советник, Бардол КараБансити.

* * *

С некоторых пор у короля появилась привычка оглядываться через плечо; быть может, ему казалось, что сам Акханаба, Великий Бог Священной Панновальской Империи, следит за ним, кто знает? За королем действительно следили, следили уже давно и пристально — но те, кто следил, были удалены от него на расстояние, которое король Борлиена был не в силах представить. Количество наблюдателей за жизненным путем короля измерялось миллиардами. Во времена правления короля ЯндолАнганолоа планету Гелликония населяло около 96 миллионов разумных существ, из которых около трети составляли фагоры. Но далеких наблюдателей было неизмеримо больше. Жители планеты Земля наблюдали разворачивающиеся на Гелликонии события со значительной задержкой во времени. Постоянная трансляция, которая велась со Станции Наблюдения, вначале планировалась не более как очередной вид развлекательного шоу. Но с течением времени, по мере того как Великая Весна Гелликонии переходила в Великое Лето, отношение к передачам, приходящим из далекого мира, изменилось. Наблюдать за чужой жизнью вошло у землян в привычку, стало неразрывной частью их быта. То, что видели зрители на экранах, меняло их; Прошлому и Настоящему двух планет не суждено было совпасть никогда, но несмотря на это, духовные токи, связующие их, оказались на удивление прочными. И не переставая возникали все новые и новые предложения, как развить и углубить эти связи.

Ощущение собственного могущества и умудренности переполняло землян, и за это они были в неоплатном долгу у Гелликонии. Обитатели далекой древней планеты следили за путешествием короля в Оттассол и далее в Гравабагалинен, воспринимая его не как отдельное событие, каким представлялась, например, принцессе Татро волна морского прибоя, а как одну из неразрывных нитей, вплетенных в паутину космической культуры и истории. Свободная воля короля никогда не ставилась наблюдателями под сомнение; но каким бы образом король ЯндолАнганол ни претворял

свою волю в жизнь — пусть даже самым безжалостным — след, оставляемый им на бесконечной глади пространственно-временного континуума, был так же недолговечен, как тот, что оставлял за кормой королевский корабль, бороздящий Орлиное море.

С сочувствием наблюдая за личной драмой королевы королев, земляне видели в ней не только занимательный исторический факт, но и жестокий пример мучительного выбора между ошибочно понимаемой романтикой любви и долгом. Долгому одиночеству Земли наступил конец, и в этом было все дело. Бракоразводный процесс между королем ЯндолаАнганолом и королевой МирдеиИнггалой был начат в 381 году по календарю Борлиена — Олдорандо. Как отмечало таинственное устройство, найденное астрологом, на Земле в это время шел год 6877-й с Рождества Христова; но чем закончится этот процесс, земляне могли узнать лишь по прошествии еще одной тысячи лет.

Наряду с местным существовало и другое, космическое исчисление, гораздо менее относительное. Астрономическое время системы Гелликонии приближалось к одной из своих критических точек. Гелликония и ее планеты-сестры находились вблизи периастра, в точке орбиты, ближайшей к ярчайшей звезде, известной под названием Фрейр. Период полного обращения Гелликонии вокруг Фрейра составлял 2592 земных года и ровно столько длился Великий Год, в течение которого планета из объятий мучительного холода переносилась в топку изнуряющей жары. Весна Гелликонии кончилась. Лето Великого Года, сводящее с ума и лишаящее мужества даже самых стойких, было в полном разгаре.

Оно должно было продолжаться два с лишним земных столетия. Для обитателей Гелликонии зимние холода уходили в область легенд — до тех пор, пока эти легенды снова не станут действительностью.

Ближайшее к Гелликонии светило, Беталикс, все так же продолжало лить на планету свет; но Фрейр сиял на 30 % ярче, чем Беталикс, хотя расстояние до него было в 200 раз больше.

Наблюдатели на Земле уделяли событиям на Гелликонии самое пристальное внимание. И нити неразрывной древней сети — нити религии, которые оплели по рукам и ногам Борлиен — были прекрасно известны и понятны им уже очень давно.

Глава III

РАЗВОД ПОСПЕШНЫЙ И НЕОБДУМАННЫЙ

Несмотря на большую протяженность береговой линии своей страны, борлиенцы никогда не считались хорошими мореходами. И никогда не были умелыми кораблестроителями, такими, как, например, сиборнельцы или другие народы, населяющие Геспагорат. Корабль, который нес короля и грамоту с высочайшим дозволением на развод в Гравабагаалинен, был небольшим бригом со скругленными носом и кормой. Большую часть плавания корабль держался в виду берега, определяя свой курс по галсовой доске; вставленные в нее особые колышки служили ориентирами для вахтенных.

Едва бриг отчалил, сопровождаемый баржей с Первым Фагорским Полком, король застыл у поручней и впился взглядом в береговую полосу, словно желал увидеть королеву непременно первым. Потрясенный видом бесконечного водного простора, обессиленный качкой, фагор Юлий рухнул на палубу у ног хозяина — но впервые за долгое время король не проявил сочувствия к своему любимцу.

Под скрип снастей бриг разрезал простор спокойного моря. Внезапно король пошатнулся и рухнул на палубу. Подбежавшие придворные подняли монарха и отнесли его в шатер и уложили там. Лицо короля, которое он упорно пря-

тал в ладонях, было смертельно бледным. Не отнимая рук от лица, он катался по своему ложу, словно обезумев от приступов боли.

Осмотрев монарха, придворный лекарь велел всем покинуть шатер, попросив остаться только КараБансити.

— Присмотрите за его величеством, господин советник. На мой взгляд, у него нет ничего серьезного — всего-навсего приступ морской болезни. Как только мы сойдем на берег, он тут же поправится.

— Насколько я знаю, внешними симптомами морской болезни является рвота.

— Гм... Когда дело касается простолюдинов — да. Но здесь другой случай. У особ королевской крови многие болезни протекают иначе.

Лекарь с поклоном удалился. Через некоторое время бормотание короля стало более разборчивым.

— Конечно, я задумал ужасное, но должен довести это до конца... Да поможет мне Великий Акханаба...

— Ваше величество, осмелюсь предложить вам беседу о вещах любопытных и важных, которая может успокоить ваш мятущийся разум. Я имею в виду тот редкостный предмет, на том странном браслете, что сейчас находится у вас...

Подняв голову, король проговорил тихо, но уверенно:

— Убирайся вон, дурак, или я прикажу бросить тебя за борт. На всей земле для меня сейчас нет ничего важного.

— Желаю вашему величеству скорейшего выздоровления, — скромно проговорил КараБансити и неуклюже попятился, нащупывая за спиной выход.

После двухдневного плавания маленькая королевская флотилия вошла в уютную бухту Грвабагалинен. Король ЯндолАнганол, который так же внезапно пришел в себя, как до этого занемог, спустился по трапу прямо в пену прибоя. Элам Эсомбер придерживал край королевского плаща: в Грвабагалинен не было пристани.

Посланник сошел на берег в сопровождении десятка сановников из высшего экклезиального кабинета, составляю-

щих, по словам Эсомбера, свиту его викариев. Король взял с собой только нескольких латников-телохранителей во главе с их капитаном.

Дворец королевы в отдалении казался вымершим. Узкие окна были наглухо закрыты ставнями. На башенке развевался черный флаг.

Лицо короля было столь же непроницаемо, как закрытые дворцовые окна. Сопровождающие его люди не осмеливались взглянуть на монарха, страшась встретить его пронзительный орлиный взор. Невзирая на нетерпение Эсомбера, ЯндоЛанганол настоял на том, чтобы дожидаться, пока второй корабль будет вытасчен матросами на берег достаточно высоко, чтобы сходни легли на песок, и солдаты-нечелы смогли бы сойти на берег, не замочив ног.

Когда Первый Фагорский высадился, король лично провел построение и обратился к воинам с краткой, но энергичной речью на их языке. После этого он наконец отдал приказ двигаться к дворцу. Рунт Юлий, довольный, что вновь оказался на суше, бежал перед хозяином, играл и вертелся, вздымая из-под ног песчаные вихри.

На полпути к дворцу процессию встретила древняя старуха в черном кидранте и белом фартуке, с палкой в руке. Ее сопровождали два стражника без оружия.

Вблизи было хорошо видно, как сильно обветшал дворец. На крышах, на стенах веранд, на террасе и балюстрадах зияли прорехи, которые некому было заделать. Куда ни глянь, повсюду не было видно ни одной живой души, даже зверя, за исключением только далекого холма, на котором паслось небольшое стадо косуль. От берега доносился монотонный шум морского прибоя.

Король был облачен в мрачные, под стать его настроению, одежды. Для свидания с МирдемИнгаллой он выбрал простую куртку без рисунка и вышивки и темно-синие, почти черные, бриджи. В отличие от короля изящный посланник был одет ярко: в дымчато-голубую пару, хорошо гармонирующую с розовым коротким плащом. Чтобы замаскировать корабельные запахи, еще с утра Эсомбер надушился.

Возвещая о прибытии короля, капитан латников протрубил в рог. Дверь дворца осталась закрытой. Воздев руки к небесам, старуха в черном что-то глухо забормотала береговому бризу.

Сорвавшись с места, ЯндоЛанганол бросился к двери и несколько раз ударил по ней рукоятью меча. Внутри здания разнеслось гулкое эхо, в ответ которому залаяли сторожевые псы. Наконец в скважине заскрипел ключ. Другая старая карга, похожая на первую как родная сестра, отворила дверь, приветствовала короля, мигая от яркого дневного света, и отступила в сторону, давая ему возможность войти.

Внутри дворца царил глубокий сумрак. Собаки, пока дверь была закрыта, лаяли вовсю, но как только она открылась, тут же куда-то попрятались.

— Может, Акханаба со свойственным его жаркому темпераменту милосердием наслал сюда чуму, — предположил Эсомбер, — избавив тем самым здешних обитателей от земных печалей, а нас наказав бесполезным путешествием и тяготами ожидания?

Король громко позвал. Наверху высокой лестницы показался свет.

Здрав головы, мужчины увидели спускающуюся по лестнице женщину со свечой в руке. Так как она держала свечу высоко над головой, ее лицо, погруженное в тень, оставалось неразличимым. Впрочем, ее осанка и манера держаться не оставляли сомнений в том, кто она такая. Спустившись, королева МирдеМинггала остановилась в полосе света, падающего из двери. С ЯндоЛанганолом и Эсомбером ее разделяло всего несколько шагов. Королева сделала реверанс сначала королю, потом посланцу Це'Сарра.

Ее прекрасное лицо было серым как пепел, губы — бескровными; глаза на бледном лице зияли темными колодцами. Черные волосы королевы были в беспорядке разбросаны по плечам. На МирдеМинггале была простая пепельно-серая мантия до полу, наглухо застегнутая у горла и скрадывающая грудь.

Королева отдала короткий приказ старухе. Та прошаркала к двери и затворила ее. Король и посланец вновь очу-

тились в темноте, нарушаемой только тихим шорохом, производимым неугомонным рунтом. Но уже через несколько мгновений в темноте стали проступать щели, а потом и очертания предметов: дворец был полностью деревянным и построен наспех, без надлежащей подгонки панелей. Королева жестом пригласила монарха и посланника пройти в соседнюю залу и сама двинулась вперед, пересекая бьющие из щелей тонкие, словно лезвия, полосы света.

Остановившись посреди темноты, она дождалась, пока король и Элам Эсомбер догонят ее. Очертания зала угадывались с трудом, так как главным и, можно сказать, единственным источником света здесь были щели в плотно закрытых ставнях.

— Дворец пуст, ваше величество, — тихо проговорила королева МирдемИнггала. — Кроме меня и принцессы ТатроманАдалы здесь никого нет. Если хотите, вы можете убить нас прямо сейчас — свидетелей не будет, кроме разве что Всемогущего.

— Что вы, госпожа, у нас и в мыслях не было причинять вам вред, — галантно отозвался Эсомбер и, подойдя к одному из окон, растворил ставни. Осветив наконец комнату, он повернулся и взглянул на стоящих в шаге друг от друга супругов.

Тихо улыбнувшись, МирдемИнггала задула свою свечу.

— Я уже говорил тебе, что наш развод продиктован проблемами государственной безопасности, это политический шаг.

Голос короля был едва слышен; казалось, что силы окончательно покинули его.

— Ты вправе приказать мне подписать эту грамоту и расстаться с тобой. Но заставить понять это душой не сможешь никогда.

Растворив второе окно, посланник выглянул наружу и приказал своей свите и АбстрогАзенату заходить во дворец.

— Уверен, что церемония не покажется вам слишком тягостной, ваше величество, — бархатным баритоном проговорил он и, вернувшись к королеве, отвесил ей церемонный

поклон. — Я, Эсомбер из рода Эсомберов, посланник и полномочный представитель в Борлиене Святейшего Це'Сарра Киландра IX, Верховного Отца Церкви Акханаба и Императора Священного Панновала, прибыл сюда, чтобы стать свидетелем подписания важного документа. Таков мой общественный долг. Долг же мой как частного лица велит мне сообщить вам, ваше величество, что вы прекраснее всех женщин на свете и все слова, что я когда-либо слышал о вашей красоте, не в силах ее передать.

Королева тихим голосом проговорила, глядя только на короля:

— И все это после того, чем мы были друг для друга...

Не меняя интонации, Эсомбер продолжал:

— По окончании церемонии король ЯндолАнганол будет освобожден от супружеских уз, и вы, королева МирдемИнггала, лишитесь своего королевского титула.

— Господин посланник, я хочу узнать основания, представленные королем для развода. Мне кажется, я имею на это право. Под каким предлогом королю удалось получить у Святейшего Це'Сарра право столь тяжко меня оскорблять? Я хочу знать.

Пока Элам Эсомбер доставал из кармана какой-то свиток и разворачивал его, король стоял, уставившись в пространство застывшим невидящим взглядом.

— Ваше величество, по свидетельствам многочисленных очевидцев, нам стало известно, что во время пребывания на отдыхе в Гравабагаалинен вы позволяли себе, — посланник сделал неопределенный жест, — входить в море в обнаженном виде и предаваться плотской связи с дельфинами. Этот противоестественный акт, запрещенный Церковью, повторялся вами множество раз, и порой на глазах вашей дочери.

— Все это злобная клевета, и вы сами знаете это, — ответила королева МирдемИнггала, но в ее глухом голосе не было огня и желания вести борьбу. Повернувшись к королю ЯндолАнганолу, она спросила его:

— Неужели дела Борлиена так плохи, что единственный способ поправить их — обесчестить мое имя?

— Церемония будет исполнена сейчас же королевским викарием, ваше величество, — проговорил Эсомбер. — От вас требуется только присутствовать. Я понимаю ваше состояние и обещаю, что все пройдет очень быстро.

Когда в зал вошел АбстрогАзенат, на всех словно пахнуло холодом — такова была сила его презрения. Он поднял руку и благословил присутствующих. Два мальчика, вошедшие вслед за ним, встали по обе стороны от двери и принялись наигрывать на флейтах.

— Если этого святейшего фарса действительно не избежать, я требую, чтобы фагор Юлий был выпровожен за дверь, — ровным голосом заявила королева.

Словно очнувшись, король отрывисто приказал рунту убраться вон. С коротким шипением тот повиновался.

Выступив вперед, АбстрогАзенат поднял грамоту с записью церемонии королевского бракосочетания. Взяв руки короля и королевы, он приказал им держать края грамоты каждый со своей стороны, и те покорно это исполнили. После этого своим чистым и высоким голосом викарий зачитал грамоту. Эсомбер переводил взгляд от короля к королеве. Оба стояли неподвижно, неотрывно глядя в пол. Королевский викарий взял в руки церемониальный меч, поднял его высоко над головой и, бормоча молитву, резко опустил.

Острое лезвие рассекло грамоту пополам. Королева тут же разжала пальцы и ее половина, кружась как осенний лист, упала на доски пола. Викарий взял у посланника грамоту о разводе и по очереди обошел с ней присутствующих, получив подписи у короля, королевы и Эсомбера — свидетеля церемонии. После этого он расписался на грамоте сам и отдал ее посланнику, чтобы тот увез ее в Священный Панновал. Молча поклонившись королю, викарий в сопровождении своих флейтистов покинул зал.

— Что ж, все прошло чрезвычайно успешно, — в тишине проговорил Эсомбер. Никто не ответил ему и не двинулся с места.

На улице неожиданно застучали по земле тяжелые капли бурного дождя. Солдаты, толпящиеся у открытых окон, что-

бы не упустить ни одной подробности великого события, о котором потом можно будет судачить годами, бросились врассыпную. Послышались окрики офицеров, призывающих к порядку. Сверкнули молнии и над крышей дворца с ужасающим грохотом разверзлись небеса. Сезон муссонов заявил о себе в полную мощь своих налитых за много теннеров дождевой силой мускулов.

— Ну что ж, — снова заговорил Эсомбер, возвращаясь к своему обычному легкому тону, — теперь, когда официальная часть позади, можно подумать о том, как нам здесь устроиться поудобнее. Смею надеяться, что гостеприимная королева — бывшая королева, прошу прощения — возьмет на себя приятные хлопоты и пришлет к нам прислужниц с чем-нибудь прохладительным. — Он повернулся к одному из своих людей и приказал: — Милейший, отправляйтесь-ка с остальными в подвалы и разыщите дворцовых служанок — не сомневаюсь, что они прячутся именно там. Если же никого не найдете, узнайте сами, как обстоит дело с вином.

В раскрытые окна хлестал дождь, ветер хлопал ставнями.

— Эти бури, налетающие словно бы ниоткуда, обычно очень быстротечны, — вдруг подал голос король ЯндолАнганол.

— Отлично сказано, Ян! — воскликнул Эсомбер и хлопнул короля по плечу.

Молча положив погасшую свечу на полку, королева вышла из зала. Взяв два стула с гобеленовой обивкой, Эсомбер отнес их к окну, а потом прикрыл ставни так, чтобы дождь не хлестал внутрь и в то же время можно было любоваться буйством природы. Он и король уселись; ЯндолАнганол горестно обхватил голову руками.

— Уверяю тебя, Ян, после женитьбы на юной Симодетал ты на многое взглянешь другими глазами. Да и вообще все должно будет пойти на лад. Панновал, учитывая предстоящую войну с Сиборнелом, придает большое значение нашим северным рубежам. Принимая во внимание разницу в вере, которая издавна служила яблоком раздора, эта кампания обещает быть крайне тяжелой. В Олдорандо, после

того, как ваш брак будет скреплен официально, ты найдешь доброго друга и союзника. Хотя и у них хватает трудностей. Более того — и это, по моему мнению, весьма вероятно, — когда юная Симода станет твоей супругой, Кейце тоже поспешит предложить тебе мир. Кейце связывают с Олдорандо кровные узы. Через земли Олдорандо и Кейце с запада на восток проходят миграционные пути фагоров и других недочеловеков вроде мади.

— Гм, но насколько мне известно, милейшая мать Симоды Тал, королева, сама принадлежит к так называемым недо... скажем лучше, предзнающим. Это понятие, «недочеловек», на мой взгляд, несправедливо к тем, к кому применяется. А Кейце... Кейце это просто глушь и дикость.

— Если Кейце пойдет на мир с Борлиеном, то может быть, нам удастся натравить их на Рандонан. Тогда ты сможешь без хлопот заняться Мордриатом и этими твоими приятелями с забавными именами.

— Что как нельзя лучше устроило бы Панновал, — откликнулся король ЯндолАнганол.

— Это устроит не только Панновал, это устроит всех. И ты и я, мы оба это отлично понимаем.

Под аккомпанемент грома и блеск молний в дверях зала появились посланные Эсомбером на поиски вина и слуганок люди из его свиты, за которыми в зал вошли несколько женщин с кувшинами в руках. Всю эту процессию сопровождали фагоры-солдаты.

Появление прислужниц и вина несколько сняло напряжение; даже король поднялся и стал прохаживаться по зале, хотя и с таким видом, словно только-только учился ходить. Прислужницы, когда поняли, что никто не собирается их обижать, быстро освоились и, заулыбавшись, принялись оказывать мужчинам знаки внимания, которые в основном сводились к тому, чтобы напоить всех как можно сильнее и как можно скорее.

Начальник королевской стражи и капитаны приняли приглашение короля и присоединились к попойке.

Буря не утихала. В зале зажгли лампы. Дворец обшарили еще раз, в результате чего были обнаружены и захвачены новые нежные пленницы, которых привели в зал к пирующим, где наконец заиграла музыка. Солдаты принесли с судов завернутые в парусину съестные припасы.

Король пил хурмяное вино, заедая его саффронским рисом. С крыши текло. Внезапно он встал.

— Я уйду. Хочу поговорить с МирдемИнггалой и увидеться с дочерью.

— Я бы не советовал, — возразил Эсомбер. — Это неразумно. Женщины обожают унижать мужчин. Ты король, а она — никто. Когда будем уезжать, заберем твою дочь с собой. Мы отплывем сразу, как только море успокоится. Я предлагаю провести эту ночь здесь — в этом уютном пристанище, принадлежащем тебе.

Он помолчал и, не дождавшись ответа, добавил:

— Знаешь, Ян, ведь у меня есть для тебя подарок. Сейчас самое время его преподнести, пока мы еще не слишком пьяны и наши глаза еще способны что-то увидеть.

Посланник вытер руки об одежду и, сунув руку в карман, достал хрупкую маленькую шкатулку с расписной крышкой.

— Вот. Я получил ее из рук Бакхаарнет-она, королевы Олдорандо, на чьей дочери ты собираешься жениться. Королева сама расписывала эту шкатулку.

Король ЯндолАнганол открыл крышку. Внутри, на шелковой обивке, лежал миниатюрный портрет принцессы Симоды Тал, написанный в ее одиннадцатый день рождения. Густые локоны принцессы были перехвачены лентой, а лицо отвернуто от художника как бы в смущении, хотя, быть может, это должно было означать покорность. У принцессы был тонкий носик, похожий на птичий клюв, и характерный для мади разрез глаз. В руках принцесса Симода Тал держала искусно изготовленный макет замка Вилворак — части своего приданого.

— А ведь она и в самом деле хорошенькая, — одобрительно хмыкнул Эсомбер. — Одиннадцать с половиной лет, самый пикантный возраст, — со знанием дела прибавил он. —

Что бы там люди ни говорили, но это так, Ян. Я тебе завидую. Хотя ходят слухи, что младшая сестра Симоды, Милуя Тал, еще красивее.

— Она умеет читать и писать?

— Эта девочка? Сомневаюсь, что в Олдорандо вообще есть грамотные люди: они все берут пример со своего короля.

Рассмеявшись, друзья со звоном сдвинули кубки и выпили хурмяного вина за будущие радости жизни. На заходе Беталикса буря наконец улеглась. Но и после того, как стих ветер, деревянный дворец еще долго стонал и скрипел старыми суставами. Королевские солдаты отыскиали дорогу в подвалы, к хранящимся там глыбам льда и вино. Вскоре все они, даже фагоры, забылись тяжелым хмельным сном.

О том, чтобы выставить часовых, никто и не заикнулся. Дворец был слишком далеко от любых возможных врагов, к тому же мрачная репутация Грвабагалинен могла отпугнуть даже самого храброго недруга. Постепенно шум в дворцовых залах угасал. Кого-то рвало в коридоре, кто-то пьяно гоготал, кто-то сыпал проклятиями, но все эти звуки один за другим стихали. Король ЯндолАнганол заснул, положив голову на колени прислужнице. Посидев немного с государем, она осторожно высвободилась и ушла, оставив короля лежать на полу как простого солдата.

Только королева королев в своих покоях на верхнем этаже дворца не смыкала глаз. Больше всего она боялась за свою дочь; но место изгнания король выбрал удачно: бежать отсюда было некуда. Наконец, отчасти справившись с тревогой, королева отослала фрейлин. Наступившая внизу тишина придала ей уверенности, но бдительности она не теряла и осталась бодрствовать в маленькой комнатке перед королевской спальней; там спала принцесса Татро.

Внезапно в дверь покоев королевы постучали. Мирдем-Инггала встала и подошла к двери.

— Кто здесь?

— Королевский викарий. Нижайше прошу позволения войти.

Помедлив, королева вздохнула. Потом отодвинула на двери засов. В комнату вошел Элам Эсомбер. На его лице играла нежная улыбка.

— Пусть я не викарий, но все же по духу своему мог бы занимать эту должность, тем более что утешение, которое я в силах вам дать, вряд ли возможно получить у нашего забавника АбстрогаЗената.

— Прошу вас, уходите. Я не желаю говорить с вами. Мне не по себе, и смею надеяться, вы знаете причину этого. Я сейчас позову стражников.

Королева была бледна. Рука, которой она опиралась о стену, заметно дрожала. Нежной улыбке посланника она не верила ни на грош.

— Все мертвецы пьяны — во дворце нет ни одного трезвого человека. Даже я, посланник Це'Сарра, образец совершенства, сын достойнейшего отца, даже я — и тот слегка, как видите, навеселе.

Решительно захлопнув за собой дверь, Эсомбер схватил королеву за руку и силой усадил рядом с собой на низкую кушетку.

— Вот так-то лучше. Где же ваше гостеприимство, госпожа? Это неразумно; отнеситесь ко мне с вниманием, ибо я на вашей стороне. Или, скажем точнее, могу встать на вашу сторону. Я пришел к вам, чтобы предупредить: ваш бывший муж задумал убить вас. Вы в тяжелом положении, вам и вашей дочери нужна защита. И вашим защитником могу стать я, если вы проявите ко мне чуточку теплоты и внимания.

— Я уделила вам достаточно внимания. Мне страшно, господин посланник, но все же не настолько, чтобы согласиться на то, о чем я могу потом пожалеть.

Эсомбер крепко взял ее руки в свои и не отпускал, не смотря на отчаянные попытки королевы высвободиться.

— Вам ни о чем не придется жалеть. Вечно эти сомнения! Вот в чем разница между мужчиной и женщиной — женщин всегда беспокоит то, что будет потом! Вам природой предназначено давать жизнь и вероятность беременности всегда заставляет вас смотреть в будущее. Но пустите

меня сегодня ночью в ваше душистое гнездышко, и клянусь, вам не придется жалеть об этом потом. Вы обретете будущее, а я скромно удовольствуюсь настоящим.

МирдемИнггале наконец удалось освободить руки. Она отвесила Эсомберу звонкую пощечину. Посланник слизнул с губы кровь.

— Послушайте, милая. Вы написали письмо Святейшему Це'Сарру, не так ли, моя дорогая бывшая королева? В письме, кроме всего прочего, вы заявили, что король Ян хочет вас убить. Ваш гонец вас предал — вот откуда я знаю эти подробности. Он продал это письмо вашему бывшему мужу, и король прочитал его до последней строчки.

— СкафБар предал меня? Нет, это невозможно! Он столько лет служил мне...

Эсомбер снова завладел рукой МирдемИнггалы.

— С недавних пор ваше положение сильно изменилось. Вы остались одна, совсем одна, и тем, кому вы доверяли раньше, доверять уже не приходится. Так-то. Доверять теперь вы можете только мне, тому, кто давно мечтает удостоиться чести называть себя вашим покорным слугой. Ведите себя хорошо, и я возьму вас под свое крылышко.

Королева разрыдалась.

— Ян любит меня, я знаю! Я его понимаю, он тоже страдает.

— Он ненавидит вас и думает только об одном — как можно скорее оказаться в объятиях юной Симоды Тал.

Королева умолкла. Решив, что возражений с ее стороны больше не будет, Эсомбер начал раздеваться. Но не успел он распуścić и половину шнурков, как дверь королевской опочивальни распахнулась и на пороге возник не кто иной, как КараБансити, новый королевский Главный Советник. Выразительным жестом анатом положил правую руку на рукоять своего кинжала.

Вскочив на ноги, Эсомбер подтянул штаны и твердым голосом приказал анатому выйти за дверь.

— Нет, господин посланник, я никуда не уйду до тех пор, пока вы не оставите эту несчастную госпожу в покое. Я

разыскивал именно вас, потому что во всем дворце нет ни одного трезвого стражника или офицера. Хочу доложить вам, господин посланник, что с севера к дворцу приближается неизвестный отряд.

— Найдите кого-нибудь — это не мое дело.

— Речь идет о жизни и смерти — нашей жизни и смерти.

Сказав это, КараБансити повернулся и вышел в коридор. Оглянувшись на МирдемИнгалу и увидев на лице у нее только ненависть и страх, Эсомбер выругался и вышел вслед за анатомом. Советник привел посланника на балкон. Эсомбер остановился рядом с КараБансити и, так же как и тот, принялся вглядываться в ночь. Было тепло и душно, воздух казался настолько густым, что звуки прибоя словно вязли в нем. Горизонт прогибался под тяжестью туч.

Совсем близко — казалось, их можно достать рукой — вспыхивали, гасли и снова вспыхивали язычки пламени. Борясь с хмелем, Эсомбер уставился на мигающие огоньки, пытаясь понять, что они означают.

— Люди с факелами идут между деревьями, — раздался у него над ухом голос КараБансити. — Сейчас я вижу, что их не так много, гораздо меньше, чем мне показалось сначала, ведь у страха глаза велики. Там всего двое или трое.

— Но что им здесь нужно?

— Мне тоже хотелось бы это знать, господин посланник. Вот что я сделаю: спущусь сейчас вниз и посмотрю, что к чему, а вы пока постоитесь здесь. Следите отсюда, сверху, а я скоро вернусь.

Астролог искоса глянул на посланника, и едва заметная усмешка мелькнула на его губах. Потом он ушел.

Опершись на перила, Эсомбер взглянул вниз, но чуть не свалился в потемки и, торопливо отпрянув, прислонился спиной к стене. Постояв так с минуту, он наконец услышал снизу окрик КараБансити и ответ неизвестных ночных пришельцев. Посланник закрыл глаза и принялся прислушиваться к голосам. Постепенно ему стало казаться, что к голосам астролога и двух незнакомцев присоединились другие голоса, причем эти новые голоса звали его, при этом

безбожно ругаясь, но слов он разобрать не мог. Потом мир перед ним покачнулся и начал опрокидываться.

Лишь через несколько минут он сообразил, что КараБансити зовет его снизу и вроде бы уже довольно давно.

— Что вы сказали?

— Плохие новости, господин посланник. Будет лучше, если вы спуститесь.

Оттолкнувшись от стены, Эсомбер сделал несколько шагов и едва не полетел с лестницы.

— Вот балбес, надо же было так набраться, — пробурчал он самому себе.

Выбравшись на улицу, он едва не столкнулся с КараБансити и каким-то оборванцем в пыли с головы до ног и с факелом в руке. За ним стоял второй, тоже насквозь пропыленный и тоже с факелом. Этот второй оборванец все время оглядывался назад в темноту, словно боялся погони.

— Кто эти люди?

Повернувшись к Эсомберу, первый оборванец спокойно ответил:

— Мы прибыли из Олдорандо, ваше величество, из дворца его величества короля Сайрена Стада. Мы проделали тяжелый путь — сейчас всюду очень беспокойно. Я принес послание, предназначенное лично для ушей короля Яндола-Анганола.

— Король почивает. Что вам от него нужно?

— Я принес дурные новости, господин, и передать их могу только его величеству — такой у меня приказ.

Чувствуя растущую злость, Эсомбер назвал свое имя. Взгляд гонца стал застывшим, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Если вы действительно тот, за кого себя выдаете, господин посланник, то в вашей власти отвести меня к королю.

— Я отведу гонца, господин посланник, — предложил КараБансити.

Гонцы бросили факелы у входа и вслед за советником вошли во дворец. В зале астролог отыскал лежащего короля и без долгих церемоний тряхнул его за плечо.

Сразу проснувшись, ЯндоЛанганол вскочил на ноги, сжимая рукоять меча. Оборванцы поклонились государю.

— Мы низайше просим у вас прощения, ваше величество, за то, что осмелились прервать ваш сон в столь поздний час. Ваши солдаты убили двух человек из нашего отряда и сам я, его предводитель, тоже едва не погиб.

Доставая из-за пазухи свернутый в трубку документ, подтверждающий его полномочия, гонец внезапно начал дрожать: всем было известно, какая участь ждет гонцов, приносящих дурные вести.

Король мельком взглянул на документ.

— Так с чем ты прибыл ко мне, гонец?

— Речь идет о мади, ваше величество...

— О мади? При чем здесь мади?

Гонец схватился рукой за нижнюю челюсть, стараясь заставить свои зубы перестать стучать.

— Принцесса Симода Тал, ваше величество... Она мертва. Ее убили мади.

В наступившей тишине истерический смех посланника Эсомбера прозвучал особенно громко.

Глава IV

КОСГАТТСКОЕ НОВШЕСТВО

Преодолев огромную пропасть пространства и времени, смех Элама Эсомбера достиг слуха землян. Несмотря на невообразимую даль, разделяющую два мира, Гелликонию и Землю, произвольная реакция посланника на тяжкий и неожиданный удар судьбы нашла отклик в сердцах жителей Земли.

Связующим мостиком между Землей и Гелликонией была земная Станция Наблюдения, искусственный спутник, называющийся Аверн. Аверн обращался вокруг Гелликонии точно так же, как сама Гелликония кружилась в

бесконечном танце вокруг Беталикса, в свою очередь обращающегося вокруг Фреира. В переносном смысле Аверн являлся недремлющим оком, линзой, посредством которой зрители-земляне становились свидетелями происходящего на Гелликонии.

Жизнь обитающих на Аверне людей была целиком посвящена изучению развития цивилизации Гелликонии и ничему другому. На Аверне не знали физических страданий, например, голода или холода, но жизненное пространство было ограничено, и с этим ничего нельзя было поделать. Станция-шар имела в диаметре всего километр — тысячу метров — и внутри этой шарообразной оболочки царила жизнь скучная и однообразная.

Билли Ксиао Пин внешне был типичным представителем авернского сообщества. Труд его был исключительно умственным, его невестой была милая привлекательная девушка; обязательные физические упражнения он выполнял неукоснительно и с удовольствием; как и у всех, у него был собственный мудрый Наставник, прививающий ему высшие добродетели — смирение и покорность. Но в душе Билли отличался от других: его снедало пламя странного для сына Аверна желания. Он хотел одного — всеми правдами и неправдами преодолеть полторы тысячи километров космического пространства, очутиться на Гелликонии и увидеть там королеву МирдемИнггалу, поговорить с ней, дотронуться до нее и, может быть, только может быть, вкусить ее любви. Каждую ночь королева являлась к Билли в снах и раскрывала ему объятия.

Далекие наблюдатели на Земле взирали на события в Гелликонии под углом зрения настолько своеобразным, что обитателям Аверна, которым в отличие от них не было дела до Гелликонии, он был бы непонятен. Наблюдая развод короля ЯндолАнганола, они возвращались во времени назад и видели, что он берет начало в одном сражении в Матрассиле, в местности, носящей название Косгатт. То, что случилось там с королем ЯндолАнганолом, оказало сильнейшее влияние на его дальнейшие действия и в конце кон-

цов привело — как это стало ясно потом — к неизбежному разводу с супругой.

Битва при Косгатте произошла за пять теннеров, 240 дней или половину малого года до того дня, как король и Мирдем-Инггала на берегу моря разорвали брачные узы.

В местечке Косгатт король получил телесную рану, которая потом переросла в рану душевную, причинявшую ему большие страдания.

Во время битвы при Косгатте опасности подверглась не только жизнь короля, но, что самое главное, и его репутация. И словно в насмешку, эта опасность исходила от тех, кого принято было презирать, кто считался отребьем, — от дриатов.

Как не преминули отметить земляне, главной причиной поражения армии короля ЯндолАнганола в сражении при Косгатте было примененное там нововведение, крайне эффективное по тем временам во всех смыслах, то есть смертоносное и устрашающее. Это нововведение изменило жизни не только короля и королевы Борлиена, но и всего их народа, да и многих других народов тоже. Имя этому нововведению было — ружье, фитильный мушкет.

Поражение при Косгатте было вдвойне унизительно для короля потому, что он, впрочем, как и остальные возлюбленные чада Акханаба в Олдорандо и Борлиене, отзывался о дриатах с презрением. Они и людьми-то считались с очень большой натяжкой.

Граница между людьми и нелюдьми всегда была размытой. По одну сторону этой границы лежал мир иллюзорной свободы, по другую — мир не менее иллюзорной несвободы, рабства. Иные считались животными и покорно не вылезали из своих джунглей. Мади, упрямо не желающие сворачивать с тропы бесконечных кочевий, как будто могли быть отнесены к людям, но по сути оставались существами, еще не обретшими способности к познанию. Дриаты, тоже внешне похожие на людей, были чужаками, которые занесли ногу через порог, отделяющий их от человеческой расы, да так и застыли на века в таком положении.

Наступившая на всей планете засуха никак не способствовала вхождению дриатов в семью цивилизованных народов. Исконным местом обитания дриатских племен были травянистые плоскогорья Срибрилата, начинающиеся к югу от Борлиена, по ту сторону бурливой Такиссы. Дриаты от века жили там среди бесчисленных стад йелков и бийелков, пасущихся на плоскогорьях в течение всего лета Великого Года.

Обычаи дриатов, которые остальной мир воспринимал исключительно как проявление дикости и отсталости, были продиктованы не чем иным, как суровой необходимостью выжить. Среди дриатов были широко распространены ритуальные убийства — то был способ законным путем избавляться от бесполезных соплеменников, не сумевших пройти установленного испытания. В голодные времена перебить стариков было таким же привычным делом, как и оправдать виновных на суде вождя. Из-за этих обычаев дриаты пользовались дурной славой у тех своих соседей, чьи условия существования были более благоприятны. Впрочем, до поры до времени дриаты были мирными людьми — или, лучше сказать, слишком глупыми, чтобы использовать свою жестокость для захвата чужого.

Внезапное бурное развитие южных племен на землях, ограниченных Нктрихком, — в особенности наиболее воинственных и по этому признаку объединенных в грозную орду Ундрейдом Молотом — положило конец жестокой идиллии существования дриатов. Под давлением враждебных соседей дриаты вынуждены были свернуть свои стойбища и, спустившись в предгорья Срибрилата, процветающие в сырой тени Нижнего Нктрихка, заняться там поиском пропитания, иначе говоря — грабежом и разбоем.

Великим вождем-военачальником дриатов стал человек, известный под именем Дарвлиш Череп, который внес некоторую упорядоченность в перемещение разрозненных отрядов этого племенного народа. Обнаружив в один прекрасный день, что неразвитый ум дриата хорошо подчиняется дисциплине, он выстроил племена в три большие колонны и повел их в Косгатт. Оттуда Череп намеревался ударить в

самое сердце страны короля ЯндолАнганола — взять Мат-рассил.

Борлиен в то время вел так называемую Западную Войну. Она была очень непопулярна в народе, потому что никто, включая и самого Орла, не питал иллюзий относительно ее успешного завершения: даже если бы Борлиену каким-то чудом и удалось бы завоевать одновременно и Олдорандо, и Кейце, странами этими, расположенными в гористой местности, править было бы все равно невозможно.

Навстречу новой угрозе в Косгатт была направлена отозванная из Кейце Пятая Армия. Эта карательная операция не удостоилась статуса войны, но ресурсов, и человеческих, и финансовых, потребовала не меньше, чем самая настоящая война, и сражения на ее фронтах были не менее, если не более, яростными, чем на других. Кроме того, Срибриат и дикие пустоши Косгатта были гораздо ближе к Матрассилу, чем поле битвы Западной Войны.

С королем ЯндолАнганолом у Дарвлиша были личные счеты. Отец Дарвлиша был борлиенским бароном. Вместе со своим отцом молодой Дарвлиш сражался с отцом ЯндолАнганола, тогдашним королем ВарпалАнганолом, который возжелал однажды присвоить земли своего барона. Отца Дарвлиша на глазах сына зарубил ЯндолАнганол.

После смерти барона остатки его войска обратились в бегство, и сражению наступил конец. С горсткой людей Дарвлиш пустился на восток. ВарпалАнганол и его молодой принц гнались за сыном своего непокорного вассала, выслеживая его среди сухих лабиринтов-шхер Косгатта как дикую ящерицу, и так продолжалось до тех пор, пока борлиенские солдаты просто не отказались идти дальше. Причина этому была весьма простой: в предгорьях некого было грабить.

Прожив в пустошах одиннадцать лет, Дарвлиш получил новый шанс и не замедлил им воспользоваться: «Стервятники восславят мое имя!» — таким стал его новый боевой клич.

За полгода до развода короля и королевы — когда даже мысль об этом не посещала его постоянно мятущийся ра-

зум — ЯндолАнганол был вынужден собрать войско и, встав во главе его, повести на нового — вернее, старого — врага. Припасов было мало, денег тоже, а солдаты требовали платы или добычи, которой в Косгатте, конечно же, неоткуда было взяться. Королю ничего не оставалось, как только воспользоваться услугами фагоров — в обмен на свободу и земли для поселения. Из нечелов были сформированы Первый и Второй Полки Фагорской Стражи Пятой Армии. Фагоры были идеальными солдатами в одном отношении: в бой шли и самцы и самки, и даже детеныши.

Вознаграждать фагоров за службу землей начал еще отец ЯндолАнганола — это было вынужденное следствие его политики, которая обескровила страну и сократила численность населения. В результате фагорам в Борлиене жилось гораздо лучше, чем, например, в Олдорандо, где они издавна подвергались жестокому гонениям.

Пятая Армия продвигалась на восток. Дарвлиш отступал, не ввязываясь в крупные сражения. Мелкие стычки случались во время легкого дня — ни та, ни другая армии не были расположены сражаться в темноте или когда в небе сияли оба солнца. Но переходы Пятая Армия, возглавляемая неустрашимым маршалом КолобЭктофером, совершала при свете палящего дня.

В этих безлюдных краях земля была истерзана землетрясениями, путь то и дело преграждали заросшие колючим кустарником трещины и расселины. Только там и нигде больше можно было найти воду — а кроме того, конечно же, змей и львов. Кроме них, эти пустынные земли, поросшие кактусами, были населены в основном двумя видами животных — муравьями и земляными ленивцами; ленивцы питались исключительно муравьями. Солдаты Пятой Армии ловили ленивцев и жарили их на кострах, но мясо этих зверей было жестким и горьким на вкус.

Хитроумный Дарвлиш продолжал отступать, заманивая армию короля и заставляя его как можно дальше отойти от базы. Иногда солдаты Борлиена натыкались на только что покинутые лагеря кочевников с еще дымящимися кострами

или фальшивые укрепления, оставленные Дарвлишем для того, чтобы сбить с толку карательную экспедицию. На осмотр покинутых лагерей и фортов уходил по меньшей мере день, и неприятель, разумеется, использовал это время с пользой.

Маршал КолобЭктофер в дни своей молодости был большим любителем странствий по диким местам и хорошо знал Срибрилат, а также и горы над Срибрилатом, на вершинах которых, как говорили, уже не было воздуха.

— Скоро они остановятся, — сказал он однажды вечером разъяренному королю, который на чем свет клял неуловимого противника. — Череп будет вынужден дать сражение, иначе его люди взбунтуются. Думаю, он хорошо это понимает. Мы уже значительно далеко отошли от Матрассила, и обозам с припасами все труднее нас догонять. Череп об этом прекрасно знает и скоро скомандует остановку. Но нам от этого легче не будет — Череп коварен и хитер, от него можно ждать чего угодно.

— Например?

КолобЭктофер покачал головой:

— Пускай Череп и хитер, но по большому счету он глуп. Наверняка он попытается применить какую-нибудь из старых уловок своего отца. Но мы будем готовы.

Дарвлиш нанес удар на следующий день.

Путь Пятой Армии преградила очередная расселина; на другой ее стороне были видны боевые цепи дриатов. Ширина ее была около четырех бросков дротика.

Сигнальщики передали по армии приказ: готовиться к переправе через расселину и решающему бою на той стороне. В авангард был поставлен Первый Фагорский, в надежде на то, что невозмутимые негибаемые нечелы вселят страх в скудоумных дикарей.

Дриаты, хоть и были дикарями, расположились толково — их сторона расселины находилась в тени. Рассвет наступил совсем недавно, и Фреир еще был скрыт облаками. А когда жаркое светило наконец поднялось, стало ясно, что вражеская часть расселины останется в тени по меньшей

мере еще два часа; Пятая же Армия очутилась под палящими лучами Фрейра.

С тыла дриатов прикрывала полоса скалистых утесов, переходящих в высокие горы. Левый фланг королевской армии стоял на небольшом холме, углом врезающемся в расщелину. Между холмом и скалами находилась гора, будто нарочно поставленная туда, чтобы прикрывать правый фланг орды Черепа. На ее вершине был наспех сооружен грубый форт, на башенках которого развевались выцветшие вымпелы с непонятными символами.

Борлиенский Орел и его фельдмаршал устроили совещание. За спиной фельдмаршала стоял его ординарец, неразговорчивый сержант, известный под прозвищем Бык.

— Прежде всего необходимо выяснить, сколько людей у Черепа в этом форте на горе, — сказал ЯндолАнганол.

— Мне знакома эта уловка — Череп научился ей от отца. Наверняка он надеется, что мы первым делом бросимся штурмовать форт и потеряем на том много сил и времени. Я уверен, что форт скорее всего пуст, там нет ни одного дриата.

Некоторое время все молча размышляли над сказанным. С вражеской стороны расщелины доносился аромат жареного мяса, от которого сжимались желудки голодных борлиенцев.

Толкнув одного из стоящих рядом офицеров в бок, Бык шепнул ему что-то на ухо.

— Говорите громче, сержант, мы все хотим знать ваше мнение, — резко подал голос Орел. — Так что же у вас на уме?

— Ничего, государь.

Лицо короля перекошилось от ярости.

— Так давайте услышим это ничего.

Сержант взглянул на своего монарха, хитро прищунив один глаз.

— Государь, я сказал, что наши люди растеряны. Так уж устроен простой человек и от этого никуда не деться — я ведь говорю и о себе тоже, — что во всем ищет выгоды, желая хоть как-то выбиться из нищеты. Он идет в армию в надежде на поживу и берет все, что попадает под руку. Но

у этих дриатов ничем не поживишься. А женщин среди них нет. Так что надеяться на то, что наши парни пойдут в атаку с большой охотой, не приходится.

Король впился тяжелым взглядом в лицо сержанта и смотрел на него так до тех пор, пока Бык не опустил взгляд и не попятился.

— Сначала нужно разделаться с Черепом, Бык, а потом уж думать о женщинах. Может оказаться, что дикари прячут своих жен и сестер где-нибудь неподалеку в пещерах.

КолобЭктофер откашлялся.

— Позвольте мне сказать кое-что, государь, конечно, если у вас еще нет готового плана. По-моему, задача, стоящая перед нами, относится к разряду невыполнимых. Дикари вдвое превосходят нас численностью, и хотя наши хоксни намного проворнее их йелков и бийелков, для ближнего боя эти коровы пригодны гораздо больше.

— Теперь, когда я наконец нашел их, я не могу отступить — об этом не может быть и речи.

— Никто не говорит об отступлении, государь, я просто предлагаю не лить понапрасну кровь, а подыскать позицию получше и тогда уж атаковать. Если бы мы смогли подняться на эти утесы, что нависают над расселиной, то...

— Или почему бы нам, государь, — вставил один из офицеров, — не устроить в подходящем месте засаду? Это дало бы нам возможность...

ЯндолАнганол задрожал от гнева.

— Вы офицеры или трусливые козы? На нашу землю вторглись враги. Что же еще вам нужно? К закату Фреира мы все станем героями и наши имена будут увековечены в легендах. Чего же медлить?

КолобЭктофер потоптался на месте.

— Я просто указал, государь, на то, что наша позиция не слишком выгодна, вот и все. Таков мой долг. Мысль о добыче могла бы поднять боевой дух воинов, только и всего.

ЯндолАнганол сверкнул глазами.

— Да ведь это же дикари — как можно их опасаться? Наши лучники разделяются с ними за час.

— Это дело, государь. Если вы сумеете внушить нашим людям, что орда Дарвлиша — это всего лишь банда неумелых дикарей, может, они и воспрянут духом.

— Я поговорю со своими солдатами.

КолобЭктофер и Бык мрачно переглянулись и сочли за лучшее промолчать. Сержант отправился отдавать команду занимать боевые позиции.

Второй Полк Фагорской Стражи был переведен на левый фланг. Пятьдесят хоксни после долгого пути, на котором их в основном использовали в качестве вьючных животных, были в плачевном состоянии и запросто могли подвести своих всадников. Снятую с них поклажу оставили под охраной в небольшой ложбине позади холма. В случае поражения в битве вся она досталась бы дриатам. Пока все это происходило, тень от нависающего утеса медленно укорачивалась, словно напоминая людям, что все они смертны.

Тень на противоположной стороне расселины тоже постепенно истаяла, и теперь врага можно было хорошо разглядеть. Дриаты, гордо восседающие на своих бийелках, были одеты в рваные и серые от грязи шкуры. Некоторые, видимо, в качестве дополнительной брони, завернулись поверх шкур в толстые полосатые одеяла. Лишь немногие могли похвастаться обувью — высокими узкими сапогами или онучами; основная масса была босиком. На головах дикарей были мохнатые шапки, сшитые из шкур бийелков и украшенные — для того, чтобы подчеркнуть высокое положение владельца или просто для устрашения — коровьими и оленьими рогами. У каждого дикаря на штанах намалеван или вышит яростно напрягшийся фаллос.

Вскоре борлиенцы заметили среди дикарей Черепа. Сделать это было нетрудно, поскольку его кожаные доспехи и меховая шапка были выкрашены в безумный оранжевый цвет. Под ветвистыми оленьими рогами скалилось сухое лицо с острой бородкой. Страшная рана, полученная Черепом в давнишней схватке с молодым ЯндолАнганолом, обезобразила его навсегда: сталь срезала часть мяса со щеки и челюсти. Сквозь дыру до сих пор проглядывали кости и зубы.

Череп выглядел не менее устрашающе, чем его разношерстное воинство. Под Дарвлишем рыл копытом землю могучий бийелк.

Подняв дротик над головой, Череп проорал со своей стороны расселины:

— Стервятники восславят мое имя!

Ответом ему был нестройный хор одобрительных голосов; между каменными стенами утесов заметалось громкое эхо.

ЯндолАнганол поднялся в стременах.

— Ну что, Череп, так и будешь стоять там, пока твое лицо не обгниет окончательно?

Он специально произнес эти слова на смешанно-олонечком, чтобы все дриаты их поняли.

С обеих сторон раздались крики: с одной — насмешливые, с другой — негодующие. Дарвлиш ударил пятками своего бийелка и подъехал к самому краю расселины.

— Ты слышишь меня, Яндол-слабачок? — прокричал он в ответ. — Или твои уши, как всегда, забиты шерстью? Ты, ублюдок дряхлого дурачка, хватит ли у тебя храбрости перебраться сюда и сразиться с настоящими мужчинами? Что это — я слышу какой-то стук? Ах да, это же стучат твои зубы. Уползай прочь, ты, падаль, и забирай с собой своих дереванных солдатиков!

Дождавшись, пока стихнет эхо, ЯндолАнганол в свою очередь проорал:

— Это не твоя подруга там блеет, Дарвлиш — козий вожак? Кого ты называешь настоящими мужчинами — этих колченогих обезьян, что трусливо жмутся рядом с тобой? Правда, кто еще согласится связаться с таким мерзким уродом, как ты? Кто еще сможет вынести вонь твоей гнилой рожи, кроме этих дикарей, чьи бабушки спали с фагорами?

Оранжевая шапка чуть дрогнула.

— И это ты говоришь о фагорах, ты, пещерная тварь, у которой в любовниках малолетний двурогий? Конечно, кому, как не тебе, знать толк в фагорах, ведь ты с ними днюешь и ночуешь, а может, и ешь их. Давай, гони свое зверье в расселину и бейся честно, ты, тараканий король!

Со стороны дриатов донеслись раскаты дикого хохота.

— Страхни со шкуры пауков и мусор и попробуй сам напасть на нас, ты, трусливый криволицый прислужник дриатов!

Пока продолжался этот обмен любезностями, КолобЭктофер снарядил небольшой отряд с приказанием зайти врагу в тыл.

— Могильный камень на грудь лучшему другу двурогах!

— Вычистим грязь из Косгатта!

Борлиенцы медленно двинулись вперед, подбадривая себя воинственными криками и размахивая оружием. Дриаты на другой стороне поползли им навстречу.

— Как будем брать форт на вершине горы, ваше величество? — спросил КолобЭктофер.

— Я склоняюсь к тому, что вы, маршал, скорее всего были правы. Этот форт, похоже, просто попытка нас провести. Забудем о нем. Вы, маршал, возглавите ударный отряд хоксницы, за вами пойдет пехота и Первый Фагорский. Я возьму Второй Фагорский и отведу его за гору, чтобы дриаты потеряли нас из виду. Вы нападете на них первыми, а мы, подкравшись незаметно, атакуем их с фланга, сомнем его и обойдем врага с тыла. Зажмем Черепа в клещи и сбросим в расщелину.

— Я исполню ваш приказ в точности, государь.

— Да пребудет с вами Акханаба, маршал.

Пришпорив хоксни, король поскакал туда, где стоял Второй Фагорский.

Нечелы не боялись смерти, но им нужна была уверенность, что они гибнут не напрасно. Ничто в этом походе им ее пока не давало, и поэтому их настроение было далеко от боевого; перед тем как начать задуманный маневр, королю пришлось обратиться к ним с короткой речью.

Он произнес ее на родном языке фагоров — хурдху. Эта горловая, невероятно сложная, изобилующая согласными речь в корне отличалась от смешанно-олонецкого, принятого для общения между различными народностями Геспатората, и ни в коем случае не была его разновидностью, а

представляла собой мостик, переброшенный между людьми и нелюдьми. Говорили, что он, как и многие нововведения, пришел из далекого Сиборнела.

В родном языке фагоров было только одно время, настоящее продолженное. Ясно, что говорящие на таком языке просто не могли обладать абстрактным мышлением; даже элементарный счет, основанный на тройке, давался фагорам с большим трудом. Нечелы, которым удалось постигнуть математику, посвящали себя нескончаемым подсчетам ушедших лет и хвастливо утверждали, что ими изобретен особый способ безвременного выражения. Безвременное выражение являлось еще одной формой языка фагоров, эзотерической, оперирующей с концепциями вечности.

Естественная смерть была понятием, неизвестным фагорам. Уход из жизни они обозначали словом «умвелт», и смысл его был неподвластен разуму человека. Как правило, большинство фагоров более или менее были способны выражать свои мысли на безвременном, хотя мало кто из них владел священной речью так же свободно, как простым, бытовым хурдху. Фагоры ценили свой язык еще и за то, что в нем неологизмы были почти так же невозможны, как и абстрактные понятия. Так, на хурдху «человек» буквально означало «сын Фрейра»; «цивилизация» — ни больше ни меньше как «много крыш»; «армия» — «копья, движущиеся по приказу», и так далее. Даже королю ЯндолАнганолу, который сносно мог изъясняться на хурдху, потребовалось немало усилий, чтобы донести до фагоров то, что хотел.

Но как только нечелы поняли, что вонючее воинство по ту сторону расселины топчет их исконные пастбища, а с рунтами обращается как со скотом, дело было сделано — все как один стали рваться в бой.

Едва Второй Фагорский пришел в движение, КолобЭктофер скомандовал выступать и основным силам. Борлиенцы устремились в атаку. Пыль за клубилась в воздухе. Две армии встретились на относительно ровной площадке между краем расселины и подножием горы, но ни те, ни другие не спешили преодолевать последние несколько футов, ос-

тавшиеся до противника. Борлиенцы и дриаты остановились и принялись осыпать друг друга оскорблениями. Борлиенцы не слишком рвались в бой, а дриаты, не привыкшие к слаженным военным действиям, предпочитая им быстрые набег и такие же поспешные отступления, теперь не знали, что делать. Вожди орали на них, тыкали копьями в спины, обезумевший Дарвлиш скакал взад и вперед, выкрикивая ругательства, — но все без толку.

Потом в воздух со свистом взмыли дротики, и, наконец, сталь со звоном встретилась со сталью и первый меч вонзился в тело первого воина. На смену ругательствам пришли крики боли. В небе над полем битвы закружились птицы, предвкушая добычу. Отряд ЯндолАнганоло появился из-за горы и, как было задумано, устремился на правый фланг дриатов.

Но в это время с холмов над головами фагоров раздался ужасающий грохот. Оказалось, что женская часть дриатского воинства — маркитантки, шлюхи и просто любительницы странствий — устроила там засаду. С криками вскочив на ноги, дриатки обрушили на врага заранее приготовленные огромные валуны. Фагоры от неожиданности застыли как вкопанные и были сметены, как кегли, сшибленные шаром, пущенным рукой опытного игрока. Вместе со взрослыми погибло и много детей.

Сержант Бык был первым, кто заметил укрывшихся в засаде дриаток: у него вообще был на женщин особый нюх. Возглавляемый им небольшой отряд отборных воинов, посланный маршалом в тыл неприятеля, под прикрытием кактусов прошел вдоль расселины, спустился сквозь заросли до дна и, выбравшись на правую сторону, незамеченным поднялся на утес.

Восхождение на утес было равно подвигу, но в конце концов их усилия были вознаграждены: с гряды воины увидели в ложине чуть ниже и впереди несколько десятков дриаток в вонючих юбках. Валуны с деревянными рычагами не оставляли сомнений о планах этих коварных созданий. О стреми-

тельной внезапной атаке по неровному склону нечего было и мечтать, а копыя борлиенцы оставили у края расселины — они взяли с собой только короткие мечи. Оставалось только побить шлюх их же оружием — то есть камнями. Когда шлюхи начали сталкивать валуны на фагоров, отряд Быка как раз приготовился атаковать.

— Возьмем то, что нам причитается, мои бычки! — выкрикнул сержант. В воздухе засвистели камни, пущенные руками борлиенцев. Но дриатки выдержали обстрел, и, сбросив все валуны, с криками начали разбегаться. А внизу, под склоном холма, гибли под рукотворным обвалом фагоры.

Увидев, что их ловушка сработала, дриаты воодушевились и набросились на борлиенцев с утроенной силой и яростью. Звенели мечи, из задних рядов летели дротики. Как всегда бывает, скоро общее сражение рассыпалось на отдельные кровавые стычки. Бык смотрел на эту бойню с вершины холма. Он видел могучую фигуру своего маршала, размахивающего окровавленным мечом, и сердце его разрывалось оттого, что он не может быть сейчас там, в гуще битвы. Но потом он перевел взгляд в другую сторону — и похолодел. Король ошибся. Форт на вершине столовой горы не был пуст. В нем прятались воины.

Бык спешно повел своих людей назад, туда, где кипело сражение, в надежде успеть предупредить маршала. По пути он увидел несколько дротиков, брошенных убегающими дриатками. Бык остановился, подобрал один и задумчиво взвесил в руке. Потом посмотрел на форт, прикидывая расстояние. Спины воинов в форте были хорошо видны сквозь бойницы.

В это время один из дриатов оглянулся и тоже увидел Быка через бойницу. Он встал во весь рост, а вслед за ним поднялся и второй воин, его товарищ. В следующее мгновение у второго дриата оказалось в руках какое-то приспособление, похожее на длинную палку. Он приник к одному концу этой «палки», а второй положил на плечо своего товарища и направил его в сторону Быка. Сержант понял, что это оружие.

Собрав все силы, Бык метнул дротик в направлении фор-та. Поначалу казалось, что тот долетит до цели, но это впечатление было обманчивым: дротик упал на землю за несколько шагов до глинобитной стены укрепления.

Странное оружие дриатов окуталось дымом, и что-то со злобным шмелиным жужжанием пронеслось над ухом Быка. Сержант нагнулся за вторым дротиком.

Двое дриатов тоже были заняты делом: они что-то торопливо забивали в свою «палку» длинным и тонким прутом. Потом они снова нацелили удивительное оружие на Быка. Как только он, разбежавшись, метнул дротик, «палка» снова дохнула дымом. На этот раз Бык услышал еще и отдаленный хлопок. Почти одновременно с этим раскаленный палец ткнул его в левое плечо, да так сильно, что сшиб с ног. Сержант упал лицом в пыль. Левая рука у него онемела.

Из-за камней вдруг выскочила дриатка с кинжалом в руке и бросилась на раненого борлиенца. Бык подсек ей ноги и, когда она упала, схватил правой рукой за горло. Сцепившись, они вместе покатались с утеса вниз.

Тем временем в форте был отдан приказ открыть огонь. Все стрелки, что там были, вскочили, выставили свое невиданное оружие в бойницы и дали залп по борлиенцам. С торжествующим криком Дарвлиш Череп ударил пятками своего бийелка и поскакал в самую гущу битвы. Теперь уже ни у кого не было сомнения, на чьей стороне будет победа.

Борлиенцы дрались отчаянно, но огонь мушкетов косил их, словно коса — колосья. Многие умирали, не успев даже понять, откуда пришла смерть. КолобЭктофер мгновенно сообразил, откуда у дриатов это оружие трусов, позволяющее убивать на большом расстоянии. Не было сомнений, что оно порождено хитрым и злобным разумом сиборнельцев. Надежды выиграть сражение уже не было, но все же стоило попытаться заткнуть глотку маленькому форту на вершине горы.

Собрав шесть сотен опытных старых воинов, КолобЭктофер по единственной тропке повел их на приступ. В это

время раздался веселый хлопок взрыва: один из мушкетов взорвался, оба стрелка были убиты на месте. Остальные дриаты растерялись и не смогли оказать отряду маршала хоть какого-то организованного сопротивления. Борлиенцы ворвались в форт и не оставили в живых никого.

Но этот успех не спас королевскую армию. Пока Колоб-Эктофер штурмовал гору, остальные борлиенцы, не выдержав натиска дикарей, обратились в бегство. С победными криками дриаты обрушились на отряд Эктофера, и в считанные минуты маршал и его воины были изрублены на куски. Обезумевший от радости победы, Дарвлиш разбил свое войско на небольшие отряды и устроил настоящую охоту на уцелевших борлиенцев. Так печально закончилась эта битва, в которой впервые было использовано огнестрельное оружие.

В публичном доме на окраине Матрассила проснулся некий торговец льдом. Шлюха, с которой он делил этой ночью ложе, уже поднялась и, позевывая, бродила по комнате. Приподнявшись на локте, торговец почесал грудь и кашлянул.

— Мэтти, пелламонтейн есть? — хрипло спросил он шлюху.

— В чайнике еще должен быть, — шепотом ответила та.

Торговец знал эту шлюху давно, и по утрам она всегда пила пелламонтейновый чай.

Он сел на кровати и быстро натянул через голову рубашу. Сейчас, при свете, он стеснялся своего тощего тела. Вслед за шлюхой торговец прошел из комнаты в маленькую тесную кухоньку. Он смотрел на Мэтти и думал о том, что она готовит чай не хуже, чем его собственная жена. Да и шлюхой ее больше не назовешь — ей, наверное, двадцать девять, а может, и все тридцать, она всего-то на пять лет его младше и уже подурнела. Но в постели она по-прежнему хороша. Шлюха, ушедшая на покой, так будет правильнее. В последний год Мэтти принимала только старых друзей, и то в виде большого одолжения.

Мэтти надела скромное, но дорогое платье: она собиралась идти в церковь.

— Почему ты меня не разбудила?

— Я хотела, чтобы ты подольше поспал, Криллио.

— Ничего, я привык вставать рано, — сказал он и добавил: — Мне не хотелось бы уходить, не попрощавшись с тобой и не поблагодарив.

Он вдруг поймал себя на мысли, что за эти годы успел привязаться к этой женщине.

— Тебе пора возвращаться к семье, — сказала она, не поднимая на него глаз. Мэтти насыпала в чашки заварку, и ее движения были точными и деловитыми — впрочем, такой она была во всем.

Накануне корабль торговца встал под разгрузку у причала Матрассила. Отплыв из Лордриардри, он пересек море Орла, добрался до берегов Оттассола и поднялся по бурливой Такиссе до самой столицы. На сей раз, кроме льда, торговец привез в Матрассил своего сына, Дива, которого собирался приохотить к делу и познакомить с деловыми партнерами. Кроме того, торговец был намерен представить своего сына Мэтти, с которой сам водил знакомство едва ли не с тех пор, как первый раз привез в Матрассил лед для королевского двора.

Вчера вечером подруга Мэтти привела девушку, которую хотела выдать за Дива, — сироту Западной Войны, стройную и миловидную, с прекрасными чувственными губами и роскошными волосами. На вид она казалась юной и неискушенной, но ее опыт в делах любви и вообще в жизни во много раз превосходил все, что знал в этой области Див. Хотя вчера, когда ее привели показать им, она казалась такой же юной и неискушенной, как Див. Торговец осмотрел девушку со всем тщанием и даже проверил при помощи медной монеты ее влагалище на предмет дурной болезни. Монета не позеленела, и он остался вполне удовлетворен. Он считал сына глупым и недалеким, но все равно хотел для него только лучшего и, по возможности, самого лучшего.

— Мэтти, мне казалось, что твоя дочь будет Диву хорошей парой.

Свое Мэтти всегда старалась держать при себе.

— А чем плоха эта девушка?

При этом взгляд ее как бы говорил: «Ты занимайся своим делом, а мне позволь заниматься моим», но вслух — быть может, подумав о том, что торговец, всегда плативший ей очень щедро, обидится, уйдет и уже никогда не вернется — она сказала:

— Моя дочь Абази — своенравная девушка, и у нее большие планы. Недавно она заявила, что хочет перебраться жить в Оттассол. Я сказала ей, что в Оттассоле она не найдет ничего, чего не было бы здесь, а она ответила, что хочет увидеть море. Не море ты увидишь там, а бесчисленных моряков, подумала я.

— И где же Абази теперь?

— Она живет одна, потому что любит самостоятельность. Снимает комнату, у нее есть мебель и немного хорошей одежды. Копит деньги, чтобы податься на юг. Она молодая, хорошенькая и уже завела себе богатого друга.

Заметив тщательно скрываемую ревность в глазах Мэтти, торговец льдом только молча кивнул. При всем своем любопытстве, он почел за лучшее не уточнять, кто этот богатый дружок дочери Мэтти.

— Ты уже уходишь, папа? — спросил отца Див. Ему было неуютно в присутствии старших и явно не терпелось остаться с девушкой наедине.

Торговец ушел с Мэтти, предоставив сыну возможность разбираться во всем самому. Сейчас он наверняка еще дрыхнет этажом ниже, уткнувшись носом в плечо своей новой знакомой. Вчера, выполняя свой отцовский долг, торговец был доволен собой, но теперь, вспомнив об этом, он загрустил. Он был голоден, но просить о завтраке Мэтти не хотел — таково было неписаное правило. Все его тело ломило: постели шлюх хороши для любовных утех, но для обычного сна они мало годятся.

Вспоминая минувший вечер, он вдруг подумал, что в этом был какой-то символический смысл. Передавая своего

сына в руки молоденькой шлюхи, он словно бы объявлял, что с этих пор отказывается от прежней разгульной жизни и начинает жизнь новую, более спокойную, степенную. Быть может, это первый знак приближающегося бессилия? Из-за женщин он когда-то потерял все, опустился до нищенства; но снова сумел подняться, наладить дело, хотя и не утратил своего страстного увлечения женщинами. И вот теперь этот главный его интерес стал затухать... когда он исчезнет совсем, в душе у него останется лишь гулкая пустота.

Он принялся размышлять о своей безбожной родине, Геспагорате. Да, Геспагорат, без сомнения, нуждался в боге, но только не в том, которому истошно поклонялся помешавшийся на религии Кампаннлат. Вздохнув, он спросил себя, почему то, что находится между упругих бедер Мэтти, лично над ним имеет куда большую власть, чем любое божество.

— Идешь в церковь? И не жалко тебе время даром терять?

Мэтти неопределенно кивнула. С клиентами она старалась не спорить.

Взяв в ладони чашку с горячим пелламонтейновым чаем, торговец вернулся в спальню и оглянулся на Мэтти, которая уже выпила свой чай, натянула черные перчатки до локтей и сейчас поправляла бусы на морщинистой шее.

Почувствовав его взгляд, она сказала:

— Почему бы тебе еще не поспать? Еще никто не проснулся — слышишь, в доме все тихо.

— Мы с тобой всегда хорошо ладили, Мэтти, — заговорил он, еще надеясь услышать от нее хоть намек на то, что и она равнодушна к нему. — Знаешь, с тобой мне даже лучше, чем с собственной женой и дочерью, — добавил он в отчаянии.

Похожие признания Мэтти слышала почти ежедневно.

— Мне приятны твои слова, Криллио. Надеюсь, что в следующий твой приезд я снова... мы снова увидим Дива.

Она проговорила это очень быстро и сразу пошла к двери, чтобы торговец не успел преградить ей путь. Но тот ос-

тался стоять там, где стоял — посреди комнаты с чашкой чая в руке, и до дверей она добралась беспрепятственно. В таком возрасте, как у Криллио, мужчин одолевают нелепые фантазии. Хуже, чем женщин. Ничего, через день пройдет. Что до Мэтти, то она давно привыкла, расставаясь с клиентами поутру, тут же выбрасывать их из головы.

Торговец уселся на кровать и принялся прихлебывать чай. Потом встал и, толкнув ставни, выглянул наружу: ему хотелось увидеть, как она быстро идет по еще совершенно пустой улице. Неожиданно он заметил у соседнего дома прохожего, мужчину, который брел, держась рукой за стену. За ним, жалобно мыча, ковылял маленький фагор, рунт.

Из дверей внизу на улицу вышла Мэтти.

Заметив незнакомца, она остановилась. Кто-кто, а Мэтти знает о пьяницах все, подумал торговец. Выпивка и шлюхи во всем мире идут рука об руку. Только этот человек не был пьян. Он шел, шатаясь, но за ним по брусчатке мостовой тянулся кровавый след.

— Я сейчас спущусь! — крикнул торговец. В одной рубашке он выбежал на пустынную улицу и подбежал к Мэтти. Она стояла неподвижно, словно выросла в землю.

— Оставь его в покое — он ранен. В дом я его не пушу, еще накличет беду.

Раненый, застонав, поднял голову, и торговец едва не задохнулся от изумления.

— Мэтти, ради Всемогущего! Это же король, собственной персоной... Король ЯндолАнганол!

Бросившись к королю, торговец и шлюха подхватили его под руки и повели к дверям публичного дома.

Из участников сражения при Косгатте, как эту битву стали называть после, в Матрассил вернулись немногие. Поражение, которое потерпел Орел от дриатов, покрыло его несмываемым позором. Целую неделю стервятники пировали, восхваляя имя Дарвлиша.

После выздоровления — во дворце за королем ухаживала его верная жена, королева МирдемИнггала — Орел поклялся

в скритине в присутствии депутатов, что орды дриатоз, какими бы многочисленными они ни оказались, будут истреблены до последнего человека. Однако в песенках, которые скоро принялись распевать бродячие музыканты, утверждалось обратное. Вся страна оплакивала гибель КолобЭктофера. В нижних залах королевского дворца поминали добрым словом Быка. Ни тот, ни другой так и не вернулись домой.

Примерно в те же дни король ЯндолАнганол принял знаменательное решение: во-первых, Борлиен должен заручиться союзом соседей — членов великой Панновальской Империи, в особенности Олдорандо и самого Панновала. А во-вторых, он, король, должен во что бы то ни стало вооружить свою армию тем оружием, которым так успешно воспользовались дикари-разбойники.

Он вызвал к себе советников и обсудил с ними детали. В этой беседе впервые мелькнула мысль о возможности династического брака с дочерью королевского дома соседнего государства, что в результате и привело ЯндолАнганола полгода спустя в Гравабагалинен. С того же дня он начал отдаляться от прекрасной королевы. Размолвка с матерью заставила отвернуться от отца и королевского наследника, принца. А кроме того, по воле безжалостной судьбы, его решение в итоге послужило причиной гибели несчастной принцессы, вина за смерть которой была возложена на расу предзнающих, которых еще называли мади.

Глава V

ПУТЬ МАДИ

Среди разумных существ, населяющих Кампаннлат, мади были расой особой. Их обычаи не имели ничего общего с укладом жизни ни людей, ни фагоров. Более того, каждое племя мади жило так, словно не замечало существования других племен своих сородичей.

Во время нашего рассказа одно из таких племен мади совершало неспешный переход на запад через область, носящую название Хаззиз, — полупустыню, начинающуюся в нескольких днях пути от Матрассила.

Странствия мади начались в незапамятные времена, о которых сейчас уже не помнил никто. Почему они двинулись в свой бесконечный путь, теперь уже не могли сказать ни сами предзнающие, ни представители других рас. Мади от рождения были кочевниками. Они появлялись на свет в дороге, вырастали, женились и обзаводились потомством в дороге и в дороге же закрывали навечно глаза.

Понятия «жизнь» и «путешествие» в языке мади обозначались одним словом — «ахд». Выражение «жизненный путь» для них не было образным, а будущего и прошлого в человеческом понимании для мади не существовало.

Многие полагали, что именно из-за своего языка мади держатся так обособленно. Этот язык напоминал пение, и мелодия в нем несла большую смысловую нагрузку, чем слова. Присущая ему удивительная завершенность странным образом соседствовала с упрощенностью и несовершенством, и это не позволяло чужакам — в первую очередь людям — проникнуть в тайны культуры мади.

И все же сейчас некий молодой человек собирался совершить такое проникновение.

Еще в детстве он пытался научиться говорить на хр'мади'х и надеялся, что теперь это облегчит ему задачу. Его помыслы были чисты, а мотивы — учитывая его возраст — вполне серьезными.

Он ждал в тени каменного столба в пустыне с высеченными на нем символами Бога. Этот знак когда-то отмечал границу земляной октавы или линии здоровья; сейчас, во времена развития науки, большинство считало это суеверием. Суеверия мало волновали молодого человека.

Наконец появились мади. Они двигались неорганизованной толпой, и пение обгоняло их. Проходя мимо юноши, мади не удостоили его даже взглядом, зато к камню, у подножия которого он стоял, многие поворачивались и даже

трогали пальцами грубые письма. И мужчинам и женщинам мади одеждой служили подпоясанные веревками джутовые мешки с прорезями для рук и головы. Мешки были снабжены капюшонами на случай плохой погоды. На ногах у вечных странников были грубые деревянные башмаки.

Юноша молча ждал знака.

Он вглядывался в движущиеся мимо фигуры, словно выматривал близкого человека, с которым когда-то расстался. Мади несли на лицах печать какой-то только им одним ведомой муки в сочетании с только им свойственными простотой и невинностью, что придавало им, стройным и хрупким зверькам, сходство с бледными цветами, выросшими на скудной почве.

Мади очень напоминали людей, но в их облике было немало черт, присущих исключительно им: большие карие глаза навывкате, прикрытые длинными пушистыми ресницами, тонкие острые носы с горбинкой, придающие облику своих хозяев что-то птичье, скошенные лбы и несколько недоразвитые нижние челюсти. Но в целом, и молодой человек не мог с этим не согласиться, лица мади были красивы какой-то странной красотой и производили пугающе-притягательное впечатление. Глядя на странников, юноша невольно вспоминал собаку, которая была у него в детстве, очень симпатичную и умную беспородную дворнягу, а еще — бело-коричневые цветы бирючины.

Человеку, незнакомому с мади, отличить у них мужчин от женщин было непросто, но для того, кто знал, на что нужно смотреть, это не составляло труда. У мужчин-мади на макушке были две шишки, и еще две — по обе стороны нижней челюсти. Обычно мади их прятали под волосами. Но однажды юноше удалось разглядеть их вблизи, и он увидел пеньки отпиленных рогов, торчащие из этих шишек.

С нежным вниманием молодой человек смотрел на проплывающие мимо лица. Ему было близко простодушие мади, несмотря на то что огонь ненависти продолжал сжигать его душу. Юноша готов был убить своего отца, короля Яндол-Анганола.

Ахд неторопливо тек по тропе. И внезапно юноша получил свой знак.

— О, благодарю! — воскликнул он.

Девушка, что шла ближе к обочине, повернула голову и на мгновение взглянула ему прямо в глаза. То был Взгляд Согласия. За взглядом не последовало ничего, ни слова, ни жеста — да и сам взгляд погас так же быстро, как и блеснул, но не понять его было нельзя. Юноша отошел от столба и двинулся вслед за девушкой. Она уже не обращала на него внимания; одного Взгляда должно было быть достаточно.

Так он стал частью Ахда.

Вместе со странниками шли их животные: йелки, пойманные на пастбищах Великого Лета, аранги, овцы, фхлебихты — а еще собаки и козы-асокины; все такие же молчаливые и погруженные в ритм кочевой жизни, как их хозяева.

Молодой человек предпочитал называть себя «Роба» и к своему титулу принца относился с презрением. Шагая по пыльной тропе, он с кривой улыбкой вспоминал, как скучающие придворные дамы, рисуясь, частенько поговаривали о том, как бы им хотелось однажды стать такими же свободными, как бродяги-мади.

На закате Беталикса племя устраивалось на ночевку и с первыми лучами солнца вновь отправлялось в путь. В течение дня делалось несколько привалов — коротких и совершенно не зависящих от того, сколько солнц сияло на небе, одно или два. Роба быстро понял, что такие мелочи просто проходят мимо сознания мади; все их внимание было полностью поглощено тропой.

Иногда на пути племени попадалась река или скалистая гряда. Мади преодолевали препятствие с такой же невозмутимостью. На переправах часто тонули дети, взрослые гибли, срываясь со скал или в когтях хищников — но, что бы ни произошло, Ахд не прерывался, и так же безостановочно текли напевы дорожных бесед.

Чаше всего в этих песнях повторялись слова «шерсть» и «вода». Их твердили, как твердят молитву в правоверной

стране. Если бы у мади был Бог, он наверняка состоял бы из воды и шерсти.

На стоянках и коротких привалах мужчины поили животных, давали им корм, а женщины и девушки снимали с йелков примитивные ткацкие станки и принимались ткать из крашеной шерсти коврики и полотно для одежды.

Вода была основой жизни мади, а шерсть — их товаром.

Вода есть Ахд, шерсть есть Ахд, пели мади, и в этом была своя правда.

Мужчины чесали шерсть и красили, а женщины ее сучили. Все, что выходило из-под рук мади, было сделано из шерсти. Шерсть фхлебихтов и сатар была самой тонкой и нежной; из нее делались королевские мантии.

Готовые изделия паковались во व्यюки и укладывались на йелков, а потом шли на продажу в городах, попадающихся вдоль тропы — Дистаке, Йисче, Олдорандо, Акаке...

Вечером, накормив животных, мади ужинали сами и ложились спать прямо на землю, вплотную друг к другу.

Тропа мади была так же неизменна, как и распорядок их дня. Путь в одну сторону занимал, как правило, один малый год, поэтому вопрос измерения времени у мади решался просто: время приравнивалось к расстоянию, пройденному и оставшемуся. Поняв это, Роба сделал свой первый шаг в познании хр'мади'х.

О том, что мади в пути уже много сотен лет, можно было судить по состоянию обочин тропы. Женщины срывали на ходу ветви и листья афрама, хны, красной черемичи и мантила — из них делалась краска. Одновременно с тем они роняли семена тех растений, которые употребляли в пищу, например бартлея. Таким образом мади на своем пути губили растительность, но вместе с тем давали возможность земле обновиться. Даже в полупустыне мади шли среди извилистой полосы кустарника, трав и даже редких деревьев, причиной появления которых были сами вечные странники. В горах вдоль тропы росли цветы, которые в обычных условиях встречались лишь на равнине.

Через несколько теннеров бесцельного и безостановочного движения Роба позабыл свою принадлежность к роду людскому, и ненависть к отцу покинула его сердце. Ахд стал его жизнью, и порой ему казалось, что он понимает песни своих безразличных ко всему спутников.

И все же, хотя он едва ли не с детства предпочитал странствия жизни при королевском дворе, вхождение в племя далось ему непросто: главной сложностью было приспособиться к пище кочевников. У мади сохранилась боязнь огня, и потому приготовление пищи у них было самое примитивное; они пекли пресный хлеб, ла'храп, размазывая тесто по раскаленным камням. Ла'храп мади готовили впрок и ели все равно каким — свежим, черствым или заплесневелым. С хлебом в пищу шло молоко и кровь домашних животных. Иногда, во время праздничных пиршеств, мади позволяли себе полакомиться измельченным мясом.

Перед сном Роба не раз делал попытки привести в порядок знания о мади, которые получил за путешествие, и даже пробовал кое-что записать; из этого ничего не вышло, ибо после вечерней трапезы, когда все племя укладывалось в огромную кучу спать, не было силы, которая удержала бы его глаза открытыми. Он перестал видеть сны и был уверен, что мади вообще неведома такая вещь, как сновидение. Иногда он пытался представить себе, какой переворот произошел бы в их сознании, если бы им вдруг начали сниться сны. Возможно, тогда они смогли бы сделать первый шаг навстречу цивилизованному миру.

Порой, после того как его подруга после краткого экстаического соития, насытившись, откатывалась от него, он задумывался о том, счастлива ли она. Но спросить у нее об этом он не мог, а если бы и сумел, то вряд ли получил бы ответ. Был ли счастлив он сам? Он не ждал счастья, ибо, взращенный королевой королев, он рано понял, что жизнь — это цепь непрерывных страданий, и за минуту легкомысленного счастья приходится платить годами мучительных испытаний. Возможно, мади в этом смысле оказались удачливее — не став людьми, они обманули судьбу и избегли терзаний.

* * *

Над Такиссой еще клубился туман, но над ним уже сияло солнце. От тумана дышалось тяжело, и королева Мирдем-Инггала решила отдохнуть в гамаке. Все утро она принимала прошения и теперь, усталая, задремала в тени небольшого мраморного павильона. Ей снился король, который несколько дней назад, едва оправившись от ран, не предупредив ее, куда-то уехал по делу крайней важности — говорили, что он отправился вверх по реке, к Олдорандо. Взять с собой супругу ему даже в голову не пришло. Вместо нее королевским спутником, как обычно, стал Юлий.

За стеной павильона старшая фрейлина, госпожа Мэй ТолрамКетинет, играла с принцессой Татро. Она показывала девочке новую заморскую игрушку — железную птицу, ярко раскрашенную и умеющую махать крыльями. По всей террасе были в беспорядке разбросаны другие игрушки и книжки с картинками.

Под щебетание принцессы душа королевы устремилась вслед за другой птицей — воображением. В полудреме ей представилось, что железная птица, вырвавшись из рук фрейлины, взлетает к верхушке дерева гвинг-гвинг и садится на ветку среди спелых, сочных плодов: в ее сновидении безжалостный Фреир преобразился в безвредный гвинг-гвинг. А потом магия сна и ее саму превратила в гвинг-гвинг с тончайшей кожей — при этом она могла видеть свое превращение со стороны.

Плод, которым она была, сорвался с ветви и, с медлительностью, присущей снам, коснулся земли. Его полушария были покрыты нежнейшими волосками. Он прокатился по мягкому бархату мха и замер у подножия живой изгороди. На запах лакомства из леса вышел дикий зверь — боа.

Правда, он только с виду был похож на боа — во сне у королевы королев ни на миг не было сомнения в том, кто это на самом деле: конечно же, ее муж и повелитель.

С треском проломившись сквозь изгородь, боа жадно набросился на сладостный шар гвинг-гвинга. Густой сок стекал по его бурой шкуре, а из-под лопнувшей кожицы

плода взмыли в воздух сладострастные мысли королевы. Она умоляла Акханабу избавить ее от насилия или позволить ей насладиться им. И во сне король овладел ею. Его могучая, покрытая густой шерстью спина выгнулась над королевой. Этим летом бывали такие ночи — ночи, когда он призывал ее в свои покои. Она приходила к нему босиком, а за ней, освещая королеве дорогу, с лампой, заправленной китовым жиром, неизменно шла Мэй. Огонек фитиля в стеклянном пузыре делал лампу похожей на бутылку с волшебным горящим вином.

Они бросались в объятия друг друга со страстью только что зародившегося чувства. Он называл ее ласковыми именами, словно ребенок, зовущий кого-то во сне, и души их поднимались ввысь подобно густому пару, возникающему в месте слияния двух горячих течений.

В обязанности Мэй ТолрамКетинет входило стоять у королевского ложа и освещать его лампой: король и королева любили видеть друг друга обнаженными, от этого их наслаждение было особенно острым.

Порой юная фрейлина не в силах была больше сдерживаться и клала свободную руку на свое лоно. Тогда король ЯндолАнганол, безжалостный в кхмире, бросал Мэй рядом с собой на ложе и тут же брал ее, не делая никакой разницы между королевой и простой фрейлиной.

При свете дня МирдемИнггала старалась не вспоминать о том, что было ночью. Она догадывалась, что Мэй рассказывала о нравах короля своему брату, генералу Второй Армии; это было ясно по тому, как молодой генерал смотрел на нее, королеву. Иногда, предаваясь отдыху в гамаке, она позволяла себе нарисовать в воображении несколько забавных сцен в королевской опочивальне с участием генерала, Ханра ТолрамКетинета.

Но бывали ночи, когда кхмир проявлялся совсем по-другому. В час, когда мотыльки начинали свой танец вокруг лампы со светящимся вином, король сам приходил к ней по тайному ходу, известному только ему одному. Она слышала его приближение за стеной. Шаги Орла нельзя было спутать

ни с чьими другими. Одновременно быстрые и неуверенные, они в точности отражали его характер. Толкнув потайную дверь, он наваливался на нее. В такие минуты он был рабом собственной плоти — а потом, когда приступ кхмира кончался, в нем начинала бушевать такая же всепоглощающая ненависть к своему телу. Оно предавало его — а во дворце, где король не доверял ни единому человеку, это предательство было страшнее всего. И наутро рабыня отмывала кровь с плиток пола у кровати МирдемИнгалы.

Королева никогда никому не рассказывала об этих приступах самоуничтожения — о характере короля догадывались, но не она была источником этих догадок. МирдемИнгала раз и навсегда сказала себе, что в слабостях Орла заключена его сила. Без них он давно бы утратил ее. Она хорошо понимала это и потому молчала.

И все-таки ей было горько. За распутные мысли и любовь к сладострастию Акханаба покарал ее: с каждой ночью, проведенной в объятиях короля, она укреплялась в чувстве, что совсем не знает и не понимает Яна — а самое главное, не поймет его никогда. И ему тоже никогда не дано понять ее. От этих мыслей душа ее болела еще сильнее. Никогда Орел не сможет понять ее так, как понял, не обменявшись с ней даже словом, Ханра ТолрамКетинет.

Звук приближающихся шагов нарушил ее дремоту. МирдемИнгала открыла глаза и увидела СарториИрвраша. Главный королевский советник был единственным из придворных, которому позволялось входить в садик королевы королев, где она предавалась уединению. Этой привилегии советник удостоился от королевы после того, как умерла его жена. Королеве было двадцать четыре, и в свои тридцать семь СарториИрвраш казался ей стариком. Она не боялась, что он соблазнит кого-то из фрейлин.

В это время дня советник обычно возвращался во дворец со своей неизменной прогулки. Однажды король со смехом рассказал супруге о научных опытах, которые тот производит над пленниками. Жена СарториИрвраша погибла во время одного из таких экспериментов.

Советник снял шляпу и поклонился сначала королеве, потом — принцессе Татро и Мэй. Его лысина блестела на солнце. Юная принцесса души не чаяла в советнике, и королева не считала нужным лишать ребенка радости.

Еще раз поклонившись королеве, СарториИрвраш подошел к принцессе и фрейлине. Он разговаривал с Татро как со взрослой, за что она, по-видимому, так его и любила. В Матрассиле у СарториИрвраша было очень мало друзей: он предъявлял к людям слишком высокие требования.

Этот невзрачный, пожилой на вид человек среднего роста, предпочитающий носить старую, привычную одежду, уже давно пользовался в Борлиене очень большой властью. Пока король не оправился от ран, полученных в сражении при Косгатте, советник из своего заваленного всяким ученым хламом дома правил страной от его имени. И хотя друзей у него было мало, уважали его все. Причина этому была проста: СарториИрвраш был неподкупен и неуязвим для лести. У него не было любимчиков, а с теми, кто по тем или иным резонам мог назвать себя его любимчиком, он был суров вдвойне. Даже смерть жены не смогла заставить его нарушить распорядок дня. Он не любил охоты и не пил вина. Он редко смеялся. Тщательно избегая ошибок во всем, он был болезненно осторожен.

Не имел он привычки поддерживать близких отношений с теми, кого удостаивал своей протекцией. Его братья все умерли, а сестры жили слишком далеко, чтобы поддерживать с ним какие-то отношения. Постороннему человеку СарториИрвраш мог показаться идеальным существом без пороков и слабостей, лучшим и преданнейшим слугой короля. В стране, насквозь пропитанной религией, у него было одно уязвимое место: как человек ученый, он, разумеется, был атеистом.

Впрочем, он умело предупреждал возможные трудности, которые мог создать ему его атеизм, и не пытался всякому, с кем встречался, привить свой образ мыслей. Свободное от государственных дел время он посвящал работе над книгой, в которой хотел собрать крупницы истины, которые ему уда-

валось добыть, просеивая бесчисленные легенды и мифы. Критическое отношение к сказаниям тем не менее не мешало ему время от времени с удовольствием развлекать юную принцессу историями из древних времен, которых он знал великое множество, или читать ей волшебные сказки.

Многие при дворе и в столичной скритине недоумевали, как такой рассудительный, хладнокровный Главный Советник и такой вспыльчивый и горячий король умудряются уживаться достаточно мирно. Дело было в том, что СарториИрвраш был малочувствителен к оскорблениям — настолько он отдалился от прочих людей. Но все на свете имеет предел. Чаша его терпения переполнялась медленно, и хотя срок еще не пришел, этого дня ждать уже оставалось недолго.

— Я уже думала, что ты не придешь, Рашвен, — крикнула ему принцесса Татро.

— Печально слышать, что вы, ваше высочество, так дурно обо мне думаете. Вам должно быть известно, что я всегда появляюсь тогда, когда во мне есть нужда.

Скоро советник и маленькая принцесса уже сидели рядышком в тени беседки: Татро сгорала от нетерпения услышать новую историю. Та, что он выбрал, не относилась к числу самых любимых королевы МирдемИнггалы. Отчего-то, когда она ее слышала, ей всегда становилось тревожно.

— Однажды, много лет назад, жил-был один король. Он правил страной под названием Понптпандум. Она находилась в той стороне, где обычно садится солнце. Люди и фаворы Понптпандума боялись своего короля, потому что, по слухам, он был волшебником и обладал магической силой.

Жители этой страны мечтали избавиться от своего правителя и посадить на трон нового короля, справедливого и доброго, который бы не притеснял их, как нынешний. Но никто не знал, как это сделать.

Горожане не раз затевали заговор против своего короля, но тот неизменно его раскрывал и жестоко расправлялся с зачинщиками. В конце концов силой своего волшебства он создал огромный серебряный глаз — ведь король был великим магом и кудесником. Он заставил этот глаз подняться в

небо и приказал ему следить за всем, что происходит в королевстве. Глаз мог закрываться и раскрываться. Раскрывался он десять раз в год и, раскрывшись, видел все. Ничто не могло укрыться от этого волшебного ока, и если где-то зрел заговор, король немедленно узнавал об этом.

Таким образом он раскрыл еще несколько заговоров и казнил всех заговорщиков до единого, и людей и фагоров. Он велел отрубить им головы и выставить их на всеобщее обозрение перед дворцовыми воротами.

Королева, видя такую жестокость, сильно печалилась, но тоже ничего не могла поделать. А король очень любил свою королеву и однажды во всеуслышание поклялся, что никогда и пальцем не тронет ее, что бы ни случилось. Услышав об этом, королева принялась умолять своего мужа проявить милосердие к заговорщикам. Король рассердился, но не ударил ее, хотя в гневе мог ударить и даже убить собственных советников.

В дальнем крыле дворца была тайная подземная комната, которую днем и ночью стерегли семь ослепленных фагоров. У этих фагоров не было рогов, потому что все фагоры Понптпандума на ежегодной ярмарке прилюдно отпиливали себе рога в знак своего желания стать хоть немного похожими на людей. Когда король приходил в подземелье, фагоры беспрекословно пускали его, а больше туда никому не дозволялось входить.

В подземелье была заточена старая фагорша, гиллота. Во всем королевстве только у нее одной не были отпилены рога. Именно она обладала волшебной силой, которую король выдавал за свою. Каждый вечер король спускался к ней и умолял раскрыть в небе серебряный глаз. В конце концов, скрепя сердце, гиллота уступала просьбе короля.

Так, при помощи гиллоты, король следил за всем, что творилось в его стране. Кроме того, он подолгу расспрашивал ее об устройстве мира и Вселенной, и на любой вопрос гиллота давала ему быстрый и точный ответ.

Однажды вечером, когда во дворец пробрался холод и все придворные зябко поеживались, гиллота неожиданно

спросила короля, и горек был ее голос: «К чему тебе все эти знания, государь?» «В знании сила, а без нее я не могу твердой рукой править своим государством, — объяснил король. — Знание делает человека свободным».

Услышав такой ответ, гиллота задумалась. Она, могущественная волшебница, была пленницей короля. Поразмыслив немного, она произнесла: «Тогда пришло время освободиться и мне».

Король упал в обморок: настолько жутко прозвучал голос гиллоты. А та, отворив дверь своей темницы, вышла и принялась подниматься по лестнице. Но случилось так, что в тот же вечер королева, сгорая от любопытства, решила узнать, зачем ее муж каждую ночь спускается в подземелье. И только-только она сделала несколько шагов по лестнице вниз, как навстречу ей из темноты появилась гиллота.

От испуга королева вскрикнула. Боясь, что на этот крик сбегутся королевские стражники, гиллота ударила ее по голове и... убила. Но король, услышав далекий крик своей возлюбленной супруги, очнулся и бросился по лестнице вверх. Увидев бездыханное тело королевы, он выхватил из ножен меч и зарубил гиллоту на месте.

Как только волшебница умерла, серебряный глаз в небе стал подниматься все выше и выше. Он становился все меньше и меньше, пока не исчез совсем. И люди радовались, что наконец-то избавились от волшебного соглядатая.

Несколько мгновений Татро молчала.

— Как жалко бедную гиллоту, — сказала она наконец. — Прочти мне эту сказку еще раз, Рашвен, пожалуйста.

Приподнявшись на локте, королева с неудовольствием проговорила:

— Почему вы всегда выбираете такие грустные сказки, советник? Разве в ваших книгах нет ничего повеселее? Этот серебряный глаз — сплошная выдумка и ересь.

— Мне показалось, что принцессе нравится эта сказка, потому я и выбрал ее, ваше величество, — отозвался Сартори Ирвраш и улыбнулся, разглаживая усы.

— Зная ваше отношение к расе фагоров, я не понимаю, как вы можете смириться с идеей, что когда-то люди обращались за знаниями к нечелам?

— Осмелюсь возразить, госпожа: в этой сказке мне нравится совсем иная идея, а именно — что король вообще может обращаться за знаниями к кому-то другому.

Этот ответ так понравился МирдемИнгалле, что от удовольствия она даже хлопнула в ладоши.

— Остается надеяться, что не все в этой сказке вымысел...

Следуя Ахд, мади пересекли границу Олдорандо и через несколько дней подошли к городу с таким же названием.

Место, отведенное специально для путешественников, называлось Порт и находилось у Южных ворот. Племя оставалось там несколько дней — редкое событие в странствиях мади. По этому случаю в первый же вечер зарезали аранка, изжарили его на костре и устроили пир, а потом мади танцевали свой сложный танец, зиганк.

Вода и шерсть. В Олдорандо одежда и коврики были обменены у купцов на кое-какую утварь и упряжь для хокс-ни: мади не умели работать с металлом.

Как правило, на таких стоянках мади оставляли до следующего прихода своих больных сородичей. Так, некоторое время назад одна девочка, охромев, оставила Ахд и поселилась в Олдорандо. Потом, поправившись, она получила работу — стала мести полы во дворце короля Сайрена Станда. Ее звали Бакхаарнет-она. Она была чистокровной мади, полуптица, полувенок, в работе не знала усталости и делала все, что ей приказывали, чем сильно отличалась от ленивых олдорандцев. За работой она пела, и стайки маленьких птиц бесстрашно слетались к ней послушать ее песню.

Однажды, выйдя на балкон, король Сайрен Станд увидел Бакхаарнет-она. В те дни король был молод и не считал необходимым окружать себя советниками и церковниками-наперсниками. Он приказал привести к себе красавицу мади. В отличие от большинства ее соплеменников взгляд девушки был разумен и способен фокусироваться на определен-

ном предмете, как у человека. Кроме того, воспитанная мади, она была во всем покорна мужчине, что весьма устраивало короля Станда.

Он решил учить девушку олонецкому и для этого пригласил лучшего преподавателя. Но Бакхаарнет-она за месяц едва сумела выучить с десяток слов. Так продолжалось до тех пор, пока король не догадался обратиться к своей подопечной с песней. Она сразу же повторила пропетую им фразу. После этого учеба пошла гораздо быстрее. Бакхаарнет-она отлично выучила олонецкий, только говорить на нем, как все люди, она не могла, а только пела.

Многие были шокированы тем, что король настолько увлекся дикаркой, но самого Сайрена Станда возмущение придворных лишь забавляло. Он узнал от юной мади, что ее отцом был человек, беглый раб, который присоединился к Пути, чтобы не пропасть в одиночку.

Не обращая внимания на советы придворных, король Олдорандо взял в жены Бакхаарнет-она, перед тем официально обратив ее в государственную веру. В первый раз молодая королева родила ему младенца о двух головах, который прожил недолго. Зато после этого королева-мади рожала еще дважды, и оба раза на свет появлялись девочки, хорошенькие, здоровые и вполне нормальные. Первой родилась Симода Тал, второй — подвижная, как ртуть, Милуя Тал.

Эту историю о королеве-мади принц РобайдайАнганол слышал еще в детстве. Теперь, одетый как мади и называющий себя Роба, он миновал городские ворота и добрался до королевского дворца. Написав несколько слов Бакхаарнет-она, он попросил слугу передать записку королеве.

Стоя на солнцепеке, он терпеливо дожидался ответа и от нечего делать разглядывал ограду королевского дворца, оплетенную побегами зандала; цветы этого растения распускались лишь по ночам. Олдорандо показался борлиенскому принцу очень странным: проходя по улицам, он не видел ни одного фагора.

Встретиться с королевой-мади он хотел для того, чтобы расспросить ее о бывших соплеменниках и постараться уз-

нать о них как можно больше. Со временем он надеялся стать первым из людей, поющим на языке мади не хуже самих мади. Перед тем как сбежать из отцовского дворца, он много разговаривал с Главным Советником, Сартори-Ирврашем, и тот развил в принце любовь к наукам — что явилось дополнительной причиной его размолвки с отцом.

Со своей подругой Роба расстался у городских ворот. На прощание он молча поцеловал ее запыленную обветренную щеку, зная, что даже если решит снова присоединиться к Ахд, им вряд ли доведется встретиться еще раз. К этому времени Взгляд Согласия будет дарован кому-то другому, а кроме того, он сильно сомневался, что сумеет отличить девушку от других ее соплеменниц. Теперь, после стольких дней, проведенных среди мади, он твердо знал, что священным даром осознания и проявления своей индивидуальности в этом мире обладают только люди и, в меньшей степени, фагоры.

Слуга вернулся лишь через час; глядя на этого человечка, который явно был весьма высокого мнения о себе, Роба подумал о том, что скромность и незаметность мади является для них залогом безопасности. Не рискуя ступить под безжалостный свет раскаленного Фреира, дворцовый служитель выбрал длинный путь по периметру дворцового двора, в тени аркады.

— Что ж, королева изъявила согласие принять тебя, незнакомец. Она милостиво дарует тебе пять минут своего внимания. Не забудь поклониться, когда увидишь ее, дикарь.

Приоткрыв ворота и набросив на голову капюшон, Роба невозмутимо двинулся через дворик по самому солнцепеку. Внезапно из дверей дворца навстречу ему вышли двое мужчин. Одного из них Роба сразу узнал и внутренне сжался: это был его отец, король ЯндолАнганол.

Откинув капюшон, Роба низко поклонился, постаравшись сделать это уважительно, но без подобострастия. Выпрямившись, он двинулся дальше все той же легкой походкой вечных скитальцев, перенятой им у мади, а король со своим спутником, не прерывая беседы, прошли мимо.

Королева встретила его на серебряных качелях. Пальцы ее босых ног были унижены кольцами. Молчаливый лакей в зеленом одеянии монотонно махал над королевой опахалом. Зал, в котором королева приняла Робу, был полон зелени, цветов и карликовых деревьев в замаскированных кадках. По всему залу порхали пекубы и пели в листве.

Едва королева Бакхаарнет-она узнала, кто такой Роба на самом деле, а это произошло в первую же минуту, она немедленно изъявила желание поговорить о его отце, короле ЯндолАнганоле. Она в буквальном смысле принялась петь ему дифирамбы, и Роба, который надеялся узнать тайны жизни и истории мади от самой дочери племени странников, пришлось слушать то, чего ему слышать совсем не хотелось.

Довольно скоро его терпение иссякло, и он невежливо с раздражением перебил королеву:

— Я пришел к вам, потому что хочу научиться петь на языке племени ваших предков, ваше величество, — рассерженно проговорил он. — А вы заставляете меня петь о проклятии моего рождения. Вы превозносите этого человека, но чтобы узнать его так, как знаю я, нужно родиться его сыном. В его сердце нет места ничему человеческому, он грезит о небывалой славе и мостит к ней дорогу трупами своих подданных. Религия и власть — больше его ничто не интересует. Религия и власть, а о Татро и Робе он забыл, едва они появились на свет.

— Долг короля — править своей страной, такова его судьба, — пропела в ответ королева-мади. — В умах королей всегда зреют планы, недоступные пониманию нас, простых смертных. Там, где живет король, другим людям жизни нет.

— Жажда власти и славы — это камень, — с жаром отзывался Роба. — И этот камень придавил моего отца. Меня, своего сына, он хотел заточить в монастыре на два года. Два года в застенке я должен был учиться любить славу и власть. В монастыре в Матрассиле мне пришлось дать обет молчания, чтобы меня представили каменному идолу Панновала — Акханабе... Зачем мне все это терпеть, ваше величество?

Я говорю вам — у моего отца сердце превратилось в камень, и я бежал от него, бежал со всех ног, чтобы присоединиться к вашим соплеменникам, добрая королева.

Бакхаарнет-она ответила ему песней:

— Мои соплеменники, о которых вы говорите, это ничтожества, пыль земли. У нас нет разума, только Ахд, благодаря которому мы избавлены от чувства вины. Как вы, люди, называете это? Бессовестные. Да, мы бессовестны; мы можем только идти, идти и идти, оставляя за спиной свою жизнь. Из тысяч мади повезло только мне, несчастной хромой. Мой драгоценнейший супруг, король Сайрен, научил меня любить и ценить религию, которой не знают несчастные невежды мади. Как странно — существовать много веков и не знать, что появился на свет только благодаря милости Всемогущего! Вот почему вера твоего отца вызывает у меня уважение. С тех пор как он здесь, он каждый день подвергает себя бичеванию.

Когда пение королевы утихло, Роба спросил с горечью:

— И зачем же мой отец явился сюда? Неужели он ищет меня, сбежавшую часть своего королевства?

— О нет, нет! — последовала трель мелодичного смеха. — Ваш отец здесь для переговоров с королем Сайреном Стандом и церковными дигнитариями из далекого Панновала. Я уже виделась с ними, и мы приятно беседовали.

Роба сделал шаг вперед и теперь стоял так близко от королевы, что слуге пришлось махать опахалом с удвоенной осторожностью, чтобы не задеть принца Борлиена.

— И о чем же мой отец говорил с вашим мужем, могу я спросить? Вам, конечно, известно, что вот уже десять лет между нашими странами не утихает вражда и схватки на наших границах не прекращаются? О чем они могут договариваться? Что мой отец ищет здесь? Быть может, то, что у него и так уже есть?

— Кто может знать помыслы королей? — насмешливо пропела в ответ Бакхаарнет-она.

Одна из ярких птичек случайно задела крылом лицо Робы, и он со злостью сбил ее на пол.

— Вы, ваше величество, вы должны их знать. Что они задумали?

— Твой отец носит в себе рану — я увидела это по его лицу, — пропела в ответ королева. — Он страстно желает сделать свою страну самой могущественной. Ради этого он готов принести в жертву даже свою королеву, вашу мать, принц.

— Он собирается пожертвовать моей матерью — каким образом?

— Он принесет ее в жертву истории. У женщины нет иной судьбы, кроме судьбы ее мужа, она всегда живет в его тени. Мы, женщины, всего лишь жалкие орудия в руках вас, мужчин...

Путь потерял для него четкие очертания. Его не оставляло ощущение надвигающегося зла. Соображения, которыми он руководствовался еще недавно, теперь казались ему ничтожными. Он сделал попытку вернуться к мади и среди них забыть о людском предательстве. Но Ахд уже не устраивал его: Путь требовал полного покоя или по меньшей мере отсутствия разума. Через несколько дней он оставил племя и отправился скитаться в одиночку, но тоже без цели. Он ночевал в лесу на деревьях и в брошенных логовах хищников; это принесло ему пусть слабое, но все же успокоение. Он быстро забыл песни мади и разговаривал с самим собой только на языке людей. Он жил, питаясь плодами фруктовых деревьев, грибами и той живностью, что шныряла под ногами.

Среди мелких зверьков, которых он ловил, были и горбатые панцирники; под гнилыми пнями они жили десятками, сбиваясь в большой комок-семью.

Робе они нравились. Нравились их сморщенные мордочки, выглядывающие из-под непропорционально больших панцирей, поддерживаемых двумя рядами тонких белесых ножек. Лежа на животе, он часами наблюдал за их жизнью и играл с ними, осторожно переворачивая их пальцем на спину. Он поражался бесстрашию этих малявок, вернее, зави-

довал отсутствию у них чувства страха. Они были ленивы и нерасторопны; Роба поражался, зачем Всемогущий их создал и как им удастся выживать — ведь они целый день ничего не делают?

Однако именно эти крохи, прячущиеся в хитиновых панцирях, обитали на Гелликонии с незапамятных времен — об этом Робе рассказывал СарториИрвраш — и никогда не делали ничего, чтобы бороться со страшной жарой и холодом, поочередно терзающими планету; они просто прятались и держались ближе к земле, которая давала им жизнь.

Чем дольше он думал об этом, тем больше росла в нем тревога, тем чаще он слышал внутренний голос, внушающий ему, что, возможно, он ошибается и на самом деле его отец прав: Всемогущий воистину существует, и людские деяния подчинены его воле. А то, что ему, Робе, казалось хитроумным коварством, в действительности было необходимым и единственно возможным поступком.

Внезапно он, дрожа, вскочил на ноги, пораженный невероятной догадкой.

Он понял, что тот внутренний голос, ясный и четкий, к которому он уже давно прислушивается, принадлежит никому иному, как Всемогущему, который пытается вернуть его, заблудшего, на путь истинный. И боль, столько времени мучившая его, ушла: он стал обычным живым существом, без имени и судьбы, настоящим мади.

Застигнутый на Пути осознанием своей роли в мире, каждую ночь РобайдайАнганол задумчиво смотрел, как в небесах медленно и величественно кружится звездное колесо. Засыпая, он замечал восходящую на севере над горизонтом комету ЯрапРомбри. Кайдау он тоже видел, и не раз.

Острые глаза Робайдая были способны даже различать фазы Кайдау — конечно, когда та находилась в зените. В отличие от остальных звезд Кайдау двигался на удивление быстро и за ночь пересекал с юга на север весь небесный свод. Совершая этот путь, он расплывался и становился все менее различим, пока наконец ярким мазком бледно-голу-

бого фосфора не опускался за горизонт и вовсе не исчезал из виду.

Обитатели Кайдау — а на самом деле земной Станции Наблюдения — называли свой мир «Аверн». Во время одиноких странствий Робайдая на Станции находилось около шести тысяч разумных обитателей — мужчин, женщин, детей и андроидов. Все население Аверна было поделено на шесть кланов — в соответствии с научными дисциплинами. Каждый клан занимался изучением того или иного аспекта жизни Гелликони, уделяя внимание и прочим планетам звездной системы. Полученная информация передавалась по радиолучу на Землю.

Четыре планеты, обращающиеся вокруг звезды класса G, называемой Беталикс, являлись величайшим открытием, сделанным землянами со времен начала эры межзвездных полетов. Межзвездные экспедиции — «завоевания космоса», как называли это когда-то молодые и еще мало что знающие о Вселенной люди — организовывались с широчайшим размахом. На поддержку этих исследований уходили, разумеется, огромные средства, и очень скоро эти расходы подорвали земную экономику. И все равно, только когда межзвездные экспедиции окончательно доказали свою бесперспективность, от них, скрепя сердце, наконец отказались.

И все же некий результат, хотя и далекий от ожидаемого, был достигнут. Бесплодные усилия изменили человечество в духовном смысле. Более глубоко и точно поняв свое место на шкале ценностей Вселенной, люди освободились от неуверенности, что позволило им трезво оценить свои запросы, и система глобального производства стала более управляемой и соответственно эффективной. Кроме того, с тех пор как выяснилось, что из миллионов планет только на Земле смогла зародиться разумная жизнь, человеческие отношения поднялись на новый уровень и стали великой ценностью, почти святыней.

Пустота и бесплодность Вселенной была настолько абсолютной, что в это с трудом верилось. Органическая жизнь, даже самая примитивная, встречалась весьма редко. Кстати,

именно эта пустота в большой степени породила у землян отвращение к межзвездным полетам. Однако к тому времени, когда, казалось, все надежды были утрачены, одна из дальних экспедиций внезапно сообщила, что в двойной системе Фреир — Беталикс обнаружена разумная органическая жизнь.

«Бог создал Землю за семь дней. С тех пор он долго бездельничал. И только на старости лет, опомнившись или просто решив поразмяться, он создал Гелликонию». Эта шутка стала весьма популярной среди землян.

Нельзя сказать, что Гелликония как две капли воды была похожа на Землю — различия между двумя мирами были огромны. Люди, живущие здесь, были совершенно другими, но они тоже дышали воздухом, так же страдали, радовались и умирали. В онтологическом смысле развитие планет шло в одном направлении.

Землю и Гелликонию разделяла приблизительно тысяча световых лет. Даже самому быстрому звездолету, построенному по последнему слову земной техники, требовалось ни много ни мало около полутора тысяч лет на перелет от одного мира к другому. Для такого срока человеческая жизнь была слишком короткой.

И все же, подчиняясь требованию того, что называется душой, и желанию взглянуть на себя со стороны, человечество, несмотря на неподдающуюся воображению пропасть пространства и времени, сделало попытку установить между двумя мирами хотя бы одностороннюю связь. Преодолев все трудности, Земля построила на орбите Гелликонии Станцию Наблюдения, чьей задачей было изучать жизнь Гелликонии и посылать собранные сведения на Землю.

Первоначально процесс прикосновения к чужой жизни был самым простым: каждый вечер земляне включали проекционные устройства и погружались в приключения своих любимых героев с далекой планеты. Постепенно они научились сопереживать и сочувствовать им. Люди боялись и не любили фагоров. Люди с интересом следили за дворцовыми перипетиями в столице Борлиена Матрассиле. Люди

учились писать и читать по-олонецки. С этого началось «завоевание» Земли Гелликонией.

Эпохе великих межзвездных экспедиций Земли пришел конец: единственным ее достижением оказалась причастность к чужой жизни в далеком мире. Единственным, но поистине драгоценным.

Но этот выигрыш таил в себе угрозу: Гелликония несла в себе гибель любому землянину, который решил бы ступить на поверхность планеты. Гибель пусть не молниеносную, но все-таки неизбежную.

Обитающие на Гелликонии вирусы были безвредны для коренных жителей, но губительны для любого землянина. Они надежно охраняли свою планету от чужаков, подобно мечу ангела из древнего земного мифа, стерегущего врата рая.

В глазах обитателей Аверна планета не уступала в красоте райскому саду, в особенности после того, как на смену долгой зимы Великого Года пришло лето.

На станции были свои парки, озера и реки — сложнейшие электронные симуляторы, призванные развлекать мужчин и женщин Аверна. Но то, что создано искусственно, каким бы совершенным оно ни было, не способно превзойти творение природы. Жизнь на Станции была пресной, ей не хватало острой приправы реальности.

Особенно остро чувствовали это люди из клана Пин; их задачей было непрерывное наблюдение за выбранным семейством или группой семейств в течение 2592 земных лет, или одного Великого Года Гелликонии, и сведение воедино полученных результатов. Неудивительно, что ученые Пин нередко начинали отождествлять себя с тем или иным объектом их наблюдения.

Волнующее чувство причастности к чужой жизни, бурлящей совсем неподалеку, усугублялось сознанием абсолютной недостижимости Земли. Родиться на Станции означало стать вечным изгнанником. Жизнь обитателей Аверна определял один закон: «Дороги назад нет».

Изредка с Земли прилетали транспортные корабли. Они управлялись компьютерами, но на каждом, в принципе, могли путешествовать люди. Многие обитатели Аверна надеялись, хотя никогда не говорили об этом вслух, что на Земле еще не утратили надежды разработать новую технологию для межзвездных полетов, и когда-нибудь авернцы смогут вернуться на родную планету; более трезвомыслящие, однако, не слишком на это рассчитывали: даже если человека погрузить в самый глубокий из всех криогенных снов, за полторы тысячи лет его тело все равно превратится в прах.

Поэтому Гелликония, до которой было рукой подать, притягивала авернцев куда сильнее недостижимой Земли. Только на страже ее стоял смертоносный вирус, и для обитателей Аверна их маленький мир оставался тюрьмой, мчащейся по орбите своего Ахд в никуда. И многие, следя за скитаниями по диким просторам планеты несчастного Робы, завидовали его свободе.

В давние времена прибытие транспортного корабля — а везли они в основном информацию о том, что за это время произошло на Земле — порой служило поводом для бунта. Такие бунты быстро бывали подавлены, и зачинщиков, по неписаному закону Аверна, отсылали вниз, на Гелликонию, где их ждала верная гибель.

Но вирус убивал не мгновенно, и до тех пор обитатели Аверна с большим интересом следили за приключениями своих бывших собратьев в предательском раю Гелликонии. Эта мера наказания дала начало специфической традиции, своего рода добровольному жертвоприношению, которая служила чем-то вроде предохранительного клапана для авернского общества. Традиция эта, имеющая вид игры, похожей на лотерею, словно в насмешку носила название «Отпуск на Гелликонии». В течение Великого Лета она проводилась раз в десять обычных лет. Победителю позволялось опуститься на планету, причем он имел право выбрать место посадки. Одни предпочитали места уединенные, другие требовали доставить их в город, кто-то выбирал горы, а кто-то — равнины. Но ни разу не было случая, чтобы победитель отка-

зался от приза и не захотел обменять безопасное, но бесконечно однообразное существование на краткий миг настоящей свободы.

Нынешняя лотерея имела место через 1177 земных лет после апоастра — середины Великого Года.

В трех предыдущих лотереях приз доставался женщинам. На сей раз счастливый билет вытащил некто Билли Ксиао Пин. Над выбором места высадки он не раздумывал долго. Он решил отправиться в Матрассил, столицу Борлиена. И прежде, чем вирус погубит его, ему, быть может, удастся воочию увидеть лицо возлюбленной королевы королев.

Глава VI

ДАРЫ ПОСЛОВ

Из Олдорандо король ЯндоЛанганол вернулся к своей королеве довольно скоро — не прошло и четырех недель. Он избавился от хромоты, но позор, пережитый в Косгатте, по-прежнему не давал ему покоя. И вот однажды из Панновала прибыли послы и попросили короля об аудиенции.

Жара стояла ужасная; королевский дворец на вершине холма дрожал в раскаленном мареве и казался порождением миража. Придворные вяло бродили по залам. Панновальские послы, едва закончилась церемония официальных приветствий и вручения даров королю, обливаясь потом, повалились на диваны в зале для отдыха.

Главный Советник СарториИрвраш удалился в свои апартаменты и закурил вероник. Раздражение переполняло его; он был глубоко убежден, что Борлиену не стоит так рваться в объятия могущественного Панновала, — и без того уже Глава Священной Империи имел на страну слишком большое влияние. А веру, которой три государства-соседа были накрепко связаны, он, СарториИрвраш, совершенно не разделял.

Однако на сей раз никто не спрашивал совета у Главного Советника. Король подчеркнуто не обращал внимания на все попытки СарториИрвраша высказать свое мнение.

Несколько веков назад Олдорандо мог с гордостью считать себя старшим братом Борлиена. Но сейчас, учитывая отсталость страны, возвращение этих времен было бы совершенно нехотено, и СарториИрвраш понимал это лучше других. Однако король полагал иначе, и церковники в один голос поддерживали его.

Не так давно Главный Советник потребовал от критики принять закон, очень жестко регулирующий передвижение по стране иностранцев. Может, в своем уединении он сделался ксенофобом, но закон запрещал входить в столицу бродягам-мади и карал смертью иноземцев, уличенных в связях с горожанками. Советник хотел провести еще закон о фагорах, но не смог, поскольку против него поднял голос сам король.

СарториИрвраш тяжело вздохнул. Все, чего он хотел бы от жизни, так это возможности спокойно продолжать свои ученые занятия. Но власть держала его крепко, и это вызывало в нем не просто раздражение, а презрительное нежелание ни с кем иметь никаких дел; в отместку он вел себя как мелкий тиран, готовясь к тем временам, когда ставки станут слишком высокими, и ему понадобится выдержка и умение плести интриги. Когда он задумывался о своем сегодняшнем положении, ему становилось противно, и все же он тешил себя мечтами о безграничном владычестве.

Прояви он в свое время побольше настойчивости, то такой опасной ситуации, как сейчас, когда полсотни иноземных послов могли оказать — и оказывали — влияние на короля, фактически управляя страной, не могло бы сложиться. А теперь король готовит кардинальные перемены, и драма, которая лишит его, СарториИрвраша, жизнь если не плавного и спокойного течения, то по крайней мере предсказуемого характера, уже поднимается по ступенькам дворца. Покойная супруга СарториИрвраша называла мужа бесчувственным. И он знал, что она права, поскольку все его чувства целиком относились к работе.

Он привык особым образом сутулить плечи в надежде, что это придаст ему солидности, от нехватки которой он так часто страдал. Ему было тридцать семь лет — тридцать семь лет и пять теннеров, если говорить точно, в принятой на Кампаннлате системе летосчисления, — и этот возраст был, конечно, заметен: года избородили морщинами его лицо, особенно около носа, и эти морщины в сочетании с усами делали Главного Советника похожим на ученую мышь.

— Ты предан своему королю, любишь его и любишь своих сограждан, — убеждал он себя, стремительно шагая по коридору.

Как и многие другие дворцы, столичная резиденция короля была смесью старого и нового. Давным-давно под Матрасилом были вырыты пещеры, служившие оборонительными сооружениями. Во время Великих Зим они стояли заброшенными, но с каждой весной оживали, превращаясь снова в крепости или в увеселительные заведения, в зависимости от того, какие времена переживала столица, спокойные или нет.

Определенные круги в Панновале никак не желали смириться с тем, что в Борлиене, особенно в его столице Матрасиле, фагоры могут свободно ходить по улицам, не навлекая на себя народного гнева. Они обратились за разъяснениями к Орлу. Не получив их, определенные круги признали борлиенский двор провинциальным, но на том не успокоились.

В те времена, когда судьба была к нему благосклонна, а брак с королевой МирдемИнггалой еще не утратил острого привкуса новизны, король ЯндолАнганол со всей страны собрал лучших зодчих и живописцев, чтобы придать своей столице лоск и стряхнуть с нее пыль провинциальности. Особенно много средств пошло на отделку покоев королевы королев.

Хоть в целом атмосфера дворца напоминала ту, что царит в военном лагере, в ней не ощущалось той скованности, которой отличались Олдорандо и Панновал. Король благоволил к людям искусства и науки; имя его Главного Советника, СарториИрвраша, неизменно связывалось с расцветом учености.

Докурив, Советник с большой неохотой поднялся с кресла — необходимо было продолжить разговор с королем. Вероник оказал свое действие, и его мысли приняли несколько иной оттенок, далекий от тяжких государственных дел. Не далее как вчера ему удалось разрешить загадку, над которой он бился целый год, — загадку, уходящую корнями в далекое прошлое. Когда дело касалось минувшего, отличить правду от лжи для СарториИрвраша было куда проще, чем в современности.

Его встретила королева; как обычно, на плечах у нее была огненно-красная мантия. Королеву сопровождали ее брат и дочь. Принцесса Татро сразу же кинулась к советнику и с визгом обхватила его ногу. СарториИрвраш поклонился. Он обратил внимание на озабоченное выражение лица королевы королев — по всей видимости, она, как и он, была обеспокоена визитом панновальских послов.

— Сегодня вам еще предстоит разговор с этими панновальцами, — сказала ему королева вместо приветствия.

— Пока моя книга не закончена, мне, к сожалению, приходится терпеть беседы с... — раздраженно начал советник, но тут же опомнился и торопливо рассмеялся. — Прошу прощения, ваше величество. Я хотел сказать, что всегда считал принца Тайнца Индредда Панновальского лучшим другом нашей страны, хотя и не лишенным некоторых...

Королева медленно улыбнулась; у нее была своеобразная манера улыбаться — она словно не желала уступать шутке, не хотела, чтобы ее смешили. Улыбка обычно зарождалась в глазах, потом смеяться начинал ее нос, и только после этого к общему веселью присоединялись губы.

— Я с вами согласна. У Борлиена нет сейчас верных друзей. Да и раньше их не было.

— По-моему, Рашвен, вашей книге вообще не суждено быть законченной, — подал голос ЯфералОборал, брат королевы, один из немногих, кто, кроме юной принцессы, пользовался привилегией называть советника по прозвищу. — Под видом научных занятий вы, наверно, просто дремлете после обеда.

СарториИрвраш вздохнул. Брат королевы, к несчастью, не обладал остротой ума своей сестры. Довольно сурово советник ответил:

— Вам, молодой человек, я скажу вот что: пора бы вам перестать портить каблуками паркет дворцовых залов и заняться делом. Почему бы вам, например, не оснастить корабль и не отправиться в кругосветное плавание? У вас все задатки великого путешественника. Вы бы расширили свой кругозор — во всех отношениях!

— Я хотела предложить это Робайдаю, — печально отозвалась королева королев. — Где-то мальчик скитается теперь?

СарториИрвраш счел за лучшее сменить тему.

— Только вчера я сделал одно очень любопытное открытие, — сказал он, — и теперь спешу поведать о нем королю. Не желаете послушать и вы? Уверен, вам будет интересно. Знание еще никому не вредило, тем более что я даю его разумными дозами, от которых не потянет выйти на свежий воздух прямо через дворцовое окно, об этом можете не беспокоиться.

Ответом ему был серебристый смех королевы. Она взяла советника за руку.

— Пойдемте. Я понимаю, что вам здесь неуютно, но мы с Яфом не так безмозглы, как те придворные павлины, с которыми вам приходится обычно иметь дело. Так что же это за открытие, о котором вы спешите поведать королю? Неужели грядет похолодание?

Не обращая внимания на насмешливый тон королевы, СарториИрвраш спросил:

— Скажите мне, ваше величество, какого цвета шкура у хоксни?

— Я знаю! — закричала принцесса. — Хоксни гнедые. Это всем известно — хоксни гнедые.

Не сдержавшись, СарториИрвраш подхватил девочку на руки.

— Если ты знаешь все на свете, тогда скажи, какого цвета была шкура хоксни вчера?

— Тоже гнедой.

— А позавчера?

— Рашвен, какой же ты глупый, — гнедой.

— Милая моя принцесса, вы мудрейшая девочка, и совершенно правы. Но коль скоро дела обстоят именно так, как вы только что сказали, тогда почему в старинных летописях отмечается, что когда-то, в незапамятные времена, хоксни были полосатыми? — Советник хитро прищурился. — Такой же вопрос я задал своему другу Бардолу КараБансити, когда был у него в гостях в Оттассоле. КараБансити, известный анатом, не откладывая дело в долгий ящик, забил хоксни, содрал шкуру и тщательно ее изучил. И знаете, что он обнаружил? Он обнаружил, что хоксни совсем не гнедая, как мы всегда полагали. Шкура хоксни полосатая: одни коричневые полосы чередуются с другими, тоже коричневыми, но более темными.

Татро рассмеялась.

— Ты смеешься над нами, Рашвен. Коричневый и коричневый — все равно выходит коричневый, разве не так?

— И да, и нет. Структура волоса на шкуре хоксни свидетельствует о том, что масть животного нельзя назвать просто гнедой, или коричневой, как хотите. Шерсть на шкуре состоит из чередующихся коричневых полос разной интенсивности. Из этого можно сделать один весьма интересный вывод. Я вчера его сделал — и говорю вам об этом не потому, что хочу похвастать своей смекалкой. Как утверждают летописи, когда-то давно хоксни были полосатые. Вопрос — когда именно? Ответ: во время весны Великого Года, когда животным после долгой зимы надо было восстанавливать свою численность. То есть полосы — это окраска хоксни в брачный период. Она яркая, ее можно заметить издали. Сейчас наступило Великое Лето и в ней больше нет нужды. Брачный период закончился, и полосы слились в один цвет до следующей весны Великого Года.

Королева королев подняла бровь.

— Если только мы не изжаримся в адском огне Фреира, и следующая Весна действительно придет.

СарториИрвраш весело хлопнул в ладоши.

— Следующая Весна непременно придет, ваше величество, так говорят нам полосы на шкуре хоксни. И это так же верно, как если бы нам об этом сказал сам Акханаба. Фреир никогда не поглотит нас. За Великим Летом приходит Зима, а за Зимой — снова Весна, и так повторяется тысячелетиями, если уж даже безмозглые хоксни сочли нужным приспособиться к этому круговороту.

— Но мы не хоксни, — проговорил ЯфералОборал, с сомнением пожимая плечами.

— Ваше величество, — заговорил советник, подчеркнуто обращаясь только к королеве и стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно убедительнее, — кроме того, из моего открытия следует и другой вывод, не менее важный, а именно: легендам можно доверять гораздо больше, чем нам представляется. Вы знаете, что в отношениях между мной и вашим супругом не все сейчас складывается благополучно, взаимопонимания между нами нет. Я прошу вас походатайствовать перед ним за меня. Уговорите его снарядить корабль и на пару лет освободить меня от моих нынешних обязанностей, дабы я мог отправиться в плавание вокруг света, собирая по пути манускрипты и записывая передающиеся из уст в уста легенды. Я мечтаю сделать Борлиен центром ученого мира, каким он был в эпоху ЯрапРомбри Киивасиенского. Теперь, когда моя жена упокоилась навеки, ничто не удерживает меня здесь, кроме вашей красоты, разумеется.

На лицо королевы королев набежала тень.

— Сейчас король переживает тяжелое время — может быть, самое тяжелое за всю его жизнь. Его телесные раны зажили, но душевные еще кровоточат. Я выслушала вас, Рашвен, но прошу подождать с вашим открытием до тех пор, пока не завершится эта встреча с послами из Панновала, которая, и в этом нет сомнений, очень важна для короля. Грядут перемены, и, признаюсь, я жду их со страхом.

Королева улыбнулась советнику особенной, теплой улыбкой: она знала, как успокоить его, когда он бывал раздражен. Советника нельзя было назвать человеком кристальной

нравственной чистоты — наоборот, некоторые его опыты на живых пленниках королева считала совершенно безнравственными и подозревала, что таким образом он мстит человечеству за какие-то свои потаенные обиды. Во время одного из таких опытов погибла жена СарториИрвраша. Но есть ли на свете безгрешные люди? Нет, и незачем требовать от судьбы невозможного. Отношения СарториИрвраша с королем складывались нелегко, и часто, так же как сейчас, например, ей приходилось прикладывать немало усилий, чтобы оградить советника от гнева ЯндолАнганоло.

— После сражения в Косгатте его величество стал очень раздражительным, — мягко сказала она. — Мне самой приходится в разговоре с ним проявлять осторожность.

Татро потянула советника за усы.

— Тебе нельзя уплывать в океан, Рашвен, ты же старенький.

Советник осторожно опустил девочку на пол и шутливо отдал ей честь.

— Мой дорогой капитан, жизнь такая непредсказуемая штука, что человек может отправиться в путешествие в любую минуту.

Как обычно, утром королева и ее брат не спеша прогулялись до западного крыла дворца, откуда открывался замечательный вид на город. Тумана, который в зимние месяцы рассеивался только после рассвета, сегодня не было вообще. Город внизу был виден как на ладони, ясно и четко.

В широкой излучине Такиссы на мрачном утесе возвышалась старая крепость. Чуть к северу поблескивало узкое лезвие реки Валворал, которая в этом месте вливалась в Такиссу.

Указав ручкой в сторону пристани, юная принцесса воскликнула:

— Смотри, мама, лед привезли!

К пристани действительно подходил шлюп, из открытых грузовых люков которого поднимался густой пар. Когда корабль пришвартовался, заработали лебедки, и из его трюмов начали выплывать сверкающие на солнце блоки перво-

сортного лодриардрийского льда. Их с превеликой осторожностью перегружали в подводы, выстроившиеся вереницей на пристани.

Когда подводы одна за другой потянулись по извилистой дороге к дворцу, королева, которую все утро снедала тревога, изъявила желание уйти с балкона. Но принцесса Татро была твердо намерена досмотреть перевозку льда до конца, и МирдемИнггала, согласившись подождать еще минутку, застыла у перил, отвернувшись от реки и корабля-ледовоза. Она думала совсем о другом.

Перед рассветом король пришел к ней. Они возлегли, но она чувствовала, что он обеспокоен. Накануне пришли неутешительные известия от Второй Армии из Рандонана. Впрочем, известия из Рандонана всегда бывали плохими — к этому все давно привыкли. Она не сомневалась, что гораздо больше короля тревожит фанатичный, видящий грех в любой вольной мысли Панновал.

— Когда начнутся переговоры с послами, ты можешь послушать из моей тайной галереи — если хочешь, конечно. Сдается мне, эти переговоры затянутся надолго. Помолись за меня, Кун.

— Я всегда молюсь за тебя. Да пребудет с тобой Всемо-
гущий.

Король покачал головой.

— Ну почему жизнь так сложна? Почему так сложна вера?

Его пальцы непроизвольно коснулись длинного шрама на бедре.

— Пока мы вместе, с нами ничего не случится, Ян, — тихо произнесла королева.

Король поцеловал ее.

— Однако я должен быть с моей армией. Без меня там не видать победы. В качестве генерала от ТолрамКетинета толку мало.

«Между мной и генералом ничего нет, — подумала она. — И все-таки он думает...»

Король ушел, и у нее сразу испортилось настроение. С недавнего времени в их отношениях возник холодок. Она

понимала, что ее положение становится шатким. Не замечая, что делает, она крепко стиснула пальцами руку стоящего рядом с ней брата.

Принцесса Татро кричала что-то восторженное, указывая на подводы: среди возниц она увидела знакомых слуг и обрадовалась, что их узнала.

Двадцать лет назад к крепостной стене, окружающей дворец, сквозь толщу холма был прорыт подземный ход. По этому ходу поднялся хорошо вооруженный отряд. При помощи пороховых мин были пробиты бреши в стене. На подступах ко дворцу завязалась кровавая схватка.

Все, кто был во дворце, погибли. Женщины и мужчины, фагоры и земледельцы — убиты были все, только барон, хозяин дворца, сумел спастись.

Переодевшись в мундир, снятый с убитого врага, он под видом пленников вывел из замка свою жену, детей и нескольких слуг.

Звали барона РантанОборал, и он был отцом королевы королев. Все восторгались его смелостью и хладнокровием, но прежнюю власть он с тех пор потерял и уже не смог ее вернуть.

А предводитель солдат, захвативших крепость, человек, чье войско, по слухам, не ведало поражений, был дедом нынешнего короля Борлиена, ЯндолАнганола. Дед Орла, не знавший в своей жизни ни страха, ни сомнений, в ту пору стремился объединить под своей властью весь восточный Борлиен. Замок РантанОборала был последним, который он собирался захватить.

Сейчас, когда все эти события уже стали историей, МирдемИнггала, выйдя замуж за короля ЯндолАнганола, жила в старой цитадели своего отца. Часть замка до сих пор лежала в руинах. Во времена правления отца ЯнданАнганола были начаты восстановительные работы, но с наступлением невероятной жары они постепенно прекратились. Впрочем, МирдемИнггале нравился экстравагантный вид полуразрушенной крепости; даже прошлое, глядящее на нее из этих руин, не смущало ее.

Крепко взяв Татро за плечи, МирдемИнггала повела дочку в противоположное крыло, где были личные покои королевы. Неподалеку от небольшой мраморной беседки, за стеной, был ее личный дворик, с бассейном и садиком. На искусственном островке в центре бассейна стояла изящная часовенка, посвященная Акханабе. Здесь, в первые годы после свадьбы, король и королева часто предавались любви.

Прощавшись с братом, королева поднялась по ступенькам на узкий мостик, ведущий к ее покоям. С мостика открывался дивный вид на сад отца ЯндолАнганола, где в свое время он устраивал собачьи бега и держал в роскошных клетках диких птиц. Некоторые из них до сих пор еще были живы — принц Роба, пока не сбежал, кормил их каждое утро. Теперь за птицами ухаживала Мэй ТолрамКетинет.

При виде птиц, томящихся в неволе, МирдемИнггала вдруг испытала приступ гнетущего страха. Оставив Татро с прислужницей, она прошла к потайной двери в дальнем конце зала и отомкнула ее ключом, который прятала в складках одежды. Она вошла, и стражник за дверью торопливо отдал ей честь. Легкие шаги королевы звенели на плитках пола. Добравшись до алькова перед занавешенным шторой окном, она уселась на диван. Окно за шторой было забрано фигурной решеткой, и сквозь нее королева могла наблюдать за тем, что происходит в Зале Совета, сама оставаясь невидимой.

Сквозь задрапированные тонким кружевом окна в зал лился солнечный свет. Послы еще не явились, и сейчас в зале были только король и его верный фагор-рунт, с которым после сражения при Косгатте Орел не расставался.

Юлий, стоящий у трона, едва доставал королю, который сидел, до груди. От скуки король отдавал фагору различные приказы и, глядя, как тот послушно их выполняет, раскати-сто хохотал и прищелкивал пальцами.

— Хороший мальчик, хороший, — приговаривал король.

— Да, мальчик хороший, — эхом вторил ему Юлий.

Неожиданно король поднялся с трона, обнял фагора и приподнял его в воздух.

Королева в ужасе отшатнулась от окна. От резкого движения под ней предательски скрипнул стул, и МирдемИнггала зажмурилась. Если король слышал скрип...

Но Орел не окликнул ее.

«Мой дикий боа, мой любимый дикий боа, — мысленно позвала она короля. — Что с тобой происходит?» Мать королевы королев обладала магической силой: иногда, хотя и редко, ее посещали видения будущего, и они неизменно оказывались верными. И сейчас МирдемИнггала, дочь своей матери, не сомневалась, что опасность, неведомая и от того еще более ужасная, грозит стране, как меч, нависший над головою.

Когда, набравшись смелости, она решилась снова выглянуть в зал, послы уже рассаживались на подушках, разложенных по устеленному коврами полу. Рабыни в прозрачных одеждах разливали по кубкам разноцветное вино.

ЯндолАнганол уже снова сидел на троне. В зале появился Главный Советник СарториИрвраш; коротко поклонившись гостям, он занял свое место у трона и сразу же закурил вероник. Рунт Юлий, тяжело дыша, растянулся на подушках у ног хозяина.

— Ты чужой среди нас, — вслух прошептала королева, неотрывно глядя в зал. — Ты чужой в нашей жизни.

Кроме послов и короля, в зале присутствовали мэр Матрассила, который был также главой скритины, королевский священник, королевский оружейник и несколько военачальников.

Сиборнел был представлен Ио Пашаратидом, выходцем из Ускути. Он и его супруга, оба высокие, тощие и бледные, уселись на порядочном расстоянии друг от друга. По слухам, посол Сиборнела в Борлиене и его жена пребывали в вечной ссоре; впрочем, наряду с этим было распространено мнение, что просто у сиборнельцев такой обычай. Так или иначе, факт оставался фактом: прожив во дворце больше девяти теннеров (через три недели должен был исполниться год с того дня, как унылая физиономия Ио Пашаратида впервые возникла здесь), супруги не обменялись на людях ни добрым словом, ни даже взглядом.

— Если кого и нужно бояться, так это тебя, Пашаратид, проклятый ты призрак, — прошептала королева королев.

Из Панновала прибыл наследный принц. Этот выбор имел большое значение. Будучи самой мощной державой среди семнадцати государств Кампаннлата, Панновал хотел только одного — положить конец стычкам с сиборнелъцами, досаждающими ему на северных границах. Ради этого Панновал заигрывал с Борлиеном, самым исправным плательщиком церковных податей; и хотя отношения между двумя странами напоминали отношения между мудрым старцем и зеленым юнцом, Панновал все же счел возможным прислать на Совет принца — пусть нерешительного, туповатого, но все-таки принца.

Хотя роль принца Тайнца Индредда в государственном механизме была незначительна, он пользовался известностью благодаря своей язвительности и весу: принц был невероятно толст. Королевской семье Олдорандо он приходился дальним родственником. Из людей, занимающих достаточно высокое положение, никто ни в грош не ставил Тайнца Индредда, и священники Панновала, зная об этом, прислали вместе с принцем главного советника и видного деятеля Церкви Гуаддла Улбобега, к которому король Орел питал искреннее уважение и привязанность еще с тех времен, когда в юности был послушником в Панновале.

— Этому есть что сказать, — пробормотала королева, поудобнее устраиваясь у окошка.

Король ЯндолАнганол, не вставая, в почтительной и скромной манере приветствовал собравшихся. Речь его лилась легко и быстро, так же быстр был его пронизательный взгляд. После приветствий он перешел к краткому изложению текущего состояния дел в Борлиене.

— Сегодня можно с уверенностью сказать, что в границах моего государства наконец-то установился мир. Случайные разбойники и бродяги порой еще донимают моих земледельцев, но скоро и с этим будет покончено. К сожалению, до недавнего времени армии Борлиена были связаны фронтами Западной Войны. Не стану скрывать, эта война

обескровила мою страну. На восточных окраинах Борлиена тоже не все было спокойно — коварный Дарвлиш Череп и безжалостный Ундрейд Молот немало нам досадили.

Король с вызовом оглядел своих гостей. Он стыдился того, что свою недавнюю рану он получил от такого ничтожества, как Дарвлиш.

— Фреир подкрадывается все ближе, и наши поля гибнут от засухи. Борлиен уже не в состоянии сражаться на всех фронтах одновременно; по крайней мере мне не хотелось бы, чтобы от нас этого ждали. Наша страна велика, но, увы, не слишком богата ресурсами.

— Ну что ты, кузен, полно скромничать, — подал голос Тайнц Индредд. — Ни для кого не секрет, что южные равнины Борлиена — богатейшая житница на всем континенте.

— Плодородная почва еще не означает богатого урожая, его еще нужно собрать, — отрезал ЯндолАнганол. — На наших границах беспокойно и крестьяне, вместо того чтобы сеять и жать хлеб, сражаются и погибают. На земле давно уже работают только женщины и дети.

— Тогда тебе и в самом деле нужна помощь, кузен, — весело заметил Тайнц Индредд. Он явно был в восторге от собственного остроумия.

Ио Пашаратид подал голос:

— Если у крестьянина хромая лошадь, станет ли дикий кайдау помогать ему?

На эти слова никто подчеркнуто не обратил внимания. Многие из панновальцев были недовольны присутствием на совете сиборнельца.

— Кузен, — снова заговорил Тайнц Индредд, — ты, как всегда, вспоминаешь о нас, когда твой народ попадает в беду. Однако времена изобилия миновали — у всех поля горят и везде фруктовые деревья засыхают на корню. Я позволю себе говорить прямо и сразу скажу, что намерен раз и навсегда покончить со всеми недомолвками и обидами, стоящими между нами. Если среди нас не будет единодушия, то грош цена всем нашим благим намерениям.

Король ЯндолАнганол вскочил на ноги и впился гневным взглядом в заплывшее жиром лицо панновальского принца.

— Мой визит к королю Олдорандо Сайрену Станду был продиктован необходимостью объединиться против общих врагов нашей веры. А вы, я вижу, слетелись ко мне словно стервятники, учуявшие легкую добычу! Вы пытаетесь указывать мне в моем собственном дворце. Что происходит — вы задумали разжечь вражду между нами? Объяснитесь, я требую ответа!

Тайнц Индредд и его советник, Гуаддл Улбобег, ответили не сразу, а сначала посовещались. Потом слово взял Улбобег. Он поднялся и указал на Юлия.

— Принц Тайнц говорил от чистого сердца, ваше величество. Мы не хотим лукавить. Но основания для беспокойства у нас есть — и они связаны с этим существом, — он указал на Юлия, — которое по вашей воле находится сейчас среди нас. Вражда между людьми и фагорами уходит корнями в глубь веков, и мир между столь разными расами невозможен. Священная Панновальская Империя не раз и не два объявляла крестовые походы против нечестивого племени двурогих, дабы полностью стереть их с лица земли. А тем временем вы, ваше величество, продолжаете предоставлять фагорам убежище в своем королевстве.

В словах Гуаддла Улбобега не было вызова или обвинения, он говорил почти виновато, уставившись в пол, словно сам хотел лишиться свои слова силы. Поэтому принц решил подкрепить речь своего советника криком:

— Как можешь ты, кузен, просить от нас помощи, когда сам привечаешь эту нечисть? Было время, когда фаги владели всем Кампаннлатом, — и они мечтают захватить власть снова. Неужели ты хочешь стать их пособником?

Король Орел выпрямился во весь рост и упер руки в бока.

— Я не позволю ни одному чужеземцу вмешиваться во внутренние дела моей страны. Я спросил совета у скритины — и скритина меня поддержала. Да, я даю фагорам убежище в Борлиене. И заявляю твердо, что с ними вполне

можно ладить. Двурогие возделывают неплодородные земли, на которые мои земледельцы даже не желают смотреть. Они не отказываются от работы, которой гнушаются даже рабы. Они сражаются и не требуют за это мзды. Моя казна пуста — и я, король Борлиена, в настоящее время могу позволить себе армию, состоящую только из фагоров. Все, что они просят от меня в награду за свою службу, — это пустоши на задворках моей страны. Они бесстрашны и никогда не бегут от опасности! Вы скажете, что для этого у них просто не хватает ума. А я отвечу — пусть так, но в таком случае я предпочитаю фагоров умным трусливым людишкам. И до тех пор, пока я зовусь королем Борлиена, фагоры будут под моей защитой.

— Не хотите ли вы сказать, ваше величество, что фагоры будут под вашей защитой до тех пор, пока королева Мирдем-Инггала остается королевой Борлиена?

Вопрос был задан одним из викариев Тайнца Индредда, человеком без возраста, таким тощим, что его кости выпирали под черным шерстяным чарфрулом. И вновь в зале наступило молчаливое замешательство. Почувствовав, что его слова возымели действие, викарий неторопливо добавил:

— Разве не правда, что именно отец королевы, вашей супруги, широко известной своим чутким отношением к любому живому существу, прославленный воин Рантан-Оборал — кстати, лет двадцать назад владевший замком, в котором мы сейчас имеем удовольствие находиться, положил начало сотрудничеству с двурогими, которое вы теперь столь целеустремленно укрепляете и развиваете?

Гуадл Улбобег повернулся к нему:

— Сударь, я категорически возражаю против того, какую форму принял наш диспут. Мы собрались здесь не затем, чтобы обсуждать королеву МирдемИнггалу, а для того, чтобы предложить помощь ее супругу, королю Борлиена.

Король Орел опустил на трон так, словно внезапно почувствовал слабость в коленях. Викарий мастерски нанес двойной удар, в одной фразе упомянув и о том, что на пре-

стол ЯндолАнганол взошел совсем недавно, и о том, что в жены он взял дочь простого барона.

СарториИрвраш решил, что пора и ему скрестить меч с панновальскими наглецами.

— Хотя способность удивляться во мне притупилась от частых встреч с самыми разными и поразительными вещами, тем не менее сейчас я, королевский советник, весьма удивлен — удивлен тем, что стал свидетелем столь явной, говоря мягко, предубежденности и — да простят мне мою прямооту присутствующие здесь подданные великой Священной Панновальской Империи — даже враждебности. Сам я безбожник и посему могу смотреть на Церковь достаточно беспристрастно. И вот, глядя на вас, я спрашиваю: где же то благочестие и та любовь к ближнему, которую вы, панновальцы, так усердно проповедуете? Неужели вы считаете, что, очернив королеву, окажете помощь его величеству? Быть может, я несколько резок, но скажу вам со всей ответственностью, глубокоуважаемый принц Тайнц Индредд, что я не меньше, чем вы, ненавижу фагоров. Но они есть, и с этим ничего не поделаешь. Это неизбежность, неприятная, но привычная, как ваша нескончаемая вражда с северным Сиборнелом. Смогли бы вы в одночасье перебить всех сиборнельцев, как нам советуете истребить фагоров? Неужели окончательная истина — только в убийстве? Неужели именно этому учит вас Акханаба? И уж если говорить начистоту, многие в Борлиене считают, что если бы силы Панновала не были связаны сиборнельскими колонистами, то ваша Священная Империя не преминула бы ударить на юг — иными словами, сделать попытку завоевать Борлиен. Собственно, сейчас вы пытаетесь сделать именно это: заставить нас плясать под вашу дудку. Честное слово, нам остается только слать благодарности Сиборнелу.

Советник умолк и наклонился к королю. Они принялись о чем-то шептаться, и посол Сиборнела, воспользовавшись этой паузой, поднялся и в своей обычной язвительной манере проговорил:

— Поскольку мой мудрый и трудолюбивый народ слышит от Империи одни оскорбления, я с радостью занесу

слова советника СарториИрвраша в свой протокол. Выражаю свою благодарность королевскому советнику.

Подчеркнуто не обращая внимания на это замечание, принц Тайнц медленно проговорил:

— У вас искаженное восприятие действительности. Возможно, тому и впрямь виной ваш возраст, советник. Как знатоку истории, каковым вы не устаете себя представлять, вам должно быть известно, что вот уже много веков Сиборнел, которому давно надоел мрачный северный климат, вынашивает планы захватить благодатные южные земли нашего материка. И Панновал, да будет вам известно, выполняет роль щита между Борлиеном и этими нагледцами.

Это последнее заявление трудно было называть истинным. Даже самому Тайнцу было ясно, что настоящим щитом между Сиборнелом и Борлиеном служат горный хребет Квизинт и полоса выжженной солнцем земли под названием пустыня Хаззиз.

СарториИрвраш и король ЯндолАнганол закончили совещаться, и советник заговорил снова:

— Наши достопочтенные гости соизволили затронуть вопрос о том беспокойстве, которое им причиняет воинственный Сиборнел. Прежде чем мы продолжим пререкания и взаимные оскорбления, я хотел бы кое-что прояснить. Не так давно мой король, ЯндолАнганол, был тяжело ранен, защищая свою родину. Я хочу показать вам, чем именно была нанесена эта рана.

Советник сделал знак королевскому оружейнику, низкорослому, но кряжистому мужичку с окладистой бородой. Оружейник вышел на середину зала и продемонстрировал присутствующим маленький свинцовый шарик, держа его указательным и большим пальцами. Официальным тоном оружейник доложил:

— Сей снаряд был извлечен хирургом из ноги его величества. Рана, нанесенная этим крошечным шариком, была очень серьезной и причиняла королю сильную боль. Оружие, из которого был выпущен этот снаряд, носит название «ружье».

— Благодарю вас, — проговорил СарториИрвраш и жестом велел оружейнику вернуться на свое место. — Сиборнел стремительно развивается, и новое оружие, способное поражать цель на большом расстоянии и с большой точностью, явное тому подтверждение. Эти так называемые ружья, без сомнения, производятся Сиборнелом в большом количестве, хотя производство их начато недавно, это нам тоже понятно. Более того, нам стало известно, что уже изобретено оружие с гораздо большей убойной силой — оно называется «ружье с замковым механизмом». Эти новинки опаснее любого Ундрейда Молота, и, учитывая их появление, я призываю нас всех к сплоченности. Небезынтересно и то, что, как нам стало известно, к дикарям ружья попали не от самих сиборнелцев, а через посредников в Матрассиле.

После этих слов головы всех присутствующих одновременно повернулись к послу Сиборнела. Сам он замер с кубком охлажденного вина в руке, зато его супруга, Денью Пашаратид, высокая худощавая женщина с бледной кожей и суровым лицом, решительно встала.

— Вероятно, до вас, господа, доходили слухи, что у меня на родине ваш материк называют «страной дикарей». И низкая ложь, которую мы только что здесь услышали, является тому подтверждением. Кто дал советнику Ирврашу право унижать достоинство моего мужа такими намеками? Отчего моему супругу, человеку в высшей степени честному, никогда не доверяют, и его слово всегда ставится под сомнение?

Чтобы скрыть улыбку, СарториИрвраш погладил усы.

— Простите, госпожа Денью, но почему вы решили, что речь идет именно о вашем муже? По-моему, я не упоминал его имени, и все остальные это подтвердят.

ЯндолАнганол снова поднялся с трона.

— Двое наших лазутчиков, переодевшись дриатами, отправились на Нижний Рынок и без труда купили там ружье. Сейчас я наглядно продемонстрирую вам возможности этого оружия, чтобы вы убедились: мы вступаем в новую эру военного искусства, и старые представления надо отбросить.

Возможно, после этого вы измените свои взгляды и поймете, почему мне приходится нанимать фагоров и вообще проводить особую политику. — Он посмотрел на панновальского принца и добавил: — Если, конечно, вы в состоянии вытерпеть непродолжительное присутствие дуэрогих в этом зале...

Король звонко хлопнул в ладоши. Капитан из его свиты вышел в коридор и громко выкрикнул команду. Печатая шаг, в зал вошли два фагора со спиленными рогами, до того момента ожидавшие за дверью. Один из фагоров нес в руках ружье — фитильный мушкет. Фагоры разошлись в противоположные концы зала, и тот, у кого был мушкет, опустил на одно колено и начал готовить свое оружие к выстрелу.

Мушкет представлял собой шестифутовую металлическую трубу, прикрепленную к прикладу из полированного дерева витками серебряной проволоки и снабженную прочной подставкой-треножником. Сняв с пояса специальный рог, фагор засыпал в ствол мушкета порох, потом шомполом забил туда свинцовый шарик и запечатал пыжом. Насыпав порох на полку мушкета, фагор запалил фитиль, прижал приклад к плечу и изготовился к стрельбе. Капитан стоял над ним и следил, правильно ли все делается.

Фагор с мушкетом тщательно навел свое оружие на стоящего напротив соплеменника и поднес фитиль. Раздалось резкое шипение горящего пороха, потом — громкий хлопок, от которого у всех заложило уши. Из ствола мушкета вырвалось пламя и длинный клуб белого дыма.

Фагор-мишень покачнулся. На груди у него медленно начало расплываться широкое пятно желтой сукровицы. Прощептав что-то, он пошатнулся, прижал к ране руку и мертвым упал на пол.

От удушливого дыма, заполнившего зал, все начали кашлять. Многих охватил страх. Люди вскочили с подушек и принялись ломиться в коридор, толкая друг друга. ЯндолАнганол и СарториИрвраш молча наблюдали за происходящим.

Что касается королевы, то она, увидев демонстрацию нового страшного оружия, убежала в свои покои и там заперлась.

Лицемерие политиков было ей ненавистно. Она точно знала, что нападки панновальской делегации были направлены вовсе не на Сиборнел, поскольку с ним все было и так ясно: Сиборнел давно и прочно считался первейшим врагом Панновала; в том, какова суть взаимоотношений этих двух государств, не сомневался никто. На самом деле панновальцев раздражал король ЯндолАнганол — раздражал тем, что не слишком стремился плясать под их дудку. Из этого легко было сделать вывод, что и она, имея над королем определенную власть, представляет угрозу для священников Панновала в качестве конкурента.

Королева МирдемИнггала обедала в обществе фрейлин, а король согласно этикету — с гостями. Гуаддл Улбобег заслужил неодобрительный взгляд главы своей делегации тем, что, остановившись возле короля, тихо проговорил ему:

— Демонстрация, устроенная вами, ваше величество, была устрашающей, но все же не слишком впечатляющей. Наши солдаты, ведущие боевые действия против сиборнельцев на северном побережье, уже давно знакомы с действием этих мушкетов. Тем не менее в одном вы, по всей видимости, правы, хотя и не сказали об этом прямо: нам необходимо научиться самим делать такие ружья. Будьте уверены, ваше величество, принц предложит вам выгоднейшую сделку.

Королева ела, не замечая вкуса того, что ест. Отобедав, она уединилась в своих покоях. Ее мысли были заняты принцем Тайнцем Индреддом и Сайреном Стандом, королем Олдорандо. Оба были ей отвратительны. По сравнению с этими мерзкими интриганами даже фагоры представлялись ей милейшими существами.

Из окна ей был хорошо виден выложенный изразцовыми плитками бассейн, в котором она так любила купаться. У подножия стены, скрывающей бассейн от посторонних глаз, почти на уровне воды, было небольшое отверстие, забранное решеткой. Там, в толще камня, находилась подземная тюрьма, где был заточен король ВарпалАнганол. В бассейне медленно кружили золотые карпы — такие же пленники, как бывший король ВарпалАнганол.

В дверь постучали, и голос слуги доложил, что королеву хочет видеть ее брат.

ЯфералОборал ждал сестру на балконе. И он, и МирдемИнггала знали, что если бы не жена, у короля ЯндолАнганолола не дрогнула бы рука убить последнего мужчину из рода Оборалов.

Брат королевы не был красавцем; вся красота досталась МирдемИнггале. На его худом лице, казалось, навечно застыло раздраженное и злобное выражение. Яф так и не научился держаться с достоинством — умению, которым так славился король ЯндолАнганол. С первого взгляда было ясно, что этот человек давно перестал надеяться на успех. Брат королевы верно служил Орлу и был всецело предан сестре, чью жизнь ставил гораздо выше собственной. Он был посредственностью, но за это она его и любила.

— Ты не был в Зале Совета?

— Туда таких, как я, не приглашают.

— То, что там было, просто ужасно.

— Я кое-что слышал. Пашаратид места себе не находит — а ведь его непросто пронять: он холодный, словно кусок лордариардрийского льда. Представь себе — солдаты болтают, будто в городе у него есть баба! Лихой парень этот сиборнелец, если так просто играет со смертью!

МирдемИнггала блеснула улыбкой.

— Мне не нравится, как он на меня смотрит. По-моему, если у него есть женщина, это не так уж и плохо!

Брат и сестра рассмеялись. Их отец, древний старик, уже слишком немощный, чтобы представлять опасность для нынешнего правителя, жил в небольшом поместье далеко от столичного шума. Барон любил рыбачить, потому что у реки было прохладнее.

По дворцу разнесся звон колокола. Взглянув вниз, королева и ее брат увидели ЯндолАнганолола. Король быстрым шагом вышел из ворот; стражники несли над ним широкий зонт из пурпурного шелка. Как всегда, рядом с королем крутился его любимец, рунт. Задрав голову, король махнул рукой королеве.

— Спускайся сюда, Кун! От пустых разговоров на такой жаре наших гостей клонит в сон. Ты сумеешь развлечь их лучше, чем я. Они жаждут тебя увидеть.

Попрощавшись с братом, королева послушно спустилась к супругу. Приняв официальный вид, король взял супругу под руку. Только раз позволив себе взглянуть на мужа, МирдемИнггала решила, что он бледен и выглядит усталым, хотя от солнца, пронизывающего красный шелк зонта, на его щеки и ложился лихорадочный румянец.

— Я слышала, ты собираешься заключить договор с Панновалом и Олдорандо, чтобы снять часть тягот войны с плеч страны? — спросила она его почтительно.

— Лишь Вседержитель знает, к чему мы все движемся, — ответил он неожиданно резко. — Если не хочешь, чтобы дьяволы, воспользовавшись твоей слабостью, захватили твой дом, войди с ним во временный союз. В этих монахах столько же лукавства, сколько и показной святости.

Король вздохнул.

— Я не дожусь того времени, когда мы вместе сможем отправиться на охоту и, забыв обо всем, наслаждаться жизнью, как в старые времена, — сказала она, пожимая ему руку. Она не станет упрекать его за то, что его дворец опять полон гостей.

— Сегодня утром СарториИрвраш говорил непозволительные вещи — он ведет себя неумно, при каждом удобном случае кичится своим атеизмом. Я все более и более склоняюсь к мысли о том, что пришло время от него избавиться. Тайнц не устает повторять, что мой Главный Советник безбожник, — я не могу давать в его руки такой козырь.

— Принц Тайнц попрекает тебя не только Ирврашем, он укоряет тебя и мной. Значит, и от меня, только потому что я ему не нравлюсь, ты тоже избавишься?

Пока МирдемИнггала говорила, ее глаза блестели яростным огнем, хотя она вовсе не хотела этого и потому тщательно старалась придать голосу лишь тон легкой укоризны. Король отозвался глухо:

— И ты и скритина, и всякий и каждый знают, что моя казна пуста. В таком положении приходится идти против

велений своего сердца — ничего не поделаешь, таков порядок вещей.

МирдемИнггала вырвала руку из руки короля.

Гости, вместе со своими наложницами и слугами, собрались в зеленом дворцовом садике среди колоннады. Для увеселения гостей водили диких зверей; несколько ловких жонглеров, акробатов и фокусник не уставали демонстрировать все новые и новые трюки. Вместе с королевой король Орел прошелся среди эмиссаров, заговаривая то с тем, то с другим. В тысячный раз в своей жизни королева отметила, как озаряются внутренним светом лица мужчин, которых она удостаивает своим вниманием. «Нет, я все еще что-то значу для Яна, — подумала она. — Моя цена высока, он не расстанется со мной так просто».

Пожилой трибриатианец привел на цепи двух гориллоподобных иных. На голове у дрессировщика, очевидно, вождя своего племени, красовался сложный убор-брафиста. Звери привлекли внимание нескольких гостей. На земле, вдали от привычных деревьев, эти создания казались странно неуклюжими. Как вполголоса пошутил один из придворных — иные напоминали пару подвыпивших гуляк, возвращающихся с хмельной пирушки.

Повинуясь командам трибриатианца, они принялись выполнять несложные трюки, которым были обучены; происходило это действие как раз напротив жабоподобного принца Тайнца Индредда, стоящего под желтым палантином и лениво курящего вероник. Рядом с принцем покатывалась со смеху совсем молоденькая нескладная девушка, почти девочка, не больше десяти лет и шести теннеров от роду.

— До чего же они смешные, правда, дядя? — то и дело повторяла она принцу. — Если бы не мех, они были бы в точности как люди.

Услышав слова девушки, трибриатианец, дотронувшись пальцем до своей брафисты, спросил принца:

— Не желает ли ваше величество, чтобы я продемонстрировал ему схватку пары иных?

С усмешкой принц достал из кармана и показал дрессировщику серебряную монету.

— Получишь это, если заставишь их любить друг друга. Стоящие неподалеку от принца гости засмеялись. Девушка весело замахала руками.

— Какой же ты иногда бываешь грубый, дядя. Неужели они и вправду станут делать это при всех?

Со скорбной миной трибриатианец ответил:

— К сожалению, в отличие от людей эти звери не знают кхмира. Любовью они занимаются раз в десять теннеров, и тогда их не нужно заставлять делать это, они с удовольствием делают это и сами. Теперь же гораздо легче заставить их драться.

Продолжая смеяться и качая головой, принц убрал монету обратно в карман. К нему подошла МирдемИнгала, и он мгновенно забыл о лесных жителях. Юная спутница принца, внезапно заскучав, тоже повернулась и куда-то ушла. Девочка была одета как взрослая, даже щеки ее были нарумянены.

Улучив момент и предоставив королю и принцу возможность развлекать беседой друг друга, королева направилась к племяннице Тайнца Индредда, задумчиво высматривающей что-то в фонтане. Подойдя к девушке, королева остановилась рядом с ней.

— Думаете, есть ли там рыбы или нет?

— Да, и я их уже видела. Дома у нас тоже есть такие фонтаны, только рыбы там побольше — вот такие.

Племянница принца показала, какие рыбы водятся в фонтанах их страны, сделав это так, как обычно делают дети — разведя в стороны руки.

— Понятно. Я разговаривала с вашим отцом, принцем.

Оторвавшись от созерцания воды, девушка первый раз взглянула на свою собеседницу, и во взгляде ее мелькнуло презрение. Поразительное лицо юной иноземки заморозило МирдемИнгалу, настолько оно было необычным, с огромными глазами, опушенными необычайно длинными ресницами, с носом, похожим на клюв длиннохвостого попугая. Всемогуший, да ведь девочка наполовину мади! Небеса, какая прелесть! Какая миленькая! Нужно быть с ней поласковее.

Девочка ответила:

— Зиганкис! Это Тайнц-то мой отец? Нет, вы ошибаетесь. С чего вы это взяли? Он мой дядя, да и то не родной, дальний родственник отца. Нет, мне такой отец не нужен — слишком он толст.

Вероятно, опомнившись и почувствовав, что взяла слишком резкий тон, девочка продолжила, уже мягче:

— По правде сказать, я первый раз путешествую за пределами Олдорандо без отца. Мои служанки приехали со мной, но мне все равно скучно. А вам не скучно здесь? Вы что, тут живете?

Прищурившись, девочка посмотрела на королеву. Ее взгляд на удивительном лице был одновременно и милым, и глуповатым.

— Знаете, что я вам скажу? Для женщины в возрасте вы очень хорошо выглядите, еще очень привлекательно.

Изо всех сил стараясь не рассмеяться, королева ответила:

— Тут, за стеной, у меня есть отличный бассейн с прохладной водой — не желаете освежиться? Там никого нет, будем только вы и я. Ваш дядя вас отпустит?

Девочка на секунду задумалась.

— Вообще-то я могу делать все, что захочу, и не спрашивать у него, но купаться... думаю, что леди не пристало купаться. В конце концов, я ведь принцесса. Об этом нельзя забывать, особенно в гостях.

— В самом деле? Что ж, я хорошо понимаю вас. Могу я спросить, как вас зовут?

— Зиганкис, мне говорили, что вы здесь, в Борлиене, ужасные провинциалы и отсталые люди, но не настолько же. Я принцесса Симода Тал, мой отец — король Олдорандо. Надеюсь, хоть об Олдорандо вы слышали?

Королева рассмеялась. Почувствовав жалость к девочке, она проговорила:

— Ну если уж вы добирались до нас из самого Олдорандо, я думаю, что хорошее купание вы заслужили.

— Спасибо, я искупаюсь, когда захочу, — ответила юная леди.

Охота лезть в воду пришла у юной леди ровно на следующий день рано утром. Появившись в покоях королевы, она

разбудила хозяйку. МирдемИнггала была больше удивлена, чем раздражена такой непосредственностью. Королева королев разбудила Татро, и все вместе, в сопровождении только своих фрейлин и фагоров-стражников, они втроем спустились к бассейну. Олдорандка приказала фагорам убираться, заявив при этом, что вид этих чудовищ ей омерзителен.

Лучи Фрейра еще не рассеяли утреннюю прохладу, но вода была, мягко сказать, тепловатой. Во времена прежнего короля — отца ЯндолАнганола ночью с гор для охлаждения бассейна специально доставлялись подводы снега и льда, но теперь, приняв во внимание расход человеческих сил и разбойную активность мордриадских племен, от такой роскоши пришлось отказаться.

Несмотря на то что нигде близ бассейна не было окон, кроме ее собственного, королева неизменно купалась в тонкой рубашке, полностью закрывающей ее белое тело. Но Симодетал не была свойственна такая скромность. Мигом сбросив одежду, она продемонстрировала спутницам свое молодое крепенькое белое тело, покрытое редкими темными волосками, стоящими дыбом и напоминающими редкий сосняк на снеговом склоне.

— Вы такая милая, я так люблю вас! — воскликнула она МирдемИнггале, немного побултыхавшись в воде и заключив королеву в искренние объятия. Ответить на такую восторженность свободно королева королев не смогла — чувствовалась ей в такой порывистости какая-то неуместность.

Олдорандская принцесса принялась плавать, нырять и кувыркаться в воде вблизи королевы, раз за разом раздвигая ноги и демонстрируя себя, словно бы для того, чтобы показать той, что она уже совсем-совсем, где надо и наиболее важно, взрослая.

Почивающий на своем диванчике СарториИрвраш в надлежащее время был разбужен офицером дворцовой стражи. Воин доложил, что сиборнельский посол, Ио Пашаратид, покинул дворец за час до восхода Фрейра, в спешке, один, верхом на хоксни.

— А что его жена, Денью?

— Она по-прежнему находится в своих покоях, господин. По моим сведениям, она крайне расстроена отъездом мужа.

— Расстроена? Это почему? Она очень разумная и образованная женщина. Не могу сказать, что я от нее в восторге, но ума ей не занимать... А теперь вот — на тебе! — грустит о муже-беглеце... А ведь дураков и без того хватает... Офицер, помогите-ка мне встать, будьте так добры.

Накинув на плечи халат, советник вызвал женщину-рабыню, свою служанку и экономку, прислуживающую ему с тех пор, как не стало его жены. Советник не мог не признать, что Сиборнел страна удивительная, перед которой можно только снять шляпу. По его приблизительным оценкам в данный момент Великого Года на материке Кампаннлат проживало около пятнадцати миллионов человек, обитателей семнадцати различных государств; никогда ни в какие времена эти семнадцать государств не могли ужиться с собой в мире, худо-бедно достигнуть взаимосогласия. Война воспринималась как нечто свойственное данной местности. Империи возникали и уходили в небытие каждый день. Люди забыли и думать о мире.

А в Сиборнеле, холодном Сиборнеле, все происходит совершенно по-другому. В семи странах-государствах, на которые поделен Сиборнел, проживало приблизительно двадцать пять миллионов человек. Между этими семью нациями был подписан нерушимый договор о повсеместном союзнничестве. Кампаннлат был во много раз богаче северных государств, однако постоянные перебранки и нелады между его странами приводили к тому, что итог такого богатства был плачевен — они ничего не достигли, кроме повсеместно господствующей религии, процветающей на благодатной ниве всеобщего отчаяния. Вот почему СарториИвраш ненавидел свою работу придворного советника. Ему приходилось работать на людей, большую часть которых он презирал.

Путем подкупа и взяток советнику СарториИврашу удалось узнать, что принц Тайнц Индредд привез во дворец полный сундук оружия — того самого оружия, о котором

шла речь на вчерашней встрече в Зале Совета. Ни для кого не секрет, что это оружие было предназначено для того, чтобы заставить Борлиен пойти на необходимые панновальскому блоку уступки, но какими должны быть эти уступки, никто не знал.

Новость о том, что во дворец прибыла партия ружей, дошла и до ушей сиборнельского посла, но это не имело никакого значения. Хотя с другой стороны, это могло объяснить его столь поспешный отъезд. Пашаратид направился на север, в сторону Хазизза, туда, откуда можно было легко попасть в северные прибрежные поселения сиборнельцев. Посла нельзя было отпускать просто так; его нужно было попытаться задержать.

Пригубив пелламонтейновый чай, принесенный ему рабыней, СарториИрвраш повернулся к застывшему в ожидании офицеру стражников.

— Вчера вечером мной было сделано поразительное открытие, касающееся хоксни и способное перевернуть весь мир, — открытие просто замечательное! Но кому оно нужно — хочу я вас спросить?

Советник покачал своей лысой головой.

— Знание не значит ничего, в то время как загадка привлекает к себе любого. Вот почему мне приходится, проснувшись в столь раннее время, на рассвете, беспокоить себя мыслями о том, каким образом мне изловить очередного дурака, мчащегося на север... Великие небеса, к чему, спрашивается, такие хлопоты! Итак — кто у нас при дворце самый лучший наездник? При чем такой, которому мы можем доверять, если таковой существует вообще. Конечно, я и сам его знаю — это брат королевы, ЯффералОборал. Будьте так любезны, приведите мне его. Снаряженным в дорогу.

Советник Ирвраш объяснил ситуацию вскоре появившемуся ЯффералОборалу.

— Я хочу, чтобы вы поймали этого сумасшедшего Пашаратида и привели его обратно во дворец. Скажите во весь опор, и я уверен, что вы настигнете его. Скажите ему... я не знаю, придумайте что-нибудь сами. Нет, дайте-ка мне по-

думать. Вот что — скажите ему, что король передумал заключать союз с Олдорандо и Панновалом. Он им больше не доверяет. Вместо этого он хочет искать союзника на севере, в Сиборнеле. Сиборнел сильная морская держава. Скажите ему, что мы готовы предоставить им свободную стоянку в Оттассоле.

— Но что кораблям сиборнельцев делать так далеко от дома? — удивился ЯфэралОборал.

— Это не ваше дело — это касается ушей только Пашаратида, пусть он решает сам. Ваша задача — любыми средствами убедить его вернуться назад, в Матрассил.

— Но зачем он вам тут нужен?

СарториИрвраш заломил руки.

— Без сомнения, он в чем-то замешан. А иначе зачем ему было бежать так поспешно. Я хочу знать, что именно он натворил. В руках сиборнельца всегда есть нечто большее, чем просто руки. Теперь, прошу вас, отправляйтесь и не задавайте больше вопросов.

Взяв курс на север, ЯфэралОборал пересек город, на улицах которого попадались лишь редкие, бредущие куда-то спозаранку прохожие, и выбрался на поля за городскими окраинами. Он погонял хоксни с умом, чередуя рысь с шагом.

Довольно скоро он добрался до реки Мар, до того места, где она сливалась с Такиссой. Здесь мост охранял маленький форт. Брат королевы королев спешил и поменял свою хоксни на свежую.

Еще через час безостановочной скачки, когда жара начала становиться невыносимой, он остановился у ручья и как следует напился. На мокрой глине берега ручья он заметил свежие отпечатки копыт хоксни, которая, как он надеялся, принадлежала Пашаратиду.

Вскочив в седло, он снова устремился на север. Постепенно возделанные поля сменились пустошами. Люди стали встречаться совсем редко. В лицо всаднику дул жаркий ветер, иссушающий горло и опаляющий кожу.

Тут и там с разных сторон на равнине виднелись гигантские валуны. Несколько веков назад в этой местности оби-

тали гермиты-отшельники, возводившие свои кельи на вершинах отдельно стоящих валунов. В домиках на одном или двух камнях до сих пор жили отшельники, но большую часть святых обитателей выгнала из их жилищ невозможная жара. У подножия валунов обрабатывали свои десятины фагоры; вокруг косматых созданий кружились разноцветные яркие бабочки.

Притаившись, за одним из валунов стоял Ио Пашаратид — он, давно уже заметивший погоню, теперь ждал, в отчаянии думая, что делать. Он почти загнал свою хоксни. Ио Пашаратид почти не надеялся вырваться из рук преследователей и был крайне удивлен, когда обнаружил, что его преследует один-единственный всадник. Воистину, глупости Кампаннлата не было предела.

Зарядив мушкет, он изготовил его к стрельбе и стал выжидать удобного момента, чтобы запалить заряд. Его преследователь приближался ровной рысью, тщательно объезжая валуны, и не проявлял особой осторожности.

Запалив фитиль, Ио Пашаратид вдавил приклад в плечо, прищурил глаз и навел мушкет. Огнестрельное оружие вызывало у него острую антипатию — по его мнению, оно было варварской принадлежностью.

Ожидать того, что каждый выстрел удастся и тем более угодит в свою цель, мог только глупец. Но этот выстрел Пашаратида удался как нельзя лучше. Порох с громом взорвался, и пуля вылетела из дула в направлении своей цели. ЯфералОборал, получивший заряд свинца в грудь, был выбит из седла и сброшен на землю. Все, на что у него хватило сил, это отползти в тень ближайшего валуна, где он и умер.

Изловив хоксни брата королевы, сиборнельский посол продолжил свой путь на север.

Поговаривали, что двор короля ЯндолАнганоло беден — среди его придворных никто не мог соперничать в роскоши и богатстве с придворными дружественных Олдорандо и города Панновала. Эти всеми почитаемые центры цивилизации были средоточием немыслимого богатства; ученые тут

находили всяческую защиту и покровительство и сама Церковь — несмотря на то что в Панновале ересь строго преследовалась — поощряла в ограниченных масштабах образование и искусства. В некоторой степени это объяснялось тем, что Панновал хоть и являлся основоположником религии, но управлялся по династическому принципу и мог благодаря этому, надеяться на определенную стабильность воззрений.

Почти каждую неделю корабли, прибывающие в гавань Матрассила, выгружали на берег пряности, лекарственные снадобья, звериную кость, ляпис-лазурь, ароматное дерево и редкостных птиц. Однако лишь малое число из этих сокровищ попадало во дворец здешнего правителя. Король ЯндолАнганол, Борлиенский Орел, в глазах всего мира, да и в своих собственных, был начинающим правителем, новичком. Направо и налево он хвастал просвещением и образованием, царившим в Борлиене во времена правления его деда, который, если уж говорить начистоту, был не более чем удачливым полководцем — одним из многих, в свое время сражавшихся за спорные борлиенские земли, — у которого хватило смекалки сплотить фагоров в боевые дружины, поставить над ними командиров-людей и таким образом одолеть врагов.

Но не всех своих недругов дед ЯндолАнганола сумел одолеть. Многие из них, сильные враги, остались в живых и процветали. Одной из самых блестящих «реформ», проведенных во время своего регентства отцом ЯндолАнганола, было создание парламента — скритины; скритина состояла из представителей народа и могла давать советы и всячески изъяслять свою волю королю. Скритина была создана по олдорандскому образчику. Проявив смекалку, ВарпалАнганол допустил в члены скритины по преимуществу две категории людей — главарей уцелевших недовольных, а также ремесленников, например кузнецов, издавна имевших в стране силу. Первыми были побежденные, но не сдавшиеся воинственные бароны и представители их семейств, которым членство в скритине позволяло легче пережить обиду, в то время как сам король мог скинуть со счетов возможность

восстания с их стороны. Большая часть груза, прибывающего на причал в Матрассиле, шла на оплату бездействия этой затихшей на время своры.

После того как молодой ЯндолАнганол сверг и заточил в темницу своего отца, первым же делом он хотел упразднить и распустить скритину. Чему скритина яростно воспротивилась — избранники не хотели оставаться не у дел. Парламент продолжал регулярные заседания, по-прежнему ставил палки в колеса королю и всюю обогащался за счет активного использования служебного положения. Председатель скритины, БудаРембитим, кроме прочего, был мэром Матрассила.

Скритина созвала внеочередное экстренное собрание. Не было сомнения, что в ближайшее же время следовало ожидать от парламента новых требований возобновить попытки поставить на колени Рандонан и расправиться с воинственными племенами разбойников, такими как мордриатские, забирающиеся все дальше и дальше в глубь страны — последняя вылазка была предпринята в провинции, расположенной в трех днях быстрой скачки от границы. Король был вынужден держать перед парламентом ответ, представив на обсуждение план действий на ближайшее время.

Выступление короля перед скритиной состоялось в полдень на заседании во дворцовом Зале Совета, когда гости Орла предавались полуденному отдыху. Приказав своему рунту остаться за дверью, при мрачном молчании парламентского зала король опустил на трон.

Пережив неприятности сегодняшнего утра, он уже столкнулся с новыми затруднениями. Взгляд короля бродил по деревянным панелям стен зала скритины, словно он решил непременно выявить источник этих затруднений.

Заседание началось с выступления нескольких представителей виднейших семейств. Для своих заявлений ими были выбраны темы, мало отличающиеся оригинальностью — разговор шел о визите иноземцев, а также о старых и новых животрепещущих вопросах. Вопросы старые касались дефицита казны. Вопросы новые вращались вокруг военных действий, речь о которых зашла в связи с последним мало-

приятным сообщением с фронта Западной Войны: приграничный город Кивасиен был осажден. Части рандонандской армии форсировали реку Касол и взяли город в кольцо, непроницаемое ни для конного, ни для пешего.

Вслед за сообщением об осаде города посыпались нарекания в адрес генерала Ханры ТолрамКетинета, которого называли то слишком молодым и неопытным, то слишком безответственным для того, чтобы командовать целой армией. Каждая жалоба и выпад против генерала, по сути дела, были выпадом в сторону короля. ЯндолАнганол слушал выступления бесстрастно, выстукивая пальцами по ручке своего кресла марш. Он снова вспоминал далекие дни своего несчастного детства, наступившие после смерти матери. Отец бил его и пренебрегал им. Молодой Орел, часто прятавшийся от слуг отца в подвалах дворца, в конце концов дал там себе клятву в том, что когда вырастет, не позволит никому стоять на пути своего счастья.

После того как он, жестоко раненный при Косгатте, с трудом добрался до столицы, а потом долго лежал в лихорадке, то прошлое, которое он так хотел бы забыть, снова и снова возвращалось к нему. Вновь он был бессилен что-либо предпринять. Именно в те тяжелые дни он впервые заметил улыбку молодого капитана ТолрамКетинета, обращенную к королеве МирдемИнггале, также улыбавшейся мужественному военачальнику в ответ.

Как только король смог снова подняться с кровати, он немедленно произвел ТолрамКетинета в генералы и отослал его на фронт Западной Войны. В скритине было много недовольных, преимущественно из тех, кто полагал — и не без оснований, — что его собственный сын гораздо больше ТолрамКетинета заслуживал повышения в чине. Каждое новое известие о неудачах в упрямых западных джунглях только укрепляло уверенность недовольных и их озлобленность на короля возрастала. Король отчетливо понимал, что победа, того или иного свойства, ему в ближайшее же время необходима просто как воздух. И это было одной из причин, заставивших его искать помощи у Панновала.

* * *

На следующее утро, перед началом новой официальной встречи с послами, король Орел отправился в покои принца Тайнца Индредда, чтобы переговорить с ним лично. Он снова оставил рунта за дверью, где тот, уже начавший привыкать к подобному ожиданию, расположился с удобством, свернувшись на полу клубком, как собака. Панновальского принца он не любил не меньше, чем тот его.

Принц Тайнец Индредд вкушал первый, легкий, завтрак — овсянку с кусочками тропических фруктов. Выслушивая короля Яндола Анганоло, принц согласно кивал, не переставая отправлять в рот ложку за ложкой.

То, что он наконец сказал, на первый взгляд никак не было связано с тем, о чем говорил с ним король Орел:

— Кузен, я слышал, что твой сын сбежал из дворца.

— Робайдай любит иногда побродить по пустыне в одиночестве. Он равнодушен к жаре и не гнушается самой простой пищей, тем, что удастся добыть охотой. Он часто так пропадает, иногда его не бывает неделями.

— На мой взгляд, будущему королю не пристало подобное времяпрепровождение. Король должен учиться, набираться знаний и опыта. Тебе бы следовало отослать Робайдай Анганоло в монастырь, где в свое время побывали и ты и я. А вместо того, как я слышал, он скитается по степям с протогностиками.

— Я не пастух своему сыну. И чужих советов мне тоже не нужно.

— Согласись, кузен, что учение в монастыре пошло тебе на пользу. Ты узнал, что в мире, даже для королей, существуют вещи, которые приходится делать, даже если они не нравятся тебе. Наше будущее не сулит нам ничего особенно заманчивого. С огромным трудом Панновал выжил, преодолев Великую Зиму. Как оказалось, наступившее лето мало в чем уступает зиме в количестве неприятностей... Мои придворные астрономы и астрологи не могут разыскать в будущем ни одного светлого лучика доброй надежды. Конечно, ты можешь ответить, что таков их хлеб...

Принц замолчал и, со вкусом закулив вероник, красуясь, выдохнул огромный клуб душистого дыма, разогнав его небрежным, но явно хорошо отработанным взмахом руки.

— Насколько ты помнишь, дорогой кузен, церковные книги Панновала еще в стародавние времена предупреждали об опасности, грозящей с неба. Акханаба был рожден из камня. Ты не забыл об этом?

Принц Тайнц поднялся с дивана и, прогулявшись к окошку, выглянул наружу, навалившись животом на подоконник. Обтянутый шелковым халатом объемистый круп принца выпятился в сторону короля Орла.

Молча взирая на филейную часть отпрыска панновальского дома, король терпеливо ждал продолжения его монолога.

— По словам астрологов, Гелликония и ее материнское светило, Беталикс, проходят в опасной близости от Фреира каждый большой год. В течение одного следующего поколения — в течение следующих восьмидесяти трех лет, если быть точным — мы будем находиться от Фреира на самом кратчайшем расстоянии. По прошествии этого времени, если небесная механика не подкачает, мы начнем медленно, но верно удаляться от огнедышащего светила. Для следующих после нашего поколений настанет время великих испытаний на стойкость. Жара будет спадать постепенно, начиная с северных континентов, стран Сиборнела и Геспагората. Для нас, обитателей тропиков, жизнь еще долго будет оставаться несносной.

— Борлиен выдержит. С юга нас омывает море — там прохладно. Оттассол тоже продержится — он такой же подземный город, как и твой Панновал.

Мгновенно повернув к королю Орлу свою жабыю физиономию, принц Тайнц впился маленькими глазками-буравчиками в его лицо.

— Так вот — мой план, дорогой кузен... Я знаю, ты не слишком-то горячо меня, своего родственника, жалуешь, но мне бы хотелось, чтобы ты услышал это из моих уст, а не в пересказе твоего горячо любимого друга, моего святейшего советника, Гуаддла Улбобега. В ближайшем будущем, как ты

сказал, Борлиен не ожидают крупные потрясения. Панновал, укрытый в своих горах, также будет находиться в относительной безопасности. Больше других, по моему мнению, пострадает Олдорандо. В ваших и наших интересах, чтобы Олдорандо сохранил свой суверенитет в целости и неприкосновенности, а не пал под ударами кочевников. Как ты считаешь, кузен, возможно ли, чтобы двор Олдорандо, имея в виду, конечно, только короля Сайрена Станда и его близких, пережидали самые трудные времена, укрывшись в Оттассоле?

Вопрос был настолько неожиданным, что король ЯндолАнганол запнулся, не в силах найти для ответа слов.

— Но в ту пору, может быть, уже нужно будет спрашивать не меня, а моего наследника...

Панновальский принц решил переменить тему разговора, а вместе с ней и тон.

— Кузен, что ты там стоишь — утренний воздух воистину прекрасен — подойди к окну и подыши вместе со мной. Взгляни-ка вот на это чудо там внизу — это бежит одна милейшая девочка, Симода Тал, моя протеже одиннадцати лет и шести теннеров от рода, дочь королевского дома Олдорандо, линия которого восходит к самому славному лорду Дэну, правителю Старого Эмбруддока еще в годы Великих Холодов.

Симода, возвращающаяся после купания в бассейне королевы МирдемИнгалы к себе в комнаты и не замечаящая того, что за ней наблюдают, быстро шла под окнами через двор внизу. На ходу вытирая волосы, она наконец направила на голову полотенце наподобие лихого тюрбана.

— Зачем ты привез ее сюда, Тайнц?

— Для того чтобы показать ее тебе, дорогой кузен. Милая девочка, не правда ли?

— Нельзя не согласиться; и что с того?

— Она молода, почти девочка, с этим нельзя спорить, но горячая штучка — это безошибочно видно по некоторым признакам.

Король ЯндолАнганол почувствовал, что ловушка вокруг него готова вот-вот захлопнуться. Отвернувшись от окна,

он принялся мерить шагами комнату. Принц Тайнц тоже отвернулся и, с комфортом устроившись в кресле, окутал себя дымом.

— Дорогой кузен, в Панновале нашим самым горячим желанием является увидеть наконец членов Священной Империи живущими в мире и согласии, чего невозможно достигнуть, если между их странами остается рознь и вражда. Грядут тяжелые времена, против которых нам нужно суметь защититься. Уже сейчас ситуация во многом требует принятия кардинальных решений. Милостью Акханаба нам, в Панновале, дарован дар предвидения. Исходя из некоторых объективных предпосылок, в которых мы уверены совершенно, мы хотим, чтобы эта юная девушка, Симода Тал, стала твоей женой.

Кровь отлила от лица короля ЯндолАнганола. Тщательно сдерживая себя, он спросил:

— Надеюсь, ты не забыл о том, что я уже женат? И помнишь, кто такая моя жена?

— От неприятностей нельзя просто так взять и отвернуться, кузен. Теперешняя твоя жена, королева, дочь простого бандита с большой дороги. Она ниже тебя по своему рождению и не пара тебе. Твой выбор принизил и твою страну, и тебя самого, потому что и для того, и для другого нужна хорошая партия, ровня. Обручившись с Симодой Тал, ты приобретешь в союзники силу, на которую сможешь рассчитывать.

— Об этом не может быть и речи. А кроме того, как быть с происхождением этой девочки — ведь ее мать наполовину мади?

Тайнц Индредд пожал плечами.

— Чем мади хуже фагоров, с которыми ты водишь дружбу? Послушай, кузен, я хочу убить одним выстрелом двух зайцев и устроить все как можно лучше для всех. Ни о каком коварстве и задних мыслях здесь не идет речи, только о дружбе и обоюдной выгоде. Через восемьдесят пять, или близко к тому, лет Олдорандо превратится в одно большое пекло, средняя температура на территории этого государства составит

около ста градусов, это по самым мягким оценкам. Олдорандцы вынуждены будут двинуться на юг. Как только ваш брак с дочерью дома Олдорандо станет свершившимся фактом, они немедленно окажутся в твоей власти. Они будут обычными бедными родственниками, выпрашивающими ночлег у парадных дверей твоего дома. Борлиен и Олдорандо станут одним целым — если не при тебе, то по крайней мере при твоём сыне. Такой шанс просто грех теперь упустить. Почему бы нам не отведать этих прекрасных фруктов? Скваанейя просто превосходны.

— Нет, это невозможно.

— Ничего невозможного нет. Святейший Це'Сарр готов расторгнуть твой брак своей грамотой.

Король ЯндолАнганол вскинул руку, словно собираясь ударить принца. Но, удержав руку на уровне глаз, он сказал:

— Та, на которой я женат сейчас, была со мной во все прошлые годы и останется дальше. Если вдруг я решу, что династический брак действительно для меня вещь крайне необходимая, я женю на Симоде моего Робайдая. Они будут друг другу как раз впору.

Подавшись вперед, принц Индредд уставил на короля Орла палец.

— Это не пойдёт. Даже думать об этом забудь. Твой парень ненормальный. Его бабка была дикарка Шананна.

Глаза Орла сверкнули.

— Никто не смеет говорить о моем сыне, что он ненормальный. Он немного дик, но не более того.

— Тогда тебе нужно отдать его в монастырь, туда, где уже побывали и ты и я. Прислушайся к своей вере, она ясно подскажет тебе, что твой сын неприемлем в качестве наследника престола. Потому, если ты еще хочешь рассчитывать на успех, тебе не избежать теперь жертвы. Любая потеря с твоей стороны будет восполнена соответствующей помощью с нашей. Как только твое согласие будет нами получено, немедленно в твое распоряжение поступит целый арсенал новейшего оружия со всеми необходимыми инструкциями. За первым арсеналом, если это потребует, последует дру-

гой. Мы будем учить твоих воинов сражаться против Дарвлиша Черепа и племен рандонанцев. На твоей стороне будут все мыслимые преимущества.

— И что за это получит Панновал? — с горечью спросил ЯндолАнганол.

— Мы получим то, чего нет на свете дороже, — стабильность, дорогой кузен, стабильность, вот что. На весь последующий нестабильный период. По мере того как Фреир подкрадывается все ближе и ближе к Гелликонии, Сиборнел тоже неуклонно набирается сил.

Принц впился белыми зубами в розовую мякоть одного из плодов скваанейя.

Не сводя глаз с принца, ЯндолАнганол застыл, словно врос ногами в пол.

— Но я люблю женщину, на которой женат. Я не собираюсь бросать МирдемИнгалу.

Принц рассмеялся.

— Любовь! Зиганкис, как сказала бы сейчас Симода Тал! Король не может себе позволить мыслить в таких категориях. Во главу всего ты всегда должен ставить свою страну. Борлиена ради женись на Симод Тал, объедини, успокой...

— А если я откажусь?

Обдумывая ответ, а может, просто выдерживая паузу, принц Тайнц Индредд медленно выбрал в блюде с фруктами очередной скваанейя.

— Тогда скорее всего тебя просто скинут со счетов, только и всего — разве это так сложно понять?

Коротко взмахнув рукой, ЯндолАнганол выбил из пухлой ладони принца фрукт. Нежный плод отлетел к стене и от удара лопнул, разбрызгав в стороны сок.

— Я религиозный человек и придерживаюсь своих убеждений. Я не могу избавиться от своей королевы, потому что это идет вразрез с моими убеждениями. И я уверен, что в Панновальской Церкви найдутся такие, кто поддержит меня.

— Надеюсь, что речь идет не о бедном старом Улбобеге?

Сдерживая в руке дрожь, принц наклонился и выбрал себе другой фрукт.

— Для начала я посоветовал бы тебе под каким-нибудь предлогом отослать королеву подальше из столицы. Удали ее от двора. Пускай она отправится на побережье. Потом, когда тебе ничего уже не будет мешать, внимательно подумай обо всех тех преимуществах, которых ты можешь достигнуть, если сделаешь то, чего мы от тебя просим. В конце недели я должен буду вернуться в Панновал — как я надеюсь, с благодатной вестью о том, что король Борлиена дал согласие на династический брак, который будет благословлен самим Це'Сарром.

Начавшись нелегко, день короля ЯндолАнганолоа так же нелегко и продолжился. Во время последующей утренней встречи с послами Тайнц Индредд молчаливо сидел на своем жабьем троне, пока Гуаддл Улбобег развивал планы нового замужества. На этот раз все обстоятельства, по сути, имеющие тот же смысл, были облечены в форму дипломатических выражений. После совершения одной стороной тех-то и тех-то действий, ею будут получены те-то и те-то выгоды. Святейший Це'Сарр Киландр IX, Великий Отец Церкви Акханаба, готов был одобрить своей подписью обе грамоты, как с разрешением на развод, так и на брак.

Никто из мудрых послов даже не заводил разговора о том, что может или не может случиться в последующие восемьдесят пять лет. Большая часть дипломатических усилий была направлена на то, чтобы хоть как-то прояснить ситуацию на ближайшие пять — десять лет.

На обеде, которым заправлял лично придворный мажордом, присутствовала королева МирдемИнггала, сидящая рядом с королем, ничего не евшим и только ерошившим шерсть своего фагора. На обеде, кроме послов, имели место быть также и высшие члены борлиенской скритины.

Трапеза состояла из нескольких перемен блюд — были поданы жареный лебедь, рыба, свинина и журавль.

После пиршества слово взял Тайнц Индредд. Словно бы в благодарность за чудесную трапезу, панновальский принц приказал своим телохранителям продемонстрировать умение владеть мушкетами. Во внутренний двор на цепях были

приведены три пустынных льва, там отпущены и метко пристрелены.

Дым еще не рассеялся, когда это оружие было предложено в дар королю ЯндолАнганолу. Подарок был преподнесен Орлу почти в пренебрежительной манере, словно недавно произнесенные предложения Панновала были уже приняты и вопрос этот больше не стоял.

Суть демонстрации огневой мощи принца Тайнца была шита белыми нитками. Впечатленная скритина наверняка должна была обратиться к королю с требованиями о приобретении у Панновала большой партии мушкетов, чтобы при их помощи переломить ход войны на различных фронтах. Панновал несомненно уступит просьбе младшего брата — но за соответствующую цену.

Не успело это действие подойти к концу, как во дворцовый двор двое неизвестных купцов ввели под уздцы очень старого кайдау, поперек спины которого был переброшен кожаный мешок, в который было зашито нечто, формой напоминающее человеческое тело. Мешок был снят на землю и разрезан ножом. Глазам присутствующих предстало бездыханное тело ЯффералОборала, изуродованное, с огромной зияющей раной в груди. Вид мертвеца преследовал короля ЯндолАнганола до самого вечера, когда он, обессиленный, наконец, шатаясь, ступил в покои своего Главного Советника. Беталикс быстро опускался к горизонту, пронизывая на своем пути ряды облаков, подсвеченных также и уже приглушенным сиянием Фрейра. Теплое свечение, льющее с запада, высвечивало все самые дальние закоулки комнаты.

Поднявшись из-за своего заваленного бумагами стола, советник СарториИрвраш поклонился королю. Советник корпел над своим «Алфавитом Истории и Природы». Тут и там вокруг него на столе лежали древние манускрипты и заплесневелые книги, по которым он изучал легенды и которые служили источниками его изысканий. Глаза короля скользнули по книгам безо всякого интереса.

— Принц Тайнец Индредд просит ответа, — глухо проговорил король. — Что мне сказать ему?

— Могу я говорить откровенно, ваше величество?

— Говори.

Опершись на подлокотники, король сел в кресло и откинулся на спинку. Фагор-рунт остался стоять в тени, что-бы лишний раз не попадаться на глаза советнику.

СарториИрвраш наклонил голову так, что монарху была видна только его лысая макушка.

— Ваше величество, вашей первейшей обязанностью является поддержание благосостояния страны. Так гласит старый Закон Королей. План, предложенный нам Панновалом и сводящийся к укреплению наших связей с Олдорандо путем заключения династического брака, вполне может достигнуть своей цели. Таким образом, укрепив свой трон, вы сможете безбедно властвовать еще многие десятки лет. Более того, вы приобретаете этим на будущее нового союзника в лице Олдорандо. От нового союзника можно ожидать помощи не только в военных областях, но и в виде продовольствия. На более умеренном севере Олдорандо, близ Панновальского моря, находятся плодороднейшие нивы. Наш теперешний урожай наверняка будет весьма скудным, и в будущем, по мере усиления жары, мы вряд ли сможем ожидать исправления ситуации. Тем временем наш придворный оружейник сумеет спокойно изучить панновальские мушкеты и попытаться научиться изготавливать их копии.

Вам не стоит сомневаться — вы с Симодой Тал будете отличной парой, несмотря на ее малолетство. Вы будете хорошей парой во всем, кроме одной вещи. Вы женаты и ваша жена — королева королев, МирдемИнггала. Она хороша со всех сторон, и как королева, и как святая женщина, а кроме того, вы любите ее. Если вы принесете в жертву свою любовь, то вам не избежать душевных мук.

— Может быть, я смогу полюбить Симоду Тал.

— Все возможно, ваше величество.

Повернувшись, СарториИрвраш посмотрел в маленькое окошко своей комнаты на закат двух солнц.

— Вот только, при всей сладости, в этой любви навсегда останется горький привкус ненависти. Другой такой жен-

щины, как королева королев, нет на всем свете, сколько ни ищите; а если такая женщина есть, уж наверняка ее зовут не Симода Тал.

— Любовь не так важна, — отозвался король ЯндолАнганол, поднимаясь из кресла и принимаясь мерить шагами комнату советника. — Благополучие страны, вопрос того, уцелеет ли она как суверенное государство, — вот что имеет значение. Так говорил мне принц Тайнц. Может быть, он прав — я не знаю. А вы? Что посоветуете мне вы? Каков ваш ответ — «да» или «нет»?

Советник дернул себя за усы.

— Положение фагоров в Борлиене, вот что еще меня беспокоит. Говорил ли об этом сегодня утром принц?

— О фагорах я от него ничего не слышал.

— Ничего, еще услышите. Люди, чьи слова он повторяет, скажут это. Как только вы заключите сделку, об этом обязательно будут говорить.

— Так что же вы мне посоветуете, советник? Что мне ответить Панновалу: «да» или «нет»?

Остановив свой взгляд на грудах бумаг, разбросанных по столу, советник медленно опустился на свой стул. Его пальцы машинально подхватили листок шуршащего, как старый древесный лист, пергамента и принялись его теревить.

— Вы решили подвергнуть меня испытанию в тяжелой области, там, где веление сердца входит в противоречие с реалиями жизни. Не в моих правилах давать ответ, состоящий только из «да» или «нет»... Возможно, что здесь лучший совет даст вам вера, для чего вам лучше обратиться к своему викарию.

ЯндолАнганол ударил кулаком по столу.

— Никакой вопрос нельзя решать без веры, однако сейчас я хочу знать мнение именно моего советника. Ваше почтение перед теперешней королевой заставляет меня уважать вас, Рашвен. Но тем не менее я продолжаю настаивать и требую от вас, отставив все колебания, дать мне однозначный и ясный ответ. Должен ли я отвергнуть МирдемИнггалу и согласиться на династический брак ради благополучия и безопасности страны? Отвечайте.

Советник не сомневался, что каким бы ни был теперь его ответ, в любом случае он не несет ответственность за окончательное решение короля. Вместе с тем он не хотел становиться козлом отпущения на все последующие времена; хорошо знакомый с переменчивым характером короля, он страшился его ярости. В союзе Олдорандо и Борлиена он видел много плюсов; перемирие между двумя традиционно враждующими соседями несло с собой множество преимуществ; из такого союза — если его верно направить и правильно им распорядиться — можно было сделать щит не только против северного хищника, Сиборнела, но и против самого Панновала.

С другой стороны, к королеве он испытывал не меньшую привязанность и преданность, чем к королю. Эгоцентрик, он любил МирдемИнггалу как дочь, в особенности с тех пор, как погибла при столь страшных обстоятельствах его жена. Прекрасный образ королевы согревал холодное сердце старого ученого. Он с чистой совестью мог сделать это — поднять палец и сурово проговорить: «Вы должны оставаться верным той женщине, которую любите, ваше величество, ибо лучшего союзника и друга вам за всю вашу жизнь не найти...», но, возможно, потому, что маячащее перед ним в сумерках лицо короля было перекошено от гнева, сказать так у него не хватило духу. С ним было его детище, плод всей жизни, его книга, за которую тоже нужно было бороться и чью судьбу необходимо было отстаивать.

Кроме того, по большому счету заданный королем вопрос был слишком труден для ответа любому, кроме самого короля.

— Ваше величество, я боюсь, что у вас снова пойдет носом кровь, так сильно вы переволновались — вам бы лучше выпить вина. Прошу вас, вот бокал.

— Всемогушего ради, вы, который всегда был для меня образцом рассудительности и надеждой на мудрый совет, почему вы теперь уходите от ответа? Мне нужна ваша помощь! Вы бросаете меня в самую трудную минуту!

Сутулые плечи советника еще больше сгорбились под его потрепанным чарфрулом.

— Ввиду такой сложности проблемы, моя обязанность, как вашего личного советника, в первую очередь сформулировать эту проблему для вас со всей возможной ясностью. Вы, и никто другой, должны теперь решать, что вам делать, потому что, во-первых, никто не в силах вам этого подсказать, а во-вторых, потому что вам самому придется потом жить с этим решением. Скажу вам только вот что — на стоящую перед вами дилемму можно смотреть двояко.

ЯнголАнганол, повернувшийся уже было, чтобы идти к двери, остановился. Развернувшись, он прямо взглянул на внезапно постаревшего СарториИрвраша через всю комнату.

— Почему я всегда должен так страдать? Почему королевский удел всегда отличается от удела простых людей? Если на мою долю выпадает принимать такие решения и потом претворять их в жизнь, тогда почему я не ангел или дьявол?

— Никому не дано этого знать, только вам, сударь.

— Тебе на все наплевать, включая королевство и меня, ты знаешь в мире только одно, эту свою ежедневную возню с покрытыми прахом останками прошлого.

Советник зажал дрожащие руки между колен.

— Может быть, мне и не все равно, ваше величество, но что я могу поделать? Я говорил вам всегда и повторяю сейчас, что трудности, с которыми нам приходится сталкиваться, в основе своей происходят от повсеместного ухудшения климата. Как только это стало ясно мне самому, я принялся за изучение манускриптов, среди которых наткнулся на летописные жития некоего короля по имени АозроОнден, правившего четыре столетия назад совсем другим Олдорандо, не тем, с которым мы имеем дело сейчас. Как утверждают летописи, король АозроОнден взшел на трон мира, умертвив своего брата, с которым делил правление до некоторых пор.

— Я знаю эту легенду, и что с того? Я ведь не собираюсь никого убивать.

— Эта легенда, на мой взгляд, написанная весьма мило, является отличным образчиком мышления в древние, примитивные времена. Возможно, нам вовсе не следует воспринимать всю эту историю буквально. Взглянув на нее как

на аллеорию, в ней можно увидеть груз ответственности одного человека за убийство другого или же тяжесть одного времени года, приходящего на смену другому, будь то ледяная жестокая зима, изгоняющая лето, или удушливая жара, приходящая на смену холодам, — и тут и там в результате страдаем мы, люди. Нам на роду начертано страдать за грехи наших предков. Нельзя сделать шаг и не понести за него ответственность; боль будет всегда. Вот таков мой ответ.

Король застонал.

— Ты, несчастный книжный червь, не от вины я страдаю, а от любви!

Выскочив из комнаты, король с силой захлопнул за собой дверь. Он не собирался раскрывать перед советником своих истинных чувств — ведь он, Орел, на самом деле сходил с ума от саднящей души вины. Он любил королеву и в этом у него не было сомнений; вместе с тем где-то сидящий в глубине его червячок заставлял его стремиться к свободе, и, понимая это, он испытывал муку.

Она была королевой королев. Весь Борлиен был влюблен в нее так, как она не любила свою страну. Еще один невыносимый поворот пронзающего душу винта — он знал, что она заслуживает этой народной любви. Возможно, она была слишком уверена в нем, никогда не допускала даже мысли о том, что он может разлюбить ее... Возможно, она возымела слишком большую власть над ним...

И эта крепость — ее тело, спелое, как налитая пшеница, мягкие моря ее волос, сладостная влага ее чресл, туманная головокружительность ее взгляда, такая спокойная уверенность улыбки... Но как это будет, вонзиться по рукоять в только начинающее поспевать тело этой претенциозной задаваки принцессы-полумади? Конечно же, нечто совершенно иное, нечто неизведанное...

Его муки, облекаясь в форму мыслей, бросались то в одну сторону, то в другую, извиваясь то так, то эдак, металась вместе с ним среди опустевших залов и запутанных переходов дворца. Дворцовая обстановка подбиралась случайно, наудачу. Залы были сооружены на местах бывших

крепостных башен, флигели прислуги — симпровизированы из руин. Великое и вызывающее жалость, роскошное и полунищее располагались бок о бок. Великие мира сего, живущие здесь, высоко над городом, изнывали от тех же неудобств, что и последние горожане.

Одним из таких неудобств можно было бы назвать замысловато преломленную линию неба, сейчас четко выделяющуюся на фоне темнеющих облаков над головой. Теплая мгла воздуха равнины клубилась над городом подобно кошке, безразлично свернувшейся клубочком над убитой мышью. Выцветшие паруса, деревянные флюгеры и маленькие ветряные мельницы кузниц торчали над крышами домов словно бесполезные символы тех сил, что могли привнести хоть немного свежести и прохлады страдальцам в подземных казематах. Шагая по лабиринту своего обиталища, король прислушивался к ритмическим скрипам деревянных флажков умоляющего об отдыхе семафора, переговаривающегося сквозь сумерки со своим далеким товарищем. Только раз он поднял голову, будто бы привлеченный заунывным пением неуклонно приближающегося рока.

Вокруг уже никого не было, только стража. Стражники, по большей части двурогие, стояли за каждым поворотом. С оружием наперевес, неуклюже марширующие и сменяющие друг друга, воины королевской стражи были сейчас единственными хозяевами дворца и обладателями его тайн.

Шагая сквозь сгущающиеся сумерки, король салютовал стражникам, почти не замечая их. Во всем мире остался только один человек, от которого он еще мог надеяться получить совет. Совет этот мог быть порожден подлыми намерениями, но так или иначе он его услышит. Создание, о котором шла речь, само по себе относилось к одной из тайн дворца. Король шел к своему отцу.

По мере того как Орел подходил все ближе и ближе к той глубинной, внутренней части дворца, где томился в заточении его отец, увеличивалось число стражей в коридорах, замирающих навтыжку при его появлении с такой удивительной стремительностью, словно бы от его царственной особы исходили какие-то особые флюиды, заморажи-

вающие тела людей в мгновение ока. В резных каменных выемках кишели и пищали летучие мыши, из-под ног короля порой разбегались куры; но в остальном дворец был странно молчалив, словно погружен в нелегкие размышления, как и его хозяин.

По ведущей вниз каменной лестнице он спустился к площадке с крепкой деревянной дверью в дальнем конце. У находящегося здесь стражника-фагора не были отпилены рога, что должно было подчеркивать его принадлежность к высшему военному рангу.

— Я хочу войти.

Без единого слова фагор достал ключ и, отперев дверь, раскрыл ее перед монархом на фут. Толкнув дверь, король Орел начал спускаться дальше, осторожно нащупывая в темноте ступеньки и придерживаясь рукой за железные перила. Мрак, и без того почти непроглядный, сгущался еще больше, по мере того как ступени уходили спиралью вниз. У подножия лестницы имелась еще одна площадка со второй запертой дверью и новым стражником. По мановению руки короля эта дверь тоже была отперта.

За этой последней дверью находился застенок его отца, темный и сырой, состоящий из трех каменных комнат-мешков.

Погруженный в свои мысли, король вздрогнул, когда холод и влага внезапно пробрали его до костей. Раскаяние шевельнулось в глубине его души.

Его отец, король ВарпалАнганол, находился в третьей комнате — завернувшись в одеяло, он сидел на деревянном табурете и неотрывно смотрел на бревно, тлеющее и не желающее разгораться за решеткой камина. Сквозь маленькое окошко, прорезанное высоко под потолком и забранное решеткой, в комнату проникали остатки света угасающего дня. Сидящий на табурете старик поднял голову, моргнул и издал губами шлепающий звук, как будто увлажнял горло, для того чтобы начать говорить, но так и не сказал ничего.

— Отец, это я. Тебе так и не принесли лампу?

— Я пытаюсь высчитать, который сейчас год.

— Сейчас 381-й, зима.

С тех пор, когда он последний раз видел отца, прошло уже несколько недель. Свергнутый король стремительно старел и скоро должен был присоединиться к сонму теней, скитающихся по каменным переходам дворца. Воспоминания о нем обретут форму легенд.

ВарпалАнганол встал и повернулся к сыну, придерживаясь за каминную полку.

— Не хочешь ли присесть, сын мой? К несчастью, у меня здесь только один стул, больше нет. Мои покои очень скудно обставлены. Садись, а мне будет нелишним немного постоять.

— Спасибо, отец, не стоит беспокоиться, я не хочу сидеть. Я пришел, чтобы поговорить с тобой.

— Нашелся ли твой сын — как же его имя? Роба? Ты нашел Робу?

— Роба сошел с ума — теперь об этом знают даже иноземцы.

— Помнишь, ведь он и в детстве любил пустыню. Я возил его туда вместе с его матерью. Такое голубое и бескрайнее было небо...

— Отец, я хочу развестись с Кун. Этот вопрос касается государственной стабильности.

— Что ж, ты сможешь запереть ее здесь со мной. Мне очень нравится Кун, она такая милая женщина. Конечно, тогда нам понадобится еще один стул...

— Отец, мне нужен совет. Я пришел, чтобы просить его у тебя.

Старик медленно опустился на стул. Подойдя поближе, Орел опустился на корточки так, чтобы видеть его лицо, освещенное трепещущими бликами пламени камина.

— Я хочу говорить с тобой о любви, чем бы она, любовь, ни была. Ты выслушаешь меня и дашь совет, да, отец? Говорят, что любви покорны все. И находящиеся на самом верху, и несчастные из низов. Я люблю нашего Всемогущего Акханаба и каждый день совершаю ему службу; я его наместник на земле. Превыше всех живых женщин в мире я также люблю мою МирдемИнггалу. Ты знаешь, я убью любого, кто взглянет на нее неподобающе.

Король замолчал. Наступила пауза, во время которой его отец собирался с мыслями.

— Ты хороший фехтовальщик, как я слышал, — наконец прошелестел старик.

— «Любовь подобна Смерти», так, кажется, говорят поэты? Я люблю Акханаба и люблю Кун. Но где-то под покровом этой святой любви — в последнее время я чувствую это особенно отчетливо — кроется напряженный сосуд ненависти. Разве это нормально, отец, скажи? Чем я прогневал Акханаба, что он так запятнал мои чувства? Или это дьявольский соблазн? Неужели все люди порой испытывают это?

Старик промолчал.

— Помнишь, когда я был ребенком, ты часто бил меня? Как ты меня бил! Ты запирал меня в пустой комнате в наказание. Однажды ты запер меня в этом самом подвале, помнишь? Но я все равно продолжал любить тебя, любить беззаветно, не задавая себе никаких вопросов. Невинной роковой любовью мальчика к своему отцу. Но возможно ли любить кого-то без этой едкой струйки яда ненависти, сочащегося в самом низу?

Прислушиваясь к словам сына, старик то и дело вертелся на стуле, словно не находя себе места от беспокоящей неизлечимой чесотки.

— Все повторяется, — наконец прошептал он. — Ничему нет конца... Не стоит надеяться, что новое поколение заживет по другим законам, будет страдать и радоваться по-другому. Твои муки порождены не ненавистью, а чувством вины. Вот что тебя изводит, Ян, — вина. Это чувство не ново, оно знакомо и мне, да и другим людям на земле тоже. Это унижение, наследственное отчаяние и жалость впитаны нами с молоком матерей, за них покарал нас Акханаба вечными муками жары и холода. Насколько я успел заметить, женщины тут оказываются в лучшем положении, чем мужчины, — они менее чувствительны и страдают меньше. Мужчины правят женщинами, но кто правит мужчинами? Ненависть, о которой ты говоришь, вовсе не такая плохая вещь. Мне всегда нравилась ненависть, она развлекала меня и не давала скучать. Холодными ночами с ненавистью не так зябко.

— Послушай, отец, когда я был мальчиком, подростком, я ненавидел почти весь мир и каждого в нем живущего. Я ненавидел тебя за то, что ты не держал свое слово. Но вина — это дело другого рода, потому что вина, которую ты переживаешь, унизительна. Ненависть не дает падать духом, заставляет забыть вину. А любовь?

Старик вздохнул — его дыхание, со стариковским неприятным душком разложения, вырвалось во влажный воздух. Снаружи уже наступила ночь; стало так темно, что сын свергнутого монарха уже не мог различить черты лица своего отца, а только его силуэт с темными провалами глаз и рта.

— Я знаю, что такое любовь собаки к своему хозяину. Когда-то давно у меня была псарня, отличные собачки, может быть, самые лучшие в наших краях, с бело-коричневыми мордами, с глазами, как у мади. Мой самый любимый пес всегда был около меня и спал на моей постели. Этого пса я очень любил. Как же была его кличка? Забыл...

ЯндолАнганол поднялся на ноги.

— И эта любовь — единственная, которую ты познал в жизни? Любовь к какой-то несчастной гончей?

— Может, и так, потому что я не помню, приходилось ли мне любить кого-то еще... Ну да ладно... так в чем проблема: ты собрался развестись с МирдемИнггалой и пришел ко мне искать, чем заглушить голос изводящей тебя совести? Решил, что я сумею сказать тебе нечто, что сумеет убедить тебя в твоей правоте? Ждешь волшебного слова?

— Я этого не говорил.

— Тогда зачем ты здесь? Прости, но я уже забыл. Который год сейчас, скажи пожалуйста? Мне, старику, это простительно, но, похоже, ты тоже об этом забыл. Ты вполне можешь объявить, что королева МирдемИнггала и ее брат, ЯфералОборал, замыслив убийство сиборнельского посла, не сумели претворить свой план в жизнь, в результате чего и погиб брат королевы. Заговор. Во все времена это было наилучшей причиной для всего что угодно. Избавившись от королевы, ты угодишь этим и Сиборнелу, и Панновалу, и Олдорандо.

Король ЯндолАнганол сжал руками голову.

— Отец, откуда ты узнал о смерти ЯффералОборала? Ведь его тело доставили во дворец всего час назад.

— Видишь ли, сынок, то, что я по немощи своей и ревматизму малоподвижен, еще ничего не значит — новости приходят ко мне сами. Теперь у меня стало гораздо больше времени... Есть и другие возможности...

— О чем ты говоришь?

— Однажды ночью королева может исчезнуть. Просто так, под покровом темноты. Исчезнуть навсегда и никогда больше не появиться вновь. Теперь, когда ее брата не стало, нет больше никого, кто бы стал поднимать по этому поводу шум. Ее старик-отец еще жив?

— Нет. Не знаю. По крайней мере я его не убивал. То, о чем ты говоришь, отец, неприемлемо для меня ни под каким видом. У меня в голове это не укладывается.

— Ничего, ты сумеешь, стоит только начать.

Старик начал задыхаться, то ли от астмы, то ли от приступа смеха. Вскоре этот приступ прошел.

— Но согласись, этот мой план с заговором — хорошая идея, да?

Король подошел к окошку и остановился под ним, подняв голову вверх. По каменному потолку темницы бродили призрачные волны света. Снаружи, за стеной тюрьмы находилась купальня королевы королев. Беды и печаль накапливались в нем, поднимаясь, как вода в половодье. Его старик, такой немощный и слабый, по-прежнему был коварен, хитер и вероломен.

— Хорошая идея, ты спрашиваешь? Сходящий с ума от вины и угрызений совести, используя сложившуюся ситуацию, удобный подвернувшийся случай, выхожу сухим из воды, так, что ли? Теперь мне ясно, в кого я пошел характером.

Король ударил кулаком в дверь, требуя, чтобы его выпустили.

После мрака подвала вечерний мир показался ему неожиданно прозрачным и наполненным светом. Толкнув боковую дверь, Орел вышел к бассейну и спустился по ступенькам к воде. Когда-то здесь была причалена к берегу лодка; он помнил, как маленьким мальчиком играл тут; теперь эта лодка сгнила, развалилась и затонула.

Небо, испещренное пятнами серых облаков, было цвета лежалого сыра. На противоположной стороне купальни подобно скале высились черной массой покои королевы; их изящные очертания вырисовывались зубчатой линией на фоне темнеющего неба. В одном из окон горел тусклый свет. Может быть, там, за окном, его жена готовилась ко сну. Он еще мог прийти к ней и вымолить у нее прощение. Он еще мог забыться в ее красоте.

Но вместо этого он, сам не понимая, что на него нашло, прыгнул вперед и бросился в тихую воду бассейна.

Руки король держал перед собой, словно человек, падающий с крыши высокого здания. Воздух медленными пузырями выходил из его одежды. Он погружался, и вода вокруг него стремительно темнела.

— Не подниматься бы никогда, — сказал он себе.

В глубине вода была темной и холодной. Ужас пришел к нему, и он приветствовал его как старого друга, пытаясь ухватить руками тину на дне. Из его носа вырвались пузырьки воздуха.

Но сила жизненного пути, направляемая Всемогущим, не позволила ему найти убежище в лабиринтах смерти. Тщась удержаться на дне, он все же начал подниматься к поверхности. Когда он, отдуваясь, наконец вырвался на воздух, свет в окошке королевы уже погас.

Глава VII

КОРОЛЕВА В ГОСТЯХ У ЖИВЫХ И МЕРТВЫХ

Рассвет обещал душный и жаркий день. После утреннего омовения королева королев немного поиграла с Татро, а потом вызвала СарториИрвраша и велела ему ждать ее в фамильном склепе.

Спустившись в склеп, она попрощалась с братом. Скоро он будет предан земле, а пока его тело лежало, завернутое в

желтую ткань, на огромном блоке лордриардрийского льда. Глядя на ясные черты своего безвременно ушедшего брата, которые не смогла исказить даже смерть, королева не могла удержаться слез. Поплакав, она принялась молиться обо всем плохом и хорошем, об обыденном и необычном, обо всем, что сбылось и что не сбылось в жизни ЯффералОборала. За молитвой ее и застал советник.

На нем был его обычный потрепанный чарфрул, закапанный чернилами. Пальцы советника тоже были в чернильных пятнах; а когда он низко поклонился королеве королев, она увидела, что чернилами испачкана даже его лысина.

— Рашвен, я пришла сюда попрощаться с братом, но не только для этого. Его душа, вероятно, уже добралась до Нижнего Мира. Я хочу погрузиться в пбук, а ты должен проследить, чтобы никто меня не тревожил.

На лице советника отразилось волнение.

— Ваше величество! Вы опечалены, но я прошу позволения напомнить вам о двух вещах. Во-первых, умиротворение умерших предков — или пбук, если вам больше по душе это древнее слово — порицается Церковью. Во-вторых, вероятность вступить в контакт с умершим до того, как он будет предан земле в соответствующей его роду октаве, очень мала.

— И в-третьих, вы не верите, что пбук вообще возможен, вы считаете, что все это сказки, так?

Королева слабо улыbnулась советнику. В свое время они горячо спорили на эту тему, но никому не удалось доказать свою правоту.

СарториИрвраш покачал головой.

— Нет необходимости напоминать мне мои собственные слова. Времена меняются, и теперь мои представления уже не такие, как раньше. Признаться, не так давно я сам научился пбуку, дабы утешить себя кратким свиданием с душой своей усопшей супруги. — Он закусил губу и, правильно истолковав выражение лица королевы, добавил: — Она простила меня.

Королева ласково коснулась его руки.

— Я рада.

Но в СарториИрвраше уже снова проснулся исследователь. Он сказал:

— Тем не менее, ваше величество, у меня нет оснований считать общение с усопшими реальным событием, слишком уж это напоминает самовнушение. Под землей не может быть ни теней, ни духов, с которыми, как считается, общаются живые.

— Но мы-то с вами знаем, что это правда. И вы, и я, и миллионы людей по всей стране разговаривают со своими предками и родственниками, когда хотят. Отчего же вы сомневаетесь?

— В исторических летописях, которых я прочел великое множество, как правило, отмечается, что духи — это создания вредоносные; они несут наказание за свою неудавшуюся жизнь и способны насылать несчастья на живущих. Встреча с ними не сулит ничего хорошего. Сейчас все иначе; теперь все находят в общении с умершими утешение. Из этого я сделал вывод, что все, связанное с проникновением в потусторонний мир, есть не более чем воплощение наших представлений о нем. Тем более что последние исследования небесных светил опровергли древнее представление о нашем мире как о земной чаше, покоящейся на первородном камне, к которому нисходят все духи.

Королева упрямо топнула ногой.

— Может, мне позвать викария? Неужели у вас не хватает деликатности в столь горестный час избавить меня от своих ученых лекций?

Впрочем, королеве сразу стало стыдно за свою несдержанность, и когда они поднимались из склепа, она взяла советника под руку.

— Чем бы ни был пбук, он приносит нам утешение, — проговорила она. — Наивно полагать, что мы познали весь мир; я думаю, что где-то за пределами той реальности, которая нам известна, есть бесконечно много такого, о чем мы и понятия не имеем. Может быть, там и обитают духи.

СарториИрвраш дипломатично промолчал.

По коридорам дворца они не спеша добрались до покоев королевы. Направившись к своему ложу, МирдемИнггала прилегла и расслабилась, успокаивая дыхание, утихомиривая частое биение взволнованного сердца. Тихо устроившись в ногах постели королевы, СарториИрвраш осенил ее святым кругом и начал свое бдение. На его глазах королева начала медленно переноситься в сумеречную область сознания, погружаясь в пбук.

Закрыв глаза, он запретил себе открывать их, чтобы не видеть беззащитной красоты МирдемИнггалы, и сидел, напряженно прислушиваясь к ее редкому дыханию.

У души нет глаз, но она способна видеть все, что творится в мире внизу.

Прежде чем начать свое продолжительное нисхождение, душа королевы устремила свои чувства к тому, что находится в непосредственной близости под ней, воспарившей. А под ней лежал, раскинувшись, простор во много раз больший, чем ночные небеса, во много раз более богатый, насыщенный, впечатляющий. На самом деле это было и не пространство вовсе, а нечто диаметрально ему противоположное — непознаваемая овеществленная субстанция, лишенная каких-либо описательных признаков.

Как суша понимает мореходные корабли в виде символов свободы, в то время как скрытые в теснине корабельных трюмов моряки думают о том, что ждет их впереди, так и реальность забвения одновременно сочетает в себе свойства бесконечной протяженности и несущественной малости, пространства и непространства.

Над телом Прародительницы клубились духи и тени, свободно плавающие, в числе бесконечных тысяч, и тысяч, и тысяч, напоминающих собой небесные звезды, но только упорядоченные в особой последовательности, олицетворяющей собой уходящую корнями в древность идею о земных октавах.

Ищущая душа королевы метнулась вниз, подобно падающему перу устремившись навстречу духам. В самом раннем слое духи выглядели как мумифицированные цыплята, с пу-

стыми животами и глазами, с неуклюже болтающимися ногами. Число оставшихся за плечами лет изъело их тленную плоть. Они стали прозрачными. Еще присутствующие в них внутренности неспешно плавали, напоминая крупных светящихся рыб в прозрачной чаше. Рты таких духов-останков, так же как у рыб, бывали открыты, причем казалось, что из этих навечно распахнутых зевов вот-вот вырвется пузырь воздуха, чтобы устремиться к поверхности, которой самим останкам больше не суждено было достигнуть никогда. В этих самых верхних слоях проживали останки ушедших из жизни относительно недавно, в их фантомных гортанях еще сохранился прах, во время разговора вырывающийся клубочками морозного дыхания, последнего апострофа еще не полностью вышедшего сока жизни.

Для некоей души, отважившейся прибыть сюда, вид усопших мог вызывать страх. Для королевы же покойные несли с собой умиротворение. Глядя на них, разверзших свои обсидиановые рты, она проникалась уверенностью, что нечто, существовавшее до поры, не уходит навечно в небытие, а продолжает длить свое существование, по крайней мере до тех пор, пока пламя не поглотит всю планету. А потом... кто знает, что будет потом...

Для души пришедшей здесь не было понятия, способного послужить ей компасом, подсказывающим направление. И тем не менее направление здесь было. Путеводным знаком был Вседержитель. Все наличествующее здесь залегало пластами в соответствии с четким планом, точно так же как галька на морском берегу распределяется сама собой в соответствии со своими размерами. Ранги останков распределялись в глубь земли в обозримые дали, ведущие за пределы Борлиена и Олдорандо к далекому Сиборнелу и даже к самым окраинным частям Геспагората, к полулегендарному Пеговину за морем Климента и к самим полюсам.

Корабль души, несомый ветром, который не дул, в конце концов доставил ее к останкам ее матери, дикой Шананны, жены РантанОборала, правителя Матрассила. Останки матери королевы имели вид древней птичьей клетки, со-

ставляющие которую ребра и бедренные кости излучали во тьме притягательное золотистое сияние, такое же, какое мы ощущаем, наткнувшись неожиданно на потрепанную книгу сказок, любимую с детства. Останки говорили с ней.

Останки-духи и тени были символами мучения и страдания. Будучи знаком темной стороны жизни, они старались помнить только хорошее, происшедшее с ними за время существования в мире живущих. С ними, погребенными в землю, оставалось только добро; злоба, подлость и шлак оставались в ином мире — мире действия.

— Дорогая Мать, я пришла к тебе по велению сердца, узнать, по-прежнему ли тих и безмятежен твой покой.

Традиционное приветствие, принятое между ними.

— Моя дорогая дочь, здесь нет ничего, что могло бы обеспокоить меня. По-прежнему тут царят покой и безмятежность, в нашем безоблачном существовании еще никогда не случилось ничего, что могло бы быть воспринято как беспорядок. Свидания с тобой привносят окончательный мир в мою покойную душу. Моя драгоценная и возлюбленная, как я могу не радоваться, ощущая рядом с собой столь великолепный росток, происшедший из моего недостойного лона? Твоя бабушка тоже здесь, она рядом, она тоже рада узнать, что ты выбрала время навестить нас.

— Благодарю тебя, Мать, для меня нет большей радости, чем свидание с тобой.

Это были все слова, простые формулы, при помощи которых было принято состязаться с неумолимым током времени.

— О, не говори так, потому что для меня нет уже возможности исправить и искупить те недосмотр и невнимание, которыми я зачастую по отношению к тебе грешила во время моей суетной жизни, когда недостаточно ласкала тебя и холила, ибо ты, сама добродетель и святость, заслуживала того без всякого сомнения. Каждый раз у меня не хватало на тебя времени, когда оказывалось, что очередное неотложное дело ждет меня, когда новая битва зовет и враг не дремлет, вся эта суета, становящаяся понятной только теперь, не

сравнимая с подлинной радостью жизни, которая всегда была так близко, ведь ты росла у меня прямо на глазах...

— Мать, ты была самой внимательной и нежной родительницей, в то время как я никогда не была примерной дочерью. Я всегда была такой своевольной и непослушной...

— Своевольной! — воскликнул древний прах. — Нет, ты никогда не позволяла себе что-то, что могло бы обидеть меня. Теперь, пребывая в другой форме существования, я многое вижу иначе, могу отличать суету сует от воистину важного и значительного. Несколько маленьких пустячных проступков ничего не значат, я испытываю стыд за то, что в свое время накричала за них на тебя. Как всякая живая женщина, я была глупа, мне не хватало ума смотреть в глубину — теперь же я знаю, что во всем мире ты была моим самым драгоценным сокровищем. Жизнь не веротишь назад, нам приходится жить со своими просчетами и неудачами, но тем из нас, кто не оставил наверху живого побега, здесь приходится горше всех.

Успошая еще долго продолжала распространяться в том же духе, и королева оставила попытки переубедить ее, а только с тихой улыбкой прислушивалась к ее слезливым речам; понимая, что теперь матери, при жизни действительно чрезвычайно занятой собой, своими делами и оказывающей ей внимание лишь изредка, нужно было хоть как-то утешиться. С приятным удивлением она обнаружила, что древние останки, сейчас не более чем полуистлевшая груда костей, помнят события ее далекого детства, о которых она сама давным-давно позабыла. Плоть смертна; но память остается навсегда, замурованная во времени.

Наконец, когда поток причитаний начал стихать, королева решила прервать свою мать.

— Мать, я спустилась сюда в надежде встретиться с душой моего брата, ЯфералОборала, которая, как я считала, должна была присоединиться к тебе и бабушке.

— Вот как... значит, мой сын тоже добрался до конца дней своего земного существования? О, это действительно добрая весть, мы здесь все будем рады соединиться с ним,

поскольку в искусстве пбука он никогда не уступал тебе, а ты всегда была такой умной девочкой. Более доброй вести ты не могла мне принести.

— Дорогая Мать, он был убит, застрелен из сиборнельского ружья.

— Прекрасно! Замечательно! Чем скорее это случается, тем лучше, потому что теперь я способна видеть истинную суть вещей. Я рада. Так когда же, по-твоему, мы можем рассчитывать увидеться с ним?

— Его бранные останки будут захоронены в течение ближайших часов.

— Тогда мы будем ожидать его и готовиться к встрече, чтобы приветствовать его как подобает. Когда придет твой час спуститься к нам в подземный мир, не бойся, здесь нет ничего плохого...

— Я готова, Мать, и ничего не боюсь. В любое время я буду рада услышать от тебя призыв, который ты сможешь передать через своих знакомых духов и теней, находящихся ближе к поверхности живого мира. Но сейчас я хотела бы попросить тебя кое о чем. Дело в том, что наверху есть один человек, мужчина, который любит меня, хотя до сих пор он еще ни разу не сказал мне о своей любви ни слова; но я чувствую его любовь, потому что он излучает ее, как солнце излучает свет. Я знаю, что могу доверять ему, как доверяю лишь немногим на свете. Сейчас его нет со мной — его ото-слали из Матрассила на далекую войну.

— Войны неведомы нам здесь внизу, мое дорогое дитя.

— Этот человек, мой друг, о котором я говорю, он тоже часто вводит себя в пбук. Его отец находится где-то здесь, в нижнем мире среди вас. Имя моего друга Ханра ТолрамКетинет. Я хочу просить тебя передать через отца Ханры ему весть от меня и узнать, где он теперь находится и что с ним, потому что мне действительно необходимо связаться с ним письмом.

Наступила тишина, но затем мать снова заговорила.

— Мое дорогое дитя, в твоём мире нет способа одному человеку договориться с другим и достигнуть при этом пол-

ного понимания, так мало вы знаете друг о друге. Здесь же мы достигаем абсолютной завершенности. Как только плоть перестает иметь значение и изменяется, надобность в тайне отпадает.

— Я знаю это, Мать, — молвила душа королевы, страшась такой предельной завершенности отношений. Много раз она слышала об этом и каждый раз испытывала противоречивые чувства. Одно это понятие многое проясняло о сути бытия почтенных останков. После длительного процесса изменения достигалась некая высшая ступень взаимопонимания, когда любой призыв мог свободно разноситься меж надлежащими пластами мощей подобно легкому бризу, не знающему препятствия и шелестящему в тихой желтизне праха, как в падшей под деревьями сухой листве.

Душе пришедшей приходилось при этом испытывать трудности, ее выдержка проверялась на прочность. Фантомы верхнего мира со звуком шкворчащего в жаровне масла продолжали сочиться к ней. Занавес взлетал и откуда-то доносилась шелестящая музыка смерти. Душа королевы начала медленно возвращаться, неспособная более удерживаться в подземном мире, поскольку мать теперь не помогала ей и не ободряла ее.

Наконец, пронизав обсидиановые толщи, ответ на посланную весть вернулся к Шананне. Друг дочери все еще находился среди живых. Духи и тени его рода свидетельствовали о том, что только недавно он спускался к ним и разговаривал с ними. Во время этой недавней встречи боевые части, которыми командовал молодой генерал, находились вблизи деревни под названием Ут Фо, расположенной в джунглях Чвартской возвышенности, что в западной части края, носящего имя Рандонан.

— Благодарю тебя, Мать, это все, что я хотела узнать, — воскликнула из последних сил душа королевы, следом безмолвно послав вниз чувственный всплеск благодарности.

Пыхнув облачком праха, дух ее матери проговорил на прощание:

— Нам, обитателям безмятежного нижнего мира, бесконечно жаль вас, ослепленных своей физической оболочкой. Нам, бесплотным, дано драгоценное разумение общаться посредством высших голосов, понимание которых находится за пределами способностей вашего слабого ума. Приди же к нам скорее, тогда ты увидишь и услышишь мир таким, как он есть. Мы ждем тебя!

Но слабая душа знала, что таким был обычный призыв старости, и не прислушалась к нему. Живые и мертвые не способны были понять друг друга, ибо находились по разные стороны существования; единственной связующей их нитью был пбук.

Еще раз прокричав вниз слова благодарности и извинения, королева устремила к земной тверди, напоминая собой поднимающийся из глубин к солнечным бликам глади моря пузырек воздуха. Снизу ей освещала дорогу золотая искра, некогда бывшая дикой Шананной, сверху ее ждала страна свежего воздуха и вольного движения.

Окончательно придя в себя, королева МирдемИнггала отпустила советника СарториИрвраша. Расставаясь с историком, она искренне поблагодарила его за оказанную щекотливую услугу, и словом не обмолвившись о том, что узнала во время своего пбука и свидания с мертвыми.

Как только СарториИрвраш ушел, королева королев призвала к себе Мэй ТолрамКетинет, сестру того, о судьбе которого она справлялась в царстве теней. Королева хотела принять ванну, что было частью ритуала возвращения из пбука, и Мэй ТолрамКетинет должна была помочь ей в омовлении. На этот раз королева оттирала свое тело с удвоенным тщанием, словно короткое пребывание в объятиях смерти испачкало ее.

— Я хочу инкогнито сходить в город. Ты должна будешь сопровождать меня. Принцесса Татро останется во дворце. Приготовь нам с тобой костюмы крестьянок.

Оставшись одна, королева МирдемИнггала написала письмо генералу ТолрамКетинету, предупреждая его о готовящихся во дворце тревожных переменах. Подписав пись-

мо, королева сложила его и запечатала собственной печатью, потом, спрятав в кожаный мешочек, запечатала тот другой печатью, еще более крепкой, чем первая.

Стараясь не обращать внимания на головокружение и чувство слабости, разливающееся по телу, королева облачилась в принесенную вскоре Мэй ТолрамКетинет одежду, незаметно спрятав кожаный мешочек с письмом в ее складках.

— Мы выйдем через боковые ворота дворца.

Через боковые ворота можно было уйти из дворца никем незамеченным. У главных дворцовых ворот целыми днями толпились нищие, попрошайки и прочий назойливый люд. Кроме того, у главных ворот торчали на кольях головы преступников, от которых на жару шел ужасный смрад.

Миновав вышколенного стража, даже не удостоившего их взглядом, и выйдя из ворот, королева с фрейлиной принялись спускаться по дороге-серпантину к городу. По расчетам королевы, в этот час король ЯндолАнганол должен был скорее всего спать. От своего отца Орел взял в привычку подниматься рано на рассвете и, появляясь в короне на дворцовом балконе перед подданными, принимать приветствия и поклоны. Эта традиция имела своей целью не только поддержание чувства уверенности и безопасности в народе; каждый, увидевший короля спозаранок, немедленно проникался уверенностью, что тот, как говорится, подобно «распоследнему крестьянину», начинал вершить свои дела с восходом солнца, стараясь, во имя нации, успеть много за время своего долгого рабочего дня. Мало кто знал, что, размявшись на балконе, король снова возвращался в свою спальню, где отдыхал еще несколько часов.

Над городом Матрассилом катились тяжелые облака. Опаляющий ветер, «дыхание пустыни», приносимый с юга, пытался сорвать с женщин одежду, задувал под накинутые на голову шали и иссушал глаза, вынуждая моргать и смачивать их влагой ежесекундно. Добравшись до аллеи у подножия дворцового холма, королева и ее фрейлина вздохнули с

облегчением, несмотря на то что здесь тоже клубилась пыль, вздымаемая их каблуками.

— Мы заглянем в церковь и получим благословение, — сказала МирдемИнггала.

В конце аллеи начиналась городская улица, на которой находилась одна из церквей, весьма многочисленных в Матрассиле, — довольно высокое здание со скругленными в древних борлиенских традициях церковной архитектуры уступами. Большая часть церковного сооружения, как правило, находилась под землей, над поверхностью возвышалась только малая часть увенчанной куполом культовой постройки. Таким образом отцы Церкви выражали свое желание жить под землею, в этой обители Берущих — святых выходцев из Панновала, много веков назад принесших веру в Борлиен.

Под малотенистой сенью деревьев королева и фрейлина теперь были не одни. Впереди них вела за руку своего внука старая шаркающая ногами крестьянка, которая внезапно вынырнула с боковой тропинки. При виде двух женщин крестьянка вежливо им поклонилась, заставив то же самое сделать и мальчика. Их история была печальной и незамысловатой. Зной убил весь их урожай и теперь, спасаясь от голода, они держали свой путь в город, где рассчитывали прокормиться милостыней. Королева подала несчастным серебряную монету.

Внутри церкви царил благословенный полумрак. В этом полумраке, долженствующем напоминать смертным об их бренном существовании, прихожане тихо преклоняли колени. Весь скупой свет сочился откуда-то сверху. Написанное на стене позади круглого алтаря красками изображение Акханаба было освещено неверным сиянием нескольких свечей. Удлиненное тяжелое лицо бога с добрыми, но нечеловеческими глазами, было частично скрыто размытыми тенями.

К этому традиционному, уходящему корнями в прошлое элементу веры были добавлены некоторые символы сравнительно недавнего происхождения. Вблизи двери стояла скульптура потупившей скорбный взгляд Матери, освещенная единственной свечой. Руки Прародительницы были рас-

крыты в приглашении к объятию. Многие женщины, проходя мимо скульптуры, преклоняли перед ней колена и целовали ее ноги.

Служба уже кончилась, но так как народу в церкви было достаточно, то стоящие в нескольких местах священники, стараясь не заглушать друг друга, тихими гнусавыми голосами читали нараспев молитвы.

— Многие приходят стучать в дверь твою, о Акханаба, но многие разворачиваются и уходят без стука.

— И тем, кто стучится, и тем, кто отворачивается и уходит без стука, всем им проливается скорбь твоя.

— Ибо сказано: «Не плачьте — когда дверь откроется, кто будет за ней, как не сам Всемогущий?»

— «Говорю вам, что, раз отворившись, дверь останется открытой, не закрывшись больше никогда. Всяк страждущий узрит ее, хотя и не всяк зрячий».

МирдеИнггала вспомнила то, что говорил ей дух матери. Умершие способны переговариваться между собой через посредство одного великого голоса. Сказав так, Шананна ни словом не упомянула Акханаба. «Воистину мы окружены со всех сторон тайной; — подумала королева, глядя вверх на лик Всемогущего. — На многие тайны ответ не под силу найти даже Рашвену».

— Принимая с покорностью судьбу такой, какая она есть, не ропща и без гнева, ты найдешь покой и тихое счастье. Раз смирившись и склонив покорно голову, со временем ты получишь награду огромную и невообразимую.

— В мире все равно одно другому в своем величии и значимости.

— Всю жизнь учись познавать себя и ближнего своего, принимая его во многом превыше себя.

Молитвы продолжались, постепенно к ним присоединился хор певчих. Королева с любопытством отметила, как мастерски используют сливающиеся воедино голоса возможности акустики просторного каменного помещения; воистину здесь дух и камень слились воедино в полной гармонии.

Почувствовав, что ее сердце взволнованно колотится в груди, королева просунула руку под одежды и попыталась умерить его биение и успокоиться.

Возвышенная гармония церковного пения, всегда оказывающая на нее такое успокоительное и умиротворяющее действие, не умерила на этот раз ее тревоги. Пред лицом ужасных обстоятельств не было возможности искать успокоения в мыслях о величии вечности.

Получив благословение от священника, женщины двинулись к выходу из храма. Покрыв голову шальями, они снова ступили под палящий дневной свет. В лицо им пахнул раскаленный ветер.

На этот раз королева направилась к набережной, туда, где норовистая Такисса, разлившись и успокоившись, становилась похожей на небольшое темное море. Прибывшая только сейчас из Олдорандо купеческая барка с трудом причаливала к берегу. И хотя число судов в связи с непрекращающимися ветрами, «дыханием пустыни», было меньшим, чем обычно, в несколько лодок все же грузились товары. Пустые повозки, бочонки, деревянные ящики и доски, ворота и лебедки, все снаряжение, обычное на судоходной реке, виднелось тут и там. Брезент и промасленная парусина звонко шелкали на ветру. Не проронив ни слова, королева уверенно, очевидно, имея какую-то цель, прошла половину порта и остановилась перед просторным деревянным складом с вывеской над широкой дверью: «Лордриардрийская ледоторговая компания».

Склад сей был штаб-квартирой одного известного ледяного капитана, Криллио Мунтраса из Лордриардри.

Внутри по сторонам центрального зала на стенах склада были устроены в несколько этажей ярусы с балюстрадами. На ярусах было расположено много комнат с закрытыми дверями. Осмотревшись, королева МирдемИнгала выбрала одну из дверей на самом нижнем ярусе и решительно направилась к ней. Фрейлина Мэй ТолрамКетинет последовала за своей госпожой.

За дверью внутри комнаты двое работников под надзором какого-то толстяка снимали с телеги пустые бочонки и

по булыжному полу откатывали их к стене, выстраивая там в ряд.

— Я ищу Криллио Мунтраса, — сказала королева толстяку.

— Хозяин очень занят, — отозвался тот, поглядев на пришедших с большим подозрением. — Сейчас он не может ни с кем разговаривать.

Перед тем как зайти на склад, королева накинула на лицо вуаль, чтобы не быть узнанной.

— Думаю, что мне он все же согласится уделить минутку внимания, — сказала она.

Сняв со своего пальца кольцо, она протянула его толстяку.

— Покажите ему это и попросите принять меня.

Что-то бормоча, толстяк отправился выполнять просьбу незнакомки. Судя по осанке и выговору, толстяк был уроженцем Димариама, одной из стран в южной части Геспагората. Постукивая от нетерпения мыском туфли по булыжнику, королева приготовилась ждать, но не прошло и минуты, как толстяк вернулся, причем и осанка его, и поведение значительно изменились.

— Нижайше прошу у госпожи позволения проводить ее к капитану Мунтрасу.

Королева МирдемИнггала обернулась к Мэй.

— Дожидайся меня здесь.

— Но, ваше величество...

— И постарайся не мешать этим людям — у них тяжелая работа.

Вслед за толстяком, по видимости, помощником капитана, она прошла в соседнее помещение, где пахло столярным клеем и свежеструганным деревом. Здесь старый плотник и четверка его подмастерьев пилили и строгали доски, сколачивая из них ящики для перевозки льда. Повсюду — на полу, на верстаках и лавках, валялись кудрявые стружки. Не прекращая работы, плотники проводили незнакомку со скрытым под вуалью и шалью лицом любопытными взглядами.

Откинув висящую на стене попону, провожатый королевы распахнул скрытую за ней дверь. Переступив порог и поднявшись по лестнице, они очутились в длинной и приземистой комнате второго этажа, с просторным окном, из которого открывался вид на реку перед набережной. В одном из концов комнаты за столами корпели над бумагами несколько сутулых писарей. В противоположном конце комнаты находился другой стол, гораздо больше писарских, с монументальным, как трон, стулом за ним. Поднявшийся из-за этого стола тучный мужчина, лучезарно улыбаясь двинулся навстречу королеве. Низко поклонившись, он отпустил помощника и предложил королеве проследовать за ним в кабинет.

Несмотря на то что кабинет ледяного капитана выходил окнами на хлев и конский двор, обстановка в нем была отличной, на стенах висели картины хороших мастеров и во всем здесь чувствовалась особая элегантность и изысканность, столь не похожая на строгую деловую обстановку всего остального помещения. В женщине, изображенной на одной из картин, королева МирдемИнггала узнала себя.

— Ваше величество, я счастлив и горд принять вас у себя.

Ледяной капитан просиял новой улыбкой и, резко склонив голову набок, продемонстрировал свой полный восторг и восхищение.

Усадив королеву и предложив ей бокал вина, охлажденного свежайшим лордриардрийским льдом, капитан протянул к ней руку. Раскрыв ладонь, он показал королеве ее кольцо, которое тут же было возвращено ей со всеми возможными церемониями и настойчивой просьбой лично надеть драгоценность обратно на ее не менее драгоценный пальчик.

— Это кольцо — лучшее из всего, что я когда-либо продавал.

— Тогда вы были просто бедным лоточником.

— Много хуже, ваше величество, я был нищим, хотя и с амбициями.

— И вот теперь вы богаты.

— Но к чему теперь мне все мои богатства, ваше величество? За какие деньги мира можно купить счастье? Спасибо хотя бы на том, что богатство позволяет нам страдать душевно в более или менее сносных условиях. И надо признать, что мое положение в этом смысле отличается от положения большинства простых людей.

Смех капитана был открытым и уверенным. Он поднял бокал и предложил тост за здоровье королевы. Королева королев подняла глаза и внимательно взглянула на капитана. Тот опустил глаза, словно желая защититься. На своем веку он перевидал девиц и женщин не меньше, чем глыб льда; но перед красотой королевы он чувствовал себя бессильным.

МирдемИнггала заговорила: она спросила капитана о его семье, осведомилась о здоровье жены и детей. Она помнила, что у капитана есть дочь (умница) и сын (дурак), и знала, что сын капитана, Див, в скором времени должен был принять от отца семейное дело, таким образом дав возможность отцу уйти на покой. Но к сожалению, умственные способности сына откладывали передачу дел из рейса в рейс.

Королева знала также и то, что хотя сын ледяного капитана и был несказанно глуп, отец все равно любил его. В то время как собственный отец Мунтраса был с ним прямо-таки жесток и в юности выгнал его из дома, приказав зарабатывать себе на пропитание нищенством и копеечной торговлей только для того, чтобы заставить своего отпрыска вкусить жизнь в полной мере, а самому убедиться, что торговля льдом попадет в надежные руки. Эту семейную побасенку капитан Мунтрас рассказывал королеве не раз.

— У вас была богатая жизнь, — сказала она капитану.

— Я горд тем, что сумел выбиться в люди и разбогатеть. Так было, и я не стыжусь этого.

— В свое время вы рассказывали мне о том, что начинали свое дело с одним кораблем. Сколько же кораблей у вас сейчас, капитан?

— Да, ваше величество, мой отец действительно оставил мне один-единственный латаный-перелатаный кораблик,

старую калошу, и это было все, с чего я начинал. Сегодня я собираюсь передать в руки моего сына флот в двадцать пять прекрасных судов. У меня есть быстроходные шлюпы, пакетботы и фрегаты, отлично приспособленные к хождению как по рекам, так и по морям, с вместительными трюмами, чтобы нести большой груз для продажи. Только теперь многим становится ясна выгода старинной торговли льдом. Чем жарче делается на нашей грешной земле, тем больший груз отличного лордриардрийского льда готов потребить рынок и тем больше мы, ледяные капитаны, зарабатываем. Чем хуже живется народам, тем большую выгоду получаю я.

— Но ваш лед тает, капитан.

— Конечно, что является неистощимым источником народного юмора. Однако лордриардрийский лед, самый чистый, вырубленный из сердца ледников, тает медленнее, чем лед, который предлагают на продажу другие торговцы.

Капитан определенно наслаждался беседой с королевой, хотя от его внимания и не ускользнуло то, что МирдемИнггала чем-то расстроена; что над ее обычно безоблачным челом словно собираются тучи.

— Что ж, я рада слышать, что хоть кто-нибудь процветает в эту тяжелую годину.

Она отлично помнила те далекие времена, когда, еще девочкой, путешествуя по Олдорандо вместе с матерью, повстречала димариамианца на базаре. Он был одет в рубище, но на его губах играла улыбка; откуда-то из глубин своего нищенского наряда он тогда выудил кольцо, прекраснее которого королева не видела в жизни ни до, ни после. Ее мать, Шананна, дала ей денег, чтобы она купила приглянувшуюся драгоценность. На следующий день королева вернулась на базар специально для того, чтобы купить кольцо, и с тех пор носила его не снимая.

— Ободрал я вас тогда немилосердно, — с улыбкой заметил Криллио Мунтрас. — Вернувшись домой, я смог купить ледник. Так что, по сути дела, я у вас в долгу.

Они оба рассмеялись.

— Итак, мадам, поскольку вы явно пришли сюда не за тем, чтобы купить у меня лед, осмелюсь спросить — за чем же? Чем я могу вам служить?

— Капитан Мунтрас, я оказалась в затруднительном положении и мне нужна ваша помощь.

Капитан мгновенно посерьезнел.

— По вашей королевской милости я торгую в этой стране льдом и мне совсем не хочется лишаться заработка. Что я должен сделать, ваше величество?

— Я очень ценю вашу готовность служить. Все, что мне необходимо от вас, — это честность и надежность, чем вы, без сомнения, отличаетесь и на что я могу в вашем лице рассчитывать. У меня есть письмо, и я хочу попросить вас доставить его для меня, но тайно. Совсем недавно вы упомянули Киивасиен, что на границе с Рандонаном. Могу я быть уверенной в том, что вы сможете доставить мое письмо некоему господину, состоящему в командовании Второй Армией, и что никто не узнает об этом?

При этих словах лицо капитана помрачнело настолько, что его круглые щеки стали казаться высеченными из камня.

— Там идет война, а на войне все может случиться. Ни за что нельзя ручаться, ваше величество. Судя по последним новостям, дела борлиенской армии плохи и Киивасиен вот-вот падет. Но... но для вас, ваше величество... Отсюда мой корабль идет вверх по реке Касол за Киивасиен в Орделей. Там я постараюсь найти способ отправить ваше письмо со специальным гонцом. Надеюсь, мне удастся найти смелого человека. Само собой, ему придется заплатить...

— Сколько?

Капитан задумался.

— У меня есть на примете один юнга, который возьмет за это дело. Когда ты молод, ты не боишься смерти.

Капитан назвал королеве цену. Не торгуясь, та с готовностью заплатила и вручила капитану кожаный кошелек с письмом к генералу ТолрамКетинету.

Мунтрас снова поклонился.

— Я рад и горд, что могу оказать вам услугу. Первым делом я отведу свой фрегат в Олдорандо, куда должен доставить груз. Переход вверх по реке займет у меня четыре дня, еще два дня я простою там и за два дня вернусь обратно. Всего на все про все уйдет неделя. Сделав короткую остановку в Матрассиле, я пойду дальше на юг в Оттассол.

— Как долго! Вам обязательно плыть сначала в это Олдорандо?

— Дело есть дело. У купцов своя честь.

— Хорошо, оставляю это на ваше усмотрение, капитан Мунтрас. Надеюсь, вы поняли, что дело, о котором идет речь в этом письме, крайне важное и требует высшей секретности? Все должно остаться только между нами. Исполните мою просьбу, и я щедро вас отблагодарю.

— Я счастлив помочь вам, ваше величество.

Распив с капитаном еще по одному бокалу охлажденного вина, королева распрощалась с ним и, ободрившись, почти весело двинулась обратно во дворец, сопровождаемая своей фрейлиной. Какое бы решение ни принял король, теперь у нее появилась надежда — письмо начало свой путь.

Ветер гулял по всему дворцу, хлопал дверями, и взметал занавеси. Король ЯндоЛанганол, лицо которого заметно побледнело, вел разговор со своими духовниками. После нескольких минут пространных рассуждений один из них сказал:

— Ваше величество, дело, о котором вы печетесь, свято по своей сути, и, я верю, что в своем сердце вы уже сделали выбор. Ради нашей веры вы сумеете пойти на новый союз, и мы, святые отцы, благословляем вас на это.

В ответном слове короля звенела сталью яростная одержимость:

— Если я пойду на этот союз, о котором вы говорите, это будет означать, что мной правит лукавый, которого я впущу в святой дом.

— Не стоит так сгущать краски, мой повелитель. Ваша королева и ее брат плели сети заговора против Сиборнела, и

теперь, после того как ЯфералОборал погиб, королева должна быть наказана.

Духовники уже верили в ложь, которой сам король дал ход; быть может, они верили наполовину, но все же вслух не ставили слова короля под сомнение. Пустить такой слух было идеей старика — отца короля, и, раз сорвавшись с ловких уст, слух мгновенно стал всеобщим достоянием.

В своих покоях полномочные послы ожидали ответа короля, не прекращая жаловаться на неудобства маленького и жалкого матрассильского дворца, на его нищету и плохое гостеприимство. Королевские советники без устали вели споры, ревностно отстаивая друг перед другом только им самим понятные эфемерные преимущества нового брака короля; сходились же советники только в одном: как только Орел разведется со своей королевой и женится на Симодэ Тал, вопрос о недопустимо выросшем за последние годы поголовье фагоров в Борлиене снова будет поднят.

По утверждению старых летописей, в незапамятные времена огромные скопища фагоров захватили Олдорандо, сожгли и сровняли с землей его города. С тех пор ненависть к двурогим передавалась от поколения к поколению. Год от года популяция фагоров неуклонно уменьшалась. Панновальский блок считал обязательным, чтобы Борлиен неукоснительно следовал общепринятой политике. Как только Симода Тал станет женой короля Борлиена и министры ее двора получают влияние при матрассильском дворе, требование о гонениях на анципиталов будет поставлено самым решительным и недвусмысленным образом.

В четырнадцать часов совершенно голый король стоял в одной из комнат верхнего этажа дворца. Прямо перед ним висело просторное серебряное зеркало. В углах комнаты молча ожидали знака короля прислужницы, готовые в любую минуту начать одевать монарха. Король собирался на встречу с иноземными послами.

Обуревающая его черная ярость и кхмир затмевали разум.

Те немногие, кто следил сейчас за ним, а именно семейство Пин с Аверна, занимающееся изучением глубинных

связей психологии и духовных противоречий королевского рода, считали себя вправе с уверенностью заявить, что решение, необходимость принятия которого сводило короля с ума, на самом деле было принято им уже очень давно. Хранящаяся в банках памяти Пин информация восходила ко временам около шестнадцати поколений назад, когда большая часть Кампаннлата лежала под непроходимыми снегами, а в далекой глухой деревне, зовущейся Олдорандо, правил некто АозроОнден, далекий предок Анганолов. Нанизанной на эту неразрывную нить висела бусина — история размовки между сыном и отцом, скрывающаяся в тени многих поколений, но до сей поры не забытая.

Семя разлуки с самым дорогим лежало в короле Яндол-Анганоле, брошенное в его разум многие века назад и проникшее так глубоко, что сам он и понятия о нем не имел. Плодородной почвой для этого семени было презрение к самому себе, имеющее еще более древнее происхождение. Презрение к самому себе заставило короля отвернуться от своих ближайших друзей и повернуться лицом к фагорам; оно было воспитано и отточено несчастьями и отверженностью детства и юности короля. Подспудные движущие силы эти хотя и были глубоко захоронены, но тем не менее голоса их доносились сейчас до поверхности сознания короля и звучали пусть и слабо, но весьма отчетливо.

Круто отвернувшись от зеркала, от смутной фигуры, мелькавшей в серебряной глубине, король жестом велел прислужницам приблизиться. Он протянул им руки, и они принялись одевать его.

— Корону мне, — молвил он, когда девы принялись приглаживать его светлые волнистые волосы. Он сумеет наказать ожидающих его дигнитариев, он накажет их, поднявшись над ними на недостижимую высоту.

Через несколько минут дигнитарии, утомленные ожиданием, бросились к окнам Зала Совета, заслышав строевые шаги. Они увидели огромное число покрытых длинной белой шерстью голов, с острейшими блестящими на солнце рогами, слышали грохот копыт и отдающийся эхом скрип

кожаной боевой амуниции. Первый Полк Фагорской Стражи прошел под окнами Зала в полном параде — такое зрелище было способно внушить беспокойство даже самым стойким из людей. Вид марширующих двурогах, чьи руки и ноги могли гнуться в локтевых и коленных суставах в обоих направлениях, был совершенно нечеловеческим.

Сержант выкрикнул команду. Фагоры остановились, мгновенно, так же не по-человечески, но очень по-фагорски, перейдя от ходьбы к состоянию полной неподвижности.

Раскаленный ветер шевелил шерсть на плечах воинов сплоченного отряда. Покинув свое место во главе строя, король четким солдатским шагом вошел во дворец. Почетные гости и полномочные послы с тревогой переглянулись, почему-то думая о возможности своей насильственной смерти сию минуту.

Войдя в зал, король остановился и молча обвел взглядом послов. Один за одним присутствующие поднимались с мест. Словно борясь с немотой, король все длил и длил паузу. Наконец он заговорил:

— Выбор, который вы потребовали от меня, необычайно трудный и жестокий. И вместе с тем нет причины, по которой я мог бы задержать свой ответ. Мой первейший долг всегда и во всем состоять в служении моей стране.

Поэтому я не позволил моим личным переживаниям вмешаться в ход дела. Я принял решение выслать мою королеву, МирдемИнггалу, из столицы. Завтра она отправится в свой загородный дворец, на побережье. И если Святейшая Панновальская Церковь, чьим покорным слугой я являюсь, соизволит выдать мне грамоту о разрешении на развод, я разведусь с королевой, моей женой, и женюсь на Симодетал, дочери дома Олдорандо.

Нерешительно и медленно со всех сторон зала начали раздаваться довольные аплодисменты и одобрительные возгласы. Лицо самого короля осталось бесстрастным. Послы направились к нему, но прежде чем они успели до него дойти, король повернулся на каблуках и вышел из зала.

Палящий ветер, «дыхание пустыни», захлопнул за ним дверь.

Глава VIII

ЗНАКОМСТВО С МИФОЛОГИЕЙ

Лицо Билли Ксиао Пина было круглым, и такими же округленными были нос и глаза. Рот был похож на бутончик розы. Кожа была гладкой и желтоватой. До сих пор он покидал пределы Аверна только однажды, отправившись вместе с ближайшими членами своего семейного клана Пин на прогулку к пролетающему рядом Ипокрену.

Билли был скромным, но целеустремленным молодым человеком, хорошо воспитанным и с отличными манерами. Ему исполнилось двадцать земных лет, что составляло чуть более пятнадцати гелликонских. Хотя победа в лотерее «Отпуск на Гелликонии» определялась, естественно, волею случая, тысячи членов семейства Пин считали, что Билли этот выигрыш заслужил. Как только стал известен результат розыгрыша, любящая семья предоставила Билли небольшой отдых, который тот решил провести в специально оборудованных для этой цели отсеках Аверна. Вместе с ним отправилась его подружка, Роза Йи Пин, а также хорошие друзья. Среди предназначенных для сбора информации помещений земной Станции Наблюдения имелось кое-что, специально изобретенное для развлечения и отдыха жителей Аверна. Например, некоторые отсеки были оборудованы имитаторами природных ландшафтов. В одном из таких отсеков-иллюзионов Билли со своими ближайшими друзьями решил провести несколько дней. Подобный дешевый синтетический вид отдыха некогда был широко распространен на Земле, и поначалу компьютеры Аверна создавали проекции именно земных экзотических местечек, однако с недавнего времени, с общего согласия жителей Аверна, все земные виды были заменены видами Гелликонии. Так, Билли и его друзья отправились кататься на лыжах в высокогорья хребта Нктрих.

Насладившись горным воздухом, они совершили морскую прогулку через Адриатическое море на восток Кампан-

нлата. Выйдя из бухточки, одной из множества на тысячемильном побережье, они прошли мимо вечных несокрушимых утесов Мордриата, вырастающих из пены и уходящих в небеса на высоту почти шести тысяч футов. Знаменитый водопад Скимитар низвергал свои воды в объятия колышущегося моря с чудовищной высоты. Однако какими бы захватывающими и впечатляющими ни были подобные зрелища, сознание наблюдателей не могло избавиться от мысли, что все открывающиеся лавины и водопады, все красоты на самом деле были созданы зеркальной системой проекционных устройств в комнате размером не более чем восемнадцать на двадцать футов.

Вернувшись с каникул, Билли немедленно отправился к своему Наставнику, перед которым опустился на корточки в традиционной позе Почтения.

— Итогом любого долгого разговора всегда становится молчание, — так сказал ему Наставник. — Стремясь найти жизнь, ты найдешь смерть. Хотя и то и другое — не более чем иллюзия.

Наставник был против лотереи «Отпуск на Гелликонии», но в то же время был ярым поклонником пагубного иллюзионизма, ставшего на Станции своего рода философией. В дни юности Наставник написал поэтический трактат длинной ровно в одну тысячу слов, озаглавленный им: «О временах года Гелликонии, длящихся больше, чем человеческая жизнь».

Эти тезисы, легшие в основу иллюзионизма, стиснувшего в своих когтях разум Аверна, по сути, продуктом самого же иллюзионизма и являлись. Билли, всегда ощущавший в себе неприятие официальной философии, но никогда не умевший выразить свое несогласие в словесной форме, теперь, в преддверии своего расставания с родным домостанцией Аверн, желал все же высказаться, чтобы раз и навсегда выплеснуть то, что смущало его душу.

— Довольно скоро мне придется встретиться с настоящим миром и познать его настоящие радости и беды. Пус-

кай ненадолго, но я получу возможность взбираться на настоящие горы и ходить по улицам настоящих городов.

— Не стоит так увлекаться таким понятием, как «настоящий», — оно чревато предательством. То, что мы воспринимаем, есть продукт реакции наших чувств на окружающее, не более того. Чувства могут ошибаться, разум же и мудрость видят далеко. Для них нет ничего недоступного.

— Как скоро не будет ничего недоступного и для меня.

Болезненное желание вечно поучать никогда не знает, где остановиться. Многозначительно подняв палец, старик продолжил свою речь.

Обладающий изрядным личным опытом и вкусивший опыта, накопленного за многие века человечеством на Земле, Наставник знал, что в корне всего лежит сексуальное желание. Хорошо понимая натуру Билли, весьма чувствительного молодого человека, старик правильно считал, что ему необходима особенно строгая упряжь. Билли без колебаний отвернулся от Розы, как только эфемерная возможность встретиться с вожденной королевой МирдемИнгалой замаячила на горизонте — о да, хотя этого никогда не было высказано вслух, но по определенным намекам Наставник сумел составить представление о затаенных желаниях своего ученика. Превыше всего на свете Билли желал увидиться с королевой королев лицом к лицу.

Идея-фикс молодого авернца была чистой, стерильной. Действительность же, настоящее — пользуясь сомнительной терминологией ученика — содержалась не где-то вне достижимости, а в конкретной личности, существующей на доступном в любой момент расстоянии: с Билли речь не могла идти ни о ком другом, как о Розы. Приняв это утверждение за аксиому, из него можно было сделать несколько интересных выводов.

— Наши жизни посвящены Цели, у нас есть роль, которую мы должны сыграть, роль, основанная на Долге перед Землей и людьми, на ней проживающими. Высшее наслаждение нашей жизни должно происходить только из точнейшего и вернейшего исполнения этого Долга. Оказавшись на

Гелликонии вне общества своих единомышленников, ты немедленно лишишься возможности исполнять свой Долг.

Билли Ксиао Пин вдруг неожиданно нестерпимо захотел увидеть выражение лица своего Наставника, произносившего такие возвышенные и полные пафоса слова, и он решил поднять глаза. Сгорбленный старик, которого он увидел перед собой, напоминал вросшее корнями в благодатную почву древнее дерево, ибо каждый его выдох был направлен вниз на укрепление связующих с пластиковым полом корней, а каждый вздох — возносил голову еще выше к привычно заменяющему небо потолку. Не было ничего, что могло бы потревожить и смутить сердце такого человека, он на все готов был взирать бесстрастно, даже на потерю любимого ученика.

Как и за большинством того, что происходило на Станции, за сценой встречи ученика и Наставника следили несколько телеглаз-камер, и любой из шести тысяч обитателей Аверна при желании мог стать свидетелем этой сцены, стоило ему только коснуться пальцем выключателя своего телеприемника. На Аверне не было тайн. Уединение считалось крамолой и свидетельством диссидентских наклонностей.

Глядя в пару бездонных мудрых глаз, Билли вдруг понял, что его Наставник больше не верит в Землю. Земля! — об этом Билли мог говорить со своими товарищами до бесконечности, поскольку теме этой не было конца, настолько глубока и неисчерпаема была реальная жизнь. Конечно, в отличие от Гелликонии Земля была недоступна. Но для Наставника и тысяч подобных ему Земля стала чем-то подобным идеалу — проекцией внутреннего мира всех обитающих на борту Станции.

По мере того как глуховатый голос твердил ему давно известное и избитое, Билли думал о том, что старик, так же как и остальные, видно, давно уже не верит, собственно, и в подлинность существования Гелликонии. Для человека, с головой ушедшего в софистику вокруг противоречий, порождаемых интеллектуальной жизнью Станции, Гелликония была не более чем моделью, гипотетическим понятием.

Приз большой лотереи был изобретен с целью противостоять этому всеобщему искажению восприятия. Билли должен был уйти и умереть во имя того, чтобы остальные могли продолжить жить.

Когда Наставник замолчал, Билли воспользовался паузой, чтобы вставить слово.

— Тысячу благодарностей вам за заботу, Учитель.

Низкий поклон, поворот, и вот он за дверью. Глубокий облегченный вздох.

Его отбытие с Аверна — по местным меркам событие чрезвычайно знаменательное — было обставлено со всеми театральными эффектами и возможной помпой. О том, когда и как он отправляется, знали все шесть тысяч обитателей Станции, которые по прошествии долгого времени потеряли способность уноситься воображением за пределы герметической оболочки своего обиталища, несмотря на все его технические возможности. Билли был реальным доказательством того, что Гелликония не вымышлена, а действительно существует. Поэтому приз лотереи являлся высшим даром невероятной ценности, даже для проигравших.

Повернувшись к Билли своим маленьким лицом, Розы Йи Пин в последний раз обвила его шею руками.

— Я никогда не забуду тебя, Билли.

Билли поцеловал свою подружку.

— Живи счастливо. Пускай ничто не омрачит твоего будущего.

Внезапно и весьма неожиданно лицо Розы исказилось от злости.

— Зачем ты разрушил мою жизнь? Теперь, когда тебя тут не станет, разве я смогу жить спокойно?

Билли покачал головой:

— Не знаю, там будет видно. Многое зависит от тебя самой. Все устроится.

Его дождался автоматический челнок, предназначенный для того, чтобы доставить в чистилище. Поднявшись по трапу, он вошел в маленькую ракету, и дверь люка с шипением затворилась за ним. Ужас сковал душу Билли;

превозмогая страх, он уселся в кресло, пристегнулся ремнями и нажал кнопку. Заслонки иллюминаторов растворились, и он увидел за стеклом огромного кита, из чрева которого он вышел и от которого теперь медленно отваливала его скорлупка. Странно нерегулярная звездная россыпь, похожая на кометный хвост, закружилась в небе, и лишь присмотревшись, он понял, что звездочки эти были не что иное, как переработанный мусор, выброшенный из Аверна и теперь растянувшийся вслед за Станцией по всей ее орбите.

В течение нескольких минут земная Станция Наблюдения, махина восемнадцати миллионов тонн весом, заслоняла поле зрения его челнока; но скоро Аверн уменьшился, настолько быстро, что Билли и думать о нем забыл. В окошках иллюминаторов плыла Гелликония, знакомая, как отражение собственного лица в зеркале, и в то же время новая, более обнаженная, в полосках облаков, клубящихся над перевалами и полуостровом Пеговин, напоминающим огромную палицу, с маху заброшенную великаном в рябистую гладь моря. На юге блистала огромная шапка вечных льдов.

Челнок повернулся, и в моментально затененные автоматами стекла иллюминаторов ударили сжигающие лучи солнц двойной системы. Билли смело взглянул на светила.

Беталикс, самый близкий к Гелликонии, отстоящий от нее всего лишь на 1,26 астрономической единицы, был почти скрыт за планетарным диском.

Фреир, видимый сейчас как невероятной яркости шар, сияющий сквозь матовое стекло, находился на расстоянии 240 астрономических единиц. Точка перигелия Гелликонии, иначе говоря, наименьшего удаления от своего второго светила, располагалась от него на расстоянии 236 единиц; этот решающий момент близости должен был наступить всего лишь через 118 земных лет. После этого Беталикс и обращающиеся вокруг него планеты должны начать уноситься по своей большой орбите прочь, чтобы вновь приблизиться к своему яростно пылающему хозяину по прошествии 2592 земных лет.

Все эти астрономические факты Билли Ксиао Пин впитал в себя вместе с алфавитом и основами арифметики в

возрасте трех лет от роду, причем любой из этих фактов он мог проиллюстрировать ясно и точно нарисованной схемой. Всего через тысячу ударов собственного сердца он должен был опуститься на поверхность мира, где диаграмма подобного рода могла вызвать переворот в токе истории, государственный кризис и даже войну между странами-соседями.

Его круглое лицо сделалось неподвижным, отражая усиленную внутреннюю работу мысли. Гелликония, неторопливо разворачивающаяся перед ним и виденная столько раз во время непрерывных наблюдений, по сию пору во многом еще оставалась для него тайной.

Билли знал, что свой перигелий планета переживет — на экваторе температура поднимется до 150 градусов, но ничего ужасного не случится; знал он также и то, что Гелликония принадлежала к системе невероятного гомеостаза, не менее мощного, чем у системы Земли, и обладающего максимально, насколько это возможно, устойчивым равновесием. Суеверного страха простых крестьян он не разделял, поскольку знал, что вероятность того, что Фреир пожрет их мир, весьма маловероятна, практически равна нулю — хотя источник таких страхов был ему хорошо понятен.

Чего Билли не знал, так это того, какие из народов и в каком количестве сумеют пережить испытание жарой. В наиболее опасном положении находились, конечно, экваториальные государства, такие, как Борлиен и Олдорандо.

Впервые на орбите Гелликонии Аверн появился на расцвете весны предыдущего текущему Великому Году. Наблюдатели Станции стали свидетелями медленного завоевания холодами поверхности планеты в течение Великой Зимы, на их глазах вымирали миллионы и целые нации приходили в упадок. Вскоре, когда отдаленная ныне Великая Зима снова забрезжит на подходе, повторится в точности все то же самое. И прежде чем круг замкнется, земной Станции Наблюдения и шести ее семействам предстоит существовать еще в течение четырнадцати земных столетий.

Этому вселяющему благоговейный трепет миру Билли вручал свою душу.

Зародившись в животе Билли, дрожь медленно распространилась по его телу. Он готовился ступить в объятия нового мира, готовился к своему новому рождению.

Два раза обернувшись вокруг Гелликонии и погасив скорость, челнок опустился на плато к востоку от Матрассила.

Отстегнув ремни, Билли поднялся из кресла и остановился, прислушиваясь. Через минуту он вспомнил, что должен иногда вдыхать и выдыхать воздух. Вместе с ним на планету прибыл андроид, его «альтер-эго», предназначенный защищать своего хозяина. Авернцы отдавали себе отчет в том, что слабы. Сын многих поколений, родившихся и состарившихся в тепличных условиях, Билли, без сомнения, нуждался в защите. Андроид, снабженный оружием защиты, был запрограммирован на агрессивное поведение. Внешне он был похож на человека и, совершенно естественно, напоминал чертами лица самого Билли, напоминал его во всем, кроме человеческой подвижности; выражение лица андроида менялось слабо и замедленно, что производило на сторонних наблюдателей впечатление недружелюбности и мрачности характера. Самому Билли андроид не нравился. Обернувшись, он взглянул на человекообразный механизм, в ожидании застывший в углублении стены, соответствующем очертаниям его тела.

— Оставайся на месте, — приказал андроиду Билли. — А потом возвращайся назад вместе с челноком.

— Вам нужна защита, и я должен защищать вас, — ответил андроид.

— Как-нибудь управлюсь и сам. Теперь это моя жизнь.

Сказав так, Билли нажал на кнопку часового механизма, установив срок автоматического возвращения челнока через один час. Активизировав дверь, он сошел по трапу и ступил на поверхность планеты.

Он стоял на мягкой траве и вдыхал ее запахи, его уши ловили тысячи странных незнакомых звуков. Неотфильтрованный воздух проникал в легкие. Его голова закружилась и ноги ослабли.

Он поднял голову и взглянул вверх. Высоко над ним от одного края горизонта до другого распростерся купол небес насыщенно-голубого цвета, чистого, без единого облачного пятнышка. За свою недолгую жизнь Билли привык к виду бесконечного космоса; но, как это ни странно, теперь небесная чаша казалась ему чем-то значительно большим, чем видимая с борта Аверна Вселенная. Мгновенно его душа была отдана навеки этой красоте. Небеса покрывали собой живой мир и, конечно же, уже от этого выглядели более чем прекрасно.

На западе в золотом сиянии заходил Беталикс и в складках местности уже собирались сумерки легкого дня. Фреир, диск которого едва ли дотягивал до трети поперечника Беталикса, прекрасно и яростно пылал почти в самом зените. Неподалеку от Билли зеленела рощица из пяти деревьев, увешанных спелыми мясистыми плодами. Решившись сойти с места, Билли неуклюже двинулся к деревьям, ступая так, словно гравитация была только что им открыта. Оказавшись под кроной одного из деревьев, он ухватился руками за его ствол, обнял его и почувствовал, как шипы впились в его ладони. Превозмогая боль в руках, он улыбался и терпел, наслаждаясь палитрой незнакомых и прекрасных ощущений. Он не мог двинуться с места. Когда челнок поднялся в воздух, чтобы вернуться к родному причалу, Билли разрыдался.

Он был в настоящем мире, он был вознагражден за все старания. Реальность заполняла все его чувства.

Приникая к дереву, валяясь на земле, укрываясь внутри полуистлевшего павшего ствола, он узнавал эту огромную планету, учился жить на ней. Многое, например, отдаленные объекты, облака, линия холмов на горизонте, вселяло в него безотчетный страх своей причастностью к непривычно большим расстояниям и размерам. Не менее тревожащим было присутствие тут и там небольших, полностью исключенных из существования на борту Аверна живых существ со своими собственными повадками. Мучительно сдерживая ужас, он следил за тем, как крохотное создание село на

его руку, поползло по ней и скрылось в широком зеве его рукава. Наиболее пугающим и тревожащим было сознание того, что все эти живые существа находились вне его власти, что он не мог управлять ими; не было привычного выключателя, нажатием на который он мог усмирить их.

Была также и проблема двух солнц, о которой раньше он даже не удосужился подумать. На Аверне свет и тьма были по преимуществу вопросом настроения в данный текущий момент; здесь же, в реальном мире, о выборе не могло быть и речи. За легким днем и сумерками наступила ночь, и Билли, впервые в жизни, был вынужден исполнить своеобразный древний ритуал, посвященный опасливым приготовлениям к ночи.

Он пережил ночь, удивив себя тем, что ухитрился заснуть, а проснувшись, обнаружил, что цел и невредим. Выполнив привычную череду утренних гимнастических упражнений, он почувствовал, что остатки сна ушли из него и он готов продолжить исследования нового мира. Подкрепив силы из своего пищевого рациона, Билли быстро сориентировался и бодро зашагал по направлению к Матрассилу.

Довольно быстро продвигаясь по узкой дорожке, почти тропинке, петляющей среди деревьев, и с удовольствием прислушиваясь к перекличке птиц, Билли внезапно различил позади себя звук чьих-то шагов. Он обернулся. В нескольких шагах от него мгновенно как вкопанный застыл фагор.

Фагоры были частью мифологии Аверна. Фотографические портреты и точные модели-копии двурогих имелись на Станции повсюду. Однако в отличие от неодушевленных копий этот фагор был существом живым и находился прямо здесь, рядом с ним. Неотрывно глядя на Билли, чудовище медленно пережевывало свою жвачку, и слюна стекала с его толстых отвисших губ. Вся одежда двурогого состояла из единственного куска грубоотканой холстины, плохо выкрашенной шафраном и большей частью выцветшей. Концы пучков длинной белой шерсти фагора были выкрашены в тот же, что и его одеяние, цвет, что придавало ему неопрятный и нездоровый вид. Через плечо фагора была перекину-

та мертвая змея, свежая и явно недавняя добыча. В руке абориген держал устрашающего вида кривой нож, не музейную копию, а настоящее оружие, которым, вне всякого сомнения, уже убивали. Фагор шагнул к Билли, и тот чуть не задохнулся от едкого зловония.

С трудом подбирая слова, Билли заговорил на хурдху:

— Можешь сказать мне, как пройти к Матрассилу?

Создание продолжало молча жевать. Струйки слюны алого цвета стекали из углов рта лесного жителя и пачкали его кожу. Несколько мелких капель попали и на Билли Ксиао Пина. Он с отвращением стер слюну со щеки.

— Матрассил, — проговорил монстр.

— Да. Мне нужно в Матрассил. Как туда идти?

— Да.

Билли заглянул в темно-вишневые глаза двурогого — они были пустыми, невозможно было сказать, что скрывалось в них, приветливость, насмешка или вражда. С трудом оторвав взгляд от притягивающих к себе как магнит нечеловеческих глаз, он обнаружил, что за спиной фагора уже стоят его товарищи, такие же неподвижные и неслышные, напоминающие призрачные порождения мира листвы и глубоких теней.

— Вы понимаете меня?

— Могу проводить туда.

От существа, сложением и мощью напоминающего скалу, трудно было ожидать разумности, но как только ответ был получен, Билли ни на секунду не усомнился в его осмысленности. Двинувшись вперед, двурогий легко подтолкнул Билли, предлагая ему идти дальше по тропинке. Билли повиновался. Вслед за ним со всех сторон среди зарослей потянулись соплеменники его двурогого провожатого, их мягкие и быстрые шаги мгновенно слились в монотонный шелест.

Через полчаса они вышли к изрезанному неглубокими расселинами склону холма. Здесь часть деревьев была вырублена и между короткими пнями паслись суетливые свиньи, честно заботящиеся о том, чтобы молодые побеги

никогда не достигли зрелости. Невдалеке виднелись подоби́я хижин, или, проще говоря, тростниковые крыши, поддерживаемые опорами-столбами.

В тени тростниковых крыш на циновках, а чаще просто на охапках жухлой травы лежали неподвижные обмякшие фигуры. Сопровождавший Билли фагор поднес к губам рог и трубным звуком оповестил деревню о своем прибытии. Вскоре Билли оказался в кольце анципиталов — крегов, гиллот и рунтов, разглядывающих его с невозмутимым видом. Некоторые из рунтов стояли на четвереньках.

Присев на корточки, Билли принял позу Почтения.

— Мне нужно добраться до Матрассила.

— Малая кзаххн рядом, — сказала ему гиллота и, коснувшись его руки, сделала приглашающее движение головой.

Двигаясь за ней, Билли прошел через небольшую каменистую лощину; следом устремилось почти все племя. Все, мимо чего он проходил — от маленьких зеленых ростков до огромных валунов, — вблизи оказывалось гораздо грубее, чем виделось издалика через оптические системы Аверна.

Под навесом, раскинутым на обрывистом краю лощины, согнув под немыслимыми углами локти и колени, неподвижно возлежал фагор, судя по всему, очень старый. Заметив пришедших, двурогий поднялся одним мягким и текучим движением и сел, оказавшись пожилой фагоршей, гиллотой, с отвислыми темными грудями и темно-бурой шерстью. Шея двуро́гой была украшена ожерельем из полированных камешков гвинг-гвинг. В качестве знака, по-видимому, отмечающего ее высокое положение в племени, женщина носила большое кольцо в носу. Очевидно, гиллота была именно той «младшей кзаххн», о которой шла речь.

Не вставая, гиллота оглядела Билли с ног до головы. Потом задала ему несколько вопросов. Билли Ксиао Пин сносно говорил по-олонецки, на главном языке Кампанллата и Геспагората, знал несколько диалектов и наречий этого языка, включая и староолонецкий. Но никогда в жизни он даже не пытался разобраться и освоить родной язык

анципиталов, плохо говорил он также и на новом переходном языке фагоров и людей теперешних времен, хурдху, на котором сейчас обращалась к нему младшая кзаххн.

— Не понимаю, — ответил он на хурдху.

— Ты из далекого края, очень далекого, — сказала ему на хурдху гиллота, перед этим бросив несколько фраз соплеменникам на родном, переполненном согласными языке. — Что это за далекое место, из которого ты прибыл?

Неужели фагоры видели, как садился его челнок?

Предварив свою речь неопределенным жестом руки, Билли пустился в объяснения, заранее заботливо им подготовленные.

— Я иду из далекого города, находящегося в государстве Морструал, где являюсь кзаххном.

Морструал находился в еще большей глубинке, чем Мордриат, и вставлять его в легенду можно было без опаски быть уличенным во лжи.

— Если вы отведете меня к королю ЯндолАнганолу в Матрассил, вас ждет хорошая награда.

— К королю ЯндолАнганолу?

— Вот именно.

Устремив взгляд в пространство, гиллота замерла в задумчивости. Сидящий неподалеку от нее сталлун передал ей большую оплетенную кожаную бутылку, из которой фагорша неуклюже глотнула, расплескав на себя часть питья. От напитка гиллоты шел резкий неприятный запах. Ах да — Билли вспомнил, что это такое: это был раффел, вредоносный напиток с большим содержанием алкоголя, который употребляли фагоры. Вот он, Билли, сидит среди них, этих загадочных разумных зверей, и умело ведет с ними беседу на глазах обитателей родного Аверна, наверняка с превеликим вниманием наблюдающих за ним, за его необычайными похождениями через мощную оптическую систему. Сейчас к нему приковано внимание всех, даже Розы. Даже его старого Наставника.

Жара и переход по пересеченной местности оказались для Билли тяжким испытанием — он устал. Но сознание того, что он является героем дня, не позволяло ему рассла-

биться и заставляло продолжать сидеть на плоском камне, расставив ноги, уперев локти в колени, и бестрепетно глядеть в глаза странного существа напротив.

— Много копий анципиталов участвовало в походах короля ЯндолАнганолоа.

Гиллота на время смолкла. Позади нее в склоне скалы зияла пещера. В сумраке пещеры, во тьме тускло светились чьи-то многочисленные вишневые глаза. Как мог догадываться Билли, в пещере находились старейшины племени, погруженные для сохранения в чистый кератин. Будучи одновременно и предками, и племенными идолами, эти полуживые-полумертвые «консервы» считали своим долгом направлять своих потомков, помогая им преодолевать трудные века близости Фрейра и всеобщей жары.

— Сыны Фрейра бьются друг с другом в любое время года, не зная отдыха, и при необходимости мы оказываем им помощь, ссужая копыя.

Билли понимал, о ком гиллота ведет речь, — «сынами Фрейра» фагоры традиционно называли людей. Анципиталы не стали изобретать и вводить в свой язык новые термины, они просто приспособили для современных надобностей старые понятия.

— Пожалуйста, прикажи отвести меня к королю ЯндолАнганолу.

Фагорша вновь погрузилась в неподвижное молчание. Только свиньи да собаки продолжали бродить, выискивая на земле объедки.

Помолчав, старая гиллота заговорила, но, к сожалению, изрядная часть ее речи ускользнула от понимания Билли. Примерно посередине монолога фагорши он был вынужден остановить ее и попросить повторить сначала. Многие анципиталы пытались помочь своей предводительнице выразительными жестами, тихими возгласами и междометиями, но только путали Билли, который понимал их все меньше и меньше.

В такт рассказу гиллоты фагоры показывали пришельцу свои раны, бока с проплешинами, сломанные руки и ноги,

проделывая все это с абсолютным спокойствием и невозмутимостью. От подобного зрелища Билли испытывал одновременно отвращение и восхищенный интерес. В конце концов из пещеры были вынесены и продемонстрированы ему вымпелы и копья.

Постепенно смысл рассказа начал доходить до него. Большая часть этого племени служила у короля ЯндолАнганоло в Пятой Армии. Около теннера назад они принимали участие в походе короля против воинственных племен дриатов. В битве при Косгатте Пятая Армия потерпела тяжкое поражение, фактически была разбита и рассеяна. Дриаты применили против борлиенцев новое оружие, лающее как огромная собака и выпускающее при этом большой клуб дыма.

Лишь малое число воинов Пятой Армии сумело уцелеть. Напуганные действием невиданного оружия, они поклялись, что больше никогда не поступят на службу к королю ЯндолАнганолу и не позволят огромным смертоносным псам снова лаять на себя. В ближайшее время племя решило уйти в прохладные области взгорий Нктрих.

Рассказ фагоров был очень долгим. В конце концов монотонная сухая речь гиллоты стала невыносима, и Билли почувствовал, что его стало резко клонить в сон и сил держать глаза открытыми у него больше нет.

— Так вы отведете меня к королю или нет? Мне нужны всего двое провожатых, — с раздражением задал свой вопрос Билли.

Моментально над толпой собравшихся воцарилась тишина, в которой прозвучало несколько слов на фагорском «родном».

Выдержав паузу, гиллота снова заговорила с Билли на хурдху.

— Какое будет дар из твоих рук, если мы дадим тебе согласие?

На запястье левой руки Билли имелись наручные часы в плоском сером корпусе, с тройной серией цифр, показывающих время Земли, центрального Кампаннлата и Аверна.

Прибор, предназначенный для измерения и регистрации времени, вряд ли мог представлять для фагоров какую-либо ценность, однако часы-браслет могли быть приняты ими в виде украшения.

Билли вытянул в сторону младшей кзаххн левую руку с часами, та наклонилась к ней свою пятнистую морду, присмотрелась, а затем призвала к себе пару молодых сталлунов.

— Сделайте то, что просит это существо, — приказала она.

Эскорт остановился там, где в отдалении показались первые дома городских окраин. Сняв с запястья часы, Билли честно протянул их своим провожатым. После краткого размышления анципиталы отказались принять его дар, объяснив это тем, что им не нравятся бегущие под стеклом цифры. Возможно, эти меняющиеся символы пугали двурогах.

— ЯндолАнганол, — сказали они.

Махнув провожатым рукой, Билли двинулся вперед. Скоро, углубившись в узкие улицы Матрассила, он очутился у подножия величественной скалы, на вершине которой высился дворец короля Орла. Воскресив в голове фотографическую карту местности, Билли сразу же сообразил, где он находится. Этот дом и этот поворот он неоднократно видел сквозь оптическую систему наблюдения Аверна.

Внутри скалы, на которой стоял дворец, было вырублено вместительное помещение, где располагалась церковь, построенная по панновальским образцам — подальше от света. Кельи ютились в скальных нишах в три яруса, самые богатые и удобные были сложены из камня, победнее — из дерева.

Мир Гелликони был переполнен мелочами и незначительными деталями, такими уютными и успокаивающими, о которых Билли раньше даже понятия не имел.

Монашеские обитатели были раскрашены в радостные красно-желтые цвета; в узорах чаще всего встречался священный круг Акханаба. На дверях традиционно повторялось изображение бога, спускающегося в огонь. Длинные темные волосы Акха были собраны на затылке в большой

развевающийся пучок. Брови бога изгибались вверх. Белые зубы на его лишь наполовину человеческом улыбающемся лице были обнажены. В каждой руке бог держал по факелу. Одежды туго обтягивали его голубое тело, напоминая собой змей.

На знаменах и вымпелах были также изображения угодников и духов: Первосвященного Юлия, Короля Дэнниса, Визрама и Вултры, несущихся неизвестно куда иных — огромных, черных и волосатых, а также маленьких и зеленых с когтистыми лапами в драгоценных кольцах. Среди всего этого сонма сверхъестественных созданий — толстых, лысых или косматых — шли люди, как правило, сгорбленные и жалкие.

Люди были показаны подчеркнуто низкорослыми. «Там, откуда я родом, — подумал про себя Билли, — людей обязательно изображали бы большими и рослыми, с горделивой осанкой. А здесь людей унижают всеми возможными способами на потребу богам».

Билли вспоминал о том, чему его учили в школе. Там он впервые услышал, насколько важна на отсталой Гелликонии религия. Иногда целые нации в один день обращались здесь в другую веру — так произошло с Олдорандо. Иные нации, внезапно лишившись веры, теряли костяк своей основы, рассыпались как единое целое и исчезали без следа. Взирая на мрачные картины кровавого развития мира, Билли испытывал одновременно отвращение и острый интерес.

Что касается монахов, то, казалось, они не слишком переживали из-за тревожного положения мира; разрушения, убийства и истребления были для них лишь частью великого процесса коловращения, фоном для безмятежности собственного существования.

— Цвета! — громко сказал Билли.

— Цвета разрушения и убийства.

Но, несмотря ни на что, этот мир в отличие от его собственного пышет силой и энергией. И в этом его правда.

Он стоял посреди уличной толчеи. Запахи и незнакомые ароматы не давали ему двинуться с места. Неподалеку от

него, в тени утеса, находился колодец, к которому лепились прилавки многочисленных торговцев. Выбирающиеся из своих келий монахи стекались сюда, чтобы купить себе еду.

Билли испытал сладостно-мучительное чувство, представив вдруг, что все это устроено специально для него одного. Смерть могла прийти к нему довольно скоро. Но скорая смерть стоила того, чтобы стоять здесь просто так, наслаждаясь возбуждающими аппетит ароматами и разглядывая монахов, уплетающих истекающие маслом лепешки.

Он направился к прилавкам, где его немедленно заметили и окликнули; с ним заговорила торговка, рослая женщина с широким красным лицом. Глядя на него, она одновременно помешивала в своей сильно дымящейся жаровне угли. У Билли с собой были деньги — отличная подделка, изготовленная на Аверне. Протянув торговке несколько монет, он получил взамен большую аппетитно пахнущую лепешку. На лепешке были выдавлены щипцами символы веры бога Акха, один круг внутри другого, соединенные между собой касательными линиями. Впившись зубами в хлеб, он вдруг подумал о том, что главный символ Акханаба запросто может представлять собой символическое изображение орбит пары светил — Беталикса и Фрейра, обращающихся один вокруг другого.

— О чем задумался, красавчик? Нечего смотреть, ешь себе, да и все, — со смехом сказала ему торговка.

Кивнув, Билли двинулся дальше. Вскоре улица незаметно перешла в дорогу-серпантин, поднимающуюся к королевскому дворцу.

Подойдя к стражу у главных ворот, он обратился с просьбой допустить его к королю ЯндолАнганолу, предъявив при этом солдату фальшивую же верительную грамоту, рекомендующую его как полномочного эмиссара из отдаленной провинции Морструала. После краткого допроса в будке охраны его отконвоировали в одну из дворцовых пристроек. После долгого ожидания он был наконец препровожден в другую половину дворца, где, как он знал, располагались покои советника Ирвраша.

Он огляделся. Все привлекало к себе его внимание. Вероятно, в этой самой комнате, на этом самом месте, на этом самом ковре стояла королева королев, сама Мирдем-Инггала.

Уставившись на ковер, Билли внезапно ощутил резкий приступ тошноты. Нет, это не может быть смерть, для нее еще слишком рано. Он ухватился рукой за живот. Если не смерть, тогда точно лепешка. Он оглянулся и, заметив кресло, сел.

Дверь со скрипом отворилась. Появившийся стройный секретарь проводил Билли в покои советника. Советник Сартори Ирвраш собственной персоной должен был появиться здесь с минуты на минуту. А до той поры ему надлежало сидеть в приемной и ждать его. К великому облегчению Билли, резь в животе прошла.

Появившийся в конце концов советник выглядел очень старым и усталым. Плечи советника были опущены, и весь его вид говорил о том, что он пребывает мыслями где-то совсем в другом месте. Выслушав Билли безо всякого интереса, он проводил его в комнату, битком набитую книгами и свитками летописей, очевидно, свой кабинет.

Гость и хозяин кабинета уселись напротив друг друга. Задумчиво дернув себя за усы, советник что-то пробормотал и вздохнул. Билли, стараясь держаться естественно и спокойно, неторопливо отрекомендовался и принялся описывать свое путешествие из Морструала, что у залива Челси. Советник обхватил свои плечи, словно решив укачать себя как малое дитя.

Красноречие Билли наконец иссякло, он замолчал, и непонятная тишина повисла в кабинете. Может быть, советник не понимает его олонецкого?

Наконец Ирвраш заговорил.

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы оказать вам всяческое содействие, сударь, хотя наша страна переживает не лучшие времена.

— Мне необходимо обсудить с вами некоторые вопросы, а также встретиться с его и ее величеством. Мне есть

что вам предложить. Я имею в виду ценное знание, а в ответ хочу услышать ответы на некоторые свои вопросы.

Икота прорвалась наружу, и Билли смущенно зажал рот ладонью.

— Прошу прощения.

— Нет, это вы простите меня. Да, я тот, кого некогда называли Носителем Знания, однако сейчас я крайне рассеян, потому что сегодня нас постигло ужасное, ужасное несчастье.

— Что за несчастье? — с тревогой спросил Билли.

— Королева, мой господин, королева МирдемИнггала...

Советник с жаром стукнул костяшками пальцев по крышке стола.

— Наша королева изгнана из столицы, сударь, она отправилась в изгнание. Сегодня утром отплыл корабль, на котором она держит путь к далеким берегам. К древнему Грвабагалинену.

Закрыв ладонями лицо, советник Ирвраш разрыдался.

Глава IX

НЕСЧАСТЬЯ СОВЕТНИКА

Среди крестьян древнего края, зовущегося Эмбруддок, бытовала поговорка: «Нет ни одного клочка земли, где можно было бы жить сносно, но нет и ни одного клочка земли, где кто-нибудь, да не жил».

Поговорка не лишена была смысла. Даже в сегодняшний, более чем беспокойный век, когда почти ни у кого не было сомнения в том, что земле не избежать гибели в геенне огненной, тысячи путников всех мастей продолжали топтать земли Кампаннлата из конца в конец. Кто только не пытался найти себе успокоение в непрерывном движении, начиная от целых народностей, таких, как мигранты мади и кочевники Мордриата, и заканчивая одинокими странству-

ющими торговцами, проходящими лиги и лиги лишь для того, чтобы продать песню или камень за цену чуть большую, чем могли им дать дома. Даже пожары, поглощающие в сердце континента целые провинции и делающие короткие передышки только у реки или на краю пустыни, не могли заставить свернуть странников с их пути. Более того, пожары постоянно увеличивали армию скитальцев, пополняя ее многочисленными беженцами, отправляющимися на поиски нового дома.

Одна из таких групп беженцев спустилась к Матрассилу по Валворалу как раз тогда, когда королева МирдемИнггала отправлялась в изгнание. Королевские стражники не позволили странникам плясать на удивительное зрелище. Бродяг немедленно рекрутировали и отправили на Западную Войну.

В этот полдень жители Матрассила на время заставили себя выкинуть из головы мысли о войне пред лицом новой душераздирающей драмы. В скудной на события жизни наступил день яркий и значительный: нищета, приучившая народ к терпению, заставляла его при первой возможности убегать в мир иллюзий. По этой же причине народы прощали своим королевам и королям их пороки и наделяли их невиданными заслугами, дабы шок острого наслаждения смог бы расцветить тупость и пустоту существования.

Королева появилась в собственном экипаже, который медленно продвигался среди людей, расступающихся и дающих повозке дорогу. Полоскались флаги, выпелы и знамена, с надписями «ПОКАЙСЯ!» или «УЗРИ В НЕБЕ ЗНАК!». Королева глядела прямо перед собой, не поворачивая головы.

Карета королевы остановилась на набережной. С запяток спрыгнул лакей и открыл дверцу. Высунув из двери дрожащую ножку, МирдемИнггала поставила ее на булыжник мостовой. Следом за королевой появилась принцесса Татро, а за ней первая фрейлина.

Остановившись на секунду, королева МирдемИнггала осмотрелась. Люггер, ожидающий ее, качался на волнах. Сто-

ящий на палубе церковник в полном торжественном облачении приготовился приветствовать королеву королев на борту. МирдемИнггала направилась к трапу. Толпа охнула, когда ножка королевы последний раз ступила на землю Матрассила.

Королева королев шла со склоненной головой. Поднявшись на палубу и приняв приветствие кардинала, она откинула с лица вуаль, вскинула высоко голову и подняла руку в прощальном жесте.

При виде этого зрелища отовсюду раздались приветственные крики, сначала разрозненные, потом переросшие в общий восторженный гул. Таким был искренний прощальный привет Матрассила своей отбывающей королеве.

Помедлив лишь минуту, МирдемИнггала опустила вуаль и сошла с палубы вниз, скрывшись из виду. Крики приветствия стихли.

Паруса были подняты. Шхуна изгнанницы медленно отчалила от берега Матрассила и начала свое путешествие вниз по течению реки. Личный викарий королевы молился, стоя на палубе. Никто в толпе зрителей не двинулся с места. Постепенно корабль начал удаляться, растворяясь в дымке.

Мало-помалу толпа начала расходиться — люди возвращались в свои дома, унося с собой знамена и вымпелы.

При королевском дворе не было единства, весь свет разбился на несколько непримиримых фракций. Часть их искала поддержку в народе; другие ограничивали свою активность пределами дворцовой крепостной стены. Самыми популярными были, без сомнения, мирдолаторы, выступающие против всех указов короля и во всем поддерживающие королеву королев. Но борьба между фракциями шла нешуточная. За и против предстоящего заключения мира и установления союза с Олдорандо изобреталось множество доводов, причем в круговороте дворцовой интриги противоборствующие стороны использовали доводы своих оппонентов по очереди.

Были такие — из некогда обиженных и теперь желающих отомстить женщин, — кто непременно хотел видеть

королеву МирдемИнгалу опороченной. Были и другие, всячески стоявшие за то, чтобы королева осталась в столице при дворце. Среди требовавших оставить королеву в столице находились сущие наглецы из наиболее отчаянных и непреклонных мирдолаторов. Эти не только говорили о возвращении королевы во дворец, но и настаивали на том, чтобы вместо нее в изгнание отправился король, считая, что у королевы не меньше прав претендовать на трон Борлиена, чем у Орла.

Утром в день изгнания король ЯндолАнганол начал поход против недовольных.

Решив прибегнуть к хитрости, король пришел на встречу с мирдолаторами вместе с советником Ирврашем. Всего в парадном зале дворца собрался шестьдесят один мирдолатор, и у многих из них, в особенности у тех, кто еще считал себя обязанным хранить верность родителям МирдемИнгалы, РантанОборалу и Шананне Дикой, в бороде уже была седина. На встречу с монархом они шли исполненные праведного негодования. Впустив мирдолаторов в зал, дворцовая стража закрыла и крепко заперла за ними двери. Пока мирдолаторы сходили с ума и вопили во всю глотку, Орел, со зловещей улыбкой на лице, отправился на последнюю встречу с возлюбленной королевой.

Узнав о своем предрешенном будущем, МирдемИнгала долго не могла прийти в себя. Ее лицо залилось мертвенной бледностью, глаза лихорадочно блестели, взор то и дело останавливался на каких-то мелких незначительных предметах. Когда в дверях покоев королевы появился король Орел, МирдемИнгала обсуждала с фрейлиной Мэй ТолрамКетинет судьбу своих детей. Если меч неминуемой угрозы навис над ней, то и будущее детей тоже не застраховано ни от каких неожиданностей. Татро была еще девочкой, почти ребенком. Так что в сложившихся обстоятельствах основной удар ярости ЯндолАнганола мог пасть на сына Робайдая.

Разговаривая, королева и первая фрейлина шли через тенистый сад.

В саду королева немного воспрянула духом и принялась давать наставления садовникам. Густые кроны могучих деревьев и склоны искусственных гранитных утесов защищали тропинки от безжалостного ока Фреира. В саду королевы было достаточно тени для проведения садоводческих опытов по выведению новых изящных культур и разведению нежнейших диких цветов из глубин джунглей, распускающихся здесь во всей своей красе.

Все эти замечательные растения были привезены королеве из самых дальних уголков ее почитателями. Но с завтрашнего дня нога ее больше не ступит под сень любимого сада. Жизнь повернулась к ней другой стороной.

В воротах сада появились король и его советник. Витяющее вокруг мужчин напряжение королева ощутила, едва взглянув на них. Взяв фрейлину за руку, она с тревогой ее сжала.

Остановившись перед королевой, СарториИрвраш церемонно поклонился. После чего, молча взяв первую фрейлину под руку, он без лишних слов увел ее с собой, чтобы дать королевской чете возможность объясниться без помех.

Мэй ТолрамКетинет пыталась взволнованно протестовать.

— Король убьет Кун. Он подозревает, что она и мой брат, Ханра, любовники, но это не так. Клянусь, между ними ничего не было. Королева не сделала ничего дурного. Она невинна перед его величеством.

— Король пришел к своей жене за другим и, уверяю вас, он не собирается ее убивать, — отозвался СарториИрвраш. Говоря это и пытаясь утешить свою спутницу, он почти не глядел на нее. Да и вряд ли он был в состоянии это сделать. Сжавшись в своем чарфруле и сгорбившись, королевский советник, с посеревшим от волнения лицом, едва слышно сказал:

— По политическим причинам король хочет развестись с королевой. Все уже решено.

Заметив, что на его рукав уселась разноцветная бабочка, СарториИрвраш раздраженно ее смахнул.

— Тогда зачем же он убил Яферала?

— Тут вину нужно скорее возложить не на короля, а на меня — это камень в мой огород. Прекратите бессвязный лепет, женщина! Вам предстоит отправиться в изгнание вместе с Кун и заботиться там о ней. Я тоже не оставляю вас, если, конечно, в моем положении ничего не изменится, в чем я, правда, сомневаюсь. Гравабагаалинен совсем не такое уж плохое место.

Пройдя под аркой, советник и фрейлина шагнули в душную тесноту дворцового здания.

Поколебавшись немного, Мэй ТолрамКетинет решилась задать еще один вопрос:

— Но что это нашло на короля?

— Не могу говорить за него, поскольку мне известны только его планы, а в его разум я проникнуть не в силах. Разум короля блистателен, как превосходный бриллиант. Любое другое эго он режет без малейших усилий. Он просто не может терпеть рядом с собой такое мягкосердечное существо, как королева, вот и все.

Молча кивнув советнику, молодая женщина оставила его стоять у подножия лестницы.

— Все проходит... — прошептал советник самому себе. На мгновение он ощутил укол невыносимой тоски по безвременно ушедшей жене.

Тем временем в саду королева МирдемИнггала выслушивала громкую, быструю речь короля ЯндолАнганола, махнувшего рукой на выдержку и решившего излить на супругу свои эмоции. Неожиданно услышав свой приговор, королева отшатнулась словно от удара мощной волны.

— Кун, я хочу развестись с тобой, потому что на карту поставлена судьба моего королевства. Ты знаешь чувства, которые я испытываю к тебе, но не секрет для тебя и то, что перед своей страной я имею особый долг, который должен исполнить во что бы то ни стало...

— Нет, я ничего не знаю и знать не хочу. Что это, твой очередной каприз? Тобой движет не долг, а кхмир, вот что!

Король сильно покачал головой, словно пытаясь стряхнуть с лица выражение боли, которую переживал.

— Я должен сделать то, что должен, даже если это в конце концов приведет меня к гибели. Говорю тебе, я никогда не думал о том, чтобы видеть рядом с собой кого-то, кроме тебя. Я хочу, чтобы прежде чем мы расстанемся, ты поняла это.

Лицо королевы окаменело.

— Ты опорочил репутацию моего дорогого брата и мою тоже. Кто еще мог отдать приказ распространять о нас эту гнусную клевету, как не ты?

Вслушав эти гневные слова, король искоса взглянул на королеву. Орел в нем замер.

— Такова политика и таковы требования, которые я должен непременно выполнить. Я не собираюсь заточать тебя в темницу, а просто отошлю в прекрасный дворец в Грвабагалинене, туда, где Фреир не так свирепствует в небесах. Живи там пока спокойно, и прошу, не пытайся плести против меня козни, иначе мне придется заставить твоего отца ответить за все. Если положение на фронтах вдруг улучшится, кто знает, может быть, мы опять будем вместе.

Глаза королевы блеснули гневом.

— Так что же выходит: ты намерен обручиться с этой похотливой девочкой-олдорандкой, а потом, через год, развестись с ней и взять меня обратно? Неужели, по-твоему, спасение Борлиена непременно связано с подобной бесконечной серией матримониальных процедур? Так помни: если ты вышлешь меня из столицы, я никогда не буду больше твоей.

Протянув руку, король так и не решился дотронуться до королевы королев.

— Ты живешь только своей верой и принципами. Понимаешь ли ты, что значит быть королем?

Машинально отломив веточку йодронта, королева тут же отбросила ее в сторону.

— По-твоему, быть королем это значит: заточить в гнилую тюрьму своего отца, пренебречь собственным сыном, поносить имя покойного шурина и, наконец, сослать из дома меня и свою дочь — вот что, по-твоему, значит быть королем! Ну что ж, я постараюсь усвоить этот урок.

Вот тебе мой ответ, Ян. Я не собираюсь умолять тебя оставить меня во дворце, нет. Но хочу предупредить тебя, что без последствий такие поступки не обходятся. И это говорю не я, так говорит моя вера. И, как бы потом ни сложились для тебя обстоятельства, я уже ни в чем не смогу тебе помочь.

— Я другого и не ожидал. — Король крепко держал ее за руку.

— Я знал, я верил, что ты еще любишь меня, независимо от того, король я или нет, а не терпишь только за те удобства, которые предоставляет дворец. Я знал, что ты, всегда за своими страданиями не забывающая увидеть страдания других, сможешь найти в себе нечто выше обычной женщины.

Но как бы то ни было, в этом безжалостном мире именно я оберегал тебя. Разве не стала бы твоя красота твоим проклятием? Разве не гонялись бы за тобой распутные охотники, о существовании которых благодаря мне ты так и не узнала? Что бы с тобой стало, если бы не я?

Клянусь, я люблю тебя и буду любить, пускай рядом со мной окажутся тысячи Симод Тал, но ты должна мне сейчас сказать, что, несмотря ни на что, тоже будешь любить меня.

Вывравшись наконец, королева остановилась около мшистого валуна, укрыв лицо в тени. И король и она были бледны и разгорячены.

— По-моему, ты просто бежишь от себя самого. Я давно изучила тебя и знаю все твои слабости. Вот этого ты и не можешь вынести, а потому и гонишь меня с глаз долой. Ты бесишься от того, что чувствуешь во мне жалость и сострадание к тебе. Да, будь ты проклят, я люблю тебя, если тебе так уж необходимо слышать мое признание, и буду продолжать любить, пока Прародительница не призовет меня к себе и не настанет пора мне с ней соединиться. Но ведь не это ты хотел услышать, верно? Не это входило в твои планы?

Король смотрел на нее огромными пылающими глазами.

— Вот оно! Ты в действительности ненавидишь меня! Ты все лжешь!

— Боже! — С этим криком королева бросилась бежать. — Прочь от меня, прочь! Не прикасайся ко мне! Ты безумен. Ты хочешь, чтобы я сказала, что ненавижу тебя, и тогда тебе будет легче оправдать себя. Ну что ж, пусть будет так — я ненавижу тебя!

ЯндолАнганол не стал ее останавливать. Он даже не тронулся с места.

— Тогда грянет буря, — тихо прошептал он.

А потом с вершины дворцовой горы в чашу Матрассила пополз белым покрывалом дым. Расставшись с МирдемИнггалой, король ЯндолАнганол словно сошел с ума. Велев принести из конюшен сено, он приказал обложить им двери зала, в котором по сию пору еще томились мирдолаторы. Вслед за сеном были принесены кувшины с очищенным китовым жиром. Выхватив у стоящего рядом раба горящий факел, король Орел собственноручно швырнул факел на облитое спермацетом сено.

С ревом пламя взметнулось в небеса. Никто под страхом смерти не имел права тушить огонь.

Только с наступлением ночи, когда король, сидя со своим верным рунтом за столом, накачивал себя вином до беспамятства, слугам было позволено прикатить к пожарищу ручные насосы и залить огонь.

Когда же на следующее утро бледный Беталикс снова поднялся над горизонтом, король со своим обычным окружением как всегда появился на дворцовом балконе и с первыми лучами рассвета предстал перед народом.

Толпа, ожидающая их на этот раз, была гораздо больше, чем прежде. При появлении короля над толпой поднялся неясный низкий шум голосов, похожий на рычание раненого пса. Король поспешил вернуться в свои покои и бросился на кровать. В постели он оставался целый день.

На следующее утро король, призвав в Зал Совета иноземных послов и своих министров, официально распрощал-

ся со своими гостями. После чего днем он посетил ненадолго скритину.

В своей речи перед депутатами король коротко поведал о том, как королева и ее брат, ЯфералОборал, пытались составить заговор с целью убийства сиборнельского посла, и как тому пришлось бежать, чтобы спасти свою жизнь. По этой самой причине заговорщица была отправлена в изгнание; подобного вмешательства женщины в политические дела он не допустит. Брат королевы был убит в момент покушения.

Сам он, король, в настоящее время занят претворением в жизнь плана, имеющего целью укрепить узы дружбы Борлиена с его традиционными союзниками, Олдорандо и Панновалом. Основные пункты этого плана он представит скритине позже и более подробно. Сказав это, он обвел вопросительным и угрожающим взглядом ряды депутатов, высматривая недовольных.

Поднявшийся с места вслед за королем советник СарториИрвраш в своем слове предложил скритине смотреть на близящиеся новые перемены в союзном окружении страны как на факт огромной важности и исторического значения.

— Сейчас, когда подробности битвы при Косгатте еще свежи в нашей памяти, нельзя сбрасывать со счетов появление нового вида оружия — огнестрельного — значительно более эффективного и смертоносного, чем все, что мы имеем сейчас. Как оказалось, это оружие имеется даже у дриатов, этих варваров, — ружья, вот как они называют это новшество. Воин с ружьем может убить своего противника, как только увидит его перед собой. Насколько я знаю, подобное оружие отмечалось в старинных манускриптах, но никогда не знаешь, насколько этим манускриптам можно доверять.

Но как бы то ни было, теперь в любой баталии скорее всего мы будем иметь дело с применением ружей. Многие из вас были свидетелями их действия во время известной демонстрации в зале совета и позже, во дворце, благодаря любезности принца Индредда. Сейчас эти ружья изготовля-

ются только в одном месте — бескрайних северных землях, в государстве, всем нам известном под названием Сиборнел. Коварные сиборнельцы опять сумели обогнать всех. В их распоряжении имеются залежи бурого угля и богатых руд, которыми наша страна не располагает. В сложившихся условиях для нас крайне важно сохранять доброжелательные отношения с таким могущественным государством, по причине чего мы пресекли упомянутую попытку заговора с целью убийства сиборнельского посла со всей строгостью.

— Скажите нам правду! — вдруг злобно выкрикнул из дальнего конца зала какой-то барон. — Все знают, что Пашаратид был нечистым на руку. Он содержал в любовницах борлиенскую девчонку с окраин — разве за это его не стоило покарать смертью? Разве не об этом говорит закон?

— В настоящий момент наши агенты проводят расследование и выясняют подробности дела, — отозвался СарториИрвраш и торопливо прибавил: — В ближайшие дни мы собираемся послать посольскую делегацию в город Аскитош, столицу государства Аскитош, дабы установить в том направлении новый торговый маршрут, в надежде на то, что это сделает наши отношения с Сиборнелем более дружественными, чем они были до сих пор.

А пока я могу вам с удовольствием сообщить, что наша встреча с высшим дипломатическим составом Олдорандо и Панновала прошла как нельзя лучше. Мы получили в дар от наших гостей-послов партию новых ружей, но это вы уже знаете. Эти ружья будут посланы нашему благородному храбрецу, генералу Ханре ТолрамКетинету, героически сражающемуся с рандонандцами, с пожеланиями скорейшего завершения этой войны.

Реакция на выступления и короля, и его советника была крайне сдержанной, почти холодной. В скритине находилось множество почитателей и сторонников старого Рантан-Оборала, отца МирдемИнгалы.

Один из них, поднявшись, спросил:

— Как нам следует понимать смерть в огне шестидесяти одного мирдолатора — тоже как очередной шаг в угоду за-

морскому производителю этого нового оружия? Если так, то оружие, о котором вы только что говорили, в самом деле невероятно смертоносно.

Ответ советника был крайне расплывчатым и неуверенным.

— В момент присутствия делегации мирдолаторов во дворце, к несчастью, случился пожар, начало которому положил поджог, устроенный ими же, сторонниками бывшей королевы. Выходка эта была непродуманной и крайне отчаянной, в результате чего многие мирдолаторы сами погибли в огне.

Не успели король и его советник выйти из зала скритины, как под его сводами словно обрушилась снежная лавина — все говорили и кричали одновременно.

— Мне кажется, нужно было рассказать им о вашей готовящейся свадьбе, — заметил на ходу СарториИрвраш. — Начав умиляться прелестями девочки-невесты, они быстро перестали бы злиться. Советую вам сделать факт развода и предстоящей вашей женитьбы известным народу как можно скорее, ваше величество. Киньте этим дурням новую кость — они моментально позабудут о старой.

Сказав это, советник отвернулся в сторону, чтобы скрыть отвращение, испытываемое им по поводу роли, которую ему самому приходилось играть.

Нахмурившись, король удалился в свои покои. Спустившись в подземную часовню, Орел предался там в компании королевского викария молитве и бичеванию, велев взводу Первого Фагорского занять пост перед дверями. Рунт Юлий был оставлен под надзором своих собратьев. Облегчив разум молитвой, король укрепил свой дух бичеванием.

После этого, омытый в купальне прислужницами, Орел снова призвал к себе Главного Советника. СарториИрвраш появился только после третьего напоминания, весь перепачканный чернилами, в потрепанном домашнем чарфруле и матерчатых шлепанцах. Казалось, что старик переживает великое горе. Молча и насупленно стоял он перед королем, оглаживая свою бородку.

— Вы чем-то расстроены? — спросил советника король ЯндолАнганол. Рунт Юлий с открытым ртом уже сидел в нескольких футах от своего хозяина на бортике купальни.

— Я стар, ваше величество, и сегодня у меня был трудный день — только и всего. Я пытался отдохнуть и собраться с силами.

— Не отдыхал ты, а опять кропал свои проклятые записки, вот что больше похоже на правду.

— Если вы хотите знать правду, то я действительно пытался отдохнуть и оплакивал судьбу этих шестидесяти одного погибших в огне.

Король с раздражением хлопнул кулаком по воде, подняв тучу брызг.

— Вы же неверующий, советник. У вас не должно быть совести, вам нечего успокаивать. Так что оставьте слезы по погибшим мне.

Осторожно ухмыльнувшись, СарториИрвраш показал в улыбке зубы.

— Чем могу служить вашему величеству?

Король ЯндолАнганол поднялся из воды, и прислужницы обернули его широким полотенцем. Орел ступил из купальни на паркетный пол.

— Ты достаточно уже мне послужил.

Король окинул советника одним из своих темных, сверкающих как черный бриллиант, взглядов.

— Настало твое время, советник, — я изгоняю тебя с привычного пастбища, как ту старую хоксни, которых ты так любишь. Я собираюсь найти на твое место кого-нибудь другого, того, кто будет разделять мои мысли больше, чем ты.

Прислужницы, убирающие глиняные кувшины, в которых была принесена для королевского омовения вода, с любопытством следили за разворачивающейся драмой.

— В мире есть много таких, кто немедленно согласится с любым вашим мнением, едва вы того потребуете, ваше величество. Если вы неосмотрительно собираетесь доверить судьбу страны подобным людям, то я не стану возражать, это ваше решение. Но могу ли я узнать, чем заслужил

такую немилость? Разве я не поддерживал все ваши начинания?

Отбросив полотенца, совершенно голый, король несколько раз раздраженно прошелся по комнате. Его взгляд метался с предмета на предмет так же стремительно, насколько стремительной была его походка. Заметив, что хозяин расстроен, Юлий сочувственно заскулил.

— Послушай, советник. Взгляни на то, с чем я остался на сегодняшний день. Я разорен. У меня нет королевы. Народ мне не верит. Скрытина против меня. И не говори мне, что я стану любимцем толпы, как только новость о моей новой женитьбе на олдорандской потаскушке станет известна всем. Ведь именно ты посоветовал мне сделать это — так вот, с меня достаточно твоих советов.

Попятившись, СарториИрвраш прижался спиной к стене, став так, чтобы находиться в безопасном отдалении от размашисто шагающего короля. В отчаянии советник заломил руки.

— Если вы позволите мне сказать хоть слово... я верой и правдой служил вам и вашему отцу. Если необходимо было лгать, я лгал для вас. Я и сегодня солгал. Я согласился участвовать в этом ужасном убийстве мирдолаторов, и все только чтобы услужить вам. Вы можете найти себе множество советников, но где вы найдете такого, у которого, как у меня, не было бы политических амбиций — хотя вы, ваше величество, конечно же, выше любого смертного и в вашей воле казнить меня или миловать.

— Убийство? Ты хочешь сказать, что твой сюзерен убийца? Но как иначе я мог подавить восстание?

— Служа вам, я всегда обращался к доброй стороне вашей души и никогда не думал о собственном благе. Я понимаю, вы расстроены тем, что случилось с вашей женой, но так уж оно, видно, должно было быть. Помните, когда-то давно я говорил вам, что такую женщину, как королева, вам больше не найти никогда...

Подняв полотенца с пола, король быстро обернул его вокруг своих узких бедер. Вокруг его ног уже собиралась лужа.

— Но ты сказал мне, что мой первейший долг лежит в служении стране. И я принес жертву, поскольку понял твои слова именно так...

— Нет, ваше величество, нет, определенно... — Советник суматошно замахал руками.

— Опгедегенно, — повторил за ним Юлий, заучивая новое слово.

— Вам нужен козел отпущения, чтобы сорвать злость, государь. Прошу вас, подумайте, прежде чем выкидывать меня за порог. Это преступление в отношении государства.

Лицо Орла покраснело от злости, и краска волнами спустилась по его подбородку на шею и верх груди.

— Значит, я все-таки преступник? Ты снова это повторил! Я преступник! Ты, старая крыса, ты позволяешь себе оскорблять меня? Убирайся вон! Сейчас же!

СарториИрвраш пролепетал дрожащим голосом:

— Простите меня, ваше величество, но мне кажется, я понимаю ваш план. Отстранив меня от дел, вы получите возможность обвинить меня перед скритиной во всех грехах, тем самым очистившись в глазах народа. Может быть, вам удастся затуманить им мозги... неплохое решение, государь, очень неплохое, хотя и предсказуемое, не новое — хотя вместе с тем можно согласиться, как изящно...

Смешавшись, советник замолчал. Бледный вечерний свет заполнял комнату. Взявшись за рукоятку лежащего на столе меча, король вытащил его из ножен. Потом с улыбкой взвесил сталь в руке.

Попятившись, СарториИрвраш опрокинул кувшин со святой водой, разлившейся по кафельному полу широким потоком.

ЯндолАнганол начал бой с тенью, выполняя свои обычные упражнения с мечом, совершая выпады, уклоняясь от ударов и нанося удары сам, иногда уходя в глубокую защиту, иногда переходя в атаку. Фехтуя, он быстро передвигался по комнате. Прислужницы жались к стенам и тихо охали.

— Туше! Ампо! Хоп! Туше!

Меч короля со свистом рассек воздух и лезвие устремилось в направлении советника.

Стальное острие замерло в нескольких дюймах от шеи СарториИрвраша. Не опуская меча, король сказал:

— Где мой сын, ты, старый хитрец? Где он, где Робайдай? Ты знаешь, что он хочет моей смерти?

— Мне хорошо известна история вашей семьи, ваше величество, — ответил СарториИрвраш, инстинктивно прикрывая горло руками.

— Мне нужно уладить это дело с моим сыном. Может быть, ты прячешь его у себя, в этом своем кроличьем садке?

— Нет, сударь, у меня его нет.

— А я говорю, что прячешь, — фагор-стражник донес мне. И знаешь, что он еще мне нашептал? Оказывается, у тебя еще сохранился запал, с бабами ты по-прежнему лихой, ага?

— Сударь, происшествия последнего времени утомили вас, вы перевозбудились. Позвольте мне дать вам...

— Я ничего больше не приму от тебя, господин советник, а сам ты получишь сталь в кишки. Отвечай же! У тебя в комнатах кто-то есть?

— Да, сударь, если изволите, у меня там есть посетитель, из Мортструата, один юноша, и только-то.

— Юноша, говоришь? Можешь оставить его себе...

Казалось, что король потерял интерес к теме посетителей советника. С криком вскинув вверх руку, он метнул меч, точно вонзившийся в деревянную балку над его головой. Подпрыгнув, король ухватился за рукоятку и вырвал оружие, при этом полотенце упало с его бедер.

Наклонившись, советник поднял полотенце, чтобы вернуть его монарху, льстиво проговорив:

— Понимаю, откуда происходят ваши ярость и безумие, и вполне допускаю...

Схватив вместо полотенца чарфрул СарториИрвраша, король рванул его на себя, чуть не свалив советника с ног. Полотенце снова полетело на пол. Советник испустил сдавленный крик. Пытаясь отстраниться, он поскользнулся,

повалился на пол и потянул за собой короля — они вместе тяжело рухнули прямо в лужу натекшей воды.

Через мгновение король уже снова был на ногах, вскочив ловко, как кот, и, махнув прислужницам рукой, приказал им помочь подняться советнику. Советник поднялся с трудом, крихтя и держась за спину, двое прислужниц помогали ему.

— Теперь уходите, сударь, — приказал король. — Соберите свои вещи — поторопитесь, пока у меня не возникло настроение продемонстрировать, насколько безумным я могу быть на самом деле. И помните — я знаю, кто вы такой: безбожник и мирдолатор!

Добравшись до своих покоев, советник приказал служанке-рабыне втереть в свою ушибленную спину мазь и лег на некоторое время отдохнуть. Его личный телохранитель Лекс взирал на происходящее с полнейшим равнодушием.

Получасом позже СарториИрвраш попросил себе сока сквааней с лордриардрийским льдом и, тщательно взвешивая каждое слово, написал королю письмо, почесывая время от времени спину.

Достопочтенный государь,

я служил дому Анганолов верой и правдой много лет, чем снискал себе определенную славу и уважение. Я и сейчас готов продолжать мою службу, несмотря на все выпады в мою сторону, поскольку мне хорошо понятна буря, происходящая в душе Вашего Величества и затмевающая Ваш разум.

Что касается моей преданности наукам, на что Вы так часто соизволяете гневно мне указывать, то позволю себе сказать, что я таков, каков есть, а науки и чистый незатуманный разум позволяют мне видеть мир таким, каков он есть. Никогда я не пытался направить Вас против вашей веры, единственное, чего я хотел, так это указать Вам, в чем и как слепая вера может затруднить Ваше и без того сложное положение.

Я вижу наш мир в его повсеместном единстве. Вы знаете мое открытие о полосатой окраске хоксни, опровергнувшее по-

всеместно бытующее мнение. Открытие мое имеет крайне важное значение, поскольку соединяет собой в единую цепь времена нашего Великого Года и дает нам общее представление об их сути. Я уверен, что не только хоксни, но и многие другие растения и животные имеют свойства адаптации подобного же характера, позволяющие им выживать в тяжких условиях нашего непростого и столь разительно меняющегося климата.

Установив все это, я спросил себя: может ли быть так, что и у людей, в их вере, существует нечто увековеченное на все времена, прошедшее сквозь холода и жару многих сезонов? Возможно, это «нечто» имеет совершенно отличную природу от окраски хоксни, в том смысле, в котором сам человек отличается от зверя. Именно религия есть социально связующая сила, объединяющая людей во времена невыносимых холодов или, как теперь, мучительной жары. Этот общественно-соединяющий институт ценен необычайно, поскольку позволяет выживать нациям и сохранять племенное единство.

Но вместе с тем религия не может управлять мыслями и жизнями личности. Принося слишком много в жертву вере, мы становимся ее рабами, точно так же как стали мади рабами своего укт. Сударь, я прошу простить мне эти строки, которые, я почти уверен в этом, Вы не найдете приятными, но взгляните трезво на вещи — разве сами Вы не состоите в рабстве у Акханаба...

Написав это, советник остановился. Нет, так не пойдет, — как обычно, он зашел слишком далеко. Прочитав подобное, король немедленно отдаст приказ уничтожить его или сделает это сам, что в теперешнем его возбужденном состоянии было более чем вероятно. Осторожно достав из стола чистый листок бумаги, советник написал новую версию письма, измененную и смягченную. Покончив с этим, он вызвал Лекса и приказал двурогому доставить послание в покои адресата.

После чего советник упал в кресло и разрыдался.

Пролив слезы, он задремал. Через некоторое время, очнувшись, он увидел стоящего над собой неподвижного Лек-

са. Фагоры были молчаливы и терпеливы как ни одно живое существо на свете, и эту черту анципиталов советник больше всего в них ценил; ненавидя двурогих в принципе, он считал их менее обременительными сравнительно со слугами-людьми.

Было около двадцати пяти часов. Советник зевнул, потянулся и накинул на плечи теплое одеяло. За окном мигали зарницы. Дворец спал — весь, до последнего фагора. Бодрствовал, возможно, только король...

— Лекс, я хочу пройти к моему пленнику и поговорить с ним. Тебе придется проводить меня. Ему сегодня давали еду?

Фагор, у которого не дрогнул ни один мускул, ответил:

— Узник накормлен, сударь.

Двурогий страж советника говорил низким голосом, увеличивая продолжительность согласных и заставляя их вибрировать, так что почтительное обращение прозвучало у него как нечто похожее на «шшшжжударь».

В проеме между полок располагался шкаф, скрывающий потайную железную дверь. Лекс осторожно повернул его на петлях. Затем, достав из кармана ключ, двурогий не без труда вставил его в скважину и повернул. Секретная дверь отворилась; человек и фагор ступили во мрак тайной темницы.

Здесь в непроглядной тьме на колченогом стуле сидел Билли. Его ноги и руки были прикованы толстой цепью к специальному кольцу, вмурованному в пол, одежда пропиталась потом. В камере стояла невыносимая духота и вонь.

Вытащив из кармана мешочек со скантимоном, пелламонтейном и другими ароматными травами, СарториИрвраш поднес его к носу, после чего указал фагору на отхожее ведро, стоящее в углу камеры.

— Вынеси его.

Лекс молча повиновался.

Прежде чем начать разговор, советник закурил длинную сигарету с вероником.

— Итак, БиллишОвпин, ты сидишь здесь вот уже два дня. Пришла пора нам продолжить беседу. Я — Главный Советник Борлиена, и в моей власти применить к тебе пытки,

если ты захочешь обмануть меня. Ты, как это прозвучало из твоего рассказа, состоишь не кем иным, как главой города в заливе Челси, ни больше ни меньше. Когда я решил запретить тебя сюда, ты вдруг заявил, что на самом деле являешься птицей гораздо более высокого полета — человеком, сошедшим в наш мир из другого мира. Так кто же ты на самом деле? Кем ты назовешь себя сегодня? Я хочу знать правду!

Утерев лицо рукавом, Билли ответил:

— Сударь, я знал о вашей тайной комнате прежде, чем ступил на камень двора этого замка, прежде чем вошел в город Матрассил, и это правда, сударь. Вместе с тем я во многом невежда и прежде всего в том, что касается принятых у вас манер в обращении с иноземцами. Я совершил ошибку, мне не стоило называться другим именем, представляться кем-то, кем я на самом деле не являюсь, — но я сделал так, потому что сомневался в том, что вы способны поверить в правду, если выложить ее перед вами сразу, без подготовки.

— Могу сказать без преувеличения, что сам я являюсь, возможно, одним из самых больших искателей правды и радетелей о ней среди людей этого несчастного века.

— Сударь, я знаю это. И коль скоро это так, освободите меня. Позвольте мне следовать за королевой. Я никому не собираюсь причинить вреда, зачем держать меня в заключении?

— Я держу тебя здесь потому, что надеюсь узнать от тебя кое-что, что может оказаться полезным и ценным. Поднимись-ка.

Пленник поднялся, и советник внимательно его рассмотрел. Да, парень действительно выглядел необычно. Его телосложение было более плотным, чем у коренных жителей Кампаннлата, хотя в то же время его нельзя было назвать уродом, вроде тех чурбанообразных толстяков, которых обычно показывают за деньги на ярмарках, чьи предки, по слухам, не переболели костной лихорадкой, которую обязательно испытали на себе почти все жители Гелликонии.

Оттассольский друг-приятель советника, анатом Кара-Бансити, будь он здесь сейчас, сказал бы, что у пленника отмечается необычно скругленная структура скелетной формы. Кожа молодого человека была гладкой и малозагорелой, его нос пуговицей был обожжен солнцем и с него уже начинала облезать кожа. Волосы у парня были тонкими и светлыми.

Кроме того, присмотревшись, можно было заметить в пленнике и некоторые другие отличия. Например, глаза парня по большей части были устремлены вверх, вместо того чтобы быть обращенными долу. Кроме того, по-олонецки он говорил с незнакомым акцентом.

Все это советник отметил для себя, прежде чем заговорить дальше:

— Расскажи мне о мире, с которого, по твоим словам, ты прибыл. Я считаю себя разумным человеком и постараюсь выслушать тебя и понять все, что ты мне скажешь, каким бы невероятным этот рассказ мне ни показался.

Неудачно затянувшись, советник закашлялся.

Вернувшись с пустым ведром, Лекс поставил его на прежнее место и замер у стены, устремив взгляд вишневых глаз в точку, находящуюся где-то далеко в бесконечности за пределами темницы.

Билли снова заговорил:

— Милостивый сударь, как я уже сообщал вам, я пришел из мира, во много раз меньшего размера, чем тот, в котором мы сейчас с вами находимся. Размер моего мира сравним, может быть, с гранитным утесом, на котором стоит матрассильский дворец. Мой мир называется Аверн, но вашим астрономам он известен под другим именем, Кайдау. Так вот, мой мир, обращаясь вокруг Гелликонии по круговой орбите высотой пятьсот километров, облетает ее за период 7770 секунд и его...

— Стоп, стоп. Так на чем же этот твой утес стоит, на воздухе, что ли?

— Нет, там, где летает Аверн, воздуха уже нет. Мой мир состоит из металла и, можно сказать, является луной вашей

планеты. На олонецком такого слова нет, поскольку у Гелликонии нет естественного спутника. Аверн кружит вокруг Гелликонии по орбите подобно тому, как сама Гелликония облетает раз за разом Беталикс. Так же как Гелликония, мой мир несется сквозь безвоздушное пространство, и так же, как движение Гелликонии, его движение не прекращается никогда. Раз остановившись, Аверн упадет на вашу землю под действием силы тяжести. Вы понимаете, о чем я веду речь, сударь? Вам ведь известны основные принципы механики, управляющей движением небесных тел.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, чужак, не сомневайся в этом.

Советник прихлопнул муху, опустившуюся на его лысину.

— Да будет тебе известно, что ты разговариваешь с автором знаменитого «Алфавита Истории и Природы», книги, в которой я пытаюсь установить взаимосвязь всех знаний мира. Общая суть мирового знания мало кому ясна, таких людей считанные единицы, и я осмеливаюсь относить себя к числу таких. Я знаю, что Беталикс и Фреир кружатся вокруг одного общего фокуса, в то время как Аганип, Ипокрен и Копэйс вместе с Гелликонией носятся по своим кругам вокруг Беталикса. Скорость обращения планет-сестер нашего мира пропорциональна их статусу и удаленности от родительского бока Беталикса. Кроме того, по бытующему мнению, все миры-сестры в свое время вышли из лона Беталикса, точно так же как человек выходит из лона своей матери и как когда-то сам Беталикс вышел из тела Фреира, матери всего. Без лишней скромности могу заявить, что в том, что касается небесного бытия, мои знания очень велики, будь уверен.

Взглянув в потолок, советник выпустил в мух струю дыма. Билли откашлялся.

— На самом деле все происходит не совсем так, как вы только что сказали. Беталикс и его планеты представляют собой достаточно древнюю систему, попавшую в сети гравитации мощного светила, называемого вами Фреир, срав-

нительно недавно, около восьми миллионов лет назад по нашему исчислению времени.

Советнику не сиделось спокойно — он то и дело закладывал ногу на ногу, заламывал руки и потирал ладони; выражение лица у него было брезгливым.

— Среди постулатов знания существуют запреты, наказующие тех, кто ищет в знании источник власти, предупреждение о трудностях и проблемах изучения частностей внешнего мира — а кроме того, предупреждение о возможности ошибки при неправильном определении предмета изучения. Все это, понимая его важность, я сформулировал в самом начале своей книги, в первой ее главе.

Не хочу оспаривать тот факт, что истинное знание у тебя есть, хотя ты и искажаешь его в угоду своим ложным домыслам, как мне кажется. Помни, БиллишОупин, что открытие правды — дело трудное, всегда идет плечом к плечу с мучением, в твоем случае с пыткой. Я человек терпеливый, но когда ты начинаешь говорить о миллионах лет или лиг пути, даже я начинаю выходить из себя. Если ты надеешься произвести на меня впечатление цифрами, то это бесполезно. Сухие цифры вещь пустая, их может изобрести любой, взяв из воздуха.

— Сударь, я не обманываю вас. Например, сколько, по вашему, людей населяют Кампаннлат?

Советник смешался, потом махнул рукой.

— Где-то около пятидесяти миллионов. Да, по последним уточненным данным, что-то около того.

— Неправильно, сударь. Шестьдесят пять миллионов человек и тридцать пять миллионов фагоров. Во времена ВрайДена, которого вы так любите все время цитировать, соотношение люди — фагоры было совершенно иным: восемь миллионов людей и двадцать три миллиона фагоров. Биомасса меняется в соответствии с притоком энергии на поверхность планеты. В Сиборнеле сейчас проживает...

СарториИрвраш замахал руками.

— Все, с меня хватит — ты сводишь меня с ума... вернемся лучше к геометрии светил. Насколько я понял, ты

осмеливаешься заявлять, что между Фреиром и Беталиксом нет кровного родства?

Опустив глаза на свои руки, Билли искоса взглянул на пожилого человека, предупредительно усевшегося вне пределов его досягаемости.

— Уважаемый советник, если я сейчас скажу вам, как все на самом деле случилось, вы поверите мне?

— Трудно сказать сразу — это зависит от того, насколько правдоподобной окажется твоя история.

Сказав так, СарториИрвраш выдохнул облако душистого дыма.

— Прекрасную королеву я сумел увидеть только мельком, — начал свой ответ Билли Ксиао Пин. — Зачем мне сидеть здесь в мучении и бесполезности, пропадать до смерти, если вдруг окажется, что правда, которую я скажу вам, вас по какой-то причине не устроит?

Билли вспомнил МирдемИнгалу, быстро прошедшую мимо него в облаке легчайшего муслина своего одеяния.

Не дожидаясь ответа от советника, он начал свой рассказ. Его слушали двое: фагор, неподвижно стоящий у грязной стены, и старик, сидящий на скрипучем стуле. Мухи продолжали свою монотонную жужжащую песню. Из внешнего мира не доносилось ни звука.

— По пути ко дворцу я видел флаг с девизом на олонецком: «Вся мудрость мира существовала всегда». По-моему, это далеко не так. Это может быть истиной с религиозной точки зрения, но с точки зрения науки это — ложь. Конечно, истина состоит из фактов, с трудом открываемых, и гипотез, раз за разом проверяемых и перепроверяемых, — там, откуда я прибыл, правда зиждется только на фактах, и новые факты способны вычеркнуть из бытия старую истину в любой момент. Как вы сами сказали, истинное знание никогда не постигается легко; так вот, по-нашему, существует некая метаструктура знания, которую мы называем наукой.

Мой мир, Аверн, искусственного происхождения. Своим появлением он обязан науке и процессу применения науки на практике, который мы зовем технологией. Вы уди-

витель, когда узнаете, что раса, существующая на далекой планете, называемой «Земля», и к которой я принадлежу, на самом деле много моложе вас, гелликонцев. Дело в том, что нам, землянам, не приходилось преодолевать невозможные препятствия, выставляемые на вашем пути развития природой, в результате чего мы развивались быстрее.

Билли замолчал, пораженный сорвавшимся с собственных уст словом «Земля», столь невозможным, по его мнению, в данной обстановке.

Потушив вероник о столешницу, советник стиснул голову руками. Его голова раскалывалась от боли. Воздух в камере был невыносимо душен. Он не успевал следить за словами молодого и наглого собеседника, то и дело его разум переносился мыслями к королю, в памяти его всплывал образ нагого монарха с мечом в руках и как его меч с силой вбивается в балку над его головой. А заключенный продолжал говорить и говорить.

Там, откуда предки Билли Ксиао Пина были родом, космос был изучен и знаком, как садик на заднем дворе. По ходу дела чужак упоминал желтые звезды класса G возрастом в пять миллиардов лет. Звезды такого рода обладали малой яркостью и температура на их поверхности достигала каких-нибудь 5600 градусов некоего Кельвина. К таковым, как оказалось, относился и Беталикс. Упомянув об этом, Билли заговорил о единственном обитаемом мире Беталикса, Гелликонии, во многом напоминающем его родную далекую Землю, однако более древнюю, холодную, серую, с медленно развивающейся жизнью, за огромное количество веков прошедшую путь от простейших организмов до теперешних высших видов людей и животных.

Восемь миллионов лет назад по земному летосчислению Беталикс и его планетарная система вошли в область космоса повышенной звездной скученности, где имелась двойная звездная система, состоящая, по мнению Билли, из звезд типов A и C. Проходя мимо этой звездной пары, Беталикс оказался притянутым могучим гравитационным полем звезды A. Свойства этой звезды разительно отличались от свойств

Беталикса. Относительно молодая по космическим меркам (всего десять-одиннадцать миллионов лет) яркая звезда развивалась по-своему, не похоже на обычный путь развития остальных звезд. Превосходящее радиусом Беталикс в семьдесят раз и пылающее в два раза жарче его, светило А, сверхгигант, уже приближалось к своему закату.

Превозмогая отупляющую усталость, советник слушал как мог внимательно, но улавливал и понимал очень мало. Ощущение близкой опасности вдруг овладело им. Перед глазами у него плыло, его сердце заходило, то колотилось быстро, так что, казалось, слышно было во всей комнате, то вдруг сбрасывало обороты почти в два раза. Снова выудив из кармана мешочек с благовониями, он глубоко вдохнул их запах.

— Все, болтовни на сегодня хватит, — вдруг сказал он, прервав Билли на полуслове. — Я знаю все о таких, как ты, о них говорится в древних летописях, таких называют: «говорящие необычное и насмехающиеся над мудрецами». Возможно, то, что мы почитаем за окончательную истину, на самом деле полная иллюзия... если так, то нам не избежать страдания, хотя и нет в этом ничего удивительного. Всего два дня назад — меньше чем пятьдесят часов — королева королев, обвиненная в заговоре, покинула Матрассил, а шестьдесят один мирдолатор были убиты с крайней жестокостью... Вот что случилось, а ты сидишь и рассказываешь мне здесь сказки о том, как солнца, словно шлюхи, носятся туда-сюда, болтаешь всякую чушь...

Выбивая дробь пальцами одной руки и отгоняя мух другой, Билли думал. Невдалеке от него стоял с закрытыми глазами Лекс, столь же неподвижный, как предмет мебелировки.

— Я и сам мирдолатор. Многие из преступлений, отнесенных к государственной измене, можно возложить и на меня. Но я привык к тому, что служу королям... а он слишком привык к тому, чтобы находиться в услужении у святош. Жизнь так не любит беспокойства... Можешь ты сказать мне, что за тревоги ожидают нас завтра?

— Для ученого вы слишком много внимания уделяете окружающей реальности, — заметил Билли. — В этом отношении вы напоминаете мне моего Наставника, оставшегося на Аверне. Он не верил в реальность существования Гелликонии. А вы не верите в существование Вселенной. Размер вашего умвелт не превышает границ этого двора.

— Что значит умвелт?

— Степень вашей проницательности по отношению к миру.

— Вижу, тебе нравится разыгрывать из себя мудреца. Что ж, если ты так умен, тогда скажи, верно ли то, что на самом деле хоксни полосатые, а не гладкие, как это считается повсеместно, и полосы их проявляются только при наступлении Весны Великого Года?

— Конечно, верно. Животные и растения, каждое по-своему пытаюсь выжить, разными способами приспосабливаются к коренным переменам климата, которые несет с собой смена времен Великого Года. На вашей планете с некоторых пор существует двойная биология и ботаника, одна половина которых следит за старым светилом, как прежде, другая — за новым.

— Ты снова все сводишь на два солнца, светящих нам с небес. Лично я считаю, и мнение мое подкреплено почти тридцатисемилетним жизненным опытом, что два наших небесных странника предназначены служить нам вечным напоминанием о двойственности всей природы, о душе и теле, жизни и смерти, и кое-чем другом, что непосредственно направляет жизнь людей, — о жаре и холоде, свете и тьме, добре и зле.

— Советник, вы сказали, что такие люди, как я, уже упоминались в летописях. Может быть, это были мои собратья, другие пришельцы с Аверна, которые, как и я, хотели донести до вас истину, но к которым, как и ко мне, никто не прислушался?

— И как и ты, они пытались навязать нам свои воззрения, свою безумную геометрию? Если так, то они, конечно же, были казнены!

СарториИрвраш поднялся и, опершись руками о стол, нахмурился.

Звения своей цепью, Билли тоже поднялся, хотя и с большим трудом, чем пожилой советник.

— Истина освободит вас от рабства невежества и заблуждений, советник. Как бы вы ни называли то, о чем я говорил вам, «безумной геометрией» или как-то иначе, эти законы правят Вселенной. Да что я говорю, вы и сами это знаете, просто не хотите признаться. Напрасно вы без должного уважения относитесь к своему разуму. Почему вы не хотите пойти дальше, разорвать оковы своего умвелт? Жизнь вашей планеты обязана своим появлением именно тем «безумствам», над которыми вы насмехаетесь.

Звезда класса А, известная вам как Фреир, на самом деле представляет собой гигантский водородный реактор, выбрасывающий в пространство огромные количества лучевой энергии, тепла и света. Когда Беталикс и его планеты восемь миллионов лет назад вышли на свои орбиты вокруг этого гиганта, они немедленно и постоянно стали подвергаться бомбардировке рентгеновским и ультрафиолетовым излучением. Влияние этого излучения на вялую биосферу Гелликонии оказалось огромным. Начались стремительные генетические изменения. Имели место мутации, поразительные и ранее невозможные. Некоторые из новых жизненных форм приспособились и уцелели. Один из животных видов развился настолько, что сумел противопоставить себя другому виду, более древнему и ранее занимающему главенствующее положение...

— Все, нет больше моих сил! — вскрикнул СарториИрвраш, взмахом руки приказывая пленнику замолчать. — Одни виды превращаются в другие — что за вздор ты несешь? Видано ли такое? По-твоему, собака может превратиться в аранга, а хоксни со временем примет вид кайдау? Всем известно, что каждому зверю от природы предназначено его место, а среди прочих — и человеку. Так повелел Всемогущий.

— И это говорите вы — безбожник! Вы же не верите во Всемогущего.

Смутившись, советник затряс головой.

— Лично я предпочитаю, чтобы мной правил Всемогуший, а не эти твои законы безумной геометрии... Думал я показать тебя королю ЯндолАнганолу, да сдается мне, что он не вынесет и минуты твоих речей и велит посадить тебя на кол.

Спохватившись, СарториИрвраш вдруг вспомнил, что король теперь далек от всего, что хотел бы предъявить ему его советник, точнее — бывший советник. Рациональное больше не интересует его величество. Апологет рационального, сам СарториИрвраш, не интересует короля. Слушая Билли, он вдруг вспомнил о другом молодом безумце — сыне короля, Робайдае. Некогда милый и послушный ребенок, Роба вдруг увлекся безумными фантазиями, возомнил пустыню своей изможденной матерью, нашел вкус в смертельно опасных игрищах, по временам не имеющим со стороны вообще никакого смысла... и стал костью в горле своих любящих родителей, королевской четы.

После этого он вспомнил о собственной многолетней борьбе за овладение смыслом всего сущего. Как могло случиться, что такая проблема, первоочередная и главнейшая, могла занимать во всем свете столь немногих?

Кто таков этот Билли: плод усталого воображения пожилого человека, темная сторона действительности, явленная, чтобы соблазнить и прикончить его?

Советник повернулся к фагору.

— Лекс, стереги его пуце глаза. Завтра я подумаю о том, как избавиться от него и его умвелт.

Вернувшись в спальню, советник ощутил острый приступ одиночества. Король схватил его своей безжалостной дланью и опрокинул на пол! Немилосердно болела ушибленная спина, все тело, иссушенное и скрюченное годами, казалось уродливым и хилым. Слишком много постыдного случилось за прошедшие дни.

На его зов явилась женщина-рабыня. На ее лице были написаны те же самые недоумение и неохота, какие, наверное, можно было заметить на лице самого советника, являющегося пред светлые очи короля.

— Разотри мне спину, — приказал он.

Прислужница послушно прилегла рядом с ним и провела рукой от его затылка до поясницы. От советника пахло вероником и фагором, от прислужницы исходил легкий запах фруктов. Полежав немного на груди, СарториИрвраш перекатился к рабыне лицом, — его член под чарфрулом начал напрягаться. И правоверные почитатели Акханаба, и безбожники, все живые были равны в одном — всем им была дозволена одна-единственная утеха, одно убежище от абстракций. Просунув одну руку меж темных бедер рабыни, советник положил другую на ее мягкую грудь.

Потянувшись вперед, она привлекла его к себе.

На Аверне неизвестными была выпущена петиция, призывающая добровольцев спуститься на поверхность планеты на выручку Билли Ксиао Пину. Никто не придавал петиции серьезного значения. Условия, принятые Билли, утверждали однозначно: с какими бы трудностями ни пришлось ему столкнуться в неведомом мире, надеяться он должен только на себя. Но даже это не остановило нескольких молодых леди из семейного клана Пин, заявивших во всеуслышание, что если Комитет Правления не предпримет что-нибудь немедленно, то они вскорости покончат жизнь самоубийством.

Несмотря на несколько встревоженную обстановку, жизнь Станции продолжалась в обычном ритме, как и все тридцать два века ее существования. Мало кому из авернцев было известно, что земные технократы заложили в них покорность программным путем. Большие семейства продолжали анализировать поступающую с поверхности планеты информацию, автоматические системы продолжали отсылать результаты общестанционной деятельности по радиолучу на далекую Землю. По всей Земле были устроены гигантские просмотровые залы, подобные огромной морской раковине.

Сигналы Аверна сначала принимались на Хароне, на внешней границе Солнечной системы. Там информация

снова подвергалась переработке и только после этого передавалась на Землю.

Аудитория подобных передач, составляющая особую часть земного сообщества, претерпевала перемены, во многом следующие, а иногда даже повторяющие происходящее на Гелликонии. Закат Эпохи Модерна был ускорен быстрым наступлением ледников, спустившихся с земных снежных шапок, знаменующим наступление Великой Эры Оледенения. В девятом веке шестого тысячелетия со дня рождения Христа ледники начали медленно отступать, а вслед за льдами двинулись и люди Земли. Старые национальные распри и вражда постепенно забывались. По мере смягчения климата превалирующее положение в душевной организации землян начал занимать характер добродушный и кроткий, ставший благодатной почвой для все более пристального внимания к вопросам взаимодействия между биосферой и собственно планетной твердью, фундаментом всего живого. Из среды мыслителей и гуманистов этого направления вышли правители, достойные своего народа. Разделяя общие убеждения, они олицетворяли собой мудрость и истину, чем и снискали свою популярность. Правители землян хорошо видели, что драма далекой планеты может послужить не только источником изучения безрассудства и ошибок, но также захватывающим и в то же время назидательным зрелищем.

Глава X

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ БИЛЛИ В РАЗЛИЧНЫХ ЗАСТЕНКАХ

Был ли Акханаба виновен в круговерти событий в Матрассиле или «безумная геометрия» небес, был ли этот ход событий предрешенным или случайным результатом слепого случая, главенствовала ли здесь свободная воля или определял все детерминизм — но следующие двадцать четыре

часа были самыми ужасными для Билли. Все прелести и яркие краски, которыми он так восторгался в первые часы своего пребывания на Гелликони, потускнели. Ночные кошмары начали править бал.

Вслед за днем Великого Лета наступила ночь, в течение почти пяти часов которой на небе не светили ни Фреир, ни Беталикс.

Низко над северным горизонтом видна была комета ЯрапРомбри. Но по прошествии короткого времени даже этот единственный источник неверного света был поглощен поднимавшимся густым туманом.

Туман пришел от реки. Марево поднялось выше, зацепилось за утес и, насмешливое и злобное, перевалило через стены замка.

Вслед за дворцом «захватчик» прокрался также и в мир, вырытый внутри гранитного холма. Это был мир возвышенных восклицаний, молитв, погружения в протрацию и торжественных процессий. Тут лукавое дыхание тумана легко смешалось с испарениями и дыханием монашества и прихожан, образовав пурпурный ореол вокруг освященных свечей, словно бы здесь и только здесь туман нашел единственный для себя доброжелательный приют. Туманное марево зависло вокруг босых ног молящихся и постепенно нашло себе дорогу к тайникам горы.

Туда, в эти потаенные места, был среди ночи препровожден со странным эскортом Билли Ксиао Пин.

После ухода СарториИрвраша несчастный победитель лотереи устало опустил голову на руки и предался лихорадочным размышлениям. Приходилось ли ему когда-то раньше описывать Гелликонию в форме «спора с несведущим»? Конечно, нет, ведь ему и в голову не приходило спорить о том, что испокон веков казалось бесспорным, более того, единственно возможным. Размышляя об этом, Билли вспоминал свои гладкоречивые споры о сути действительности со своим старым Наставником на Аверне. Теперь, хлебнув действительности сполна, он не ожидал от нее ничего другого, кроме как смерти.

Преступницы-мысли снова начали разбегаться от него, когда невероятно похожий на прямоходящего пса Лекс появился в его камере и поставил перед ним миску с едой.

— Ешь, — приказал анципитал Билли, поднявшему на своего стража мутные глаза.

В миске была каша, в которую были крупно нарезаны фрукты с яркой мякотью. Взяв серебряную ложку, Билли принялся за еду. Каша показалась ему безвкусной. Проглотив несколько ложек, он почувствовал, что сейчас провалится в сон. Застонав и оттолкнув от себя тарелку, Билли снова упал головой на сложенные руки. Воспользовавшись затишьем, мухи уселись на его кашу и на равнодушно подставленную щеку.

Подойдя к обшитой деревянными панелями стене, противоположной той, в которой была устроена потайная дверь в кабинет советника, Лекс стукнул в нее несколько раз костяшками волосатой лапы. В ответ также послышался стук, на который он в свою очередь ответил, стукнув два раза с большими промежутками между ударами. Часть стены, прежде на вид совершенно целой, отворилась внутрь камеры, запорошив пол каким-то мусором.

Из второй, еще более потаенной, чем первая, двери появился фагор женского пола, гиллота, движущаяся плавно и гладко, в обычном свойственном своему племени ритме. Не теряя времени даром, вместе с Лексом она подняла из-за стола бесчувственного Билли и внесла его в глубь открывшегося за дверью проема. Закрыв за собой дверь, фагорша тщательно заперла ее на засов.

Во дворце было множество проходов и коридоров, о которых мало кто знал: эти проходы были либо забыты, либо неизвестны вообще, ибо представляли собой часть секретного лабиринта; судя по неухоженному виду туннеля, по которому анципиталы несли Билли, этим проходом с равным успехом могли не пользоваться как в течение нескольких лет, так и нескольких веков. Рослые нечелы заполняли собой туннель полностью, едва оставляя в нем место для своей расслабленной ноши.

Фагоры-рабы были таким же обычным делом в матрасильском дворце, как и фагоры-солдаты. Так, часть фагоров-рабов, использовавшихся в качестве каменотесов (а к этой работе двурогие, обладающие огромной физической силой и равнодушным упорством, подходили отлично), участвуя в работах по восстановлению дворца и его крепостной стены, тайком устраивали в его внутренностях укрытые ложным полом или крышами проходы, использующиеся их племенем для своих особых надобностей.

Очнувшись через некоторое время, Билли сразу же обнаружил две вещи: во-первых, его куда-то несут, а во-вторых, он парализован и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Мохнатые носильщики спускали его вниз по ступенькам спиральной лестницы, винтом впивающейся в глубину земли и, казалось, не кончающейся никогда. Сам Билли висел на руках фагоров, прижимаясь лицом к волосатой спине двурогой дамы, и при каждом шаге бессильно бился о ее мощно ходящие лопатки.

Наконец фагоры сделали передышку. Откуда-то снаружи тянуло сыростью. Где-то в стороне, там, куда Билли не мог взглянуть, смолянисто трещал факел. Скрипнули открываемые петли. Анципиталы уложили Билли на открытую опускающую дверь-помост. Казалось, надежды на избавление уже не было. На мгновение появившийся справа в поле его зрения факел тут же был заслонен косматой головой. Билли находился где-то под землей, и трехпалые руки беспрестанно мяти и ощупывали его. Малиновые и красные зрачки горели во мраке. И снова все ему заслонила огромная мохнатая спина. Еще одна дверь, опять ожидание, снова ступени, снова сводящий с ума шепот. На время Билли словно бы потерял сознание, хотя и не переставал сознавать, что спуск его продолжается и нет этому конца.

Через неопределенный отрезок времени его вдруг поставили на ноги. Билли уже догадался, что с ним случилось — в еду ему подсыпали какое-то зелье. Его голова моталась из стороны в сторону и, ловя колеблющееся отображение окружающего, он разобрал, что находится в боль-

шом подземном зале, под самым его потолком, на высоком деревянном помосте, сколоченном вдоль стен. Тут и там с перил помоста в зал свешивались флаги. На полу находились какие-то люди в длинных одеждах до пят и, кажется, босые. Через некоторое время он понял, что это были монахи. Они восседали за длинными столами и пировали, а фагоры в таких же длинных одеждах прислуживали им за трапезой. Он вспомнил монастырь у подножия холма, снаружи которого он покупал свою лепешку.

Ходьба несколько отрезвила его. С ним по-прежнему было двое фагоров, но Лекса среди них больше не было: оба двурогих оказались женского пола, гиллотами. Лекс, по всей вероятности, вернулся на свой пост в покои спящего советника. Билли закричал, пытаясь привлечь внимание монахов внизу за столами, но его слабый голос утонул в гуле голосов трапезников. Вскоре он и его провожатые снова нырнули во тьму.

Опять началась череда туннелей. Билли попытался воспротивиться, но бороться с гиллотами было все равно что пытаться разбить кулаком гранит. Вперед и снова вниз. Вдруг неожиданно перед ним растворились ворота.

Он очутился в другом мире, в подземном королевстве фагоров. Сам воздух здесь был другим, не тем, что на поверхности; звуки и запахи казались чуждыми. Где-то плескалась вода. Пропорции сооружений изменились: проходы расширились и стали выше, дорога пошла ровная и постепенно стала забирать вверх. Впечатление было таким, словно его вели в пасть мертвого чудовища.

Никогда, будучи на Аверне, Билли не представлял себе ничего подобного происходящему с ним теперь. Несколько раз его подводили к скопищам фагоров, словно для того, чтобы специально продемонстрировать — двурогие совали к нему свои коровьи хари. Наконец он оказался перед несколькими сидящими анципиталами — сталлунами и гиллотами, — видимо, Советом. В нишах вдоль стен были выставлены племенные тотемы — древние фагоры, погружающиеся все глубже и глубже к предкам; самый древний тотем напоминал

собой маленькую черную куклу, почти полностью затянутую кератином. Возглавлял Совет молодой кзаххн, Гххт-Йронц Зарл.

Гххт-Йронц Зарл был не более чем креахтом. В густой белой шерсти на его плечах еще виднелись пурпурные пряди. Острые длинные рога кзаххн были украшены спиральным рисунком и свою широколобую голову он по большей части держал набыченной, что придавало ему весьма драчливый вид. На самом деле причиной этому было то, что молодой глава Совета не хотел задеть своими длинными рогами низкий потолок, дабы не повредить их великолепные острия.

Что касается самого зала, то был он весьма грубо и почти неотделан, а стены представляли собой приблизительный круг. По сути, зал являл собой аудиторию — если только подобный термин вообще был применим к помещению для собрания нечеловеков, и должен был своим видом повторять форму колеса, на самой ступице которого стоял Глава Совета Гххт-Йронц Зарл. Места для слушателей расходились от ступицы наподобие спиц. Большая часть пола зала была разделена на места, размером минимально необходимым для стояния, — стойла. Там, застыв в молчаливой неподвижности и едва поводя время от времени ухом или носом, стояли члены Совета. У каждого стойла имелась полка и висел замурованный в камень кусок цепи.

Казалось, что туман сумел пробраться даже сюда, или, может быть, виной тому было тяжелое дыхание двурогах и синие отсветы факелов.

Неожиданная догадка поразила его: здесь, в этих пещерах, фагоры намеревались пережить жару; через некоторое время, когда грянут холода Великой Зимы, место двурогах займут спасающиеся от стужи на поверхности люди. Тем временем в наружном мире будут властвовать фагоры.

Председательствующий призвал к порядку и начал допрос. Уже после нескольких фраз Гххт-Йронца не оставалось никаких сомнений в том, что Лекс, тщательно прислушивающийся и запомнивший кое-что из разговора советника ко-

роля с Билли, донес до своего предводителя некоторые детали этого разговора.

Рядом с кзаххном сидела женщина-человек средних лет в бесформенной одежде, обязанностью которой было переводить речь кзаххн с родного на олонецкий. Вопросы по преимуществу вились вокруг прибытия Билли с Фреира — об Аверне фагоры ничего не знали. Если и суждено было Билли откуда-то прибыть, то, по мнению фагоров, только с Фреира, и ниоткуда больше, ибо оттуда прибывало все зло.

Смысл вопросов, которые задавали ему двурогие, доходил до него с трудом, так же как с трудом анципиталы понимали его ответы. С придворным советником он испытывал в общении некоторые трудности; здесь же культурные различия, как ему казалось, были почти непреодолимыми, если бы время от времени Билли все же не удавалось донести до разума анципиталов суть им сказанного. К примеру, эти словно вышедшие из кошмарных снов создания, без сомнения, приняли тот факт, что теперешний изнурительный период жары, переживаемый Гелликонией, пройдет через примерно три человеческих жизненных срока и на смену ему придет длительный период изменения климата в сторону зимы и холодов.

На этом месте вопросы неожиданно прекратились, и кзаххн, погрузившись в транс, принялся совещаться по поводу сказанного Билли со своими предками. Человек-раб принес Билли немного сдобренной благовониями воды. Вскоре расспросы были продолжены.

Любопытным было также и то, что фагоры поняли часть рассказа Билли, посвященную его полету через космос, чего СарториИрвраш уразуметь, по-видимому, так и не смог, тем более что в родном языке анципиталов понятие «космос» существовало, хотя и состояло из сложного набора фраз. «Космос» на их родном приблизительно означал следующее: «бесконечная тропа превращения пространств и лет». Иногда, стремясь сократить свою речь, двурогие употребляли для понятия «космос» более простую конструкцию, вроде «Путь Аганипа».

Часы, которые продемонстрировал им Билли, фагоры рассмотрели, но прикасаться к ним не захотели. Когда разговор зашел о часах, Билли долгое время обходил присутствующих двурогах одного за другим, пока все желающие не рассмотрели его браслет с цифрами. Его объяснения по поводу того, что три группы цифр означают время Гелликони, Земли и Аверна, не произвело на фагоров никакого впечатления. Так же как и фагоры, встреченные им в лесу под Матрассилом, подземные обитатели не пытались забрать у него прибор и уже очень скоро разговор зашел о совершенно другом.

Глаза Билли слезились и начался насморк — у него открылась аллергия на шкуры двурогах, о которые ему пришлось долгое время тереться лицом.

Постоянно чихая, Билли пересказал своим похитителям все, что было ему известно о текущей ситуации на Гелликони. Страх заставлял его выкладывать все что можно. Как только в словах Билли встречалось что-либо понятное двурогим, они немедленно проявляли интерес и задавали вопросы. Получив в той или иной степени исчерпывающий ответ, кзаххн снова уходил в себя, чтобы рассказать об узнанном своим кератиновым предкам, очевидно, являющимся чем-то вроде хранителей родовых знаний, — в этом вопросе Билли был не слишком силен, так как на Аверне фагоры не были его специализацией.

Когда-то, как ему казалось, давно, в другой жизни, он сетовал на то, что на Аверне ему не хватает в противники существа другой природы; теперь же, оказавшись среди когда-то желанного рода существ, он сходил с ума, теряясь в выборе аргументов.

Прислушиваясь к речам фагоров, Билли все больше чувствовал себя пораженным и озадаченным, как ребенок, внезапно открывший, что его домашний зверек умеет разговаривать.

— Предположения о том, что негармонично-диаметральные и ужасающие колебания климата, происходящие со сменой времен Великого Года, являются мстительными про-

делками со стороны сынов Фреира, совершенно обосновательны. Выживание и только оно одно является нашей единственной задачей. Внимание к тому, что может в любой момент случиться, не дает нам заняться ничем другим. Смертоносный Фреир полыхает в небе без передышки. Кзаххн ЯндолАнганол стоит на стороне фагоров в Борлиене и защита в его пределах нам обеспечена. В свою очередь народ двурогих, понимая свой долг перед кзаххном Борлиена, считает себя обязанным поставлять вооруженные отряды для поддержки его воинственных начинаний. Таков наш путь к выживанию в нынешнее неблагоприятное время Года. Тебе, Билли, наш совет проявлять в общении с кзаххном ЯндолАнганолом, во всем предпочитая потакать своим порывам, особую осторожность, дабы избежать напрасных мучений. Внял ли ты нашим речам верно?

Путаясь в переполненных именами существительными предложениях, Билли, в свою очередь, попытался донести до сознания двурогих свою невиновность. Однако вопросы вины или понятие «невиновность» находилось вне пределов «умвелт» двурогих. Да и вообще, в конце концов, их мучили свои проблемы.

Фагоры видели, что король ЯндолАнганол слаб, что слабость эта могла подтолкнуть короля на заключение союза с Олдорандо, скрепленного династическим браком, и страшились этого. Как только дочь двора Олдорандо станет женой короля Борлиена, в обоих государствах фагоры будут объявлены вне закона. Ненависть, питаемая к двурогим столицей Олдорандо, была давным-давно известна всем и каждому, и менее известной, хотя и не менее сильной, была и ненависть самих фагоров к этой столице, называемой ими Хррм-Бххрд Йдохк.

В то время как внутренние дела анципиталов были для людей полнейшей тайной — да попросту говоря, белым пятном, — дела людей были известны двурогим очень хорошо. Люди, презрительно пренебрегая фагорами, часто вообще не замечали их рядом с собой, в результате чего двурогим

часто удавалось присутствовать на секретных совещаниях государственной важности. В таких условиях самый неуклюжий рунт мог явиться отличным шпионом.

Между тем фагоры опять вернулись к проблеме Фреира и Беталикса.

Если он прибыл не с Фреира, тогда, может, с Т'Сехн-Хрр? На этот вопрос он не смог дать ответа. Что понимали они под Т'Сехн-Хрр — Аверн — Кайдау? Как выяснилось — нет. Фагоры предприняли попытку объясниться, но безрезультатно. Потом прояснить истину попытался сам Билли — с тем же эффектом. Т'Сехн-Хрр как был, так и остался тайной. Разговор с фагорами напоминал попытку постичь вечность. Совет опять приказал подручным провести пленника между рядами фагоров, и снова его попросили продемонстрировать присутствующим наручные часы с тремя рядами мигающих знаков. И опять ни один из двурогих даже не попытался прикоснуться к часам Билли или тем более забрать у него их, словно страшился разрушительной силы этого прибора.

Все еще пребывая в мучительном поиске слов для объяснения, Билли вдруг обнаружил, что Совет во главе с кзахном собирается уходить. Опять в его голове за клубился туман. Очнувшись через некоторое время, он снова обнаружил себя сидящим на знакомом скрипучем стуле за обшарпанным столом, опустив голову на скрещенные руки. За узким окошком занимался бледный рассвет.

Лекс уже снова был здесь.

— Тебе следует лечь в постель на период сна, — участливо подсказал он Билли.

Билли разрыдался, но через некоторое время все-таки заснул.

Растекаясь во все стороны, туман сделал поворот к реке Валворал, чтобы мягко опуститься на оплетающие оба ее берега джунгли. Ничего не ведая о национальных распрях, туман свободно проник на территорию Олдорандо. Здесь, устремляясь далее, туман встретил на своем пути «Лордриардрийскую деву», идущую на юго-восток к Матрассилу и дальше вниз по течению, к просторному морю.

Выгодно распродав свой ледяной груз в Олдорандо, капитан плоскодонки держал курс на столицу Борлиена и Оттассол: судно несло на борту соль, шелк, всевозможных расцветок и узоров коврики и гобеленовые ткани, голубой гаут из озера Дорзин в бочках с колотым лордриардрийским льдом, резные безделушки из кости и дерева, часы, кость, рог и шерсть разных сортов. Плывущие вместе со своим товаром купцы обитали в небольших каютах на верхней палубе. Один купец странствовал вместе с попугаем, другой — с новой любовницей. Самую лучшую каюту занимал владелец судна Криллио Мунтрас со своим сыном Дивом. В настоящее время Див расположился прямо на влажной от ночного тумана палубе, не обращая внимания на подмокшие штаны. Его отец сидел неподалеку на плетеном стуле, наигрывая на двухструнной клосе и извлекая из инструмента намеренно сентиментальные, ввиду последнего своего плавания перед уходом на покой, мелодии.

Туман, клубящийся над водами Валворала, полностью скрывал воду, так что казалось, корабль движется по реке из молочной дымки. У крутых утесов скал Кахчаззерх туман немного рассеялся и в его разрывах стала проглядывать вода, удивительно темная, отражающая в себе колеблющиеся фрагменты вздымающегося наверху утеса. Сам утес на высоте в три сотни футов от подножия был густо покрыт обильной и пышной растительностью. Ласточки и птицы-плакальщики пикировали с высоты вниз, сопровождая свой полет меланхоличными криками.

Городок Кахчаззерх не был примечателен ничем, кроме своего местоположения между утесами и рекой, а также безразличием к лавинам с одной стороны и паводкам с другой. У самой реки имелось мало чего, непосредственно относящегося к цивилизации, — пристань да несколько деревянных складов, на одном из которых красовалась порядком проржавевшая вывеска «Лордриардрийская ледоторговая компания». От пристани в гору к бестолково разбросанным вплоть до самой вершины домам вела дорога. Этот городок,

а точнее его рынок, был последней целью Мунтраса перед Матрассилом и плаванием к морю.

Когда судно стало причаливать, из мглистого марева то-ропливо вынырнули босоногие полуголые мальчишки, неизменные обитатели подобных мест. Капитан Мунтрас, отложив свой музыкальный инструмент, поднялся на ноги и, величественно став на носу, принялся обозревать берег, оценивая имеющиеся там рабочие ресурсы.

С борта «Девы» на берег были переброшены сходни. Как только борт судна нежно коснулся причала, стоящий тут же квартет музыкантов бодро заиграл тему гимна «Да здравствует хозяин наш!». Таким было традиционное, повторяющееся из раза в раз, приветствие местного персонала компании своему главе. Всего местных представителей ледоторговой компании было трое. Выйдя вперед с традиционными улыбками, троица ледоторговцев проводила Криллио Мунтраса и его сына к ожидающим их на берегу креслам.

Младший из троицы клерков был долговязым неуклюжим парнем, принятым на службу совсем недавно и еще не пришедшим в себя от потрясения после свалившейся на его плечи чести и ответственности, вследствие чего немного шалый; головы же двух других клерков были убелены сединами, и годами они превосходили своего хозяина, которому служили верно и преданно уже несколько десятков лет. Пожилые люди украдкой смахивали с ресниц слезинки, исподтишка рассматривая молодого хозяина, Дива, стараясь оценить способности того и установить, какие трудности, связанные с такой разительной переменой руководства, их ожидают впереди.

Пожав каждому клерку руку, Мунтрас опустился в предложенное кресло. Ему был подан бокал с вином, куда он насыпал горсть собственного же блестящего колотого льда. Пригубив вино, он устремил взгляд на медленно текущую реку. Из-за тумана противоположный берег проступал едва различимой неясной полосой. Когда слуга подал печенье, вокруг хозяина и его сына уже всюду шел разговор известного сорта, когда большая часть предложений начинается

со слов: «А помните, как...», а заканчивается обычно дружным смехом.

Обитающие в скалах птицы по-прежнему кружили над головами, иногда врываясь в шум речного порта своими протяжными тоскливыми криками. Заметив через некоторое время, что птицы все не унимаются, хотя корабль его давно уже пристал и времени прошло много, капитан Мунтрас пожелал узнать, в чем дело.

Ответом молодого клерка был короткий смешок, в то время как выражение лиц его обоих пожилых товарищей стало беспокойным.

— В деревне объявлен крестовый поход на фагоров, капитан, — ответил один из стариков.

— В Олдорандо тоже нет покоя от походов против чужеродцев, — отозвался Мунтрас. — Часто святоши под шумок заодно с фагорами режут и людей, так называемых еретиков. Ох уж эта мне религия! М-да!

Разговор вернулся на проторенную колею — хозяин и его работники предались воспоминаниям о том, как когда-то те работали еще на отца Мунтраса, человека деспотичного и крутого в обращении, при котором торговля велась ни шатко ни валко, а так, только бы свести концы с концами.

— Вам повезло с таким отцом, хозяин Див, — внезапно заметил один из стариков-клерков.

Див неопределенно кивнул, словно был не совсем уверен в верности такого заявления, и начал выбираться из своего кресла. Подойдя к берегу реки, он задрал голову и принялся глядеть на кручу утеса, откуда доносились приглушенные расстоянием крики.

Через минуту, вернувшись к отцу, он с жаром сообщил ему:

— Там фагоры.

Никто, ни клерки, ни капитан, не ответили ему, и, на мгновение прерванный Дивом, разговор продолжился.

— Там привели фагоров, отец, — не унимался Див. — Какие-то люди собираются бросать их со скалы в воду.

Див энергично указал рукой вверх. В сторону скалы уже смотрели очень многие: и стоящие на берегу, и плывущие по реке в лодках люди.

Вдалеке на горе протрубили в рог и оттуда донесся звонкий лай гончих.

— В Олдорандо нет покоя от крестовых походов, — снова повторил Мунтрас, тяжело поднимаясь на ноги.

— Такова государственная политика, сударь, — осмелился сказать один из клерков, кланяясь и заглядывая снизу вверх в лицо капитану. — Люди убивают фагоров и забирают себе их земли.

— Эти земли не под силу поднять обычному человеку, — холодно отозвался ледяной капитан. — Почему они не оставляют этих бедняг в покое? Они же безвредные, эти фагоры.

Хриплые крики фагоров доносились со скалы довольно отчетливо, но разглядеть, что там происходит, было невозможно. Через некоторое время воздух огласили торжествующие крики людей, и зеленая шапка растительности на вершине утеса ожила и заволновалась. Посыпались камни, полетели обломанные ветви: вынырнувшая наконец из зелени фигура закувыркалась в воздухе, ударилась о камни утеса и снова закувыркалась, растревожив птиц-плакальщиков. Упав на береговые камни, фигура села, попыталась подняться, потом повалилась головой в воду и поплыла по течению. Над водой поднялась трехпалая рука, потом все скрылось — фагор утонул.

— Вы видели? — воскликнул Див и рассмеялся каким-то пустым смехом.

Другой фагор, пытаясь ускользнуть от своих мучителей, попытался быстро сбежать с утеса, но сорвался и, прокатившись по уступам вниз, сильно ударился о камни берега, затем тоже был унесен водой. За первой парой взрослых фагоров последовали другие, такие же рослые, и поменьше, дети-рунты. словно в сказочном сне на глазах застывших у реки людей белесые фигуры сыпались в воду с утеса.

— Нам следует держаться подальше, — сказал старый Мунтрас. — По мне, так нам до этого дела нет. Так, ребята,

готовьтесь поднимать сходни! Все, кто едет дальше, быстро поднимаются на борт! Поворачивайся живей!

Наскоро пожав руки клеркам, ледяной капитан торопливо зашагал к «Деве».

Один из купцов-олдорандцев сказал ему:

— Радостно видеть, что даже в этом отсталом краю жители стремятся избавиться от мохнатой нечисти.

— От фагоров нет никакого вреда, — быстро отозвался Мунтрас, не замедляя шаг и набычив свою крепкую голову.

— А вот и нет, сударь, — эти бестии древнейшие враги человека — во время Ледяных Веков они вырезали людей почти под корень.

— Это было давно и неправда. Нынче времена изменились. А ну, быстро забирайтесь на борт. Пора отчаливать от этого пристанища варваров.

В большинстве своем команда «Лордриардрийской девы», в том числе и капитан, были выходцами из Геспагората. Без лишних разговоров матросы затащили на борт сходни и отдали швартовы. Вскоре судно шло своим курсом вниз по реке.

Как только «Дева» вышла на середину реки, ее пассажиры заметили на воде вокруг бортов трупы анципиталов, плывущие в разводах желтой крови. Неожиданно один из членов команды издал предупреждающий крик. Впереди корабля качался на мелкой волне живой фагор, неуклюже пытающийся плыть.

Мгновенно принесенный шест был спущен за борт. «Дева» шла без парусов, так как ветра не было, однако сила течения была велика и судно несло с большой скоростью. «Дева» стремительно приближалась к несчастному двурогому, но тот сумел сориентироваться быстро. Отчаянно рванувшись вперед и вверх, он схватился за конец шеста обеими лапами. Течение с силой ударило его о борт корабля, но он удержался и уже вскоре выбирался на палубу.

— Зря вы его вытащили, — сухо заметил капитану купец-олдорандец. — Фаги смертельно боятся воды — прошли бы мимо, он бы и утонул.

— Это мой корабль, и мое слово здесь закон, — резко отозвался Мунтрас, мрачно взглянув на купца. — Если вам не по нраву то, что здесь происходит, я вас не неволю — вы можете сойти на берег в любой момент.

Упав на палубу без сил, сталлун некоторое время лежал в луже стекающей с его шерсти воды. Из раны на его голове сочилась сукровица.

— Дайте ему глоток «Огнедышащего», — приказал капитан. — Он парень здоровый — выдюжит.

Проследив за тем, как матросы вынесли из каюты бутыл с крепчайшим димариамианским ликером, Мунтрас отвернулся и ушел к себе.

«Доживая свой век, — думал он, — я с сожалением вижу, как меняется людская природа, как ожесточается, озлобляется, копит ненависть человек, становясь мстительным и ничего не прощающим. Может быть, и тут всему виной жара. Может быть, мы просто чувствуем, что наш мир обречен гореть в огне». Ну что ж, как бы то ни было в ближайшие годы, он встретит будущее в родном Лордриардри, в своем крепком добротном доме, из которого открывается такой замечательный вид на морской простор. В Димариаме всегда было прохладнее, чем в Кампаннлате. Люди там всегда были терпимее.

В Матрассиле он попросит аудиенции у короля Яндол-Анганола, по той самой причине, по которой мудрые люди всегда обращаются к своим могущественным знакомым государям. Королева отправилась в изгнание, а вместе с ней уплыло и кольцо, которое он когда-то давно ей продал; добравшись до Оттассола, он должен будет позаботиться о том, чтобы отправить по назначению известное письмо. Тем временем он, может быть, уже получит первые известия о судьбе несчастной королевы королев. Может быть, он заглянет к Мэтти; ведь другая возможность увидеться с ней ему вряд ли представится. Ощущая внизу живота знакомое сосущее чувство, он с улыбкой думал об отлично исполняющем свое назначение доме терпимости Мэтти, дело в котором было поставлено гораздо лучше, чем в убогих оттассольских при-

тонах. Спору нет, Мэтти хороша, хотя она и не перестает ходить в церковь и усердно молиться с тех пор, как заслужила личную благодарность от короля ЯндолАнганоло, раненного при Косгатте и спасенного лично ею.

Он рад уйти на покой, но что он будет делать в своем Димариаме, вот в чем вопрос. Об этом нужно было крепко подумать; семейный очаг не обещал капитану покоя и удобств. Может быть, он подыщет себе какую-нибудь незначительную должность с необременительными обязанностями, чтобы занять хоть чем-то свой досуг.

Заснул капитан, обняв свой верный клос.

Встретивший Мунтраса Матрассил был молчалив и словно испуган событиями, происшедшими в последние дни.

Беды валились на короля нескончаемым потоком. По донесениям из Рандонана выходило, что солдаты королевской армии Борлиена бегут с полей сражения. Без конца возносимые в церквях Акханаба молитвы не смогли уберечь урожай от засухи. Королевский оружейник, усиленно пытающийся создать ружье по образцу и подобию сиборнельского, пока еще мало чем мог порадовать его величество. Сверх того, в город вернулся Робайдай.

Король ЯндолАнганол отправился верхом на прогулку по окрестностям столицы. Спешившись в тени небольшой рощи, он пошел рядом со своим любимым хоксни, Ветром. Рунт Юлий, ужасно довольный возможностью побывать на вольном воздухе и размяться, верно бежал рядом, чуть приотстав от своего хозяина. Двое верховых охраны тихо ехали позади, стараясь держаться за пределами слышимости. Внезапно прыгнув с дерева, Робайдай предстал перед своим отцом.

— Уж не король ли это, не мой ли повелитель, прогуливающийся в лесу со своей новой невестой?

В неприбранных волосах принца запутались мелкие веточки и древесные листья.

— Роба, ты нужен мне в Матрассиле. Почему ты не хочешь вернуться во дворец?

Король не знал, что ему делать — гневаться или радоваться такому неожиданному явлению наследника.

— Я не хочу возвращаться во дворец, потому что мне там душно. Там я чувствую себя узником в роскошной клетке. Согласись, отец, есть разница между воздухом полей и лесов и вонью сырого подвала, в котором сидит мой дед. Хотя я и сейчас несвободен — вот если бы у меня не стало родителей, тогда я обрел бы настоящую волю.

Глаза Робы дико блуждали. Речь его была путана и невнятна. Он был абсолютно наг, если не считать куска звериной шкуры, обернутой вокруг чресел наподобие килта. Ребра на его тощем теле, испещренном шрамами и царапинами, торчали. В руке Роба сжимал дротик.

Стукнув тупым древком оружия о землю, Роба бросился к рунту Юлию и, крепко схватив его за лапу, притянул к себе. Молодой фагор протестующе закричал от боли.

— А, вот вы где, моя дражайшая королева, моя мачеха — как вы прекрасны в это время дня, как великолепно играет солнце на вашем белом меху с красными перьями! Вы так тщательно скрываете свое дивное тело от палящего солнца, бережете его для своего друга, предпочитающего бросаться на вас, будто вы ветка дерева, к примеру. Или свиная матка. Или нарушенная клятва.

— Отпустите, больно! — всхлипывал маленький фагор, пытаясь вырваться на свободу.

Стремительно бросившись вперед, король ЯндолАнганол попытался ухватить сына за плечо, но тот оказался проворнее и успел увернуться. Поймав свисающую с дерева каспиарн цветущую лиану, Робайдай одним быстрым движением обернул ее вокруг шеи Юлия. Пытаясь вырваться, рунт забегал кругами, хрипя и отдирая цепкое растение от горла. Король ЯндолАнганол наконец сумел схватить своего сына.

— Я не стану тебя трогать, но прошу прекратить дурачиться и говорить со мной со всем уважением, с которым обращаюсь к тебе я. По-моему, я этого заслужил.

— Ах, Боже мой, Боже мой, какие речи! А как же поруганная честь моей матери — почему я не могу взять с тебя

пример? Ты пригвоздил ее к земле рогом фагора, ты увяз по уши в своих лукавых происках!

Роба вдруг разрыдался и, получив от отца пощечину, отшатнулся назад.

— Сейчас же прекрати пороть чушь. Молчи, или, клянусь, я заставлю тебя это сделать. Возьми себя в руки, ибо если, по счастью, окажется, что ты сохранил остатки разума, то мое место по согласию Панновала сможешь занять ты и ты сможешь жениться на Симодее Тал. Если нам удастся добиться согласия на это у Священной Империи, тогда эта беда — еще не беда. Почему ты всегда думаешь только о себе, сын?

— Потому что я хочу отвечать только за свои собственные поступки!

— Что за выходки, Роба? Ты что, забыл, кто ты? Ты забыл, что ты принц Борлиена? Что ж, это легко исправить — мы запрем тебя во дворце и будем держать, пока память не вернется к тебе.

Прижав руку к разбитой губе, Роба пробормотал:

— Может быть, я сошел с ума, но так мне по крайней мере легче жить на этом свете. Да, я хочу забыть, кто я такой.

Два лейтенанта эскорта встревоженно подъехали к ним, держа наготове обнаженные мечи. Повернувшись к ним, король приказал им спешиться и схватить принца. Как только отец отвернулся, Роба сильным рывком высвободился из его рук и огромными скачками умчался в чащу, что-то выкрикивая на бегу.

Моментально один из лейтенантов вложил в свой арбалет стрелу, но король запретил ему стрелять. Останавливать своего сына такой ценой он не хотел.

— Робайдай плохой, — пропищал полупридушенный Юлий.

Не обращая внимания на жалобы рунта, король вскочил в седло своего Ветра и поскакал во дворец. Его черные брови были нахмурены и сейчас он напоминал орла гораздо больше, чем за все те времена, пока носил это прозвище.

Уединившись в своих покаях, ЯндолАнганол погрузился в пбук, к чему прибегал лишь в крайне редких случаях. Опустив свою душу вниз к Прародительнице, он встретился с останками своей матери и беседовал с ними. Но встреча с матерью мало утешила его. Она посоветовала ему не винить себя за смерть мирдолаторов, потому что те готовили государственный переворот, а главное — принимать жизнь такой, какая она есть.

Хитроумный отец короля, все еще влачащий свое существование в сыром дворцовом подвале, оказался более практичным. Казалось, что у ВарпалАнганола готов совет на все случаи жизни.

— Постарайся подогреть скандал вокруг Пашаратида. Прикажи своим людям начать распространять слухи. Ты должен попытаться вовлечь в дело жену Пашаратида, которую нахал-муж бросил в столице, как будто бы с поручением вывезти его деловые бумаги. Любой слух, порочащий Сиборнел, сейчас на вес золота.

— А что мне делать с Робайдаем?

Старик хитро прикрыл один глаз.

— С ним ты ничего пока поделать не можешь и потому оставь его в покое. Тем временем постарайся ускорить свой развод и приблизить женитьбу, — это может оказаться полезным.

Король ЯндолАнганол молча прошелся по темнице.

— Но если так, то я окажусь в руках Це'Сарра?

Старик, прежде чем заговорить снова, долго откашливался.

— Говорят, там, снаружи, жарко. Я совсем не чувствую жары, — неужели люди стали такими изнеженными? Послушай, Ян, наши друзья в Панновале хотят, чтобы ты оказался в руках Це'Сарра. Это устраивает их, но, как я вижу, далеко не устраивает тебя. Как поживает королева-изгнанница?

Король понял, что отец сказал ему все, что хотел сказать, и продолжение разговора бессмысленно.

В далекий Панновал через Квизинт был отправлен в сопровождении хорошо вооруженного отряда посланник, с поручением передать Первосвященному Це'Сарру, Главе Священной Панновальской Империи, письмо с просьбой ускорить выдачу грамоты с разрешением на развод. Вместе с письмом посол вез драгоценные иконы и прочие подарки, в том числе и священные реликты, на скорую руку сфабрикованные церковными матрассильскими умельцами.

Расправа над мирдолаторами, как это стали теперь называть, не выходила из головы горожан и депутатов скритины. Шпики докладывали о ширящемся движении недовольных в столице, о готовящемся якобы восстании, о гонцах, отправленных в Оттассол для того, чтобы заручиться поддержкой у тамошних обиженных баронов. Королю срочно нужен был козел отпущения и им стал Главный Советник СарториИвраш.

СарториИвраш мог стать в глазах нации отличной жертвой. Народ не доверял интеллектуалам, а у скритины были свои причины ненавидеть приспешника короля Орла, во-первых, за его принципиальность, а во-вторых, за его раздражающее красноречие.

Обыск покоев советника наверняка мог дать состав преступления того или иного сорта. В кабинете СарториИвраша хранились заметки по поводу его экспериментов по скрещиванию иных, мади и людей, которые он проводил в отдаленном от дворца тайном питомнике. Кроме того, там были, конечно же, и любопытные с различных точек зрения бумаги его бесценного «Алфавита Истории и Природы». В рукописях этой книги можно было надеяться отыскать более чем достаточно ереси, наговоров, а то и просто лжи против скритины и Святой Церкви. И тот и другой институты, получив такие улики, будут лизать от восторга сапоги короля! Обдумав все это, Орел послал к советнику солдат, возглавляемых самим Архиепископом Матрассильского Собора БранцаБагинатом, личностью, широко известной своей твердостью и непримиримостью.

Обыск, предпринятый в покоях советника, оказался даже более удачным, чем ожидалось. Огромное количество бумаг

преступного содержания было вынесено во двор замка и сложено там в кучу. Но к тому же в кабинете СарториИрвраша был обнаружен вход в потайную комнату. В этой комнате был найден тайный пленник советника, человек любопытнейшей наружности. Когда, по приказу архиепископа, солдаты тащили пленника к королю, тот на староолонецком языке, совершенно безумным голосом кричал, что прибыл из другого мира.

Несмотря на то что уже было двадцать минут четырнадцатого после полудня, туман еще не рассеялся; напротив, мгла делалась еще гуще, принимая желтоватый оттенок. Город внизу был полностью затянут туманом и дворцовый утес словно плыл посреди бескрайнего моря, вздымаясь над ним своими дымоходами как медленно погружающийся в пучину корабль. И быть может, именно туман был причиной столь резких колебаний в настроении и состоянии короля. Он поминутно находился то между гневом, жаждой крови и жалостью, то между спокойной рассудительностью и диким возбуждением. Неприбранные волосы Орла стояли дыбом, нос то и дело кровоточил. По коридорам дворца он не ходил, а стремительно бегал.

Когда советник и трепещущий от ужаса Билли были представлены королю, тот начал с того, что наотмашь ударил СарториИрвраша по лицу. Потом легко, как тряпку, подняв пожилого человека с пола, Орел прижал его к груди и разрыдался, принявшись умолять простить его горячность, пачкающая чарфрул советника новой обильной порцией крови из носа.

В момент наивысшего раскаяния короля ему доложили, что во дворец прибыл ледяной капитан Мунтрас, чтобы выказать свое уважение монарху.

— Пусть придет позже, — ответил король. — Нет, попросите его подождать, я скоро выйду к нему. Проклятие, он может подождать, я спрашиваю вас? Весь мир может подождать со своими делами!

Но уже через минуту он закричал:

— Бог с ним — зовите этого ледяного капитана. Пускай он тоже подивится на эту проделку природы над родом человеческим.

Последнее относилось к Билли Ксиао Пину.

Напуганный видом окровавленного лица короля, Билли, нервы которого после приключений последних дней и в особенности последней ночи, были в ужасном состоянии, стоял, переминаясь с ноги на ногу, и из всех сил старался не разрыдаться, что было бы сейчас, конечно, крайне неуместно. На его родном Аверне людей, позволяющих себе подобное тому, что вытворял сейчас король, давно бы уже отправили в психический изолятор.

В дверях комнаты с поклоном появился Мунтрас.

Поприветствовав короля, ледяной капитан принялся с любопытством озиаться по сторонам, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Король едва ответил на приветствия Мунтраса. Указав на груды подушек, он бросил:

— Можете присесть там — смотрите и молчите. Перед вами то, что мы нашли в гнилом гнезде предательства, — глядите же и удивляйтесь.

Быстро повернувшись к Билли, король спросил:

— И сколько же лет тебе пришлось томиться в застенке СарториИрвраша, неизвестное создание?

Несколько сбитый с толку великосветским характером обращения короля, Билли ответил не сразу:

— Неделя... может быть, восемь дней... я не помню, ваше величество.

— Восемь дней и есть неделя, чужеземец. Что ты такое: результат неудачного эксперимента?

Король расхохотался над своей шуткой, а вместе с ним подобострастно подхватили смех и все присутствующие.

— Просто от тебя воняет... как от неудачного эксперимента.

И он опять засмеялся.

Вызвав двух рабов, король велел им вымыть Билли и дать ему чистую одежду. Когда пленник принял подобаю-

щий вид, были поданы вино и еда. Проворные прислужники, изгибаясь словно ходячие луки, принесли на больших подносах дымящееся мясо козленка с красным рисом.

Пока Билли утолял голод, король, пренебрегающий в минуты волнения едой, расхаживал по залу, о чем-то размышляя. Вместе с королем по залу неуклюже расхаживал и архиепископ БранцаБагинат, здоровенный пузатый мужчина, своими объемистыми формами, обтянутыми шафраново-пурпурной мантией с кружевами, напоминающий боевой сиборнельский корабль, мчащийся под всеми парусами. Тяжелое лицо архиепископа могло принадлежать первому деревенскому драчуну и кулачному бойцу, если бы не мелькающий то и дело в прищуренных глазках священнослужителя юмор. При дворе архиепископ пользовался всяческим уважением, как человек дошлый и очень умный, а также как союзник короля ЯндолаАнганола со стороны Святой Церкви.

Когда король останавливался, БранцаБагинат останавливался тоже, нависая над ним своей тушей и составляя яркий контраст босому Орлу, облаченному только в бриджи и распахнутую куртку, в которой видна была его бледная грудь.

Зал, в котором они находились, представлял собой нечто среднее между приемной и кладовой. По полу было разбросано множество старых, потертых и даже покрытых плесенью подушек и разномастных ковров, кроме того, в одном из углов стояли старые деревянные обивочные панели. В окне был виден узкий проход; время от времени там проходили какие-то люди, вероятно, слуги, с кипами бумаг в руках — они переносили во двор архив СарториИрвраша.

— Позвольте мне задать незнакомцу один вопрос, ваше величество, — попросил, обернувшись к королю, БранцаБагинат. — Религиозного свойства.

Не услышав в ответ ничего, что могло бы означать запрет, дигнитарий направил свои паруса в сторону Билли и спросил:

— В том мире, из которого ты прибыл, тоже правит Акханаба Всемогущий?

Неохотно оторвавшись от еды, Билли утер рот.

— Я уверен, что вы понимаете, как легко мне дать вам ответ положительный и способный порадовать вас. Поскольку я не имею желаний расстраивать ни вас, ни его величество, могу я начать с того, что скажу, что мой ответ будет неправдой?

— Встань, когда разговариваешь со мной, существо! Я задал тебе вопрос и ты должен дать мне на него правдивый ответ, и не твое дело решать, понравится ли он мне или нет.

Нервно утирая рот, Билли поднялся перед могучим священником на ноги.

— Сударь, человеческая природа такова, что на определенной, начальной, ступени развития Бог необходим ему. Подобно детям, мы нуждаемся в любви и заботе, в отце, который способен помочь нам возмужать. Возмужав физически, человек по-прежнему ищет подобный же отеческий образ, который мог бы следить за его делами и вести их учет. Этот вымышленный образ обычно носит название «Бог». И только после того, как большая часть человечества достигнет зрелости духовной, когда люди смогут сами управлять своим поведением, необходимость в Боге отпадет — подобно тому как, став взрослыми и научившись заботиться о себе сами, мы больше не нуждаемся в присмотре отца.

Видимо, удивленный таким ответом, архиепископ потер мясистую щеку.

— Из твоих слов выходит, что прибыл ты из мира, где вы сами присматриваете за собой, устранив от этой должности Бога? Ты это хочешь сказать?

— Совершенно верно, сударь.

Отвечая, Билли смотрел на архиепископа как загнаный зверек. Ледяной капитан, придвинувшись ближе к говорившим, внимательно прислушивался, хотя и делал вид, что полностью занят королевским угощением.

— Этот мир, из которого ты прибыл, — как он называется, Аверн, что ли? Вы там счастливы?

Этот невинный на первый взгляд вопрос архиепископа смутил Билли чрезвычайно. Если бы этот вопрос ему был

задан несколько недель назад, например, его Наставником, он ответил бы не задумываясь. Он сказал бы, что счастье определяется мерой знания, а не суеверия, уверенностью, а не сомнением, твердой правящей рукой, а не надеждой «на авось». Он ответил бы, что знание, уверенность и управление — одной и той же сути благодетели, руководящие жизнью обитателей Станции Наблюдения. При упоминании Акханаба как залога удачи он даже посмеялся бы — а с ним, наверное, выдал бы из себя сухой смешок и Наставник.

Но здесь, на Гелликонии, все происходило иначе. Он все еще способен был смеяться над идолопоклонничеством верователей в Акханаба. Но в то же время он уже понимал и видел всю глубину и силу понятия «безбожный мир». Из мира безбожного он попал в мир варварский. И несмотря на свои неудачи и несчастья, он теперь знал твердо, в котором из миров вера в счастье и удачу заложена была в людях крепче.

Как только Билли запнулся, затруднившись с ответом, заговорил король ЯндолАнганол. Все это время король обдумывал только что услышанное от Билли.

— Но что будет тогда, если у кого-то не окажется стойкого образа отца, ведущего его к возмужанию по-настоящему? Что будет тогда? — спросил король с вызовом.

— Тогда, возможно, на помощь тут действительно сможет прийти Акханаба, способный поддержать нас в трудную минуту верой в себя. Или же человек этот сможет отвергнуть Бога совершенно, точно так же как мы вычеркиваем из себя образ отца, который бросает нас.

После этого ответа из носа короля снова потекла кровь.

Воспользовавшись паузой, Билли повернулся к БранцаБагинату, чтобы ответить и ему тоже.

— Достопочтенный господин, — заговорил он с превеличенной уверенностью, — являясь персоной высокого статуса, я выражаю протест против несправедливого и неподобающего обхождения, которое оказано мне в этом дворце. Я требую, чтобы меня немедленно освободили. Получив свободу, я буду счастлив предложить вам свои

услуги. Мы сможем работать вместе. Я знаю о вашем мире много такого, что очень важно для вас, и в награду не попрошу ничего...

Хлопнув огромными ладошами, архиепископ ласково проговорил:

— Не обольщайся понапрасну, — ты сам знаешь цену своим словам. Твоя важность во всем, кроме того, что касается свидетельствования против советника СарториИрвраша в обвинении его в заговоре против королевского дома, равна практически нулю.

— Как можете вы говорить о моей незначительности, даже не попытавшись проверить мою значимость? Вот что я скажу вам — предположим, что сию минуту тысячи людей следят за тем, что происходит между нами. Эти невидимые зрители ждут от вас мудрого решения в отношении меня, по которому они смогут судить о вас дальше. Ваше решение повлияет на то, в каком качестве вы останетесь в истории.

Краска прилила к щекам архиепископа.

— Никто, кроме Всемогушего, не может сейчас видеть нас. Твоя бессовестная ложь о возможности существования безбожных миров может разрушить наше государство до основания. Придержи язык, если не хочешь кончить свои дни на костре.

Под влиянием внезапного отчаянного порыва Билли приблизился к королю, показывая ему свои часы с тремя рядами мигающих цифр.

— Ваше величество, я умоляю вас освободить меня. Взгляните на этот принадлежащий мне предмет. Точно такой же имеется у каждого обитателя Аверна. Это часы, — как видите, на них отображено время Гелликонии, Аверна и другого, далекого, главенствующего мира, приславшего моих братьев сюда, называющегося Земля. Эти часы — знак наших достижений в овладении силами окружающего нас мира. Если вы отнесетесь ко мне с вниманием и доброжелательностью, то я предоставляю в ваше распоряжение и другие чудеса, по сравнению с которыми эти часы — просто ничто. На Борлиене мне нет равных в знании.

В глазах короля проснулся интерес. Отняв от носа шелковый платок, он спросил:

— Может быть, в таком случае ты сможешь изготовить для меня надежное фитильное ружье, равное по мощи сиборнельскому?

— Конечно. Фитильное ружье — это просто. Я могу...

— А кремневое ружье со спусковым крючком? Можешь ты сделать кремневку?

— Знаете, сударь, я не могу ответить вам сейчас наверняка, здесь многое зависит от прочности металла, имеющегося у вас в распоряжении. Могу сказать с уверенностью, что я смогу построить... знаете, в моем мире никто такими вещами давно уже не занимается, — войны устарели.

— Так что же, у вас совсем не производится оружие? Хоть какое-то оружие ты сможешь сделать?

— Сударь, мне хотелось бы, чтобы вы сначала взглянули на мои часы, которые я почтительно прошу вас принять от меня в подарок в знак моей доброй воли.

Сняв часы с руки, Билли протянул их королю, который даже не сделал попытки принять подарок.

— И прошу вас освободить меня. После этого я хотел бы встретиться с учеными людьми вашей страны, такими, как присутствующий здесь архиепископ, чтобы безвозмездно передать им имеющиеся в моем распоряжении знания. Очень скоро, уверяю вас, мы сможем наладить производство удобных небольших пистолетов, радиопередатчиков и приемников, двигателей внутреннего сгорания и...

Заметив выражение лиц короля и архиепископа, Билли замолчал, передумав говорить то, что хотел сказать дальше, и вместо этого снова умоляюще протянул часы королю.

Король наконец соизволил взглянуть на настойчиво предлагаемый ему странный предмет, под маленьким стеклышком на лицевой панели которого изменялись и мигали цифры. Поколебавшись, его величество взял часы; он и архиепископ рассмотрели их, перешептываясь. Пророчество о том, что появление магических механизмов явится предвестием низвер-

жения любых основ государства и разрушения всей Империи, было известно всем и каждому.

— Можно ли при помощи этой волшебной машинки узнать, сколько лет мне осталось владычествовать? Или, может быть, она сумеет указать мне возраст моей дочери?

— Ваше величество, эти часы — продукт научной мысли и только, но никак не волшебства. Их корпус изготовлен из платины, пересекающей необъятные просторы космоса...

Король небрежно подкинул часы на руке.

— Эта драгоценность несет с собой зло. Можешь не разубеждать меня, чужеземец, я знаю это точно. Короли обладают даром предвидения, которым среди прочих отмечены разве что только астрологи. Так зачем же ты пришел в город Матрассил?

С этим вопросом король протянул часы обратно Билли.

— Ваше величество, я пришел, чтобы увидеть королеву.

Подобным ответом король был поражен настолько, что, поспешно сделав шаг назад, уставился на Билли так, словно увидел перед собой призрак.

— Видишь, архиепископ, он, оказывается, не только безбожник, но еще сверх того и мирдолатор, — бросил, не поворачиваясь, король БранцаБагинату. — И что же ты еще удивляешься тому, что тебя неласково тут приняли? Сколько можно выслушивать от тебя загадок? У меня больше нет на это терпения. Сдается мне, что ты не сумасшедший, да и на шута тоже не похож. Так откуда ты взялся? Из реторты СарториИвраша?

Говоря это, король вместе с архиепископом угрожающе надвигались на Билли, пугливо отступающего к стене. Остальные присутствующие, торопясь продемонстрировать его величеству свою ненависть к недожаренному мирдолатору, двинулись следом, образовав вокруг несчастного чужака круг.

В это время, поднявшись со своих подушек, Криллио Мунтрас подошел к королю.

— Ваше величество, могу я осмелиться обратиться к вам с просьбой задать допрашиваемому вопрос? Мне хотелось бы знать, на каком именно корабле он прибыл со своего мира?

Король оглянулся на ледяного капитана, словно не зная, что ему делать. Помолчав немного, он спросил Билли, не отрывая окровавленного платка от носа:

— Ну что, существо... Посредством какого устройства ты прибыл к нам? Ответь, пожалуйста, ледяному капитану, он уважаемый человек.

Вжавшись в стену, чтобы не касаться необъятного пуза БранцаБагината, Билли пролепетал:

— Мой корабль был построен целиком из металла и был совершенно герметичен, чтобы предотвратить утечку необходимого для дыхания воздуха в пустоту космоса. Если вы позволите мне, я постараюсь пояснить свои слова при помощи рисунков. Наука моего мира развита чрезвычайно, и я бы мог быть очень полезен Борлиену... Корабль мой опустил меня на земли Борлиена в целости и сохранности, а потом улетел сам по себе, вернувшись в мой мир.

— Как прикажешь тебя понимать — он что, способен мыслить, твой корабль? Он живой?

— Мне сложно ответить на этот вопрос однозначно. Да, в каком-то смысле мой корабль способен мыслить. Он способен производить вычисления, необходимые для прокладывания курса, различать окружающие предметы, разумно ориентироваться между ними. Однако живым назвать его нельзя.

Медленно нагнувшись, король ЯндолАнганол поднял с пола кувшин с вином и, не спуская с Билли глаз, занес его над своей головой.

— Сдается мне, что кто-то из нас, ты, создание, или я, сошел с ума. Вот этот снаряд тоже обладает разумом и тоже способен летать сам собой. Смотри же!

С этими словами король швырнул кувшин в стену. Пронесшись по воздуху, кувшин с треском разбился о камень, расплескав по нему содержимое. Внезапность выхода короля заставила всех присутствующих застыть в неподвижности, словно обратившись в фагоров.

— Ваше величество, я всего лишь пытался донести до вас истину... — Не выдержав, Билли оглушительно чихнул.

— Чувство вины и долга, а также гнев, заставляют меня пытаться добиться от тебя толка. Хотя к чему все эти усилия? Зачем мне возиться с тобой? Меня всего лишили, у меня ничего не осталось, мой дворец — пустая кладовая со снующими крысами вместо придворных. У меня уже отняли все, но тем не менее продолжают еще чего-то требовать. Ты тоже чего-то добиваешься от меня... Демоны обступили меня со всех сторон... Мне снова нужна епитимья. Архиепископ, наложи на меня свою легкую руку. Передо мной изготовленный СарториИрврашем лукавый демон, у меня больше нет в этом сомнений. Завтра я попытаюсь обратиться с увещеваниями к скритине и что-то изменить. На сегодня сил во мне не осталось — я всего-навсего несчастный отец непутевого сына, у меня без остановки идет кровь...

И тихим голосом, словно обращаясь только к самому себе, король добавил:

— В первую очередь нужно будет попытаться изменить себя.

С измученным видом король опустил глаза. Капля крови сорвалась с его носа и упала на пол. Ледяной капитан кашлянул. Как человек сугубо практичный, он испытывал растерянность, оказавшись свидетелем эмоциональной вспышки монарха.

— Государь, я понимаю, что выбрал не самое лучшее время для визита. Я обычный торговец, и потому ждать от меня больше того, на что я способен, напрасно. Много лет подряд я доставлял во дворец лучший лордриардрийский лед, вырубленный под моим личным надзором из самых чистейших ледников, и никогда не гнался за легкой прибылью. Теперь же, господин, я вынужден поблагодарить вас за оказанное мне в вашем дворце гостеприимство и откланяться, потому что не смогу долее иметь счастье видеть вас, ибо хочу удалиться от дел навсегда. Хотя туман на реке все еще держится, я полагаю, что для меня лучше будет отъехать сейчас же швартовы и отправиться домой.

Речь ледяного капитана тронула короля, который, не-

много оживившись, положил на плечо Мунтраса руку. Глаза капитана были круглыми и совершенно невинными.

— Жаль, что меня не окружают такие люди, как вы, капитан, изрекающие вещи только простые и разумные. Вы славно служили, и я благодарен вам. Я помню все, включая и то, как вы помогли мне в день, когда я, раненный в этой мерзкой переделке при Косгатте, истекая кровью, полз по улицам Матрассила. Вы истинный патриот.

— Сударь, я патриот моей родины, Димариама — куда я теперь собираюсь вернуться, чтобы поселиться там в тиши и покое. Это плавание — мое последнее. Мое дело, ледяная торговля, будет продолжена моим сыном, который, я уверен, выкажет вам и... гм... бывшей королеве не меньшую преданность, чем пытался выказать я. Солнца припекают все жарче и жарче, ваше величество, возможно, дворцу понадобится больше льда.

— Капитан, вы заслужили награду за ваш труд. Сейчас я почти нищ, от скритины, погрязшей в скаредности и дрязгах, ждать нечего, но я хочу вас наградить — что хотите вы получить в награду за свою преданность?

Мунтрас переступил с ноги на ногу.

— Сударь, я служил вам не ради награды, просто потому что был горд и рад тому, что мог вам угодить, да и не стою я того, но уж коли зашел такой разговор, могу я предложить вам обмен? Держа курс к Матрассилу, я, проникшись вдруг состраданием, спас из реки фагора, обреченного на гибель погромщиками, участниками крестового похода. Сейчас двурогий совершенно оправился после своего пребывания в воде, часто оканчивающегося для его сородичей печально, и собирается искать себе обиталище вдали Кахчаззрха, где его род подвергают преследованиям и гонениям. Я готов преподнести вам этого сталлуна в качестве раба, если вы согласитесь отдать мне вашего узника, кем бы он ни был, демоном или чем другим. Согласны ли вы на такой обмен?

— Можешь забирать себе этого выроodka, если хочешь. Забирай его и уводи скорее с глаз моих долой. А взамен, капитан, я не приму у тебя ничего. Если ты возьмешь на

себя труд вывезти это за пределы моего королевства, я еще останусь у тебя в долгу.

— Тогда я сейчас же забираю его с собой. И все-таки, ваше величество, я пришлю вам моего фагора в знак того, что в будущем мой сын сможет предлагать во дворец свой товар на тех же свободных условиях, как и я. Он хороший парень, мой Див, хотя, сударь, пока и не превосходит своего отца, к сожалению.

Так Билли Ксиао Пин перешел в руки ледяного капитана.

На следующий день легкий бриз рассеял поднимающийся от реки туман, а вслед за туманом рассеялась и тоска короля. Сдержав свое обещание, он отправился в скритину, перед которой выступил с речью.

По мнению многоглазого существа, покашливающего и с интересом взирающего на Орла со своих жестких церковных скамеек, король сегодняшний разительно отличался от короля вчерашнего. Коротко, но недвусмысленно отметив нечистую роль советника СарториИрвраша, однозначно виновного в упадке государственного состояния на сегодняшний день, король ЯндолАнганол счел нужным исповедаться и сам.

— Господа парламентарии, когда я восходил на престол Борлиена, вы клялись мне в верности. Дела нашего любезного сердцу королевства не всегда шли наилучшим образом, что я, конечно, не отрицаю и никогда не отрицал. Любой король, каким бы всемогущим он ни был, с каким бы радением ни относился он к состоянию своих подданных, иногда просто не в состоянии переломить ситуацию. Я, к сожалению, не способен отменить одним своим указом засуху или запретить солнцам проливать свой свет на наши земли, измученные жарой.

На душе моей нет покоя, поскольку на ней лежит грех преступления. Подстрекаемый моим советником, я согласился на расправу с мирдолаторами. Я каюсь в этом перед вами и прошу у вас прощения. Но помыслы мои и в тот ужасный миг были чисты, — убийством я надеялся принести мир и согласие в королевство, предотвратить в нем

дальнейший раскол. Я отказался от своей королевы, а оставив ее, я оставил также и похоть и все помыслы о личном благе. Мой следующий брак, с принцессой Симодой Тал из королевского дома Олдорандо, будет чисто династическим и целомудренным, целомудренным, клянусь вам. Я не притронусь к моей будущей жене — разве только наследника ради. Я отлично понимаю нелепость разницы наших возрастов и то, что наш брак неравный совершенно, и тем более прошу понять меня. С настоящего времени я собираюсь целиком и полностью посвятить себя делам своей страны, ее благополучию. Я приношу вам свое обещание и клянусь в верности и покорности, но в обмен, господа, хочу услышать от вас то же самое.

Говорил король с трудом, в горле его словно стоял комок, в глазах копилась слезы. Его слушатели сидели в полном молчании, неотрывно глядя на своего монарха. Мало кто сочувствовал ему; большая часть присутствующих депутатов злорадствовали и уже строили планы по поводу того, какую выгоду можно будет извлечь из внезапной перемены настроения и ослабления решительности монарха.

У Гелликони не было спутников, но приливы все же имели место. И, по мере приближения к планете Фреира, ее водяная оболочка переживала увеличение приливной силы на шестьдесят процентов больше, чем когда хозяин небес находился в апоастре, иначе говоря, на удалении более чем семи тысяч астрономических единиц.

Поселившись в своем новом доме, королева МирдемИнггала стала часто гулять в одиночестве по берегу моря. На время прогулок мысли, мучительно угнетающие ее в другое время, улетучивались и приходил покой. Берег моря представлялся ей как бы ничейной, переходной полосой между королевством моря и королевством суши. Берег напоминал ей матрасильский тускло освещенный садик, пребывающий где-то посреди ночи и дня, теперь, к сожалению, такой далекий. Часто глядя вдаль на горизонт, она думала о том, удалось ли ледяному капитану выполнить ее просьбу

и доставить адресату, генералу далекой войны, заветное письмо.

Ее одежды были по преимуществу бледно-желтого цвета. Цвет этот как-то незаметно пришел вместе с одиночеством. В прошлой жизни ее любимым цветом был красный, но с известных пор красного она больше не носила. Свистящий шелест морского прибора требовал, как ей казалось, желтого цвета.

Выкупавшись, королева оставляла Татро играть на пляже, а сама отправлялась на прогулку вдоль высокой линии прилива. Фрейлина, испытывая от странностей королевы досадливую неловкость, осторожно следовала за своей госпожой в некотором отдалении. На песке тут и там торчали пучки жесткой травы. Иногда пучки травы росли густо, образуя подобие лужаек-островков. Стоило отойти от пляжа на десяток шагов в глубь суши, как растительность заметно менялась. Первыми появлялись мелкие белые стойкие маргаритки с покрытыми жесткой кожицей стеблями. Дальше попадались небольшие приземистые растения с мясистыми и ленточными, почти как у водорослей, листьями. Названия их МирдемИнггала не знала, но собирать очень любила. Вслед за этими приземистыми растениями появлялись другие, с темными листьями, уже почти деревца, которые, задыхаясь между жесткой травой и песком, сбивались в рощицы, словно надеясь выжить сообщая там, где условия для этого были более приемлемыми. Позади, за спиной у этих отважных захватчиков новых территорий, лежала прилизанная волнами береговая полоса с обычным морским мусором. Дальше шли жидкие почвы, где начинали расти маргаритки покрупнее, с уже довольно большими цветами. Затем берег наводнялся уже менее яркими травами и деревьями, плодородная почва брала свое, и лишь кое-где в нее еще врезались песчаными языками посланники пляжа.

— Мэй, ты почему опять такая грустная? По-моему, здесь прелестно.

Первая фрейлина, с ума сходящая от безделья, надула губки.

— Про вас, сударыня, говорят, что вы самая красивая и удачливая женщина во всем Борлиене.

Никогда прежде Мэй ТолрамКетинет не позволяла себе разговаривать со своей госпожой в таком тоне.

— Как же это вам не удалось удержать мужа?

Королева королев ничего не ответила. Женщины продолжали свой путь вдоль берега, иногда рядом, иногда расходясь. МирдемИнггала проходила мимо кустарников с глянцевиной листвой, осторожно касаясь листочков кончиками пальцев, словно лаская их. Иногда под сенью кустов от ее ноги что-то с встревоженным шипением бросалось петлями в тень.

Королева посмотрела на покорно бредущую следом печальную фрейлину, так страдающую в изгнании, и тихо сказала:

— Все будет хорошо, Мэй.

Мэй ничего не ответила.

Глава XI

ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕРНЫЙ КОНТИНЕНТ

На пожилom человеке был короткий, выдавший виды кидрант. Его голову покрывала похожая на корзину соломенная шляпа, защищающая морщинистую шею и лысину от солнца. Время от времени он подносил к губам зажатый в трясущейся руке вероник, чтобы сделать затяжку и пыхнуть дымом. Человек собирался уйти из дворца, уйти потихоньку, ради своего же блага.

Позади него виднелась легкая повозка, в которую загодя были уложены его нехитрые пожитки и остатки имущества. Повозка была запряжена парой хоксни. Ничто больше не держало СарториИрвраша во дворце.

Покуривая в ожидании возницы, бывший советник равнодушным взглядом следил за тем, как на противоположной стороне дворцовой площади сгорбленный раб, еще более древний, чем он сам, ворошил сваленные в здоровенную кучу рукописи.

Дым от костра поднимался в бледное небо. Несмотря на то что серые пасмурные сумерки покрывали собой все сущее, жара по-прежнему стояла такая же невыносимая. Пепел, выброшенный из щедрого жерла недавно родившегося чуть в стороне от Матрассила вулкана и принесенный к городу восточным ветром, сыпал не переставая. Но до серой золы СарториИрврашу не было дела; его внимание привлекала зола черная. Горелая бумага, медленно кружась, опускалась к его ногам. В этом костре обращался в пепел его знаменитый манускрипт под названием «Алфавит Истории и Природы».

Глядя на эту золу, он никак не мог унять дрожь рук, и его вероник разгорался все чаще и ярче, словно крохотный вулкан.

— Я принесла вашу одежду, хозяин, из той, что еще оставалась, — сказали позади него.

Обернувшись через плечо, он увидел свою служанку-рабыню, протягивающую ему новый увязанный узел. Взглянув бывшему советнику в лицо, рабыня сочувственно ему улыбнулась.

— Мне очень жаль, что с вами так обошлись, хозяин.

Он заглянул ей в лицо.

— Значит, тебе жаль расставаться со мной, женщина?

Рандонандка кивнула и опустила глаза. «Ага, — подумал он, — ей нравилось заниматься со мной румбо, хотя и не часто это случалось — а я-то ни разу даже не потрудился спросить ее об этом. И не от черствости и эгоизма я был таким, просто я был весь в себе, мои чувства по отношению к внешнему миру были притуплены. Занимаясь наукой, я никогда по-настоящему не замечал людей. Не замечал никого, кроме маленькой Татро».

— Сегодня не самый лучший день в моей жизни, женщина, не самый удачливый. Может быть, это начало черной

полосы, не знаю. Вот так. Не стоит тебе стоять на улице, иди внутрь. Спасибо тебе за все.

Прежде чем уйти, она снова взглянула на него — в последний раз.

— Вы готовы? — крикнул появившийся вдруг возница. Лицо его было закрыто капюшоном, но, несмотря на это, было видно, что человек он молодой и сильный. Не дожидаясь ответа, он уселся на запятки. Почувствовав хозяина, хоксни встрепенулись в своей упряжи.

Сартори Ирвраш все медлил. Он указал своим вероником в сторону дымящегося костра.

— Вот горит труд моей жизни, знания, которые я копил десятилетиями.

Говоря так, он обращался по преимуществу к самому себе.

— Вот это-то и непростительно, этого я допустить не могу. Никогда. Вся работа, такой огромный труд...

Тяжело вздохнув, он забрался в повозку и сел. Возница стегнул хоксни, и повозка медленно покатила к воротам дворца. Во дворце оставались не только его враги, тут были и любящие его души; но даже они, страшась королевского гнева, не рискнули показаться и попрощаться с ним, пожелать доброго пути. Твердо глядя перед собой, бывший советник часто моргал глазами.

Его будущее было более чем туманно. За плечами у него осталось ни много ни мало тридцать семь лет и восемь теннеров — он давно уже перевалил тот рубеж, что принято называть «средним возрастом». Возможно, ему стоило попытаться получить пост советника при дворе короля Сайрена Станда, но и король этот, и его страна были ему совершенно не симпатичны, к тому же в Олдорандо было слишком жарко. Он всегда старался держаться подальше от своих родственников и родственников своей покойной жены в Матрассиле. Его брат давно умер. А дочь советника влачила со своим мужем убогое существование в пыльном провинциальном городке на юге близ границы с Трибриатом.

Выбора не было, да и пыльный южный городок как нельзя лучше годился для одной только цели: там он мог

укрыться от тупого человеческого муравейника и попытаться воссоздать книгу своей жизни, переписать ее заново. Но кто согласится ее напечатать теперь, когда он отлучен от власти? Вчера в отчаянии он написал своей дочери и теперь собирался купить себе место на корабле, идущем на юг. Повозка весело катилась с холма под уклон. У подножия холма вместо того, чтобы свернуть, как было указано, в сторону порта, повозка свернула направо и затарахтела по колдобинам узкой тенистой аллеи. Возница нахлестывал хоксни, и на повороте ступица с визгом чиркнула о стену одного из домов.

— Эй, приятель, поосторожнее! Ты что, спятил — мы же едем не в ту сторону! — разгневанно крикнул СарториИрв-раш, но крик его пропал даром. Никому теперь не было до него дела.

Проследовав до конца избитой боковой дороги к самой скале, повозка въехала в небольшой заброшенный дворик. Остановив экипаж, возница ловко спрыгнул с козел и, подбежав к воротам, затворил их, укрыв возок от взглядов уличных прохожих. Повернувшись к советнику, он впервые взглянул на того открыто.

— Я прошу вас спуститься. Кое-кто хочет повидаться с вами.

Быстрым движением руки возница скинул с головы головной убор кочевников и отвесил насмешливый поклон.

— Кто ты такой? Для чего ты привез меня сюда?

Молодой человек приглашающе растворил дверцу повозки.

— Неужели вы не узнаете меня, Рашвен?

— Кто ты? Ах ты, Боже мой, это же ты, Роба? — выдохнул советник с облегчением — закрытые ворота двора навели его было на жуткие мысли о том, что король ЯндолАнганол мог задумать похищение и убийство.

— Да, это я и мои хоксни.

Принц подал советнику руку, тот спустился из повозки, потом повернулся к молодому человеку и как следует рассмотрел его, с любопытством отметив, что вид у того такой

же дикий, как и у мира, в котором он предпочитал обраться. Его кожа была хорошо прожарена на солнце — до темно-коричневого оттенка; его торс в разных местах покрывали красные шрамы. На лице у него то и дело появлялась улыбка, быстрая и судорожная, как тик, словно он сам никак не мог решить, шутит ли он сейчас или нет.

— Где ты пропадал, Роба? Мы волновались за тебя.

— Совсем недавно отец чуть было меня не поймал. Вы знаете, что дворцовая жизнь никогда меня особенно не привлекала. А теперь, когда я столько всего повидал, она влечет еще меньше прежнего. Преступление, совершенное моим отцом, освободило меня от всех обязательств перед ним. Так что теперь я вечный скиталец. Никогда мне не суждено стать королем, а королю никогда не суждено снова стать счастливым. Новая жизнь — вот что ждет меня впереди. Кажется, и о вас это можно сказать, Рашвен? Я очень признателен вам за все и хочу хоть как-то отблагодарить вас. Пойдемте со мной. Я отведу вас к очень важной персоне.

— Отведешь? К кому? Постой, не все так сразу!

Но Роба уже быстро куда-то шел. С сомнением оглянувшись на возок, груженный его нехитрым скарбом, Сартори-Ирвраш все же посчитал за лучшее следовать за сыном короля. Догоняя принца, он ступил в сумрачный зал лишь на шаг или два позади него.

Стоящий в тени скалы дом строился с учетом его расположения — все в нем тянулось вверх к свету, как тянется к свету росток, пробивающийся между валунами. Поднявшись следом за стремительным Робой по шаткой деревянной лестнице на третий этаж, Сартори-Ирвраш понял, что задыхается. Их путь лежал в единственную находящуюся на этом этаже комнату. Кто-то подставил Сартори-Ирврашу стул, и он упал на него, заходясь от кашля.

Откашливаясь, он украдкой рассмотрел присутствующих в комнате. Их было трое. Особое хрупкое телосложение, некоторая заостренность костяка, без сомнения, выдавали в троице сиборнельцев. Одна из них была женщина, весьма элегантная особа, облаченная в шелковый чаргирак, север-

ный эквивалент чарфрула, с узором из крупных перевитых белых и черных стилизованных цветов. Двое мужчин, стоящих позади своей спутницы, предпочитали держаться в тени. При первом же взгляде на сиборнелку СарториИрв-раш узнал в ней госпожу Денью Пашаратид, жену посла, исчезнувшего в тот день, когда Тайнц Индредд демонстрировал на плацу дворца фитильные ружья.

Поднявшись со стула, советник поклонился и извинился за свой кашель.

— Доброго вам здоровья, советник. Это все вулкан — от него у кого угодно запершит в горле.

— У меня в горле першит больше от расстройства. Кстати, госпожа — титула меня лишили, так что можете обращаться ко мне по имени, запросто.

Слова сиборнелки можно было понять как намек, но бывший советник почел за лучшее не уточнять, какой именно вулкан она имела в виду. Как видно, неуверенность отразилась на его лице, потому что женщина утвердительно кивнула.

— Я имею в виду вулканический взрыв на горе Растид-жойник. Ветер несет пепел сюда и развеивает его над городом.

С симпатией глядя на советника, госпожа Пашаратид давала ему возможность прийти в себя после подъема по лестнице. Ее крупное лицо было простоватым. Она слыла за образованную женщину, и советник знал это, но, по возможности, в прежние времена избегал ее компании, потому что ему не нравилась неприятно суровая складка ее рта.

Отдышавшись, он осмотрелся по сторонам. Обои на стенах комнаты отслаивались от старости. На одной из стен висела акварель, изображающая Харнабахар, священную гору Сиборнела. Свет из единственного окна падал на лицо Денью Пашаратид, освещая ее профиль; в окне можно было различить скалистый склон дворцового утеса, поросший ползучим кустарником, — серый пепел покрывал листву. Роба сидел на полу скрестив ноги, посасывал травинку и, улыбаясь самому себе, переводил взгляд от одного участника встречи к другому.

— Госпожа, чем обязан чести видеть вас? Я тороплюсь на корабль, отплывающий на юг, спешу удрать из этого города, пока на мою голову не свалилась другая какая-нибудь напасть, похуже, — проговорил СарториИрвраш.

Госпожа Пашаратид ответила не сразу. Заложив руки за спину, она, легко покачиваясь с пяток на носки, улыбалась советнику.

— Для начала я должна попросить у вас прощения за то, что нам пришлось доставить вас сюда столь необычным образом, но дело не терпит отлагательства, — мы хотим, чтобы вы оказали нам услугу, за которую мы щедро вас отблагодарим.

Излагая суть дела, сиборнелка время от времени оборачивалась к своим молчаливым спутникам, словно за подтверждением. Сиборнельцы славились своей глубокой религиозностью, их богом был Азоиаксик, существовавший задолго до начала жизни и вокруг которого сама жизнь вращалась, как вокруг оси. Служители сиборнельского посольства не ставили веру в Акханаба ни во что, воспринимая ее как нечто стоящее на одном уровне с суеверием. Решение короля ЯндолАнганола расторгнуть свой брак и заключить тут же другой потрясло северян до глубины души.

Все сиборнельцы — и через их посредство Азоиаксик — понимали союз между мужчиной и женщиной как решение обоюдосогласное и долженствующее исполняться всю жизнь. Любовь воспринималась как продукт воли, а не как прихоть или каприз.

Вслушивая эту часть речи жены посла, СарториИрвраш тихо и машинально кивал, все больше и больше раздражаясь наставительным и сентенциозным тоном сиборнелки, так присущим всем северянам в их разговорах с жителями Кампаннлата, думая тут же о своем и прикидывая, существует ли еще возможность попасть на намеченный корабль.

Роба, тоже мало прислушивающийся к речам сиборнелки, подмигнул советнику и заметил:

— В этом доме посол Пашаратид встречался со своей любовницей из пригорода. Тут когда-то был знаменитый

бордель, — понимаете, из чего берут начало речи этой госпожи?

СарториИрвраш сердито шикнул на грубияна-принца.

Не обращая внимания на слова Робы, мадам Пашаратид объявила, что по мнению сиборнельских кругов только он, СарториИрвраш, единственный из всех придворных матрассильского двора, может называться разумным человеком. Слухи о том, что король обошелся с ним жестоко, дошли до них очень быстро — расправившись с королевой, монарх точно так же, если не хуже, поступил и со своей «правой рукой». Подобная несправедливость не могла оставить их, послушников Церкви Недостигаемого Мира, равнодушными. В ближайшее время жена посла возвращается домой, в Сиборнел. Она официально уполномочена пригласить СарториИрвраша с собой и одновременно заверить, что в Аскитоше ему будет предложена хорошая правительственная должность советника, а также полная свобода действий, необходимых для завершения работы его жизни.

СарториИрвраш почувствовал внутреннюю дрожь, знакомый вечный предвестник близкого крутого поворота событий. Пытаясь выиграть время, он спросил:

— Советника по каким вопросам?

О, конечно же, по делам Борлиена, в которых он непревзойденный знаток. Если решение советника окажется положительным, то через час он может присоединиться к мадам Пашаратид, покидающей Матрассил. В противном случае она уедет одна.

Предложение было настолько поразительным и неожиданным, что СарториИрвраш даже забыл спросить, к чему такая спешка. С трудом сохраняя спокойствие, он с благодарностью изъясил согласие.

— Вот и отлично! — воскликнула Денью Пашаратид.

Молчаливая пара позади нее продемонстрировала поразительную, почти анципиталовую способность переходить без промежуточной стадии от полнейшей неподвижности к бешеной активности. Мгновенно выскочив из комнаты третьего этажа, они подняли шум и гам на нижних этажах и

лестницах. Немедленно многочисленные невидимые прислужники принялись сносить во двор багаж. Из укрытий выводились экипажи и возки, из стойл — хоксни, из кладовых выбегали грумы с упряжью. Процессия оказалась готовой к выезду на улицу скорее, чем обычный борлиенец успел бы натянуть пару сапог. Над головами собравшихся в кружок отправляющихся были быстро прочитаны молитвы, и уже через мгновение повозки одна за другой выезжали за ворота, оставляя совершенно пустой дом.

Направившись на север через перенаселенный и суточлочный «старый город», кавалькада предусмотрительно сделала крюк вокруг Собора Страстотерпцев и уже скоро весело катила по северной дороге вдоль берега поблескивающей по левую руку Такиссы. Роба улюлюкал и пел на полном скаку.

Несколько недель пути прошли относительно спокойно.

Преобладающим цветом первой половины путешествия был серый оттенок медленно оседающего вулканического пепла. Гора Растиджойник, источник периодического подземного ворчания, толчков и выплесков лавы, бушевала теперь всюду.

Пепел, несомый ветром, убивал деревья, покрывал поля, мутил воду в потоках, местами запруживая мелкие ручьи и речушки и заставляя их разливаться. Прошедший дождь превратил пепел в вязкую корку. Птицы и насекомые гибли или спешно покидали край. Люди и фагоры торопились убираться подальше, бросая свои жилища.

После того как сиборнельская кавалькада пересекла реку Мар, сыплющаяся с неба напасть постепенно начала сходиться на нет. А потом и вовсе исчезла. Они вступили в Мордриат — в страну-кошмар Матрассила. Окрестность была вполне мирной и не сулила тревог. Встречные дикари улыбались проезжающим из-под своих многослойных пестрых тюрбанов-брафиста, традиционного элемента своего одеяния.

Для предупреждения возможных неприятностей были наняты проводники, злодейского вида люди, на каждом закате и восходе солнц с неизменным постоянством предающиеся продолжительным молитвам. Вечером у костра предводитель

проводников, Указатель Тропы, как он именовал себя, разъяснял путешественникам, каким образом по рисунку его брафиста можно узнать о перипетиях его жизни и племенном статусе. Положение Указателя было весьма высоким, чем он с удовольствием хвастал.

Мало кто из присутствующих слушал Указателя внимательнее СарториИрвраша.

— До чего же удивительна любовь людей к созданию рангов в своих сословиях, — замечал он в конце таких рассказов своим спутникам.

— Но более странно то, что чем ниже к социальному дну находятся люди, тем эта любовь становится сильнее, — ответила ему госпожа Пашаратид. — В своей стране мы стараемся избегать подобных бессмысленных градаций. Вы будете приятно удивлены тем, что увидите по приезду в Аскитош. По моему мнению, этот город — модель сообщества будущего.

После многолетних стычек со всегда переменчивым королем в общении со строгой госпожой Пашаратид он находил приятное умиротворение. По мере того как местность становилась все более безводной, настроение советника улучшалось; точно так же успокаивалось и душевное смятение Робы. По ночам, когда все остальные спали, СарториИрвраш часто лежал без сна. Его старые кости, привыкшие к пуховым перинам королевского дворца, никак не могли успокоиться на тонких одеялах, брошенных прямо на голую землю. Лежа на спине и мучаясь от бессонницы, он смотрел в звездное небо, озаряемое далекими зарницами, переживая восторг, равного которому он не помнил с тех пор, когда он и его брат были детьми. В душу его нисходил мир. Даже обида на короля ЯндолАнганола со временем притупилась и ушла на задний план.

Погода стояла сухая; дождя не пролилось ни капли. Повозки медленно взбирались на низкие холмы и весело катились к подножию. Через несколько дней на их пути вырос торговый город Ойша: «Название скорее всего произошло от испорченного местного олонецкого, на котором «ош» по-

просту означает «город», — объяснил своим попутчикам СарториИрвраш. Дорожные разговоры о встречах достопримечательностях помогали разогнать скуку и однообразие пути. От чего бы ни происходило название города Ойша, славен он был другим: близ него Такисса встречалась со своим беспокойным притоком, Мадурой, мчащим воды с востока. И та и другая река брали свой исток у подножия беспредельно высокого Нктрихка. За Ойша начиналась другая местная достопримечательность — пустыня Мадура.

В Ойша повозки были оставлены; взамен них путники должны были пересесть на спины меринов-кайдау. Сделку заключал сам Указатель Тропы, причем битье по рукам сопровождалось бесконечными молитвами с еще большим битьем лбами оземь. В труднопроходимой пустыне в качестве средства передвижения верховые-кайдау подходили как нельзя лучше. Спокойные животные цвета ржавчины стояли посреди квадратной рыночной площади Ойша, равнодушные к сделке, сию минуту вершившей их дальнейшую судьбу.

Пока шел торг, СарториИрвраш сидел на сундуке, усиленно утирал лоб и кашлял. Надышавшись пеплом горы Растиджойник, он заработал лихорадку и боль в горле, от которых вот уже несколько дней не мог избавиться. Утирая рукой рот, он смотрел на надменные морды кайдау — легендарных скакунов воинственных фагоров времен Великой Зимы, несущих с собой разрушение и гибель на головы обитателей Олдорандо и других городов Кампаннлата в те холодные годы.

Во время Великого Лета животные запасали воду в единственном горбу, венчавшем их спину, что помогало им переносить длительные переходы. Сейчас грозные корабли пустыни выглядели весьма покорными, но память о их славном прошлом приводила душу бывшего советника в восторг.

— Я хочу купить себе меч, — сообщил он РобайдайАнганолу. — В молодости я был неплохим фехтовальщиком.

Прежде чем ответить, Роба похлопал колесо стоящей рядом повозки.

— Расставшись с Орлом, вы сбросили с плеч изрядное количество лет. Вы хотите иметь возможность защититься в случае опасности, и это ваше право. По-моему, это хорошо. В этих холмах обитает злобный Ундрейд. Убийство здесь можно встретить так же часто, как и скорпионов.

— Местные жители показались мне дружелюбными.

Присев на корточки перед СарториИрврашем, Роба хитро ему улыбнулся.

— А вы не задавались вопросом, почему? Почему все без исключения туземцы кажутся дружелюбными? Почему Ундрейд до зубов вооружен сиборнельскими бах-бах? И почему столь значительный человек, как Ио Пашаратид, покинул дворец с такой поспешностью?

Поднявшись и взяв СарториИрвраша за руку, принц отвел его за повозку, чтобы укрыться от глаз любопытных.

— Никто не в силах купить любовь или дружбу, даже мой отец. Однако сиборнельцам это удалось. По-своему. Щедро одарив вождей всех встречаемых племен ружьями, они обеспечили себе свободный проход от побережья в Борлиен и не скрывают этого. В делах политических сиборнельцам нет равных, — таково мое мнение. Даже возлюбленный король Акханаба, ЯндолАнганол, сын ВарпалАнганола, — даже он, хозяин Матрассила, не может противопоставить ружьям ничего из своего арсенала. В битве при Косгатте ружья доказали свое превосходство над луками, мечами и арбалетами. Вы видели рану в его бедре?

— Я лично ухаживал за твоим отцом. Я видел его рану и знаю, как тяжело проходило ее излечение.

— Но теперь он движется весьма бодро и совсем не хромаёт. Ему всегда везло, он и тут вышел сухим из воды. Я называю эту его рану «сиборнельский привет».

Понизив голос, СарториИрвраш проговорил:

— Ты знаешь, Роба, на твоём месте я не доверял бы особенно сибам. Когда при дворе по приказу короля были устроены показательные стрельбы из ружей, я настаивал на том, чтобы ни один сиб на этом представлении не присутствовал. Но к моим словам не прислушались, как это часто

бывало. Не прошло и дня после этого стрельбища, как Ио Пашаратид исчез из столицы.

Подняв указующий перст, Роба наставительно поводил им из стороны в сторону.

— Он исчез потому, что его аферы раскрылись, — его жена, наша благородная спутница и все служители его посольского корпуса, все узнали о его блуде и проделках. В махинации посла была вовлечена одна матрассильская девица, так сказать, посредница... чьими услугами и я пользовался неоднократно... от нее-то я и узнал подробности авантюры северянина Ио.

Принц рассмеялся.

— Эти фитильные ружья, которые оказались в распоряжении Тайнца Индредда и которые он с таким высокомерием продемонстрировал моему орлиноподобному отцу, а мой орлиноподобный отец столь малодушно принял от него в дар, ибо таков он, готовый принять от чумного нищего даже ногтевую царапину, если тот об этом станет его умолять, — так вот эти ружья были проданы Тайнцу по дешевке Пашаратидом. Почему по дешевке? Потому что ружья принадлежали не ему и он не мог извлечь из них большой прибыли. Ружья являлись собственностью правительства Сиборнела, вознамерившегося с их помощью купить дружбу таких вот дикарей, на которых мы в течение этой недели насмотрелись достаточно, и, конечно, таких грозных гордецов, как Дарвлиш Череп, оправдавших свою дружбу тысячу и тысячу раз.

— Не ожидал подобного даже от сибя, — для них это нетипично. В особенности для того, кто занимает высокий пост.

— Пост-то высокий, характер низменный. Во всем, как всегда, виновата женщина, молодая. Вы никогда не обращали внимания на то, как он смотрел на мою мать, — вернее сказать, на ту, которую я прежде называл своей матерью, до тех пор, пока она не уехала, не вспомнив обо мне и не попрощавшись?

— Пашаратид жестоко рисковал, — твой отец покарал бы его смертью, если бы его преступление раскрылось. Теперь-то, насколько я догадываюсь, он уже счастливо поживает в Сиборнеле.

РобайдайАнганол красноречиво пожал плечами.

— Ничего, ему недолго осталось поживать спокойно, — мы идем по его следу. Госпожа Денью жаждет его крови. Она желает понять его жажду обладать другими женщинами. В очень скором времени вам выпадет случай развлечься — вы услышите, какую историю состряпает Пашаратид, чтобы оправдать свои греховные похождения. По прибытии на родину Денью намерена учинить расправу над своим мужем. Ах, Рашвен, что за семейная драма, что за страсти! Старого Ио засадят в Великое Колесо Харнабхара, помяните мое слово. Раньше там было место культового поклонения, но сейчас там тюрьма. Хотя, что и говорить, монахи — те же заключенные... Но какая драма вас ожидает. Знаете эту старую поговорку: «В руках сиборнельца всегда скрываются не только руки». Как мне хотелось бы отправиться в плавание вместе с вами, просто для того, чтобы посмотреть, чем все кончится.

— Как же так, дорогой мальчик, — ты не плывешь со мной?

— Нет, потому что в чужестранных землях за морем для меня нет жизни. Я ведь Анганол как-никак. Здесь мы с вами распрощаемся, и не нужно уговоров. Вы, пожалуйста, продолжайте свое путешествие на север вместе с госпожой. А я отвезу вашу повозку обратно. Мне следует еще присмотреть за моими... бывшими родителями...

В лице СарториИрвраша отразилось волнение.

— Нет, Роба, не бросай меня здесь среди этих злодеев. Возможно, мой смертный час и не далек, но все-таки не настолько.

С улыбкой замахав руками, словно уже собираясь убежать, принц ответил:

— Умирая, человек просто перестает быть человеком, и только. Например, я решил стать мади, что, если судить по

ранее сказанному, равносильно смерти. Просто еще один способ бегства от самого себя, очередной побег из тесного круга обстоятельств. Для себя я выбрал Ахд.

Стремительно подавшись вперед, принц поцеловал старого СарториИрвраша в лысину.

— Удачи вам в вашей новой карьере, милый добрый Рашвен. Все равно рано или поздно из нас вырастет трава!

Вскочив на козлы повозки бывшего советника, принц стегнул вожжами хоксни и через мгновение уже мчался прочь. Вскоре повозка скрылась в клубах пыли.

Пустыня Мадур: отсюда Матрассил казался далеким и призрачным вымыслом. В ночном небе звезды опустились к самой земле, а серпик кометы ЯраРомбри горел словно далекий путеводный маяк на пути странников.

В час, когда все костры уже потухли, а спутники уже спали, бывший советник двора Борлиена СарториИрвраш стоял на краю лагеря без сна и дрожал, частично от холода, частично от лихорадки, которая никак не отпускала его. Его мысли уже в который раз направлялись в сторону таинственного пришельца БиллишОвпина. Здесь, на лоне дикой природы, среди невиданных во дворце просторов и свободы, история о пришествии из другого мира теперь казалась гораздо более вероятной, чем в столичных хоромах.

Решив пройти к стреноженным кайдау, он неожиданно столкнулся с Указателем Тропы, молчаливо стоящим в темноте и покуривающим. Между мужчинами завязался тихий разговор. Время от времени кайдау сдвигались, возмущенные тем, что и ночью им не дают спокойно спать.

— Сейчас эти животные кажутся очень спокойными, — говорил СарториИрвраш, — но в древних летописях о них отзываются как о совершенно неукротимых. Только фагоры умели укрощать кайдау и только фагоры ездили на них. Но за всю свою жизнь я никогда не видел ни одного фагора верхом на кайдау, так же как я не видел с фагором ни одну птицу-корову. Возможно, летописи здесь что-то приукрашивают. Я полжизни потратил на то, чтобы распутать, где в

древних манускриптах правда, а где просто легенды и вымысел.

— Возможно, что правда и вымысел идут рука об руку, — мудро заметил Указатель. — Лично я не прочитал за свою жизнь ни строчки, но все же смог составить об этом какое-то мнение. Когда кайдау приносит потомство, их приходится успокаивать — мы пускаем им вероник в ноздри, совсем немного, две-три затяжки, и этого хватает. Вероник их успокаивает. Знаете что, уж если вы не можете, как и я, сомкнуть глаз, давайте я расскажу вам одну интересную легенду.

Указатель глубоко вздохнул, готовясь к длительному повествованию.

— Много лет назад мне пришлось вместе с моим учителем побывать по одному делу на востоке, в землях Ундрейда, в самых дебрях Нктрихка. Тамошний край очень сильно отличается от того, что мы сейчас видим вокруг себя, там мало воздуха и нечем дышать, но люди живут и там.

— В высокогорье меньше болезней, — авторитетно вставил СарториИрвраш.

— Люди в Нктрихке говорят по-другому. Они говорят, что Смерть — баба ленивая и редко когда утруждается забираться в гору. Вот что я вам скажу. Рыба там уж очень вкусна. В горах рыбу можно выловить из реки и провезти сотню и больше миль и она не протухнет. Здесь же выловишь рыбу на рассвете, а к закату Фреира она уже воняет. А в горах рыбу можно сохранять целый год. Запросто. Я говорю про малый год.

Указатель прислонился к боку одного из терпеливых кайдау и улыбнулся.

— Когда я привык к жизни там, наверху, мне не захотелось спускаться вниз. Конечно, там холодно, особенно по ночам. Зато не бывает дождей. А кроме того, в дальнем высокогорье есть укромные долины и ущелья, где правят только фаги. Там они не такие тихие и смирные, как здесь, внизу. Поймите, там совсем другой мир. Там фаги ездят на кайдау, скачут на них как ветер, — видел я там и птиц-коров, они сидят на плече у фагов. Сам я считаю так, что в горах фаги

дожидаются холодов, того времени, когда можно будет спуститься вниз, на равнины, и захватить города людей. Может быть, снег снова выпадет не скоро, но фаги умеют ждать. Когда Фреир уйдет, тогда придут они.

Испытывая острый интерес, смешанный с некоторым недоверием, СарториИрвраш заметил:

— Но там, в горах, на такой высоте, вряд ли может скрываться много фагоров, как вы полагаете? Что им там есть, кроме этой вашей вечно свежей рыбы? Там же совсем мало пищи.

— Это не так. На своих равнинах фаги выращивают зерно — барлей, прямо под снеговой линией. Все, что им нужно, так это влага. Каждая капля воды там драгоценность. Высокогорный воздух идет злакам на пользу — фаги снимают урожай раз в три недели.

— Через полтеннера после посева? Невероятно!

— Как бы то ни было, но это так, — ответил Указатель. — Тамошные фагоры честно делят урожай между всеми членами своего племени и никогда не ссорятся, а кроме того, у них нет в ходу денег. Их белые птицы-коровы гоняют от полей всех других пернатых не хуже орлов. Я сам видел это своими собственными глазами. Знаете, в один прекрасный день я возьму и вернусь в горы, поселюсь там доживать свой век.

— Если вы не возражаете, я запишу ваш рассказ, — вежливо проговорил СарториИрвраш.

На смену Мадуры пришло долгое одиночество Хазизза. Два раза путники пересекали длинные бесконечные полосы зелени, протянувшиеся от одной стороны бледного горизонта до другой подобно живым изгородям.

— Это есть/будет укт, — сказала Денью Пашаратид, иногда использующая в разговоре приблизительный перевод принятой на Сиборнеле временной формы настоящего-продолженного. — Такие полосы пересекают весь континент с востока на запад, отмечая собой пути миграции мади.

Среди взрослых укт они видели иных. Мад были не единственными обитателями зеленой полосы, бесконечной тропы. Заметив иных на деревьях, Указатель Тропы ловко подстрелил одного. Пролетев между ветвями, существо упало к их ногам, все еще трепеща в агонии. Позже вечером много освежали и изжарили на ужин.

В один из дней над степью пронесся странный, высыхающий прямо на лету дождь, извивающейся полосой, напоминающей след змеи. Фреир стоял прямо в зените, еще выше, чем в Матрассиле, и будь на то воля СарториИрвраща, он путешествовал бы только в легкий день, как то обычно принято в светских кругах Борлиена, но остальные его спутники, казалось, не обращали внимания на жару.

На ночлег располагались, как правило, под открытым небом. Привыкнув проводить большую часть ночи без сна, бывший советник вскоре с удивлением обнаружил, что с нетерпением ждет наступления темноты. Сиборнельские поселения попадались все чаще и чаще, постепенно караван стал устраиваться на ночевки только в поселках сородичей. Все сиборнельские поселения строились по одному плану: внутри круга, образованного большими, «сторожевыми», домами, выстроенными почти вплотную друг к другу, располагались небольшие участки земли, между которыми, как спицы колеса, проходили дороги, ведущие к внутренним строениям, ступице колеса, где жили люди. Амбары, лавочки и конторы жались в кружок к Церкви Недостигаемого Мира, высящейся точно в геометрическом центре поселкового круга.

В этих поселениях за порядком надзирали одетые в серое воины-священники, милиция, они же встречали прибывающий из пустыни отряд, наделяли его бесплатной едой и ночлегом, а на следующее утро провожали в дальнейший путь. Серая милиция, всюю распевающая хвалебные гимны богу Азоиаксик, носила на одежде знак колеса и имела на вооружении ружья-мушкеты нового образца, с курковым спуском. Никто и никогда здесь не забывал, что находится

на территории, с давних пор считающейся традиционно принадлежащей Панновалу.

При въезде в первое же сиборнельское поселение Указатель Тропы и другие проводники покинули караван, сделав это так незаметно, что СарториИрвраш узнал об этом только по чистой случайности, заметив, что туземцы получают свою плату. Коротко распрощавшись с сиборнельцами, туземцы повернулись и направились назад, на юг.

— Я не успел пожелать им доброго пути, — с сожалением сказал СарториИрвраш. Денью Пашаратид успокоительно подняла руку.

— В этом нет необходимости. Им хорошо заплатили и они уехали довольными.

— Мне понравился Указатель и я просто хотел с ним попрощаться.

— Ни он нам, ни мы ему больше не нужны — он уехал на поиски нового источника пропитания. Дальше можно ехать, ничего не опасаясь, — от одного поселения к другому. А эти туземцы просто варвары. Вообще-то мы расстаемся с проводниками гораздо раньше — Указатель ехал с нами так далеко только потому, что в этой стороне лежит земляная октава его племени.

Озадаченно подергивая себя за усы, СарториИрвраш проговорил:

— Иногда в старых традициях заключена правда. Очень многие из моих знакомых в столице уделяют большое внимание своей земляной октаве. Люди считают, что если они поселятся вблизи октавы своего рождения, то успех и процветание им гарантированы почти наверняка. Иногда случается, что в подобных взглядах лежит практический смысл. Земные октавы зачастую пролегают в направлениях геологических напластований и отложений минералов и ископаемых, наличие которых влияет на жизненные силы и здоровье.

Худошавое лицо госпожи Денью осветилось легкой улыбкой.

— То, что верования примитивных людей так же примитивны, нас никогда не удивляло. Примитивная вера являет-

ся якорем, удерживающим их у их же примитивизма. Там, куда мы направляемся, дела все время идут к лучшему и безо всяких октав.

Великосветская дама и жена посла, Денью Пашаратид получила отличное образование и обращалась к Сартори-Ирврашу на хорошем натуральном олонецком. В Кампаннлате на натуральном олонецком, в противоположность местечковому олонецкому, говорили только в высшем свете и среди церковного руководства и преимущественно в пределах Священной Панновальской Империи; постепенно натуральный олонецкий все больше и больше становился прерогативой Церкви. Главным языком северного континента был сибиш, отрывистый быстрый язык со своим собственным алфавитом. За последние века олонецкий сделал в сторону ассимиляции в земли, традиционно говорящие на сибиш, лишь небольшие сдвиги; исключение составляли южные побережья, где процветала торговля с Кампаннлатом.

Сибиш был характерен многими сложными временными формами и выражениями причинно-следственной связи. В языке этом не было также «ю». Аналог и произносился гораздо более твердо, в то время как чиш почти высвистывались. Одним из результатов такой специфики было то, что для слуха иноземцев родная речь жителя Аскитош звучала почти зловеще. Бытовало мнение, что история северных войн во многом брала свою основу в насмешливом, по мнению кампаннлатцев, звучании слова «Матрассил» в устах надменных сибов. Однако по большей части вина за привычку держать губы даже при разговоре поджатыми лежала на климате Гелликонии, слепой принуждающей силе, заставляющей людей большую часть Великого Года держать рот закрытым.

Расставшись с Указателем в самом крайнем со стороны юга поселении, путники там же обменяли своих кайдау на хоксни и дальнейший путь продолжили уже на них.

После двенадцатого поселения дорога пошла с небольшим, но все время повышающимся уклоном вверх. Подъем

продолжался на протяжении нескольких миль. Довольно скоро караван вынужден был спешиться и продолжить дальнейшее восхождение рядом со своими хоксни. На гребне утеса стояла в ряд рощица раябаралов, тонких и высоких деревьев, с корой цвета светло-зеленого сельдерея. Добравшись до рощицы, СарториИрвраш первым же делом приложил руку к стволу ближайшего дерева. Кора дерева на ощупь была мягкой и теплой, как бок хоксни. Подняв голову, он долгое время смотрел на развевающиеся под жарким бризом широкие ветви.

— Не вверх надо смотреть, а вперед! — сказал ему один из спутников.

С вершины гребня холма открывался отличный вид на долину; утопающую в голубоватой тени. Дальняя сторона долины была глубокого, удивительно голубого цвета, переходящего в синий, — то было море.

Лихорадка у СарториИрвраша прошла. Воздух был напоен новыми, незнакомыми ароматами.

Когда караван наконец добрался до порта, разволновались все, даже невозмутимые северяне. Порт носил название, присущее только сибешу: «Рангобандриаскош», и являлся столичным центром для всех близлежащих поселений, но в отличие от них представлял собой в плане не полный круг, а полукруг с высокой церковью, торчащей на вершине прибрежной скалы, с маяком в башенке на крыше. Другая половина порта-полукруга лежала где-то на противоположной стороне Панновальского моря, отделенная водой.

У причалов стояли корабли. Все здесь, по-морски, было чисто выдраенным и экономным. В отличие от большинства народностей Кампаннлата сиборнельцы были прирожденными мореходами.

Проведя ночь в церковном приюте, на восходе Фреира посольская делегация вместе с другими пассажирами поднялась на борт одного из ожидающих у причала кораблей. СарториИрвраш, который раньше не плавал ни на чем, размерами превышающем ялик, немедленно отправился в отведенную

ему каюту, повалился на кровать и заснул. Когда он наконец проснулся, корабль готовился отчалить от берега.

Исполненный любопытства, он бросился к иллюминатору.

От стоящего низко над водой Беталикса стелилась серебристая дорожка. Соседние корабли выделялись голубыми силуэтами, их детали были неразличимы, а мачты похожи на лишенный листвы лес. Совсем недалеко от борта какой-то парень, с силой налегая на весла, греб по волнам в лодке. Падающие почти параллельно морю лучи Беталикса скрадывали детали, и молодой человек и его лодка в глазах СарториИрвраша сливались в одно, в маленького черного водяного кентавра, раз за разом откидывающегося назад, выставляющего весла и снова подающегося вперед. Медленно, один гребок за другим, лодка продвигалась через водяную ширь с мелкой волной. Весла с плеском падали в воду, спина гребца ходила мощным шатуном, и в конце концов сквозь слепящий свет Советник заметил, как лодка добралась до бетонных столбов мола.

Глядя на молодого гребца, СарториИрвраш вспоминал времена, когда сам, еще мальчиком, возил кататься своих двух младших братьев на озеро. Он вдруг четко увидел перед собой их улыбающиеся лица, их руки, пропускающие между пальцев бегущую воду. Сколько воды с тех пор утекло. Но ничего не ушло без следа. Его труд, его «Алфавит», обошелся ему недешево.

Сверху донесся звук бегущих по палубе босых ног, выкрики, скрип такелажа, — команда ставила паруса. Когда свежий ветер надул парусину, толчок почувствовался даже в каюте. С причала раздались прощальные выкрики, на палубу полетели отданные веревочные концы. Бывший советник начал свое плавание к северному континенту.

Всего плавание заняло семь дней. По мере того как корабль смещался норд-норд-вест, дни Фреира становились длиннее. На закате сверкающее светило медленно утопало в море где-то впереди прямо по курсу судна и каждое утро на

рассвете восходило из воды на северо-востоке, всякий раз пробуждая в неизвестности на несколько минут меньше.

Госпожа Деню и ее спутники не переставали расписывать СарториИрврашу радужные перспективы; между тем прозрачность окружающего мира уменьшалась с каждым часом. Довольно скоро корабль оказался закутанным в то, что один моряк назвал «Ускути-болтушка». Густая коричневая хмарь, смесь песка и дождя, опустилась на корабль со всех сторон, заглушив собой плеск волн под носом судна, покрыв все, что возможно тонкой липкой пленкой. Однако оказалось, что никто, кроме СарториИрвраша, не был обеспокоен этим явлением природы. Он обратился с вопросом к капитану, но тот быстро его успокоил.

— В моем распоряжении достаточно навигационного оборудования, чтобы провести корабль даже по подземным пещерным морям. Хотя, например, наши новейшие разведывательные корабли оборудованы еще лучше.

Сказав это, капитан предложил СарториИрврашу заглянуть в его каюту. На столе в капитанской каюте лежала растеленная таблица дневной высоты солнц, необходимая для определения широты, а также плавающий компас, циркуль и инструмент, названный капитаном ночным ориентиром, при помощи которого можно было рассчитывать восход некоторых звезд первой величины и оценивать время ночи относительно полуночи по одному или другому солнцу. Корабль был также оснащен приборами для навигации полностью вслепую, путем оценки измеренных отрезков пути на карте.

Когда внимательно и с интересом выслушивающий рассказ капитана СарториИрвраш принялся делать в своем дневнике пометки, на марсе раздался испуганный клич впередсмотрящего, и капитан заторопился на палубу, на ходу изрыгая такие отборные ругательства, которые Азоиаксик Единственный вряд ли мог рекомендовать к употреблению.

Крики впередсмотрящего доносились из-за завесы дождевой мороси, из мутных коричневых облаков. Облака разрывались и ускоряли свой бег. Неожиданно вынырнувший

из тумана корабль, размером не меньше того, на котором плыл СарториИрвраш, пронесся мимо на расстоянии, от леера до леера едва превышающем фут. Мимо пролетели лампы, фонари и лица, в основном яростно оскаленные, занесенные кулаки, потрясаемые в проклятии — потом так же стремительно все исчезло, канув в колыхающуюся липкую влагу. Сиборнельский корабль снова оказался один.

Пассажиры-сиборнелцы объяснили чужеземцам, что встретившийся им только что корабль был рыболовецкой шхуной с Ускути, промысляющей вдали от берега сельдь. Рыболовецкий корабль был небольшой плавучей фабрикой и имел на борту, кроме рыболовов, также и засольщиков и бочкарей, потрошащих, солящих и закатывающих в бочки добычу прямо посреди моря.

Несколько выведенный из себя едва не произошедшим гибельным столкновением, СарториИрвраш был не в настроении выслушивать рассказы о сиборнельском рыбном промысле. Удалившись в свою каюту, пропитавшуюся влагой, он улегся на койку и долгое время лежал дрожа. Вскоре их корабль должен был войти в бухту Аскитош, находящуюся, насколько это помнил СарториИрвраш, на 30-м градусе северной широты, всего в пяти градусах к югу от тропика Каркампана.

На седьмой день плавания стена тумана начала медленно проясняться, хотя видимость еще долго оставалась неважной. Постепенно выяснилось, что море вокруг их корабля просто усеяно рыболовными шхунами.

Мало-помалу непонятный растянутый по горизонту мазок начал превращаться в береговую линию северного континента. При ближайшем рассмотрении северный берег оказался ровной полосой песчаника, отделяющей плодородную почву от моря.

Очевидно приободренная видом своей родины и ее близостью, госпожа Денью Пашаратид неожиданно разразилась в адрес СарториИрвраша целой лекцией на географическую тему. Наступление льдов на юг со стороны Полярного Кру-

га заставило ускутов обратиться за пропитанием к морю. О полярных областях в Кампаннлате говорили почтительным шепотом. Полоса плодородной земли между приближающимися льдами и морем неуклонно сокращалась. Собираемый морем ежегодный богатый урожай по значению не уступал урожаю, который получали с полей, расположенных на двух равнинах страны, ее главных житницах, упоминание о которых госпожа Пашаратид сопровождала неопределенным жестом руки в западном направлении. Равнины отсюда находились очень далеко.

— Насколько далеко? — спросил СарториИрвраш.

Неопределенно махнув рукой на запад, госпожа Денью заговорила о народах Сиборнела, отзываясь о разных народах коротко и точно, но с разной степенью почтительности и уважения, словно знакомая с представителями многих из них лично, как будто представители этих народностей выстроились перед нею в ряд, а она поименно называла их бывшему советнику: Ускутошк, Лорай, Шивеник, где находилось Великое Колесо, Брибхар, Каркампан. После чего подробно рассказала о каждом. «Такое впечатление, что они готовы немедленно двинуться маршем на завоевание Кампаннлата», — подумал СарториИрвраш.

Главными были Брибхар и Каркампан.

Затем она указала на восток.

— Вот таким образом наши народы окружают всю Гелликонию. Как видите, большая часть сиборнельцев проживает почти в полной изоляции, стиснутые между льдами и морем. Живется нам тяжело, зато свободно. В Каркампане нас донимают кай-джувек, — хотя люди в тех краях почти не живут, — кроме того, беспокойно в областях Верхнего Хазиза, где есть проход на полуостров Чалце; в Ускутошке мы чувствуем себя более или менее в безопасности, там проживает цвет нашей цивилизации. В гости к нам вы прибыли в самое лучшее время года, когда в небе стоят одновременно и Беталикс и Фреир. В остальное время Великого Года, когда Фреир большую часть дня скрывается за горизонтом, в нашей стране царит холод и климат существенно ухудша-

ется. Когда-то говорили, что в эти времена правит Вейр-Зима, знаменитый персонаж сказок и легенд... Тогда льды движутся с севера на юг, оттесняя к югу и нас, ускутов, как мы иногда себя называем. Немногие переживают такую тяжелую пору. Многие умирают. Очень многие.

Хотя на палубе было относительно тепло, сиборнелка передернула плечами словно от озноба.

— Другие народности выживают в такие тяжелые времена, они смелее нас, выносливее, — проговорила она. — По счастью для меня и остальных моих соплеменников, эти времена еще очень далеко, хотя о них и не просто забыть. Память о холодах сидит у нас в крови, так мне кажется... О том, что Вейр-Зима когда-то обязательно придет снова, мы помним всегда.

Из порта в город их повезли на удобном четырехколесном экипаже с верхом из вышитого полотна. Усевшись в экипаж, советник, госпожа Пашаратид и один из ее молчаливых спутников некоторое время ждали, пока люди-рабы укладывали в сетки на запятках и крыше их багаж. Экипаж был запряжен четверкой йелков, цветом напоминающих желток и развивающих в беге довольно приличную скорость. Путешествие продолжалось по одной из дорог, уходящих от порта в глубь континента.

Когда в окошке кареты показался силуэт величественного собора, СарториИрвраш попытался привести в порядок свои первые впечатления. Более всего его удивил тот факт, что экипажи, которых на дороге было великое множество, были изготовлены не из дерева, а из металла: оси повозок, борта, даже сиденья, на которых он и его спутники сидели, все было изготовлено из металла.

Металлические предметы были видны повсюду. Прохождение на улицах — более спокойные и сосредоточенные в отличие от горланящей и толкающейся матрассильской толпы — несли с собой металлические лестницы и ведра, уже виденные советником на борту корабля; многие прохожие, очевидно, военные, щеголяли в блестящих металлических доспехах-нагрудниках. Выходящие на улицы двери большин-

ства зданий — сооружений величественных и монументальных — были забраны металлическими решетками, зачастую украшенными барельефами и табличками с именами хозяев, словно обитатели их твердо вознамерились жить в своих жилищах вечно, что бы ни случилось со льдами Полярного Круга.

Облачная дымка в небе заслоняла землю от жара Фрейра. В этом северном небе, даже в полдень, на взгляд советника, он стоял странно высоко. В городе пахло гарью. Несмотря на то что леса Сиборнела, по сравнению с джунглями Кампаннлата, выглядели худосочно-жидкими, страна обладала богатейшими запасами угля, торфяников, а также металлических руд. Выплавка металлов из руд производилась на небольших заводиках, разбросанных по всему городу. Каждый металл изготавливался в строго выделенном для этой цели районе. Выплавленный металл очищался, прокатывался и ковался; вокруг фабрик теснились вспомогательные производства, со своими рабочими и рабами. За время последнего поколения выплавка металла стала обходиться дешевле, чем заготовка дерева.

— Наш город очень красив.

Спутник госпожи Пашаратид наклонился к кампаннлатцу, чтобы поделиться с ним своим впечатлением.

Сартори Ирвраш кивнул, но промолчал, — он казался самому себе странно маленьким и беззащитным, озирался настороженно, дышал неглубоко, пугаясь посторонних запахов.

Из окна экипажа он взирал на спланированный в виде «половинки колеса» Аскитош. Великолепный собор составлял ось колеса. За полукругом домов шел полукруг полей и ферм, потом снова дома, опять полукругом, и так до бесконечности, раз за разом повторяясь и подавляя кампаннлатца невероятными размерами.

Конечной целью поездки в металлическом экипаже было строгое монументальное здание, похожее на огромную коробку, с окнами в виде высоких вертикальных щелей. Двойные входные двери здания были металлическими; над дверями висела табличка с надписью: «Первое Собрание, Сектор

Шестой». «Собрание» на поверку оказалось помещью гостиницы, монастыря — мужского и женского, школы и тюрьмы, насколько в этом сумел разобраться СарториИрвраш после того, как осмотрел свою похожую на камеру комнату и прочитал висящие в таблице правила проживания и распорядка.

Из распорядка дня следовало, что приемов пищи было два, в двадцать минут пятого и в девятнадцать часов, что молиться можно было (по желанию) каждый час в церкви на верхнем этаже, что доступ в сад для отдыха и медитации был возможен в течение всего дня, что инструктажи (что бы это значило?) можно было получить в любое время и что для того, чтобы покинуть здание, любой проживающий сначала должен был получить разрешение.

Вздохнув, СарториИрвраш вымылся и в сумрачном настроении уселся на узкую кровать. Гостеприимство ускутов, как и многое в них, было энергичным и беспокойным, и уже довольно скоро в его дверь раздался стук, — его пригласили на банкет.

Пиршественный зал был длинным и приземистым, свет в него проникал только через окна. Паркетный пол не был застелен коврами и основным предметом роскоши являлся огромный гобелен, висящий напротив двери на дальней стене. Рисунок гобелена представлял собой Великое Колесо на алом фоне, влекомое по небесам гребцами по направлению к колоссальной фигуре Матери, из чьих ноздрей, рта и грудей на алый небосклон изливались потоки звезд. Гребцы были в лазурных одеждах и с блаженными улыбками на лицах.

Пораженный гобеленом, СарториИрвраш не в силах был отвести от него глаз. Ему хотелось нацарапать несколько заметок в верной книжице или хотя бы набросать рисунок, но сделать это ему не удалось, так как, едва ступив в зал, он был немедленно представлен дюжине незнакомых ему сиборнельцев, стоя встретивших его за столом. Затем госпожа Пашаратид поочередно представила ему присутствующих. Бывший советник протянул по кампаннлатскому обычаю

для пожатия руку, но никто на его приветствие не ответил: не в обычаях этой страны было при встрече касаться руки другого человека, если он не состоял членом родственного клана или семьи.

Вникая в речь госпожи Пашаратид, СарториИрвраш пытался запомнить произносимые ему звучные, но непривычные для его слуха имена, и из всего перечисленного в памяти у него твердо запечатлелось только «Оди Джесератабхар», и то только потому, что имя это принадлежало затянутому в сине-серую униформу адмиралу воинов-священников, причем даме. Госпожа адмирал была по-своему прекрасна своей суровой красотой, ее светлые волосы были заплетены в две тугие косы, уложенные в суживающиеся кверху наподобие рогов круги, что придавало ей, с точки зрения борлиенца, одновременно внушительный и комичный вид.

Приветливо-вежливо улыбнувшись кампаннлатскому гостю, присутствующие принялись рассаживаться за столом, наполнив своды зала скрежетом металлических ножек стульев по голому полу. Как только все присутствующие уселись, наступила тишина, в которой председательствующий сан, поднявшись с места, прочитал молитву. Все остальные слушали святые слова молча, сосредоточенно приложив ко лбу указательные пальцы, и, как видно, молились про себя. Желая проявить уважение, СарториИрвраш сделал то же самое. Застольная молитва читалась на быстром и трудно-различимом сибииш, с частым использованием настоящего продолженного, условно-неизменного, прошлое-в-настоящем, переходного и прочих времен, предназначенных передать благодарность Азоиаксику Единственному всеми возможными способами. Длительность молитвы, возможно, должна была означать отдаленность Бога от молящихся.

Когда наконец молитва закончилась, девушками-рабынями были поданы разнообразные кушанья, по преимуществу вегетарианские, включая рыбу, представленную во всевозможном разнообразии и поданную в основном на сырой съедобной морской траве многочисленных сортов. К кушаньям были предложены фруктовые соки и алкогольный

напиток под названием «йудл», перегоняемый из морской травы.

Однако СарториИрврашу по-настоящему понравилось единственное на этой трапезе мясное блюдо — церемонно поданное изжаренное на вертеле животное, которое он, распробовав, принял за свинью. Сверху жареное мясо было покрыто восхитительным сметанным соусом, запекшимся корочкой. Ему, лично председательствующим, назвавшем кушанье «древесным браем», был отрезан лучший кусок грудинки. Только по прошествии нескольких дней советник по случайности узнал, что в действительности «древесный брай» был не чем иным, как жареным нондадом — традиционным ускутским деликатесом, подающимся к столу только для того, чтобы попотчевать уважаемых гостей.

В самый разгар трапезы госпожа Пашаратид обошла стол и приблизилась к стулу СарториИрвраша.

— Госпожа адмирал воинов-священников сейчас выступит с небольшим сообщением, имеющим к вам отношение, — прошептала ему жена посла. — Хочу предупредить вас, чтобы вы не слишком много внимания придавали ее словам и не принимали их близко к сердцу. Я знаю, что вы человек разумный и знаете словам цену. Тем не менее я не хочу, чтобы вы, услышав это, затаили на нас злобу и тем более считали меня хладнокровной лицемеркой, хитроумно заманившей вас в стан неприятеля.

Бывший советник немедленно встревожился и даже уронил нож на тарелку.

— О чем это вы? Что такое она собирается сказать?

— Госпожа адмирал собирается сделать важное заявление, касающееся судьбы вашей страны и моей. Позже Оди Джесератабхар отдельно посвятит вас во все детали. Сейчас же я прошу вас помнить о том, что я привезла вас сюда без злого умысла, желая хоть как-то загладить вину перед вашей родиной моего мужа, запятнавшего славное имя своей отчизны. Насколько я поняла, вы не испытываете к Яндол-Анганолу теплых чувств, — не забывайте об этом и тогда все услышанное вам будет легче перенести.

Сказав всё это, госпожа Пашаратид вернулась на свое место. Озадаченный и перепуганный советник остался сидеть, уставившись пустым взглядом в свою тарелку, не в силах проглотить больше ни кусочка.

Как только основная трапеза закончилась и был подан десерт, начались спичи.

Первым выступил с приветственным тостом местный пенджандрум, изъясняющийся официальными терминами, почти недоступными для восприятия непосвященного в их специфику человека. Вслед за пенджандрумом встала госпожа Пашаратид.

После нескольких обычных вступительных фраз супруга посла перешла к главной части своей речи. Вскользь упомянув своего мужа, она заявила, что считает лично себя обязанной загладить его дипломатические промахи и столь неловкий отход от дел. Именно поэтому она посчитала возможным пригласить в Сиборнел бывшего советника борлиенского двора, который указом короля был отстранен от должности.

Советник СарториИрвраш, фигура видная в ученом и политическом мире, может оказаться весьма полезным как Ускутошку, так и всем странам северного континента, сослужив службу наверняка глобального общегосударственного масштаба, что запечатлит его имя в исторических анналах. В чем именно может состоять служба СарториИрвраша, сообщит следующий оратор, всеми уважаемая адмирал воинов-священников, госпожа Оди Джесератабхар.

Советник предчувствовал недоброе. Ему до смерти хотелось курить, но видя, что за столом никто не курил, не курит, не собирается курить и даже не упоминает о курении в условно-неизменном наклонении, он решил покуда крепиться и терпеть, и когда госпожа адмирал поднялась, чтобы держать слово, вместо привычной трубки впился руками в столешницу.

Поскольку госпожа адмирал собиралась сказать нечто очень важное, то для такого случая ею был выбран особый

диалект сибииш, используемый и предпочитаемый верховными чинами воинов-священников.

— Воины-священники, Члены Военного Совета, друзья и наш новый союзник, — торжественно начала суровая леди, при каждом слове чуть встряхивая уложенными в рога косами. — Время — это самое ценное, что дал нам Бог, поэтому я стану/буду говорить коротко и сразу перейду к самой сути. До того дня, когда Фреир войдет в свою полную силу, осталось всего восемьдесят три года, и как только сей день наступит, населяющие Дикий Континент варвары, уже и теперь предчувствующие свой скорый конец, будут окончательно истреблены. Варвары не сумеют/не в силах вынести усиливающийся зной, чего не скажешь о нас, обитателях Ускутошка, проживавших/проживающих в благодатной прохладе, что было/есть/будет благословение Божие.

Одному из главенствующих государств южного континента, Борлиену, уже предстояло/предстоит оказаться в наиболее трудном положении. К нашему великому сожалению, старейший наш неприятель, Панновал, не только не ослаблен жарой, но стал/становится еще сильнее. Сейчас/в будущем в силу могут вступить многие неизвестные факторы, в результате чего ситуация выходит/выйдет из-под контроля, вина за что, конечно же, должна быть возложена на нашего нерадивого посла, развязавшего в Борлиене подпольную торговлю оружием. Виновный должен быть строго наказан и наказание должно быть/будет скорым и действенным.

Глядя правде в глаза, следует ожидать, что дикари южного континента довольно скоро научатся изготавливать грубое подобие наших ружей. В данной ситуации мы должны/станем действовать, покуда преимущество все еще находится на нашей стороне и производство приличного качества ружей в Кампаннлате еще не получило широкого размаха.

План мой не является новостью для моих товарищей из Военного Комитета — я настоятельно рекомендую объявить войну Борлиену и скорейшими темпами оккупировать эту страну.

После этих слов госпожи адмирала за столом повисла тишина. Затем поднялся приглушенный гул голосов. Несколько присутствующих повернулись к СарториИрврашу, ставшему белым как мел.

— Находящихся в настоящее время в нашем распоряжении сил не хватит на то, чтобы захватить Борлиен прямой атакой. Но способ оккупировать эту страну и заставить ее подчиниться есть. Не вдаваясь в подробности, замечу, что главные детали этого плана основаны на использовании средств, предоставляемых в наши руки самим королем Ян-долАнганолом, естественно, не по доброй воле, а по незнанию обстановки и неумению рассчитывать перспективу. Как только Борлиен окажется в наших руках, мы сможем нанести по Панновалу удар с двух сторон: с юга и с севера.

Не дав белокурому адмиралу закончить свое выступление, присутствующие разразились громом аплодисментов. Люди улыбались друг другу, а потом поворачивались к СарториИрврашу и улыбались ему тоже, хотя бывший советник неотрывно смотрел только на одно — на аккуратно поджатые губки адмирала.

— Наш флот готов выйти в поход сейчас же, — проговорили эти губки. — Мы рассчитываем, что советник СарториИрвраш отправится в это знаменательное плавание вместе с нами и примет в нем деятельное участие.

И снова аплодисменты, хотя на этот раз пожиже; в ладоши били всего несколько рук.

— Флот отплывет на запад. Я пойду на флагмане, на «Золоте дружбы». Мы намереваемся пойти/пойдем вдоль побережья Кампаннлата, имея целью бухту Гравабагалинен, где находится/будет находиться в изгнании королева МирдемИнггала. К бухте мы подойдем/собираемся подойти с запада. Я и советник останемся в Гравабагалинене, чтобы забрать королеву королев из дворца, в котором она заключена, в то время как остальной флот будет идти/подойдет к Оттассолу, крупнейшему порту Борлиена и будет подвергать/подвергнет его пушечному обстрелу до тех пор, пока тот не капитулирует.

Народ Борлиена очень любит свою королеву. Советник СарториИрвраш объявит о создании в Оттассоле нового правительства, возглавляемого королевой МирдемИнггалой, в котором сам станет премьер-министром. Так война будет выиграна без единого сражения на суше.

Я уверена в том, что мой план вполне реален и ни у кого из вас не вызывает сомнения. Наш distinguished гость и королева-варварка, произведенная на свет Шананной Трибриатской, объединены общей ненавистью к королю ЯндолАнганолу. Королева будет рада возможности снова взойти на трон. Ее владычество, конечно же, будет происходить под нашим неусыпным патронажем.

Как только Оттассол прочно окажется в наших руках, наши корабли с войсками на борту начнут подниматься/поднимутся вверх по реке к столице, Матрассилу. Из донесений моих агентов следует, что в столице мы найдем дружественную поддержку в лице отца королевы королев и сплотившейся вокруг него оппозиционной коалиции. Шаткому правлению короля ЯндолАнганола настанет конец. Он будет выведен из игры путем физического устранения. Мир ничего не потеряет, оставшись без этого приспешника фаторов.

Как только Борлиен окажется в нашей власти, мы нанесем разящий удар на север, через весь Дикий Континент, из Оттассола прямо на Рангобандриаскоч.

Вы все, друзья мои, так или иначе примете ведущее участие в будущих действиях. Предавайтесь же отдыху, потому что впереди вас ждет тяжелая, но достойная работа, а кроме того, всемирная слава. По нашему плану, если будет на то воля Божия, основная часть флота сможет выйти/выйдет/должна будет выйти из порта с восходом Фреира, через два дня.

Перед нами алеет/будет алеть заря великого будущего, друзья.

На этот раз аплодисменты были подобны грохоту горного обвала.

Глава XII

ПАССАЖИР, СПУСКАЮЩИЙСЯ ВНИЗ ПО ТЕЧЕНИЮ, И ЕГО РАССКАЗЫ

— Неизменно всюду грубость и невежество людей... Ежедневный рабский труд нисколько не улучшает их удел. Но те, у кого нет работы и кому нечем заработать на жизнь, находятся в еще более тяжком положении. И выхода нет. Крестьян не интересует ничего, что происходит за пределами их деревни, и даже более того, их не интересует ничего, что не относится к процессу набивания брюха дешевой едой. Посмотри на них, на этот ленивый сброд! Если бы у меня было столько же ума, сколько у них, я по-прежнему был бы нищим в городском парке Олдорандо...

Разглагольствующий философ лежал, раскинувшись на мягких подушках, одна из которых была удобно подложена ему под голову, а на другой покоились его босые ноги. В правой руке он держал бокал своего любимого «Огнедышащего» с лимоном и колотым льдом, в то время как левая рука его обвивала стан молодой женщины и небрежно ласкала ее левую грудь.

Аудитория, к которой философ обращался, состояла всего из двух слушателей, не считая молодой женщины, сидящей с закрытыми глазами. Сын философа, с полуоткрытым ртом, стоял, прислонившись к мачте судна, тихо скользящего по реке. Сбоку от этого молодого человека на бочке стояло блюдо с желто-голубыми ягодами гвинг-гвинг, которые он время от времени брал и отправлял в рот, чтобы потом плюнуть косточкой в проплывающие мимо разнокалиберные лодки.

Опершись головой о мачту, под защищающим его от лучей палящего солнца парусиновым тентом, лежал другой молодой человек, очень бледный, обильно потеющий и о чем-то приглушенно бормочущий. Его ноги, укрытые полосатым одеялом, постоянно беспокойно двигались, — с той поры как судно-ледовоз покинуло Матрассил и направи-

лось на юг, молодого человека трепала злая лихорадка. Минуты просветления редко посещали беднягу, и потому он мог считаться для обремененного годами философа еще менее благодатным слушателем, чем едок гвинг-гвинг.

Но пожилого человека подобные неудачи не обескураживали.

— Например, во время нашей последней остановки я подошел к одному местному идиоту, довольно почтенному на вид старцу, стоящему прислонившись спиной к дереву, и спросил его, не кажется ли ему, что с каждым годом жара становится все сильнее и сильнее. И знаете, что он ответил мне? «Жара, капитан, — сказал он, — была всегда, с самого дня сотворения мира». «И что же это был за день?» — спросил тогда его я. «Точно не знаю, — ответил мне этот деревенский мешок с мусором, — но говорят, что было это в Века Льдов». Можете себе это представить: в Века Льдов! Нет, эти парни — настоящие идиоты, у них в голове пусто. До них не докричишься. Взять хотя бы религию. Моя родина правоверная страна, но в Акханаба мы не верим. Я тоже не верю в Акханаба, но не потому что так повелось, а потому что имею веские причины. Но взять же этих деревенских тупиц, так на поверку окажется, что ни в какого Акханаба они тоже не верят, и не потому что имеют на то причины, а просто потому что не имеют мозгов...

Оратор прервался, чтобы покрепче ухватиться за грудь молодки и как следует хлебнуть «Огнедышащего».

— ...в Акханаба они не верят потому, что у них не хватает на это ума. Они поклоняются каким угодно демонам,номадам, драконам. Представляете, они до сих пор верят в драконов... Они готовы обожествить МирдемИнггалу. Я попросил моего управляющего поводить меня по деревне. И практически в каждой хижине на стене висит портрет МирдемИнггалы. Но самое интересное в том, что и ее они на самом деле не любят, а просто так положено... Потому что, как я уже говорил, их не интересует ничего, кроме как, когда и чем набить свой живот.

— Сиську больно, — вдруг подала голос девица.

Философ зевнул, прикрыв рот правой рукой, и спросил себя, почему он предпочитает компанию первых встречных обществу собственной семьи: даже если иметь в виду, что семья — это не только недоумок-сын, но и жена, дама еще небезынтересная, а также взрослая дочь. Но нет, ему более по душе было плыть по реке, по этой длиннющей дороге, в компании молодой шлюхи и больного парня, вероятнее всего чокнутого, поскольку по его словам выходило, что он совсем недавно прибыл из другого мира.

— Плеск воды лучше всякого успокоительного. По мне, так ничего другого и не надо. Пора на покой, но как я смогу уснуть без плеска мелкой волны за бортом? Есть ли объективное доказательство того, что Акханаба не существует? Конечно, есть. Создать такой сложный мир, как наш, с постоянным круговоротом жизни, с людьми, приходящими в этот мир и равномерно уходящими из него, подобно бесконечному притоку драгоценных камней из земных недр, которые нужно гранить и полировать, прежде чем высыпать перед покупателем, — нет, для этого нужно быть по-настоящему умным парнем, все равно, Бог ты или не Бог. Верно я говорю? Верно?

Не дождавшись ответа на свой вопрос, он ушипнул указательным и большим пальцами девицу за грудь, отчего та вскрикнула и торопливо отозвалась:

— Верно, верно, как изволите.

— То-то. Правильно я говорю. Так вот, если уж ты такой умный, так что тогда тебе за радость сидеть там наверху и тарашиться вниз на глупость своих подданных? Все повторяется из года в год, из века в век, из поколения в поколение и ничего, нигде и никогда не становится лучше, — от такого однообразия можно сбрендить. «В Века Льдов...» — Всемогущего ради...

Зевнув, философ смежил веки.

Девушка толкнула его под ребра.

— Ладно. Если уж вы такой умный, тогда скажите мне, кто создал мир? Если не Акханаба, тогда кто?

— Поменьше болтай, — буркнул философ.

Ледяной капитан Мунтрас заснул. Проснулся он только тогда, когда «Лордриардрийская дева» готовилась бросать якорь на ночевку в Осоилима, где ему предстояло отведать гостеприимства местного отделения «Лордриардрийской ледоторговой компании». Ледяной капитан напоследок гостил абсолютно во всех своих многочисленных представительствах, в результате чего на сей раз его плавание вниз по реке из Матрассила продлилось дольше обычного — почти так же долго, как и плавание вверх по реке, когда его груженные льдом суда тянулись против течения упряжками хоксни.

Дом компании в Осоилима был устроен пройдошливым капитаном еще в молодые годы, и была на то одна причина, о которой он вспоминал каждый раз, причаливая здесь. Думал он об этом и сейчас, наблюдая за тем, как матросы бросают с борта «Девы» концы на берег. Эта причина вздымалась перед ним на три сотни футов выше пышной роши brassимиса. «Это» доминировало над окружающими джунглями, «это» было главной вертикалью речного пейзажа, «это» бросало свое отражение в воду. А кроме всего прочего, «это» привлекало к себе пилигримов со всего Кампаннлата, жаждавшее преклонения, а также и... льда. «Это» было Осоилимской Скалой.

Местный управляющий компании, седовласый мужчина с явственным димариамским акцентом по имени Грендо Паллос, поднявшись на борт «Девы», горячо пожал своему хозяину руку и принялся помогать Диву Мунтрасу, руководящему высадкой на берег пассажиров. Когда последний из фагоров, занимающихся выгрузкой на берег тюков и ящиков с товарами, помеченных надписями «ОСОИЛИМА», сошел по сходням на берег, Паллос вернулся к ледяному капитану.

— Маловато у вас пассажиров — всего три.

— Это пилигримы. Как идет торговля?

— Не слишком. Для меня вы ничего не привезли?

— Ничего. Там, в Матрассиле, они совсем обленились. Во дворце сплошные перевороты. Не самое лучшее время для торговли.

— Да, я тоже слышал об этом. Копья и деньги редко дружат друг с другом. Жаль, что так вышло с королевой. Хотя если союз с Олдорандо действительно будет заключен, пилигримов здесь должно прибавиться. А вот когда даже самые набожные начнут говорить, что солнце припекает слишком сильно для паломничества, тогда наступят по-настоящему трудные времена, Криллио, по-настоящему трудные. Когда все это кончится, вот что мне хотелось бы знать. Правильно вы решили, сейчас самое время уйти на покой.

Подняв бровь, ледяной капитан отвел Паллоса в сторону.

— У меня на борту есть один паренек, странный малый. И вот — я не знаю что с ним делать. Его имя — БиллишОупин. По его словам, он спустился к нам из другого мира. Я допускаю, что он просто мог спятить, но то, что он болтает, иной раз весьма занятно. Кроме того, он считает, что умирает, что его болезнь неизлечима. По-моему, он просто подцепил лихорадку, когда ему пришлось посидеть в застенке матрассильского дворца. Я хотел бы попросить твою жену посмотреть за ним. Сделай это для меня.

— Запросто. Завтра поговорим о том, сколько пойдет на его содержание.

Так Билли Ксиао Пин сошел в Осоилима на берег. Вместе с ним здесь сошла на берег молодая леди по имени АбазВасидол, воспользовавшаяся подвернувшимся случаем бесплатно добраться до Отгассола. Мать Абаз, старая знакомая капитана Мунтраса, МэттиВасидол, была хозяйкой одного дома развлечений на окраинах Матрассила.

Распив по бокалу вина, капитан и его управляющий пошли посмотреть на Билли, уже устроенного в скромной, но чистой комнатке, где хлопотала жена Паллоса.

В кровати на чистых простынях Билли сразу полегчало. По указанию капитана ему была прописана процедура «натирание позвоночника куском льда», по мнению Мунтраса, помогающая от всех хворей. Его лихорадка прошла, он больше не чихал и не кашлял, — как только Матрассил остался позади, его аллергию как рукой сняло. Улыбнувшись Билли, капитан заметил, что помирать ему пока еще рановато.

— Я скоро умру, капитан, и знаю это точно, — упрямо ответил Билли, — но все равно, спасибо вам за заботу и вообще за все.

После ужасов матрассильского дворца оказаться в обществе гостеприимного капитана поистине было подобно благословенному чуду.

— Ты не умрешь. Во всем виноват ядовитый вулкан, эта извергающаяся гора Растиджойник — от ее зловония нет спасения. Не только ты заболел в Матрассиле; весь город кашляет и чихает. Симптомы у всех одинаковые — из глаз льет, боль в горле. Скоро ты окончательно придешь в себя, поднимешься на ноги и все будет хорошо. Никогда не нужно сдаваться, в особенности раньше срока.

Билли слабо закашлялся.

— Может быть, вы и правы. Возможно, простуда отдала развитие другой, смертельной болезни. Вирус «гелико» уже сидит во мне, и от него нет спасения, потому что иммунитета у меня нет, хотя вулканические газы могли оттянуть развязку на неделю или две. Так что, можно сказать, что эти две недели свободы и настоящей жизни мне оказались подарёнными судьбой. Пожалуйста, помогите мне встать.

Размяв ноги, через минуту он уже ходил по комнате сам, потирая руки и смеясь.

Мунтрас, управляющий и его жена стояли у двери и улыбались, глядя на Билли.

— Да, я чувствую облегчение! — восклицал тот. — Большое облегчение. Знаете, капитан, а ведь я начинал ненавидеть ваш мир. Я думал, что смерть свою мне так и придется встретить в Матрассиле.

— Наш мир совсем не так уж плох, стоит только разуз-
нать его получше.

— Но сколько здесь религии!

— В нашем мире, где фагоры и люди живут бок о бок, не обойтись без религии, — ответил Мунтрас. — Столкновение двух чужеродных культур не могло не привести к возникновению веры.

Пораженный глубиной и мудростью этого замечания, Билли застыл в задумчивости, чем и воспользовалась госпожа Паллос, не уделившая словам капитана особого внимания и крепко взявшая своего молодого гостя за предплечье.

— Вот вам и лучше, — сказала она. — Я отведу вас умыться, и вы снова будете как новенький. А после этого накормлю вас ужином, у меня отличный скофф, это именно то, что вам нужно.

— Вот именно, — поддержал хозяйку капитан Мунтрас, — а кроме того, у меня есть для тебя, Билли, другое средство, не хуже доброго ужина. Уверен, ты уже обратил внимание на эту молодую девицу, Абаз, — так вот, я пришлю ее к тебе. Ее мать мой старый друг. Дочка хороша собой и умна, очень многообещающая девушка. Полчасика, проведенные в ее компании, несомненно пойдут тебе на пользу.

Билли залился краской.

— Я уже говорил вам и повторяю снова, что я рожден вне Гелликони, в другом мире, и наши тела могут иметь сильные отличия, о которых я понятия не имею... Не знаю, выйдет ли у меня что-нибудь? Хотя, ведь физически мы одинаковы... А эта девушка, она согласится?

Капитан Мунтрас от души рассмеялся.

— Сдается мне, что ты ей понравился. По крайней мере больше меня. Я знаю, Биллиш, о чувствах, которые ты питаешь к королеве, но прошу тебя: взгляни на это как на меру профилактики. Пусть ничто не отвлекает тебя. Призови на помощь воображение, и уверяю тебя — Абаз покажется тебе ни в чем не хуже королевы.

Щеки Билли продолжали пылать.

— О Земля, что происходит... Что же мне ей говорить? Да, прошу вас, пускай она придет ко мне, хоть бы получилось, хоть бы...

Капитан и хозяйка дома со смехом вышли из комнаты. Потирая руки, Паллос с улыбкой сказал:

— А парень определенно имеет отвагу и склонность к исследованию нового. Вы хотите пристроить за него эту девицу? Или подзаработать на нем?

Зная сильную коммерческую жилку управляющего, Мунтрас промолчал. Возможно, почувствовав недовольство хозяина, Паллос быстро проговорил:

— Эта его болтовня о смерти — вы верите в то, что он действительно мог спуститься из другого мира? Неужели такое возможно?

— Давай еще немного выпьем, и я покажу тебе кое-что, что он дал мне.

Велев слуге позвать к себе Абаз, капитан что-то прошептал девушке на ухо, чмокнул ее в щеку и отослал к Билли.

За окном сгушались мягкие нежные сумерки. В западной части горизонта теплился Беталикс. Выйдя на веранду дома Паллоса, мужчины уселись в плетеные кресла, поставив бутылку и лампу между собой. Положив на стол тяжелый кулак, Мунтрас раскрыл ладонь.

На его ладони лежали заветные часы Билли, с тремя рядами цифр, в каждом из которых пара последних цифр беспокойно мигала, быстро изменяясь:

11:49:2019:00:5223:15:43

— Вот это да! Какая красота! И сколько же это может стоить? Так он продал это вам? — заторопился с вопросами управляющий.

— Этой вещице нет цены — она уникальна, — ответил Мунтрас. — По словам Билли, штуковина эта показывает время Борлиена — вот эти средние цифры, — а кроме того, время мира, из которого он спустился, и время какого-то другого мира, из которого он не спускался. Другими словами, он представил мне это в качестве доказательства своей немыслимой легенды. Чтобы изготовить такие сложные часы, нужно быть отличным мастером, которых, может быть, на весь мир по пальцам можно пересчитать. Скорее даже не мастером, а самим Богом. Слушая его рассказы, я постоянно ловлю себя на мысли о том, что считаю его сумасшедшим, по настоящему сумасшедшим. К примеру, Билли поведал мне,

что мир, с которого он спустился, летает у нас над головами, а обитатели его занимаются тем, что глядят на нас сверху. Эти люди, обитатели летающего мира, они точно такие же как я и ты, Паллос. И ни о каких богах даже речи не идет.

Глотнув «Огнедышащего», Паллос покачал головой:

— Надеюсь, хотя бы в мои деловые бумаги они не рассматривают.

С реки к веранде уже начал тянуться туман. Где-то в сумерках мать звала домой своего сына, пугая его грибой, вылезающей в темноте из воды и глотающей маленьких детей за один присест.

— Эти симпатичные часы уже успели побывать в руках короля ЯндолАнганола — мой парень предложил их ему в подарок. Но тот не стал их принимать, узрев в них злой знак, знамение надвигающейся беды, так-то. Ступив на торную тропку религии, король не может сейчас позволить себе ничего, что могло бы пошатнуть его веру...

Сказав это, капитан постучал по стеклу часов своим тупым пальцем.

— В этой драгоценной безделице заключено столько сомнения, подрывающего любые основы веры, что и представить себе трудно. Можно видеть в ней как повод к надежде, так и причину бояться близкого будущего, все зависит от того, кто ты есть и как на это посмотреть.

Капитан похлопал себя по нагрудному карману куртки.

— Это такое же послание нам, как и вот это, обычное письмо, доверенное мне одной высокородной особой. Мир не стоит на месте, а меняется, причем сейчас эти перемены столь быстры, что их можно заметить невооруженным взглядом, Грендо, имей это в виду.

Вздохнув, Паллос снова глотнул из своего бокала.

— Не хотите взглянуть на мои бухгалтерские книги, Крилио? Дела идут ни шатко ни валко, я предупреждал вас об этом еще в прошлом году.

Оглянувшись на Паллоса, которого колеблющийся свет лампы делал похожим на живого мертвеца, Мунтрас поморщился.

— Хочу задать тебе один вопрос, Грендо, личный. Есть в тебе хоть капля любопытства? Я показал тебе вот эту штуковину, причем сказал, что это часы, которых нигде больше не увидишь, и часы эти прибыли из другого мира. А за стеной, вот за этой стеной, — сейчас кувыркается с девкой странный парень Билли, делает свое первое румбо на этой земле, — не интересно тебе, хотя бы встанет у него или нет? Разве ты никогда не хотел знать больше, Грендо? Отрываешь ты когда-нибудь нос от своего грессбуха?

Паллос принялся чесать щеку, потом неторопливо перешел на подбородок, для чего склонил голову набок.

— Это сказки, а сказки рассказывают для детей... Вы слышали, что кричала совсем недавно мать своему пацану: гриба, что живет в реке, ночью выйдет из воды и сожрет его. С тех пор как я живу в Осоилима, здесь никто не видел ни одной грибы, а ведь это почти восемь лет. Всех гриб убили — уж очень хорошая и крепкая у них была шкура. За шкуру, содранную с одной грибы, можно было выручить отличные деньги. Нет, хозяин, этот Биллиш — он рассказывает вам сказки. Способен ли человек создать целый мир? И даже если это так, что с того? Будет ли от этого польза для моих цифр, как по-вашему?

Вздохнув, Мунтрас повернулся в своем кресле так, чтобы можно было смотреть в туман, куда он и уставился, может быть, в надежде, что оттуда внезапно появится гриба в доказательство того, что рассудительный Паллос с начала до конца не прав.

— Если этот молодчик Биллиш сумеет управиться с кууни, я собираюсь отвести его на вершину Скалы — у него должно хватить на это сил. Неплохо было бы поужинать: как насчет того, чтобы попросить твою жену приготовить нам что-нибудь?

Осоилимский управляющий поднялся и ушел, а Мунтрас остался сидеть, вглядываясь в темноту. Через некоторое время он закурил вероник и с удовольствием принялся следить за тем, как ароматный дым уплывает к стропилам и клубится там. О своем сыне он вспомнил лишь один раз,

вскользь, потому что хорошо знал, где Див может быть: на местном базаре. Постепенно ледяной капитан унесся мыслями далеко-далеко.

По прошествии некоторого времени, держась за руки, появились Билли и Абаз. Ширины лица Билли едва хватало на то, чтобы вместить его улыбку. Молча они уселись за стол. Так же молча Мунтрас предложил им по стаканчику «Огнедышащего». Билли покачал головой.

По всему было видно, что недавно им пережитое задело его чрезвычайно. Что касается Абаз, то та выглядела так же спокойно и умиротворенно, как если бы она вернулась только что из похода в одну из матрассильских церквей, где бывала с матерью. Черты ее лица чем-то напоминали Мэтти в юности, но еще был в ней некий глянец покоя и благополучия, незнакомых Мэтти в молодые годы. Взгляд Абаз был прям и открыт, в то время как Мэтти прятала глаза и редко смотрела открыто, хотя, по мнению Мунтраса, считавшего себя знатоком человеческих душ, и в дочери и в матери преобладала одна и та же очень импонирующая ему сдержанность. Абаз торопилась уехать из Матрассила, где оказалась втянутой в неприятную историю, и бегство ей удалось, в чем немалую роль сыграли ее спокойствие и сдержанность характера. Сейчас, в легком платье, выгодно подчеркивающим ее высокую молодую грудь и хорошо гармонирующем с каштановой гривой ее волос, Абаз была так хороша, что даже настроенный философски и скептически Мунтрас не мог этого не признать.

Глядя на девушку, он вдруг подумал о том, что Бог все же, может быть, действительно существует. Возможно, Бог правит миром, несмотря на весь идиотизм людей, его населяющих, если в нем возможна такая красота, как Абаз...

Наконец, выдохнув очередной клуб дыма, Мунтрас задал свой вопрос:

— Скажи, Биллиш, в твоем мире мужчины и женщины тоже нисходят до общения по-простому?

— Этому «простому», как вы выразились, общению нас учат в восемь лет, для чего в наших школах существует це-

лый раздел науки, — отозвался Билли, нежно поглаживая руку девушки. — Но то, что здесь... с Абаз... ни о какой науке тут речи быть не может, здесь все было на самом деле... все по-настоящему... О, Абазии... — благоговейно прошептав имя своей подруги, Билли страстно поцеловал ее сначала в щеку, а потом в губы. Абаз отвечала ему покорно, но без излишней пылкости.

Потом, поднявшись, Билли пожал Мунтрасу руку.

— Вы были совершенно правы, мой дорогой друг, — Абаз ни в чем не уступает королеве, а во многом и превосходит ее. Она божественна.

— По-моему, все женщины одинаковы и только воображение мужчин наделяет их чертами различия. Есть старая поговорка: «От румбо все кровати скрипят одинаково». У тебя слишком живое воображение, Билли, вот в чем дело. Абаз хорошая девушка во всех отношениях, а в некотором роде у нее талант, и решив, что ее компания заставит тебя на многое взглянуть по-новому, я не ошибся. Скажи, Биллиш, кууни в нашем мире так же глубоки, как и в вашем?

— Нет, они глубже, мягче, слаще... — повернувшись к своей соседке, Билли снова принялся ее целовать.

Капитан вздохнул.

— Ну будет вам, помиловались — и хватит. В чем-то страсть так же утомительна, как и пьянство. Иди к себе, Абаз. Я хочу поговорить с этим молодым человеком, и если это окажется возможным, услышать от него что-нибудь путное... Послушай, Биллиш, с тех пор как мы сошли с корабля на берег, у тебя, конечно же, особенно не было времени смотреть по сторонам; ты почти все время валялся в кровати, по одной причине или другой, но возможно, что теперь ты сможешь оторвать взгляд от роскошных прелестей этой грудастой красотишки и чуть-чуть оглянуться по сторонам. Ты видел Осоилимскую Скалу, вот о чем я хочу тебя спросить. Если еще не видел, то не пожалеешь, — через час я хочу подняться на нее вместе с тобой. Если уж у тебя хватило сил, чтобы взобраться на Абаз, то у тебя хватит сил, чтобы одолеть и Скалу.

— Конечно, я пойду с вами, если Абаз пойдет тоже.

Подняв на Билли глаза, Мунтрас ухитрился изобразить на лице одновременно и усмешку, и гневную гримасу.

— Ответь мне пожалуйста, приятель Биллиш, ты, случайно, не с Пеговина, что в Геспагорате, — тамошние коренные жители известные шутники.

— Послушайте...

Билли повернулся к капитану лицом и взглянул ему прямо в налитые кровью глаза.

— Я именно тот, кем называю себя, — человек из другого мира. Я родился и вырос не на Гелликонии, но вышло так, что мне позволено было опуститься на вашу планету, что я и сделал, прилетев сюда при помощи специального аппарата, о котором я уже рассказывал вам, хотя лихорадка и не давала мне тогда возможности собраться как следует с мыслями. Я ни за что не стал бы лгать вам, Криллио, потому что очень многим вам обязан. Можно сказать, что я обязан вам больше чем жизнью.

Капитан небрежно махнул рукой.

— Ты ничем мне не обязан, Биллиш. Никогда не стоит считать других тебе обязанными, лично я никогда этого не делаю. Помнишь, я рассказывал тебе о том, что когда-то давно был нищим. Так что я никакой не благодетель и не святой, — успокойся и не считай себя передо мной в неоплатном долгу.

— Но вы усердно работали и создали свое дело, преуспевающее и прибыльное, отлично налаженный механизм. Сам король называет вас своим другом...

Выпустив из сложенных трубочкой губ тонкую струйку дыма, Мунтрас холодно спросил:

— Так в этом все дело? Именно это не дает тебе покоя?

— Король ЯндолАнганол? Но ведь вы же с ним друзья, верно?

— Скажем так: я веду с его королевским величеством некоторые торговые дела.

Билли взглянул на капитана с легкой улыбкой.

— Кажется, вы не слишком его любите, короля ЯндолАнганола?

Покачив головой, капитан затянулся трубкой и ответил:

— Биллиш, по всему видно, что тебе наплевать на религию, — мне, по правде сказать, тоже. Но должен предупредить тебя, что в Кампаннлате религия очень сильна и с ней тут шутки плохи. Помнишь, как его величество бросил тебе обратно твои часы, которые ты пытался подарить ему? Король борлиенский суеверен до мозга костей, так что в таком случае остается говорить о его подданных? Если тебе вдруг взбредет в голову показать эти часы какому-нибудь осои-лимскому крестьянину, он побежит к соседям и они схватят тебя как еретика и бунтовщика, и хорошо если не устроят самосуд. Они, конечно, могут принять тебя за святого, но могут и заколоть вилами.

— Но почему?

— Тут нет логичного объяснения. Люди боятся вещей, которые им незнакомы. Один-единственный безумец способен изменить мир. Запомни это, Биллиш, я говорю это для твоего же блага. Так-то. Все, хватит разговоров, пошли.

Положив конец своей лекции, ледяной капитан поднялся, и когда Билли встал за ним следом, он ободряюще положил ему руку на плечо.

— Хорошая девушка, хороший ужин, хорошая прогулка — что еще нужно настоящему мужчине? От мыслей голова пухнет? — побольше физических нагрузок, молодому человеку это полезно.

Ужин был уже подан, и, подкрепившись, они вскоре были готовы к восхождению на Скалу. За ужином Мунтрас выяснил, что живущий у подножия Скалы Паллос ни разу за это время не побывал на ее вершине. Обсмеяв своего управляющего с ног до головы, он велел ему тоже собираться в дорогу, и вскоре все трое уже шагали по тропинке к подножию. Паллос захватил с собой сиборнельское ружье, которое нес на плече.

— Похоже, твои дела идут не так плохо, если ты можешь позволить себе подобную артиллерию, — с подозрением заметил капитан. Он доверял своим управляющим не больше, чем королю.

— Я купил это ружье, чтобы защищать вашу собственность, Криллио, хотя это было и не так просто сделать. Даже когда торговля шла хорошо, мне не так много с этого перепадало.

Они двинулись по дороге, ведущей от пристани к городку Осоилима. Среди домов туман был не такой густой, а свет на небольшой центральной площади, льющийся из нескольких окон, действовал ободряюще. На площади был народ, — прохлада вечернего бриза, поднявшегося на закате, манила выйти на прогулку. С лотков и с прилавков маленьких лавочек шла бойкая торговля сувенирами и сладостями. На ходу Паллос указал на несколько постоянных дворов, где селились пилигримы и куда он регулярно продавал свой товар, лордриардрийский лед. По его словам выходило, что большую часть покупателей, то есть людей с деньгами, здесь составляли именно пилигримы. Многих из тех, кто считал, что владеть чужой жизнью — большой грех, привлекала сюда давняя традиция, обязывающая каждого хозяина дать свободу своему рабу, будь то человек или фагор.

— Чудно, тащатся в такую даль, чтобы расстаться здесь со своей собственностью, а ведь рабы стоят неплохих денег, — с раздражением заметил Паллос, которого явно удивляла причуда подобных доброхотов.

Подножие Скалы начиналось от самой площади, или лучше сказать, площадь и город ютились к Скале. Тут же на площади находилась знаменитая часовня Свободных Рабов, в которой ледяной капитан купил каждому из своих спутников по свече. Миновав небольшую рощу, они начали восхождение. Заросли талипота покрывали Скалу, и им постоянно приходилось раздвигать жесткую листву. В небе то и дело появлялись всполохи зарниц, которые освещали тропу.

Навстречу им спускались люди, уже побывавшие на вершине Скалы. Сверху и со всех сторон доносились невнятные приглушенные голоса пилигримов. Многие десятилетия назад в камне были вырублены для удобства ступени. Ступенчатая тропинка вилась вокруг камней, перил не было и

нужно было проявлять осторожность. Неверный свет свечей освещал путь едва ли на шаг вперед.

— Дьявол, я стал уже стар для таких забав, — пробормотал Мунтрас.

Но мало-помалу они выбрались на ровное место. Это оказалась площадка, в дальнем конце которой, под аркой, стояло одинокое строение — святилище. На самом краю площадки имелся парапет, облокотившись о который можно было видеть торчащие из медленно колышущегося тумана копьевидные вершины густого леса.

Сквозь монотонный шум Такиссы иногда снизу доносились звуки города. Откуда-то была слышна музыка — играли на двухструнном клосе или, вероятнее всего, на биннадурии. Струнному инструменту вторили ритмы барабанов. И всюду в лесу сквозь разрывы тумана можно было различить мигающие огоньки.

— В точности, как говорят, — прошептала Абаз. — «Нет ни одного клочка земли, где можно было бы жить сносно, но нет и ни одного клочка земли, где кто-нибудь, да не жил».

— Истинно правоверные пилигримы бодрствуют всю ночь, чтобы встретить рассвет, — объяснил Билли Мунтрас. — На этих широтах оба солнца восходят круглый год, но у меня на родине это не так.

— Все люди на моей родине, Криллио, очень хорошо образованы и многое знают и умеют, — отозвался Билли, не отпуская талии Абаз. — Например, точно так же как хороший художник может написать портрет, до мелочи повторяющий оригинал, для нас не составляет труда создать видимость имитации реальности при помощи видео, трехмерной голографии и прочих ухищрений. Но результат этого на поверку выходит плачевный — мое поколение начинает сомневаться в существовании реальности, сомневаться в том, что окружающий мир, кроме Аверна, существует вообще. Зачастую под сомнение ставится даже существование Гелликонии. Не знаю, понятно ли я вам объясняю...

— Биллиш, по делам торговым я прошел весь Кампанлат вдоль и поперек, а до этого я был нищим и бродягой. Я побывал в разных местах, был и далеко на западе, в стране, зовущейся Понипот, что лежит за Рандонаном и в Рададо, там, где кончается земля. Так вот, я был в Понипоте и знаю, что он существует, хотя скажи я об этом кому-нибудь здесь, в Осоилима, мне никто не поверит.

— А где он находится, этот твой мир, Биллиш, этот твой Аверн? — спросила Абаз. — Я слышала, ты говорил, что он находится где-то наверху, над головой? Это, случайно, не он?

— Где?

От горизонта до горизонта небо было удивительно чистым и безоблачным, ясно светили звезды.

— Эта яркая звезда — Ипокрен, газовый гигант. Аверн еще не взошел. Сейчас он, наверно, находится где-то с другой стороны Гелликони, под нами, и его не видно.

— Под нами! — с коротким смешком воскликнула девушка. — Биллиш, ты просто спятил. Если ты надеешься, что люди тебе когда-нибудь начнут верить, то нужно придерживаться одной истории. Раньше ты говорил другое. Под нами! Это где же — в стране духов, что ли?

— А другой мир, о котором ты говорил, Биллиш, Земля? Можешь ты показать ее нам?

— К сожалению, Земля находится очень далеко от нас и увидеть ее невозможно. Кроме того, Земля ведь не звезда и не светит.

— А как же тогда ты собирался показать нам Аверн?

— Аверн светит отраженным светом. Его поверхность отражает лучи Беталикса и Фрейра.

Мунтрас задумался.

— Тогда почему мы не можем видеть Землю? Почему она не отражает лучи Фрейра и Беталикса?

— Мне очень трудно объяснить вам это. Если бы у Гелликони был спутник, вы поняли бы меня гораздо лучше, — но луны у вашей планеты нет, и поэтому привести в пример нечего. Кстати, отсутствие луны очень сильно задержало развитие астрономии на вашей планете. Для глаз человека спут-

ники гораздо более привлекательны, чем звезды и солнца. Что касается Земли, то она тоже светит отраженным светом, светом нашей звезды, Солнца, но из-за расстояния различить этот свет невозможно.

— Что ж, Солнце далеко и его не видно, — ладно, пускай. И стараться высмотреть я ничего не буду — все равно мои глаза уже не те, что были прежде.

Билли повернулся к западной части небосвода, потом махнул туда рукой.

— Солнце, Земля и другие планеты нашей системы находятся вон там. Как вы зовете вон то длинное созвездие, звезды которого широко разбросаны, — у него наверху еще светит одна яркая звезда и три маленьких?

— У нас, в Димариаме, мы называем это созвездие Ночным Червем. Прости меня, Биллиш, может быть, я и ошибаюсь, потому что мои глаза совсем ослабли. Рядом с Ночным Червем находится также и Червь Вутры. Верно, Грендо?

— Вы не по адресу обратились — мне недосуг пялиться по ночам на звезды, — со смешком отозвался Паллос. — Что я, звездочет? Вы лучше покажите мне золотой в десять рун, и я вмиг его опознаю.

— Солнце — одна из самых слабых звезд созвездия Червь Вутры, она находится в районе его жабр.

В разговоре с капитаном и его спутниками Билли старался держать легкий и веселый тон, так как после стольких лет ученичества роль рассказчика его несколько смущала. Не успел он закончить говорить, как сверкнувшая в небе очередная зарница осветила лица его слушателей, выхватив на мгновение их из сумерек. Абаз, чуть приоткрыв пухлый ротик, рассеянно смотрела туда, куда он недавно указывал. Управляющий со скучающим видом глядел в темноту, его ладонь покоилась на спуске ружья, что, очевидно, придавало ему уверенности. Пожилой капитан с упорством вглядывался в бесконечность космоса, в глазах торговца светилась решимость и симпатия к говорящему.

Все эти люди были частью подлинной реальности. Нервная система Билли с трудом, но все же начала привыкать

к жизни в среде новых ощущений, запахов, звуков и цветов. Те, кто следил за ним сверху, считали его канувшим в ад; однако ему, ощущающему полную свободу, звенящую в каждой клеточке его тела, казалось, что он пребывает в раю.

Далекая молния сверкнула и погасла, оставив всех в полной темноте, в которую медленно вернулся сумрак серой ночи.

Мунтрас заговорил снова.

— Но если Земля так далеко, Биллиш, как же тогда люди там ухитряются нас видеть?

— Они видят нас благодаря чудесам науки. Наука позволяет людям общаться через огромные расстояния.

— Когда мы доберемся до Лордриардри, ты объяснишь мне, как это происходит?

— Так ты хочешь сказать, что где-то там далеко есть люди, точно такие же, как я и все остальные, — торопливо заговорила Абаз, — которые смотрят на нас и смотрят прямо сейчас? Видят нас такими, как мы есть, а сами находятся вон там, на головке червя?

— Именно так, моя дорогая Абаз, и даже более того — твое лицо и имя уже может быть известно миллионам обитателей Земли — или лучше сказать, станет известно по прошествии тысячи лет, потому что именно столько времени занимает передача известия от Аверна к Земле.

Цифры не произвели на Абаз особого впечатления; она думала совсем о другом. Прикрыв рот рукой, она поднялась на цыпочки и прошептала на ухо Билли:

— А то, чем мы занимались в кровати, они тоже смогут увидеть?

Услышав такой вопрос, Паллос рассмеялся и ушипнул Абаз за задок.

— За сеанс со зрителями требуется надбавка, ты к этому клонишь, дорогуша?

— Держите свои грязные шуточки при себе, не вашего это ума дело, — грозно огрызнулся Билли.

Мунтрас надул губы.

— Какая им радость подсматривать за нами, погрязшими в своей дикарской тупости?

— Во всей Вселенной Гелликония уникальна, потому что только здесь землянам удалось найти живых разумных существ, — объяснил Билли.

Все замолчали, обдумывая эти слова, и в это самое время из раскинувшихся внизу туманных джунглей донесся резкий звук, возможно, пронзительный крик, далекий, но отчетливый.

— Кто это был, какой-то зверь? — испуганно спросила девушка.

— По-моему, это трубят в рог фагоры, — ответил Мунтрас. — То, что мы сейчас слышали, это сигнал тревоги, близкой опасности. Скажи, Грендо, здесь много бродит свободных фагоров?

— Много ли, мало, не знаю, но сколько-то есть. Освобожденные фагоры перенимают у людей их уклад жизни, образуют в джунглях свои поселения и, как я слышал, живут там совсем неплохо, — ответил Паллос. — В торговле они соображают неважно, поэтому за лед с них удастся взять хорошие деньги.

— Так вы продаете лед и фагорам? — пораженно спросила Абаз. — Я думала, что только фагорской страже короля ЯндолАнганолола разрешено продавать лед.

— Фагоры часто приходят в Осоилима и приносят с собой на продажу свой товар, всякую всячину: ожерелья из косточек гвинг-гвинг, шкуры животных и тому подобное, и лед они берут не за деньги, а в обмен на свое добро. Получив от меня мерку льда, они обычно выходят на улицу и грызут его прямо у дверей дома компании. На это невозможно смотреть, так отвратительно! Как пьяницы, дорвавшиеся до бутылки!

На некоторое время все замолчали.

— Фагоров нам бояться нечего, — отрывисто проговорил Мунтрас, прервав всеобщее молчаливое размышление. — Слышишь, Биллиш, там, в той стороне, где, по твоим словам, находится твое Солнце, в этом направлении, находится Западный Хребет, который люди зовут Непрístupным Нктрихком. Очень мало кто из людей побывал там. Склоны

Нктрихка неприступны, и ходят слухи, что там, на высокогорных равнинах, живут племена фагоров. Ты никогда не смотрел сверху на Нктрихк со своего Аверна?

— Смотрел, Криллио, и очень часто. На Аверне у нас есть несколько отсеков, отведенных для отдыха и расслабления, так вот там имеется точная копия высокогорных местечек этой горной страны. Самый верх хребта Нктрихк по большей части закрыт облаками, поэтому для наблюдения и съемок мы использовали инфракрасные камеры. Плато начинаются на высоте девяти миль, в стратосфере, где вершины гор на большом протяжении словно срезаны гигантским ножом, — воздуха там очень мало. На самых высоких плато жизни нет, нет там и фагоров. Жаль, что у меня нет фотографий показать вам, но жизни там нет. Извините, если я вас разочаровал.

— Ты сказал — «фотографии»? Что это такое?

— Я расскажу вам обо всем в подробностях, но только в Лорддриадри, хорошо?

— Идет. Раз рассказ окончен, тогда давайте спускаться, а то достоемся до того, что сам Акханаба спустится к нам с небес. Предлагаю еще перекусить и завалиться спать, потому что «Дева» отчалит завтра рано поутру, никак не позже полудня.

— Аверн взойдет через час. В течение двадцати минут он пересечет весь небосклон от одной стороны горизонта до другой.

— Биллиш, всего полдня назад ты валялся в лихорадке. Через час ты должен не наблюдать за Аверном, а лежать в кровати — имей в виду, один — и спокойно спать. Я буду твоим отцом на Земле, — дьявол, я хотел сказать, на Гелликони. Ведь твои родители наверняка сейчас смотрят на нас сверху — зачем их расстраивать?

— У нас нет родителей, нас воспитывает клан, — объяснил Билли, когда они ступили под арку и подошли к краю спускающейся вниз тропинки. — На Аверне в обычае искусственное оплодотворение.

— Я с нетерпением жду твоих рассказов о том, как вам это удастся, — и с рисунками, с рисунками! — хохотнул ледяной капитан.

Вниз по реке от Осоилима пейзажи берегов сильно изменились. Сначала с одной стороны, а потом и с другой начали появляться возделанные поля. Джунгли отступили, дав место стране плодородного лёсса. То, как «Лордтриардрийская дева» пересекала береговую черту города Оттассола, заметили только бывалые матросы да капитан — настолько необычен был для остальных вид городов, перенесших свою жизнедеятельность с поверхности земли в ее недра.

Велев Диву следить за выгрузкой товаров на пристань, капитан Мунтрас взял Билли за руку и отвел его вниз, в один из пустых отсеков трюма, в маленькую кладовую.

— Как самочувствие — в порядке?

— Неплохо. Но это ненадолго. А где Абаз?

— Послушай, что я скажу тебе, Биллиш. Я хочу, чтобы ты остался тут в трюме и сидел здесь, пока я буду в городе по одному очень важному делу. Я должен повидаться со своими друзьями, заглянуть к паре человек. У меня есть важное письмо и мне нужно организовать его доставку по назначению. Здесь, в Оттассоле, они ребята дошлые, не то что эти деревенские дурни. Я не хочу, чтобы тебя даже видел кто-нибудь, не то что разговаривал. Понял?

— Но почему?

Мунтрас твердо взглянул Билли в глаза.

— Потому что я и сам тоже дурень, коль скоро поверил твоей сказке.

Билли от удовольствия улыбнулся.

— Спасибо вам. У вас гораздо больше здравого смысла, чем у короля и СарториИрвраша.

Они с удовольствием пожали друг другу руки.

Фигура плечистого капитана заполняла собой почти всю кладовую.

— Надеюсь, ты не забыл, как эти две матрассильские шишки обращались с тобой? Поэтому, если не хочешь, что-

бы и здесь повторилось то же самое, носа не высовывая из трюма.

— Значит, я должен сидеть в трюме, пока вы будете развлекаться на берегу и попивать там с друзьями, набираясь до чертиков? Почему я не могу увидеть Абаз?

Тяжелая рука капитана поднялась в предостерегающем жесте.

— Знаешь что, парень, я стар и шума не люблю. И я никогда не напиваюсь. Я вернусь, как только закончу все свои дела. Потому что хочу, чтобы ты добрался до Лордриардри в целости и сохранности, и ты, и эти твои волшебные часы. В Лордриардри ты сможешь жить спокойно, там найдется, кому о тебе позаботиться. Там у нас будет время поговорить обо всем, неторопливо и обстоятельно. Но сначала я должен доделать это дело, отправить письмо.

Но Билли никак не мог успокоиться.

— Криллио, где Абаз? Почему вы не хотите сказать мне?

— Избавившись от одной болезни, ты подхватил другую — из огня да в полымя. Абаз ушла. Почему ты спрашиваешь меня об этом, Биллиш, ты же и так прекрасно знал, что она плыла с нами только до Оттассола?

— Она ушла, даже не повидавшись со мной? Не сказав ни слова на прощание?

— Див ревнует Абази к тебе, так что я попросил ее убраться поскорее. Она передавала тебе привет, сказала, что ты был очень мил. Абаз некогда сидеть на месте, ей нужно зарабатывать на жизнь, как и всем остальным.

— Зарабатывать на жизнь... — прошептал потерянно Билли и замолчал.

Воспользовавшись паузой, Мунтрас выскользнул из кладовой и запер за собой дверь. Убирая в карман ключи, он улыбался.

Поняв, что его снова посадили под замок, Билли начал барабанить в дверь кулаками.

— Не шуми, я скоро вернусь, — ободряюще крикнул ему капитан.

Поднявшись по трапу, Мунтрас быстро прошел к сходням и вскоре уже широко шагал по набережной. В конце

набережной у границы порта в земле зияло жерло туннеля, уводившего под землю, в глубины лёсса. Над дырой в земле красовалась вывеска «ЛОРДРИАРДРИЙСКАЯ ЛЕДОТОРГОВАЯ КОМПАНИЯ. ТРАНЗИТНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ».

Представительство компании Криллио Мунтраса находилось в малом порту Оттассола. Главный порт располагался в миле вниз по реке, куда могли заходить и большие океанские корабли и где, само собой, торговый оборот имел большие объемы. Войдя в туннель, Мунтрас остановился у торговой конторки.

Двое клерков, испуганных столь неожиданным появлением хозяина, торопливо вскочили на ноги, в суматохе рассыпав по полу колоду карт. Кроме клерков, в конторе находились Див и Абаз.

— Спасибо, Див. Прошу тебя, окажи мне услугу, уведи отсюда этих парней и позволь мне несколько минут побыть наедине с Абаз.

Надутый как всегда, Див исполнил указание. Когда дверь за ним и служащими компании закрылась, Мунтрас запер ее и повернулся к девушке.

— Если хочешь, можешь присесть, дорогая.

— Что вы хотите от меня? Плавание закончено, хотя и продлилось дольше, чем было обещано, — я хочу заняться личными делами, у меня их непочатый край.

Девушка держалась задиристо, но в то же время было видно, что она взволнована и даже испугана. То, что капитан запер дверь, определенно беспокоило ее. Уголки рта Абаз опустились точно так же, как это бывало в тяжелые минуты у ее матери. Мунтрас улыбался, глядя на нее.

— Тебе нечего бояться, юная леди. И не дерзи, пожалуйста, это тебе не к лицу. До сих пор ты вела себя наилучшим образом, и я очень тобой доволен. На тот случай, если ты еще этого не поняла, запомни: такой юной мокрошелке, как ты, всегда полезно сохранять хорошие отношения с таким значительным и важным человеком, как капитан Криллио Мунтрас, даже если он уже и старик. По большому счету ты мне нравишься, я доволен тобой и за это собираюсь тебя

наградить. Объясняю: ты была добра ко мне и к Билли и за это получишь награду.

Абаз немного успокоилась.

— Я погорячилась, извините меня. Просто... постоянная тайна, которой вы все окружаете. Почему, например, вы не позволили мне попрощаться с ним? С ним что-то опять не так, да?

Кивая словам девушки, капитан доставал из пояса одну за другой серебряные монеты. Взглянув на лицо девушки, он с улыбкой протянул ей деньги. Когда, увидев на ладони капитана серебро, Абаз простодушно потянулась за деньгами, он крепко схватил ее за запястье свободной рукой. Девушка вскрикнула от боли.

— Терпение, дорогая, ты сейчас получишь эти деньги. Но прежде я должен убедиться, что могу доверять тебе и впредь. Надеюсь, ты знаешь, что Оттассол большой порт?

Сказав это, Мунтрас сжимал Абаз запястье до тех пор, пока та не прошипела в ответ:

— Да, знаю.

— Тогда, думаю, для тебя не секрет также и то, что в каждом порту, особенно в крупном, всегда бывает множество иноземцев?

Он снова сжал запястье и уже не выпускал его.

— Знаешь ли ты, что среди иноземцев попадают люди с других материков?

Она кивнула.

— Например, из Геспагората?

Она опять прошипела:

— Да, знаю.

— Или из далекого Сиборнела?

Шипение.

— Включая и ускутов, обитателей Сиборнела?

После недолгой паузы она ответила:

— Да.

Оставив брови нахмуренными, что должно было означать то, что наставления еще не закончены, капитан отпустил многострадальное запястье Абаз, на котором от кольца

его пальцев осталась красная полоса. Быстро схватив серебряные монеты, Абаз, дрожа то ли от злости, то ли от страха, молча спрятала их в свой узел с вещами.

— А ты вспыльчивая девушка. Это ничего: вспыльчивая, зато отходчивая. Берешь от жизни все, что подвернется? Прекрасно. Если я не ошибаюсь, в Матрассиле ты имела дело с некоторым человеком-ускутом, с которым познакомилась на почве своего обычного занятия? Правильно я говорю?

На лице девушки снова мелькнула дерзость, — сделала шаг назад, она хищно посмотрела на капитана, словно раздумывая, с какой стороны на него лучше броситься.

— О каком это моем обычном занятии вы говорите?

— О том, которому тебя научила мать, — за деньги ты даешь мужчинам пользоваться своей кууни. Видишь ли, дорогая, твоя мать — моя давнишняя и хорошая знакомая, и потому ты для меня все равно что раскрытая книга, так что не крути со мной — бесполезно. То, о чем я только что говорил, случилось довольно давно, поэтому я попрошу тебя напомнить мне имя этого ускута, получавшего от тебя запретные услуги в обмен на звонкую монету.

Абаз отрицательно потрясла головой. В ее глазах заблестели слезы.

— Черт, а я-то думала, вы друг. Я не хочу об этом говорить! Этого человека все равно больше нет в Матрассиле, он вернулся на свою родину. Он запутался в делах и влип... Если хотите знать, из-за него и я подалась на юг. Моя мать никогда не умела держать язык за зубами. Когда-нибудь болтовня ей дорого обойдется.

— Ясно. Так, значит, твой источник доходов иссяк — или, точнее говоря, подался на север, только пятки засверкали... Все, что я хочу от тебя, это услышать его имя, — скажи мне его имя, и можешь быть свободна.

Закрыв лицо руками, Абаз прошептала в ладони:

— Ио Пашаратид.

На мгновение в конторе оттассольской компании повисла тишина.

— Ты взяла отличный темп, моя маленькая потаскушка. Я с трудом верю тому, что слышу от тебя. Посол Сиборне-

ла, ни больше ни меньше! Ведь это ж надо? И не только в кууни тут дело, тут и ружья замешаны. Его жена-то хоть знает?

— А вы как думаете? — Тон Абаз снова был вызывающим.

Пожав плечами, капитан быстро проговорил:

— Что ж, хорошо. Спасибо, Абази. Теперь у меня есть на тебя управа. Точно так же, как и у тебя есть управа на меня. Ты знаешь про Биллиша. Но кроме тебя, никто о нем больше знать не должен. Держи рот на замке и никогда, нигде и ни при каких обстоятельствах не называй его имени, даже во сне. Ты получила свои деньги, и он должен покинуть Кампаннлат беспрепятственно.

Если я хоть когда-нибудь узнаю, что ты рассказала кому-то о Биллише, хотя бы намекнула о его существовании, я немедленно отправлю письмо в сиборнельское представительство в Оттассоле и у тебя начнутся неприятности. В такой религиозной стране, как Борлиен, связь с чужеземцем, а тем более сиборнельцем и послом, находится под строжайшим запретом и наказание нарушившей этот запрет наверняка будет крайне суровым. Тебя станут либо шантажировать, либо убьют. Стоит только властям узнать, что связывало тебя и Пашаратида, как о тебе можно будет забыть, — ты исчезнешь, и очень скоро. Ты поняла, что я имею в виду?

— Да, старый мерзавец, я все поняла! Я поняла.

— Очень хорошо. И повторяю: поменьше нервов. Послушай моего совета: никогда не раскрывай рот и не раздвигай ноги без дела. Сейчас ты пойдешь со мной — я хочу представить тебя одному своему другу, ученому. Ему в доме нужна служанка. Он человек обеспеченный и будет платить тебе хорошо и в срок. Ведь по природе своей я человек не злой, Абази. Просто я ненавижу, когда у кого-то в руках остается леска, привязанная к сидящему в моей спине крючку. Я хочу оказать тебе услугу, найти пристойную работу и пристроить тебя на новом месте — делаю я это не только ради твоих прекрасных глаз, но и ради твоей матери. Потому что если ты начнешь заниматься в Оттассоле тем же, чем

занималась в Матрассиле, то знай, все это очень плохо закончится для тебя.

Капитан подождал от Абаз ответа, но та молчала, недоверчиво глядя на него.

— Если тебе удастся зарекомендовать себя в доме моего ученого друга с хорошей стороны, ты сможешь забыть о том, что когда-то зарабатывала на жизнь лежа на спине. Ты сможешь найти себе хорошего мужа — ты красива и совсем не глупа. То, что я тебе предлагаю, это шанс, который не стоит упускать.

— А тем временем твой друг будет присматривать за мной — я правильно поняла?

Глядя на Абаз, ледяной капитан выпятил вперед губы, издал поцелуйный звук и ухмыльнулся.

— Он недавно женился и можешь не беспокоиться, он не станет к тебе приставать. Утри нос. Мы пойдем и повидаемся с ним прямо сейчас.

Остановившись за городскими воротами у начала подземной улицы, капитан свистнул рикшу. Коляска немедленно появилась, ею управляли пара ветеранов Западной Войны, имеющих на двоих две с половиной руки, три ноги и примерно такое же количество глаз. Пропустив вперед Абаз, капитан забрался в коляску следом за девушкой.

Скрипя колесами, коляска прокатила их по подземным улицам Отгассола до самой Больничной Площади, освещенной лучами полуденного солнца, проникающими под землю сквозь прорезанное в своде квадратное отверстие. Несколько ступенек вели к двери с вывеской. Капитан и его молодая спутница выбрались из повозки, ветераны получили свою монетку, и капитан дернул ручку дверного колокольчика.

Хотя для человека с профессией астролога и не должно быть неожиданностей, тем не менее Бардол КараБансити не мог скрыть изумления, увидев перед собой Мунтраса и его молодую спутницу.

За кувшином вина, поданным гостям любимой женой КараБансити, хозяин дома с удовольствием дал согласие принять АбазВасидол на испытательный срок в качестве служанки.

— Не хочу сказать, что тебе придется таскать из моей мастерской туши разделанных хоксни, Абаз, для этого у меня есть фагоры, но разнообразную работу я тебе обещаю. Можешь приступать прямо сейчас, только проводим твоего радетеля. Впечатление ты производишь положительное.

Судя по выражению лица жены анатома и астролога, новая работница нравилась ей не так сильно, как мужу, но она промолчала, не посмея возразить хозяину дома.

— Коль скоро все так быстро и хорошо устроилось, то я с вашего позволения откланяюсь, — проговорил, поднимаясь, ледяной капитан. — Примите мои наилучшие пожелания.

КараБансити поднялся тоже, и на этот раз удивление на его лице читалось особенно ясно. В течение многих лет так сложилось, что, доставляя анатому партию свежего льда — которого в хозяйстве и анатомической мастерской КараБансити уходило немало, — капитан каждый раз пользовался случаем побаловать себя долгой и полезной беседой со знающим человеком. Сейчас же Криллио Мунтрас явно куда-то торопился, что выходило за рамки обычного и несомненно означало что-то из ряда вон выходящее.

— В благодарность за такую хорошую служанку я хочу лично отвезти вас обратно на ваш корабль, капитан Мунтрас, — сказал он. — Нет-нет, я настаиваю.

Он действительно настоял на своем и уже через несколько минут капитан и анатом сидели колени в колени и нос к носу в тряской коляске.

— Я слышал, вы дружны с СарториИрврашем? — спросил анатома капитан.

— Да, мы давно знаем друг друга. Я высоко ценю его как ученого, — отозвался КараБансити. — Надеюсь, он пребывает в добром здравии?

— Не совсем — король ЯндолАнганол сместил его с должности. После этого не прошло и дня, как советник исчез.

— Куда же? — поинтересовался, скрывая жадный интерес, анатом и астролог.

— Будь мне известно, я не стал бы называть это исчезновением, — с усмешкой ответил Мунтрас, слегка переставляя ноги, чтобы освободить затекающие колени.

— Но что же случилось, скажите мне, ради Всемогущего?

— Вы слышали о том, что произошло с королевой королев?

— По пути в Гравабагаалинен она останавливалась в Оттассоле. По отчетам листков новостей, около пяти тысяч шапок было потеряно, когда легкомысленные горожане подбрасывали их в воздух, приветствуя ее величество, прибывшую к королевской пристани.

— Король ЯндолАнганол и ваш друг попали в неприятную историю в связи с «Расправой над мирдолаторами».

— И поэтому СарториИрвраш исчез?

Мунтрас кивнул в ответ чуть заметно, но все равно носы его и анатома едва не соприкоснулись.

— Где же он находится сейчас — в местах вечного упокоения, куда однажды сойдем и мы, и все остальные? Или же в подземной тюрьме матрассильского дворца?

— Может быть. Хотя, возможно, он попросту покинул город, бежал — у него достаточно сообразительности, чтобы предвидеть свою судьбу.

Между двумя мужчинами повисла тишина.

Когда коляска наконец остановилась у ледового склада, Мунтрас, протянув руку, мягко проговорил:

— Вы были очень добры, теперь я доберусь сам, а вы не провожайте меня, оставайтесь здесь и сразу езжайте домой, так вам будет удобно.

Придав себе смущенный вид стремящегося угодить всеми возможными способами человека, анатом КараБансити вылез из коляски.

— А вы хитрец. Вы всегда были хитрецом. Лично я считаю, что домой мне торопиться не стоит — пускай жена лучше познакомится с новой служанкой, вашей милой АбазВасидол, не стоит им мешать. А тем временем вы и я можем опрокинуть за встречу по стаканчику, на этот раз на борту вашего судна, капитан. Как вы на это смотрите — идет?

— Да, но...

Пока взволнованный Мунтрас расплачивался с рикшей, анатом безапелляционно и уверенно направился к сходням, перекинутым с борта «Лордриардрийской девы» на берег.

— Надеюсь, у вас на борту найдется бутылочка вашего славного «Огнедышащего»? — весело поинтересовался КараБансити у капитана. — Каким образом, интересно, вам удалось заставить эту молодую леди, чей взгляд пылает собственным, слушаться вас столь беспрекословно?

— Она дочь одного моего старого друга. Оттассол место опасное, в особенности для таких молодых девушек, как Абаз.

У сходней «Лордриардрийской девы» на страже стояли два фагора в боевых перевязях с вышитым на них именем компании.

— Прошу меня простить, дорогой друг, но я не могу пустить вас на борт моего судна, — тихо, но твердо заявил капитан Мунтрас, загораживая анатому дорогу, да так резко, что их лица снова едва не соприкоснулись.

— Но почему? В чем дело? Насколько я понимаю, нынешнее ваше плавание — последнее? Так почему бы нам не выпить и не поговорить напоследок: когда еще свидимся.

— Нет, почему же, я еще вернусь... Что тут плыть — всего-навсего какое-то море. Я ходил через него десятки раз.

— Но пираты... Вы ведь всегда боялись пиратов.

Мунтрас глубоко вздохнул.

— Хорошо, я скажу вам правду, но хочу, чтобы вы пообещали мне держать то, что я открою вам, в секрете. У меня на борту чума — один матрос заболел. По-хорошему, мне нужно было сообщить об этом портовым властям, но тогда бы меня не допустили под разгрузку и черт знает сколько продержали в карантине, а я так тороплюсь домой. Так что простите, но на борт я вас допустить не могу, ради вашей же безопасности. Нет, и не просите, я не хочу подвергать вашу жизнь риску.

— Гм, — хмыкнул КараБансити и, ухватив мясистый подбородок в горсть, искоса взглянул на ледяного капитана. — По роду своей деятельности мне приходилось сталкиваться с множеством болезней, так что риск невелик, к большей части заразы у меня скорее всего иммунитет. Ради вашего замечательного «Огнедышащего» я готов подвергнуть себя риску.

— Нет уж, извините. Вы мне слишком дороги как друг, я не могу вас потерять. Потом придется себя всю жизнь казнить, знаете ли. Очень скоро я снова появлюсь в Оттассоле, и тогда мы выпьем, без спешки и с толком и расстановкой...

Всё еще что-то бормоча, капитан вырвал свою руку из руки анатома и почти бегом поднялся по сходням на борт своего судна. Задыхаясь от бега, он кликнул сына и велел созывать всех на борт — «Дева» отплывала сейчас же.

КараБансити не ушел с набережной. Укрывшись у одного из складов, он следил за кораблем ледяного капитана до тех пор, пока Мунтрас не скрылся из виду, спустившись в трюм. После этого, повернувшись на каблуках, анатом медленно и задумчиво двинулся восвояси.

Пройдя немного по припортовой улице, КараБансити неожиданно остановился, щелкнул пальцами и расхохотался. Небольшая тайна капитана была им разрешена. Отпраздновав новую победу логики над путаницей жизни, он свернул в переулок и вошел в первую попавшуюся таверну, где никто не мог его узнать.

— Полбутылки «Огнедышащего», — заказал он у полового.

Да, он заслужил этот небольшой приз. Люди, испытывающие по разным причинам чувство вины и ненавидящие себя за это, могут выдать себя словами, сами не зная того. Оттолкнувшись от этого, он взглянул иными глазами на то, что сказал ему в коляске Мунтрас. «Или же в подземной тюрьме матрассильского дворца?» — «Может быть». «Может быть» означает ни «да», ни «нет». Вот оно в чем дело. Ледяной капитан спас СарториИрвраша от гнева короля, вывез его из Матрассила на борту своего ледовоза, и теперь они вместе плывут в Димариам. Само собой, спасение государственного преступника дело настолько опасное, что капитан не посчитал возможным посвящать в него даже оттассольского друга бывшего советника.

Потягивая душистое питье, анатом некоторое время размышлял над методами дедукции, позволяющими узнавать о большой тайне, основываясь на малых фактах.

* * *

В течение своей длительной и насыщенной событиями карьеры капитану Мунтрасу приходилось лукавить как с врагами, так и с друзьями. Многие не доверяли ему; однако сильные, почти отцовские чувства, которые он испытывал к Билли, происходящие скорее всего из столь разительного контраста между чудаковатым юношей и собственным сыном капитана, недалеким Дивом, заставляли его решаться на крайности. Мунтрасу импонировала беззащитность Билли и привлекала сокровищница пугающих знаний, кроющаяся в его голове и являющаяся неразрывной частью его образа. Он уже нисколько не сомневался в том, что Билли действительно появился из другого мира. И он был готов защищать его от любых напастей.

Но прежде чем взять курс на родину, в Димариам, ледяной капитан должен был исполнить еще одно дело. Он не забыл об обещании, данном им королеве. Пристав к причалу в главном оттассольском порту, капитан вызвал к себе на борт одного из своих младших капитанов, человека, командующего другим торговым судном компании, «Лордриардрийским увальнем», и выложил перед ним кожаный кошель с письмом королевы.

— Ты идешь в Рандонан, капитан?

— Да, до самого Орделея.

— Я попрошу тебя доставить этот кошель одному борлиенскому генералу, Ханре ТолрамКетинету, командующему Второй Армией. Ты лично отвечаешь за то, чтобы письмо попало генералу в собственные руки. Понятно?

Здесь же, в главном порту, капитан Мунтрас со всеми предосторожностями переместил Билли на борт океанского флагмана, «Лордриардрийской королевы», гордости своей небольшой флотилии. Флагман мог нести на борту до 200 тонн лучшего лордриардрийского льда. Сейчас же, собираясь взять курс к родным берегам, «Королева» имела в своих трюмах груз борлиенского дерева и зерно, а на борту восторженного, целиком захваченного предстоящим плаванием Билли и нахмуренного Дива.

Попутный ветер наполнил паруса до отказа — снасти за- пели от натуги и такелаж закрипел. Нос флагамена ледяной флотилии, словно стрелка магнитного компаса, указывал на юг, к далекому Геспагорату.

С пристальным вниманием авернцы следили за тем, как хрупкий деревянный бриг с Билли Ксиао Пином на борту медленно, но неуклонно приближался к берегам Геспагората.

Образ жизни обитателей Аверна практически исключал всевозможные драмы и переживания. Однако сейчас эмоциональное напряжение было очевидным, в особенности среди самых молодых членов шести семейств. Каждый житель Аверна, как бы он ни хотел остаться нейтральным, так или иначе должен был встать либо на сторону Билли, либо на сторону осуждающих его поведение.

Одна из причин спора конфликтующих сторон такова: сумеет ли Билли убедить гелликонцев в существовании Аверна.

Встреча Билли с Мунтрасом вроде бы начала давать ре- альные плоды — Билли удалось убедить Мунтраса. Но ледя- ной капитан не мог расцениваться как важная персона. Осуждающая группа немедленно стала утверждать, что Бил- ли на этом и остановится, не будет принимать дальнейших шагов, а просто станет наслаждаться последними днями ка- нikuл перед тем, как вирус «гелико» убьет его.

Вопрос, волнующий умы большинства авернцев, в об- щих чертах сводился к следующему: «Что предприняли бы король ЯндолАнганол и советник, возьми они на себя труд вдуматься в слова Билли поглубже и поверить в существова- ние «другого мира»?» Но на этот вопрос сам собою напра- шивался ответ: Аверн был гораздо менее важен для Гелли- конии, чем Гелликония для Аверна.

Успехи и неудачи Билли всячески сравнивались с успе- хами и неудачами победителей прошлых каникул на Гелли- конии. Сказать по правде, мало кто из прошлых победите- лей сумел продвинуться дальше Билли. Большая часть из них погибли уже вскоре после их прибытия на планету. Судь-

ба женщин была плачевнее судьбы мужчин: отсутствие духа состязательности на Аверне привело к установлению фактического равенства между полами; на планете внизу ситуация была, мягко сказать, прямо противоположной, в результате чего очень многие женщины закончили свою жизнь рабынями. Те из наиболее крепких и психологически закаленных авернцев, кому удавалось выжить в первые дни пребывания на Гелликонии, зачастую образовывали около себя религиозные общины, превращаясь в Небесных Спасителей (подлинный титул одного из победителей). Очень скоро о новоявленных святых узнавали агенты Берущих, и силы милиции уничтожали сектантов, обычно проживающих компактно в пределах одной деревни.

Наиболее хитрые и ловкие, появившись на Гелликонии, напрочь скрывали свое происхождение и доживали свои дни под видом чужеземцев из заморских стран.

Лишь в одном практически все победители лотереи были схожи: несмотря на настойчивые предостережения своих Наставников, все они хотя бы однажды вступали в сексуальную связь с представителями местного населения. Мотыльки всегда летят к самому яркому огню. Победители не могли заставить себя отказаться от такой малости.

То, что случилось во дворце с Билли, укрепило антипатию обитателей Аверна к религиозной вере гелликонцев. По общему мнению, религия сбивала развитие цивилизации с разумного и прогрессивного пути. Жители Гелликонии — все равно, верующие или неверующие — рассматривались как реакционеры и радетели за процветание идеалов лжи. Однако дальнейшие впечатления от происшествий с Билли несколько успокоили общую непримиримость, направив мнение семейных кланов в сторону взгляда на жизнь отдельного гелликонца как на частное произведение искусства взбалмошной матери-природы.

Мнение, сложившееся на далекой Земле, было несколько иным. На главу из долгой книги гелликонской истории, описывающей взаимные перипетии короля Яндола Анганола, Сартора Ирвраша и Билли Ксиао Пина, земляне взирали

с чувством печального превосходства, в равной степени замешенного на отстраненности и сопереживании. По большей своей части люди Земли давно уже перешли ту ступень развития, где религиозная вера была необходимой частью существования, поощрялась идеологией, превозносилась в качестве модного культа или хотя бы даже упоминалась вообще как бессильный рудимент, используемый разве что в литературе и истории. Вместе с тем земляне хорошо понимали значение религии, предоставляющей возможность даже самому последнему крестьянину, погрязшему в беспросветном труде, на мгновение приобщиться к вечности. Униженным и оскорбленным Бог необходим, и это земляне тоже понимали. Они понимали, что Великий Акханаба был возможностью обрести религиозное сознание тем, кто в Боге, по сути, не нуждался.

Причины того, почему раса анципиталов не была подвержена религиозным волнениям, также тщательно анализировались, в результате чего вывод, сделанный по этому поводу, вкратце сводился к следующему: вневременный разум двурогих позволял им держаться вдали от подобного рода беспокоящих понятий. В отличие от людей фагоры никогда не стремились падать ниц перед ложными богами.

Материалисты Аверна на расстоянии сотен тысяч миль от подобного рода мыслителей восхищались фагорами. На их глазах двурогие с невозмутимостью приняли Билли и помогли ему, что разительно отличалось от приема, который был ему оказан в матрассильском дворце. Некоторые, настроенные наиболее революционно, начинали подумывать о том, не следует ли дать следующему победителю лотереи установку на то, чтобы войти в близкий контакт с фагорами и с их помощью попытаться свергнуть ложные идола человечества.

Подобные идеи начинали приходить в голову после продолжительных часов всесторонних обсуждений и споров. Основопологающей причиной подобных взглядов была тщательно скрываемая, но все же существующая зависть к свободе человечества на Гелликонии, пускай даже и ограни-

ченной и неверно используемой, — зависть настолько разрушительная для целостности души, что бороться с ней в тесноте и безысходности земной Станции Наблюдения было практически невозможно.

Глава XIII

СПОСОБ ОБРЕСТИ НОВОЕ ОРУЖИЕ

Приближалось начало нового малого года, начало настолько незаметное и непримечательное, что под знойными лучами Фреира, стирающими все различия между временами года, о нем можно было почти забыть. О наступлении нового года не забывала лишь Церковь, отмечающая эту дату своим особым способом.

В томительном ожидании грамоты с разрешением на развод король ЯндолАнганол исхудал и осунулся. С тем чтобы восстановить популярность в народе, он задумал начать новую кампанию в Косгатте, чтобы наконец разделаться с ненавистным Дарвлишем. Иссущающую душу муку он пытался заглушить непрерывной деятельностью.

Помолившись и вытерпев бичевание от рук собственного викария, король ЯндолАнганол поднялся для омовения в свою ванную комнату, после чего оделся и бодрым шагом вышел на дворцовый плац, где его ожидал оседланный хоксни. На короле был богатый кидрант с вышитыми изображениями животных, шелковые штаны и высокие кожаные сапоги. Под кидрантом скрывался кожаный панцирь с серебряными бляхами и гербами.

Любимый королевский скакун, Ветер, под седлом ожидал своего хозяина. Король вскочил в седло. Юлий бегал вокруг, радостно вскрикивал и называл его «отец»; помедлив немного, король нагнулся и одним быстрым движением поднял ма-

ленького двурогого к себе в седло. Пустив Ветра рысью, король въехал в негустой холмистый парк позади дворца. На почтительном расстоянии за королем следовал взвод Первого Фагорского — полка, на который король в нынешние тревожные времена возлагал еще больше надежд, чем прежде.

Теплый ветер дул ему в щеку. ЯндоЛанганол дышал глубоко и ровно. Все вокруг, куда ни кинешь взгляд, было покрыто серым налетом дыхания извергающегося вдали вулкана Растиджойник.

— Сегодня будут стрелять, — объявил Юлий.

— Да, стрелять.

В лесистой долине, где брассим распростер свои кожистые листья, были расставлены мишени. Несколько человек в темной одежде выполняли последние приготовления. Заметив короля, люди в черном замерли, пораженные королевским присутствием, замораживающим кровь в жилах подданных. Воины Первого Фагорского молча выстроились в цепь и перегородили вход в долину.

Спрыгнув с Ветра, Юлий принялся снова вокруг, безразличный к опасности предстоящего. Король остался сидеть в седле, грозно сдвинув брови, словно его сила оказалась настолько великой и всеподавляющей, что заморозила кровь даже в нем самом.

Наконец решившись, одна из черных фигур выдвинулась вперед и приветствовала короля. Человек в черном был невысок и худощав, его сложение было необычным. На нем была мешковатая одежда — типичная для представителей его ремесленного клана.

Имя ремесленника было СланджнивалИптрекира. Имя считалось грубым и смешным. Возможно, своему имени мастер и был обязан некоторыми жизненными неудачами, с которыми он пытался бороться, украшая себя длинными торчащими в стороны волосами, пышными усами и напоминающей ухо фагора бородкой. Поэтому его вообще-то незлое лицо приобретало вид несколько устрашающий, а кроме того, странный, так как торчащие в стороны усы и волосы искажали пропорции лица, растягивая его в ширину.

Выдержав орлиный взгляд суверена, мастер облизнул губы. Волнение его объяснялось тем, что по должности своей он являлся главным королевским оружейником и сегодня должен был представить на суд короля шесть ружей, изготовленных по высочайшему приказу в Кузнечном Подряде по сиборнельскому образцу.

Сегодняшняя проба была уже второй. Шесть ружей первой партии были испробованы половину теннера назад, и в тот раз ни одно из них как следует не сработало. Сегодняшний показ решал судьбу мастера и от этого его волнение постепенно переходило в страх.

Сидя высоко в седле, король оглядел оружейников. Потом, подняв руку, подал сигнал. Неподвижные фигуры ожили.

Для испытания ружей были назначены шесть фагоров-сержантов, которые должны были стрелять один за другим. С тяжеловесными, ничего не выражающими бычьими мордами, сержанты двинулись вперед, ссутулив широкие плечи, являя разительный контраст хлипким фигурам оружейников.

Внешне новые изделия СланджнивалИптрекира в точности копировали оригиналы — сиборнельские ружья. Стволы покоились в выемках деревянных лож, переходящих в приклады длиной около двух футов. К прикладу ствол крепился полосками меди. Запальный механизм был выполнен из железа наилучшего качества, которое способны были сварить только литейщики Кузнечного Подряда. Серебряные накладки с узорами на религиозные темы украшали приклады. Как и сиборнельские оригиналы, ружья Сланджнивала заряжались через дуло.

Первый сержант фагоров занял позицию с ружьем в руках и спокойно принялся следить за тем, как один из оружейников наводит оружие на цель. Сержант опустил на одно колено. Впереди под дулом ружья находился треножник, принимающий на себя основную часть веса оружия.

— Все готово, ваше величество, — почтительно проговорил СланджнивалИптрекира, взволнованно переводя взгляд с оружия на монарха.

Король кивнул с почти безразличным выражением лица.

Фитиль был подожжен, курок нажат и огонь коснулся запальной полки. Заряд взорвался. С оглушительным грохотом ружье разлетелось на куски.

Издав горловой звук, фагор-сержант опрокинулся на спину. Юлий с писком пустился наутек в кусты. Ветер попятился. С деревьев с криками снялись птицы.

Король ЯндолАнганол успокоил своего скакуна.

— Давайте номер второй.

Раненный в лицо и грудь и истекающий сукровицей, сержант-фагор, время от времени издающий слабые блеющие звуки, был поднят на руки своими товарищами и унесен с глаз долой. Его место уже занял второй сержант.

Взрыв, сопровождавший попытку выстрела из второго ружья, был еще сильнее, чем первый. Несколько щепок долетели до короля и ударили в его нагрудник. У сержанта оторвало часть скулы. Третье ружье не выстрелило вообще. После нескольких повторных попыток пуля наконец выкатилась из дула и бессильно упала на землю. Посерев лицом, королевский оружейник нервно рассмеялся.

— Со следующим должно повезти, — пробормотал он.

С четвертым ружьем действительно повезло, хотя хотелось ожидать большего. Ружье выстрелило чин по чину, пуля вылетела из дула и впилась в мишень в самом ее краю. Мишень была самой большой, предназначенной для обучения стрельбы из лука, и стояла от стрелка всего в двух дюжинах шагов, — выстрел был засчитан как удачный.

У пятого ружья треснул ствол по всей длине. Шестое ружье выстрелило, но пуля не попала в цель.

Сбившись в тесную группку, оружейники стояли, уставив глаза в землю.

Едва передвигая ноги, СланджнивалИптрекира приблизился к королевскому скакуну и снова отсалютовал. Борода Сланджнивала дрожала от страха.

— С каждым разом ружья становятся все лучше и лучше, ваше величество. Можно сказать, что на этот раз достигнуты некоторые успехи. Возможно, следовало заложить заряды пороха поменьше.

— Причина не в силе зарядов: ваш металл — труха. Даю вам неделю срока. Если через неделю вы не представите мне шесть боеспособных ружей, я истреблю весь ваш Подряд до последнего подмастерья, а с тебя, оружейник, велю содрать кожу, отвезти на Косгатт и бросить там.

Подобрав одно из ружей с разорванным стволом, король свистнул Юлию и поскакал по серой траве ко дворцу.

Следы тяжелого дыхания вулкана Растиджойник были повсюду, в любом углу, на каждом уступе, карнизе и подоконнике. Только закрыв за собой толстую деревянную дверь, а за ней еще одну, король сумел избавиться от пепла.

Опускаясь вниз по винтовым ступенькам к подземным помещениям, предназначенным для дворцовых «гостей», он ощущал, как вокруг него словно мокрое одеяло сгущаются холод и влажная тьма.

Король миновал три проходные комнаты. Первая комната имела наиболее устрашающий вид. В свое время здесь находились оружейная, комната стражи, кухня, морг и камера пыток, причем некоторые принадлежности последней все еще были развешаны на стенах. Вторая комната служила спальней, и из обстановки в ней имелся только диван, хотя когда-то здесь тоже находилась мертвецкая и для этой цели комната выглядела гораздо более подходящей. В третьей, последней комнате сидел ВарпалАнганол.

Старый король сидел, закутавшись в сырое одеяло, его ноги покоились на каминной решетке, за которой еле теплилось коптящее пламя. Через окно под потолком сочился скудный наружный свет, с трудом разгоняющий темноту в небольшой части комнаты и позволяющий различить силуэт бывшего короля и его лысый череп с кустиками волос.

Такую картину король ЯндолАнганол видел не впервые. Сгорбленную фигуру, одеяло на плечах, каминную решетку, стул, каменный пол и даже это полено, вяло тлеющее в полном влаги воздухе, — все это, казалось, не менялось никогда, оставаясь неизменным в течение множества лет. И еще королю казалось, что только здесь, в темнице под землей он мог найти единственный во всем королевстве образчик подлинного терпения.

Издав кашляющий звук, словно бы прочищая горло, старый король чуть повернул голову к вошедшему. Выражение лица старика было наполовину отсутствующим, наполовину безумным.

— Это я, Ян.

— Значит, та самая тропка... где играет рыба... Ты...

С огромным трудом старик сумел вырваться из пут собственных мыслей.

— А, это ты, Ян? Который сейчас час?

— Почти четырнадцать, если это все, что ты хочешь у меня узнать.

— Время — это такая штука, которой приходится всегда интересоваться. — ВарпалАнганол издал смешок, который мог бы составить честь любому привидению. — Например, в котором часу Борлиен наконец угодит в объятия Фреира, хотелось бы знать?

— Этого не случится никогда — все это бабья болтовня. Я принес тебе кое-что показать.

— О чьей это болтовне ты говоришь, сынок? Твоя мать давно мертва. Я не видел ее с... или, может быть, я ошибаюсь? Она жива? Я забыл. Здесь холодно, не мог бы ты похлопотать, чтобы эту комнату как следует протопили? Как можно жить в таком холодном дворце? Я действительно чую запах паленого или это только мне кажется?

— Вулкан извергается.

— Ясно. Вулкан. А я-то уж решил, что Фреир наконец-то до нас добрался. Иногда я придумываю такое... Не хочешь присесть, сынок?

Бывший король, кряхтя, попытался подняться на ноги. ЯндоЛанганол, положив ему руку на плечо, заставил сидеть на месте.

— Роба не появился? Ведь он уже родился на свет, верно?

— Не знаю, где он, — по-моему, он просто спятил, с ним невозможно стало договориться.

Старый король сухо хихикнул.

— Ловко придумано. Самое глубокое безумие происходит от особой силы разума, вот что я хочу сказать... По-

мнишь, как играла на пруду рыба? А Роба... в нем всегда было что-то дикое, необузданное. Сейчас, наверное, он уже почти мужчина. Выходит, его нет во дворце и он тебе не соперник? Конечно, иначе бы ты не был так спокоен. Женить его ты тоже не можешь. Кстати, как ее зовут... Кун? От нее ты тоже избавился?

— Она отправилась в Гравабагаалинен.

— Отлично. Я надеялся, что ты не станешь убивать ее. А что с моим старым другом Рашвеном? Что Рашвен — жив или мертв? Знаешь, примерно половина времени, если время можно делить на половины, ускользает от меня. Я не знаю, чем ты занимаешься.

— Рашвен бежал. Я уже рассказывал тебе. Моим агентам удалось найти его следы — он уплыл в Сиборнел, — надеюсь, хоть тут он не прогадал.

Отец и сын замолчали. С негодным ружьем в руках, ЯндолАнганол стоял перед отцом, не решаясь прерывать несвязное течение его мыслей. С каждым днем старый король угасал, становился все хуже и хуже.

— Ладно, будем надеяться, что ему удастся полюбоваться на Великое Колесо Харнабхара. Колесо — священный знак сиборнельцев, надеюсь, ты знаешь это?

С огромным трудом, почти уронив при этом одеяло, ВарпалАнганолу удалось повернуть негнущуюся шею достаточно далеко, чтобы взглянуть на сына.

— Колесо — это их священный символ, вот что я хочу сказать.

— Я знаю.

— Тогда говори со мной и отвечай, если я задаю тебе вопросы... что случилось с тем парнем, с ускутом, с этим, как его?... Пашаратидом? Его удалось изловить?

— Нет, он сбежал и его жена тоже, теннер назад.

Поудобнее устроившись на стуле, старик вздохнул. Его руки под влажным одеялом нервно дрожали.

— Ну что, в Матрассиле вообще никого не осталось, так?

Прежде чем ответить, король ЯндолАнганол долго смотрел через голову отца, на серый квадрат света.

— Остались только я и фагоры.

— Хочешь, Ян, расскажу тебе о моих встречах с Пашаратидом? Это очень интересно. Однажды он добился разрешения на встречу со мной. Так вот, для человека с севера его поведение мне показалось очень странным. Обычно северяне очень хорошо умеют держать себя в руках и прекрасно контролируют свое поведение — они не такие вспыльчивые, как борлиенцы.

— Вы что же, строили с ним планы заговора против меня?

— Совсем нет — я сидел вот тут, где сижу, а он, бывало, подтащит к окошку вон тот тяжелый стол, — веришь, тащил через всю комнату один. Ставил стол прямо под окошком, а оно такое маленькое. Ты ведь впервые об этом слышишь?

Сорвавшись с места, король ЯндоЛанганол принялся метаться по темнице отца, шаря глазами по углам, словно в поисках возможности вырваться отсюда.

— Он что же, хотел насладиться видом из твоих роскошных апартаментов?

Силуэт в кресле издал блеющий смешок.

— Именно так. Хотел насладиться видом. Отлично сказано. Очень точно. Видом на... как бы это сказать... Лучше сам посмотри, подвинь стол к окну и посмотри. В это зарешеченное окошко очень хорошо видны окна покоев королевы МирдемИнгалы, а также ее веранда...

Старый король разразился сухим скрежещущим кашлем, раздражающим ему горло. Король уже не ходил по камере, а стремительно бегал.

— В мое окно также можно увидеть бассейн, где королева часто купалась со своими фрейлинами, совершенно обнаженная. Купалась до того, как ты выслал ее из столицы, само собой...

— К чему это ты мне говоришь, отец?

— К чему? Как это к чему! Ты что, не понимаешь, о чем я тебе говорю? Сиборнельский посол забирался на стол вот у этого окна и смотрел, как твоя жена, королева королев, купалась в пруду без ничего или в лучшем случае в рубашке из куска кисеи... Очень... очень неординарное поведение

для сиборнельца. Для ускута. Да и вообще для кого бы то ни было.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше?

Наконец остановившись, король навис над своим дряхлым родителем.

— Вот еще. Ты бы убил его.

— Да. Я бы убил его. И никто бы за это меня не обвинил. Я был бы прав.

— А вот и нет. Сиборнельцы сделали бы из тебя козла отпущения. Ты предоставил бы им отличный повод. Упав с головы посла Пашаратида хотя бы один волос, у Борлиена было бы гораздо больше неприятностей, чем теперь, хотя, может быть, сейчас это и трудно представить. Ты так и не научился дипломатии. Я это знал и потому не сказал тебе ничего.

ЯндолАнганол снова сорвался с места.

— Ты старый хитрый лис! Неужели в тебе ничего не дрогнуло от того, что выделял тут Пашаратид? Ты должен был возненавидеть его сразу же!

— Правда? А для чего тогда вообще нужны женщины? У меня не было причин ненавидеть Пашаратида. Хотя против ненависти я тоже ничего не имею. Ненавистью мы живем, ненависть согревает нас по ночам. Стоит тебе разок спуститься сюда ко мне, как я забываю об ушедших в никуда годах, вспоминаю, что такое любовь, а без тебя все что я знаю — это...

— Хватит! — вскричал ЯндолАнганол, топнув ногой в каменный пол. — Я не желаю больше слышать разговоров про любовь, ни от тебя, ни от кого-то другого. При мне больше ни слова о любви. Почему ты никогда не хочешь помочь мне? Почему ты не рассказал мне про Пашаратида, когда еще было не поздно схватить его? Он когда-нибудь назначал тайные свидания Кун?

— Ну когда ты повзрослеешь?

В голосе старика густо булькнула разливающаяся желчь.

— Сдается мне, что он ухитрялся навещать ее в теплом гнездышке каждую ночь...

Рука короля Борлиена взлетела вверх, и старик отшатнулся и прикрылся руками, ожидая неминуемого удара. Но вместо этого ЯндолАнганол без сил упал на стоящий напротив отцовского стул.

— Я пришел к тебе, чтобы показать кое-что. Скажи мне, что бы ты на моем месте с этим сделал?

Подняв с пола брошенную туда самодельную кремневку с разорванным во всю длину стволом, он положил ее на колени старого короля.

— Тяжелая штукавина. Убери ее от меня, она мне не нравится. Сад Кун зарастает, за ним никто не следит...

Свергнутый король столкнулся со своих колен неуклюжий предмет из дерева и металла, и тот с громким стуком упал на пол. ЯндолАнганол оставил искореженное ружье лежать там, где оно упало.

— Это новый вид оружия, ружье, его сделали кузнецы и слесари Кузнечного Подряда СланджнивалИптрекира. От выстрела ствол лопнул по всей длине. Из шести ружей, которые я велел ему сделать, только одно сумело выстрелить. Почему наши ружья не стреляют, что мы в них делаем не так, в чем наша ошибка? Как вышло, что наши кузнецы, чье ремесло восходит к дальним векам, и прадеды которых были первыми, кто научился лить металл, не могут сделать простое ружье?

Несколько минут бессильная куча костей и плоти на стуле сидела молча, бессмысленно теребя одеяло. Потом старик заговорил:

— От старости не все становится лучше. Взять хотя бы меня. Взгляни на меня, на сидящую перед тобой рухлядь... То же самое может случиться с некоторыми ремеслами и отраслями знания — они просто состарились. Что еще я могу сказать? Рашвен когда-то рассказывал мне, что многие ремесленники сумели выжить во времена Великой Зимы и тайне передать свои знания из поколения в поколение, с тем чтобы их искусство, пережив тяжелые времена, дождалось времен светлых, наступления весны.

— Я тоже слышал от него это и много раз! И что с того? Скрипучий голос ВарпалАнганола набрал силу.

— Что с того? А то, что вслед за весной обычно наступает лето. Сохраняя свое знание в веках, передавая его из поколения в поколение, ремесленники могли понемногу терять его, но уж никак не приобретать нового. Клань ремесленников постепенно стали превращаться в узкий круг избранных... Попробуй представить себе, Ян, все эти века тьмы и холода люди валились в колодезь вечности, которому не было конца, вот как я это себе вижу. Деревья вымерзали. Дров не было. Угля тоже. Невозможно было разжечь нормальный огонь, а следовательно, выплавка металла становилась делом все более и более сложным. Глядя на этот изуродованный ствол, я считаю, что всему виной именно процесс плавки — выплавка недостаточно хороша, что делает дурным и сам металл. Доменные печи, в которых наши кузнецы плавят металл... возможно, их нужно перестроить. Плавку нужно вести по улучшенным, современным методам, брать здесь пример с сиборнельцев.

— Я пригрозил этим лентяям смертью. Возможно, это поможет им добиться успеха.

— Не лень здесь виной, а устаревшие традиции. Вот что я предлагаю: отруби голову Сланджу, а после этого предложи за хорошее ружье щедрую награду. Может быть, это вдохновит оставшихся на нововведения.

— Да, может быть, это поможет.

ЯндоЛанганол подобрал с пола ружье и двинулся к двери.

— Для чего тебе нужны ружья? — слабым голосом спросил его в спину старик.

— Для того чтобы отплатить за Косгатт. Чтобы переломить ход Западной Войны. Для чего же еще?

— Тогда сначала я советую тебе перестрелять врагов у дверей своего собственного дома. Задай урок Ундрейду. А за ним Дарвлишу. После этого ты сможешь приступить и к более далеким вылазкам, не беспокоясь за тылы.

— Я сам знаю, как вести войны, мне не нужны твои советы.

— Ты просто боишься Дарвлиша.

— Я никого не боюсь. Разве что себя самого, иногда.

— Ян.

— Что?

— Пришли мне, пожалуйста, сухие дрова, а то эти не хотят разгораться, хорошо?

Сказав это, старик зашелся в долгом скрипучем кашле.

Старик притворяется, решил король ЯндолАнганол, и вышел из комнаты.

Дабы выказать свое смирение, король отправился к большому храму на площади в центральной части столицы. Возле Северных ворот монарха встретил сам архиепископ Банца-Багинат.

ЯндолАнганол совершил публичную молитву, став на колени прямо среди простого народа. Забывшись, король привел с собой в храм Юлия, и пока хозяин стоял на коленях, погрузившись в протрацию, рунт скромно топтался в темном углу. Пытаясь завоевать популярность у своих подданных, король ЯндолАнганол, опрометчиво приведший фагора в обитель Акханаба, достиг прямо противоположного результата.

Как бы там ни было, молитва короля была услышана Богом, и тот посоветовал прислушаться к отцовским рекомендациям в отношении Кузнечного Подряда и его Главного Оружейника.

Совет был получен, но король все медлил в нерешительности. И без того у него много врагов, не хватало к их сонмищам прибавлять еще и ремесленников, традиционно обладающих большой властью в стране и имеющих своих представителей в скритине. Помолившись потом еще и в собственной часовне и подвергнувшись бичеванию, король надолго погрузился в пбук, решив испросить совета у останков своего деда. Истлевший серый скелет утешил и укрепил его дух. И снова королю посоветовали действовать.

— Быть святым означает быть непреклонным, — сказал он себе. Он торжественно обещал скритине отдать всего себя служению стране во имя ее благополучия. Так он и сделает. Ружья его стране нужны до зарезу. Получив в свое распоряжение ружья, он сможет компенсировать с их помощью недостаток человеческих ресурсов. Благодаря ружьям он вернет королевство в эпоху его золотого века.

В сопровождении эскорта верховых Первого Фагорского Полка ЯндолАнганол подъехал к воротам двора Кузнечного и Оружейного Подрядов и потребовал, чтобы его пропустили внутрь. Ворота были раскрыты, и он, верхом на Ветре, въехал в огромный сумрачный, полный колеблющихся дымов закопченный зал, вырубленный прямо в скале. Под землю уводили несколько коридоров-туннелей. Люди, облаченные в странную полувоенную униформу, со старинными алебардами в руках, вышли приветствовать короля, в то же время преградив ему дорогу. Навстречу уже бежал королевский оружейник и главный кузнец СландживалИптрекира с торчащими в разные стороны усами, — тут же начались извинения, поклоны, объяснения, что, к сожалению, только члены ремесленного клана могут войти в эти подземные коридоры, а всем остальным вход сюда заказан, и все это есть права ремесленных подрядов, данные им давным-давно, века назад, и записанные в старинных свитках.

— Да как ты смеешь! Освободи мне дорогу, ведь я король! — закричал на оружейника ЯндолАнганол. Махнув рукой фагорской страже, он устремился вперед. Не сходя со своих закованных в броню хоксни, король и его эскорт прорвались во внутренние залы, где воздух был тяжело насыщен парами серы и могильным духом. Король спустился с Ветра и в сопровождении двух сильных воинов двинулся вперед, оставив весь свой остальной эскорт сидеть в седлах. Навстречу королю из коридоров выскакивали слышавшие непонятный шум ремесленники, но тут же скрывались обратно или испуганно жались к стенам, пораженные внезапностью такого вторжения.

Красный как рак, СландживалИптрекира все еще бежал вслед за королем, на бегу не переставая протестовать. В конце концов монарх, оскалив зубы в холодной улыбке, вытащил из ножен меч.

— Можете убить меня на месте, если желаете, — воскликнул оружейник, — но я не отступлюсь. Вы навечно будете прокляты за то, что ворвались сюда, нарушив все законы.

— Ха! Прочь с дороги, Сландж!

И король двинулся дальше. Он и его сопровождающие пробрались во внутреннюю часть серой скалы, в камне которой были вырублены основные помещения Подрядов.

В просторном зале они увидели перед собой шесть пузатых домен, сложенных из кирпича, латаных-перелатаных, почти упирающихся башнями в свод пещеры, где пробитые в камне дымоходы горели подобно черным зрачкам великанов. Из всех домен работала только одна. Несколько мальчиков-подручных шуровали в огненном светящемся жерле топки длинными кочергами и подбрасывали туда уголь — лопату за лопатой — огонь ревел и ярился. Мужчина в кожаном фартуке, достав из топки громадный поддон с раскаленными докрасна металлическими отливками-стержнями, поставил его на наковальню, после чего повернулся на шум, утирая лицо грязной тряпкой.

Дальше в зале несколько кузнецов усердно что-то выковывали. Заметив ворвавшегося в сумрачный зал короля, кузнецы немедленно прекратили звон молотов и стали наблюдать за тем, что будет дальше.

В первое мгновение король остановился, опешив от увиденного. Пещера была огромна и ужасна. Водный поток, приводящий в движение кузнечные меха, сделав свое дело, мчался вдоль стены. Тут и там лежали бревна, кучи угля и торфа, а также какие-то инструменты, очень напоминающие приспособления для пыток. В дальнем конце зала из вмурованного в стену деревянного желоба сыпались куски железной руды. Полуголые кузнецы, столяры, плавильщики не отрываясь смотрели на него воспаленными глазами.

СланджнивалИптрекира снова бросился преграждать дорогу королю, — руки королевского оружейника были занесены над головой, кулаки крепко сжаты.

— Ваше величество, здесь сейчас происходит процесс очистки железной руды при помощи угля. Это великая тайна. Никому из посторонних, даже особам королевских кровей, не позволительно видеть этот ритуал.

— В моем королевстве от меня не должно быть тайн!

— Вперед, убейте их! — приказал своим людям оружейник.

Двое кузнецов схватили руками в толстых кожаных перчатках раскаленные стержни. Но тут же, переглянувшись, они бросили отливки обратно на стол.

С невероятным спокойствием в голосе ЯндолАнганол проговорил:

— Сланджи, только что ты, отдав приказ к нападению на своего короля, совершил поступок, приравненный к государственной измене, — все здесь присутствующие были тому свидетелями. Я немедленно прикажу безжалостно казнить того члена вашего крысиного подряда, который еще хоть раз попытается сказать против меня хотя бы слово.

Быстро шагнув вперед, он встал лицом к лицу с кузнецами у стола с отливками.

— Кузнецы, ответьте мне, сколько лет этим домнам? Сколько веков ваше ремесло продолжается в такой вот манере, без перемен и улучшений?

От страха подземные обитатели не могли выговорить ни слова. Обильно потея, они стояли, утирая свои и без того чумазные лица грязными перчатками.

На вопрос короля ответил не кто иной, как СланджнивалИптрекира, голос которого звучал уже не в пример тихо и покорно.

— Ваше величество, наш Подряд хранит тайну выплавки руд вот уже много веков, которым нынче потерян счет. Мы все делаем так, как делали наши отцы — так велит их священный наказ.

— Но вам предстоит нести ответ предо мной, а не перед вашими отцами, упокой Всемогуший их души. Я приказал вам сделать мне хорошие ружья, но вы не исполнили мой приказ.

Говоря это, король повернулся к мастерам, постепенно собирающимся в большую толпу под темными сводами пещеры.

— Вы все когда-то были учениками и подмастерьями. То, чему вас учили, восходит к векам древности. Но все методы когда-то устаревают, а на смену им приходят методы новые, более действенные. Уверен, что многие из вас и

сами это понимают. В Сиборнеле изобретено новое оружие, лучше всего того, что делали до сегодняшнего дня в Борлиене. Ни для кого не секрет, каким образом устроено это оружие, — следовательно, полдела сделано, осталось только изготовить копию. Но для этого нам необходимы новые методы, новые приемы выплавки, другой, лучший, металл.

Глядя на своего монарха красными от вечного света топок глазами, кузнецы молчали, теряясь в догадках, куда он клонит.

— Я повелеваю снести эти прогнившие домны до основания. На их месте будут построены новые, более современные. Мы должны узнать, как строят топки и ведут выплавку металла сиборнельцы, народ ускутов. Нам необходимо иметь точно такие же. Тогда и ружья наши будут не хуже сиборнельских.

Обернувшись к своему эскорту, король приказал дюжине сильных мохнатых воинов спешиться и начать ломать домны. Подхватив со стола тяжелые отливки, фагоры без колебаний принялись выполнять приказ короля. Из работающей домны, после того как ее стена оказалась проломленной, на волю вырвался расплавленный металл. Огненное озеро растеклось по полу. Один из юных подмастерьев, торопясь убраться от огненного половодья, споткнулся и с пронзительным криком упал в жидкую лаву. Струйки металла добрались и до куч бревен и угля, те моментально загорелись. Все ремесленники в ужасе отпрянули.

Довольно скоро от домен не осталось камня на камне. Фагоры застыли неподвижно, дожидаясь дальнейших приказов.

— Через несколько дней я пришлю чертежи, по которым вы построите новые домны. Мне нужны только хорошие ружья!

Прокричав это кузнецам, король зашагал к своему скакуну. Как только король уехал, кузнецы и прочие ремесленники бросились с ведрами и бадьями воды заливать начинающийся подземный пожар. СланджнивалИптрекира был

арестован по обвинению в государственной измене и заключен под стражу.

На следующий день королевский оружейник и кузнец был допрошен перед скритиной и обвинен в государственной измене. Спасти Сландживала не смогли даже голоса его собратьев-ремесленников. Без проволочек оружейник был казнен на городской площади при большом скоплении народа, после чего его голова была выставлена на всеобщее обозрение. Однако враги короля в скритине, и не только враги, и не только в скритине, были разгневаны его столь беспринципным вторжением в место, считающееся традиционно неприкосновенным. Они считали, что это была еще одна безумная выходка, которой никогда бы не случилось, будь здесь королева МирдемИнггала, умеющая обуздывать буйный нрав короля.

Начав дело с Подрядами, король отослал гонца с письмом к Сайрену Станду, королю Олдорандо и своему будущему тестю. Из старинных свитков и рассказов Рашвена ЯндолАнганол точно знал, что после того, как город Олдорандо был разрушен под натиском полчищ фагоров, ремесленные отрасли подверглись сильной реформе, их методы и инструменты были обновлены. Только в последний момент король вспомнил, что вместе с письмом этикет вежливости обязывает его послать подарок Симоду Тал.

В ответ на четко сформулированную просьбу король Сайрен Станд прислал в Матрассил горбуна по имени Фард Франтил. Фард привез королевскую грамоту, рекомендующую его как знатока в доменном деле и новых методах выплавки железа. Переговорив с олдорандцем, король ЯндолАнганол отослал его в Кузнечный Подряд, велел приступать к работам немедленно.

Тут же из Кузнечного Подряда к королю явилась делегация серолицых ремесленников, с жалобой на жестокие и тупые методы Фарда Франтила, оказавшегося человеком мрачным и упрямым.

— Мне нравятся упрямые люди! — заорал на трепещущих кузнецов король.

Первым делом Фард Франтил приказал передвинуть цеха ближе к поверхности, на сторону горы, противоположную Матрассилу, туда, где в избытке было дерево и бежало несколько полноводных речушек. Вода была необходима для постройки водяных колес, приводящих в действие мощные механические дробилки.

Никто в Борлиене никогда и слыхом ни слыхивал о механических дробилках. По словам Фарда Франтила, мельницы были необходимы для того, чтобы мелко дробить руду. При виде нового строительства борлиенские кузнецы чесали затылки и без конца ворчали. Фард набрасывался на коренных обитателей матрассильских пещер с руганью. Разозленные тем, что теперь дорога до дома увеличилась для них примерно в два раза, мастера делали все возможное, чтобы замедлить ход нового строительства и выставить чужака в дурном свете. Ружей у короля по-прежнему не было.

Денью Пашаратид, исчезнувшая из Матрассила так же неожиданно, как и ее муж, оставила в столице сиборнельского пбсольского представителя с ограниченными полномочиями. Этого представителя ЯндолАнганол разыскал, арестовал и заключил в тюрьму. Продержав сиборнельца в темнице несколько дней, он приказал привести его к себе и обратился к нему с предложением: свобода в обмен на чертеж современной сиборнельской домны.

Невозмутимый молодой человек обладал отличными манерами и все же некоторая резкость звучала в его голосе.

— Насколько вашему величеству должно быть известно, самая лучшая сталь производится в Сиборнеле, где науки и ремесло развиты чрезвычайно. Так, в частности, вместо бурого угля для выплавки и поковки высших сортов стали мы используем только лигниты.

— Что ж, отлично, коль скоро ты такой знаток в деле производства металлов, выстрой для меня домну — и я щедро вознагражу тебя.

— Вашему величеству должно быть также известно, что Колесо — это основополагающее изобретение человечества, также произошло из Сиборнела, и всего несколько столе-

тий назад Колесо не было известно в Кампаннлате. Кроме того, многие культурные злаки, выращиваемые в вашей стране, тоже были выведены на севере. Даже эти старые примитивные домны, разрушенные вами, были в свое время, в Века Великой Зимы, построены по проектам, созданным в Сиборнеле.

— Возможно, это так, — отозвался король, едва сдерживая свой гнев. — Теперь настало нам время обзавестись чем-то более современным.

— Даже после того, как на южном континенте колесо стало известно, — продолжил говорить сиборнелец, — не сразу от него научились получать пользу во всех областях хозяйства и ремесел. Многие десятилетия, а то и века колесо проходило путь от повозок к различного типа мельницам, потом к гончарному ремеслу, и наконец — в орошение земель. Например, у вас в Борлиене нет ветряных мельниц, а у нас, в Сиборнеле, их очень много. Прошу простить меня, ваше величество, но из всего сказанного мной напрашивается неутешительный вывод — народ Кампаннлата не только практически не способен производить блага цивилизации сам, но и не так быстро их перенимает.

Гнев короля усиливался.

— Мне не нужны ветряные мельницы, сиборнелец, я требую от тебя нарисовать план работоспособной домны самой новой конструкции. Я хочу делать ружья, и для моих ружей мне нужна хорошая сталь.

— Ваше величество, должно быть, хотели сказать: «для ружей, которые я собираюсь копировать с сиборнельских»?

— Не важно, что я хотел сказать, что я сказал или что когда-либо скажу: все, что мне требуется от тебя, — это подробный чертеж хорошей современной домны. Я понятно выражаюсь, или мне нужно привести тебе толмача, который растолкует тебе все это на сибийском?

— Простите меня, ваше величество, но мне казалось, вы понимаете мое положение. Если это не так, тогда позвольте мне уточнить, что я не ремесленник, а всего лишь посольский представитель и знаю толк разве что в цифрах, но ни-

как не в кирпиче или тому подобном строительном материале. По сути дела, скорее вы, ваше величество, сумеете выстроить домну, чем я.

Ружей у короля по-прежнему не было.

Со своим рогатым и мохнатым воинством король проводил большую половину дня. Зная, что фагорам для хорошего усвоения лучше всего повторять все по нескольку раз, он каждый день произносил перед строем небольшую речь, в которой обязательно упоминал, что недалек тот день, когда Первый Фагорский Полк отправится вместе с ним, главнокомандующим, в столицу чужеземного государства, Олдорандо, где должен будет выступить с парадом по случаю торжественного события — его, короля, свадьбы.

На дворцовой территории были устроены специальные резервации, где король и фагоры-гвардейцы встречались как равные. Входить в казармы фагоров людям было категорически запрещено. Это правило было установлено королем ЯндолАнганолом по примеру его отца, ВарпалАнганоло. В этом случае правило было нерушимо для всех без исключения, и преступить его так, как это было сделано однажды с родовыми пещерами Кузнечного Подрядя, король не имел права.

Во главе Первого Фагорского Полка стояла гиллота по имени Гххт-Мларк Чзахн, которую король ЯндолАнганол называл просто Чзахн. Между собой он и Чзахн обычно разговаривали на хурдху.

Зная антипатию фагоров к Олдорандо и его народу, король не жалел усилий на объяснение причин того, почему он так хочет, чтобы именно Первый Фагорский присутствовал на церемонии будущего бракосочетания, объясняя это снова и снова.

Чзахн отвечала так:

— По этому поводу у нас состоялся разговор с нашими предками на временном языке. Результатом оказалось послание, наказывающее нам, живущим, доставить твое неприкасаемое тело в страну Хррм-Бххрд Йдохк в город Хрл-Дрра Ндхо. Это послание есть приказ для нас всех.

— Ну вот и отлично. Рад, что наши цели так совпадают. Насколько я понял, ваши предки не возражают. Ты хочешь что-то еще сказать?

Но Гххт-Млрак Чзахн спокойно молчала; ее розовые глаза находились почти на одном уровне с глазами короля. Внезапно со всей остротой ЯндолАнганол почувал исходящий от гиллоты резкий запах и сразу же вслед за этим услышал звук ее дыхания. Зная фагоров уже давно, он понимал, что продолжительное молчание далеко не всегда означает, что уже все сказано. Тесно стоящие позади своей предводительницы гвардейцы с одинаково невозмутимыми мордами тоже молчали, их белые шубы сплетались одна с другой. Внезапно кто-то из двурогих громко пустил ветры, и король от неожиданности отшатнулся от молчаливого строя.

Несмотря на то что король был человеком крайне нетерпеливым, исходящее от фагоров чувство уверенности, полного покоя и невозмутимости успокоило и его тоже. Отступив на шаг, король замер перед гиллотой в точно такой же неподвижности, как и она перед ним.

— Я буду говорить еще, — внезапно объявила предводительница Первого Фагорского Полка непререкаемым тоном, хорошо знакомым королю Анганолу. Прежде чем принять окончательное решение, всегда проводилось краткое совещание с теми, кто находился в небытии в глубине веков. Без этого никогда не обходилось, и людям приходилось терпеть такие необычные в человеческом разговоре паузы.

Встреча короля и гиллоты происходила по давней традиции в небольшом зале, зовущемся «Врата Чистоты»; фагоры входили сюда с одной стороны, люди с другой. Стены зала фагоры украсили спиральными символами зеленого и голубого цвета. Потолок, нормальный для людей, был низким для анципиталов, от чьих рогов на стропилах имелись многочисленные отметины — возможно, это делалось ими специально, в знак того, что по закону у гвардейцев рога не отпиливались.

На стороне короля был только один Бог, Акханаба Всемогуший; но демонов, истязających его, было множество.

К счастью, фагоры не принадлежали к числу этих демонов. ЯндолАнганол был привычен к замедленной размеренности и расчетливости их речи, к тому, что двурогие никогда не глядели на него как на своего собрата — а также к медлительности или даже, скорее, тугодумию.

В фагорах не было ничего, что могло осложнить их существование в сексуальном плане.

Сексуальность фагоров подчинялась строгой периодичности. Гон у гиллот случался строго каждые сорок восемь дней, в то время как сталлуны могли исполнять свое половое предназначение один раз в каждые три недели. Коитус происходил без всяческих особых церемоний и зачастую при свидетелях. Благодаря такому отсутствию всяческого смущения, которое заставляло людей искать тайного уединения, за фагорами закрепилось мнение как о существах необычайно похотливых. Козлиные копыта и торчащие рога во все времена для человечества являлись символами крайнего падения и греховной распущенности. Истории о сталлунах, насилующих женщин, а иногда и мужчин, были у всех на устах и порой являлись поводом для начала очередного крестового похода.

Когда гиллота наконец собралась с мыслями, ее речь была краткой.

— Мы отправимся с тобой, король, в Хрл-Дрра Нхдо в стране Хррм-Бххрд Йдохк, потому что это очень важно для нас, анципиталов. Мы видим, что это очень важно для тебя, но это так же важно и для нас, и это-то все решает. Пускай твою силу увидят все люди Хррм-Юххрд Йдох. Желание таково, чтобы воинство твое явилось на парад с... — последовала продолжительная пауза, во время которой, как казалось, предводительница гвардейцев подыскивала нужное выражение для своих мыслей, — ...с новым оружием в руках.

— В Борлиене мы не можем изготовить это новое оружие, — с болью ответил король ЯндолАнганол. — Нам придется приобретать его у Сиборнела.

По стенам зала стекали капли конденсирующейся влаги. Жара была невыносимой. Гиллота молча сделала знак

рукой, значение которого королю тоже было хорошо известно: «Жди».

Король повторил сказанное. Гиллота снова ответила: «Жди».

После относительно короткого совещания с живыми и умершими фагорша заявила, что необходимое оружие будет получено королем в срок. Понимая всю сложность выражения своих мыслей в доступной для двурогих форме, король все же решился спросить, каким, по мнению Чзахн, образом может быть получено это оружие.

— Ответ мы получим от предков, — проговорила гиллота после новой продолжительной паузы.

И ответ не заставил себя ждать. Чтобы выразить свои мысли с полной ясностью, Чзахн заговорила на безвременном. Полный ответ должен быть получен в ближайшем будущем, хотя и сказанного сейчас тоже может быть вполне достаточно, впрочем, примерно через теннер наступит полная ясность. В Хрл-Дрра Нхдо сила короля возрастет безмерно. Рога велено нести гордо поднятыми. Этого королю Борлиена должно хватить для начала.

Прощаясь, король ЯндолАнганол поклонился, держа руки по швам и вытянув беззащитную шею. Гиллота также поклонилась в ответ, опустив голову, плавно переходящую в широкую шею и плотное туловище. Человеческая голова встретила на своем пути голову рогатую, лбы союзников соприкоснулись. Скрепив договор традиционным жестом доброй воли, обе стороны повернулись и разошлись.

Король вышел через «дверь для людей», единственную в зале Врат Чистоты.

Вышел он приятно взволнованным. Его гвардейцы собираются снабдить себя оружием сами. Какая уверенность; хотя ничто не давало повода сомневаться в спокойных фагорах. Но какая вера в него, короля! Какая преданность, глубочайшая и невозможная для людей! Ни о каких других причинах данного Чзахн согласия он даже не задумывался.

Совсем ненадолго он вдруг вспомнил о счастливых днях, проведенных с восхитительной Кун, к сожалению, эти слад-

чайшие времена минули. Теперь у него осталась одна, но главная забота — каким образом, при помощи этих рогатых созданий, освободить Борлиен от врагов.

В каком настроении уходили Чзахн и воины-фагоры, сказать трудно: у анципиталов настроение было связано только с частотой дыхания и ни с чем другим. Все, что было сказано между Гххт-Мларк Чзахн и королем Борлиена, было доложено гиллотой матрассильскому кзахну, самому Гххт-Йронц Зарлу. Кзахн продолжал пребывать в недрах своей горы, о чем не знал даже король. В эти тяжелые времена, когда Фреир обжигал своим дыханием воздушные октавы, очень многие фагоры впадали в отчаяние: Сукровица в их жилах ослабляла свой напор. Обитатели Нижней Страны почти полностью отдали себя в рабство человеческой расе. Но знак свыше был подан, и угасшая была надежда вновь разгорелась в их истомившихся душах.

Пред глаза кзахна Гххт-Йронц Зарла был представлен особо известный Сын Фреира, носящий имя Бхрл-Хззх Роупин, пленник смещенного со своего поста советника. Вышло так, что этот сын Фреира, пришедший из другого мира, знал о Катастрофе ровно столько же, сколько и фагоры. Бхрл-Хззх Роупин был первым из Сынов Фреира, разделившим древнее знание анципиталов, так настойчиво отвергаемое другими его собратьями. Однако вместе с тем сказанное им не произвело ни малейшего впечатления на советника или короля; анципиталов же слова Роупина насторожили и зародили в их клане уверенность в необходимости принятия решения.

Слова Сына Фреира разбудили в клане голоса, которые за последние годы, как казалось, начинали звучать все тише и тише, постепенно замолкая.

Сын Фреира был не слишком ладного сложения, выражал свои мысли плохо, путано и отличался душевной неуравновешенностью. Точно так же, по донесениям шпиона Юлия, мог характеризоваться и сам король Борлиена. И вот теперь слабый король предложил двурогим нанести ответный удар по своим исконным врагам. Делая вид, что они

покоряются его приказу, анципиталы получали возможность отплатить народу Хрл-Дрра Нхдо за старые раны и обиды, проникнуть в самое его сердце — в древний Хррм-Бххрд Йдохк. Место это было давным-давно проклято одним из Великих, кзаххном Крусадинга Хрр-Брахл Йпртом, сейчас представляющим собой всего лишь кератиновую тень. Скоро на этой земле снова потечет красная сукровица.

Для успеха была необходима отвага. И ярость. Рога следовало держать высоко и гордо.

Для приобретения ручной артиллерии, столь вожделенной королем, имелся только один путь — через посредство воздушной октавы. Среди нондадов у фагоров имелись друзья — двурогие иногда помогали тем скрываться от людей. В свою очередь нондады вели вековую войну с сынами Фреира, зовущимися ускутами. Ускуты — стыд-то какой! — имели обыкновение пожирать тела мертвых нондадов, в результате лишая тех вечного Упокоения Во Тьме... Легкоруким нондадам не составляло особого труда выкрасть ручную артиллерию у людей-ускутов. Изготовленная сынами Фреира ручная артиллерия обратится против них самих же.

Так оно и вышло. Не прошло и теннера, как в армии короля ЯндолАнганола появились на вооружении сиборнельские фитильные ружья — не проданные или поставленные ему «союзниками» из Панновала или Олдорандо, не изготовленные королевскими оружейниками, но принесенные тайными тропами в его столицу в дар от тех, кто, по большому счету, был его врагом.

Таким вот образом новомодный совершенный способ убийства медленно, но верно распространялся по Гелликонии.

Незадолго до этого, после долгих споров, горбуну Фарду Франтилу было разрешено строить домны за пределами Матрассила. Несколько принесенных в дар ружей были взяты за образцы. После многодневной продолжительной ругани с местными кузнецами, скандалов и драк горбуну наконец удалось изготовить образец борлиенского ружья, стреляющего с приличной меткостью и не взрывающегося от порохового заряда.

Однако к тому времени сиборнельцы уже успели усовершенствовать спусковой механизм ружей, подняв их на новую ступень — «мушкетов», самострельных механизмов, где ненадежный фитиль был заменен кремневым запалом.

Воодушевленный появлением нового оружия, король натянул на себя кожаный с серебряными бляхами нагрудник, вскочил на любимого Ветра и поскакал в далекий поход, на войну. Во второй раз он вел свою нечеловеческую армию против давних врагов — затянутых в рубище дриатов с хвостами на затылках, терроризирующих Косгатт под началом Дарвлиша Черепа.

Обе армии сошлись всего в нескольких милях от того места, где король ЯндолАнганол получил рану. На этот раз опыта у короля было побольше. К концу сражения, продолжавшегося почти целый день, победа наконец-то была за ним. Дриаты были частично перебиты, частично выслежены и сброшены в пропасти. Выжившие были рассеяны по степным холмам, с которых они когда-то и спустились.

В последний раз стервятники получили повод восславить Дарвлиша.

В столицу король возвращался победителем, неся с собой голову предводителя дриатов, насаженную на острие пики.

Голова предводителя дриатов была выставлена на всеобщее обозрение перед дворцовыми воротами и находилась там до тех пор, пока птичье воинство действительно не превратило ее в череп.

На Аверне Билли Ксиао Пин был единственным, признавшимся в чувствах, которые он питал к королеве МирдемИнггале. Подобные признания здесь не делались даже ближайшим друзьям. Узнать об этом можно было только опосредованно, например, из интонаций отчетов, касающихся «дурного поведения короля ЯндолАнганола за истекший период».

Появления головы трибриатского воителя перед воротами дворца было достаточно, чтобы вызвать среди обитателей Аверна бурю протеста.

«Это чудовище впервые отведало крови в день гибели мир-долаторов, — говорили одни. — Теперь он вооружает свою армию оружием, доставшимся ему в награду за то, что он продал королеву королев. Когда это прекратится? За ним нужен глаз да глаз, пока он не втравил весь Кампаннлат в войну».

Таким образом, король, вкушающий плоды популярности в своем родном городе, подвергался самой жестокой критике и поношениям на Аверне, о существовании которого он даже не подозревал.

То, в чем его обвиняли, звучало в адрес любого тирана во все времена. Всегда гораздо проще обвинять во всем лидера, а не тех, кого он ведет за собой; алогичность такой позиции редко принималась во внимание даже самыми трезвыми умами. Резкая перемена во временах года, недостаток продовольствия и прочих жизненно необходимых благ делали существование Борлиена вечной аренной борьбы за власть, где диктаторы пользовались наибольшим успехом.

Предположение о том, что приближение Фреира положит все-таки конец деспотическому режиму, также было далеко не ново.

Когда корабль с землянами-колонистами в 3600 году прибыл к системе Фреир — Беталикс, первая база была основана на Аганипе, одной из внутренних планет, ближайшей к Гелликонии. Всего на Аганипе высадилось 512 колонистов. Все эти люди были зачаты и рождены на борту корабля в течение последних лет полета. Информация, закодированная в ДНК оплодотворенных человеческих яйцеклеток, хранилась в компьютере. Когда лететь до Гелликонии оставалось совсем немного, каких-нибудь два десятка лет, сохраненная в компьютерах информация была перенесена в искусственные матки, числом 512. Родившиеся дети были отданы на воспитание искусственным матерям в нескольких суррогатных семьях.

Молодые земляне, в возрасте от пятнадцати до двадцати земных лет, ступили на землю Аганипа. Строительство Аверна было в самом разгаре. В строительстве использовались только автоматика и местное сырье.

По причине некоторых трудностей в реализации программы строительства на различных ее этапах сооружение Аверна растянулось на восемь лет. В течение этого опасного периода Аганип использовался в качестве основной базы. Когда гигантский труд был наконец завершен, молодые колонисты перенеслись в свой новый дом на космических челноках.

Как только новоселье свершилось, звездолет покинул систему Гелликонии. Обитатели Аверна остались предоставленными самим себе. Одиночество их было полным, невиданным доселе в истории человечества.

Сегодня, 3269 земных лет спустя, старая база стала храмом, изредка посещаемым для просвещения и озарения. База, как и сама Земля, стали частью авернской мифологии.

На Аганипе имелись залежи полезных ископаемых, металлов и минералов. Построить армаду кораблей, способных завоевать Гелликонию за считанные часы, не составило бы труда. Теоретически ничего невозможного в этом не было. Как, впрочем, и не было на Аверне инженеров, обладающих необходимыми для решения такой задачи навыками и знаниями.

Горячие головы и недовольные не переставали шептать, что авернцы были лишены технического знания преднамеренно, чтобы превратить их в нацию, неспособную к массовому насилию, нацию социальных импотентов.

Подавляющее большинство «горячих голов» были, конечно же, мужчинами. Женское население Аверна обожало борлиенского короля. Не отрываясь от обзорных экранов, женщины следили за тем, как король ЯндолАнганол расправляется с Дарвлишем. Победа действительно была великой. ЯндолАнганол стал героем своей страны, вытерпевшим и пожертвовавшим для нее слишком многим, слишком много заплатившим за свою недалекость и безрассудность самопожертвования. Во многом его жертва оказалась бесполезной. Король несомненно мог быть причислен к фигурам драматическим.

Таким образом, женская половина населения Аверна также планировала вторжение на Гелликонию, но вторжение несколько иного рода — тайно все они мечтали об одном: как можно скорее оказаться в столице Борлиена и быть рядом с его королем, помогая ему денно и ночью.

Глава XIV

ТАМ, ГДЕ ЖИВУТ ФЛАМБЕРГИ

Белые тени поднимались над городом Аскитош, выстраиваясь меж серыми городскими постройками сложными узорами. Идущий вдоль бледной дороги человек, казалось, сливался с нею. Таков уж был ускутский «илистый туман», «болтанка», тонкое покрывало сухого воздуха, которое опускалось с плато, начинающегося сразу за городом.

Над головой сверкал Фреир. Сиборнельский «легкий» день был в полном разгаре. Через час-два должен был взойти Беталикс. Беталикс должен был подняться прежде, чем Фреир опустится за горизонт, — и, раз поднявшись, в это весеннее время, сесть, так и не взойдя в зенит.

Завернувшись в непромокаемый плащ, Сартори Ирвраш смотрел на медленно исчезающий из виду город-фантом. Погружаясь в илистый туман, город сначала превратился в скелет и наконец исчез полностью. «Золото дружбы» был не одинок в тумане. Справа и слева по борту можно было разобрать тени других призрачных кораблей с повисшими как мертвые шкуры парусами — ускутский флот начинал свой великий поход, чтобы завоевать весь мир.

Корабли шли через узкий канал, когда легкое мерцание на западном горизонте возвестило о приближении восхода Беталикса. Немедленно вслед за этим поднялся ветер, натягивающий полосатые паруса. Находящиеся на борту ощутили общий прилив облегчения; все приметы предвещали доброе и благополучное плавание.

Советник СарториИрвраш пожал плечами под своим кидрантом на теплой подкладке и спустился по трапу с палубы вниз.

Внизу, в коридоре, ему встретился Ио Пашаратид, бывший посол Сиборнела в Матрассиле.

— Поздравляю вас, все приметы говорят о благополучном плавании, — вежливо поклонившись, приветствовал его дежурной фразой Пашаратид. — Мы выбрали для начала плавания верное время.

— Вот и прекрасно, — зевнув, ответил СарториИрвраш.

В число ускутских воинствующих священников-моряков во время боевых походов, как правило, кроме команды, входили астрологи, деутероскописты, астрономансеры, уранометристы, хиеромансеры, метеорологи, метемпиристы, а также собственно священники. Эти люди были способны не только с легкостью определять местоположение корабля в любой обстановке, но также указывать точно год, теннер, день, час и минуту, в который «Золоту дружбы» было лучше всего совершать тот или иной маневр. Сочетание знаков Зодиака команды, сорт дерева, из которого изготовлен корабельный киль, — все принималось во внимание. Самым же надежным и убедительным знаком, предвещающим мореплавателям всяческие успехи, было появление в небесах кометы ЯрапРомбри, пролетевшей высоко в северной части неба и пересекавшей зодиакальное созвездие Золотого Корабля ровно в шесть часов одиннадцать минут и девятнадцать секунд утра. Именно в этот момент, ни секундой позже или раньше, были отданы швартовы, и фагоры-гребцы налегли на весла.

Навязанная советнику СарториИрврашу роль совсем его не устраивала. Ко всем прочим неприятностям плывущий с ним на одном корабле Пашаратид внезапно начал высказывать подозрительное желание подружиться, будто в Борлиене ничего особенного не произошло. Как может мужчина так себя вести?

Возможно, что все это было делом рук Денью Пашаратид. Возможно, что таким вот образом, найдя способ использовать отвергнутого дворцом бывшего советника и вов-

лечь его в грядущие военные планы, она сумела добиться поблажки для своего мужа, избавив его от суровой кары. Посол Пашаратид плыл на «Золоте дружбы» на равных правах вместе с остальными матросами в качестве обычного капитана моряков-пехотинцев — хотя могло быть и так, что для него, привыкшего к высшему свету, плавание в неизвестность на борту 910-тонного флагмана было наказанием не менее суровым, чем пожизненная тюрьма или даже Великое Колесо Харнабхара.

Несмотря на всю глубину постигшего его падения, Пашаратид держался еще более надменно, чем когда бы то ни было. Он хвастал тем, что по прибытии в Оттассол под его командой окажется целый полк солдат; в перспективе он должен стать начальником оттассольского гарнизона.

Улегшись в своей каюте на койку, СарториИрвраш закурил вероник. Моментально волна головокружения захлестнула его. Во время плавания в Аскитош он ни разу не испытывал приступов морской болезни. Теперь, как видно, болезнь наверстывала упущенное.

В течение трех дней бывший советник отвергал всякую пищу. На четвертый день он проснулся полностью здоровым, с необыкновенным приливом сил и, поднявшись на ноги, быстро вышел на палубу.

Море и горизонт были совершенно чистыми. Висящий низко над северным горизонтом Фреир светил своим блистающим оком — «Золото дружбы» шел прямо навстречу светилу. Тень корабля весело бежала по смальте умеренно волнующегося моря. Воздух был пропитан светом и восхитительно бодрил. С наслаждением потянувшись, СарториИрвраш вдохнул полной грудью.

Уже показалась земля. Беталикс, по всей видимости, совсем недавно опустился за горизонт. Из всех кораблей, сопровождавших их после выхода из бухты в качестве караула, сейчас осталось только одно судно, неотрывно следующее за ними в двух лигах справа и чуть позади, с развевающимся на мачте флагом. Вдалеке виднелись едва различимые полосочки скорлупок рыболовов.

Его окликнули, он обернулся и увидел перед собой Денью и Ио Пашаратидов. Вместе.

— Мы узнали, что вам нездоровилось, — проговорила Денью. — Примите мои сожаления. По правде сказать, этого следовало ожидать, ведь борлиенцы не слишком хорошие мореходы. Как вы считаете?

— Но теперь вы, похоже, чувствуете себя гораздо лучше, — быстро вставил Ио. — Это плавание будет не более чем увеселительной прогулкой для укрепления здоровья и хорошего самочувствия. Ускутошк и нашу цель разделяют каких-нибудь тринадцать тысяч миль, и при попутных ветрах мы доберемся до Оттассола через два теннера и три недели — вот так.

Втеревшись к СарториИрврашу в доверие, в течение следующих дней Пашаратид стал его постоянным спутником в прогулках по палубе, постоянно развлекал его подробными рассказами об устройстве различных служб и частей корабля. Кое-что вызывало у СарториИрвраша интерес, и тогда он делал в своей книжечке небольшие пометки, от души сожалея о том, что его родина была не столь передовой державой в области мореплавания и кораблестроения. Ремесла и сельскохозяйственные занятия, существующие в Сиборнеле и Ускутошке, были практически того же уровня, что и в Кампаннлате, однако в мореплавании и оружейных ремеслах сиборнельцы не имели себе равных, превосходя всех в количестве оружия и его качестве.

В многовековой сезон жестокой Зимы жители скованных льдами северных земель еще в большей степени зависели от моря. Вот почему в собственности Сиборнела находилось несколько кораблей. Все эти корабли принадлежали гильдии воинствующих монахов-мореходов. Сложная эмблема гильдии украшала паруса, превращая функциональный атрибут в предмет искусства.

На главном парусе был изображен механизм — герб Сиборнела — два концентрических круга, соединенных меж собой волнистыми спицами.

«Золото дружбы» было трехмачтовым судном, имело на себе фок-, бизань- и грот-мачты. При попутных ветрах на

носу, над фигурой духа-защитника, для увеличения скорости хода поднимался дополнительный парус, артеменон. Во время прогулок Ио Пашаратид в подробностях объяснил, сколько квадратных футов парусов может быть поднято и в каких именно случаях.

СарториИрвраш не возражал против журчащего постоянно у него над ухом потока — перечисления сухих фактов. Посвятив всю свою жизнь выяснению того, чем отличается простое предположение от бесспорного факта, он всегда относился ко второму с чувством приятной симпатии. Тем не менее выказываемая ему Пашаратидом с такой настойчивостью дружба тревожила его; подобная навязчивость никогда не была свойственна сиборнельцам.

— Дорогой, ты уже, наверное, наскучил советнику Ирврашу своими рассказами, — заметила Денью Пашаратид на шестой день плавания.

Сказав это, она, однако, тут же ушла.

— Вы, наверное, скучаете по Матрассилу? — поинтересовался Пашаратид, глядя в морскую даль и подставив лицо ветру.

— Да, я привык работать, мне не хватает моей науки, — отозвался СарториИрвраш.

— Охотно верю, но, как я догадываюсь, наверняка это не все. Лично я, и это, вероятно, вам известно, проводил время в Матрассиле достаточно приятно в отличие от большинства моих соотечественников-ускутов. Ваша страна необыкновенна и полна экзотики. Там довольно жарко, но я хорошо отношусь к жаре. Я сумел познакомиться там с отличными людьми.

— Королева МирдемИнггала всегда была и есть жемчужина вашей страны. Король Анганол поступил крайне необдуманно, отправив ее в изгнание, как вы считаете?

Вот оно что. Прежде чем ответить, СарториИрвраш немного помолчал.

— Король обязан сделать все, что потребуется для блага его страны...

— С вами он тоже обошелся не лучшим образом. Думаю, что у вас есть все основания ненавидеть его?

Это СарториИрвраш оставил без ответа. Помолчав немного, Пашаратид сказал, а вернее, прошептал ему на ухо:

— Как у короля хватило сил отказаться от такой красавицы, как королева МирдемИнггала?

СарториИрвраш только поджал губы.

— Ваши соотечественники называют ее «королева королев», если я не ошибаюсь?

— Совершенно верно.

— Она самая прекрасная женщина, какую я только видел в жизни.

— Брат королевы, ЯфералОборал, был моим очень близким другом.

Услышав это, Ио Пашаратид почему-то замолчал. Казалось, что продолжать разговор у него пропало настроение, но вдруг, с внезапно прорвавшимся чувством, он проговорил:

— Одно присутствие королевы МирдемИнггалы... один взгляд на нее... делает мужчину... превращает его...

Так и не выразив свою мысль до конца, Пашаратид удалился.

Погоды стояли переменчивые. Постоянная смена атмосферного давления порождала туманы, чередующиеся с короткими промежутками просветления, во время которых по правому борту можно было видеть далекую неясную линию побережья Лорая. Вместе с тем на скорость хода судна жаловаться не приходилось — попутные ветры дули беспрестанно, либо теплые с юго-запада, либо холодные северо-западные.

От скуки СарториИрвраш тщательно изучил и исследовал все до последней части корабля. Он собственными глазами увидел, что на борту царит невероятная теснота, при которой матросам приходится спать на палубе в два яруса: либо сверху, на бухтах каната, либо внизу, взгромоздив ноги высоко на переборку. На корабле не было дюйма свободного места.

День за днем корабельный дух становился все крепче и крепче. Для большой нужды людям приходилось, баланси-

руя, пробираться на самый конец лонжерона, где, сняв штаны и держась за специально привязанную для этой цели к борту веревку, они сидели словно птицы на жерди над качающимся морем. Малая нужда справлялась гораздо проще, прямо с борта под леер с кормы или в любом другом месте, где было в данный момент поукромнее. Офицеры управлялись так же, как и матросы. Скидка на удобства делалась только женщинам.

Через три недели плавания с зюйд-зюйд курс был переложен на зюйд-ост, и еще через несколько дней команда «Золота дружбы» увидела перед собой Бухту Осужденных.

Бухта Осужденных была единственной, зато большой и спокойной каверной на тысячемильном берегу Лорая, отлогом и прямом как стрела. Сразу за узким жерлом входа в бухту море мгновенно успокоилось. Вскоре корабль уже продвигался сквозь перламутровую дымку, тишина которой нарушалась только редкими выкриками матросов, промеряющих глубину. Шли почти вслепую.

Сартори Ирвашу скоро наскучило монотонное зрелище. Оставив мостик, он вернулся в свою каюту, чтобы почитать там и покурить. Но даже здесь он не находил себе покоя, ему не сиделось на месте, его желудок бурчал как злобный пес. Однообразный корабельный рацион уже начинал сказываться на его пищеварении. И без того считавшийся худощавым, он затягивал ремень на штанах все туже. К столу мужчинам подавалась соленая рыба, лук, оливки или рыбий жир с хлебом на завтрак, суп на обед и повторение завтрака на ужин, иногда с жестким сыром вместо рыбы. Дважды в неделю на каждого мужчину полагался кувшин фигового вина или йудла.

Моряки разнообразили стол свежей рыбой, которую удили прямо с бортов. Офицеры столовались немногим лучше матросов, только время от времени разнообразя пищу едким молоком арангов, которых здесь же на корабле держали в клетках. Стойкие сиборнельцы никогда ни словом не жаловались на скудную пищу, словно и не знали иной с рождения.

Продвигаясь вперед на скорости в пять узлов, они пересекли 35-й градус северной широты, перейдя из тропика в узкую северную область умеренного климата. В тот же день из тумана раздались звуки ужасных ударов, сопровождаемых треском, скрежетом и плеском огромных волн, вслед за чем снова наступила тишина. Высунув голову из дверей своей каюты, СарториИрвраш поинтересовался у проходящего мимо матроса, в чем дело.

— Берег, — ответил матрос. И решив прояснить ситуацию, сделав скидку на неопытность новичка-чужеземца, добавил: — Ледники.

СарториИрвраш понимающе кивнул. После чего моментально сунул нос в свою записную книжицу, которая в последнее время превратилась у него в дневник.

Пускай ускуты нецивилизованны, однако с их помощью мне удалось расширить свой горизонт. Как хорошо известно среди людей ученых, наша планета имеет форму шара с парой ледяных шапок на полюсах. На крайнем севере и крайнем юге начинаются земли, состоящие только из одного снега и льда. Сиборнельский материк переполнен этим несносным материалом, явившимся причиной гибели целого сонмища его обитателей. Время от времени мне начинает казаться, что, сжившись с холодом и снегом, северяне тянутся к ним, вместо того чтобы бежать подальше на юг, к теплым морям.

Что может быть причиной такого отклонения от нормы, мне неизвестно — я не рискую задавать по этому поводу вопросы и обращаться за объяснениями к моему персональному демону, Ио Пашаратиду. Как бы там ни было, путешествие это дало мне возможность увидеть необозримый простор того, что разделяет две земные шапки мира, его альфу и омегу.

К вечеру без всякого предупреждения налетел свирепый шторм. «Золото дружбы» качалось и качалось на волнах, то взлетая к небесам, то проваливаясь в пучину. Могучие волны разбивались о борта корабля, посылая брызги высоко вверх. Откуда-то снизу доносился четкий зловеющий стук, —

казалось, что какой-то ужасный обитатель глубин просится на борт — так думал бывший советник борлиенского дворца, пугливо вжимаясь в свою койку.

Следуя приказу, он задул единственный масляный светильчик, разгоняющий в его каюте тьму. Не видя ни зги, он лег и принялся попеременно то поносить ужасными ругательствами ЯндолАнганола, то возносить молитвы к Всемогущему. Поднявшийся из глубин гигант наконец сумел накрепко вцепиться в борта корабля и принялся раскачивать его, как великан-маньяк раскачивал бы детские качели, с единственной целью — выбросить из них младенца через борт. К своему величайшему удивлению, Сартори-Ирвраш заснул в тот самый момент, когда качка была в самом разгаре.

Когда он проснулся и встал, корабль снова был неподвижен и тих, и его скольжение по волнам было едва различимым. За иллюминатором продолжал клубиться подсвеченный солнцем туман.

Выбравшись на палубу, советник двинулся к мостику, проходя мимо спящих матросов и время от времени поглядывая на небо. Наверху, между волнистыми, растертыми ветром дорожками сияла начищенная серебряная монета. Глядя на лик Фрейра, он с улыбкой вспомнил свой рассказ, так любимую королевой МирдемИнггалой и принцессой ТатроманАдалой сказку о серебряном глазе в небе, в конце концов уплывшем навсегда.

Время от времени предупреждающе покрикивал впередсмотрящий. В море плавали крупные осколки ледника, бесформенные абстрактные глыбы. Некоторые из них напоминали собой поваленные недоразвитые деревья, другие — гигантских размеров грибы, словно порожденные ледяным богом, задавшимся целью на разные лады передразнивать природу, создавая ей гротескные противоположности. Глыбы отламывало от кромки ледников штормами, и можно было только благодарить создателя, что крупные ледяные горы, размерами почти с половину корабля, попадались крайне редко. Неожиданно выныривая из тумана, эти чудовищные

порождения природы проплывали назад, лишь только для того, чтобы снова погрузиться в непроглядное море.

По прошествии некоторого времени что-то привлекло внимание СарториИрвраша, и он взглянул вверх. На некотором расстоянии от корабля, отделенные от него полоской воды, стояли два фагора. Двурогие не смотрели на проплывающий мимо корабль, их глаза были устремлены друг на друга... У них были удлиненные, с крепкими челюстями и защищенными роговыми надбровьями свирепые лица, с парами выгнутых вперед гладких рогов.

Ужас пришел и ушел. Еще прежде, чем название этих животных всплыло у него в памяти, СарториИрвраш уже знал, что ошибся. Фагоров здесь не было и не могло быть. Перед ним были два диких зверя со сцепившимися в схватке рогами.

Продвижение корабля заставляло туман вихриться, расступаться, отчего тут и там в поле зрения появлялись небольшие острова, не более чем пяточки суши посреди моря, голые, с миниатюрными гранитными пиками. На одном из таких островков, на его бесплодной вершине и застыла пара четвероногих копытных. Их густая шерсть была коричневого цвета. За исключением цвета шерсти и передвижения на четырех конечностях, животные почти во всем походили на фагоров.

Один из зверей повернул голову и взглянул на корабль. Улучив момент, другое копытное, склонив мощную голову, с силой бросилось вперед и врезалось сопернику в бок. Звук мощного удара достиг слуха бывшего советника. Для разбега у животного было всего три фута, но на его стороне была огромная масса тела.

Второе животное пошатнулось, но, пытаясь удержаться на ногах, стало медленно разворачиваться. Однако, прежде чем ему удалось это сделать, за первым ударом последовал второй. Задние ноги копытного заскользили. Оно начало валиться назад, все еще пытаясь удержать равновесие. Затем с громким всплеском животное свалилось в воду. Постепенно всю эту сцену затянуло туманом.

За все время плавания адмирал воинствующих священников, Оди Джесератабхар, лишь считанное число раз удаивала СарториИрвраша коротким разговором. Тем не менее возможностей понаблюдать за ней у него было достаточно. Леди адмирал отличалась здравым умом и справлялась со своими обязанностями великолепно. Ее приказы исполнялись молниеносно. Отлично сидящая форма, четкий голос и властные манеры выдавали в ней недюжинную личность, наделенную серьезной властью и обладающую влиянием; тем не менее обращение адмирала с подчиненными, как правило, носило неформальный характер, а в тоне ее часто слышалась приветливость и даже веселье. СарториИрврашу адмирал нравилась.

— Какой одинокий и пустынный берег, госпожа.

— Да, этот край необитаемый. Но я видела и похуже. В старину ускуты ссылали сюда своих преступников, оставляя их на вечное поселение, практически на произвол судьбы.

Ее светлые волосы выбились из-под козырька морской фуражки, которую она обычно носила.

— И поселенцы выживали?

— Выживали, и даже многие. Находили себе жен из местных лораек. Кстати, через час на берег отправляется шлюпка. Я приглашаю вас принять участие в этой короткой экспедиции в качестве моего личного гостя. Вы сможете собственными глазами увидеть, как выглядит Бухта Осужденных.

— С благодарностью принимаю ваше приглашение.

Только теперь СарториИрвраш понял, до чего он рад возможности хоть ненадолго покинуть корабль.

«Золото дружбы» и следующий за ним невядалеке «Союз» принялись медленно приближаться через спокойную воду к берегу. Туман вскоре немного рассеялся, и появились очертания убогой мрачной суши с гранитом утесов и скал. Обойдя несколько каменистых островков, «Золото дружбы» бросило якорь. Через некоторое время с борта была спущена гребная шлюпка.

Проявив истинное рыцарство, Оди Джесератабхар помогла СарториИрврашу спуститься по веревочному трапу.

За ними последовал Пашаратид и с ним шестеро вооруженных мощными мушкетами матросов-пехотинцев. Фагоры-гребцы взялись за весла, и лодка начала медленно приближаться к пологой, усыпанной галькой части берега, лавируя между рифами.

На берегу уже имелись хозяева — стадо фагороподобных фламбергов. Два крупных самца стояли друг напротив друга с перевитыми рогами. Они сражались, и их плоские копыта с оглушительном треском ломали вылинявшие ракушки. Гривы у самцов были меньше, чем у самок. Кроме этого признака, пол животных различить было невозможно. Окрас и самок и самцов фламбергов варьировался от черного до кроваво-коричневого с редкими белыми подпалинами. От земли до плечевого пояса рост фламбергов не превышал четырех футов.

— Сейчас у фламбергов гон, — объяснила Сартори Ирвашу священница-адмирал. — Только в пылу схватки за самку эти ленивые создания могут зайти в воду.

Шлюпка ткнулась в берег, куда и была вытащена покорными фагорами, после чего вся экспедиция успешно высадилась на сушу. Галька около берега быстро сменилась острыми камнями.

В направлении высадившихся людей по камням немедленно метнулась целая армия крабов, выставляющих асимметричные клешни в недвусмысленном выражении угрозы. Матросы выстрелили в крабов из мушкетов дробью, убив нескольких, — остальные крабы немедленно принялись пожирать своих погибших собратьев.

Выстроившись на этом тихом, идиллическом берегу в стрелковую цепь, матросы разбились на пары, в которых один поддерживал дуло мушкета, в то время как другой наводил оружие на цель. Мишенью были самки фламбергов, глупо суетящиеся всего в нескольких футах и не обращающие на прибывших с корабля никакого внимания. Пашаратид скомандовал: «Огонь!», и ружья дали залп. Две самки фламбергов упали на камни, дергая ногами.

Стрелки сменили позиции и ружья. Последовал новый стрелочный залп. На этот раз на камне забилось еще три особи. Остатки стада обратились в бегство.

Под поощрительные крики с рей судна, усыпанных зрителями, матросы бросились к добыче, вздымая сапогами брызги.

Две самки еще были живы и пытались встать, но один из стрелков, вытащив из ножен короткий широкий нож, быстрым движением перебил раненым животным хребты.

Почувяв смерть, крупные белые птицы снялись со скал и принялись кружиться над местом охоты, высматривая добычу. Неожиданно решившись, птицы спикировали на матросов, пытаясь ударить их своими мощными крыльями.

Пока несколько человек свежевали добычу, остальным приходилось одновременно отбиваться от нападающих со всех сторон крабов и птиц. Одним длинным ударом ножа свежевальщики вспарывали убитым фламбергам брюхо. Засунув внутрь руку, они вытаскивали дымящиеся кишки и печень, сразу отбрасывая их в сторону. После этого от туловищ отделялись задние ноги. На руки свежевальщиков обильно лилась золотистая кровь. Над их головами кричали голодные птицы.

Нагруженные ногами и тушами фламбергов, фагоры были отправлены обратно к шлюпке.

Тем временем, по команде Пашаратида, из шлюпки были извлечены имеющиеся там волокуши, в построении которых впряглись опять же фагоры. Экспедиция была готова к отправлению. СарториИрвраш получил официальное приглашение присоединиться к прогулке.

— Я хочу, чтобы вы сумели составить хотя бы краткое впечатление о здешних краях, — сказала ему со скупой улыбкой Джесератабхар. Бывший советник сообразил, что скорее всего адмирал и ее подчиненные тоже рады ступить после корабля на твердую землю и готовы найти любой предлог для того, чтобы продлить свое пребывание здесь. Адмирал двинулась вперед вслед за волокушами, и СарториИрвраш поспешил за ней.

От берега начался крутой подъем и, чтобы затянуть на него волокушу, двурогим рабам пришлось напрягать все свои силы. Вскоре на пути им встретились другие копытные, с

шерстью более длинной и густой, чем у фламбергов, сероватого окраса, с изогнутыми кольцами рогами. Это были йелки. Денью Пашаратид с сожалением заметила, что вместо фламбергов следовало устроить охоту на йелков. Красное мясо лучше желтого.

Их путь пролегал мимо огромных валунов, вывернутых из земли и принесенных сюда когда-то давным-давно ледником, теперь исчезнувшим. На некоторых валунах можно было заметить нацарапанные имена и даты, иногда очень древние — обитавшие в здешних краях ссыльные таким образом пытались оставить о себе память.

Постепенно подъем закончился и местность пошла ровнее. Остановившись, глубоко дыша и утирая пот, участники экспедиции осмотрелись. Внизу у берега виднелись два корабля. Тут и там по воде плыли айсберги. Слева лежали земли лораев, простирающиеся до горизонта. Земля у них под ногами была голой, почти лишенной травы, во вмятинах от тысяч и тысяч копыт.

— Эти равнины принадлежат фламбергам, йелкам и гигантским йелкам, — проговорила Денью Пашаратид. — Больше здесь никто не живет. И не только равнины, но весь здешний край принадлежит зверю.

— Людям тут жизни нет, — подхватил Ио Пашаратид.

— Внешне фламберги и йелки очень похожи, но анатомически отличаются очень сильно, — заметила в свою очередь Оди Джесератабхар. — Йелки — некрогены. Молодь рождается и развивается в трупах родителей, вместо материнского молока питаюсь продуктами разложения. Фламберги же — живородящие.

На равнине люди уселись в волокуши, и фагоры повезли их вперед. Равнина была сырой, то и дело на пути попадались лужи, небольшие озера или болотца. Продвижение было крайне медленным. В течение почти целого часа пути все молчали, упиваясь ощущением необъятности окружающего.

Возле испещренного бороздами охряного цвета валуна адмирал воинов-священников объявила наконец остановку. Поднявшись с волокуш, люди прошлись, разминая ноги

и размахивая затекшими руками. Огромный валун нависал над ними, как миниатюрная скала. Вокруг не было слышно ничего, кроме криков птиц да завывания ветра. Но через некоторое время они услышали доносящийся откуда-то издалика тихий гул.

Услышав новый звук, СарториИврраш подумал, что это ломается ледник. Но адмирал и Денью Пашаратид, встревоженно переглянувшись, быстро принялись взбираться на валун. Вглядевшись в горизонт, они стали кричать оставшимся внизу, предупреждая их об опасности.

— Эй, двурогие, быстро оттащите волокушу под защиту камня! — приказала фагорам Оди Джесератабхар.

Постепенно гул превратился в могучий, напоминающий дыхание урагана топот. Ураган поднимался от самой земли, шел отовсюду. С западной стороны холма приближалось что-то огромное. СарториИврраш бросился к валуну и принялся карабкаться на его вершину. Ио Пашаратид помогал ему, и наконец все они, две женщины и двое мужчин, оказались на вершине, где на площадке для них едва хватило места. Фагоры тупо стояли по сторонам валуна.

— Нам придется переждать здесь, пока они не пройдут, — проговорила Оди Джесератабхар. — Тут мы в безопасности.

Голос адмирала дрожал.

— Что это? — спросил СарториИврраш.

И тут он увидел лавину фламбергов, приближавшихся широким фронтом.

Скоро вся равнина была заполнена морем спин и рогатых голов фламбергов и йелков, среди которого валун с четверкой людей на вершине высился как остров.

Земля вибрировала от монотонного гула. Достигнув валуна, живой поток обогнул его с обеих сторон и сомкнулся на другой стороне, устремившись дальше. Белые птицы-коровы летели над стадом.

Потрясенные люди, прижавшись друг к другу, с тоской смотрели на простирающееся вокруг живое море. Взошел и опустился Беталикс, а тысячи животных все продолжали свой бесконечный бег.

Заморосил дождь, который постепенно перешел в ливень. Земля вокруг намокла, и звук бьющих по ней копыт изменился.

Прошло уже несколько часов, а ледяной дождь все не утихал. СарториИрвраш, отчаявшись, ждал смерти. Он вспоминал свою жизнь.

Он всегда был одинок, думал бывший советник. Намеренно одинок. Приобретение знаний было его страстью, его жизнью. Почему?

И почему он так долго терпел ЯндолАнганола? Когда-то он восхищался им, но не теперь! Он никогда не простит королю сожжение его рукописей! Сжигая его работы, ЯндолАнганол сжег его единственное оправдание перед одиночеством.

«Но теперь я изменился, — как заклинание твердил советник. — Я стал другим». Оди! Эта женщина, Оди, он любит ее! Он вдруг занервничал. Ему казалось, что он должен сказать ей об этом, прямо сейчас.

И тут он заметил — что Оди Джесератабхар плачет.

После недолгого колебания он крепко обнял ее и прижался щекой к ее лицу. Он стал тихо шептать ей слова утешения, почти бессвязные, но горячие.

Вся в слезах, Оди повернулась к нему, и ее рот почти соприкоснулся с его.

— Это я во всем виновата. Мне нужно было предвидеть: в это время года гон — обычное явление...

СарториИрвраш не дал ей договорить, поцеловав ее в губы, а потом снова и снова. И она ответила ему.

От холода люди на вершине камня впали в забытие, отчасти напоминающее сон. Когда они проснулись, дождь уже утих, превратившись в мелкую морось. Стадо по-прежнему двигалось мимо них: от самого горизонта к морю.

Следующей напастью было нашествие тучи насекомых, которые летели за стадом. Людям пришлось укрыться плащами и кидрантами, так как любой клочок обнаженной кожи тут же подвергался немедленной атаке хоботков и жал.

Они лежали в полной неподвижности, в отчаянии от безвыходности положения, с ужасом чувствуя, как все сильнее и сильнее дрожит под ними валун. Так прошел еще один день, а за ним пришла еще одна ночь.

На рассвете люди увидели, что стадо наконец существенно поредело. Теперь шли животные слабые или больные, а также самки с детенышами.

Дрожа и с трудом передвигаясь, люди сползли с камня на землю. Волокуши, как и фагоры, исчезли и им пришлось идти к берегу пешком.

Корабль продолжил свое плавание. Бухта Осужденных осталась позади. А четверка людей, участвующих в экспедиции, по прибытии на борт тут же свалилась в лихорадке, вызванной простудой и укусами насекомых.

Как только бывший советник достаточно окреп, чтобы вставать с кровати и ходить по палубе, он решил навестить Оди Джесератабхар. Госпожа адмирал воинствующих священников была рада видеть его.

Она сидела на кровати. Светлые волосы были не убраны и свободно лежали на плечах. Без морской формы она казалась советнику беззащитной.

— Все сиборнельские корабли, отправляющиеся в дальние походы, всегда заходят в Бухту Осужденных, — сказала она. — Всем известно, что здесь можно запастись провизией. Раньше мне уже приходилось видеть гон фламбергов. И в том, что с нами произошло на острове, конечно же, виновата я. Нужно было быть более осмотрительной.

— Я даже представить себе не мог, что на свете может быть столько фламбергов...

— На самом деле этих рогатых бестий гораздо больше, чем вы можете себе представить. И все они обитают в предполярных областях.

Оди улыбнулась. Сартори Ирвашу она направила все больше и больше.

— Но что это было. — какая-то сезонная миграция?

— Насколько я понимаю, не совсем. По-моему, это было чувство страха. Видите ли, у них есть только один враг.

— Волки?

— Нет, не волки.

Оди по-волчьи оскалилась, довольная тем, что глаза ее собеседника удивленно открылись.

— Главный враг фламбергов, не удивляйтесь, — это очень крупная муха. Узнать эту муху очень легко — на брюшке у нее желтые полосы. Она откладывает свои яйца прямо в шкуру несчастных копытных. Когда яйца созревают, то появляющиеся из них личинки прогрызают себе дорогу к кровеносным сосудам, добираются до спины и там дозревают. Затем вздутия на спинах фламбергов достигают размера яблока, шкура животных лопается и личинки высыпаются на землю, чтобы тут же превратиться в молодых мух.

Я часто своими глазами видела, как измученные желто-полосатой мухой животные бежали до тех пор, пока не загоняли себя до смерти, или бросались с утесов и разбивались о камни, лишь бы только избавиться себя от страданий.

Они помолчали.

— Вы так неожиданно помрачнели — я расстроила вас своим рассказом?

— Напротив, я рад возможности поговорить с тем, кто, как вы, проявляет такой огромный интерес к процессам жизнедеятельности мира. Ведь я этому посвятил всю свою жизнь.

— В Сиборнеле знают о сути мира гораздо больше, чем в любой другой стране.

Сказав это, она испугалась, что таким заявлением может обидеть советника, и решила быстро исправить ситуацию.

— Возможно, причина здесь кроется в том, что мы, северяне, испытываем на себе больше тягот, связанных с переменой климата, чем вы, кампаннлатцы. Великим Летом ваш Борлиен вообще забывает о том, что такое зима. А у нас каждое лето только и думают о том, как пережить следующую зиму: ведь если к ней не готовиться заранее, то наказанием может быть смерть. Иногда мне думается, что человечество — это всего лишь ошибка природы и, возможно, в не таком уж далеком будущем мир будут населять только фагоры и фламберги.

СарториИрвраш внимательно посмотрел на госпожу адмирала.

— Я согласен с вами, иногда такие мысли посещают и меня. А вы знаете, когда я впервые увидел фламберга, меня поразило то, что он очень сильно похож на фагора.

— Да, действительно, сходство необычайное, я согласна. Ну и какой же вывод вы из этого делаете?

Не он, а она испытывала его, и снова в своей утонченно-издевательской манере. СарториИрвраш предложил своей гостье присесть рядом с ним, и она не замедлила сделать это.

— Мади похожи на людей, так же как нондады похожи на иных. Иногда, как вы знаете, браки людей и мади дают приплод. Примером тому может служить принцесса Симода Тал. А не так давно я слышал, что иногда фагоры сожительствуют с фламбергами. Вероятно, между этими видами существует какая-то физиологическая связь, следствием которой является внешнее физическое сходство. Это легко можно проверить экспериментальным путем.

— У меня есть другое доказательство, для которого не нужны никакие эксперименты. Во-первых, в отличие от многих других людей я не верю в то, что все виды животных, и люди в том числе, были созданы каждый по отдельности Богом Азоиаксиком.

Говоря это, адмирал даже понизила голос.

— По-моему, границы между видами просто со временем размылись. Вы понимаете, к чему я клоню?

«Что же получается: адмирал — тайная безбожница?» Эта мысль настолько поразила его, что привела его даже в некоторое возбуждение.

— Слушаю вас. Продолжайте.

— Я думаю, что когда-то, очень давно, на планете не было никаких фагоров, но в большом изобилии водились фламберги и мухи. Однако прошло время, и от фламбергов произошли фагоры. Фагоры — это следующая ступень развития фламбергов. Как вам такая гипотеза? По-вашему, это возможно?

Отвечая, СарториИрвраш попытался взять ее тон рассуждения.

— Сходство между двумя этими видами есть несомненное, но по большей части это сходство поверхностное, если, конечно, не брать во внимание цвет крови. С точно таким же успехом можно сказать, что люди и фагоры имеют много общего: те и другие способны говорить, ходят на двух ногах, имеют сознание. Ничего подобного у фламбергов нет.

— А попробуйте вообразить себе, что фагоры произошли от тех фламбергов, которые попытались найти альтернативный способ борьбы с мухами, такой, который в корне отличался от бесконечного бега по полям.

На некоторое время возникла пауза, во время которой советник и госпожа адмирал с восторгом смотрели друг на друга.

— О какой альтернативе вы говорите?

— Например, некоторые из них стали прятаться в пещерах, тем самым освободив себя от мучительного преследования мух, что в результате привело к развитию сознания. Чтобы освободить передние конечности для труда, им пришлось для передвижения использовать только задние конечности. Так как они жили в основном в темноте, появилась звуковая форма общения, а иначе говоря, язык. Когда-нибудь я покажу вам свое эссе по этому вопросу. Его еще никто не видел.

СарториИрвраш рассмеялся, представив себе фламбергов, которые очеловечивались только для того, чтобы спастись от мух.

— Для этого потребовалось не одно поколение, мой дорогой друг. Выживали самые способные и сметливые. И пожалуйста, не смейтесь надо мной.

Оди легко потрепала его по руке.

— Если я ошибаюсь, то как вы объясните тот факт, что период созревания плода у гиллот фагоров и самок фламбергов одинаков и составляет один год Беталикса?

Они оба весело засмеялись.

* * *

Продолжая свое плавание, корабли зашли в несколько маленьких портов Лорая, находящихся в тропиках. В порту Идживибир к ним присоединилась каравелла «Добрая надежда», торговое судно с парусами в вертикальную полоску. Флагман приветствовал каравеллу залпом из бортовых орудий, матросы громко кричали и махали руками.

Другое любопытное происшествие случилось с ними на 29-м градусе восточной долготы, в самой западной точке маршрута. Было десять минут двадцать пятого часа. Фреир вот-вот должен был взойти, и его близость была отмечена абрикосовым сиянием, занимающимся над горизонтом. В предрассветном свечении, исходящем из воды, линия горизонта словно бы растворялась. Вскоре из этого светового пятна должно было взойти солнце. Где-то в той стороне, скрытая сиянием, лежала священная страна Шивенинк; в Шивенинке, в горах, простирающихся от самого моря вплоть до Северного Полюса, находилось Великое Колесо Харнабхара.

Когда корабли добрались наконец до страны Великого Колеса и стали проплывать мимо, рог проиграл сигнал «все наверх». Три корабля сошлись борт к борту. Играла священная музыка, все присутствующие молча молились, прижав указательные пальцы ко лбу.

И вдруг неожиданно, словно ниоткуда, появился парус, а через некоторое время показался и сам корабль.

Когда судно подошло ближе, с него был произведен ответственный пушечный залп и сиборнельцы увидели, что на парусах корабля красовалась идеограмма Колеса. Это был «Священник Ваджабхара», названный по имени своего главного порта.

Четыре корабля сошлись вместе. Адмирал воинов-священников прокричала приказы, и флотилия продолжила свое плавание.

Цвет воды сменился на темно-голубой — глубина под килем увеличилась. В кильватерной колонне корабли покинули Панновальское море и вошли в северную окраину оке-

ана Климента. Здесь резко поменялась погода. Штормы шли за штормами, водяные валы вздымались до самого неба. Стихия швыряла сиборнельские корабли как скорлупки.

Когда наконец они вышли в спокойные воды, Фреир висел в зените гораздо ниже, в то время как Беталикс поднимался выше, чем прежде. По левому борту лежали утесы Кампаннлата, его западный редут, мыс Финдовил. Обогнув мыс, корабли сиборнельцев подошли к берегу тропического континента и сразу же встали на якорь, на двухдневный отдых. Плотники принялись за починку повреждений, причиненных штормами, воины-священники морской гильдии штопали паруса или купались в теплой воде лагуны. Мужчины и женщины купались нагими. Это несколько смущало СарториИрвраша. Однако после недолгого колебания, оставшись лишь в шелковых подштанниках, он тоже бросился с борта в воду.

Доплыв до пляжа, он улегся на песке отдохнуть и, пристроившись в тенике, стал рассматривать своих спутников, которые после купания не спеша выбирались на берег. Большинство команды «Доброй надежды» были женщины, которые все как одна отличались атлетическим сложением. Рядом с ним улегся Ио Пашаратид и замогильным шепотом заметил:

— Вот если бы королева королев была здесь, да?

— И что тогда? — лениво поинтересовался СарториИрвраш, выискивая среди купающихся Оди.

— Что тогда, вы спрашиваете? Тогда этот практически райский уголок превратился бы в настоящий рай.

— Вы считаете, что сил на ваших судах хватит, чтобы завоевать Борлиен?

— Да, я в этом уверен. Мы организованы и хорошо вооружены. Да, я уверен.

— Ну что ж, тогда вы вправе рассчитывать, что рано или поздно королева королев действительно может оказаться под вашей опекой.

— Я льщу себя надеждой. Иначе откуда, по-вашему, у меня такое рвение. Оттассол мне нужен как собаке пятая нога. Королева МирдемИнггала — вот о ком я мечтаю. И она будет моей, помяните мое слово.

Глава XV

ПЛЕННИКИ И ДОБЫЧА

Человек шел, неся закинутый за плечи мешок. В лохмотьях, наброшенных на его тело, угадывалась военная форма. Он шел по дороге, низко опустив голову.

Его путь пролегал через выжженные джунгли Чвартской возвышенности восточного Рандонана. Много теннеров подряд здесь шли ожесточенные бои.

Человек устал и еле передвигал ноги. Но, несмотря на усталость и дождь, который преследовал его почти всю дорогу, он упрямо шел вперед.

Из зоны пожарищ он вышел к полудню. Дорога привела его на гребень холма, с возвышения которого человек увидел поле с несколькими убогими хижинами. Он вдруг понял, что знает это место. Здесь совсем недавно прошла Вторая Армия. Это была его армия. Сражение было проиграно. Он бежал с поля боя и теперь ненавидел и презирал себя за это бегство. Человек опустился на траву и тяжело заплакал.

Наступала ночь и надо было думать о ночлеге. Генерал Ханра ТолрамКетинет знал, что недалеко отсюда должен быть большой фермерский дом, рядом с которым до сражения был разбит лагерь Второй Армии.

Дом оказался цел, хотя постройки вокруг него были почти полностью уничтожены огнем.

ТолрамКетинет осмотрелся. В распахнутых настежь воротах стояла он увидел два трупа хоксни, сплошь облепленные мухами. В нос ударил резкий запах разложения.

Фреир стоял высоко, но Беталикс уже клонился к западу. Генерал подошел к дому. Сбросив с плеча мешок, он поставил его у порога и пинком ноги распахнул дверь.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул он на тот случай, если в доме остановился кто-нибудь из его людей.

Ему никто не ответил. И тем не менее обострившееся чутье подсказывало ему, что в доме кто-то есть. В выложен-

ной из камня прихожей он помедлил. Напротив входной двери, у стены, стояли высокие часы с длинным маятником и двадцатью пятью светящимися цифрами. Он шагнул в полумрак коридора и направился к кухне.

Они стояли в кухне. Шестеро фагоров. Они как будто ждали его. Во мраке их глаза светились глубоким розовым светом. Позади двурогих в окне виден был цветник; яркие желтые головки цветов покачивались на ветру. Солнце сквозь цветы падало на белесые шкуры фагоров. Желтые пятна лежали на ссутуленных спинах, на удлинённых скулах.

Когда они двинулись на него, ТолрамКетинет резко вытащил меч из ножен и сразу стал атаковать. У двурогих были копья, но каждый из фагоров, пытаясь первым добраться до человека, мешал остальным. Бой закончился в течение нескольких минут полной победой человека. Осмотрев трупы, он понял, что дрался с отборными солдатами своей гвардии.

Торопливо выбравшись обратно во двор, генерал ТолрамКетинет снова забросил за спину мешок и зашагал по дороге. Он шел к морю.

На рассвете генерал вошел в лес, и деревья обступили его. Дорога на юг превратилась в тенистую аллею, и ТолрамКетинет зашагал веселее. Это были еще не джунгли — их непролазные, перепутанные заросли начинались значительно дальше. У подножия деревьев играли солнечные зайчики, ибо лишь малой толике солнечного света удавалось проникать через листву. Лес напоминал величественное здание с колоннами и столбами невероятной сложности и разнообразия.

Торжественность дождевого леса состояла в том, что он представлялся вошедшему в него чем-то гораздо более вековым, чем саванна или, скажем, пустыня. На самом же деле это было не так. За 1825 малых лет Гелликонии, составляющих один ее Великий Год, сложный лесной организм мог поддержать свое существование в течение лишь половины этого периода. При ближайшем рассмотрении у каждого дерева в корневище, в ветвях, листве и плодовых

коробочках можно было обнаружить особые приспособления, способные, если это понадобится, поддержать существование растения в случае резкой перемены климата — от иссушающей жары до мертвящего холода.

Во всей иерархии леса деревья и травы располагались в строгой упорядоченности, представляющей случайной только неподготовленному взгляду. Растения, а также населяющая лес живность занимали место, которое они могли бы назвать своим. В этом сообществе лишь иные были редким исключением из правил. Они иногда появлялись в поселках исконных лесных жителей — фагоров, выполняя роль чего-то среднего между домашними зверьками и рабами.

Иногда в фагорских поселениях можно было встретить даже людей. Их крохотные жилища ютились возле хижин фагоров. Эти люди — жалкие, полунагие и полуголодные — были в основном дезертирами из Второй Армии. С некоторыми из них генерал ТолрамКетинет втихую вел переговоры, надеясь склонить их идти с собой. Некоторых ему удавалось уговорить, но таких было немного. Эти говорили, что хотя они и сыты по горло войной, но жизнь в джунглях еще хуже.

После непродолжительного путешествия маленького отряда собранных ТолрамКетинетом «рекрутов» по почти непроходимому лесу под проливным дождем военные навыки быстро вспомнились, и командование генерала было принято так естественно, словно дисциплина была единственным средством для этих людей обрести душевное равновесие. ТолрамКетинет тоже преобразился. Ничто в его осанке больше не напоминало беженца с передовой, не говорило о недавно пережитом им поражении. Расправив плечи, он двигался быстро и решительно, с уверенностью облеченного властью человека. Из старика он за какие-то часы вновь превратился в молодого полного энергии военачальника. Благодаря переменчивой человеческой природе он стал тем, кем люди хотели его видеть.

Наконец маленький отряд вышел к берегу реки Касол. Воодушевленные успешным переходом, борлиенцы с ходу

напали на крохотный речной городок Орделей и захватили его. После такой легкой победы дух отряда поднялся еще более.

Среди кораблей у пристани Орделея был и ледовоз, несущий флаг лордриардрийской ледоторговой компании. Когда город был взят, ледовоз, «Лордриардрийский увалень», попытался бежать, отчалив вниз по реке, но ТолрамКетинет и несколько его бойцов предотвратили это бегство.

Насмерть перепуганный капитан лепетал что-то о своем нейтралитете и дипломатической неприкосновенности, что в Орделее он был по торговому делу, да к тому же у него послание к генералу ТолрамКетинету, которого он должен разыскать и вручить ему это письмо в собственные руки.

— И где же ты собираешься искать генерала? — грозно спросил ТолрамКетинет.

— Наверно, генерал где-то в джунглях, я так думаю...

Когда же к его горлу был приставлен меч, капитан признался, что уже послал платного гонца с письмом к генералу, что, по его мнению, освобождало его от дальнейших обязательств, а действовал он по инструкциям, полученным от капитана Криллио Мунтраса.

— О чем говорилось в этом письме? — потребовал ответа ТолрамКетинет.

Капитан начал клясться, что он ничего не знает о содержании письма, утверждая, что кожаный кошель, в котором находилось послание, был скреплен личной печатью королевы королев МирдемИнггалы. А кто рискнет вмешиваться в дела королевских особ?

— Но ты-то, прохвост, ты, верно, уснуть не мог до тех пор, пока не разнюхал, что в этом письме? Говори, ты, слизняк!

Прижатый к полу перевернутым столом, капитан все-таки признался, что действительно прочитал письмо, но не вскрывал его специально, а оно раскрылось само, случайно. И он, сам того не желая, узнал, что королева королев отправлена королем ЯндолАнганолом в ссылку, в Грвабага-линен; что королева опасается за свою жизнь; что она надеется на помощь ее далекого друга, надеется, что генерал,

сражающийся на фронте Западной Войны, сумеет все же благополучно добраться до нее. Королева ждет его и просит Бога защитить ее друга от всех напастей.

Выслушав сумбурный рассказ капитана, генерал Толрам-Кетинет вышел из капитанской каюты. Бледный, он стоял на палубе и смотрел на темную воду, шепча молитву, в которой он просил Бога послать ему удачу в любви.

По приказу генерала его воины выбросили помятого капитана на берег, после чего «Увалень» был объявлен борлиенским судном. Они запаслись провизией и на рассвете следующего дня отплыли, взяв курс к далекому океану.

Высоко над джунглями тихо плыл по своей орбите Аверн. Обитатели Станции Наблюдения бились над разрешением вопроса: под ударами какой же силы пала Вторая Армия Борлиена? Они тщетно пытались найти среди рандонандцев сплоченный организованный блок сопротивления: например, борцов за независимость, оскорбленных вторжением на земли своей отчизны чужеземцев.

Ничего подобного на территории Рандонана обнаружить им не удавалось, да и не было там такой силы. Рандонандцы, по большей части полудикие кочевники, живущие племенами, существовали в полной гармонии со своими местами обитания. Некоторые из племен занимались примитивным сельским хозяйством, обрабатывая полосы земли. По улицам рандонандских деревень свободно бродили собаки, свиньи, а между ними и матери с малолетними детьми, которые могли запросто покормить вместе со своими малышами и щенка и поросенка, что считалось нормальным. Для рандонандцев охота никогда не была предметом забавы. Они не убивали животных больше, чем нужно было, чтобы прокормиться семье. Многие племена как богам поклонялись иным, при этом не упуская случая подстрелить свое божество из лука, коль скоро оно попадалось на глаза легкомысленно болтающимся на ветвях своего просторного лесного дома. Рандонандцы одинаково обожествляли и рыб, и деревья, и духов, и даже раздвоенные полуденные тени.

Разобщенные и слабые, рандонандцы терпимо относились к фагорам, общины которых по большей части располагались в малопригодных для жизни лесах. В свою очередь фагоры проявляли мало интереса к племенам людей, хотя среди рандонандцев и ходили легенды об обычаях сталлунов в брачный период воровать в деревнях женщин.

Фагоры варили пьянящий напиток, который назывался у рандонандцев «вулумунвум». Его изготавливали из отвара коры дерева вулу и особого сорта грибов. Сами рандонандцы варить хороший вулумунвум не умели и потому охотно выменивали его у фагоров.

При большом употреблении горячительного вулумунвума с пьющими обычно происходили разные любопытные вещи, вроде бесед с духами умерших предков. Духи советовали рандонандцам не сидеть на месте, а идти в Пустыню и предаваться там играм.

И тогда большая часть племени ловила своих богов, иных, привязывала их к бамбуковым тронам, ставила эти троны себе на плечи и отправлялась к границе Борлиена. Там они обычно начинали вытаптывать возделанные нивы и вообще вели себя крайне непристойно.

Территория Борлиена, по большей части равнинная и состоящая из плодородных земель, отлично пригодных для земледелия, именовалась у рандонандцев Пустыней. Пустыня, по мнению рандонандцев, была местом безбожным: самое главное, там не было иных, а также не было больших деревьев, диких зверей, а в довершение всего, там невозможно было достать ни капли вулумунвума. А потому племя, оказавшись на такой безбожной земле, с наслаждением безобразило: поджигало близкостоящие амбары или уничтожало посевы.

Фермеры в этих приграничных краях были люди смуглокожие и отличались крутым нравом. Они выслеживали ошалевших от пьянства рандонандцев и, предварительно избив, гнали их обратно в леса. Часто такие стычки заканчивались большой кровью с обеих сторон, тем более что при столкновениях рандонандцы стреляли в фермеров из

духовых трубок оперенными шипами ядовитых лесных растений.

Так, незаметно, стычки между племенами и фермерами переросли в бесконечную войну между Борлиеном и Рандонаном.

Постоянные вторжения рандонандцев, оборона, атаки — все это воздействовало на людские умы, и, как следствие, они стали преувеличивать истинное положение вещей. И потому, к тому времени, когда Вторая Армия вошла в джунгли Рандонана, разрозненные племена лесных жителей воспринимались военными начальниками Борлиена как хорошо сплоченное и отлично управляемое воинство.

Но это было не так. За рандонандцев все сделали их родные джунгли. Лучшим испытанным способом защиты племен было поспешное бегство в джунгли, откуда так весело было, по примеру иных, на разные лады завывать темными ночами и пугать нечестивых захватчиков.

К тому же в джунглях борлиенцев поджидали и другие враги: это плоды, употребление которых вызывало дизентерию, вода, которая косила людей малярией, и сырость ночей, несущая с собой лихорадку. Один за другим, иногда и целыми батальонами, борлиенские солдаты исчезали в джунглях Рандонана, а вместе с ними испарялись и амбиции короля ЯндолАнганолоа, так надеющегося на победу в Западной Войне.

По мере усиления жары Панновал ужесточил репрессии против всех племен фагоров, проживающих на его территории, объявляя один за другим крестовые походы против расы нечестивцев. Спасаящиеся от неминуемой смерти фагоры бежали на территорию Борлиена, что вызывало недовольство у основной массы населения этой страны — подданных короля Орла, в душе люто ненавидящих двурогих и видящих в них источник всех бед.

Но мнение короля в корне отличалось от мнения народа. В своей речи перед скритиной он объявил, что и впредь он намерен принимать беженцев и предоставляет им посе-

ления, которые пустовали после ликвидации армии Дарвиша.

Рука помощи, протянутая из Борлиена фагорам, пришлась мало кому по вкусу в Панновале и Олдорандо, в результате чего выдача грамоты с разрешением на развод была отложена на неопределенный срок.

Надев яркую куртку, король отправился повидаться со своим отцом. Подвал казался ему еще более сырым, чем всегда. Он вошел в камеру.

В камине тлело обугленное полено. Старик, как обычно, завернутый в одеяло, сидел перед камином, свесив голову на грудь. Казалось, все было как всегда, за исключением одного, — бывший король ВарпалАнганол был мертв.

Король ЯндолАнганол подошел к зарешеченному окошку под потолком и, подняв к нему голову, принялся смотреть на свет. Потом, не оборачиваясь, тихо окликнул. Но ничто не двинулось позади него. Тогда он позвал еще раз, теперь громче.

— Значит, ты и вправду умер? — спросил пустоту ЯндолАнганол. — Вот так, еще одно предательство...

Подойдя к камину, он неожиданно резким пинком ноги выбил из него тлеющее полено. Потом, вне себя от ярости, он ударил ногой о стул с мертвецом, отчего труп с негромким стуком упал на каменный пол.

Встав над бренными останками, король какое-то время безглаголиво смотрел на них и вдруг, с рыданиями упав на грудь отца, стал бессвязно шептать что-то, перемежая свои слова то упреками, то извинениями.

В пристройке для слуг доживала свой век старая нянька короля. Она была очень больна и почти не вставала с постели. В комнатах слуг ЯндолАнганол не бывал уже очень давно, наверное, с той поры, как перестал считаться ребенком. Но он без труда нашел комнату старухи, которая, увидев монарха, в ужасе схватила дрожащей рукой за изголовье кровати и предприняла слабую попытку подняться и сесть.

— Он умер, твой любовник и повелитель, — ровным голосом проговорил король ЯндолАнганол.

На следующий день в столице была объявлена неделя траура и Первый Фагорской Полк королевской гвардии промаршировал по улицам города с черными траурными повязками.

Простой люд, изголодавшийся по любому зрелищу, собирался в святом месте, где король ВарпалАнганол, с подобающей его величеству помпой должен был быть похоронен в соответствующей земляной октаве.

Отпевание совершалось под руководством самого Архиепископа Дома Страждущих, БранцаБагината. Члены скритины тоже были здесь. По такому случаю для них были сколочены деревянные трибуны, обшитые флагами дома Анганолов. Суровость на лицах господ депутатов происходила не от печали по усопшему монарху, а по большей части от неодобрения действий монарха живого; тем не менее, несмотря на все свои несогласия, они все же не посмели не прийти на похороны, страшась последствий. Со многими членами скритины пришли и их жены.

Стоящий на краю отрытой могилы король ЯндолАнганол выглядел одиноким и всеми покинутым. Время от времени он бросал короткие острые взгляды по сторонам, словно все еще надеялся разглядеть в толпе хоть одно сочувствующее лицо.

Архиепископ БранцаБагинат закрыл глаза и начал отпевание.

— Неудержимый ток лет уносит нас все дальше и дальше от мига появления на свет, с каждым шагом приближая к последней октаве. Как в небесах наших сияют два светила, большее и меньшее, так и существование каждого творения Божьего имеет две составляющие, жизнь и смерть, одна из них меньшая, а другая большая. Сегодня великий король ушел от нас, вступив в свою великую фазу существования. Он был мудрым человеком и знал, что любому свету в конце концов суждено кануть во тьму...

В этот самый миг раздался голос короля.

— Вот лежит перед вами злодей, разрушивший жизнь свою и моей матери. Как вы смеее молиться за него, продавшего свою честь и достоинство?

Одним скачком перепрыгнув через могилу и оттолкнув архиепископа, он бросился бежать по дороге, ведущей ко дворцу, что-то выкрикивая на бегу. Даже когда толпа скрылась из виду, он не прекратил бежать, а мчался так, пока не добрался до стойла, где вскочил в седло хоксни и как безумный погнал его к лесу. Любимец Юлий был забыт на полдороге, отстал и теперь со стенаниями брел обратно к дворцу.

Этот неприятный эпизод, однако, очень пришелся по душе простолюдинам Матрассила. Тут было о чем поговорить и посудачить, над чем посмеяться, что похвалить, а что и осудить за стаканчиком дешевой выпивки.

— А он шутник, этот Яндол, — таким был окончательный вердикт, вынесенный жителями города. Так репутация короля как парня с отличным чувством юмора закрепилась за ним очень быстро и твердо, к огромной досаде оппозиционеров из скритины, вознамерившихся раздуть из его выходки дело чуть ли не о государственной измене.

Проводив СарториИрвраша, Робайдай вернулся в столицу и поселился неподалеку от нее, на укрытом камышами островке, где бывали только одни рыбаки. Там новость о смерти деда и нашла его.

Став свидетелем выходки своего отца, Роба верхом на хоксни последовал за ним, вплоть до самого стойла и дальше в лес. Зачем он это сделал, он и сам сказать не мог, так как встреча с отцом совсем не входила в его планы.

Король ехал по тропинке, которая вела к зверинцу, надежно укрытому в роще среди гибких стволов молодого раджабарала. Спешившись, он постоял немного в полной неподвижности и молчании, а затем повел Ветра к деревянному приземистому забору, окружающему зверинец. Толкнув калитку, король Орел вошел внутрь. Небольшой домик и хозяйственные постройки были в ужасном состоянии. Из покосившихся дверей домика выполз трясущийся белобородый старец и поклонился его величеству.

— Почему перед воротами нет стражи? И почему ворота не заперты?

В голосе короля не было решительности — он знал ответ. Старик пустился подробно объяснять, как все служа-

щие один за другим, кроме него, были отозваны после смещения советника. Оставшись тут один, он все равно продолжал ухаживать за питомцами, в надежде угодить его величеству. У подножия скалы, возле которой ютился зверинец, стояли четыре большие клетки. К обитателям этих клеток и направился король ЯндоЛанганол.

В первой клетке находились иные. От нечего делать лесные акробаты раскачивались на руках, ногах и хвостах; заметив приближающегося к их клетке короля, они, как перезрелые гроздья гвинг-гвинг, попадали вниз, бросились к решетке и принялись тянуть наружу свои, очень похожие на человеческие руки, лапы, делая это с огромной энергией и рвением, словно имели какое-то представление о высоком статусе посетителя.

При приближении короля ко второй клетке многие ее обитатели поторопились спрятаться. Норы для этих зверей были вырублены прямо в камне скалы, чтобы они не смогли выкопать в земле лазы и сбежать. Но два самых сильных самца остались: встав возле решетки, они уставились королю прямо в лицо. Эти недочеловеки — низкорослые существа, часто путаемые с иными и, надо признаться, на них очень похожие — назывались нондадами. Ростом нондады едва доходили людям до пояса, а тело их было покрыто редким песчаного цвета волосом.

Двое выступивших вперед нондадов вдруг затараторили, нервно подергивая конечностями. Речь их состояла из пощелкиваний, свиста и всхрапываний. Прежде чем двинуться к третьей клетке, король недолгое время слушал нондадов, глядя на них со смесью презрения и жалости.

В третьей клетке находились мади — представители наиболее развитой из всех известных форм недочеловеков. В отличие от обитателей двух первых клеток при появлении короля мади не сдвинулись с места, а только пытались спрятать свои лица, закрывая их руками. Вечные странники, им некуда было больше идти и теперь вся жизнь для них лишилась смысла.

Четвертая клетка была сложена из грубоотесанного камня, как дань целеустремленности и воле ее населяющих,

которые звались людьми — здесь были мужчины и женщины, в основном из трибриатских и мордриатских племен. Женщины спрятались в тень, а мужчины бросились к решетке, прося короля освободить их или по крайней мере прекратить издевательства, под которыми подразумевались ученые эксперименты СарториИрвраша, бывшего королевского советника.

— Теперь вряд ли кто вас побеспокоит, — пробормотал себе под нос король.

Он вернулся к мади, поскольку именно эти создания больше всего интересовали его. Он долго рассматривал вечных странников с разных сторон. Наконец, не выдержав, несколько самцов мади молча выступили вперед и поставили перед решеткой одну из своих самок, предлагая ее ему в обмен за освобождение остальных.

С искаженным от отвращения лицом король ЯндолАнганол отпрянул от клетки. Черты его исказились судорогой.

Бросившись из тени, отбрасываемой каменной клеткой, на солнечный свет, он столкнулся с РобайдайАнганолом. На мгновение отец и сын замерли друг перед другом. Первым в себя пришел Роба. Комикуя, подняв руки и растопырив пальцы, он нараспев проговорил:

— Заклучи их в темницу, дабы сохранить им разум, о могущественный король.

Король сделал шаг вперед и, притянув сына к себе, поцеловал его в губы.

— Где ты пропадаешь, сын мой? Почему ты не хочешь остепениться?

— Если мне хорошо среди деревьев, то зачем идти во дворец? От добра добра не ищут.

Говоря это, Роба отступал от отца и, упершись спиной в решетку клетки, схватился за нее левой рукой.

Моментально один из самцов бросился вперед, поймал запястье принца и втянул его руку в клетку. Самка, та, что только что была предложена королю в качестве выкупа, с диким воплем вцепилась зубами в большой палец Робы. Тот закричал от боли. Король бросился к решетке с обнаженным мечом в руке. Мади отпрянули в глубь клетки.

— Эти мади так же охочи до королевской крови, как и Симода Тал, — простонал Роба, прыгая с зажатым во рту пальцем. — Ты видел, она же хотела откусить мне палец! Как прикажешь мне после этого относиться к будущим родственникам?

Король расхохотался и убрал меч в ножны.

— Никогда не нужно соваться в чужие дела — впредь тебе наука.

— Эти создания очень хитры, сударь, они само порождение сатаны, и потом, им нечего терять, они уже столько здесь натерпелись, — донесся голос седовласого сторожа.

— Отпусти их, отец! — произнес Роба. — Взгляни на этих несчастных и почувствуй их страдания. При Рашвене это, может, и имело какой-то смысл, хотя и сомнительный. Но сейчас они тебе совершенно не нужны, прояви же разум и милосердие. Зачем ты пришел сюда, чтобы посмеяться над несчастными в очередной раз?

— Нет, я пришел не для того, чтобы смеяться над ними. Просто мне нужно знать о мади как можно больше. Быть королем — это большая ответственность... И не только король, каждый человек должен быть ответственным.

Вот перед нами то, за что чувствовал себя ответственным СарториИрвраш. Прежде чем сжечь его труды, я ознакомился с ними.

С помощью своих экспериментов Рашвен находил общие правила, которые он называл Законом. Он открыл, что иные из клетки Один, спариваясь с нондадами, иногда могли производить жизнеспособное потомство. Дети их выживали, но в свою очередь были бесплодными. Нет, я ошибся, — это потомство иных и мади было бесплодным. Бог мой, я забыл подробности. В свою очередь мади, спариваясь с людьми из клетки Четыре, тоже могли производить потомство. Некоторые из этих детей тоже могли рожать.

Свои исследования Рашвен проводил в течение многих лет. Ради нового знания он был готов на многое, если не на все.

Он заплатил за эти эксперименты страшную цену. Однажды, два года назад, — тебя, Роба, тогда уже здесь не

было, — его жена пришла в зверинец, чтобы накормить пленников, и иным удалось вырваться на свободу. Они разорвали ее на куски. Старик-сторож может рассказать тебе...

— Сначала я нашел ее руку, сударь, — подал голос сторож, довольный тем, что о нем вспомнили. — Левую руку, сударь, если быть точным.

— Рашвен заплатил за все это сполна, как и я сейчас расплачиваюсь за свои дела и поступки. Придет время, когда и ты заплатишь за все, Роба. Лето когда-нибудь кончится.

Молча Роба срывал с куста листья и один за другим прикладывал их к ране на своей руке. И вдруг с неожиданной злостью отпихнул от себя подошедшего к нему сторожа.

— Этот зверинец... эти клетки смердят... это место мне ненавистно... Этот Рашвен, он писал... да он был ненормальный, подсматривать, это невозможно, грязно... Послушайте, говорят, что когда-то давно, когда о королях еще никто и не слышал, мир представлял собой большой белый шар в черной чаше. На свете жили только великие к'рахны фагоров и дочери людей. Один из двурогих взял самку человека, вошел в нее своим могучим органом, наполнил своим золотистым семенем. Это румбо потрясло мир, пребывавший ранее в объятиях Вечной Зимы, и положило начало смене времен года...

Роба не смог закончить и нервно расхохотался, закинув голову. Старик-сторож смущенно оглянулся на короля.

— Насколько я помню, сударь, бывший советник никогда не предпринимал здесь ничего подобного. Уверяю вас...

Король стоял молча до тех пор, пока смех его сына не умолк.

— Не так мы говорим, не о том; не к чему нам ссориться — особенно сейчас.

Роба вдруг упал на колени и закрыл лицо руками. Из-под его ладоней доносились звуки, но это не были рыдания.

— Может быть, он голоден и в его голове мутится? — предположил сторож.

— Убирайся, старик, иначе не сносить тебе головы.

Старик в страхе отпрянул.

— Ваше величество, я каждый день кормлю животных досыта, как и раньше. Я сам ношу им еду из дворца, хоть это и нелегко в мои-то годы...

Король ЯндолАнганол повернулся к сыну.

— Ты знаешь о том, что твой дед недавно присоединился к духам?

— Он наконец обрел покой. Я видел, как зияла под небом его могила.

— Я стараюсь изо всех сил, господин, но поймите меня правильно — без раба я просто сбиваюсь с ног...

— Он умер во сне — легкая смерть, и это за все его грехи...

— Я же сказал — он обрел покой. А ты сам? В тебе же дедовская закваска. Что еще от тебя ждать?

Сложив на груди руки, король обхватил себя за подмышки.

— Ну зачем ты так? Останься со мной и будь мне утешением. Так поступил бы настоящий сын.

Роба начал медленно подниматься на ноги. Воспользовавшись паузой, сторож поспешно сказал:

— Они больше не желают спариваться, сударь. Они живут только друг с другом, только те, что находятся в одной клетке, просто чтобы убить время, я так это понимаю. От скуки...

— Остаться с тобой, отец? Нет, я не могу...

ЯндолАнганол, не отрывая взгляда, шел на сына. Роба попятился от него.

— Ты даже не понимаешь, какую власть надо мной имел твой дед, да и сейчас имеет. Я мог взойти на престол, только убрав его силой. Прошу тебя еще раз, останься со мной.

— Для чего — чтобы смотреть, как ты сожительствоешь со своей рабыней-мади? А потом, продолжая научные исследования советника, следить за развитием вашего потомства: измерять их рост, регулярно взвешивать, вести книгу учета. Отбирать самых способных и плодовитых, которые все равно никогда не забудут о том, что их собратья где-то бродят на свободе, и вечно будут рваться из твоей проклятой темницы прочь...

Выплывая слова, молодой принц пятился назад и вдруг стрелой нырнул в кусты.

Король прислонился плечом к дереву и закрыл глаза.

От тяжких дум его отвлекли бормотания сторожа.

— Простите меня, господин, но хоть маленького раба, мальчика, у меня уже просто не хватает сил...

Устало потирая лоб, ЯндоЛанганол почти нежно обратился к сторожу.

— Ответь мне на один вопрос, сланджи: в какой позе самки мади предпочитают спариваться? Откуда они подпускают к себе своих самцов — сзади, как животные, или спереди лицом к лицу, как люди? Рашвен сказал бы мне...

— Эх, сударь, насколько я видел, они делают и так и эдак, поверьте мне, у меня было время понаблюдать за ними. Хотя в основном они занимаются этим, пристраиваясь друг к другу сзади, точно как иные. Кто-то считает, что мади спариваются только для продолжения рода, но я-то знаю, что и они находят в этом удовольствие, хотя, конечно, в клетке жизнь другая, особенная.

— Целуются ли женщины и мужчины мади друг с другом в губы, как это делают люди?

— Никогда этого не видел, сударь. Целуются здесь только люди.

— Тогда скажи, может быть, прежде чем спариться, они лижут друг у друга гениталии?

— Вот этим любят заниматься во всех клетках, сударь. И лижут, и сосут, этого полно, такой срам, смотреть невозможно.

— Спасибо тебе, старик. Теперь можешь выпустить свои экспонаты на волю. Они сослужили свою службу. Отпусти их, пускай бегут куда хотят.

Сказав это, король направился к выходу из зверинца, шагая медленно и задумчиво, держа одну руку на рукоятке меча, другой поглаживая лоб.

Направляясь к дворцу, он ехал через колеблющийся частокол теней, отбрасываемых раджабаралом. Фреир уже клонился к закату. Небеса пожелтели.

Вернувшись во дворец, король ЯндолАнганол обнаружил, что у него гости — это были посланцы Священного Панновала, доставившие ему долгожданную грамоту — разрешение на развод.

Теперь осталось немного — доставить грамоту королеве королев, провести с ней краткую церемонию, и он — свободен.

Глава XVI

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РУБИТ ЛЕД

В то время, пока на берегах северного побережья моря Орла, отличающихся мягким климатом, королева Мирдем-Инггала купалась вместе с дельфинами в море, около невзрачных южных берегов того же моря, там, где оно сливалось с водами моря Сцимитара, умирал авернец, победитель лотереи «Отпуск на Гелликонии», по имени Билли Ксиао Пин.

Порт Лордриардри заслоняли от буйства открытого моря острова Лордри, числом в две дюжины, на некоторых из которых построили свои хижины китобои. На других островах большими колониями селились морские игуаны, обитающие также и на отлогом побережье самого материка Геспагорат. Этих гибких и ловких, покрытых бородавчатым панцирем существ, длиной достигающих двадцати футов, часто можно было встретить плывущими в открытом море. С борта корабля ледяного капитана, «Лордриардрийской королевы», Билли часто наблюдал за ними.

Иногда по изменению поведения игуан, по быстроте извивов и подвижности их кишащих тел знатоки могли предсказать изменение погоды у берегов Димариама: приближение тумана или шторма.

Лордриардри был небольшим портом с населением, едва ли достигающим одиннадцати тысяч человек. Своим благополучием порт был целиком обязан семейному предприя-

тию Мунтрасов. Полярный круг лежал совсем рядом, всего в каких-нибудь восемнадцать с половиной градусах. Внутри, за границей этого круга, господствовало царство вечных льдов. Великим Летом Фреир не появлялся над горизонтом. В этих местах его видели только во время Великой Зимы.

От пристани, к которой пришвартовался корабль капитана Мунтраса, к дому капитана Билли везли на волокушах.

Стены комнаты, в которой поместили Билли, были белыми, тщательно оштукатуренными. Окна были занавешены белыми же занавесками. Его снова одолела болезнь, и он почти не вставал с постели. Лежа, он смотрел в окно на деревья, на далекие и близкие крыши, на стелющийся в отдалении белый молочный туман.

Билли знал, что скоро умрет. Но пока он должен был лежать здесь и позволять суровой жене ледяного капитана, Эйви, и его рослой замужней дочери, Имии, ухаживать за собой. С удивлением он узнал, что Имия занимала в городской общине высокое положение. Она была женщиной-врачом.

По прошествии нескольких дней усилия Эйви и Имии возымели действие и Билли немного полегчало. Неподвижность и отсутствие гибкости в суставах прошли, и он снова почувствовал себя почти нормальным человеком. Семья капитана решила воспользоваться его хорошим самочувствием и показать ему Лордриардрийский ледник. Билли отвели к саням, куда усадили, завернув в одеяла. В волокуши была запряжена четверка удивительных рогатых собак, асокинов.

Билли заметил, что манера держаться у капитана резко менялась при появлении его дочери. Друг к другу отец и дочь относились очень нежно, однако создавалось такое впечатление, будто капитан считал, что в присутствии Имии он должен непременно держаться молодцом.

На берегу ледника была сделана остановка, и Мунтрас, а затем и Имия, стали подробно рассказывать Билли о труде работающих здесь ледорубов.

Имия была не только известным в городе врачом, но и женой главного городского судьи. Муж Имии, которого все называли не иначе как Судья, представлял также права го-

рода Лордриардри в парламенте столицы — Оишат. Оишат находился от побережья к западу и был расположен на самой границе между Димариамом и государством Искаханди. Процветающий молодой город Лордриардри вызывал у столицы приступы острой зависти, результатом чего были все новые и новые указы по налогообложению, в которых Судья не уставал находить лазейки.

Судья также без труда обходил законы и в местном городском законодательстве, при этом учитывая выгоду клана Мунтрасов. Поминая своего зятя в разговоре, Криллио Мунтрас всегда чуть морщился.

В отличие от своего мужа Эйви обожала зятя и не желала слышать ни единого дурного слова в адрес своих молодых. В то же время по отношению к Диву она всегда была очень сурова.

— Ты должен изменить свое завещание, — без конца повторяла она своему мужу, — и оставить компанию Имии и Судье. Тогда за судьбу дела можно будет не беспокоиться. Если же во главе компании окажется Див, то не позже чем через три года всему придет конец. Наша девочка наделена отличным чувством меры и сумеет отличить верный путь от неверного.

Да, в отличие от Дива Имия была настоящая геспагоратка. Имия всю жизнь провела в родном городе, однако она интересовалась историей и географией и мечтала о путешествиях в южные страны.

Внешне Имия Мунтрас очень походила на отца. Рассказывая Билли о ледяном деле своей семьи, она стояла на льду, крепко упершись в него ногами. В словах ее слышалась нескрываемая гордость.

Высокая ледяная стена, благодаря которой Мунтрас сумел сколотить свое состояние, ярко сверкала на солнце. В лучах Беталикса ледник переливался цветами морской зелени и голубизны, как сапфир.

Билли заворуженно смотрел на окружающий ландшафт и вдруг почувствовал, как тоска постепенно наваливается на него. Вирус в его организме размножается с огромной

скоростью, и скоро он превратится в неподвижную мумию, похожую на предков фагоров.

Но он ни о чем не жалел. За то короткое время, которое ему было здесь отпущено, он вкусил все прелести настоящей живой природы. И цена, которую он должен за это заплатить, по его мнению, была совершенно справедливой.

Имия рассказывала о том, как работники топорами и пилами вырезают из льда аккуратные блоки, закрепляют их на лоток-тележку и на ней по деревянным рельсам протяженностью в два километра спускают к порту Лордриардри. На берегу большие блоки распиливаются на малые и грузятся в трюмы кораблей компании. Для сохранения льда блоки покрывают толстым слоем тростника.

Неожиданно Билли почувствовал себя очень плохо. Черты его лица заострились. Имия посмотрела на Билли и покачала головой.

— Давай-ка лучше отвезем Биллиша домой, отец, — сказала она.

— И то верно, — отозвался ледяной капитан, — и то верно:

Не скоро, только по прошествии половины Великого Года, когда Гелликония снова оказалась в объятиях снегов и жестоких зимних холодов, изображение обессилевшего Билли, откинувшегося на спинку волокуш, достигло наконец далекой Земли, став там достоянием миллионов зрителей.

Впечатления от недолгого пребывания Билли на Гелликонии шли вразрез с представлениями Земли о Законе, одно из важнейших положений которого гласило: «Ни один человек с Аверна не должен никогда ступить на поверхность Гелликонии и хоть как-то влиять на жизнь чужой планеты».

Притом что Билли, несмотря на нарушение Закона, все-таки сочувствовали, он, как и все люди, был смертен, и эта гибель не воспринималась на Земле как нечто трагическое. По-настоящему смерть Билли оплакивали много раньше, на станции наблюдения Аверн. Билли был драмой авернцев,

их доказательством того, что действительность реально существует, что сами они есть не что иное, как типичные человеческие организмы, адекватно реагирующие на изменения окружающей среды.

Особенно был огорчен бывший Наставник Билли.

Когда компания собралась в обратный путь, Див Мунтрас настоял на том, чтобы самому править волокушами.

— Правь ровнее, Див, — покрикивал на сына ледяной капитан.

Капитан не зря волновался — на одном из поворотов волокуши налетели на камень и перевернулись. Сидящих в волокушах выбросило на землю, прямо под желоб деревянной дороги. Отобрав у сына вожжи, Мунтрас хмуро на него посмотрел, но не сказал ничего. Имия, губы которой сжались в узкую прямую линию, также молча перевернула волокуши и помогла Билли снова забраться в них.

— Я не виноват, — оправдывался Див, потирая запястье и притворяясь, что сильно вывихнул его.

Заняв место возницы, отец кивком указал сыну на то место, которое недавно занимал сам. Дальше они уже ехали гораздо спокойнее.

Наконец асокины домчали путешественников до дома. Билли помогли улечься в кровать и он попросил оставить его одного. Все его тело сводила судорога.

В комнату Билли тихо вошел Див. Увидев корчащегося в судорогах Билли, он склонился над ним. Металлический ремешок часов сильно врезался в руку Билли.

— Я сниму твои часы, — проговорил Див. Расстегнув ремешок, он положил часы Билли на столик так, чтобы тот мог их видеть.

— Деревья, — прохрипел сквозь стиснутые зубы Билли.

— Я хотел тебя спросить об одной вещи, — сказал Див. — Ты помнишь «Лордриардрийскую деву» и ту девушку, Абаз-Васидол? Ту, что плыла с нами из Матрассила? У нее еще были прекрасные каштановые волосы и высокая грудь?

— Деревья.

— Да, деревья: это абрикосы. Ну скажи мне, Биллиш, ты помнишь эту девушку, Абазу?

— Они умирают.

— Не они умирают, Биллиш, а ты. И поэтому мне нужно, чтобы ты поговорил со мной. Вот почему я решил поговорить с тобой. Помнишь, отец отдал ее тебе, Биллиш, будь ты проклят. Он всегда так поступает со мной, унижает меня при первой возможности. Понимаешь? Откуда мой отец взял эту Абазу, а, скажи мне, Биллиш? Если знаешь, скажи мне, прошу тебя. Я ничего не хочу плохого, просто хочу знать.

— Абазу. Спелость лета.

— Я не держу на тебя зла, Биллиш: ты чужеземец и к тому же слабак. Послушай меня: мне необходимо узнать, как найти Абазу. Я люблю ее, понимаешь? После того, что случилось сегодня, ты видел, как отец с сестрой молча смотрели на меня? Они унизили меня, Биллиш. Сестра! Она никогда не позволит мне взять компанию отца в свои руки. Послушай, Биллиш, я уезжаю. Я смогу прокормиться и сам. Я найду Абазу и начну свое собственное дело. Сейчас мне нужно знать только одно, Биллиш, — куда отец подевал ее? Быстрее отвечай, парень, пока никто не пришел.

— Анатом.

Подавшись вперед, Див схватил руками сведенные судорогой плечи Билли.

— КараБансити? Отец отвел ее к КараБансити?

Билли с трудом опустил голову, что, вероятно, означало «да». Див разжал руки. Заслышав в коридоре чьи-то шаги, он бросился к окну, прыгнул на подоконник и через миг был уже в саду.

В комнату Билли вошла Эйви Мунтрас. Присев на постель больного, она принялась кормить его кусочками мелко нарезанного нежного белого мяса. Он ел с аппетитом голодного хищника. Когда вся еда закончилась, он сказал:

— Я голоден.

— Подожди, дорогой Биллиш, скоро я принесу тебе еще мяса игуаны. Тебе понравилась игуана, верно? Специально для тебя я готовила ее с молоком.

— Я голоден! — выкрикнул он.

Выражение лица Эйви стало озабоченным. Она внимательно посмотрела на Билли и вышла из комнаты. Вскоре Билли услышал, как она с кем-то разговаривает.

— Мама, — говорил нетерпеливый голос Имии, — ты поступаешь глупо. Эти домашнего приготовления притирания и питье не спасут Биллиша. У него редкая болезнь, о которой я читала в древних свитках. Это либо костяная лихорадка, либо смертоносное ожирение. Но симптомы болезни неясные, возможно, потому, что он действительно пришел из другого мира, и его организм отличается от нашего.

— Имия, дорогая, я, конечно, в этом ничего не понимаю. Но думаю, что еще немного мяса ему не повредит. Может быть, ему понравится гвинг-гвинг...

— По причине своей повышенной чувствительности ко всему чужеродному он в любой миг может впасть в состояние булимии. Таковы симптомы смертоносного ожирения. В этом случае его лучше будет привязать к кровати.

— Неужели это так необходимо, дорогая? Он всегда казался мне таким тихим.

— Когда ожирение скрутит его, он перестанет быть тихим, мама, он станет неукротимым, словно дикий зверь. Костяной лихорадкой и смертоносным ожирением в это время Великого Года невозможно заразиться. И я все время ломаю голову над тем, что стало причиной его болезни.

Имия и Судья вошли в комнату Билли. Имия подошла к кровати Билли.

— Ты поправишься, — сказала она ему. — Мы вылечим тебя. Но твоя болезнь так развивается, что ты можешь стать буйным и тогда нам придется привязать тебя к кровати. Ты понимаешь меня, Биллиш?

— Умру. Все равно. Костяная лихорадка и ожирение — в обоих случаях вирус один. Один микроб. Я не могу объяснить. Действие различное. Зависит от времени года. Великого Года.

Силы покинули его. Судорога снова сковала его тело. Болезни Гелликонии не были его специализацией, но вирус «ге-

лико» давно уже превратился на Аверне в легенду, несмотря на то что последняя эпидемия на планете случилась давным-давно, за несколько поколений до рождения теперешнего населения Станции. Авернцы были знакомы с действием вируса по записям, хранящимся в банках памяти Аверна. Те, кто в бессилии смотрел с неба на мучения Билли, видели в его муках четкое подтверждение древней легенде, повторяющейся в финале каждый раз, когда новый победитель «Отпуска на Гелликонии» ступал на ее поверхность.

Вирус особенно был активен в течение двух кратких периодов Великого Года: через шесть местных веков после самого холодного времени Года, когда планетарные условия начинают медленно улучшаться, и во время поздней осени, после долгого периода жары, который переживала Гелликония в данный момент. В первом случае вирус проявлял себя приступами костяной лихорадки; во втором случае, болезнь называлась «смертоносное ожирение». Ни один житель планеты не мог избежать этого бича; болели обязательно все. В обоих случаях смертность составляла приблизительно пятьдесят процентов. Те, кто выживал, приобретали иммунитет к той или другой болезни, то есть оказывались более подготовленными к грядущей жаре или холодам.

Вирус был тем природным механизмом, благодаря которому человеческий метаболизм приспособливался к кардинальным переменам климата, сотрясающим Гелликонию.

Имия внимательно смотрела на Билли.

— Не понимаю. Откуда у тебя такая уверенность? Откуда ты это можешь знать?

Билли с трудом выдал из себя:

— Это одна болезнь. Два... существенно отличающихся проявления. Ты доктор, поймешь.

Имия поняла. Она присела к нему на кровать.

— Если это так, тогда... хотя, почему нет? Ведь у нас существует две флоры. Есть деревья, которые цветут и плодоносят только раз в 1825 малых лет, но есть и другие деревья, которые цветут и плодоносят каждый малый год. Многое

разделено на две половины, но в то же время все существует в единстве.

Крохотные складки, зародившиеся вокруг рта Имии, свидетельствовали о том, что она всеми силами пыталась прорваться сквозь частокोल сложных абстрактных рассуждений, ухватившись за несколько слов, сказанных Билли. Ее разум подсказывал ей, что если сказанное Билли окажется правдой, это будет означать, что победить вирус возможно. Если не сейчас, то несколько веков спустя уж наверняка; тогда, когда, как следовало из полуистлевших свитков, смертоносное ожирение должно будет разыграться с новой силой.

— Я подумаю об этом, Биллиш, и доложу об этом на следующем съезде общества врачей. Если нам удастся понять истинный смысл этого недуга, тогда, возможно, мы сможем найти способ его лечения.

— Нет. Для тех, кто выживает, болезнь необходима...

И тут новая волна боли завладела его телом.

Приближалась ночь. Прежде чем отправиться в спальню, Эйви Мунтрас решила отнести Билли немного супа. Но чем больше он ел, тем голоднее становился. Судороги отпустили его и он почти нормально владел своим телом. Внезапно он вскочил и, не владея собой, набросился на Эйви, впившись зубами ей в плечо. Потом, крича, с окровавленным ртом, бросился вон из комнаты. Это была последняя стадия смертоносного ожирения — булимия. Из своих комнат выскочили остальные члены семейства Мунтрасов, рабы принесли лампы. Билли поймали и крепко привязали к кровати.

У Билли начались кошмары: он метался, рыдал; ему постоянно казалось, что он раздирает на куски человеческое тело и жует, жует.

В коридоре заскрипели половицы. В дверях забрезжил свет тусклой лампы, выхватившей неверным сиянием из потока тьмы лицо мужчины. Это был ледяной капитан, тяжело вздыхающий. Вместе с капитаном в комнату проникли пары «Огнедышащего».

— Как ты, Биллиш, в порядке? Извини, Биллиш, но если ты не умрешь, мне придется выставить тебя из своего дома.

Продолжая тяжело дышать, капитан помолчал, стараясь успокоиться.

— Жаль, что все так вышло... Я знаю, Биллиш, ты ангел из какого-то другого мира, лучшего, чем наш, хоть и кусаешься как дьявол. Человек должен верить в то, что где-то есть лучший мир. Мир добрее и светлее, чем тот, в котором приходится жить ему самому, где все думают только о себе. Аверн... если бы я мог, то отвез бы тебя туда. Хотелось бы мне взглянуть на него хотя бы одним глазком...

Билли тихо лежал и ему казалось, что он дерево — его руки и ноги приняли форму агонизирующих сучьев и корней изнывающего в предсмертной тоске растения.

— Мне лучше.

— Хорошо. Я пойду посижу во дворе, прямо под твоими окнами, Биллиш. Выпью еще капельку. Подумаю о том о сем. Утром нужно будет платить рабочим. Если я понадобится тебе, Биллиш, только крикни.

Капитану было жаль Билли, в скорой смерти которого он теперь не сомневался, а хлебнув «Огнедышащего», он начал жалеть и себя самого. Всегда ему легче было ужиться и договориться с чужими людьми, чем со своей собственной семьей, и это было для него загадкой. Чужие люди для него были раскрытой книгой, родные же — тайной из тайн. Он не мог понять их.

Устроившись на скамейке под окном Билли, он прислонился спиной к стене, а кувшин и стакан поставил на скамейку рядом. В сумрачном молочном свете камни казались ему спящими животными. Воздух был напоен нежным ароматом.

Добившись своего и исполнив свой план тайком доставить Биллиша домой, он вдруг понял, что не знает, что ему делать дальше. В свое время он собирался всем рассказать о том, что жизнь, известная им, не единственная и есть еще одна жизнь, совершенно другая, чему Биллиш должен был явиться очевидным доказательством. Но теперь, когда Биллиш заболел, все пошло прахом. Ему вдруг подумалось о том, что считающий себя человеком много пожившим и

мудрым, он фактически знает о жизни до смешного мало. А сидя дома, не узнает уже ничего.

Через некоторое время, тяжело вздохнув, капитан заглянул в окно Билли.

— Ты не спишь, Биллиш? Див заходил к тебе?

Ответом ему был булькающий хрип.

— Мой сын несчастный парень, бесполезно даже надеяться на то, что когда-то он сумеет взять дело в свои руки, он ни на что не годится...

Молочные сумерки стали густыми, как сметана. Вокруг альбика закружились ночные мотыльки.

— Где-нибудь должен быть лучший мир... — проговорил капитан Мунтрас и уснул с крепко зажатым вероником в зубах.

Его разбудили голоса. Во дворе собирались рабочие — сегодня был день получения денег. Еще как следует не рассвело.

Поднявшись на ноги, ледяной капитан потянулся. Потом взглянул в открытое окно на кровать, где неподвижно лежало скрюченное тело Билли.

— Сегодня день ассатасси — с тобой, Биллиш, я забыл обо всем. Начало сезона муссонов. На это ты должен посмотреть. По большому счету, это одна из местных достопримечательностей. Сегодня вечером у нас будет праздник, самый шумный в году, право слово.

Рабочие и работницы были людьми с грубыми лицами и в грубой простой одежде. Они в нерешительности топтались у ворот, боясь того, что разбуженный хозяин обрушится на них с руганью. Но Мунтрас был в благодушном настроении.

— Идите сюда, народ. Давненько я не расплачивался с вами звонкой монетой. Сегодня в последний раз вы принимаете деньги от меня. Дальше вам будет платить хозяин Див. Давайте же покончим со всем быстро, потому что сегодня у всех нас будет много дел — ведь нужно готовиться к празднику. Где мой счетовод?

Вперед выскочил низкорослый худощавый человечек с волосами, зачесанными на косой пробор. Под мышкой чело-

вечек держал толстый гроссбук, а следом за ним дюжий сталлун ташил сейф. Несмотря на малый рост, человек выступал перед рабочими гордо и очень уверенно. Проталкиваясь сквозь толпу, счетовод не сводил глаз со своего хозяина и беспрестанно шевелил губами, словно даже на ходу продолжал подсчитывать, проверять и перепроверять зарплату каждого рабочего. При появлении счетовода и фагора с сейфом рабочие быстро и безропотно организовались в очередь, выстроившись по одним им известному порядку. В утреннем свете лица рабочих казались неподвижными масками.

— Вы, парни, сейчас получите деньги, после отнесете их своим женам, а потом, как это у вас заведено, надеретесь до чертиков, — продолжал вещать Мунтрас.

Ваши жизни проходят впустую. Вы все родились у этого серого моря и здесь же умрете. Где вы были, что вы видели? Вы слышали легенду о Пеговине, но видели вы его когда-нибудь своими глазами? Кто из вас видел Пеговин? Никто.

А я видел весь свет, я обошел его на своих кораблях. Я был в Ускутошке, я видел Великое Колесо Харнабхара, видел древние разрушенные города и торговал барахлом на базарах Панновала и Олдорандо. Я говорил с королями, мужественными и справедливыми как львы, и королевами, прекрасными как цветки. Каждый из вас мог бы увидеть то же самое, все это ждет вас, нужно только отважиться и сказать: «я могу». У меня есть друзья по всему свету. Я знаю столько народу, что всех и не перечесать. Это мужчины и женщины из разных стран. Мир прекрасен. Я прошел его из конца в конец и помню каждую минуту этого пути.

Сидя здесь, в Лордриардри, вы даже представить себе не можете, как велик и прекрасен мир. Это мое плавание было последним, и, видно, в награду за мою честную жизнь, мне был послан один человек, странный человек, спустившийся к нам из другого мира. Гелликония не одна, есть и другие миры. Вокруг нашего мира кружится еще один мир, но и это еще не все, есть и другие миры, их множество, и когда-нибудь мы побываем там. Один из этих миров называется «Земля».

Пока хозяин обращался со своим словом к рабочим, клерк не терял времени даром: раскрыв на столе под старым абрикосом свою книгу, он вытащил из глубокого внутреннего кармана ключи от сейфа и приготовился открывать его. По указанию счетовода фагор, поводя ушами на звуки голоса ледяного капитана, снял с плеча и опустил сейф в удобной близости от стола. Заметив, что приготовления закончены, рабочие осторожно переместились к столу, сохранив свою очередь и укоротив ее, прижавшись друг к другу в нетерпении. В воротах появлялись опоздавшие и, бросив на разглагольствующего хозяина опасливый взгляд, быстро пристраивались к хвосту очереди.

— Говорю вам, есть и другие миры. Попробуйте вообразить их — не совсем же вы отупели в своем пьянстве. — Мунтрас стукнул кулаком по столу. — Неужели вам никогда не бывает жаль, что вы знаете о мире так мало? Неужели вам никогда не хотелось увидеть что-то необычное? Вот здесь, внутри этого дома, всего в десятке футов от вас, лежит на кровати молодой парень, пришедший из другого мира. Он мог бы выйти наружу и поговорить с вами, но он болен и не встает с кровати. Он может рассказать вам о вещах удивительных и невероятных, случившихся так давно, что даже ваши прадеды не могут их помнить.

— Он тоже любит «Огнедышащий»?

Вопрос донесся из очереди ожидающих выплаты работников. Мунтрас замолчал, словно от удара кулаком в грудь. Потом обвел тяжелым взглядом цепочку людей — никто не решился поднять на него глаза.

— Вы не верите; что ж, хорошо! Я докажу вам свои слова! Вам придется мне поверить.

Он повернулся и, спотыкаясь, вошел в дом. Присутствующие покорно наблюдали за происходящим.

Мунтрас направился к Билли, лежащему на кровати без движения, в страшной противоестественной позе.

— Биллиш, — тихо позвал Мунтрас. Потом наклонился над больным и позвал его еще более тихо и осторожно. Со страхом он ощущал под своими руками жесткое негнущееся тело, холодное как мрамор.

Билли был мертв. А Мунтрас вдруг обратил внимание на то, что на руке у Билли нет его часов с тремя рядами мигающих цифр. Часы пропали, и капитан догадывался, чьих рук это дело.

Накрыв лицо Билли своей большой шершавой ладонью, он пробормотал что-то среднее между молитвой и ругательством.

Еще несколько минут ледяной капитан стоял в комнате неподвижно, а потом подошел к окну и молча, знаком дал команду клерку начинать выдачу денег. Чуть шевельнувшись, очередь придвинулась к столу еще плотнее.

В комнату тихо вошла его жена, а следом за ней Имия. Плечо Эйви было перевязано.

— Наш Биллиш умер, — сказал им капитан.

— О Господи, и это в день ассатасси... — всхлипнула Эйви.

— Я прикажу, чтобы рабы отнесли его тело в подвал на лед, — подала голос Имия, подходя к постели, чтобы взглянуть на неподвижное тело, сведенное предсмертной судорогой. — Мы похороним его завтра, после праздника. Перед смертью он мне сказал кое-что — это может оказаться ценным вкладом во врачебную науку.

— Имия, ты знаешь, что делать, — займись Биллишем, — попросил Мунтрас. — Ты права, будет лучше, если мы похороним его завтра. Попрощаемся с ним по обычаю, не торопясь. А я пока пойду взгляну на сети. Я еле волочу ноги, но всем, похоже, на это наплевать.

Не обращая внимания на весело щебечущих женщин, развешивающих на деревянных колах для просушки сети, капитан Мунтрас прошел к воде. Для прогулки к морю он надел высокие крепкие сапоги и руки держал глубоко в карманах куртки. Он широко шагал по берегу, и время от времени то одна, то другая игуана бросалась за ним следом, как какая-нибудь мелкая дворняжка из-под забора. Ледяной капитан совершенно равнодушно отгонял их, легко пиная в бок. Игуаны лениво лежали на мелководе, среди толстых коричневых колец водорослей, там, где их могли омыwać

волны. Когда водорослей наваливалось слишком много, игуаны делали несколько гибких резких движений, освобождаясь от нежеланного груза. Другими обитателями унылого берега были волосатые двенадцатиногие крабы, с которыми у игуан был заключен договор о взаимном ненападении.

Крабы подбирали и пожирали любые кусочки пищи, оставшейся после их чешуйчатых братьев-рептилий, будь то мясо из раковин или обрывок морской травы. Не обращая внимания на ползающую прямо под ногами живность, капитан Мунтрас устремил свой взгляд в море, куда-то далеко за Лордри.

Его сын покинул родной дом, забрав с собой часы; то ли в виде талисмана, то ли для того, чтобы продать и выручить немного денег.

— Почему ты сделал так? — спросил вполголоса Мунтрас, не сводя глаз с горизонта. — Потому, почему все мужчины раньше или позже покидают свой дом, так я считаю. Возможно, ты просто больше не мог жить со своей семьей, она стала тебе невыносима, а может быть, в тебе проснулась жажда приключений: тебе захотелось повидать свет, посетить все его удивительные уголки, вкусить его прелестей, познать женщин. Что ж, если так, то удачи тебе, парень. Но никогда ты не сможешь стать первым в мире ледяным купцом, это уж наверняка. Будем надеяться, что ты не ограничишься тем, что будешь продавать на базаре ворованные кольца.

Женщины с сетями, сутулые жены рабочих его ледника, уже кричали ему, предупреждая о скором высоком приливе. Махнув женщинам рукой, капитан принялся подниматься по прибрежному склону.

Компания достанется Имии и Судье, в этом больше нет сомнений. Нельзя сказать, что они были его любимцами, но эти сумеют взяться за дело с умом и, может быть, даже преуспеют в ледяной торговле больше его самого. Выбора нет — жизнь решила за него сама. Печалиться и сожалеть не о чем. Никогда он не мог понять своей дочери, никогда не чувствовал себя в ее обществе уютно, но то, что она женщина порядочная и толковая, было ясно и ему.

Завтра он позовет своих немногих друзей, и они устроят Биллишу приличные похороны и поминки как подобает. И не потому, что он или Биллиш верили в богов — ни тот, ни другой не признавали такой глупости. Просто оба они этого заслуживали; он сделает это ради себя самого и памяти Биллиша.

Капитан торопливо поднимался к берегу, к толпящимся на нем женщинам — добравшись до сетей, он будет в безопасности от поднимающейся воды.

— Все будет хорошо, Биллиш, приятель, — бормотал он едва слышно. — Мы еще всем утрем нос.

На Станции Наблюдения любые похороны были событием значительным. Будучи существами хрупкими и понимая это, люди никогда не взирали на смерть как на что-то чуждое, понимая ее как переход в иное существование, не лишенное определенной приятности. Да и сама по себе меланхолическая грусть, вызываемая зрелищем усопшего и похорон, была эмоцией освежающей и дающей некое разнообразие. За похоронами Билли на Аверне следили почти все: включая и Рози Йи Пин, которая сопереживала зрелищу, лежа в постели вместе со своим новым приятелем.

Наставник Билли произнес хоть и несколько суховатую, но достаточно проникновенную речь, отдав должное героизму и выдержке покойного перед перспективой неизбежного конца. Эпитафия Билли была также и эпитафией выступлениям недовольных. С облегчением забыв обо всех распрях и недовольстве, поскольку источник их исчез сам собой, люди вернулись к своим ежедневным обязанностям. Один из авернцев написал грустную песню о Билли, умершем вдали от семьи и похороненном в чужом краю, на том все и закончилось.

Уже довольно много авернцев, победителей известной лотереи, было похоронено на Гелликонии. Каким образом подобное может повлиять на развитие планеты? — вот о чем разговаривали иногда в комнатах отдыха Станции Наблюдения.

Будь Билли похоронен на Земле, то наверняка случай этот привлек бы меньшее внимание и смотрели бы на это событие с позиций менее отстраненных и глобально пере-

осмысленных. Каждое живое бытие в одиночестве проходит свой путь от простейшего молекулярного уровня до момента рождения, путь, который, в частности, у людей занимает две трети года. Степень организации живого существа, в особенности разумного, настолько высока, что оно никак и не при каких условиях не может существовать вечно. Возвращение на неорганический уровень неотвратимо и заранее предопределено. Ослабляясь с годами, химические связи наконец рвутся.

Это самое случилось и с Билли. Он не был бессмертен, но бессмертными и вечными были атомы, из которых составлено его тело. С атомами ничего не случилось, они остались такими, какими были всегда. И ничего необычного в том, что землянин был похоронен в почве планеты, находящейся от его родины, Земли, за тысячи световых лет, не было. И Гелликония, и Земля являются, по сути, родственницами, рожденными из тех же самых останков давно угасших звезд.

Но в одном наставник Билли, человек во всех отношениях здоровый, был все же не прав. Говоря о Билли, он сказал, что тому предстоит теперь долгий отдых, покой. Однако общая вселенская драма, в которой человечество играло свою маленькую, но уверенную роль, была частью перманентного взрыва универсума. Потому с космической точки зрения покоя быть не могло нигде и ни в чем, а могло быть только безостановочное движение и перемещение частиц и энергий.

Глава XVII

ПОЛЕТ СМЕРТИ

Генерал ТолрамКетинет, изо всех сил размахивая над головой борлиенским флагом, брел по мелководью навстречу неизвестным кораблям.

Позади него раздавались ободряющие крики его маленького воинства. Людей у генерала было числом двенадцать,

во главе их стоял молодой сметливый лейтенант, Гортор-Ланстатет. Борлиенцы находились на узкой песчаной косе. Позади них, на другом берегу темного Касола, начинались джунгли. Их плавание из Орделея — по сути, бегство с поля проигранной битвы — было завершено: на «Лордриардрийском увальне» они прошли всю реку Касол — и пороги, и тихие заводи, где течение было настолько слабым, что со дна к поверхности поднимались ростки тубероуса, источающие запах мертвечины и разложения. Со стороны джунгли казались совершенно непроходимыми: поднявшиеся за короткое время ползучие растения полностью скрыли собой все следы прохода, через который совсем недавно, какие-нибудь полтеннера назад, генерал ТолрамКетинет провел своих солдат безо всяких помех.

В том месте, где река выносила свои коричневые воды в море, из леса выходил зловонный туман, поднимающийся волна за волной по неровным склонам, которыми заканчивался горный массив Рандонанис.

Новые владельцы судна «Лордриардрийский увальень», вытащив из трюмов лед и выбросив его за борт, решили тщательно исследовать корабль, в результате чего обнаружили тайники, полные сиборнельских мушкетов, завернутых против сырости в рогожи и пропитанные маслом. Это был тайный промысел капитана «Увальня», с помощью которого тот компенсировал себе все тяготы и риск, коему подвергался, состоя на службе в ледоторговой компании. Значительно воспрянув духом и вооружившись, борлиенцы пустились в плавание по реке Касол.

Так начиналось их плавание. Сейчас же они стояли на узкой песчаной полоске, протянувшейся, подобно шпоре, от подножия небольшого поросшего лесом островка под названием Киивасиен, отделяющего реку от моря. Темно-зеленый бесконечный туннель, невыносимая вонь, тишина, наполненная только жужжанием немилосердно жалящих насекомых, влажные туманные испарения — все это осталось позади. Впереди маняще голубело море. Море было их спасением, и они смотрели на него во все глаза, прикрыв их

ладонями от невыносимого утреннего блеска отраженных солнц.

Спасение явилось как нельзя вовремя. День назад, когда Фреир уже закатился, а Беталикс лишь клонился к закату, когда джунгли являли собой темную пятнистую неясную массу на фоне фиолетового неба, они искали среди гигантских корневищ место, где можно было бы бросить якорь и причалить к берегу. Внезапно из ветвей на головы борлиенцев свалились шесть змей, каждая длиной не менее семи футов. Это были стайные змеи, которые, обладая зачатками сообразительности, всегда охотились вместе. На мгновение команда опешила от ужаса. Стоящий за рулевым колесом вахтенный при виде приближающихся к нему извивающихся невообразимых созданий без раздумий прыгнул за борт, но лишь для того, чтобы тут же быть схваченным грибой, которая лишь мгновение назад неподвижно лежала на воде, напоминая собой бревно.

Все-таки команда быстро пришла в себя и достаточно легко перебила стайных змей. Однако к тому времени подхваченное течением судно уже вынесло на середину реки в самую стремнину, откуда недалеко было до острых клыков Рандонаниса. Под энергичным командованием ТолрамКетинета «Увалень» начал выворачивать, но беда уже стряслась — корабль бросило течением на подводные камни, о которые сломался руль. В ход пошли шесты, но в устье река стала особенно норовистой, широкой и глубокой, и от шестов не было никакого толка. Когда впереди наконец замаячил остров Киивасиен, у них уже не было ни сил, ни возможности выбирать между Борлиеном по правому борту, Рандонанисом по левому и течением посередине. На счастье, река неудержимо несла «Увальня» на камни у дальней северной оконечности острова. У самого острова течение, завихряясь водоворотами, вдруг решило отвернуть от суши в открытое море. Не теряя времени, борлиенцы схватили кое-какие пожитки и прыгнули за борт.

Ночь не заставила себя ждать. Под нескончаемый, напоминающий отдаленную орудийную канонаду гул прибоя

сон не шел. Люди были испуганы, и генерал ТолрамКетинет решил устроить ночевку тут же, на косе, вместо того чтобы сразу пытаться добраться до Кивасиена, до которого, как он знал, было совсем недалеко.

Были назначены смены часовых. Ночь вокруг была полна жизни. В воздухе кружили огромные светляки, проносились крупные, как воробьи, мотыльки с большими, распахнутыми блестящими глазами на крыльях, в отдалении среди зарослей светились, словно угли, глаза хищников. Все это происходило под бурлящий аккомпанемент сливающихся неподалеку двух стихий, в месте встречи которых рождалось адское фосфоресцирование. С тяжким стоном обреченного вода уносилась в безбрежье океана, теряясь в его дремотной необъятности.

Утром в облаках взошел Фреир. Борлиенцы начали подниматься, почесывая места укусов. ТолрамКетинет и лейтенант ГорторЛанстатет кратко обрисовали своим людям картину предстоящего. Взобравшись на горный хребет острова, они смогут увидеть через восточный рукав реки борлиенский берег. Там, через узкую полосу воды, должен был находиться городок Кивасиен, родина знаменитого мудреца ЯрапРомбри и самый крайний восточный оплот их родины, возведенный на берегу небольшой удобной бухточки.

Они взобрались на хребет в самый разгар рассвета; в течение короткого времени восточный берег, скрытый за розовой дымкой, был недоступен их взору. Но потом Фреир поднялся, сияние зари погасло, и они увидели перед собой... зубцы домов с обвалившимися крышами и почерневшие обожженные крепостные стены. Через секунду из уже менее чем дюжины глоток вырвался дружный вздох:

— Город разрушен!

Племена фагоров, вынужденные на время покинуть джунгли (в преддверии муссонов ставшие совершенно непроходимыми), обильно снабжали рандонанские племена вулвурумом. Времена эти были ознаменованы великими откровениями, которыми делились с рандонандцами духи их умерших предков. Изловив в лесах иных, рандонандцы соорудили из бамбу-

ка троны, усадили на них своих богов, вышли из леса к порту и за одну ночь сожгли его дотла. От огня не спасся никто. С высоты островного хребта не было видно ни единого признака жизни, за исключением медленно кружащих над развалинами нескольких птиц.

Команда «Увальня» молча спустилась по южному склону хребта и, с проклятиями миновав полосу колючей растительности, вышла на песчаную косу.

Перед ними было открытое море, девственно голубое, за исключением нескольких мест коричневых потеков от принесенного Касолом ила. Длинные валы, исходя белыми пенными барашками на вершинах, медленно и величественно катились к пологому берегу. На западе едва виднелся Пурич, торговый остров, отделяющий море Орла от моря Нармоссета. Довольно скоро из-за Пурича вынырнули четыре корабля — два больших и два поменьше.

Распустив борлиенский флаг, найденный среди прочих чудес в трюмных кладовых «Увальня», генерал ТолрамКетинет ступил в полосу прибоя навстречу кораблям.

За последние недели пути госпожа Денью много общалась с Азоиаксиком. В безбрежном океане близость Бога чувствовалась особенно остро. Денью полностью освободилась от уз, связывающих ее с мужем, Ио Пашаратидом. Пустив в ход свои связи, она добилась того, чтобы Ио перевели на «Союз», дабы он не смущал больше ее взора. Все это было проделано ею в самой что ни на есть типичной холодной сиборнельской манере, без какого-либо проявления эмоций. Она была свободна перед Богом и могла распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению.

Госпожа Денью несла вахтенную службу, когда вдалеке показались берега Борлиена. Она крикнула горнисту трубить «добрую весть». Скоро палубы всех четырех судов были заполнены моряками и морскими пехотинцами.

СарториИрвраш поднялся на палубу одним из последних. Поплотнее запахнув чарфрул, он немного постоял, с удовольствием вдыхая свежий морской воздух, — его еще

преследовал запах фагора, с которым он просуществовал бок о бок последние несколько недель. А случилось все так...

Выйдя из Финдовиля, «Золото дружбы» пошло на юг через залив Понипот, мимо легендарных древнейших краев, через пролив Кадмира — самое узкое место между материками Кампаннлат и Геспагорат. Об этих землях ходили легенды: по утверждению некоторых, отсюда произошли люди, в других же говорилось, что именно здесь человек впервые заговорил. Таков был Понипот — Понпот, о котором маленькая Татро читала в своих сказочных книжках. Этот край был почти необитаемый, глядящий в сторону заходящего солнца, с развалинами древних городов Повачет, Проваш, Гал-Дундар, расположенных на холодной и беспокойной реке Аза.

Прошлого Понипота спокойно почивало на скалистых плато Рададо, в стране высокогорных пустынь, южном отроге Барьерного Хребта, где когда-то проживали миллионы людей. Рададо был окончанием великого пути паломничества двурогих, протянувшегося через весь Кампаннлат к Ультима Туле. Фагоры стремились к ней каждое Лето Великого Года, дабы исполнить здесь никому не ведомые ритуалы, по большей части состоящие из неподвижного сидения на корточках на краю утесов, повернувшись лицом в сторону видимого на другом берегу пролива Кадмира Геспагората.

В эти жаркие дни однообразного плавания СарториИрвраш почувствовал вдруг невероятный покой и умиротворение. Дни проходили в милых его сердцу ученых беседах с адмиралом воинов-священников госпожой Оди Джесератабхар. Язык Оди, поначалу переполненный сложными запутанными оборотами временных форм, стал проще. Долгое плавание и общие интересы окончательно сблизили этих двух людей.

Насытившись любовью друг друга, борлиенец и ускутка сидели на палубе с ощущением невероятного покоя и глядели на удивительно красивое море. Где-то у горизонта неясным силуэтом выступал сквозь туманную дымку Рададо. Совсем рядом тихо проплывал остров Глиат, с удобной бухтой, известной всем мореходам. По правому борту были

видны три вершины подводных гор, некогда опустившихся в глубину и торчавших из нее, подобно остриям темных айсбергов.

Оди Джесератабхар с восторгом смотрела на эти вершины.

— Так и кажется, что стоит только присмотреться, и можно увидеть берег Геспагората — точнее, ту часть его, что зовется Зросса — сейчас мы как раз проплываем мимо нее. По-моему, все, что мы видим, является неоспоримым доказательством того, что в свое время Кампаннлат и Геспагорат были одним целым, или по крайней мере были соединены перешейком, разрушенным во время некоего катаклизма. Что ты думаешь по этому поводу, Сартори?

Бывший советник задумчиво рассматривал склоны острова Глиат.

— Если верить легендам, фагоры пришли к нам из отдаленной части Геспагората, Пеговина, оттуда, где в далекие времена жили черные фагоры. Фагоры приходят сюда летом, делая это хотя бы раз в жизни — возможно, их действительно манит древнее воспоминание, в котором именно перешеек и был их родиной.

— Ты видел когда-нибудь черных фагоров в Борлиене?

— Только один раз, в темнице.

Сартори Ирвраш вытащил свой вероник.

— Каждый материк бывает известен своими видами зверей. Но если перешеек между Кампаннлатом и Геспагоратом действительно существовал, доказательством этого могли бы служить геспагоратские игуаны, живущие у берегов Рададо. Ты когда-нибудь видела игуан в Рададо, Оди?

— Думаю, что игуан там нет, — с внезапным вдохновением начала госпожа Джесератабхар, — но только лишь потому, что люди истребили их всех до единой — жизнь в Рададо очень тяжела, голод там нередкий гость и в пищу идет все. Слушай, Сартори, а что ты скажешь о Глиате? Сейчас в море штиль, и мы можем потратить появившееся у нас время с толком. Как ты смотришь на то, чтобы сплавать на остров и осмотреть его? Устроим небольшую экспедицию.

— Это возможно?

— Все в моей власти.

— После происшествия в Бухте Осужденных нам нужно быть осторожными. В незнакомых местах опасности могут подстергать всюду.

— Ты считаешь меня ненормальной?

Они оба рассмеялись, и СарториИрвраш сжал руку подруги.

Адмирал приказала спустить на воду шлюпку. За весла сели сильные гребцы-рабы и десятивесельная шлюпка отчалила от борта корабля. По гладкому, словно стекло, морю они пересекли две мили, отделяющие их от острова. Вместе с ними отправились полдюжины морских пехотинцев, обрадованных представившейся возможностью поразмять кости.

Остров Глиат представлял собой неровный круг приблизительно пяти миль в диаметре. Для высадки на берег была выбрана его южная оконечность, где берег отлого спускался к морю, переходя в восхитительный пляж из желтого песка. Около шлюпки были оставлены часовые, и экспедиция осторожно двинулась вглубь.

Среди прибрежных камней они немедленно заметили игуан. Мясо игуан славилось своей нежностью и могло приятно разнообразить корабельный стол. По сравнению с гигантскими игуанами Геспагората здешние особи, редко достигающие в длину пяти футов, выглядели карликами. Местные игуаны имели коричнево-пятнистую шкуру. Даже обычные соседи игуан, крабы, и те были по сравнению с геспагоратскими меньше и имели всего по восемь ног.

Когда Оди Джесератабхар и СарториИрвраш искали между камнями яйца игуан, на отряд внезапно напали выскочившие из засады и вооруженные копьями фагоры. Двурогие имели крайне истощенный вид, шерсть на них висела клочьями, в проплешинах были видны туго обтянутые кожей ребра.

Застав сиборнельцев врасплох, фагоры убили двух солдат, а остальных отогнали к воде. Оправившись от растерянности, солдаты бросились в схватку, и довольно скоро с фагорами было покончено. Все двурогие были убиты, но одну гиллоту Оди пощадила.

Гиллота была более рослая, чем ее соплеменники, и покрыта тусклым черным мехом. Со связанными за спиной руками пленницу отвели в шлюпку и отвезли ее на борт «Золота дружбы».

К вечеру поднялся муссонный ветер, и корабли снова устремились на восток. СарториИрвраш теперь проводил все свое время с пленницей, заключенной в одном из корабельных отсеков. Гиллоту он назвал Глиат.

Глиат говорила только на родном языке двурогих, да и то лишь на местечковом диалекте. СарториИрвраш, который не знал ни родного, ни даже хурдху, был вынужден общаться с фагоршей через переводчика. Иногда к ним в темноту трюма спускалась Оди, чтобы посмотреть, как продвигаются у них дела.

— Сколько можно возиться с этим чудовищем — от нее невозможно смердит. Мы доказали то, что хотели, — Рададо и Зрасса когда-то действительно были соединены перешейком. Твоя черная фагорша, оставшаяся в единственном числе среди своих белых сородичей, возможно, является прямым потомком своих черных предков из геспагоратского Пеговина. На таком маленьком острове, в полной изоляции от остального мира, это вполне возможно.

Бывший советник покачал головой. Признавая остроту ума Оди, он все же не мог не отметить, что в своих выводах она обычно слишком торопилась.

— Гиллота сказала, что она и ее товарищи плыли примерно год назад на галере, которая разбилась о камни острова.

— Она лжет, я уверена в этом. Фагоры никогда еще не выходили в море. Они боятся воды как огня.

— На галере они были рабами-гребцами. Галера была зроссанской — вот что она сказала мне.

Оди хлопнула СарториИрвраша по плечу.

— Послушай, Сартори, по сути дела, мы можем доказать, что между двумя континентами некогда существовала сухопутная связь, гораздо более легким путем — просто достав из шкафа в моей каюте старинные карты. Всем известно, что на рандонандском берегу есть Пупориан, хотя и мало

кто знает, что на берегу Зроссы есть порт, зовущийся Попевин. На староолонецком «пуп» означает «мост», а на местечковом олонцеком «пу» и «пуп» — одно и то же. Следы прошлого можно найти в языке, если знаешь, чего искать.

Госпожа адмирал рассмеялась, и СарториИрвраш почувствовал досаду от ее сиборнельского тона вечного пресходства.

— Если тебе неумоготу больше терпеть запах, дорогая, ты можешь подняться на палубу.

— Мы скоро подойдем к Киивасиену. Это портовый городок. Ты, наверное, знаешь, что «асс» и «ас» на староолонецком означает «море» — почти так же, «аш», слово «море» звучит на понтпонском.

Закончив эту небольшую лекцию, госпожа адмирал улыбнулась и удалилась, ловко взобравшись по трапу на палубу.

На следующий день СарториИрвраш нашел гиллоту сидящей в углу своей клетки. Под ней растеклась лужа золотой крови. Переводчик, перекинувшись с фагоршей одной фразой, поспешил успокоить советника.

— Нет, она совершенно здорова. Это не рана, а месячные. У гиллоты наступил менструальный период.

Переводчик взглянул на двурогую с отвращением. СарториИрвраш заметил это и пожалел, что в свое время пренебрегал историей фагоров и не учил их язык. Теперь он понял, отчего исходящий от фагорши запах был гораздо сильнее обычного.

СарториИрвраш почесал щеку.

— Спросите ее, каким словом они называют менструации?

— Это слово на языке фагоров звучит как «теннхр». Сударь, может быть, мне позвать матросов, чтобы ее окатили водой из шланга?

— Спросите ее, как часто у нее наступают месячные?

Гиллота долго отказывалась отвечать, но в конце концов призналась, что в течение малого года у нее бывает десять периодов месячных. СарториИрвраш кивнул и вышел на палубу, чтобы отдышаться.

Всю ночь они шли впереди муссона. Пошел дождь, постепенно превратившийся в непроглядный ливень, отгоро-

дивший «Золото дружбы» от других кораблей флотилии. Пролив Кадмира остался позади. Вокруг них теперь был только серый Нармоссет с нескончаемой чередой волн. Казалось, что весь мир состоит из одной воды.

На пятую ночь поднялся шторм и корабли качало на волнах так, что иногда палуба становилась почти вертикально. Остролисты и апельсины, растущие в кадках вдоль шкафута, были все до единого смыты за борт, и очень многие страшились того, что волны перевернут корабль и всем придет конец. Моряки — народ суеверный — пришли к капитану и потребовали от него выбросить пленную фагоршу за борт, поскольку всем было известно, что фагор на борту — дурная примета. Капитан согласился.

Несмотря на поздний час, СарториИрвраш еще не спал. Увидев, что пленницу волокут к лееру, он пытался протестовать, но никто его не стал слушать. По приказу капитана его отвели в каюту. Он был иностранец и, к тому же, в любую секунду его могло смыть за борт — никому недосуг было возиться с ним. Оказавшись в своей каюте, он упал на койку лицом вниз, а Глиат отвели к лееру и бросили за борт в бушующее море.

Уже через час ветер улегся. К началу полусвета, когда впереди показался Пурич, паруса наполнялись только спокойным легким бризом. На рассвете матросы «Дружбы» увидели и другие корабли, чудом уцелевшие и, как оказалось, все это время находившиеся совсем рядом — Бог Азоиаксик был к ним благосклонен. Вскоре можно было надеяться увидеть сквозь утренний розовый туман у устья Касола порт Киивасиен.

Странный небывалый мрак окутывал собою края горизонта. Море вокруг них кишело дельфинами. Над мачтами корабля кружили сотни прибрежных птиц. Над палубой разнесся сигнал горниста «добрая весть».

Ветер стих; паруса обвисли и застучали по мачтам. В виду близкого берега четыре корабля сошлись друг с другом плотнее.

Подняв подзорную трубу, Денью Пашаратид осмотрела узкую песчаную полосу, отмеченную пенной белой поло-

сой приборя. На песке, прямо перед разбивающимися волнами, стояли вооруженные люди — всего она насчитала двенадцать человек. Один из людей двинулся вперед. С каждой минутой становилось все светлее и светлее. «Золото дружбы» сигналами предупредило флотилию о возможной опасности.

Человек в широкополой шляпе по пояс зашел в пенистые волны. По другую сторону косы можно было увидеть полузатопленный корабль. Возможно, это была ловушка и враг рассчитывал на то, что они, решив подойти к берегу вплотную, потеряют ветер и станут легкой добычей. Денюю замерла на своем мостике.

Стоящий по пояс в воде человек развернул над головой флаг. Полосы Борлиена затрепетали на ветру.

Денюю отдала приказ стрелкам готовить мушкеты по левому борту.

Дистанция между кораблями неуклонно сокращалась. Человек продолжал махать флагом. Он держался очень уверенно и безбоязненно. Эти борлиенцы — настоящие сумасшедшие...

Денюю объяснила задачу капитану стрелков. Отдав честь, капитан торопливо сбежал по трапу на огневую палубу, чтобы отдать приказ своим людям. Стрелки работали парами — один целился из мушкета, в то время как другой поддерживал дуло.

— Огонь! — скомандовал капитан.

Так началось сражение на Киивасиенской косе.

Перед тем как прозвучал первый залп, «Золото дружбы» подошло к берегу достаточно близко и генерал Ханра ТолрамКетинет сумел разглядеть сквозь прорези в бортах лица солдат и нацеленные в сторону берега ружья.

Еще раньше он разглядел сиборнельские значки на парусах. Территориальные воды Сиборнела были очень далеко от этих берегов и генерал не подозревал сиборнельцев во враждебных намерениях — до тех пор, пока не увидел направленные на него ружья.

«Дружба» повернулась к нему левым бортом, так чтобы он и его товарищи оказались на линии прицела. Паруса си-

борнельского корабля опустились и ход замедлился — по оценке генерала, ближе к берегу судно подойти уже не могло. «Союз» вышел чуть вперед своего флагмана, обойдя генерала с левого фланга, в результате чего сам оказался в крайне неудобном положении — берег острова Киивасиен был в опасной близости. ТолрамКетинет услышал крики — по приказу капитана на «Союзе» были сняты большие и средние паруса.

Два меньших корабля, идущие ближе к рандонандскому берегу, заходили генералу справа. «Добрая надежда» отчаянно сражалась с широким бурлящим водоворотом коричневой жижи, вносимой в море Касолом, через которую уже сумел пробиться «Священник Ваджабхара», получивший теперь отличную возможность зайти генералу в тыл. На всех кораблях, за исключением «Доброй надежды», генерал заметил поблескивающие на солнце наведенные на песчаную косу стволы мушкетов.

Послышалась резкая команда: «Огонь!» Генерал отшвырнул флаг, бросился в воду и быстро поплыл к песчаному берегу.

Лейтенант ГорторЛанстатет уже прикрывал его огнем. Рассредоточив своих людей за низким песчаным прибрежным валом, лейтенант направил половину огня на борнельский флагман, а половину на белую каравеллу, «Священника Ваджабхара». Каравелла еще не потеряла ход и шла к косе очень быстро. Вооружившись мушкетами, борлиенцы в то же время использовали и луки. По команде лейтенанта были приготовлены зажигательные стрелы.

Пули с плеском падали вокруг генерала. Он старался как можно реже появляться на поверхности.

Неожиданно стрельба прекратилась. ТолрамКетинет вынырнул и оглянулся. Белая каравелла со знаком Великого Колеса на парусах опрометчиво заслонила собой генерала от флагмана, «Золота дружбы». Солдаты из Шивенинка, собравшись на носу, заряжали мушкеты, приглатываясь стрелять по залегшим на берегу.

Генерала накрыло волной. Берег оказался неожиданно крутым. ТолрамКетинет ухватился руками за какие-то кор-

ни и, рывком выскочив на сушу, торопливо вломился в кусты, упал на землю, потом вскочил на ноги и, пробежав несколько шагов, оказался около своих людей.

Борлиенцы приветствовали командира победными криками. Он хлопал солдат по плечу и коротко обнимал, время от времени посматривая на маневрирующие перед косой сиборнельские корабли.

Тем временем обстановка для борлиенцев складывалась весьма неблагоприятно. «Золото дружбы» убрал паруса и отдал носовой и кормовой якоря. Флагман находился примерно в двух сотнях ярдов от берега. Несколько удачно выпущенных борлиенцами стрел подпалили такелаж «Дружбы», и пока матросы взбирались на мачты, чтобы сбить пламя, на воду были спущены две весельные шлюпки с морскими пехотинцами. Ими командовала лично адмирал Оди Джесератабхар, отважно стоящая на носу, неотрывно глядя на приближающийся берег. Сартори Ирвраш настоял на том, чтобы сопровождать свою подругу, и теперь сидел возле ее ног.

«Союз» подошел вплотную к косе несколько южнее залегших борлиенцев и там отдал якорь. С него уже высаживался десант — солдаты спускались по веревочным лестницам прямо в мелководье и вброд добирались до суши. «Священник Ваджабхара» застыл на мели и потерял ветер, его спущенная на воду шлюпка была самой выгодной целью и борлиенцы сосредоточили на ней огонь.

До сих пор только «Добрая надежда» не изменила позиции. Все еще сражающаяся с густым коричневым течением Касола каравелла рвалась на чистую воду, держа курс на остров Киивасиен, указывая на него рострой и ничем не внося своей лепты в сражение.

— Им, должно быть, кажется, что перед ними весь гарнизон Киивасиена, — заметил лейтенант ГорторЛанстатет.

— Если бы гарнизон действительно пришел нам на подмогу, это совсем не помешало бы. И если мы останемся здесь еще хотя бы на полчаса, нас всех прикончат.

Но через мгновение море вдруг поднялось, ошметинилось и из него на сушу устремились ассатасси.

* * *

По всему морю Орла, с одного его берега до другого, ассатасси летели из воды подобно бесчисленным дротикам.

Морские народности знали этот день и ждали его, чтобы запастись легкой добычей и попить от души. Этот праздник, который случался раз в году Великого Лета, когда было время самого высокого прилива, отмечался по всему побережью.

Огромные косяки ассатасси из далеких морских глубин стремились к берегу. Будучи рыбами-мигрантами, за свой жизненный цикл ассатасси несколько раз огибали земной шар. Местом нереста и выкармливания молоди ассатасси было море Ардена, на берега которого почти никогда не ступала нога человека. Достигнув зрелости, косяки ассатасси начинали свое долгое плавание на восток, преодолевая на своем пути океанские течения. Путь рыбок лежал через море Климента и узкие врата пролива Кадмира.

Косяки, состоящие из многих миллионов рыб, проходили узкий пролив в страшной тесноте. Теснота и скученность, вместе с переменной климата, происходящей где-то посреди моря Нармоссета, значительно изменяли поведение рыб. То, что начиналось как ленивое неторопливое плавание без определенной видимой цели, обращалось сумасшедшей гонкой — в конце концов изливающейся на землю «полетом смерти».

Однако нужно было признать, что так случалось не всегда: для того, чтобы полет смерти во всей своей красе развернулся в равной степени по всему побережью, необходимо было соблюдение еще одного условия — приближение ассатасси к берегу должно было совпасть с моментом наивысшего прилива.

Во время долгих веков зимы моря Гелликонии забывали о приливах. После апоаистра и темных лет Фреир, приблизившись к планете, снова начинал напоминать о себе. Гигантская масса звезды не только снова возрождала замерзшую планету к жизни и свету, но и принималась раскачивать ее моря. Теперь, когда до периаистра оставалось 118 лет и мас-

сы Беталикса и Фрейра складывались в своем притягательном действе, подъем океана был весьма существенным. Результатом совместного действия двух звезд-соседей было увеличение высоты прилива на шестьдесят процентов по сравнению с зимними показателями.

Узкие, словно прорезы в теле земли, моря между Геспатором и Кампаннлатом, а кроме того, мощное течение с запада приводили к тому, что в дни наивысшей своей силы приливы налетали с пугающей неожиданностью. На гребне этих волн и неслись к берегам косяки ассатасси.

Внезапно море ушло из-под сиборнельских кораблей, обнажив вокруг голое дно, и тут же из океана на берег хлынула огромная приливная волна. Прежде чем команда успела понять, что происходит, ассатасси обрушили на них всю свою мощь.

Ассатасси была рыбой-некрогеном, а еще точнее говоря, рыбой-пресмыкающимся, полуящерицей. В момент достижения полной половой зрелости эти рыбки достигали длины восьми футов; глаза их представляли собой сложное фасетчатое устройство; но самым главным отличительным признаком ассатасси был острейший костяной рог на конце головы, венчающий мощный череп. В своем «полете смерти» ассатасси достигали такой высокой скорости, что, попав человеку в грудь, без труда могли пронзить своим рогом сердце.

Флагманский корабль подвергся удару косяка ассатасси на всем своем протяжении от носа до кормы. Все живое, находящееся в тот момент на палубе, было убито или тяжело ранено. Борт, которым корабль был повернут к морю, оказался сплошь утыканным ассатасси, вонзившимися в дерево своими рогами. Примерно то же самое случилось и с тремя другими кораблями сиборнельской флотилии. Борты шлюпок также мгновенно были пробиты, и они начали тонуть. Над морем разнеслись крики ужаса и боли. Первая волна ассатасси длилась в течение двух минут.

Ничего не случилось только с людьми ТолрамКетинета. Приливная волна прошла у них над головами, и пока они приходили в себя, сила ассатасси уже ослабла.

Борлиенцы с ужасом смотрели на тот хаос, что творился вокруг них. Сиборнельские солдаты барахтались в воде, окруженные морскими хищниками. «Добрую надежду» уносило в море, и казалось, что она осталась совсем без управления; фок-мачта корабля треснула и накренилась. Все вокруг было покрыто блестящими телами еще влажных рыб. Очень много ассатасси висели высоко на стволах и сучьях деревьев, вонзившись туда своими рогами, некоторые сумели угодить в небольшие расселины на скалах и застряли там. Полет смерти занес некоторое количество рыбок далеко в глубь суши. Мрачные заросли джунглей стояли, потрепанные недавним удивительным дождем из живых рыб, теперь умирающих и разлагающихся прямо на глазах. До заката Беталикса все выброшенное на сушу превратится в гниль, испускающую невыносимую вонь разлагающейся плоти.

Ассатасси были гермафродитами. Они имели в своем организме одновременно два органа размножения. И только посредством уничтожения самих себя эти рыбы-ящерицы могли размножаться. Созревающие во внутренностях рыб зародыши имели вид нитеобразных червей. Находясь под защитой родительского тела, зародыши прекрасно переживали «полет смерти», после чего продолжали расти и развиваться дальше, питаясь продуктами разложения.

По мере роста зародыши прогрызали себе путь наружу. На позднейшей стадии зародыши-черви претерпевали метаморфозы, превращаясь в снабженных лапками личинок, напоминающих миниатюрных игуан. По наступлении осени малого года они, до сей поры проживающие только на суше, пускались в дальний путь к прародине-море и исчезали в его глубинах бесследно, подобно упавшим в воду бесчисленным крупицам песка, чтобы следующим летом снова исполнить заключительную необходимую часть круговорота жизни.

Преодолев косу, волна прилива устремилась вверх по Касолу. Излитая влага вернулась в реку и тотчас же, поднявшись до предела, рванулась обратно, на этот раз принося с собой черный донный ил, быстро смешивающийся с водоворотами прежнего однотонного коричневого выноса. Как

будто для того, чтобы еще более усугубить зловещую атмосферу, из устья реки в море вдруг устремился целый поток мертвых тел погибших жителей Киивасиена, сопровождаемых пронзительно кричащими морскими птицами.

Оказавшись на поверхности, СарториИрвраш обнаружил вокруг себя расплывающуюся кровавую муть, бьющихся и захлебывающихся раненых, среди которых он довольно быстро сумел разыскать Оди Джесератабхар. У адмирала была разорвана щека, а одна рыба-ящерица свисала сзади из ее шеи, удерживаясь своим рогом. Раненые уже становились объектом пристального внимания хищных птиц. Сам СарториИрвраш не пострадал. Несколькими сильными гребками достигнув Оди, он подхватил ее на руки и направился к берегу. Схлынувшая было вода начинала быстро прибывать.

Все, на что он был способен, это держать голову несчастной бесчувственной Оди над бурлящей водой. До берега оставалось каких-нибудь несколько футов, но течение и водовороты не давали ему их преодолеть. От страха и отчаяния он закричал — и словно в ответ на его призыв на песке появился размахивающий мечом человек, ужасно напомнивший ему матрассильского генерала Ханру ТолрамКетинета.

Генерал ТолрамКетинет и его лейтенант продолжали следить за сиборнельским кораблем, «Священником Ваджабхара», находящимся от них справа совсем неподалеку. Прилив выбросил его на сушу, но мощная волна опять отнесла его в море, где он и застрял на мели. За исключением сильно поврежденной надводной части левого борта, теперь смахивающего на головку перечницы, судно было в хорошем состоянии. Перепуганная и полностью деморализованная команда поспешно покидала корабль и, добравшись до суши, разбегалась кто куда.

— Нельзя терять ни минуты, Гортор, — нам нужно захватить корабль. Только сейчас или никогда. Что скажешь?

— Я не моряк, но по-моему, со стороны берега поднимается попутный ветер.

Генерал повернулся к дюжине своих людей.

— За эти несколько дней вы не раз и не два подтвердили свою отвагу. Храбрости никому из вас не занимать, потому что, прояви хотя бы раз кто-то из вас трусость или слабость духа, нам всем бы давно пришел конец. Сию минуту решается наша общая судьба — нам осталось сделать последний шаг навстречу спасению... или погибнуть. Помощи нам ждать неоткуда. На всем побережье мы единственный организованный оплот Борлиена. Нам предстоит захватить вот эту белую каравеллу. Это дар судьбы — нужно только лишь немного напрячь силы, чтобы окончательно завладеть им. Обнажим же мечи! За мной, в атаку!

С этими словами генерал, увлекая своих людей за собой, бросился вперед и почти у самой воды столкнулся с пытающимся выбраться на берег обессиленным человеком с женщиной на руках. Генерал вскинул меч — и человек в ужасе выкрикнул его имя. Меч генерала застыл в воздухе.

— Ханра — это ты! Помоги мне!

Пораженно остановившись, генерал заметил не меньшее изумление и на измученном лице бывшего придворного советника. «Вот еще одна жертва короля Орла», — такой была первая мысль, мелькнувшая в голове генерала.

Жестом руки он остановил своих бойцов. Ланстатет помог СарториИрврашу выбраться на сушу, двое борлиенцев приняли от него бесчувственную женщину. Она уже пришла в себя и начинала стонать. Не пускаясь в объяснения, они заторопились к борту «Священника Ваджабхара».

Среди команды и солдат шивенинского корабля было множество раненых и убитых. Организованное сопротивление пыталась оказать только горстка солдат под командой единственного офицера. В короткой рукопашной борлиенцы сумели одержать победу — их гнало отчаяние, ведь ничего другого им не оставалось. Перепуганные неожиданными действиями, противники сдались почти сразу. После минутной стычки они сложили оружие и торопливо высадились на берег. Лейтенант ГорторЛанстатет с тремя бойцами обшарил

нижнюю палубу корабля в поисках тех, кто в страхе мог спрятаться; все найденные были отправлены на сушу. Еще через пять минут каравелла была готова выйти в открытое море.

Восемь борлиенцев спустились в воду, чтобы столкнуть судно с мели. Медленно, но верно каравелла стронулась на глубокую воду. Были подняты паруса, порванные во многих местах и с висящими на них рыбами-ящерицами.

— Быстрее, быстрее! — торопил с мостика своих товарищей генерал ТолрамКетинет.

— Не люблю я корабли, — вполголоса проговорил лейтенант ГорторЛанстатет. Опустившись на одно колено, он помолился, воздев к небесам руки. За бортом раздался мощный взрыв, и брызги поднявшегося водяного столба окатили всех, кто стоял на палубе.

Вылазка борлиенцев была замечена с борта стоящего неподалеку «Золота дружбы». Орудийщик навел на них пушку и выстрелил. Начиненное порохом тяжелое ядро, к счастью, не долетело до корабля.

Когда медленно, не быстрее чем идущий скорым шагом пешеход, «Священник» наконец выбрался из-под укрытия нависающих над водой джунглей, его паруса разом наполнились свежим бризом. Борлиенцам не нужна была команда своего генерала, они и без того знали, что делать, — зарядив одну из пушек на орудийной палубе, они направили ее на сиборнельца. Однако прицел не мог быть точным — угол между двумя расходящимися кораблями был широким и повернуть дуло пушки в ее квадратном окне полностью, так, как нужно, было невозможно. Выпущенное с грохотом ядро не достигло своей цели.

Орудийный расчет на флагмане испытывал те же трудности. Ими был произведен еще один выстрел по захваченной неприятелем каравелле, в результате которого ядро упало на песок косы, где и взорвалось, подняв к небесам столб дыма и огня. После этого наступила тишина. Восемь борлиенцев, столкнувших «Священника» с мели, взобрались по бортовой сети на палубу, и каравелла взяла курс в открытое море, быстро набирая ход.

Заросли острова остались позади за кормой. Среди деревьев было полно вопящих птиц, торопящихся насытиться дармовым мясом ассатасси; потревоженные осы и пчелы грозно жужжали вокруг пернатых. «Священник» поравнялся с ускутошкским кораблем, «Союзом», беспомощно застрявшим на берегу.

— Нужно выпустить в сиборнельцев хороший заряд, — предложил лейтенант Ланстатет. — Эй, у пушек, готовы к стрельбе? — крикнул он, склонившись вниз к орудийной палубе.

Борлиенцы бросились заряжать и разворачивать неуклюжую пушку.

Ио Пашаратид вместе со своими солдатами и матросами оставил «Союз» и бросился спасаться от «полета смерти» в джунглях. Оказавшись на берегу, он рассчитал, что в течение двух-трех часов его никто не хватится. Он решил воспользоваться этим и заглянуть в город Киивасиен, чтобы купить там кое-какой еды, поскольку однообразный и скромный рацион корабельного питания ему порядком надоел.

Но едва увидев оставшееся от города пепелище, он тут же вернулся назад, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как «Священник Ваджабхара» быстро проходит мимо его выброшенного на берег корабля. К изумлению бывшего посла, в человеке, горделиво стоящем на мостике захваченной каравеллы, он узнал ТолрамКетинета, друга королевы королев.

Ио Пашаратид быстро собрал небольшой отряд и во главе его поднялся на борт «Союза». В это время приливная волна, нахлынувшая на берег, увлекла за собой корабль обратно в море. За исключением причиненных рогами рыб-ящериц царапин, корабль не получил особых повреждений.

После недолгих маневров корабль «Союз» был готов к плаванию. По приказу Ио на мачте был поднят сигнальный флаг, при помощи которого он предполагал сообщить Деню Пашаратид, находящейся на «Золоте дружбы», что его судно преследует пирата. Он не знал, что мадам Пашаратид погибла одной из первых.

Только когда бухта Киивасиен осталась позади и свежий бриз, наполнивший паруса, понес их в открытый океан, ТолрамКетинет и СарториИрвраш получили возможность наконец по-настоящему разглядеть друг друга и поговорить.

Они недолго поговорили о случившемся, после чего ТолрамКетинет произнес:

— Мне нечем гордиться. Хотя я солдат и мне не пристало жаловаться, но надо признать, что командиром я оказался никудышным. Моя армия была разгромлена, прежде чем началось первое сражение. Я навсегда отмечен пятном позора.

Бывший советник немного помолчал.

— Что касается меня, то я благодарен судьбе, предоставившей мне возможность повидать свет. Пуститься в подобное путешествие я собирался много лет. И вот это случилось при довольно странных обстоятельствах. Наверное, сиборнелцы решили использовать меня, думая, что мой опыт может иметь в их аванюре какую-то цену. Не знаю. Во всяком случае, я доволен теми приобретениями, которое дало мне это путешествие.

СарториИрвраш посмотрел на сидящую на палубе Оди Джесератабхар.

— Я нашел любовь, а в моем возрасте это уже огромное приобретение.

СарториИрвраш смущенно улыбнулся.

— Кроме того, за время путешествия я пришел к очень любопытному заключению: наше поколение живет в самый лучший период Великого Года, а именно — во времена теплые, если не сказать жаркие. Вы когда-нибудь задумывались, каким чудом нашим предкам удавалось пережить зиму? Например, жители крайнего севера Сиборнела в течение многих веков зимой не видят ни единого луча Фрейра.

ТолрамКетинет пожал плечами.

— Ничего не подедаешь — кому что выпало.

— Взрослеющие дети зимы постепенно начинают ощущать тягу к бессмысленному разрушению... Возможно, противопоставляя себя природе, мы совершаем огромную ошибку.

ку. Знаю, что подобные вопросы вряд ли смогут захватить ваше воображение, и все же хочу сказать вам: я сделал открытие поистине революционного значения...

СарториИрвраш замолчал, но ТолрамКетинет, с трудом скрывая улыбку, попросил его продолжать.

— Я уверен, что подобная идея не приходила в голову еще ни одному человеку на свете. Во многом, в том числе и в этом, я благодарен леди, которую вы видите перед собой, — она была моей музой и вдохновительницей. Мое открытие настолько важно, что я хочу немедленно, как только такая возможность представится, отправиться в Панновал или Олдорандо, чтобы изложить свои мысли перед отцами Священной Церкви. Я добился такого блестящего результата методом хладнокровных логических рассуждений, методом дедукции, как я назвал бы его. Совершивший подобное открытие обязательно будет вознагражден, и мы с Оди заживем на славу в покое и довольстве.

С трудом удержавшись от смеха, ТолрамКетинет бросил:

— Логика всегда была в цене. Ее должны оценить в звонкую монету!

«Человек — глупое животное, я всегда это знал», — подумал про себя бывший советник, но все-таки объяснил.

— Видите ли, дорогой Ханра, — начал он, понизив голос настолько, что его слова стали едва слышны за хлопками парусов у них над головой, — в отличие от моего бывшего повелителя я ненавижу расу фагоров. Возможно, что в этом лежал корень наших с ним вечных противоречий. Тем не менее мои мысли во многом имеют отношение именно к двурогим. И я все-таки уверен, что в Панновале меня ждет награда.

С трудом поднявшись на ноги, Оди Джесератабхар поспешила взять СарториИрвраша за руку.

— Вы, наверное, знаете, что советник много натерпелся от короля ЯндолАнганолы, который уничтожил труд всей его жизни, знаменитый «Алфавит Истории и Природы». Этот поступок короля можно расценить как преступление, за которое он должен понести заслуженную кару. Мысли совет-

ника, как он скромно назвал свои открытия, будут его местью ЯндолАнганолу, и возможно, что на их основе со временем мы сможем заново написать «Алфавит».

— Леди, — резко прервал адмирала Ланстатет, — вы наш враг, который несет смерть на нашу землю. Вы должны не пускаться в обвинения в адрес нашего монарха, а находиться в трюме, в кандалах.

— То, о чем вы говорите, лейтенант, — быстро вставил СарториИрвраш, — все это в прошлом. Сейчас вы видите перед собой всего лишь двоих ученых. Мы ученые-бродяги — у нас нет ни дома, ни родины, мы смотрим на мир с высоты своей свободы.

— Ученые-бродяги... — задумчиво повторил генерал, которому явно начали надоедать рассуждения СарториИрвраша. — Так как же вы собираетесь добираться до Панновала?

— Меня вполне устроит и Олдорандо — это гораздо ближе, к тому же я надеюсь, если повезет, прибыть туда раньше короля Орла, чтобы подпортить ему медовый месяц с принцессой мади. Думаю, Ханра, что и вы не питаете к нашему монарху нежных чувств — у вас ведь есть на то своя причина, верно? Если вы согласитесь быть моим спутником, это было бы как нельзя кстати.

— Я направляюсь в Гравабагаалинен, — мрачно отозвался ТолрамКетинет. — Если только эта посудина сумеет туда добраться, не перевернувшись по дороге, или нас не потопят наши враги.

Все как по команде оглянулись назад. Вдали виднелись паруса «Союза», но вряд ли он был способен настигнуть их.

— В Гравабагаалинене вы сможете повидаться со своей сестрой, Мэй, — заметил генералу СарториИрвраш. Генерал молча улыбнулся.

Постепенно небо начало затягиваться тяжелыми облаками, края которых имели тревожный цвет тусклой меди, что несомненно предвещало бурю. С неба в море то и дело падали ломаные нити молний.

Вторая волна ассатасси, поднявшаяся из моря и обрушившаяся на сушу, напоминала расправившую свои крылья смерть.

К счастью, «Священник» находился достаточно далеко от берега, что помогло им избежать встречи с полчищами рыб. Их медленное, но верное плавание в Гравабагаалинен продолжалось.

РобайдайАнганол, преследуя свои цели, пустился в плавание вниз по Такиссе от Матрассила в Оттассол.

В Оттассоле Роба навестил своего старого друга Бардола КараБансити, астролога и анатома. КараБансити без восторга относился как к самому борлиенскому монарху, известному своей вспыльчивостью и эксцентричными выходками, так и к его странноватому сыну.

В тот день, когда беглый сын Орла навестил анатома, у того были в доме гости — также анатомы, из других городов страны. Без особой радости приняв у себя Робайдая, анатом предложил ему ночлег в своем втором доме, что находился около гавани, дав ему в служанки некую девушку.

Интерес Робайдая к женщинам отличался подчеркнутой спорадичностью. Тем не менее он немедленно оценил и уединенное положение припортового дома КараБансити, и прелести молодой служанки, девушки с чудесными каштановыми волосами.

Робайдаю девушка назвалась Мэтти, и только услышав это имя, он немедленно вспомнил ее. Около года назад, будучи в Матрассиле, он уже имел удовольствие насладиться ее обществом. Тогда ее мать помогла его раненому отцу, который после битвы при Косгатте находился в очень тяжелом состоянии. Он даже вспомнил ее настоящее имя — Абази.

Что касается ее самой, то она не узнала принца. Разгадать причину этого не составило Робе особого труда: наверняка Абази давно уже не вела счет любовникам, махнув на это безнадежное дело рукой. Поначалу, решив разузнать побольше, Роба ничем не выдал того, что узнал Абази. Сохраняя невозмутимое выражение лица, он завел с ней разговор на общие темы. Разговорившись и желая произвести впечатление, Абази упомянула о своем участии в скандале, связанном с видным сиборнельским дипломатом, с кото-

рым в Матрассиле у нее якобы была интимная связь; наблюдая за выражением лица Абазы, Роба думал о том, насколько своеобразным у этой девицы был взгляд на мир.

— Вижу, ты не узнаешь меня, и не мудрено — меня теперь трудно узнать, хотя между нами были дни, когда мы были ближе, чем язык с зубами. Помню, тогда твои глаза были острее, чем сейчас...

Абазы охнула, назвала имя принца и обняла его, всем своим видом выказывая радость от встречи.

Она рассказала ему, что регулярно посылает деньги своей матери, которой очень благодарна за то, что та научила ее, как нужно обходиться с мужчинами. В самой Абазы быстро зародился вкус к богатым и знатым любовникам; недавно, ужасно смущаясь, ее соблазнил анатом, но в будущем она надеялась найти более могущественных и влиятельных знакомых.

Не переставая щебетать, Абазы невинно скинула с себя чарфрул, явив взору принца свое белое упругое тело. С азартом тот обшарил это дивное тело глазами, остановившись взглядом на паучьей ловушке. Потом с восторгом вошел в нее. Через некоторое время, когда они уже просто лежали рядом, он думал о своем странном чувстве к Абазы — он одновременно любил и ненавидел ее.

Наступил второй вечер пребывания Робы в доме анатома. Он понимал, что ему пора отправляться в Олдорандо, но не мог справиться со своими чувствами. «История не повернется вспять, если я останусь здесь еще на одну ночь», — сказал себе Роба. И снова Абазы распустила свои чудесные волосы, скинула одежду и забралась к нему в постель.

Он сжал в объятиях ее прекрасное тело. Они занялись любовью. Абазы была выше всех похвал. И в этот момент в дверь громко и решительно постучали. В страхе они оба замерли.

Стук в дверь повторился. Потом стучащему, видно, надоело ждать на пороге — с оглушительным треском дверь распахнулась и в комнату ворвался упитанный молодой че-

ловек в платье явно димариямского фасона. Это был Див Мунтрас.

Завершив свое одиночное плавание в гавани Оттассола, Див принялся искать следы Абазы. За время поисков он продал все имевшиеся у него ценности, оставив себе только волшебные часы, которые он украл у Билли и теперь считал своим талисманом. И вот сейчас, когда его мучительные поиски наконец увенчались успехом, волшебная девушка, оказывается, проводит время в объятиях другого мужчины. Див яростно пошел на Роба.

Вскочив на ноги и стоя на кровати, Робайдай прижался спиной к стене. Его лицо было залито краской гнева. Никто не смеет кричать на сына короля! Кровь ударила ему в голову и он решил убить незнакомца. В его одежде был небольшой обоюдоострый кинжал, выточенный из рога фагора. Метнувшись к своим штанам, он выхватил оружие.

Вид оружия в руках противника распалил Дива еще больше.

Абазы испуганно вскрикнула. Прижав руки ко рту, она застыла, широко раскрыв от ужаса свои прекрасные глаза. Испуганное выражение на лице Абазы подстегнуло Дива, он одним прыжком очутился на кровати и с размаха упал на острейший рог фагора, который весь по рукоятку ушел в его тело. Долгий мучительный стон вырвался из горла.

Вне себя от злости, Роба выскочил на улицу, нашел двух оборванцев-матросов, которые за небольшую плату выбросили тело Дива в Такиссу.

После этого он бросился из города с такой поспешностью, словно за ним гнались бешеные псы. О том, чтобы провести в припортовом домике еще хотя бы один час, уже не шло и речи. Широко шагая по дороге к Олдорандо, он то рыдал, то бормотал себе под нос проклятия.

Уносимое течением, то цепляясь за низко склоненные ветви кустов, то медленно кружась в водоворотах, тело Дива Мунтраса устремилось к устью Такиссы, а скоро оказалось и в море, где течение понесло его на запад к Гравабагалинену.

* * *

Великое пиршество ассатасси завершилось. Настала пора сделать перерыв в гулянии и обратиться со словами благодарности к небесам и духам, обитающим в водах.

Пока женщины устраивали на прибрежном песке импровизированные пляски и пели песни, мужчины заходили по колено в море и ставили на воду маленькие лодки. Лодки эти представляли собой мясистые древесные листья. В каждой лодке стояла маленькая свеча, источающая сладкий аромат.

Так, с наступлением сумерек со всего побережья в плавание устремились целые флотилии крохотных лодок. Огоньки на них напоминали стоящим на берегу людям о душах предков.

Глава XVIII

ГОСТИ ИЗ ГЛУБИН

Всякий, подплывающий к Гравабагалинену, еще издали видел деревянный дворец — последнее прибежище королевы королев МирдемИнгалы.

О дворце ходили легенды, в которых, в частности, говорилось о том, что в нем обитают духи: будто бы в незапамятные времена на месте деревянной постройки находилась мощная крепость. Во время осады превосходящими силами неприятеля крепость была взята жестоким штурмом, разрушена и стерта с лица земли.

Никто не мог сказать, кто и когда сражался здесь и что являлось причиной войны. Известно было только одно — в битве при Гравабагалинене погибло огромное количество воинов и все они, будто бы были похоронены прямо на месте сражения в неглубоких вырытых наскоро могилах. Тени павших воинов, оказавшиеся вдали от надлежащих земляных октав, не смогли обрести покой и с наступлением темноты бродили вокруг дворца.

И вот теперь во дворце разыгрывалась новая, но теперь уже чисто человеческая трагедия. Одним из главных ее событий было прибытие во дворец короля ЯндолАнганола, пришедшего на двух кораблях, со многими своими придворными, фагорами, послом Эсомбером и КараБансити, известным анатомом и звездочетом. Они привезли с собой грамоту о разводе.

Королева МирдемИнггала достойно приняла это известие. После официальной части было принесено вино, после чего началась часть неофициальная, во время которой посол Элам Эсомбер, посланник Великого Це'Сарра, сделал попытку проникнуть в покои королевы с намерениями, далекими от деловых или богоугодных, и сразу после этого из Олдорандо было получено известие о том, что дочь тамошнего королевского дома принцесса Симода Тал убита. Это печальное известие было доведено до сведения короля с первыми лучами поднявшегося из-за восточной части горизонта Беталикса, окрасившего в желтый цвет облупляющиеся стены дворца.

Голос короля ЯндолАнганола звучал глухо, когда он, преисполненный бессильной ярости, рвал на себе волосы, зывая к незримому Акханаба.

— Твой слуга припадает пред тобой, о Всемогуший и Единственный. Твоей волей мои армии терпят поражение за поражением. Твоей волей мой сын превратился в дикаря и безбожника, забывшего своего отца. Твоей волей я развелся со своей возлюбленной женой, королевой МирдемИнггалой. Твоей волей наемный убийца направил свой кинжал в сердце моей невесты... Что еще, какие другие испытания ты уготовил мне? Молю тебя, избавь от страданий мой народ. Услышь мои молитвы, о Великий!

Когда король наконец поднялся с колен и надел тунику, бледнолицый АбстрогАзенат небрежно заметил:

— Говорят, что наша армия ушла из Рандонана, потерпев там окончательное поражение. Но это ничего не значит, поскольку нет такой цивилизованной страны, которая смогла бы одолеть варваров, с которыми сражаться бесполез-

но — они не признают привычных законов честной войны. Но мы еще вернемся туда, не с мечом, но со словом Господним.

— Крестовые походы, викарий, удел Панновала, а не такого захудалого королевства, как наше.

Поведя под туникой истерзанными плечами, король нащупал в кармане странный прибор, часы с тремя циферблатами, полученные им в Оттассоле от КараБансити. Сейчас, как и когда-то давно, он смотрел на эту вещь только как на знак дурного предзнаменования, но расстаться почему-то не мог.

АбстрогАзенат переложил из руки в руку хлыст.

— Но по крайней мере на одно мы еще способны — возблагодарить Господа за то, что родились людьми, и во все продолжение нашей жизни стараться избегать нелюдей.

С внезапной злостью ЯндолАнганол влепил викарию крепкую оплеуху в левую щеку.

— Занимайся Божьим, священник, а политику оставь мне.

Не запахивая на груди тунику и чувствуя, как кровь, выступившая из ран после недавнего бичевания, впитывается холстом, король быстро поднялся по темной лестнице, ведущей из подземной часовни в залы деревянного дворца. Навстречу ему прыгнул довольный Юлий.

Голова короля пульсировала и раскалывалась от боли, ему начинало казаться, что он слепнет. Но верного рунта он приветствовал ласково и привычно запустил пальцы в его густой мех.

Вокруг дворца на земле лежали густые тени. Король не знал, как ему встречать это утро.

Но тут он увидел ряды фагоров Первого Фагорского, неподвижно застывших в почетном строю, выпятив длинные нижние челюсти и гордо задрав рога. «Сегодня стоило встать хотя бы ради того, чтобы увидеть вот это», — сказал себе король, тоска которого, стискивающая грудь, немного ослабила свою хватку.

Какой бес заставил его совершить глупость и развестись со своей женой? Что за туман опустился на его разум?

Он хотел поговорить с королевой.

Но он также знал, что она не захочет с ним разговаривать и ждет сейчас со своей малолетней дочерью, принцессой Татро, только одного — когда он уберется прочь и заберет с собой своих солдат. Возможно, она уже знает об убийстве Симоды Тал.

Неожиданно остановившись, он быстро обернулся. К нему торопился его новый советник, человек упитанный и шагающий так тяжело, что его мясистые щеки тряслись.

Увидев КараБансити, ЯндолАнганол демонстративно отвернулся. Оттассолец был вынужден забежать вперед короля и маленького фагора, чтобы уже там неуклюже поклониться.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Не выдержав мутного взгляда короля, КараБансити опустил глаза.

— Мне не до тебя, анатом, пойди прочь.

— Сударь, этой ночью я тоже не спал. Хочу выразить вам свои соболезнования по поводу нового несчастья, приключившегося с вами.

— Мне кажется, ты не понял меня, анатом, — у меня дурное настроение и я готов излить его не только перед самим Всемогущим, но и перед тобой, которого всемогущим никак не назовешь — ты понял меня?

— Чем я прогневал вас, сударь?

Король Орел сдвинул брови, став еще больше похожим на пернатого хищника.

— Я знаю, что втайне ты замышляешь против меня недоброе. Говорят, что ты хитрая бестия. Я заметил усмешку в твоих глазах, когда ты явился ко мне, чтобы объявить о смерти принцессы.

— Сударь, если вы не доверяете мне, то для чего тогда назначили своим советником?

КараБансити вздохнул.

Свою жизнь он проживал со вкусом и удовольствием. Он всегда ощущал, что полезен обществу. Он любил свою жену. Он был обеспеченным человеком. Но пришел король и лишил его всего, к чему он прежде был так привязан.

Покорно приняв свою роль, он, будучи человеком чести, попытался исполнять свои обязанности как можно лучше. И вот теперь король объявил ему, что будто бы он тайно плетет против своего сюзерена нити заговора. Королевской непоследовательности и неблагодарности не было предела — но, несмотря ни на что, анатом понимал, что уйти от короля у него нет никакой возможности и остается только одно — покорно следовать за ним в Олдорандо.

Симпатия, которую он только что испытывал к переживающему серьезные жизненные неурядицы королю, исчезла без следа.

— Ваше величество, дело в том... — снова начал он, одновременно поражаясь своей опрометчивости. — Это, конечно же, пустяк, но перед тем как мы отплыли из Оттассола, вы взяли у меня одну вещь, такие необычные часы с тремя циферблатами. Они до сих пор у вас?

— Они здесь, в кармане туники, — ответил король.

— Позволено мне будет попросить эти часы у вас обратно, ваше величество?

— Нет.

Это были слова настоящего Орла.

Они молча смотрели на то, как Юлий роется в кустах у дворцовой стены. После краткого подготовительного обряда, свойственного фагорам, рунт помочился в выкопанную ямку.

Не поворачиваясь к советнику, король неторопливой размеренной походкой двинулся к морю.

«Я просто-напросто жалкий раб», — сказал себе Карбансити и поспешил за королем. Через некоторое время король вдруг заговорил.

— Почти всегда в течение моей жизни Акханаба относился ко мне благосклонно, усыпая мой путь дарами своей доброты. Всегда и во всем у этих даров оказывался более тонкий и глубокий вкус, чем то, что было обещано и представлялось после первой пробы, — всегда за первым днем следовал день второй, за ним третий и так без конца. Чего бы я ни пожелал, я всегда получал больше желаемого.

На своем веку я познал множество поражений и снес немало ударов судьбы, но, по большому счету, ничто из этого не шло вразрез с тем, что я видел для себя как главное желание. Я потерпел поражение при Косгатте — что ж, я вынес из этого урок и одержал победу там же и над тем же неприятелем.

Теперь они шли через рощу деревьев гвинг-гвинг. Не останавливаясь, король сорвал с дерева плод и жадно съел его до кости. Сок стекал по его подбородку. Он раздавил остатки плода в кулаке.

— Сегодня я увидел свою жизнь в совершенно новом свете. Минуту назад мне в голову пришла мысль, что, возможно, все, что мне в жизни было обещано, я уже получил сполна.

Речь давалась королю с большим трудом.

— Может статься и так, что это лето — мое последнее, и в следующем году, когда я тряну ветвь фруктового дерева, к моим ногам не упадет ни одного плода. Мне уже больше не на кого положиться. Церковь предупреждает нас о скором пришествии времени великого голода. Фаф! — Акханаба похож на сиборнельца, не может думать ни о чем, кроме того, что скоро придет зима.

Они шли мимо невысоких прибрежных утесов, служащих границей между песком пляжа и плодородной землей, приближаясь к тому месту, где королева любила совершать свои морские омовения.

— Скажи мне, советник, — продолжил ЯндоЛанганол, внезапно сменив тон на легкомысленный, — если у тебя, безбожника, нет религиозного костяка мира, каким образом ты можешь видеть мои затруднения?

Молча КараБансити отвернулся от него, словно страшась того, что цепкий взгляд короля оставит на его лице отметины. «Ну же, соберись с духом», — подстегнул он себя.

— Так что же? Отвечай, когда тебя спрашивают! Ибо нет у меня больше терпения!

— Сударь, не так давно по просьбе и протекции моего доброго друга я взял к себе в служанки одну молодую девуш-

ку. Моей жене и мне приходится заниматься делами многих живых людей, а кроме того, я провожу исследования на телах усопших; я также занимаюсь исследованием строения тел различных животных и фагоров, которых держу в доме в качестве слуг и охраны. Но могу сказать только одно — никто не доставлял мне больше хлопот, чем эта молодая леди.

Я люблю свою жену и могу поклясться в этом. Но то, что я испытываю к нашей служанке, иначе как безумной страстью не назовешь. Она презирает меня, но моя страсть к ней все равно не утихает. Я сам себя презираю, но ничего не могу с собой поделать.

— Ты поимел ее?

— Эх, сударь, я имел ее столько раз, сколько плодов гвинг-гвинг вы отведали за этот год. Но все это был кхмир, а не любовь, сударь, а как только кхмир утихнет — хотя длиться это может и подолгу — как только кхмир утихал, я сразу же ненавидел себя и больше не хотел ее видеть. В конце концов я устроил так, чтобы она больше не жила в нашем доме. Я многое о ней узнал, например, то, что она пошла по стопам своей матери, унаследовав ее профессию, и что из-за нее убили по меньшей мере одного человека.

— Какое все это имеет отношение ко мне? — спросил король, пристально глядя на анатома.

— Сударь, по моему мнению, основополагающей движущей силой вашей жизни была страсть, а не любовь.

Вот вы сказали мне, что Акханаба был благосклонен к вам и усыпал ваш жизненный путь дарами. Иными словами, в своей жизни вы получали все, что хотели, делали все что хотели и теперь желаете, чтобы так продолжалось и дальше. Вы заключаете союз с фагорами, используя их как инструмент своей страсти, не зная того, что фагоры никогда не станут друзьями людей. Ничто не может свернуть вас с этого пути — ничто и никто, кроме королевы королев. Она стоит на вашем пути потому, что только она одна во всем свете смогла подчинить себе вашу любовь, чем завоевала ваше немалое уважение. Ваша ненависть к ней объясняется одним — любовью.

Она стоит между вами и вашим кхмиром. В вас, как и во мне, и как в любом другом человеке, правят два начала — вот только в вас эти начала протівостоят друг другу с гораздо большей силой, поскольку и сами вы — человек великий.

И если вы предпочитаете верить в Акханаба, то советую вам взглянуть на вещи так, словно бы Бог путем неудач и несчастий последних дней дает вам знак к тому, что жизнь ваша готова войти в неверную колею. Подумайте и попытайтесь исправить ход своей жизни, пока на это еще есть время.

Остановившись на самом утесе, король и анатом напряженно глядели друг другу в лицо. Последние слова своего нового советника король выслушал молча и с большим вниманием.

— Можешь ты посоветовать мне, каким образом это сделать? Как мне исправить свою жизнь?

— Вот вам мой совет, ваше величество: во-первых, откажитесь от поездки в Олдорандо. Симода Тал мертва. У вас больше нет причин торопиться в столицу ваших врагов. Я говорю вам это как астролог — в Олдорандо вас не ждет ничего хорошего.

Чуть нахмутив брови, КараБансити придал голосу продуманную суровость, с тем чтобы его слова произвели на короля ЯндолАнганола должное впечатление.

— Ваш дворец — вот ваше королевство, тем более сейчас, когда в памяти ваших врагов еще свежа расправа над мирдолоторами. Возвращайтесь в Матрассил.

Ваша правоверная жена здесь, рядом с вами. Встаньте перед ней на колени, попытайтесь вымолить у нее прощение. Порвите грамоту Эсомбера у нее на глазах. Возвращайтесь к тому, кого вы любите больше всего. Не только ваше счастье, но и ваш светлый разум зависит от королевы королев. Отвергните лукавые предложения Панновала!

Быстро моргая глазами, король отвернулся к морю.

— Постарайтесь жить праведной жизнью, сударь. Не нужно больше безумств, даже равных подвигам святых мира сего. Попробуйте завоевать любовь вашего сына; я уверен, что он

вернется к вам. Возьмите твердый тон с Панновалом, распустите свою Гвардию и прогоните фагоров, живите со своей королевой, как живут все обычные люди, светло и разумно. Откажитесь от лживого Бога, который ведет вас...

Он зашел слишком далеко.

Мгновенно сорвавшись с места, король бросился на КараБансити. Похолодев от вида нечеловечески искаженного королевского лица, КараБансити упал на землю как подкошенный. Король выхватил из ножен меч.

— Пошадите, ваше величество! Сегодня ночью я спас вашу королеву от бесчестья и надругательства.

Замерев с занесенным мечом, монарх медленно выпрямился.

— Кто посмел прикоснуться к королеве, когда под одной крышей с ней находился я? Отвечай?

— Ваше величество... — Голос КараБансити дрожал; его щека крепко прижималась к земле и губы тряслись, но то, что он сказал, прозвучало вполне отчетливо: — Вы позволили себе выпить лишнего и крепко уснули. Воспользовавшись этим, посланец Элам Эсомбер пробрался в покои королевы, чтобы изнасиловать ее.

Король глубоко и с присвистом вздохнул. Потом резко вложил в ножны меч. И застыл в неподвижности.

— Ты, простолудин! Как можешь ты пытаться понять жизнь королей? Никогда я не пойду по уже однажды хоженной тропе. У тебя есть жизнь, но она целиком принадлежит мне, а моей судьбой распоряжается Всемогущий. Не тебе советовать мне. Поди прочь с моего пути! И чтобы больше я никогда тебя не видел. Возвращайся к себе.

Король почти бегом направился к деревянному дворцу.

По его команде Гвардия пришла в движение. По решению короля через час пешим ходом они отправляются в Олдорандо. Его яростный голос мгновенно пробудил весь дворец. Все в нем встревоженно зашевелилось.

Звуки суеты донеслись и до покоев королевы. Застыв посреди своей янтарной комнаты, МирдеМинггала прислушивалась к происходящему. Ее телохранитель стоял у

дверей. Мэй ТолрамКетинет вместе с несколькими другими фрейлинами сидела в маленькой комнатке-прихожей, держа на коленях принцессу Татро. Все окна на половине королевы были задернуты толстыми шторами.

МирдемИнггала была облачена в свое излюбленное длинное платье из кисеи. Ее лицо было бледнее крыла птицы-коровы на снегу. Она прислушивалась к крикам мужчин и топоту хоксни, к ругательствам и командным выкрикам, доносящимся снизу. Раз она двинулась к шторам, но потом, словно презирая себя за слабость, отошла от окна. В комнате царила жара, и жемчужины пота выступили на ее бледном высоком лбу.

КараБансити поднялся с земли. Он спустился к морю, туда, где никто не мог его увидеть и где он мог успокоиться. По прошествии некоторого времени он начал тихонько напевать. Он получил свою свободу обратно, хотя и остался без часов.

Изнемогая от душевной боли, король поднялся в маленькую комнату одной из скрипучих башенок дворца и запер за собой дверь на задвижку. Здесь пахло пером, плесенью и старой соломой. На широких половых досках виднелись пятна голубиного помета, но, не обращая на них внимания, король лег на спину и усилием воли погрузил себя в пбук.

Отделившись от тела, его душа стала прозрачной. Подобно крылышку мотылька, он принялся опускаться в нежную бархатистую тьму. Очень скоро все краски мира остались позади — вокруг властвовала одна только чернильная ночь.

Парадокс пребывания в мире забвения состоял в том, что для перемещения и пространственного ориентирования там душе не требовалось никакого руководства; простираясь везде и всюду в своем самом долговечном пристанище, она чувствовала себя в нем очень уютно.

Целью глубинного путешествия души короля Орла была точно определенная точка света, исходящего от останков его отца.

Пятно света, некогда бывшее настоящим живым существом, королем Борлиена ВарпалАнганолом, сейчас, если взглядеться, представляло собой легкий набросок пробивающегося сквозь листву солнечного луча на древней стене, смутно обозначающего грудную клетку, тазовые кости и прочее, но все весьма и весьма условно. Все, что осталось теперь от некогда носившей на себе корону головы, стало небольшой бесформенной каменной глыбой, с парой горящих янтарей, вкрапленных в глазницы. Ниже, прямо под этим верхним утолщением — совершенно прозрачные — струились напоминающие пряди субстанции останков.

— Отец, я пришел к тебе, твой недостойный сын, для того чтобы вымолить у тебя прощение за причиненные тебе обиды.

Так сказала душа ЯндолАнганола, повиснув в пространстве, лишенном каких-либо следов воздуха.

— Мой дорогой сын, я рад видеть тебя здесь и всегда буду рад встрече с тобой, когда бы ты ни пришел ко мне. У меня нет затаенных обид на тебя и мне не в чем тебя упрекнуть. Ты всегда был и останешься моим возлюбленным сыном.

— Отец, я готов выслушать любые твои упреки. Более того, я готов понести самое суровое наказание, ибо теперь понимаю, насколько тяжким был совершенный мной по отношению к тебе грех.

— Молчи, сын мой, ибо в мире мертвых не говорят о земных грехах. Ты мой возлюбленный сын, и для меня этого достаточно. Больше ничего не нужно говорить. Все, что было темного и тяжелого, осталось в прошлом.

Когда останки говорили, из места, должного означать их ротовое отверстие, словно бы вырывался тусклый огонь, но не более сильный, чем трепетное сияние потухающей свечи. Зарождаясь где-то в недрах грудной клетки, светящаяся дымка слов поднималась по стеблю гортани и, выплеснувшись наружу, так же неторопливо оседала, уплывая в бесконечность.

Душа короля Орла заговорила снова.

— Отец, я молю тебя не щадить меня. Облегчи мои страдания. Ноша их невыносима.

— За тобой нет вины, сын мой. Здесь, в этом тихом прибежище, обретенном мной после смерти, мне не в чем упрекнуть тебя.

— Отец, десять лет я держал тебя в заточении в дворцовой темнице. Разве можно мне это простить?

След слов останков ВарпалАнганола поднялся облаком вокруг его головы, заблистав мельчайшими искрами.

— Сын мой, успокойся. Годы, проведенные в заключении, я теперь вспоминаю с трудом, хотя ведь и там я был не одинок — ты часто приходил ко мне, чтобы поговорить со мной или спросить совета. Наши разговоры всегда доставляли мне радость.

— Там было далеко не весело, в этой подземной тюрьме.

— Зато там были тишина и покой, в которых я наконец смог поразмыслить над крушением своей жизни, над ее неудачами и хорошенько подготовиться к тому, что ждет меня впереди.

— Если это возможно, утешь меня еще одним советом, отец.

— Говори, сын.

— Во-первых, прошу тебя сказать мне, если это возможно, нет ли среди вашего братства моего блудного сына. Во время последней моей с ним встречи я с тревогой заметил в его лице крайнее отчаяние.

— Мы с радостью принимаем к себе любого вновь прибывающего, и твоего сына, своего внука, я буду приветствовать лично — однако сейчас он все еще не закончил свои странствия по миру света.

Обдумав услышанное, душа ЯндолаАнганола снова заговорила.

— Отец, мое положение в мире живых тебе известно лучше кого бы то ни было. Посоветуй мне, куда я должен теперь идти, что делать. Вернуться ли мне в Матрассил? Или остаться в Гравабагалинене? А может быть, идти, как и было задумано, в Олдорандо? Что мне сделать, чтобы добиться от будущего наилучшего результата?

— Куда бы ты ни направился, везде присутствуют те, кто ждет тебя с нетерпением. Многих ты знаешь, хотя и не всех — например, в Олдорандо в ожидании тебя сгорает от нетерпения некто, о ком ты понятия пока не имеешь. Твоя судьба находится сейчас в руках этого человека. Так что отправляйся в Олдорандо.

— Спасибо, отец. Твои советы всегда помогали мне справиться с трудностями жизни. Как послушный сын, я так и поступлю.

С этими словами душа короля устремилась вверх, к свету, оставив светящиеся сонмища усопших позади, поначалу двигаясь медленно, но потом наращивая скорость, словно бы сгорая от спешки и нетерпения. Где-то, неизвестно где, гулко били барабаны. Сумрачные звездочки усопших растворились внизу, канув в лоно Всеобщей Прародительницы.

Неподвижная человеческая фигура на полу деревянной колокольни едва заметно пошевелилась. Сначала ее охватила легкая дрожь. Потом человек поднялся и сел. На бледном лице открылись глаза.

Единственное живое существо, приветствовавшее его в этом мире, был Юлий, который, заметив, что король пришел в себя и задвигался, подкрался ближе и понимающе проскрежетал:

— Мой бедный король спускался к предкам.

Вместо ответа король взъерошил рунту мех на загривке, потом ласково пригладил.

— Эх, Юлий, что за штука жизнь.

Помолчав с минуту, король хлопнул маленького фагора по плечу со словами:

— Ты хороший парень. Ты не причинишь мне зла.

Услышав похвалу, рунт начал крутиться вокруг своего повелителя и жаться к нему, и тогда король вдруг почувствовал, что в бок ему давит какой-то предмет — засунув руку в карман, он вынул оттуда часы с тройным циферблатом, которые забрал у КараБансити. Взглянув на часы, он вдруг ощутил какую-то безотчетную тревогу. С большим трудом он поднялся на ноги.

Через час король ЯндоЛанганол уже ехал верхом на Ветре во главе своей свиты. Рядом с ним, тоже верхом, ехал посланник Элам Эсомбер. Следом за королем ехали его капитаны, за ними свита посланника, а дальше, насторожив уши и выпучив неподвижные розовые глаза, маршировали ровные ряды Первого Фагорского.

Отбытие короля из дворца Гравабагаалинена, со всеми сопутствующими этому событию тревогами и переживаниями, произвело сильное впечатление на обитателей Аверна. Когда король наконец возвратился из пбука и пришел в себя, многие, если не подавляющее большинство незримых наблюдателей, испытали облегчение. Все они, даже самые его преданные поклонницы, не могли не признать, что лежащее на пыльном полу дворцовой башенки неподвижное тело короля, с отсутствующей в нем временно душой, пребывающей неизвестно где, было зрелищем малосимпатичным.

В среде обитателей Гелликонии погружаться в пбук, или предаваться «утешению предков», было делом столь же обычным, как, скажем, плевать. Сам по себе пбук не имел никакой важной религиозной подоплеки и зачастую существовал в стороне от религии. Точно так же как женщины способны были зародить и выносить внутри себя плод, так же и любой обитатель Гелликонии мог выйти душой из собственной телесной оболочки и отправиться в мир.

На Аверне пбук не укладывался в рамки стройной картины мира, в котором жили авернские семьи. Они не могли понять и уж тем более принять этот странный обряд. Он смущал их.

В отношении же сексуальных нравов гелликонцев авернские семьи не испытывали никаких затруднений: неотрывное наблюдение за нижними обитателями давно уже превратило свидетельство сексуальных сцен в обычное дело; для авернцев любовь и вообще любое проявление высших эмоций среди обитателей планеты наблюдения понималось лишь как сопутствующий эффект повседневной функциональной деятельности, не всегда желательный, но неизбеж-

ный и потому, когда возможно, отбрасываемый за ненадобностью; но с религией невозможно было поступить так просто, тут возникали особые трудности.

Авернские семьи видели в религии особый вид примитивной одержимости, психологическую болезнь, опиум для тех, кто не решался пока смотреть правде прямо в глаза. В ту пору, когда СарториИрвраш, известный безбожник, еще состоял при дворце в Матрассиле, среди авернцев теплилась надежда, что в конце концов советник сумеет склонить короля на свою сторону, убедить его в великом обмане того, что кроется под названием «Акханаба», положив тем самым начало ослаблению религии и ее падению, а это в результате должно было бы сильно упростить дело. Авернцы не понимали и не любили пбука. На пбук взирали как на нечто, что также должно было исчезнуть как можно скорее.

Что касается далекой Земли, то там отнюдь не разделяли взгляды Аверна. На жизнь и смерть там давно уже смотрели как на две нерасторжимые половины единого целого: там, где жизнь протекает достойно, смерти не боится никто. Занятия гелликонцев пбуком вызывали среди землян живейший интерес. Во время первых лет передач с Гелликонии подобное трансу состояние местных обитателей рассматривалось как подобие астральной проекции, во многом схожее с медитацией. Позже, с прошествием времени, появилась более углубленная теория, в соответствии с которой утверждалось, что люди Гелликонии наделены удивительной способностью достаточно легко перемещаться через незримую грань, отделяющую жизнь от смерти, и возвращаться обратно. Эта открывающая новое измерение способность была предоставлена гелликонцам как бы в качестве компенсации за ущербность жизни, связанную с известными особенностями протекания Великого Года. Вхождение в пбук было способностью, развившейся эволюционным путем и, по сути, означающей укрепление связи обитателей со своей столь изменчивой планетой.

Именно такое понимание пбука больше всего привлекало землян. Именно в этот период землянами была открыта

связь между населением Земли и самой планетой, что не могло не привести к возникновению симпатии и пониманию происходящего на Гелликонии.

В течение нескольких дней, последовавших за отбытием короля, МирдемИнггалой владела неодолимая усталость, по причине которой она несколько дней не поднималась с кровати.

Она ненавидела мужа, при этом испытывая чувство глубокой вины за то, что она каким-то образом послужила причиной неудач короля. В то же время она твердо знала, что не было такой секунды в ее жизни, когда она не думала бы, как угодить и помочь ему. Теперь же оказалось, что годы, на протяжении которых она была ему верной и любящей женой, прошли даром и были забыты им, как нечто малозначительное и не заслуживающее внимания. Понимая это, она осознавала также и то, что под бурлящим покровом гнева в ней все еще продолжает жить любовь. Приходилось признать, что узы, связывающие их, оказались настолько крепкими, что обрывать их она была не в силах при всем ее желании.

Каждый день, помолившись, она погружалась в пбук, чтобы поговорить с останками своей матери. Однако она все чаще и чаще спрашивала себя, а не было ли свидание с матерью просто плодом воображения, существует ли призрак действительно и не является ли он порождением ее утомленного горестями разума. Следом возникали мысли о том, что же на самом деле случается после смерти и есть ли там, откуда уже нет возврата, хоть какое-то существование.

Сомнения не давали ей покоя. И вместе с тем пбук был единственным ее утешением. Ее брат, ЯфералОборал, находился теперь в царстве теней, и каждый раз, опускаясь туда, по направлению к лону общей прародительницы, она ощущала его нисходящую на нее любовь. Тайные страхи о том, что брат пал от руки короля Орла, оказались напрасными, и она горячо благодарила за это судьбу.

Она по-прежнему любила море. Но каждый раз по возвращении на берег она ощущала, что приобретенный в море

душевный покой покидает ее. Она садилась в носилки, и фагоры несли ее обратно во дворец; по мере того как деревянные стены приближались, в ней росло чувство обиды. День уходил за днем и она не становилась моложе. О своих переживаниях она не говорила даже с Мэй. Когда горечь овладевала ею и становилась особенно невыносимой, она требовала, чтобы ее оставили одну. Закрыв руками лицо, она подолгу лежала на кровати.

— Я вижу, что у вас уже почти не осталось сил выносить далее свое изгнание, так может быть, вам лучше отправиться в Панновал и попросить Це'Сарра отменить ваш развод? — однажды предложила ей Мэй. Сказано это было тоном, в котором едва сдерживалось нетерпение и раздражение.

— Если ты считаешь возможным, чтобы я бегала за королем, как комнатная собачка, — отозвалась МирдемИнггала, — то я так не считаю.

Ее память обожгли воспоминания о том, как в лучшие времена эта женщина, ее первая фрейлина, по повелению короля восходила на его ложе, и как король наслаждался одновременно ими обеими как последними низкими шлюхами, и как обе они, на равных правах, обязаны были ублажать его. Ни она, ни ее фрейлина ни разу не вспоминали об этом вслух — но случившееся когда-то постоянно стояло между ними.

Чтобы иметь рядом с собой умного и приятного собеседника, королева уговорила КараБансити остаться во дворце на несколько дней, которые превратились уже в неделю. Каждый день они гуляли вдвоем вдоль пляжа. Обязанная следовать за своей госпожой, Мэй неохотно плелась позади.

По прошествии недели и двух дней со дня отъезда Ян-долАнганола королева МирдемИнггала сидела перед открытым окном, задумчиво глядя на узкую прибрежную полосу своих владений. Внезапно дверь с треском распахнулась и к ней вбежала ее дочь — радостная и возбужденная.

— Мама! Можно мне с тобой поиграть?

И вдруг королева почувствовала поднимающуюся в ней небывалую злобу.

На мгновение королева увидела перед собой лицо короля-мужа — настолько были похожи дочь и отец. Не владея собой, королева крикнула:

— Убирайся от меня, ты, маленькая ведьма!

Изумление, обида, испуг — все это мгновенно пронеслось по лицу девочки и она громко зарыдала.

Не в силах выносить душераздирающие звуки, королева королев вскочила на ноги и босиком бросилась к своему ребенку. Она крепко схватила девочку за плечи и, вытолкав в коридор, с силой захлопнула за ней дверь. А потом, приклонившись спиной к стене, разрыдалась сама.

Выплакавшись и почувствовав себя лучше она разыскала дочь, приласкала ее и попросила у нее прощения. Королева предложила Татро отправиться к морю. Тут же были доставлены носилки с золоченым тронem и паланкином, защищающим ее от полуденного солнца. Фагоры с отпиленными рогами осторожно подняли носилки и двинулись к морю. Ленивые волны, новенькие и отливающие гляncем, словно в первый день сотворения мира, одна за другой накатывали на берег, лишь на короткий миг являя пенные курчавые гребешки. Неподалеку от берега, на утесах острова Линен, маняще шумел прибой. От недавнего нашествия ассатасси не осталось и следа, о них можно было забыть до будущего года.

Спустившись с носилок, МирдемИнггала некоторое время постояла на песке, оглядываясь по сторонам и любуясь природой. Четверка фагоров неподвижно застыла по сторонам ее трона. Принцесса Татро уже устроила суету и крик, приказав нянькам и служанкам строить для нее «самый что ни на есть крепкий песчаный дворец». Быстрым, свободным и решительным движением королева освободилась от своего платья. Свет солнц обласкал ее умищенное благовоениями тело.

— Подожди меня, мама! — крикнула ей Татро.

— Я ненадолго, — ответила дочери королева и, бегом добравшись до воды, ринулась в манящие волны.

Сильно разгребая воду руками и изгибая тело, королева проплыла мимо темной массы рифа Линен и остановилась только после того, как бухточка осталась далеко позади. Королева МирдемИнггала призывно крикнула. Почти немедленно вокруг нее появились дельфины — ее добрые друзья, с которыми ей никогда не надоедало разговаривать.

Немедленно серебристые тени обступили ее, быстро сужая круги и подплывая все ближе и ближе, замедляя свой бег настолько, чтобы она могла, как только ей того захочется, надежно опереться на спины двух своих приятелей, устроившись словно на своем золоченом троне.

Такая честь оказывалась не всем морским обитателям — только избранные осмеливались подплывать к ней. Всего ее приближенных числом было двадцать один. За пределами этого круга находились многочисленные придворные, не менее шестидесяти пяти голов. Лишь в редких случаях придворным наружного круга разрешалось присоединиться к кругу внутреннему и приближаться к ней. Свою свиту, плавающую за пределами внешнего круга придворных, МирдемИнггала даже не бралась пересчитать.

По большому наружному кругу стаю стерегла особая охрана. У дельфинов в морских глубинах, конечно же, имелись враги, и в обязанности сторожей входило охранять «двор» от опасности, немедленно оповещая всех при первых признаках ее приближения.

Своим водоплавающим друзьям королева МирдемИнггала доверяла больше, чем спутникам-людям; но, как и в любых взаимоотношениях между существами живыми, что-то приходилось скрывать, о чем-то умалчивать. Точно так же как королева не могла поделиться с дельфинами своими переживаниями на суше, так и они скрывали от нее нечто, пребывающее в глубинах и находящееся за пределами ее понимания.

Ближний круг придворных обращался к ней на своем напевном языке, но откуда-то из морских глубин доносились и другие голоса, незнакомые и наполненные тревогой.

— Кому принадлежит этот голос, друзья мои?

В ответ дельфины поднимали свои улыбающиеся морды и целовали ее плечи. Каждого из ближайших придворных она знала в лицо и давно уже наградила их именами.

Что-то беспокоило хвостатых созданий. Расслабившись, королева попыталась окружить себя ореолом спокойного понимания и уверенности. Вместе с дельфинами она погрузилась в глубину к холодным водным слоям. Подданные кружили рядом, изредка прикасаясь к ней своей нежной кожей.

Втайне королева надеялась хоть краем глаза увидеть промелькнувшую внизу тень чудовища — подлинного хозяина бездны.

Понимая, что манит ее в глубины, дельфины все же решительно вынесли ее наверх, к свету.

Вдохнув воздух, королева осмотрелась по сторонам, всюду находя только спокойную и умиротворенную гладь моря с плавными рядами волн. Дельфины принесли ее к мелкому месту на краю обрывистого основания скалы Линен, оставив среди зарослей морской травы, колеблющихся от быстрого течения. Под ногами у нее был мягкий гладкий песок. Оставив свою госпожу, дельфины отплыли от нее на несколько футов в сторону моря. Выстроившись многочисленными рядами, ее морские придворные застыли в ожидании, все как один повернувшись рылами к западу.

Она снова нырнула, чтобы осмотреться под водой, потом опять высунула голову на поверхность — ее свита последовала за ней.

«Когда-нибудь, в один прекрасный день, эти великолепные создания, единственные, которым я могу доверять и кого люблю, унесут меня на своих спинах от человечества. И тогда я изменюсь, стану другой». Она не могла сказать, были ли эти ее мысли о смерти или о чем-то другом.

Она оглянулась на берег. На далеком пляже суетились фигурки людей. Кто-то махал ей чем-то белым. Королева поняла: что-то случилось.

Несколькими короткими фразами объяснив кругу приближенных, что она уходит, королева поплыла к берегу. Ее спутники устремились туда же, по-прежнему полные жиз-

ни, выстроившись перед ней в ряд, по форме напоминающий острие стрелы, благодаря чему вода перед ней словно расступалась и плыть становилось значительно легче.

— На горизонте парус! — крикнула матери Татро, довольная тем, что первая успела сообщить новость. — Корабль, он идет сюда!

С возвышения прибрежного утеса МирдемИнггала рассмотрела корабль в принесенную СкафБаром подзорную трубу. Очень быстро к первому парусу, видимому уже вполне четко, на западе у горизонта прибавились два других.

КараБансити потер глаза тяжелой ладонью.

— Ваше величество, мне кажется, что корабль, который находится к берегу ближе, не борлиенский.

— Тогда чей же?

— Подождем еще полчаса, тогда можно будет сказать наверняка.

— Какой же вы упрямец, — вспылила королева. — Если вы что-то заметили, то скажите и мне. Откуда этот корабль? Вам удалось прочитать знаки на его парусах?

— Мадам, мне показалось, что я вижу Великое Колесо Харнабхара, но этого не может быть, потому что сиборнельские корабли никогда не заходят так далеко от своего дома.

Королева выхватила трубу из руки анатома.

— Конечно же, это сиборнельский корабль — и пребольший. Что ему нужно в этих водах?

— Плохо, что во дворце совсем нет гарнизона. Будем надеяться, что этот корабль держит курс на Оттассол, а сюда решил заглянуть за какой-нибудь пустяковой надобностью и его намерения окажутся добры.

День медленно клонился к закату. Корабли приближались еще медленнее, чем опускались за горизонт солнца. Во дворце поднялся переполох. Из сараев были добыты несколько бочек смолы и доставлены к берегу над маленькой бухтой, в которой, как предполагалось, сиборнельский корабль должен был бросить якорь. Если намерения команды окажутся враждебными, то бочонки можно будет зажечь и вылить на берег смолу, чтобы защититься хотя бы этим.

К вечеру воздух стал душным. Теперь рисунок на парусе можно было различить даже невооруженным глазом. Беталикс уже коснулся горизонта и зажег вокруг себя концентрические круги вечерней зари. Слуги и придворные без конца вбегали и выбегали из дверей дворца. Фреир тоже добрался до граничной черты и утонул за ней в точно таких же нимбических кругах.

Сгустилась темнота, вслед за которой на небе зажглись одна за другой звезды. Ночной Червь сиял ярче других, затеняя тускло светящийся ниже Утес Королевы. Во дворце никто не спал. Отчаяние, смешанное с надеждой, гнало усталость и сон, беззащитным обитателям дворца не на что было надеяться, кроме как на удачу.

Приказав завесить окна в своих покоях, королева ждала прибытия кораблей, сидя в кресле. Рядом с ней на столе мерцали свечи из белого китового жира. Вино в высоком толстом стеклянном бокале, налитое для королевы рабом и охлажденное лордариадрийским льдом, стояло нетронутое, отбрасывая от пронизывающего света свечей на стол мечущиеся блики. В ожидании своей участи королева неотрывно смотрела в стену прямо перед собой, словно вычитывая там незримые для других знаки судьбы.

В дверь тихонько вошел грум и попросил позволения сообщить последнюю новость.

— Госпожа, с берега доносится звон цепей. Они отдают якорь.

Королева велела привести к себе КараБансити, и они вместе направились к берегу, где в засаде сидели несколько мужчин и фагоров, готовых по первому знаку зажечь смолу. Факел уже горел наготове. Решительно взяв в руку факел, королева принялась спускаться по извилистой тропинке к морю. Держа факел над головой, она смело вошла в воду и тут же почувствовала прикосновение гладкой кожи дельфинов. Постепенно сквозь шелест прибоя из моря стал все яснее доноситься скрип весел.

Королева уже различала за веслами голых по пояс мужчин, дружно напрягающих могучие спины. На носу лодки

стояли двое, один с лампой в руках. Яркий свет, падающий на лица, делал их черты расплывчатыми.

— Кто посмел бросить якорь у этих берегов? — спросила королева подплывающих к берегу.

Ответом ей был голос, исполненный несказанного восторга:

— МирдемИнггала, королева королев, вы ли это?

— Кто говорит со мной? — спросила она. Но еще не услышав ответ, она уже знала, кто с ней говорит.

— Ваш генерал, госпожа, Ханра ТолрамКетинет.

Генерал спрыгнул в воду, и они вместе вышли на берег. Генерал встал на колено и поцеловал протянутую ему руку королевы. По сторонам от них полукругом стояли фагоры-стражники. Тупые морды двурогих были едва различимы во тьме.

Следующим на берег вышел СарториИрвраш. КараБансити бросился ему на шею и с силой обнял его.

— Я думал, что ты бежал в Димариам, у меня были причины подозревать это. Но, как видно, я ошибся.

— Ты редко ошибаешься, но на этот раз ты промахнулся на целый материк, — отозвался СарториИрвраш. — С недавних пор я стал кругосветным путешественником. А что делаешь здесь ты?

— Я прибыл сюда с королем, он взял меня на твое место. Но я, кажется, не угодил ему и теперь я в отставке, как и ты. Госпожа бывшая королева попросила меня ненадолго остаться, и я согласился, не в силах отказать ей. Несчастной женщине тут невесело приходится, и я, как мог, ее развлекал.

Они оба посмотрели на королеву, которая, в свою очередь, во все глаза смотрела на генерала ТолрамКетинета, при этом ее лицо нельзя было назвать грустным.

— Что слышно о принце Робе, ее сыне? — спросил СарториИрвраш. — От него нет известий?

— О нем бывают вести, но где он сейчас и чем намерен заняться в будущем, не знает никто. Несколько недель назад он был у меня в Оттассоле, как раз после полета ассатасси. Он пробыл в моем доме, том, который в порту, всего

два дня, но и за это короткое время успел надолго оставить о себе память. Я склоняюсь к мысли, что он действительно спятил. С королевой о нем лучше не говорить.

Пока на берегу шел оживленный разговор, лодка совершила еще один рейс к «Священнику», чтобы забрать на берег Оди Джесератабхар и лейтенанта Ланстатета. Когда лодка второй раз ткнулась в берег и гребцы вытянули ее настолько высоко, чтобы не смыл самый высокий прилив, все большой компанией отправились во дворец. Наступила глубокая ночь.

СарториИрвраш представил анатому Оди Джесератабхар в самых напыщенных выражениях. Анатом ответил подчеркнуто холодно, дав понять, что сиборнельский адмирал на борлиенской земле не самая долгожданная гостья.

— Я понимаю ваши чувства, — неопределенно произнесла на это Оди. Госпожа адмирал была бледна и ее лицо очень осунулось, губы от переживаний последних дней посерели, а волосы висели спутанными прядями.

Неожиданным гостям был накрыт импровизированный ужин, перед началом которого генерал наконец встретился со своей сестрой Мэй и заключил ее в объятия.

— Ох, Ханра, что с нами всеми будет? — спросила брата Мэй. — Увези меня обратно в Матрассил.

— Теперь все будет хорошо, — уверенно ответил генерал.

Судя по лицу Мэй, она не верила брату. Все, о чем она мечтала, это освободиться от королевы, и уж чего ей совсем не хотелось, так это получить ее в свояченицы.

На ужин была подана рыба, а после оленина с соусом гвинг-гвинг. Присутствующими за столом было выпито все вино, оставленное после себя свитой короля. В вино слуги обильно кололи лучший лордриадрийский лед. Во время ужина генерал ТолрамКетинет рассказал присутствующим о злоключениях Второй Армии в джунглях Рандонана. Рассказ адресовался в основном королеве, но, казалось, та совсем не слушала его. МирдемИнггала едва прикоснулась к пище и во все время ужина ее прикрытые пушистыми ресницами глаза почти не отрывались от стола.

Когда с ужином было наконец покончено, королева, взяв с каминной полки подсвечник, сказала:

— Ночь уже перевалила за половину. Я покажу дорогим гостям их комнаты. В отличие от моих предыдущих посетителей вам я по-настоящему рада.

Солдаты и лейтенант Ланстатет были устроены на заднем дворе. СарториИврашу и Оди была отведена спальня по соседству с покоем королевы. К ним немедленно была прислана рабыня, которая должна была помочь Оди раздеться и позаботиться о ее ране.

Когда все были устроены, МирдемИнггала и ТолрамКетинет остались одни в просторном гулком обеденном зале.

— Вы, наверное, устали, — сказал генерал королеве, которая, как казалось, с трудом поднималась по лестнице на верхний этаж. Королева не ответила ничего. Она же не могла сказать, что это не усталость, а переполняющие чувства сделали все ее движения такими скованными.

В коридоре второго этажа в окнах стучали незатворенные ставни, раскачиваемые свежим ночным бризом. Во дворцовых башенках гукали голуби. Быстро и искоса взглянув на генерала, королева подняла подбородок, выпрямилась и решительно сказала:

— У меня нет больше мужа, у вас не было и нет жены. Я больше не королева, хотя меня и продолжают звать ею. С тех пор как я прибыла в это место, я забыла, что значит быть женщиной. И вот тебе, генерал, прежде чем эта ночь умрет, предстоит узнать, осталась ли я ею.

Распахнув дверь своей спальни, королева жестом предложила ТолрамКетинету войти туда первым.

Генерал вошел в спальню и замер в нерешительности: — Всемогушего ради...

Королева одним движением освободила на шее завязки и платье упало на пол. Генерал хрипло выдохнул имя королевы.

До самого рассвета, жадно используя то, что осталось от ночи, они не спали. Руки ТолрамКетинета со страстью ласкали королеву. Это был ответ на ее письмо, посланное ему когда-то. И этот ответ наконец нашел ее.

Рассвет вернул всех к реальным проблемам, забытым за радостью встречи.

Но Мэй все же удалось уговорить брата уделить ей полчаса для частного разговора; пока она рассказывала ему о своей несчастной жизни в Гвабагалинене, генерал заснул. От злости Мэй выплеснула на брата стакан воды, от чего тот моментально проснулся, рассерженный и недоумевающий. Пошатываясь после бессонной ночи, он торопливо вышел из дворца и бросился к берегу, где его уже ждала королева. МирдемИнггала стояла на краю обрыва в компании КараБансити и одной из своих пожилых прислужниц. Все они, не отрываясь, смотрели в море.

Солнца стояли по разные стороны неба и черные курчавые тучи напоздали на них, отчего казалось, что светила льют свой свет как-то особенно сильно. В яростном свете паруса сиборнельцев блестели как кварцевые.

«Союз» был уже близко, тогда как «Доброй надежде» оставалось еще не менее часа хода до берега. «Союз» опустил часть парусов для того, чтобы дожидаться своего спутника и войти в бухту вместе с ним.

Борлиенские воины уже всюду трудились под командой Ланстатета, выгружая с борта «Священника» снаряжение и оружие.

— Они собираются войти в бухту — да поможет нам Акханаба! — крикнул лейтенант генералу.

— Что здесь делает эта женщина? — сурово спросил ТолрамКетинет.

Пожилая прислужница, личная рабыня королевы и давнишняя экономка деревянного дворца, помогала людям Ланстатета разгружать «Священника». Дюжий солдат поднимал из трюма бочонки с порохом и спускал их по наклонному пандусу на берег. Старуха-рабыня следила за тем, чтобы бочонки спускались ровно, и расставляла их на берегу, предоставляя мужчинам возможность заниматься другими неотложными делами.

— Что я делаю? Помогаю вам! — крикнула она генералу в ответ. — А вы что думали?

На мгновение старуха отвлеклась, и следующий бочонок, покотившись по пандусу, ударил по ней, да так сильно, что ее тело, развернувшись, упало ничком на гальку.

Солдаты подняли рабыню и, не обращая внимания на ее слабые протестующие стоны, отнесли подальше от воды, устроив поудобнее. По разбитому лицу старухи стекала кровь. МирдемИнггала торопливо спустилась на берег, чтобы помочь своей верной прислужнице.

Увидев, что королева склонилась над несчастной рабыней, генерал ТолрамКетинет подошел к ней и коснулся рукой ее плеча.

— Торопясь к вам, сударыня, я навлек на вас беду. Я ни в коем случае не хотел этого. Жаль, что я не взял курс сразу на Оттассол.

Ничего не ответив, королева присела рядом с пострадавшей и положила ее голову себе на колени. Глаза рабыни были закрыты, но дыхание было ровным.

— Надеюсь, что вы, сударыня, не сожалеете о том, что я не взял курс сразу же на Оттассол? Вы слышите меня?

Когда королева подняла на генерала лицо, ее глаза взволнованно блеснули.

— Ханра, я никогда не пожалею о том, что эту ночь мы провели вместе. Я сама этого хотела. Мне нужно было освободиться от Яна. К сожалению, этого не случилось. Но это моя вина, а не твоя.

— Вы свободны от короля, и перед Богом, и перед законом. Ведь он развелся с вами, не так ли? Я не понимаю, о чем вы говорите?

В голосе генерала слышалось раздражение.

— Ах, прошу тебя, прекрати сейчас же! — нетерпеливо вскричала королева. — Я говорю о чувствах, которые не могут вот так сразу исчезнуть, как только мы того пожелаем. Ян и я — это можно сравнить с бесконечным сном — нет, я не могу описать это словами...

Уже не пытаясь скрыть злость, генерал бросил:

— Вы просто устали. Я знаю, что случается с женщинами, когда жизнь поворачивается к ним своей темной сторо-

ной. Поговорим обо всем этом позже. Перед нами враг, и в первую очередь нам необходимо выяснить отношения именно с ним.

С этими словами генерал повернулся к морю и, указывая рукой на корабли сиборнельцев, продолжил уже совершенно другим тоном, голосом опытного воина:

— Судя по тому, что «Золото дружбы» так и не пришло, можно предположить только одно: причиненные ему повреждения очень велики. В то же время адмирал Джесератабхар подозревает, что Денью Пашаратид погибла, и если это так, то Ио Пашаратид, несомненно, будет мстить.

— Этот человек внушает мне опасения, — тихо проговорила МирдемИнггала.

Сказав это, она снова склонилась к рабыне.

Генерал быстро взглянул на свою бывшую повелительницу.

— Вам нечего бояться, я здесь и защищу вас от любых врагов.

— Хочу надеяться, что так оно и будет, — пустым голосом отозвалась королева. — Во всяком случае, ваш лейтенант уже занимается делом, так что, вероятно, надежда еще есть. Вы ведь знаете, что король Орел позаботился о том, чтобы в деревянном дворце не осталось никакого оружия, при помощи которого мы могли бы защититься.

От скалы Линен в море выдавалась цепочка камней, образующая с прибрежной полосой узкий пролив, и любое крупнотоннажное судно, подобное «Союзу», обязательно должно было пройти через это горло — в этом-то и состоял единственный шанс защитников бухты. ГорторЛанстатет подкрепил силы борлиенских солдат дворцовыми фагорами. Совместными усилиями людей и двурогих с орудийной палубы «Священника» были сняты три пушки и доставлены на берег, откуда они должны были быть перенесены на косу и установлены так, чтобы держать под обстрелом всю бухту. На каждом борту сиборнельских кораблей должно было быть не менее чем по пятьдесят хорошо вооруженных солдат.

СкафБар вместе с другим слугой поспешно спустились на берег с носилками, чтобы забрать оттуда старуху-прислужницу и отнести ее во дворец.

Корабль Пашаратида, «Союз», сделал разворот, подставив берегу борт.

Дружно наваливаясь на веревки, защитники бухты сидели затаившись на предназначенное ей место вторую пушку.

Моляще сложив на груди руки, КараБансити предстал перед королевой:

— Не далее как несколько дней назад я позволил себе дать королю один совет, который тому не пришлось по нраву и едва не стоил мне жизни. Сейчас я хочу рискнуть и дать совет вам в надежде на лучший результат. Мне кажется, что будет лучше, если вы и ваши фрейлины немедленно оседлаете хоксни и попытаетесь ускакать как можно дальше от моря.

На лице королевы зажглась печальная улыбка.

— Я ценю вашу заботу, Бардол. Но думаю, что сейчас уехать лучше вам. Возвращайтесь к жене. Я же останусь здесь, поскольку именно здесь мой дом. Вы ведь наверняка слышали о том, что Гравабагалинен населен душами воинов, павшими здесь во время великой битвы много веков назад. Я скорее предпочту присоединиться к сонму умерших, чем бежать.

Анатом понимающе кивнул:

— Возможно, вы правы. В таком случае, сударыня, я тоже остаюсь.

Уловив перемену выражения в лице королевы, он понял, что ей приятно слышать от него такие слова. Под влиянием мгновенного порыва королева спросила:

— Что вы думаете по поводу этого «предательского» союза между вашим другом Рашвеном и ускутской леди — ведь она, кажется, адмирал, ни более ни менее?

— Ускутка в основном помалкивает, но я все равно ей не верю. Лучше будет, если они оба уедут отсюда. В руках сиборнельца всегда скрывается больше, чем только руки. На хитрость, сударыня, нужно тоже отвечать хитростью — это почти все, что у нас осталось.

— Но мне показалось, что она предана нашему бывшему советнику.

— В таком случае, сударыня, она — сиборнельский дезертир, что дает Пашаратиду еще один повод для высадки на наш берег. Нужно куда-нибудь отослать ее для общей безопасности.

В море появился быстро разрастающийся клуб дыма, укрывший собой весь «Союз». Через несколько мгновений до берега донесся отдаленный грохот выстрела. Ядро упало в море у подножия низкого утеса. Сделав «вилку», орудийщики смогут навести пушку получше. Наверняка маневры на берегу не остались не замеченными дозорными на сиборнельских кораблях.

Выстрел с «Союза» был предупредительным. Снова сделав поворот, сиборнелец на всех парусах устремился в бухту.

Так и не прибранные с ночи волосы королевы, теперь стоящей в одиночестве, развевались на ветру. Глядя по сторонам, она рассматривала пейзаж, который мог стать декорацией для сцены ее смерти. Может быть, это будет лучше для всех — смерть разом разрешит множество проблем. Она уныло подумала о том, что близость с ТолрамКетинетом не доставила ей никакой радости. По правде сказать, ласки генерала, его тело только еще жарче пробудили в ней воспоминания о Яне. Она чувствовала себя еще более одинокой, чем когда бы то ни было.

Далеко в море переполненный дождевой водой муссон, приближаясь, нес по небу волны темноты и косо падающего света. Облака неслись удивительно низко. «Добрая надежда» почти потерялась во мраке. Вглядевшись, МирдемИнггала заметила, что ее добрые друзья, дельфины, отчаянно сражаются с волнами. Быстро налетевший на берег ливень стегнул каплями ей в лицо.

В следующее мгновение ливень начал свою работу.

Пушка застряла, ее колеса увязли в грязи. Борлиенцы упали на колени, осыпая разверзшиеся небеса ругательствами. Если ливень не утихнет в ближайшие минуты, то о стрельбе можно будет забыть — вода зальет фитили в их дырчатых жестяных банках.

С надеждой на то, чтобы выставить пушки на выгодную позицию, пришлось распрощаться. С первыми же каплями дождя поднялся и ветер. «Союз» неся к бухте с бешеной скоростью.

Когда до входа в бухту осталось всего ничего и скала Линен была уже вровень с правым бортом сиборнельца, дельфины пришли в движение. Не прошло и минуты, как узкое горло бухты было запружено телами морских подданных королевы.

Моряки с «Союза», наполовину ослепшие от падающей сверху воды, с испуганными криками указывали руками на кишашие вокруг бортов их корабля черные гладкие тела. Упираясь носами в бока сиборнельца, дельфины не пускали его в бухту. Доски «Союза» затрещали, и он замедлил ход.

Вскрикивая от восторга, королева МирдемИнггала, забыв о всех своих печалях, бросилась к воде. Хлопая в ладоши, она подбадривала своих друзей. Вода, смешанная с песком, испачкала ее платье, но она не обращала на это внимание. Забыв о буйстве природы, она бросилась в волны. Даже генерал, устремившийся было вслед за королевой, остановился. Проплыв мимо «Священника», королева исчезла во мраке и хлещущих струях дождя.

Очень скоро после того как она оказалась в воде, рядом с ней вынырнул один из дельфинов и легко прихватил ртом край ее платья. Узнав в нем одного из важных чинов узкого круга, королева назвала его по имени. В суматошном ответе дельфина крылась тревога: держись подальше, великаны уже близко и они могут схватить тебя. Огромное существо из невообразимых глубин учуяло твой запах.

Королева повернула обратно к берегу, до которого добралась, сопровождаемая дельфинами. Пробравшись через пену у самого пляжа, она отжала платье и обернулась.

До «Союза» уже было рукой подать — его и королеву разделяло расстояние в несколько корпусов судна. Дельфины все еще тормозили его ход. Сквозь завесу дождя королева увидела на мостике сиборнельского корабля фигуру Пашаратида — он бешено жестикулировал, отдавая команды. Ио тоже заметил ее.

Пашаратид, высокий и стройный, стоял, подставив ливню грудь, в распахнутой куртке, его борода вызывающе торчала вперед, морская фуражка была лихо сдвинута на затылок. Впившись в королеву взглядом, он внезапно оживился.

У ног Пашаратида лежало копьё. Схватив древко, он сбежал по трапу к борту, перемахнул через леер и, держась одной рукой за веревки, принялся острием наносить по дельфинам удар за ударом. Вокруг бортов корабля закипела красная пена. Это была кровь дельфинов. Пашаратид продолжал колоть снова и снова.

У суеверных моряков дельфины считались неприкосновенными животными. За жизнь глупца, убившего дельфина, никто не даст и ломаного гроша. Такая же судьба, по поверью, ждала и весь корабль, на котором находился подобный глупец.

Испуганные моряки пытались вырвать из рук Пашаратида копьё. Не скоро, но им удалось это сделать, и оружие убийства было выброшено за борт. Некоторое время после этого разъяренный Пашаратид продолжал драться на палубе, куда его оттащили несколько человек. Довольно скоро драка утихла сама собой. Добрые друзья королевы, защитники бухты Гравабагаалинен, одержали победу в схватке с человеком.

Королева закричала, торжествуя победу. Сейчас она очень напоминала свою мать, Шананну Дикую. Испугавшись, как бы королева снова не бросилась в воду, генерал ТолрамКетинет поспешил увести ее подальше от беснующихся волн.

Несущиеся по небу тучи расступились, и вдруг, словно ниоткуда, появилась «Добрая надежда», которая стремительно направлялась ко входу в бухту.

Целая армия дельфинов, вырвавшись из жерла бухты, устремилась навстречу «Доброй надежде», словно по команде невидимого военачальника.

Внезапно море содрогнулось. Волны вокруг лорайского корабля словно бы вскипели. Впоследствии находящиеся на берегу клялись, что море вокруг «Надежды» действительно кипело. Вода пошла водоворотами и забурилась, в ней за-

мелькали какие-то огромные тела. Вдруг поднявшееся из моря невероятных размеров существо стряхнуло со своей головы воду. Существо поднималось и поднималось, и так продолжалось до тех пор, пока оно не оказалось выше мачт «Доброй надежды». На морде существа горели жарким огнем глаза, под которыми зияла огромная, как ворота, зубастая пасть и вились напоминающие угрей усы. Вслед за первым из моря поднялись еще несколько огромных чешуйчатых тел.

Судя по резким, дерганым движениям голов, змеи были разъярены. Некоторые из них, постояв над водой, снова ныряли и плыли кругами, показывая над поверхностью свои блестящие черные тела.

Огромная голова одного из змеев вынырнула у борта «Доброй надежды», подняв водяной вал, от которого корабль закачался. От могучего удара хвоста другого доски борта каравеллы затрещали.

Еще через мгновение невиданные змеи исчезли. Явившись на зов дельфинов, змеи ушли обратно туда, откуда пришли, в невероятные тишайшие глубины океана. Человеку редко приходилось видеть их воочию, но тем не менее змеи-великаны составляли неотъемлемую часть круговорота жизни Гелликони, приспособившейся к суровым переменам Великого Года.

На данной стадии своего существования змеи были бесполоыми. Период их активного спаривания давно миновал. Когда-то змеи были летучими и в течение многих веков предавались только лишь амурным утехам, безуданно производя потомство. Подобно гигантским стрекозам они кружились, ухаживая друг за другом, кружились над бескрайними просторами полярных шапок планеты, где не было у них не только каких-то врагов, но даже свидетелей их забав.

С наступлением Великого Лета летучие змеи совершали перелет на юг, к океанам, селились в морях, в том числе и в море Орла. На далеких островах, Пуриче и Лордри, змеи скидывали свои крылья. Лишенные конечностей, извиваясь, сползали в море и исчезали в его глубинах.

В море змеи проводили все гелликонское лето и в конце концов там и умирали. Огромные тела шли на корм ассатасси и другим морским обитателям, например, рыбам-скупперам. На самом деле скупперы рыбами не были. С первым дыханием зимних холодов скупперы выбирались на сушу и принимались обживать иную стихию, где становились известными под именем, внушающим ужас и отвращение: Червь Вутры.

Появление змей сломило боевой дух матросов «Союза» и «Доброй надежды». Став свидетелями явления духов, они окончательно поверили в слышанную ими легенду об армии призраков, обитающих в Гравабагалинене. Поставив все возможные паруса, сиборнельские корабли бросились навстречу буре, взяв курс на запад. Вскоре облака скрыли их и они исчезли из виду.

Дельфины исчезли тоже.

Шторм все еще не утихал и волны продолжали с тупым грохотом, разносящимся по всему берегу, обрушиваться на камни скалы Линен.

Защитники Гравабагалинена, не сделавшие ни одного выстрела, вернулись обратно под защиту деревянного дворца.

Стук бьющего в крышу дождя эхом разносился по залам. По мере того как дождь утихал, изменялся и тон стука, но потом ливень, словно спохватившись, принимался за дело с новой силой.

Военный совет под председательством королевы собрался в главном зале дворца.

— Во-первых, нам нужно точно понять, с кем мы имеем дело, — сказал ТолрамКетинет. — Советник СарториИрвраш, расскажите нам, что за тип этот Пашаратид, и пожалуйста, говорите кратко и по существу.

Поднявшись, СарториИрвраш пригладил ладонью лысину и поклонился ее величеству. То, что он намеревался сейчас сказать, без труда могло вписаться в несколько кратких фраз, хотя при этом вряд ли кому могло показаться приятным. Он извинился, что начнет с прошлых неудач, но так

уж устроена жизнь, что будущее всегда смыкается с прошлым и нити этой связи редко бывают понятными даже самым мудрейшим из мудрых. Например, он может рассказать, как...

Заметив, что Оди Джесератабхар делает ему круглые глаза, он решительно перешел к ответу на поставленный вопрос, резко вскинув при этом плечи. Во время его бытности придворным советником в Матрассиле в его обязанности входило распутывать дворцовые интриги. В ту пору, когда светлой памяти брат королевы королев ЯфералОборал был еще жив, ему, советнику, удалось разузнать, что Пашаратид — подвизавшийся тогда послом своей страны — пользовался благосклонными услугами одной юной особы, простлюдинки, мать которой была содержательницей дома терпимости. Кроме того, он, советник, слышал от отца короля, ВарпалАнганола, что Пашаратид пользовался случаем подсмотреть за купанием королевы королев, полюбоваться ее нагим телом. Исходя из всего изложенного, становится ясно, что это человек с распаленной похотью, совершенно беспринципный и отчаянный; и что в узде его, по слухам, могла держать только его жена — которая, вполне может стать-ся, теперь мертва.

Кроме того, он хочет также поделиться с присутствующими одним слухом — он уверен, что это не более чем слух, — рассказанным ему одним колоритным типом по имени Указатель Тропы, с которым он сдружился во время перехода через пустыню к поселениям сиборнельцев на землях Кампаннлата, откуда дальше на корабле он отплыл на северный континент. Так вот, по словам Указателя, именно Пашаратид убил брата королевы.

— Я подозревала это, — тихим голосом произнесла МирдемИнггала. — Таким образом, у нас есть все основания к тому, чтобы считать Ио Пашаратида опасным человеком и коварным противником, способным на любую подлость.

ТолрамКетинет поднялся с места.

Приняв картинную позу военного, он заговорил с риторической цветистостью, изредка бросая быстрые взгляды на

королеву, чтобы узнать, как принимаются его речи и вид. Он сказал, что теперь им стали ясны сильные и слабые стороны Пашаратида, конечно же, человека опасного. Кроме того, ясно, что, встав во главе «Союза», он вскоре правдами и неправдами объявит себя командующим обоими кораблями, то есть и «Доброй надеждой» тоже. Он, ТолрамКетинет, поставив себя на место врага, рассмотрел сложившуюся ситуацию всесторонне, исходя из чего может теперь предположить, что следующими шагами Пашаратида могут быть следующие: во-первых...

— Прошу вас, покороче, иначе наш совет рискует растянуться до бесконечности, — подал голос КараБансити. — Хотя, конечно же, если вы так же хороши в качестве генерала, как хороши в ораторском искусстве, тогда волноваться не о чем.

Нахмурившись, ТолрамКетинет сказал, что с двумя кораблями Пашаратид никогда не рискнет напасть на Оттассол. В его положении наилучшим решением может быть попытаться пленить королеву и тогда уже диктовать условия Оттассолу, принудив город к сдаче. По его мнению, Пашаратид скорее всего может попытаться высадиться где-нибудь на западном от Гвабабаалинена побережье, где нет рифов и пляжи чисты и удобны. Он, ТолрамКетинет (при этих словах генерал стукнул себя кулаком в грудь), требует, чтобы все имеющиеся во дворце силы немедленно приготoвились для отражения возможной атаки со стороны суши. Лично он обязуется отдать жизнь во имя спасения королевы.

После краткого обсуждения королева наконец объявила свое решение. Пока она говорила, вода, натекая сквозь прохудившуюся крышу, начала капать на стол заседания.

— Вода — моя стихия, и я не имею ничего против того, что крыша протекла именно в этот момент, — заметила она.

Королева повелела выстроить укрепление по периметру дворца, а также со стороны моря, оснастив его всем имеющимся в распоряжении оружием. Необходимо было также произвести инвентаризацию всего того, что могло сойти за оружие.

Потом, повернувшись к СарториИрврашу и Оди Джесератабахар, она приказала им немедленно оставить дворец. Они могут выбрать для себя хоксни в дворцовой конюшне.

— Вы очень добры, сударыня, — отозвался СарториИрвраш, хотя, судя по выражению его физиономии, можно было ясно судить, что думает он совсем иначе. — Вы хотите пощадить нас?

— Да, я хочу пощадить вас, несмотря на то что это вы предложили королю расстаться со мной. К тому же, если учесть, что ваша подруга до недавнего времени была командиром Ио Пашаратида, легко догадаться, в какой ситуации мы все окажемся, останься она здесь.

СарториИрвраш смешался.

— Моя дорогая госпожа, в ту пору многое так усложнилось... были вовлечены вопросы большой политики. Я заплатил за свою службу королю сполна.

— В свое время вы говорили, что всегда и во всем стоите только на стороне правды.

СарториИрвраш рассеянно пошарил по карманам чарф-рула, словно нащупывая там вероник, потом успокоился и разгладил усы.

— Иногда нам приходится играть сразу две роли. Я знаю, что вы, с вашим добрым сердцем, как и король, стоите за фагоров в нашей стране. Но вместе с тем я знаю также, что фагоры есть источник всех людских несчастий. Сейчас, летом, когда число двурогих невелико, мы имеем все шансы избавиться от них навсегда. Но вместо этого мы используем лето для братоубийственных войн, забывая о том, что именно фагоры — наши исконные враги на все века. Поверьте мне, госпожа, я много лет потратил на изучение исторических хроник «Бракста Трибриатца» и знаю...

— Рашвен, достаточно разговоров! Мы с вами были друзьями, но с недавних пор наши пути разошлись. Ступайте с миром.

Неожиданно СарториИрвраш, вскочив, обежал вокруг стола и схватил руку королевы.

— Хорошо, мы уйдем, уйдем! В конце концов, мне не привыкать к неблагодарному обхождению. Но прежде чем

мы уйдем, нам нужно исполнить свой долг... Речь идет об одной просьбе. Благодаря помощи и содействию Оди я совершил открытие жизненной важности для всех нас. Я считаю необходимым добраться до Олдорандо и поставить об этом открытии в известность святейшего Це'Сарра — я надеюсь, что он велит щедро нас наградить. Это касается также и вашего бывшего мужа, и потому я уверен, что вам будет небезынтересно об этом услышать...

— Что у вас за просьба? — В голосе королевы послышалось раздраженное нетерпение. — Прошу вас, если это возможно, покороче. У нас еще много важных дел.

— Моя просьба тесно связана с моим открытием, сударыня. Когда-то, в давно прошедшие дни нашего безопасного существования в Матрассиле, я частенько читал вашей дочери забавные сказки. Вряд ли сейчас вы помните подробности этих чтений. Что касается меня, стоит только закрыть глаза, то я сейчас же вижу перед собой эту прекрасную книгу сказок, принадлежащую принцессе. Так вот, моя просьба: я прошу вас разрешить мне взять эту чудесную книгу сказок с собой в Олдорандо.

МирдемИнггала произвела какой-то странный звук, нечто среднее между смешком и стоном.

— Мы здесь готовимся к неравной схватке с врагом, а вы позволяете себе думать о каких-то детских книжках! О сказках! Если вам так это нужно, то забирайте книжку и можете прихватить еще пару других понравившихся. И советую вам побыстрее отправиться в путь, поскольку у меня нет больше сил выслушивать ваши легкомысленные речи.

СарториИрвраш почтительно прикоснулся губами к руке королевы. Спиной отступая вместе с Оди к двери, он смущенно улыбался и говорил:

— Дождь на улице уже перестал. Здесь мы нежеланные гости — что ж, скоро мы избавим вас от своего присутствия.

Когда дверь за советником затворилась, королева запустила ему вслед подсвечником.

С одной стороны дворец был окружен широким садом, в основном состоящим из фруктовых кустарников. Кроме того, в саду находился загон, в котором содержались сви-

нии, куры, козы, гизы и прочие домашние животные. Позади, сразу за изгородью загона начиналась полоса деревьев с искривленными стволами. Дальше, за кривыми деревцами, начинались луга, переходящие на востоке в болотистую местность, — именно с этой стороны, по расчетам защитников дворца, могли появиться силы Пашаратида, если, конечно, это когда-нибудь вообще случится. В лугах имелись древние земляные укрепления, теперь густо заросшие травой и местами полностью обвалившиеся.

Сделав быструю рекогносцировку местности, генерал ТолрамКетинет и лейтенант Ланстатет решили устроить линию обороны на месте старых земляных редутов.

Они думали, что смогут эвакуировать жителей дворца морем. Однако неожиданно «Священник» начал тонуть. Вероятно, во время шторма его корпус был сильно поврежден. Но на то, чтобы осмотреть и тем более отремонтировать его, у них уже не было ни сил, ни времени.

С корабля было снято все, что имело хоть какую-то ценность. Кроме того, часть бортов «Священника» была разобрана, и из досок на самых высоких деревьях были сооружены площадки для дозорных.

Когда земля после бури немного просохла, часть фагоров была отряжена на восстановление брустверов и редутов на месте старых укреплений. Оставшиеся двурогие копали новые траншеи, замыкая оборонительный полукруг.

В это время СарториИрвраш и Оди Джесератабхар выехали из ворот дворца. Они ехали друг за другом на хоксни, третье животное, навьюченное поклажей, замыкало их маленький караван. Заметив КараБансити, производящего инспекцию редутов и следящего за тем, как продвигаются работы, СарториИрвраш остановился.

— Хочу попрощаться со старым другом, — сказал он.

— Только недолго, — отозвалась Оди. — Из-за меня у тебя здесь больше не осталось друзей.

Кивнув, бывший советник спешил и, понутив плечи, зашагал к анатому.

КараБансити наравне с окружавшими его фагорами бросал лопатой напитанную водой землю. Подняв голову и заме-

тив СарториИвраша, он потемнел лицом, но потом, видно, не удержавшись, разулыбался — тучный анатом не мог долго копить в себе злость. Он махнул СарториИврашу рукой, подзывая его ближе.

— Несколько веков назад здесь были редуты, часть фортификационной системы здешнего дворца. Фагоры откапали тут такое — легенды оживают прямо на глазах...

Они подошли к ближайшей свежевыкопанной траншее. КараБансити встал на колени на краю траншеи, не обращая внимания на то, что испачкал штаны в липкой жирной земле. Под слоем дерна из стены траншеи торчало нечто, что поначалу СарториИвраш принял за старый коричневый мешок, перекрученный и грязный. Приглядевшись, он увидел полуистлевшее тело человека. Мертвец лежал на левом боку, вытянувшись во всю длину. Судя по остаткам кожаных доспехов и сапогам, он когда-то был воином. Из-под останков выглядывала рукоятка меча. Голова его была сплюснута, и казалось, что изъеденный червями рот мертвеца с торчащими наружу зубами издевательски улыбается. То, что сохранилось от кожи, имело блестящий коричневый цвет. Тело превратилось в мумию.

Эта находка была не единственной — уже было выкопано очень много трупов. Фагоры работали, не проявляя к мертвым особого интереса, выбрасывали их из траншей как ненужный мусор и если их заставляли, то счищали с них грязь пальцами, сохраняя равнодушное выражение на тупых мордах. В присутствии СарториИвраша из земли был извлечен труп еще одного солдата с устрашающе зияющей раной в груди. Черты лица этого воина были на удивление разборчивы, напоминая собой рисунок карандашом. Глазные яблоки мертвеца провалились, что придавало ему несколько меланхолическое выражение.

— Чистота земли предохранила их от тлена, — проговорил СарториИвраш. — Это солдаты и, должно быть, они пали в бою. Сколько лет прошло с тех пор... возможно, целый век.

— Гораздо больше, — отозвался КараБансити, спрыгнув в траншею. Там он выковырял из земляной стены то, что

поначалу СарториИрвраш принял за камень. Он положил этот предмет на край бруствера, чтобы его можно было внимательно рассмотреть.

— По-моему, именно это убило того парня, с выбитыми зубами. Это семечко дерева раджабарал, крепкое, как железо. Перед тем как пустить его в ход, семечко обжарили, и потому оно не проросло. С того момента, как весной раджабарал давал семена, прошло не менее семи веков. Так вот, сдается мне, что одна из сторон использовала эти семена вместо пуль для своих ружей. Ну вот, примерно так и происходило это легендарное сражение у Грабогалинена. Теперь и мы готовимся к подобной схватке.

— Бедняги!

— Кто бедняги — те солдаты или мы?

С этими словами КараБансити выбрался из траншеи и направился к тылу линии обороны. Там, в следующей траншее, он указал бывшему советнику на пару выкопанных тел — человека-солдата и фагора, лежащих крест-накрест друг на друге. Морда двурогого почернела, шкура сваялась и окрасилась от стоячей воды в ржаво-коричневый цвет, напоминая овощную гниль.

— Видите, здесь сражались не только люди, но и фагоры. Они умирали рядом друг с другом.

СарториИрвраш фыркнул от отвращения.

— Ну не знаю, с таким же успехом они могли быть и неприятелями. У нас нет подтверждения ни одной, ни другой теории.

— Ясно одно — это дурной знак. Я не хочу, чтобы королева королев видела и даже знала обо всем этом. ТолрамКетинету я тоже много рассказывать не стану. От подобного у него может поубавиться бойцовского духа. Я решил снова закопать эти останки.

Бывший советник повернулся, чтобы уйти.

— В отличие от тебя я не собираюсь закапывать тайны, которые удастся раскрыть. В моем распоряжении имеются факты, благодаря которым, как только о них станет известно в Священной Империи, немедленно будет объявлен общий крестовый поход против фагоров.

Криво улыбнувшись, КараБансити косо глянул на своего друга налитыми кровью глазами.

— И за то, что начало этой войны будет положено благодаря тебе, ты надеешься получить награду? Живи сам и давай возможность жить другим — вот мой принцип.

— Да, так считаешь ты, Бардол, но только не эти рогатые бестии. Их убеждения коренным образом отличаются от наших, людских. Если мы не примемся за дело прямо сейчас же, то рано или поздно они размножатся в невиданном числе и изничтожат нас. Если бы ты только видел эти бесчисленные стада фламбергов...

— Не давай воли чувствам, не позволяй им завладевать твоим разумом. Голова должна быть холодной, иначе это к добру не приведет... Но нам пора снова за работу. Думаю, что здесь, на этом поле, в земле лежит не менее нескольких сотен тел.

Сложив руки на груди, СарториИрвраш сказал:

— Ты берешь пример с королевы и тоже прощаешься со мной холодно.

Выбравшись из траншеи, КараБансити ответил:

— Ее высочество дала тебе то, что ты у нее просил — книгу сказок и трех хоксни.

— Значит, и ты, Бардол, против меня? Неужели ты забыл те времена, когда мы, оба, еще молодые люди, наблюдали в твой телескоп фазы Кайдау, проносащегося по небу над нами? В ту пору нам впервые открылось понимание космической геометрии, правящей миром.

— Я ничего не забыл. Ты пришел сюда с офицером армии Сиборнела, убежденным врагом Борлиена. Под угрозой были поставлены жизнь нашей королевы и существование королевства вообще. Я не питаю горячую любовь ни к Ян-долАнганолу, ни к его фагорам, но я все же хочу, чтобы Орел остался у власти и такие люди, как мы с тобой, могли спокойно смотреть в свои телескопы. Ты рассказывал, что сам был свидетелем тому, как Киивасиен, некогда центр мировой культуры и родина великого ЯрапРомбри, был бездумно стерт с лица земли. Лично я считаю, что под гнетом власти старой, пусть и несправедливой, страна будет про-

цветать лучше, чем под руководством власти тоже несправедливой, хотя и новой. Вот таким будет мое слово.

— Значит, вот какая у тебя теперь жизненная позиция?

— Я всегда отстаивал свой образ жизни. Иди же. Прощай, будь счастлив со своей женщиной, но помни — в руках сиборнелльца всегда есть больше, чем просто руки.

— Почему ты говоришь со мной так? Я — просто жертва. Я бродяга, изгнанник. Работа всей моей жизни уничтожена. При небольшой удаче я мог бы стать ЯрапРомбри своей эпохи... Меня не в чем винить, я невиновен. Ничего дурного я не сделал.

КараБансити покачал своей большой головой.

— Знаешь, Рашвен, ты уже в таком возрасте, когда невинность и бездействие расцениваются как преступление. Тебе пора ехать — твоя дама тебя заждалась. Езжай и изливай по пути свой яд.

Бывшие друзья посмотрели друг на друга с вызовом. СарториИрвраш вздохнул. КараБансити отвернулся и спрыгнул обратно в траншею.

СарториИрвраш медленно пошел к тому месту, где ждали его Оди и хоксни. В глазах его блеснули слезы. Ни слова не говоря, он забрался в седло и дернул повод.

Выехав за пределы дворца, они свернули на выючную тропу, ведущую на север, в Олдорандо. Всего несколько дней назад по этой же самой дороге проехали ЯндолАнганол и его свита.

Глава XIX

ОЛДОРАНДО

Сияние двух солнц, объединивших усилия в безоблачном небе, неистово обжигало застывший в неподвижности вельд.

Король ЯндолАнганол наслаждался походом — на лоне дикой природы он чувствовал себя отлично. Ему доставля-

ли радость долгие изматывающие переходы, чередующиеся с краткими привалами. И напротив, посланника Святейшего Це'Сарра, Элама Эсомбера, любителя изысканных наслаждений, такие путешествия только раздражали.

К Олдорандо король и его свита, включающая в себя несколько сопровождающих церковников, подъехала с юга, по Дороге пилигримов, хорошо утоптанной за многие века паломниками, путь которых пролегал через Олдорандо в Святой Панновал.

Город Олдорандо стоял на перекрестии дорог Кампаннлата. Тропы миграции фагоров и несколько укт мади пролегли к востоку и западу совсем недалеко от города. Старая извилистая соляная дорога уходила от города на север к Квизинту и озеру Дорзин. На запад лежал Кейце, угрюмый и невежественный, родина хладнокровных убийц, искусных ремесленников, бродяг и злодеев; к югу от Олдорандо начинался Борлиен — дружественный и родственный, родина еще больших злодеев, чем уроженцы Кейце.

В тот момент, когда король ЯндолАнганол ступил на земли Олдорандо, эта страна вела собственную войну с варварами, очень напоминающую войну самого Борлиена в Рандонане. Война Олдорандо с Кейце была развязана как из-за неспособности самого короля Сайрена Станда вести переговоры и решать дела мирным путем, так и по причине отвратительного характера самих кейце.

Оказавшись перед фактом уничтожения Второй Армии, король ЯндолАнганол заключил союз с кланами кейце, что многими расценивалось как проявление трусости. Для того чтобы скрепить достигнутый договор, в холмы, где находились кейце, были отправлены караваны с грузом зерна и вероника.

Что касается самих кейце, то они не придавали подобным договорам серьезного значения и, давно привыкшие к постоянной войне на несколько фронтов, смотрели на мир как на нечто временное и непрочное. Воспользовавшись передышкой, они занялись обычным делом, под чем подразумевались охота, междоусобица и кровная вражда, а также

гончарное ремесло — кейце были искусными гончарами и их горшки и кувшины славились на весь Кампаннлат. За свои кувшины кейце выменивали у мади ковры. Кроме того, этот народ не брезговал разбоем и воровством, знал, где можно отыскать в земле драгоценные камни, и старался ублажать своих малосимпатичных нескладных женщин, на что также уходило немало времени. Война на несколько фронтов, с Борлиеном и Олдорандо, то вспыхивающая с большей силой, то затухающая, оказала на кланы кейце благоприятное влияние — разрозненные племена сплотились и научились действовать совместно.

Каким-то чудом не перессорившись во время бурного празднования своей победы — приуроченного к дележу дара ЯндолАнганолоа и перекладыванию его в разнообразную более мелкую тару, — главный клан кейце, самый могущественный и многочисленный, выбрал своим верховным вождем могучего и тупого здоровяка по прозвищу Скрумппабовр. В качестве жеста доброй воли в знак своего восшествия на столь почетный пост Скрумппабовр объявил великую резню всех живущих на землях кейце олдорандцев. Подобная забава на местном диалекте называлась «развесить на кольях».

Следующим великим деянием Скрумппабовра было восстановление ирригационных сооружений на юге края и заселение тамошних деревень. Для того чтобы претворить свой план в жизнь, он предложил фагорам, терпящим гонения в Олдорандо, Куайне и Рандонане, поселиться на этих землях. В обмен на рабочие руки вождь кейце гарантировал фагорам избавление от крестовых походов, столь популярных в Олдорандо. Будучи язычниками, кейце не видели причин притеснять фагоров, по крайней мере до тех пор, пока те пристойно себя вели и не засматривались на женщин кейце. Новость эта пришлась по душе королю ЯндолАнганолу. Видя, как другие страны повторяют его действия, он убеждался в том, что силен на ниве дипломатии.

Что касается Берущих, то те были менее довольны. Берущие были воинами-священниками Священной Панновальской Империи, обладающими широкой сетью агентов и

соглядатаев во всех странах из числа тех, кто считал себя частью Империи. Говаривали, что Киландр IX в дни своей молодости тоже был Берущим.

Однажды ночью небольшой, но отлично обученный отряд конницы Берущих, выехав из столицы Олдорандо, совершил отчаянный набег на уютно расположенный в холмах Акейце, считающийся столицей Кейце, а по сути дела — большую деревню, вырезав там в одночасье около тысячи фагоров, а заодно с ними отправив на тот свет и несколько кейце.

Однако Берущие рано праздновали победу. На обратном пути в Олдорандо они угодили в засаду, хитро устроенную Скрумппабовром, и были перебиты в бою или взяты в плен и потом все равно казнены самыми садистскими и изощренными способами. В Олдорандо вернулся только один из Берущих, скорее ходячий мертвец, чем живой человек, который и поведал всю историю. В задний проход Берущего кейце искусно воткнули тонкий бамбук, вышедший наружу у правой ключицы. Именно это и называлось «развесить на кольях».

Известие о кошмарной выходке варваров дошло до ушей короля Станда. Немедленно он объявил о начале священной войны с Кейце и назначил хорошую цену за голову Скрумппабовра. С начала священной войны с обеих сторон было пролито немало крови, хотя и приходилось признать, что потери Олдорандо были несравненно большими. В данный момент больше половины армии Олдорандо, в которой никогда не служило ни одного фагора, рыскало по поросшим шоатапракси холмам Кейце в погоне за неуловимыми коварными племенами.

Король Станд очень быстро потерял всякий интерес к войне. После гибели своей старшей дочери, Симоды Тал, он заперся у себя во дворце и редко показывался на людях. Услышав о том, что к его столице приближается король ЯндолАнганол, Станд немного приободрился, да и то только усилиями своих советников, жены — королевы-мади, и оставшегося единственного ребенка, младшей дочери, Милуи Тал.

— Как мы встретим этого великого короля, Станд, дорогой? Чем бы нам развлечь его? — вопрошала своим певучим голосом королева Базкаарнет-она. — Я, твоя бедняжка, создание-цветок, очень слаба, и ты должен принять решение сам. Хочешь, я спою королю Орлу песни Пути?

— Честно признаться, лично мне этот человек безразличен. Он дикарь, и его край — оплот варваров, — отозвался муж королевы-мади. — Король Орел ведет с собой своих гвардейцев-фагоров, поскольку у него нет денег, чтобы нанимать солдат-людей. Если у нас хватит выдержки вынести присутствие этой зловонной толпы в нашем городе, возможно, не мы их, а они нас развлекут своими животными выходками.

Жаркий климат Олдорандо не располагал к активности. Взрыв на горе Растиджойник положил начало извержению сразу нескольких вулканов, составляющих цепочку в гористой стране Кампаннлата. Насыщенный парами серы пепел укрыл землю отравленным покрывалом. В ознаменование визита своего кузена король Станд неохотно велел развесить на улицах своего города флаги, но в безветренном воздухе полотнища висели безжизненно, не только не создавая атмосферы праздника, но еще более углубляя отчаяние.

Что касается короля Орла, тот сгорал от переполняющего его энергичного нетерпения. Переход из Грвабагалине-на занял почти целый теннер. Сначала дорога шла через лёссовые равнины с фермами, потом через пустоши и необитаемую местность. ЯндолАнганол торопился, и как бы быстро ни скакали хоксни, он все равно был недоволен. Все жаловались на излишне быстрый темп, взятый королем, но только не солдаты Первого Фагорского.

Дурные новости поспевали за королевским караваном. Неурожай и голод свирепствовали в королевстве; свидетельств этого не приходилось искать — они бросались в глаза повсюду. Вторая Армия не просто была разбита — она так никогда и не вышла из джунглей. Те горстки людей, что выбрались из непроходимого леса, разбрелись по домам, поклявшись, что никогда больше не встанут под знамена

короля. Уцелевшие батальоны фагоров растворились в джунглях.

Новости, приходившие из столицы, тоже не поднимали настроения. Верный союзник короля, архиепископ Бранца-Багинат, писал, что в столице наблюдается брожение, что бароны грозятся взять власть в свои руки и править именем скритины. Архиепископ заклинал короля действовать со всей осмотрительностью и как можно скорее.

Королю нравилась походная жизнь, нравилось жить тем, что давала охота, он отдыхал в ночных бивуаках, терпеливо переносил дневную жару и нестерпимый солнечный блеск и не вспоминал о том, что у побережья, объятого муссоном, теперь дышится свободнее. Казалось, что переживания придают ему новые силы, а его жизни — особую остроту. Его лицо похудело и заострилось, стало напряженным, свой нрав он больше не сдерживал.

Энтузиазм же Элама Эсомбера убывал с каждым днем. Выросший в Панновале в подземном особняке своего отца, он неуютно чувствовал себя под открытым небом на лоне природы и мало удовольствия получал от длительных скорых маршей. Время от времени посланник Святейшего Це'-Сарра останавливался и категорически требовал привала, зная, что на его стороне будут все придворные из свиты — хилые и тшедушные.

С наступлением сумерек на глянцеватой траве раскрывались лепестки сочных поблескивающих цветов, столь привлекательные для ночных мотыльков, перекликались какие-то птицы, без конца повторяющие две однообразные звонкие металлические ноты.

После того как лёссовые равнины остались позади, они углубились в край практически необитаемый, в котором за несколько дней пути человеческое поселение встретилось им всего только раз. На привале свита бросалась в тень под сень раскидистых деннисов, чья листва шелестела под порывами ветра. Из подземного материнского корневища денниса произрастало множество стволов, и совсем молодых, и древних, но все они одинаково тянулись вверх, выпячивая во все стороны ветви, словно костистые локти.

— Какая сила занесла нас сюда, Яндол? — вопрошал Эсомбер. — Куда мы так спешим? В такую жару любой повод для спешки покажется смехотворным. Для чего так торопиться, ведь в Олдорандо тебя вряд ли ожидает что-то иное по сравнению с тем, что ты оставил недавно в Грвабагалинен?

Положив поудобнее ноги, посланник взглянул на уверенного в своей цели и спокойного короля снизу вверх и удивленно поднял бровь.

Король Орел расположился неподалеку от посланника, но в отличие от того не лежал, а сидел неподвижно на корточках. Внезапно учуяв слабый запах дыма, он зорко оглядел горизонт в поисках источника запаха. Время от времени он поднимал с земли небольшие камешки и бросал их в пыль перед собой.

Несколько королевских капитанов, среди них королевский оружейник, не смея сесть в присутствии монарха, стояли в отдалении, облокотившись на копья. Кто-то курил вероник, кто-то дразнил Юлия, подталкивая его древком копья.

— Причина для спешки только одна — мы должны добраться до Олдорандо как можно скорее.

Король говорил так, как человек, вещающий непреложные истины и уверенный, что ему не станут возражать. Но Эсомбер не считался с этим.

— Мне и самому охота взглянуть на этот пыльный городишко, в особенности тянет отмокнуть в его знаменитых на весь свет горячих источниках, если они еще не пересохли, — я многое отдал бы сейчас за то, чтобы полежать в горячей ванне минут триста. Но даже мое нетерпение не заставит меня всю дорогу до ванны бежать. В Панновале ты был другим. С тех пор ты сильно изменился, Ян, — куда делся тот веселый нрав, вот что мне хотелось бы знать?

Король с силой швырнул камешек в землю.

— Борлиену необходим союз с Олдорандо, иначе говоря, с Сайреном Стандом. Анатом и астролог, тот, что принес мне часы с тремя циферблатами, говорил, что в Олдо-

рандо мне делать нечего. В тот же миг я понял, что именно это я и должен сделать — я должен пойти в Олдорандо. То же самое говорил мне и отец. Его последними словами перед смертью (а ведь он умер у меня на руках) были: «Иди в Олдорандо». Теперь, когда этот глупец ТолрамКетинет потерял Вторую Армию в Рандонане, мне ничего не остается, как искать союзников в Олдорандо. Судьбы Борлиена и Олдорандо всегда шли рука об руку.

Последний камешек король Орел швырнул особенно сильно, словно поставив им в споре последнюю точку.

В ответ Эсомбер промолчал. Сорвав травинку, он сунул ее в рот и принялся посасывать, внезапно смутившись под пристальным взглядом короля.

Еще через несколько секунд король упруго вскочил на ноги и помахал руками в воздухе, разминаясь. Потом топнул ногой в землю.

— Вот стою я. И пока я буду попирать эту землю, ее сила будет питать мое тело. Я — соль земли Борлиена. Я — сила моей страны.

Подняв руку, он стиснул ладонь в кулак.

Рядом, прямо на солнце, как исхудавший скот стояли фагоры, не выпускающие из рук мушкеты. Несколько двурогих переворачивали камни и разламывали трухлявые пни, чтобы найти в них грабов и улиточников, которые тут же поедались прямо живыми. Другие фагоры стояли совершенно неподвижно, лишь редко поматывая головой или дергая ухом, чтобы отогнать мух. Кусачая летучая мерзость жужжала всюду. Чувствуя непонятное волнение, Эсомбер поднялся и сел.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать, но если это развлекает тебя, то с моей стороны нет никаких возражений, — сказал он сухо.

— Пускай это поможет тебе получше понять таких людей, как я, — проговорил король, критически обозревая горизонт. — По каким бы причинам я ни отказался от королевы МирдемИнгалы, все равно она осталась моей. И если бы я, к примеру, узнал, что ты, Элам, позволил себе какие-то вольности с королевой, пытался вломиться к ней в покои, пока

я спал, тогда я, невзирая на нашу дружбу, убил бы тебя без жалости, а после отрезал бы твоего дружка и повесил на дереве на корм птицам.

Король замолчал. Некоторое время ни он, ни посланник не двигались с места. Потом Эсомбер встал и прислонился к стволу деннисса. Его смазливое худое лицо покрылось смертельной бледностью.

— Я просто хотел узнать, тебе никогда не приходило в голову, что эти твои фагоры, которых ты вооружил сиборнельскими мушкетами, могут испугать своим видом таких простых парней, как я? Что Сайрен Станд не обрадуется, увидев такое чудо в своем городе? Ты никогда не думал, что со временем можешь стать сам похожим на своих фагоров? Здесь есть чего испугаться, верно?

Король медленно обернулся, на его лице не было ни тени интереса к заданным вопросам.

— Смотри.

Внезапно в его глазах мелькнуло выражение глубочайшего презрения и тут же он, глубоко с шумом вздохнув через ноздри, сорвался с места и бросился вперед. На пути короля параллельно земле лежал ствол поваленного дерева на высоте почти четырех футов от земли. Собравшись, король грациозно перемахнул через ствол, исполнив великолепный, почти звериный прыжок. Развернувшись, он разбежался и перепрыгнул дерево обратно, приземлившись почти рядом с Эламом Эсомбером.

Король был почти на голову выше посланника. От неожиданности Эсомбер схватился было за рукоятку меча, но потом, опомнившись, опустил руки и неловко замер. Король смотрел на него с улыбкой.

— Мне двадцать пять, я в отличной форме и на земле я не боюсь ни человека, ни фагора. Мой секрет в том, что я всегда исхожу из обстоятельств. Олдорандо — не более чем одно из обстоятельств на моем пути. Я планирую свои действия, сообразуясь с ними, и из них черпаю силы... Не зли меня, Эсомбер, и никогда не зарься на то, что принадлежит мне, — это свяшенно. Для тебя я — одно из твоих обстоятельств. Противоположное — неверно.

Посланник слегка кашлянул и выдавил из себя бледную улыбку.

— Ты силен, ловок и отлично подготовлен ко всему, настолько, что это просто ужасно, — я убедился в этом. Всемогущий свидетель — я завидую тебе. Досадно, что я и мои викарии, люди, проводящие дни в основном в размышлениях и теоретической деятельности, подготовлены физически гораздо хуже, и потому, конечно, неумышленно, задерживаем тебя в пути. Я часто задумываюсь о том, что молитвы редко когда идут на пользу мускулатуре. Знаешь, мне только что пришла в голову отличная мысль: что, если тебе с небольшой свитой и твоими излюбленными зверями двинуться вперед, со всей той головокружительной скоростью, на которую ты способен, а мы последуем за тобой в хвосте, поспешая так, как можем? Что скажешь?

ЯндоЛанганол взглянул на посланника, сохраняя непроницаемое выражение лица. Потом сильно поморщился.

— Хорошо. Края здесь малообитаемые и мирные, но если что, вам придется защищаться самим. Разбойники редко делают скидку викариям. Помни о том, что везешь мою грамоту с разрешением на развод.

— Езжай вперед, если хочешь, дорогой Ян, и не волнуйся ни о чем. Я доставлю твою грамоту Це'Сарру вовремя и в сохранности.

Взмахнув рукой, посланник выставил ее перед собой для прощального рукопожатия. Рука его так и осталась висеть в воздухе — король не обратил на нее никакого внимания. Вместо этого он, круто повернувшись, свистнул к себе Юлия. Потом крикнул выступать командирше-гиллоте Гххт-Мларк Чзахн. Быстро построившись, колонна нечелов пришла в движение и вскоре исчезла в клубах пыли; следом за ней выступили члены королевской свиты, но рядами уже менее стройными. Вскоре Элам Эсомбер и его викарии остались под сенью деннисса одни. Вокруг воцарилась тишина. Королевский караван исчез, слившись со степью. Раскаленный парой солнц воздух звенел от жары.

Два дня спустя король остановился совсем недалеко от Олдорандо — всего в двух милях от города. Ветер нес по степи клочья дыма от недалекого пожара.

Встав в тени древнего каменного идола, одного из тех, что встречались в степи во множестве, король долго смотрел вперед. Сгорая от желания добраться наконец до места, он все же медлил, заставляя себя размышлять, задумчиво водя пальцем по грубому изъеденному ветрами и непогодой знакомому рисунку, высеченному на камне, — два концентрических круга один в другом, соединенные извилистыми линиями. Он вдруг задумался о том, что мог означать этот идол и рисунок на нем; но поскольку подобные загадки никогда не завладевали его мыслями надолго, король быстро вернулся к проблемам настоящим. Он думал о том, что ждет его в Олдорандо.

До города оставалось не более чем две мили, но ни одной постройки еще не было видно. Все, что лежало впереди, было низкими, совершенно выветренными, волнообразными холмами, началом подножия того, что дальше превращалось в горы Квизинта, образующие прочнейший хребет материка. Прямо перед королем местность пересекал укт, протянувшийся от одной стороны горизонта до другой.

Цвет тропы мади был совсем не зеленым, как того можно было ожидать, а рыжевато-коричневым. Там редко попадались большие деревья, в основном кустарник и циклады, густо оплетенные и опутанные ползучим мантлом, цветущим яркими кричащими бутонами, — мантлом, семена которого вечные странники жевали прямо на ходу.

Укт был шире любой протоптанной человеком дороги. Но ни один человек никогда не пытался путешествовать, следуя маршруту укта. Несмотря на постоянное опустошительное действие, производимое над растительностью укта арангами и флебихтами, он оставался практически непроходимым. Племена мади шли сами и вели своих животных только вдоль внешних краев тропы. Таким образом недочеловеки бессознательно расширяли укт, разбрасывая на своем пути семена и оставляя кал. Год за годом, медленно,

тропа превращалась в протянувшуюся через континент лесную полосу.

Не везде ширина этой полосы была одинакова. Там, где почва была подходящей, ровный как стрела покров леса отмечался буграми чужеродной растительности, вроде шоатапракси, похожей на клочья старой невыпавшей шерсти на шкуре животного во время линьки. Мади либо обходили острова молодого кустарника, либо проламывались прямо через них, оставляя за собой бреши, быстро затягивающиеся новой свежей порослью.

То, что возникло стихийно, стало привычным и непременным атрибутом. Бывало так, что некоторые виды бабочек и мелких животных, обильные с одной стороны укта, не встречались на другой его стороне. Многие птицы, грызуны и смертоносные золотистые змеи с некоторых пор обитали только в укте, никогда не пытаясь выбраться куда-то за его пределы и передвигаясь по материку, следуя только его полосе. Известно было два или три вида проказливых иных, живущих только в тропах мади.

Людьми укт воспринимался только как преграда на пути, досадная или же полезная с точки зрения предохранения себя от вылазок неприятеля, в зависимости от обстоятельств. Так, северная граница между Борлиеном и Олдорандо была отмечена полосой укта.

Но сейчас эта граница была охвачена пламенем.

Излившаяся из недавно проснувшегося вулкана лава, добравшись до укта, положила начало стихийному бедствию. С высоты казалось, что огонь ползет по укту словно по запальному шнуру.

Чуткие приборы Аверна регистрировали каждую деталь вулканической деятельности раскинувшегося внизу мира, приближающегося к своему периастру. В отправленных по радиолучу на Землю данных сообщалось, что пепел, выброшенный во время пика извержения Растиджойника, поднялся на высоту 50 километров. Нижние пепельные слои начали быстро разноситься ветрами в восточном направле-

нии и в результате обогнули Гелликонию всего за 15 дней. Пепел, поднявшийся на высоту более 21 километра, попал в слои стратосферного движения, был унесен на запад и обогнул планету за 60 дней.

Подобные же данные были получены и в отношении других проснувшихся вулканов. Вулканы начинали действовать на редкость вовремя. Пепел, собирающийся в стратосфере, почти в два раза уменьшил альбедо атмосферы Гелликонии, увеличив ее отражательную способность, в результате чего путь для некоторой части лучей Фрейра на поверхность планеты оказался закрыт, и жара на ее материках стала не такой невыносимой. Таким образом, чуткая геосфера планеты, действуя как предохранительный клапан машины, предотвращала существующую жизнь от совершенного уничтожения.

В течение самых тяжелых десятилетий, когда Гелликония сблизится с Фрейром более всего, пепельные облака должны будут предохранять ее от испепеляющего жара гигантского светила.

Обитатели Аверна, будучи непосредственными свидетелями этого необычайного, поистине космического масштаба явления природы, взирали на него с гораздо большим интересом и замиранием сердца, чем земляне.

На Гелликонии вспыхнувшие почти одновременно на различных континентах многочисленные лесные пожары означали конец для множества живых созданий. Но с глобальной точки зрения взрывы гор и пожары можно было расценивать как стихийную самопроизвольную реакцию планеты-матери, стремящейся защитить зародившуюся на ее поверхности органическую жизнь.

В небольшой ложбине между двумя невысокими холмами решено было устроить привал и переждать пожар. Клубы дыма, тянущиеся с востока, знаменовали собой приближение огня. То и дело между крайними деревьями укта среди зарослей кустарника мелькали густошетиные дикие свиньи или косули, убегающие от пламени на восток. Жалобно

блеющие на разные голоса флехихты обыкновенно спасались небольшими стадами.

Наверху, перемахивая с ветви на ветвь и совсем по-человечески подгоняя шлепками молодежь, проносились семейства иных. Мелькнув перед глазами пережидających огонь наблюдателей, они моментально скрывались в зарослях.

Король ЯндолАнганол, как обычно в эти дни сгорающий от нетерпения, поднялся, чтобы поглядеть на спасающуюся от пожара дичь. Рунт Юлий, играя, прыжками последовал за своим хозяином. Фагоры продолжали отдыхать, невозмутимо и неподвижно, как скот, пережевывая жвачку дневного рациона, кашу и пеммикан.

От огня спасались не только дикие животные — перепуганные пожаром, на восток бежали также и создатели укта, мади, угоняя свой скот. Чувствуя приближение страшного бедствия, домашний скот мади метался в зарослях лесной полосы, в то время как сами недочеловеки, не теряя времени на то, чтобы ловить своих бестолковых животных, как и прежде, следовали только вдоль границы растительности.

— Глупцы, как они слепы! — воскликнул ЯндолАнганол.

В его голове быстро сложился план. Выбрав себе в помощь с десятков фагоров посметливее, король устроил на пути мади засаду. Как только очередное племя дошло до условленной черты, путь им преградила внезапно поднявшаяся с земли прочная веревка, прежде замаскированная лианами и колючками. Все племя растерянно остановилось.

Лица мади чем-то напоминали попугаев. Скошенные назад лбы и подбородки, выступающие клювообразно вперед носы придавали пустынным вид вопросительный и недоверчивый. У самцов имелись небольшие утолщения-выступы на лбах и подбородках. Волосы у мади были коричневыми и блестящими. Они перекликались друг с другом полными отчаяния голубиными голосами.

По команде короля из засады выскочила группа фагоров. Каждый фагор бросился к заранее выбранному им для себя мади. Каждый двурогий схватил двух или трех странников за руки. Мади даже не пытались сопротивляться. Гил-

лота поймала вожака асокинов, у которого на груди висел колокольчик. Самки асокинов покорно двинулись следом за самцом.

Наконец мади опомнились и попытались бежать. Ударам кулака король ЯндолАнганол сбил двоих из них с ног. Те, кого он ударил, остались лежать в пыли, проливая слезы. Остальные смирились, и им не причинили никакого вреда.

Король со своими сопровождающими прошли сквозь укт, используя в качестве тарана свою добычу. Фагорам же было все равно — их толстая шкура, поросшая густой шерстью, была нечувствительна к самым острым колючкам и шипам. Следуя за мади, они пересекли укт и когда огонь наконец показался, они давно уже были в безопасности.

Прибывший в столицу королевский караван своим видом больше напоминал шествие пастухов, чем королевскую свиту. Пленники-мади были окровавлены колючками укта, людям досталось не меньше. Король был покрыт пылью с головы до ног.

Лежащий в самом центре Кампаннлата на берегах реки Валворал, соединяющей его с Матрассилом и далее с морем, Олдорандо был городом путешественников. Те из них, что появлялись здесь не для поклонения, молитв и очищения, приходили сюда с целью торговли.

В облике города отчетливо проступало его древнее происхождение. Район Холивал, протянувшийся по диагонали с юго-запада на северо-восток, поднимался над разросшимися, как сорная трава, рынками и торговыми площадями подобно изъеденному непогодой утесу. В Холивале находился Старый Город с его удивительными семиэтажными башнями, в которых традиционно обитали деятели культа разных рангов — от низшего до самого высокого. Здесь находились также и Академии, где правили женщины. Сюда стекались нищие, бродяги и юродивые, бьющие себя кулаками во впалые груди. Здесь располагались тенистые дворики и прохладные молельни, спрятанные глубоко под землей, тут же находился Собор и прилегающие к нему монастыри, здесь же, наконец, стоял дворец короля Сайрена Станда.

Бытовало мнение, в особенности среди тех, кто проживал в непосредственном соседстве с Холивалом, что второго такого места нет во всем свете, ибо только здесь в такой близости могли существовать святость и низменность, человеческая клоака и чистота помыслов.

Однако при всей внешней неприступности и помпезности ветхие стены Холивала имели множество разнообразных лазеек и дверей. Часть дверей открывалась только по поводу крупных праздников и церемоний. Сквозь другие в Священный Город попадали только лица особо привилегированные и посвященные. Иные двери предназначались только для мужчин, иные для женщин — но не для фагоров, ибо двурогие всегда были заклятыми врагами Холивала. При всем этом большая часть дверей использовалась постоянно, пропуская в себя любую светскую душу, даже самую падшую. Так, воздвигнутый между святостью и грехом барьер, как и условная грань между жизнью и смертью, могла быть с легкостью преодолена любым.

Как и везде, здесь процветали хитрые и ловкие, честные же жили как могли, борясь за свое существование. Всего из общего населения города, составляющего восемьсот девяносто тысяч человек, церковники и прислужники Акханаба составляли около ста тысяч. Почти столько же в городе было рабов. Среди жителей встречались как суровые приверженцы веры, так и совершенные безбожники.

Встреча короля ЯндолАнганол была обставлена в излюбленном олдорандском стиле: от южных ворот карета в сопровождении почетного эскорта гонцов, одетых в костюмы цвета неба и золота, должна была доставить Орла во дворец Сайрена Станда.

Король ЯндолАнганол отказался от кареты и вместо того, чтобы проследовать по предполагавшемуся триумфальному маршруту вдоль улицы Возен, направил свой пропыленный караван в Паук. Паук был очень уютный, расположенный у подножия холма райончик, состоящий в основном из кабачков, таверн, постоянных дворов и небольших рынков, где купцы с удовольствием покупали любых животных и, кроме того, недочеловеков.

— В Эмбруддоке мади сейчас не пользуются особенным спросом, — сказал королю торговец, тертый калач, называя Олдорандо его старинным именем. — Мади здесь сколько угодно, но, как и нондады, они никудышные работники в отличие от фагоров. Увы! — в этом городе запрещено торговать фагорами.

— Мне нужно продать этих мади вместе со всеми их животными — называй твою цену, купец, иначе я отправлюсь еще куда-нибудь.

Ударили по рукам, и мади были проданы в рабство, а животные отправлены на бойню. Король был вполне доволен сделкой. Теперь у него были деньги для того, чтобы подготовиться к встрече с королем Сайреном Стандом. Когда он вступал в город, в карманах у него едва ли нашлось бы несколько рун. Путешествие из Матрассила обошлось в круглую сумму и совершенно опустошило и без того тощую казну.

Построившись в колонну, Первый Фагорский прошествовал наконец по улице Возен, где короля Борлиена давно уже поджидали толпы народа. При появлении короля Орла и Юлия из толпы послышались приветственные крики. Правитель Борлиена пользовался популярностью среди низшего сословия Олдорандо, даже несмотря на его связи с официально гонимыми фагорами. Простому народу нравился тот разительный контраст, который составлял этот живой, энергичный человек с их местной знатью, по преимуществу упитанной и ленивой, состоящей из многочисленных родственников ныне правящего короля.

Среди простолюдинов попадались и деятели культа. Клирики размахивали транспарантами «ПОКАЙТЕСЬ В ГРЕХАХ СВОИХ», «КОНЕЦ СВЕТА БЛИЗОК», «ПРИДИ К БОГУ, ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ ВРЕМЯ». В Олдорандо, как и в Борлиене, да и везде, Церковь ловко пользовалась тревожным временем, чтобы призвать в свое лоно пока еще сомневающих.

Пыль летела из-под ног фагоров и копыт лошадей. Марш продолжался. Мимо древней пирамиды Дэннисса. Через ме-

стечко Возен. По широкой площади Лойлбрайден. Через площадь и, по мосту над бурливым потоком, в Парк Свистуна. За парком перед борлиенцами предстали Великий Собор Страстотерпцев и выложенный разноцветной мозаикой дворец правителя страны. В центре дворцовой площади, в золотом павильоне, Орла ожидал правитель Олдорандо, король Сайрен Станд.

Рядом с королем восседала королева Базкаарнет-она, облаченная в серый кидрант с черными розами. На голове у нее красовалась золотая корона, украшенная драгоценными камнями, впрочем, весьма неудобная. Между их величествами, на маленьком стульчике, сидела их дочь, вторая и последняя, Милуя Тал. Ожидающая гостя в тени павильона троица представляла собой гротескный символ роскоши и приводящего в священный трепет могущества; толпа придворных потела позади трона на солнцепеке. В невыносимо жарком воздухе жужжали мухи. Оркестр заиграл бравурный марш. В качестве почетного караула стояло несколько престарелых военных чинов в сверкающей роскошной униформе с траурными черными повязками на руках. При появлении короля Орла они отдали ему честь мечами. Милиция в переулках сдерживала толпу, не давая ей выйти на площадь.

Двор Олдорандо славился своей невыносимой приверженностью к формальностям. Правда, Сайрен Станд, зная своего царственного соседа, сделал все, чтобы сократить полагающуюся по этикету процедуру приветствия. Однако на площади в толпе придворных имелись высшие чины королевского совета и церковные дигнитарии в торжественных одеждах, сгорающие от нетерпения лично пожать королю ЯндолАнганолу руку и поцеловать его в щеку.

Выступив на середину площади, пропыленный король остановился и с вызовом осмотрел строй вышедших приветствовать его. Его капитаны и горбун-оружейник стояли рядом с ним.

— Такой прием достоин быть упомянутым в анналах исторических хроник, кузен Станд, — приветствовал он правителя Олдорандо.

На Сайрене Станде был чарфрул полувоенного образца по подобию формы его офицеров, с такой же траурной повязкой на руке. Поднявшись с трона, правитель Олдорандо сделал несколько шагов навстречу королю ЯндолАнганолу, протянув ему руки. Король Орел коротко кивнул, не изъявив особого стремления обниматься. Недалеко от короля неподвижно стоял Юлий, время от времени хлюпая носом.

— Во имя Всемогущего, я приветствую тебя. Двор Олдорандо рад видеть короля Борлиена, прибывшего с братским и дружественным визитом в нашу столицу. Будем надеяться, что волей Акханаба наша встреча закончится более чем плодотворно.

— Во имя Всемогущего, приветствую тебя. Благодарю тебя за сердечный прием. Сожалею о безвременной кончине твоей дочери, Симоды Тал, моей невесты, и скорблю вместе с тобой.

Пока король ЯндолАнганол говорил, его лицо оставалось неподвижным и жил только взгляд его глаз из-под темных бровей, быстро рассматривающих придворных и королевскую семью. Сайрену Станду он никогда не доверял. После приветствия, взяв гостя под руку, король Станд провел его вдоль строя дигнитариев, которым было позволено пожать тяжелую руку соседского короля и прикоснуться губами к его пыльной щеке.

По напряженной позе и отрывистой речи короля Олдорандо было видно, что тот задумал против гостя недоброе. Сознать это было мучительно. И в душе, и в сердце этого человека все было источено лютой ненавистью. Смерть дочери оказалась невыносимой для короля Олдорандо, его разум помутился и трагедия требовала немедленного разрешения.

Сразу после приветствий придворных мужей наступила очередь королевы, которая подошла к Орлу, прихрамывая и ведя рядом с собой под руку дочь, Милую Тал. Глаза Базкарнет-она потухли, но вместе с тем в выражении ее лица было нечто, что неприятно задело короля ЯндолАнганола. Он вспомнил бытующее среди людей выражение: «Стоит

хоть раз попробовать женщину мади, и тебе никогда не захочется другой».

Лица королевы Базкаарнет-она и ее дочери удивительно напоминали облик птиц, попавших в неволю, что было так свойственно их народу. В крови Милуи Тал имелась изрядная доля человеческой крови, но, несмотря на это, она казалась совершенно экзотическим существом, темнокожей красоткой, редкостным бриллиантом с парой огромных глаз, сияющих по сторонам от загнутого клювом носа. Пока мать представляла девушку гостью, та смотрела королю Орлу прямо в глаза, и он понял значение этого взгляда — это был Взгляд Согласия.

Как приятно ему было среди этой огромной толпы увидеть единственное милое лицо.

— Ты очень похожа на свою сестру, в особенности на тот ее портрет, что она прислала мне. Но нет — ты еще красивее, — сказал он ей.

— Мы с Симодой были очень похожи, хотя и во многом отличались друг от друга — это обычно для сестер, — отзывалась Милуя Тал. Музыка ее голоса заставила его подумать о многом: о кострах в ночи, о маленькой Татро, о голубях в деревянной башне.

— Бедняжка Милуя потрясена убийством своей сестры, так же как и все мы, — вставил слово король, издав в заключение звук, больше всего похожий на отрыжку. — Мы разослали людей по всему матерiku и гораздо дальше, они всюду охотятся за убийцей, который под обличем мади сумел пробраться во дворец.

— Это тяжелый удар и для меня тоже.

— Что ж, на следующей неделе состоится Священный Совет, где будет специальная служба в память о моей усопшей дочери. Сам Преосвященный Це'Сарр обещал почтить своим присутствием эту церемонию. Это известие несколько нас ободрило. Ты, кузен, можешь остаться с нами и присутствовать на Совете. Я приглашаю тебя. Преосвященный будет рад личной встрече с таким высоким и преданным слугой Церкви, правителем доминанта своей Империи, — а

тебе, я уверен, будет в любом случае полезно встретиться с Преосвященным, по причинам, понятным тебе самому. Ты уже встречался с его святейшеством?

— Я хорошо знаком с его посланником, Эламом Эсомбером. Кстати, он скоро должен быть здесь.

— Ага. Да, гм. Эсомбер. Умная голова и хитрая бестия.

— И авантюрист, — добавил ЯндолАнганол.

Оркестр заиграл новую тему. Короли проследовали через площадь ко дворцу, и через некоторое время ЯндолАнганол обнаружил, что Милуя Тал как ни в чем не бывало идет рядом с ним. Когда он взглянул на нее, она открыто ему улыбнулась. Он сказал ей заговорщическим тоном:

— Госпожа, если вы проявите милость сказать мне, сколько вам лет, я сохраню это в строжайшей тайне.

— Ах, и вы такой же, как все, — этот вопрос я слышу чаще всего, — весело откликнулась она, ловко уклоняясь от прямого ответа. — Следующим будет: «Вам нравится быть принцессой?» Обычно люди, угадывая мой возраст, специально прибавляют мне лет, и на самом деле оказываются правы. Нынешняя жара благоприятствует развитию организма во всех отношениях. Вот уже несколько лет мне снятся совершенно взрослые сны. Представляете, мне недавно приснилось, что меня сжимает в своих объятиях неотразимый огненный бог! Ну не удивительно ли это?

Нагнувшись к симпатичному ушку принцессы, король Орел прошептал, принимая игру:

— Прежде чем я позволю себе явиться в обличье этого самого огненного бога, я все-таки хотел бы получить ответ на свой вопрос. Я дал бы вам не больше девяти лет.

— Мне девять лет и пять теннеров, но сейчас в моде не года, а страсти.

Длинный портик дворца, с полированными колоннами из раджабарала, был высотой в три этажа. Яркая, искусно выгнутая крыша, была выложена голубой черепицей, сделанной гончарами кейце. Дворец Олдорандо впервые был отстроен триста пятьдесят малых лет назад, после того, как город был частично разрушен во время нашествия фагоров;

с тех пор он неоднократно перестраивался и реставрировался, в результате чего о первоначальной планировке судить было практически невозможно. Украшенные сложной резьбой ставни заслоняли от света солнц внутренность дворцовых залов. Подобная же резьба украшала и двери, но здесь на деревянные панели было наложено чеканное серебро. Внутри дворца ударили в цилиндрический гонг, двери величественно растворились, и Сайрен Станд пригласил гостя пройти внутрь.

Потом последовали два дня банкетов и пустых цветистых тостов. Было отдано должное купальням с водой из горячих источников, которыми так славился Олдорандо. В Соборе была устроена благодарственная служба, на которой присутствовали многие высшие церковные дигнитарии. Певчие были выше всяких похвал, облачения церковников поражали своей роскошью, мрак в подземном святилище Акханаба наверняка заслужил бы одобрение самого Бога. ЯндолАнганол от души молился, пел, говорил, послушно участвовал во всех необходимых по протоколу церемониях, не пропуская ни одной.

Странный гость вселял неуверенность в любого, кто пытался с ним заговорить, и никто не смел смотреть ему открыто в глаза. Зато его глаза внимательно изучали лица всех встречаемых. Становилось понятно, отчего его прозвали Орлом.

Он лично проследил за тем, чтобы его Первый Фагорский Полк был с удобством расквартирован. Для города, в котором фагоров люто ненавидят, его двурогих оделили вполне сносным фуражом. На противоположной Собору стороне площади Лойлбрайден начинался Парк Свистуна, который, вместе с близлежащими районами, кольцом опоясывал Валворал. Здесь и разместился Первый Фагорский Полк. В парке росли редкостные деревья борассимы. Здесь же находился «Ежечасный Свистун», прославленный на весь Кампаннлат. «Свистуном» назывался гейзер, каждый час с удивительной регулярностью выбрасывающий в небо струю воды с характерным высоким свистом. Было известно, что «Сви-

стун» существовал если не в течение тысяч, то уж точно сотен лет, и каждый час его свист разносился среди деревьев. Говорили, что и мера времени «час», состоящий из сорока минут, была когда-то взята именно по той длине временного отрезка, которую отмеряла бьющая из земли струя воды.

На окраинах парка имелись красивейшие древние постройки, например, знаменитые семиэтажные башни, и более современные разнообразные павильоны, не уступающие по красоте старинным. Четыре моста, ведущие в парк, тщательно охранялись — фагорами с внутренней стороны и людьми-солдатами с наружной, с тем чтобы никто не мог проникнуть в парк с целью причинить фагорам вред.

Довольно скоро слух о том, что в парке квартируются двурогие, разнесся по городу, и на том берегу канала стала собираться толпа желающих поглазеть на строевые занятия фагоров. Отлично вымуштрованные и добродушные воины гвардейского полка короля Борлиена разительно отличались от образа, сложившегося в общественном воображении, рисовавшем фагоров богоподобными существами, несравненно скачущими на своих рыже-красных верховых животных, разъезжающими по долам и весям с невероятной быстротой и несущими смерть и разрушения на головы простых людей. Но создания, стройными рядами марширующие по аллеям парка и ловко выполняющие повороты, имели мало общего с богами.

Устроив свои когорты, ЯндоЛанганол, возвращаясь во дворец, чувствовал, что его что-то гнетет. Фагоры нервничали и были чем-то обеспокоены. Он говорил с предводительницей фагоров Чзахн, но не сумел добиться от той ничего, кроме того, что вокруг казарм ее собратьев необходимо выставить регулярный караул.

Король Орел предположил, что, возможно, двурогих беспокоит резкий ежечасный звук Свистуна. Постаравшись ободрить фагоров как мог, он ушел, а с ним затрусил его рунт. Воздух был невыносим из-за сернистых паров извергающегося неподалеку вулкана.

Милюя Тал встретила его перед серебряными воротами дворца. За прошедшие дни он чрезвычайно полюбил ее ве-

селую задорную компанию и уже не мог обходиться без ее успокоительного птичьего щебета.

— Прибыл кое-кто из ваших друзей. По их словам, они церковники, но в этом городе все имеют то или иное отношение к церкви. Тот человек, что у них главный, совершенно на церковника не похож. Для церковника он чересчур красивый. Он странно посмотрел на меня, очень дерзко. Как вы относитесь к дерзким людям, ваше величество? Как вы считаете, я очень дерзкая? По крайней мере мне самой кажется, что да. А какое ваше мнение?

ЯндолАнганол рассмеялся.

— Да, вы дерзкая, с этим я не спорю. Впрочем, этим пороком грешат многие люди, включая и некоторых, имеющих отношение к церкви. Они дерзкие и очень избалованные.

— Значит, чтобы выделяться из толпы, стоять над нею, нужно быть исключительно дерзким? Или избалованным?

— Прекрасное логическое заключение.

— А вы стоите над толпой по той же причине?

Ручка Милуи скользнула в его ладонь, и он осторожно пожал ее.

— Нет, причина не только в этом.

— Я очень часто разочаровываюсь. Вы знаете о том, что мы нашли мою сестру мертвой, сидящей в кресле. Снаружи крови вообще не было видно. И это по-настоящему меня разочаровало. Я воображала себе лужи крови. Вообще я представляла себе, что, умирая, люди мечутся и принимают самые невероятные позы, ведь им наверняка больно уходить из этого мира. Кому такое понравится.

— Как была убита ваша сестра? — ровным голосом спросил король ЯндолАнганол.

— Зиганкис, да неужели вы не знаете? Ее закололи прямо в сердце рогом фага. Папа говорил, что это был рог фага. Ударили прямо в грудь, и рог прошел сквозь одежду и все остальное и попал прямо в сердце.

Милуя с любопытством взглянула на Юлия, плетущегося чуть позади хозяина, но рога у рунта были спилены.

— Вы сильно испугались? — спросил король Орел.

Принцесса презрительно хмыкнула и гордо на него посмотрела.

— Я никогда не думаю о страхе. Я думала о том, как она умирала, сидя вот так, совсем прямо. Глаза у нее так и остались открытыми.

Вместе они вошли в парадный зал дворца, стены которого были завешены богатыми гобеленами. Благодаря Милуе, ЯндолаАнганол был готов к появлению посланника Святейшего, Элама Эсомбера, и его небольшой «кучки ви-кариев», как сам посланник изволил выражаться о своей свите. «Кучка» уже находилась в окружении высшего света олдорандских придворных, и от этой пестрой массы исходило вежливое гудение приветственных голосов.

Орлиный взор короля сумел проникнуть за спины присутствующих, обнаружив там еще одну знакомую фигуру, при появлении короля метнувшуюся в боковую дверь, но на бегу обернувшуюся, да так неловко, что глаза его встретились с глазами короля. Фигура исчезла, и дверь за ней затворилась.

Завидев короля, Эсомбер вежливо оставил свою компанию и с неизменной лукавой улыбкой на устах двинулся к ЯндолаАнганолу, чтобы раскланяться с ним.

— Вот мы и прибыли, Ян. Одна вывихнутая нога, один случай отравления дурной пищей, общая грязь и неописуемое желание забраться в горячую ванну, а в остальном — без потерь. Несколько поистрепались за время долгого путешествия по вашей вотчине, это само собой...

Король и посланец обнялись, только ради проформы.

— Рад видеть тебя в добром здравии, Элам. Здешние горячие ванны сильно сдали по сравнению с моими предыдущими визитами — но надеюсь, что ты разочарован не будешь.

Эсомбер с улыбкой взглянул на рунта, стоящего по правую руку от короля. Протянув было руку, чтобы похлопать его по плечу, он вдруг отдернул ладонь.

— А ты не кусаешься, приятель?

— Я воспитанный, — пробурчал Юлий.

Эсомбер поднял бровь.

— Хочу, чтобы ты правильно понял меня, Яндол. Осмелюсь намекнуть тебе на то, что вся эта здешняя публика — очень чопорный народец, начиная от Сайрена Станда и заканчивая последней кухаркой, они не станут долго терпеть рядом с собой черт знает что, даже очень воспитанное. Сейчас в деревнях повсюду устраиваются крестовые походы — кстати, совсем неподалеку от Олдорандо. Говорят, что причиной этих походов является твоя расстроившаяся помолвка, так я слышал...

— Мне никто ничего не говорит — хотя теперь, может быть, и скажут, ведь скоро в Олдорандо прибывает Це'Сарр. Так что ванну тебе лучше принять сегодня же. Кстати, я только что видел здесь моего бывшего придворного советника, СарториИрвраша. Что он здесь делает, ты не знаешь?

— Гм. Да, кое-что слышал.

Эсомбер почесал пальцем кончик своего изящного носа.

— Вскоре после того, как мы с тобой, Ян, расстались, и ты ушел вперед во главе фагорской пехоты своим бравым и скорым походным шагом завоевателя, СарториИрвраш в сопровождении одной леди, кстати, сиборнелки по происхождению, присоединился к моему маленькому отряду викариев. Они ехали на хоксни. Весь остаток пути они проделали вместе с нами.

— Зачем он приехал в Олдорандо, по какому-то делу?

— Может быть, тоже бани?

— Сомневаюсь. Попробуй угадать еще раз. Он что-нибудь говорил тебе?

Прежде чем ответить, Элам Эсомбер устремил взгляд в пол, словно напряженно пытаясь поймать за хвост ловко ускользающую мысль.

— Зиганкис, от тряской дороги у меня в голове стало пусто, как в пустом ведре. Гм... я действительно ничего по этому поводу не могу припомнить. Может быть, будет лучше, если ты спросишь его сам?

— Откуда он едет, уж не из Гравабагаалинена часом? Чем он там занимался?

— Государь, возможно, его и его даму потянуло взглянуть на море, я слышал, что перед смертью это со многими случается.

— Тогда Сартори можно поздравить — его предчувствие наверняка окажется верным, — негромко проговорил ЯндолАнганол. — Сегодня вечером, Элам, ты свободен?

— К сожалению, нет. Мои ноги уже почти не держат меня и голова, как я уже говорил, в ужасном состоянии — все плывет перед глазами. Я собираюсь принять ванну и как следует подкрепиться — вот, скажем, завтра к середине дня я буду в полном твоём распоряжении. В заключение, Ян, хочу уверить тебя, что с твоим бывшим советником я ни в какие сговоры против тебя не вступал.

Мужчины смерили друг друга взглядами.

— Но в одном вы с ним вполне могли найти общий язык — ведь и ты и он мечтаете только об одном: как бы поскорее избавить мир от фагоров.

— Об этом мечтаем не только мы с ним, но и большинство честных и благородных людей нашей Империи. С фагорами дрались еще наши отцы.

— Не тебе об этом говорить, — холодно заметил ЯндолАнганол.

Отвернувшись от посланника, ЯндолАнганол подошел к группе придворных, облаченных в роскошные вышитые чарфрулы, с замысловатыми прическами на головах, окруживших короля Сайрена Станда и почтительно внимающих ему, что королю явно льстило. Перед владыкой Борлиена придворные расступились, позволив ему беспрепятственно пройти к королю Олдорандо. К ним немедленно подлетел невесть откуда взявшийся слуга с серебряным подносом в руках и с поклоном предложил принять кубки с вином, охлажденным льдом. Король ЯндолАнганол неудачно повернулся; ловко инсценировав неуклюжесть, он выбил поднос из рук слуги.

— Та-та-та, — проговорил Сайрен Станд. — Не обращайтесь внимания, сейчас все будет в порядке. Чего-чего, а вина у меня предостаточно. И льда тоже. Особенно много льда стало после того, как за дело взялась одна весьма энергичная

леди — ледяной капитан, можешь себе представить? Ее зовут Имия Мунтрас. Вот так изменяется мир, и ничего не поделаешь, ко всему приходится привыкать.

— Брат-король, прошу прощения за то, что прервал вашу светскую беседу, но мне показалось, что ты привычаешь в своем дворце моего бывшего советника, от которого я сам поспешил в свое время избавиться и которого с тех пор считаю своим недругом, в особенности после того, как он бежал в Сиборнел и вступил там в лагерь наших исконных врагов. Я говорю о СарториИрвраше. Что он делает в твоём дворце? Быть может, он привез тебе тайное послание от моей бывшей жены, МирдемИнггалы?

— Человек, о котором ты говоришь, появился в моем дворце всего лишь двадцать минут назад, в компании с одним духовным лицом прекрасной репутации — кажется, его зовут Элам Эсомбер. Он попросил меня предоставить ему убежище, и я дал согласие. Вместе с ним была его женщина. Но если у тебя есть по его поводу сомнения, то я устрою так, чтобы во дворце и духу его не было — их устроят где-нибудь в городе.

— Эта его женщина — сиборнелка. Зная его, я думаю, что он здесь не случайно и наверняка замыслил против меня что-то недоброе. Где его сейчас можно найти?

— Дорогой брат, думаю, что ни тебе, ни мне не пристало интересоваться такими вопросами. Ночной мотылек должен держаться темноты, так у нас говорят.

— Так ты не скажешь, где он остановился? Ты решил защитить его от меня? Прошу тебя, будь со мной откровенен.

Сайрен Станд опустилсЯ на свой трон с высокой спинкой.

— Здесь становится жарко. Предлагаю всем выйти освежиться, пока мы не схватили тепловой удар.

Жестом он велел жене оставить его с королем Борлиена наедине.

Они двинулись по коридору с полукруглым арочным потолком, за ними шел только рунт Юлий. Сад был освещен укрытыми в нишах факелами, стоящими в искусно выполненных чеканных сосудах. В этом дворце не любили сквоз-

няков, и потому пламя факелов горело ровно, почти неподвижно. Над аккуратно расчищенными дорожками висел сладковатый смолистый дух.

— Мне не хотелось бы чем-то испортить тебе настроение, брат Сайрен, — сказал ЯндолАнганол. — Ты должен понять, что здесь, в Олдорандо, у меня наверняка есть враги, которых я не знаю, и с этим ничего не поделаешь. Но в такой ситуации мне не хотелось бы иметь около себя врага, которого я знаю очень хорошо. Мне достаточно было один раз взглянуть на СарториИрвраша, чтобы понять, что от него надо ждать беды. Уверен, что ты согласишься со мной.

Сайрен Станд отлично умел держать себя в руках.

— Надеюсь, ты знаешь, — заговорил он холодно, — что простой народ моей страны смотрит на твоих борлиенцев — и по моему мнению, в этом есть доля справедливости, понимаешь, о чем я говорю? — как на самых настоящих дикарей. Как я ни стараюсь, я не могу изжить этого мнения в своем народе, хотя и пытался даже привить им родственные чувства к вам как к нашим братьям по вере.

— Так как же с ответом на мой вопрос?

— Дражайший брат, могу я, в свою очередь, спросить тебя, сколько можно изводить нас этим маленьким фагом — ты специально таскаешь его всюду с собой, чтобы оскорбить меня и мою королеву?

От такого неожиданного поворота разговора король ЯндолАнганол несколько смешался.

— Но он у меня вместо... вместо собаки, к примеру, гончей. Ночью он спит у дверей моих покоев и лает, если кто-то проходит снаружи по коридору.

Сайрен Станд резко остановился и впился напряженным взглядом в кусты.

— Наши страны сейчас переживают тяжелые времена — у меня неприятности с кейце, у тебя, если верить доходящим до меня слухам, дома в Матрассиле тоже не все спокойно, и нам не стоит затевать ссору. Но об одном я настоятельно хочу тебя попросить, чтобы ты больше никогда не приводил эту тварь в мой дворец, тем более что весь двор

настроен против него и я, при всем моем желании, ничего не могу с этим поделать.

— Почему ты ничего не сказал мне об этом два дня назад, когда я только что приехал?

Король Олдорандо тяжело вздохнул.

— Первые два дня гостю оказывается особый почет, таков наш обычай. Вот тебе и ответ. Довольно скоро в мой город прибывает Святейший Це'Сарр, прими во внимание, пожалуйста, и это. Принимать его святейшество в своем дворце — это великая честь, но также и огромная обязанность. Его святейшество не станет терпеть фагоров рядом с собой. С тобой непросто ладить, Яндол. Вот почему я предлагаю тебе, в том случае если все твои дела в этом городе окончены, завтра же отбыть обратно к себе на родину, избавив нас от вида твоих животных.

— Значит, я больше не желанный гость в Олдорандо? Не ты ли сам приглашал меня остаться в твоём дворце вплоть до самого визита Це'Сарра? Какой такой яд СарториИрвраш накапал в твои уши?

— Я хочу, чтобы ничто не омрачило посещение его святейшеством моей столицы, и приложу к этому все усилия. Возможно, причина здесь кроется в том, что мое государство в отличие от твоего граничит с Панновалом, и потому союз с ним для меня важнее, чем для тебя. Честно признаться, Яндол, в этой части мира фагоры и их приспешники не пользуются широкой народной любовью. Так что, если у тебя не осталось больше никаких дел, то завтра мы можем по-доброму распрощаться.

— А если у меня еще есть дела, то что тогда?

Сайрен Станд откашлялся.

— Дела? Какие же? И ты и я, мы оба верующие люди, Яндол. Пойдем же помолимся и вместе примем бичевание, а утром распрощаемся как друзья и союзники. Согласись, ведь так будет лучше для всех. Тебе самому будет приятно вспомнить свое посещение нашего города, если, конечно, его не омрачат никакие неприятности. Я прикажу снарядить для тебя корабль, на котором ты сможешь быстро спу-

ститься по Валворалу до самого Матрассила — окажешься дома, не успев и глазом моргнуть. Чувствуешь, как прекрасно пахнет цветущим сандалом? В самом деле, какой чудесный запах.

— Да, пахнет хорошо.

Король ЯндолАнганол сложил руки на груди.

— Ну что ж, если ты, Сайрен, так настаиваешь, и причиной всему действительно является твоя глубокая вера, которую мое присутствие так оскорбляет, то завтра же я и моя свита откланяемся и избавим от себя ваш святой город.

— Очень печально, что все так вышло, Яндол. Мне в самом деле грустно с тобой расставаться. Королева и принцесса будут очень огорчены.

— Ну а теперь, коль скоро я удовлетворил твою просьбу, пойди и ты мне навстречу и ответь на мой вопрос — где СарториИрвраш?

Неожиданно король Олдорандо выказал характер.

— Зря ты так плохо думаешь обо мне. Ты хотя бы задумался над тем, что не стань моя дочь твоей невестой, может быть, она сейчас была бы в добром здравии? Убийство явно носило политическую окраску — ведь у несчастной девочки не было врагов! И вот теперь, после того, как моей дочери не стало, ты позволяешь себе являться в мой дворец с этим волосатым чудовищем и еще удивляешься, что тебя здесь принимают без восторга.

— Сайрен, я никогда не кривил перед тобой душой. Я сожалею о том, что Симода погибла, и для меня самого это большое горе. Если мне удастся найти убийцу, я знаю, что с ним сделаю. Но не отяжеляй мое горе, взваливая на меня еще одно напрасное обвинение.

Сайрен Станд положил свою ладонь на руку короля Орла.

— Не принимай все так близко к сердцу, и вот еще что: ты напрасно о нем беспокоишься — я имею в виду этого твоего бывшего советника, СарториИрвраша. Мы предоставили ему несколько комнат в обители для странствующих монахов, той, что находится позади дворца рядом с Собором. Думаю, что там ты сможешь его застать. Мы не враги с

тобой, Яндол, и с твоим советником я не имею никаких дел. Это не в моих правилах. Прошу тебя, Ян, уезжай завтра, — так будет лучше для всех.

Короли церемонно поклонились друг другу, и ЯндолАнганол направился в свои покои в одном из флигелей дворца, сопровождаемый понуро плетущимся Юлием.

Пол в комнате короля Анганола был покрыт навощенным паркетом, а стены по его вкусу были завешены простыми гобеленами без рисунков, но явно очень дорогими. Остановившись у дверей комнаты одного из своих капитанов, он постучал. Никакого ответа — в комнате никого не было. Под влиянием какого-то внутреннего порыва он прошел до комнаты Фарда Франтила и постучал. Королевский оружейник был у себя. Сидя на кровати, горбун чистил сапоги; заметив, кто к нему пожаловал, он немедленно вскочил на ноги. У окна неподвижно и молчаливо стоял часовой-фагор с копьём в руке.

Желая быстрее перейти к делу, король ЯндолАнганол не стал терять времени на подготовительные фразы.

— Ты тот человек, что мне нужен. Ты родился в Олдорандо, знаешь этот город как свои пять пальцев и знаком с местными обычаями. Я хочу поручить тебе одно дело. Завтра мы уезжаем. Отъезд, как ты видишь, неожиданный, но тут ничего не поделаешь. Мы возвращаемся обратно в Матрассил по реке.

— Какие-то неприятности, сударь?

— Да.

— Он очень хитер, этот король Станд.

— Это не твое дело. Я хочу увезти с собой СарториИрвраша, он будет моим пленником. Сейчас он здесь, в городе. Я хочу, чтобы ты выследил его, схватил и тайно доставил вот в эти самые покои. Было бы лучше сразу перерезать ему глотку — но тогда выйдет много шума, а скандал мне не нужен. Понял, что я сказал? Его нужно доставить сюда так, чтобы никто не видел.

Нахмурившись, Фард Франтил быстро заходил взад-вперед по комнате.

— Это невозможно сделать, ваше величество. Просто невозможно. Ни под каким видом. Закон в Олдорандо очень суров. А в чем его вина?

ЯндолАнганол с силой ударил кулаком в ладонь.

— Мне доподлинно знаком ход мыслей этого старого червяка. Наверняка он прибыл сюда, имея в запасе очередное безумное открытие, при помощи которого сумеет напасть на меня. Я более чем уверен, что его открытие каким-то боком касается фагоров. Вот почему, прежде чем об этом открытии услышит весь город, а вслед за ним и весь мир, я должен обезопасить себя от него, а это возможно только единственным способом: заставить его замолчать. Он станет моим пленником. Завтра мы положим его в сундук и увезем с собой в Матрассил. Никто ничего не узнает. Он обитает в одном из монашеских постоялых дворов позади дворца. Я надеюсь на тебя, Фард Франтил. Докажи мне свою преданность. Ты умен и понимаешь, что такая услуга королю может дорого стоить. Я щедро тебя награжу, даю слово.

Оружейник по-прежнему колебался.

— Если меня поймают, то наверняка казнят.

Ровным голосом король проговорил:

— Здесь, в твоей комнате, находится фагор. Но недавно приказом я запретил им находиться во дворце и всех их поселил в Парке Свистуна. Ты не подчинился приказу. А за неподчинение приказа я обычно велю сечь своих придворных, а потом снижаю их в чине — на неопределенное время.

— Но этот фагор — мой личный слуга, господин.

— Так ты доставишь мне СарториИрвраша, как я тебе приказал?

С угрюмым видом Фард Франтил согласно кивнул.

Король бросил на кровать оружейника кошель с золотом. Это были остатки тех денег, что он выручил от продажи мади на рынке два дня назад.

— Вот и отлично. Переоденься в монаха. Иди прямо сейчас. Своего фагора возьми с собой в помощники.

Когда оружейник и фагор ушли, ЯндолАнганол некоторое время постоял в темной комнате, размышляя. Взглянув в окно,

он увидел в северной половине неба комету ЯраПомбри, низко висящую над горизонтом. Вид яркой точки в темном небе воскресил в нем воспоминания о последнем свидании с тенью отца, о том, как тот говорил, что в Олдорандо он должен будет встретиться с кем-то, кто решит его судьбу. Может быть, речь шла о СарториИрвраше? Но если не он, то кто?

Он вернулся в свои покои, где Юлий уже устраивался спать перед дверью, как обычно. Проходя мимо, король машинально погладил верного рунта по голове.

Около его кровати стояли на подносе заботливо приготовленные вино и чаша со льдом. Может быть, таким образом Сайрен Станд выказывал свое расположение отбывающему гостю? Поморщившись, король ЯндолАнганол выпил полный бокал сладкого вина, потом отставил поднос с графином подальше. Сбросив одежду, он забрался в постель и немедленно провалился в сон. Обычно его сон бывал очень чутким. Но в эту ночь он спал как убитый.

Ему снились сны — снов было много и все они были очень необычные, тревожные. Он был многими персонажами и предметами, был и огненным богом, мчащимся сквозь языки золотого пламени. Бушующий вокруг него огонь был больше похож на жидкость, чем на пламя. Он был огненным богом в море, и королева МирдемИнггала плыла впереди него на спине у дельфина. Он силился нагнать ее, да все без толку. Море сковывало его движения. Наконец ему все-таки удалось настигнуть ее. Он схватил ее за ногу. Все вокруг него было из чистого золота. Сон быстро иссякал и сквозь его трепещущие окраины пробивался непонятного происхождения черный ужас. То, что он принял за МирдемИнггалу, на поверку оказалось совершенно иным. Прикоснувшись к телу королевы, он почувствовал в своих членах невероятную тяжесть и болезненную ломоту. Пытаясь освободиться, он принялся бороться, но, почувствовав бесполезность своих усилий, пронзительно закричал. Золото подступило к самому его горлу. Королева начала превращаться в...

Он очнулся весь в холодном поту. В течение нескольких минут, лежа с бешено колотящимся сердцем, он не решался

открыть глаза. Потом он вспомнил, где находится, но какая-то тяжесть все наваливалась ему на грудь. От ужаса он задрожал.

Лишь огромным усилием воли ему удалось заставить себя открыть глаза. Золото! Оно пятнало простыни и шелк подушки. Оно пятнало его самого.

Вскрикнув, он вскочил с кровати, оттолкнув «это», и торопливо скинул с себя мокрую простыню. Лежащий рядом с ним Юлий, уже холодный, скатился на пол. Рунту отрубили голову. Вся кровать была забрызгана золотистой кровью двурогого. Кровь Юлия натекла под короля в большую лужу и уже подсыхала там. Все было в крови, и мертвое тело, и сам король.

Он не мог сдержать слез. Рыдания, зарождающиеся где-то в глубинах его души, сотрясали все его мускулистое тело.

Каждое утро, в десять часов, во дворце Олдорандо по традиции служили заутреню, в подземной королевской часовне. Каждое утро король Сайрен Станд приглашал своего почетного гостя, короля ЯндолаАнганолоа, вместе читать — таков был собственный обычай короля Олдорандо — главы из всеми почитаемой книги «Заветы РайниЛайана». В это утро появление в часовне радетелей веры королевских кровей сопровождалось многочисленными шепотками и шушуканьем. Многие вообще были уверены, что борлиенский король не придет, просто не соизволит явиться.

Но король пришел — он спустился по ступеням лестницы, ведущей из его флигеля. Перед тем как идти к молитве, он тщательно вымылся и переоделся, на этот раз выбрав не чарфрул, а тунику до колен, сапоги и легкий плащ. Его лицо было невероятно бледно. Он шел осторожно, словно выздоравливающий после тяжелой продолжительной болезни. И было видно, что держать себя в руках стоило ему огромных трудов.

Вслед за спускающимся по лестнице королем бежал его оружейник, торопливо бросая на ходу слова.

— Сударь, рано утром я стучал в вашу дверь, но ответа не получил. Простите меня. В моей комнате находится ин-

тересующий вас узник, тот человек, о котором вы говорили мне вчера. Я крепко связал его и спрятал в шкафу. Пока корабль не будет готов к отплытию, я глаз с него не спущу. От вас я прошу одного — скажите мне, когда я должен быть готов пронести его тайком на корабль?

— Планы могут измениться, Фард Франтил.

Состояние короля и его слова не на шутку испугали оружейника.

— Вы, часом, не заболели, сударь?

— Оставь меня и возвращайся к себе в комнату.

Бросив этот отрывистый приказ, король, больше не обращившись, продолжал спускаться вниз на первый этаж дворца, и еще ниже, к подземной королевской часовне. В молитвенный зал он вошел последним. В часовне играла музыка — врах и бубны. Когда ЯндолАнганол показался в дверях, все лица повернулись к нему, чтобы увидеть, как он идет по живому проходу на негнущихся ногах к своему пюпитру, точно такому же, как у короля Сайрена Станда. Король Станд неотрывно смотрел вниз на алтарь, его глаза часто моргали.

Королевские пюпитры, украшенные изящной резьбой по дереву и серебряными накладками, стояли отдельно от толпы молящихся. Шесть ступеней вели к ним вниз. Рядом с пюпитрами королей находились два других, поменьше и с числом ступеней меньше на одну, для королевы Базкаарнет-она и ее дочери, принцессы Милуи.

Встав рядом с хозяином дворца и тоже не глядя в его сторону, король ЯндолАнганол приступил к молитве. Служба продолжилась. Только после долгого гимна во славу Акханаба король Сайрен Станд наконец повернулся к своему гостю и жестом предложил ему прочитать главу из Заветов, как то и бывало обычно.

Ровно стуча каблуками, король ЯндолАнганол обошел по красным и черным плиткам пола пюпитры, медленным шагом поднялся на все шесть ступеней и, повернувшись, предстал перед присутствующими. Наступила абсолютная тишина.

Он смотрел на лица перед собой без всякого выражения. В глазах людей он видел любопытство, скрытые усмешки,

ненависть. Нигде не смог он найти сочувствия, нигде, за исключением глаз девятилетней девочки, покорно стоящей рядом с матерью.

Король ЯндоЛанганол заговорил. Поначалу его речь звучала глухо, но уже вскоре его голос набрал силу и уверенность.

— Я не стану сегодня читать. Я хочу говорить и потому не могу не воспользоваться счастливой возможностью обратиться к вам, ваше величество, и к вашим придворным в таком святом месте, где Всемогуший слышит каждое произнесенное слово и видит то, что происходит в каждом сердце.

Я знаю, что, заглянув в ваши сердца, он без труда узнает там, чего вы желаете мне, добра или зла. Я уверен, что вы желаете мне добра, так же как и я вам. Мое королевство — одно из самых богатых и могущественных в Кампаннлате, а возможно, и во всем мире. И тем не менее я посчитал необходимым оставить свою страну и прийти сюда, к вам, практически в одиночку, да, в одиночку. Мы, короли, весь свой век озабочены только одним: сражаемся за мир и процветание для своих подданных. Таков мой удел, и таким был удел моего отца, и так заведено вот уже много веков. Цель своей жизни я вижу в процветании Борлиена. Заступая на престол, я принес в этом клятву и намерен свое слово сдержать.

Но в этом мире есть у меня и меньшие цели, в чем-то даже частные. Вышло так, что я остался без того, о чем человек, даже отдавшись целиком служению своей родине, все же вправе мечтать и чего ему обычно не хватает для того, чтобы и его чаша была полной. Я говорю о королеве. Вышло так, что я с недавних пор вынужден обитать в своем дворце один.

Полгода назад я толкнул с вершины горы первый камень, и лавина, возникшая вслед за этим, до сих пор не утихла. В ту пору я принял решение взять себе в жены дочь королевского дома Олдорандо, дочь короля Сайрена Станда. Меня постигла неудача, но намерение мое сохранилось.

ЯндоЛанганол замолчал, словно то, что он собирался сказать, пугало его самого. Глаза всех находящихся в часов-

не впились в его лицо, стараясь найти там хотя бы намек на то, что может прозвучать сейчас.

— Так вот, здесь, в этой обители святости, перед троном того, кто наделен властью превыше любой воображимой, и в присутствии его королевского величества Сайрена Станда я, король ЯндолАнганол, потомок дома Анганолов, объявляю, что намерен соединить народ Борлиена и Олдорандо кровными узами. Я намерен взять в жены возлюбленную дочь короля Сайрена Станда, принцессу Милую Тал Станд, и хочу, чтобы свадьба состоялась как можно скорее. По поводу бракосочетания в столице моего королевства, Матрасиле, будет устроено великое празднество, ибо сегодня же я уезжаю из вашего чудесного города.

Чтобы узнать, как на эту потрясающую новость отреагирует Сайрен Станд, многие из присутствующих, не удержавшись, вскочили с мест. Началась суматоха. Но под холодным взглядом короля Борлиена все вдруг замолчали и под сводами часовни снова повисла тишина.

Король Сайрен Станд отошел от своего пюпитра, и его стало не видно. Паузу нарушила принцесса Милуя Тал, которая, первой опомнившись от первоначального потрясения, бросилась через весь зал к королю ЯндолАнганолу, чтобы заключить его в объятия.

— Я останусь с вами навсегда, мой король, — сказала она. — Я буду вам верной женой.

Глава XX

КАК ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Фейерверк сопровождался шумом и грохотом. Народ высыпал на улицы. Во всех святых местах города шли службы.

Так жители Олдорандо отмечали помолвку короля ЯндолАнганола и принцессы Милуи Тал. Событие повсемест-

но было воспринято с энтузиазмом как отличный повод для гуляний и народ пользовался им от души.

То, что теперь младшая сестра оказалась обрученной с человеком, бывшим ранее женихом старшей сестры, казалось всем событием пикантным и увлекательным. Представление обещало быть захватывающим. Похотливые рты вели разговоры о том, как давно у принцессы были первые месячные и каковы сексуальные обычаи мади. Живет ли все племя друг с другом без разбору или все же мади моногамны? И, как обычно, в этом вопросе не было единого мнения.

ЯндоЛанганол, как жених, получил всеобщее одобрение.

С точки зрения горожан, король Борлиена подходил на роль жениха во всех отношениях: он был достаточно зрелым, но в то же время вполне сильным и энергичным мужчиной. Его теперешняя невеста была младше его собственного сына, но в браках династических такое встречалось сплошь и рядом, а невероятное количество детей, занимающихся проституцией у Восточных ворот и в Уйдоке, приучило олдорандцев смотреть на эти вещи просто.

Как в конце концов выяснилось, и к фагорам горожане были более терпимы, чем думал дворец. Конечно, олдорандцы знали о тех временах, когда их народ вел с фагорами страшные войны. Но те ужасные времена давно уже минули. Войны с фагами отошли в историю — двурогие притихли и присмирели, не собирались больше в бесчисленные полчища и потеряли свой воинственный пыл. Благодаря государственной политике в Олдорандо фагоры стали редкими гостями. То, что сейчас можно было увидеть в Парке Свистуна, где квартировался Первый Фагорский, людям очень нравилось, ибо любое новшество вносило разнообразие в их серое существование. В некотором роде фагоры короля Анганолола приобрели в городе популярность.

Короче говоря, ничего из того, чем отличался бодрый борлиенский сосед, не было в скучном роскошестве короля олдорандцев.

Никогда не отличавшийся решительностью и твердостью духа, король Станд теперь проклинал тот час, в который он

дал согласие на брак своей младшей дочери. Теперь все свое раздражение он срывал на королеве, Базкаарнет-она, которая также благословила молодых.

Базкаарнет-она была простой женщиной. Не питая особой симпатии к расе фагоров, она все же всегда с тревогой прислушивалась к барабанам крестовых походов, понимая, что насилие легко может перекинуться и на ее собственный народ, который в Олдорандо также не пользовался особой популярностью, и случаи гонения в отношении них были не так уж редки. Поэтому она считала, что человек, взявший под свою защиту фагоров, скорее, чем кто-либо другой, будет ласков и внимателен с ее единственной оставшейся в живых дочерью.

Кроме того, Базкаарнет-она были известны планы мужа выдать принцессу Милую за панновальского принца Тайнца Индредда, противного толстяка, годами много старше короля ЯндолАнганола. Тайнец Индредд ей не нравился совершенно. Ей противна была сама мысль о том, что ее красавица дочь скроется навсегда в сумрачных недрах Панновала, подземного города, расположенного под горой Квизинт. Такая судьба ни в коем случае не подходила мади, даже если ее кровь наполовину разбавлена человеческой. Король ЯндолАнганол и Матрассил казались ей куда лучшим вариантом.

Таким образом оказалось, что согласия в семье Стандов нет. Сайрен Станд искал выход своим эмоциям. Внешне король казался вполне доброжелательным и спокойным. Он пригласил короля ЯндолАнганола обсудить все вопросы, связанные с процедурой бракосочетания, которая намечалась уже на ближайшее время. Короли встретились в зале, где под потолком колыхались огромные опахала, где цвел в горшках вулус, где на стенах вместо окон в панновальском стиле были развешаны коврики мади.

Вместе с королем присутствовали его жена и советник по религии, долговязый худой человек с унылым сплюснутым по бокам лицом. В продолжение всего разговора советник стоял в сторонке, ничего не говорил, а только

переводил свой рыбий взгляд с одного действующего лица на другое.

Король ЯндолАнганол явился облаченным в полную униформу главнокомандующего в сопровождении одного из своих капитанов, старого закаленного воина, пребывающего в некотором замешательстве от своей новой дипломатической роли.

Разлив по бокалам вино, король Сайрен Станд предложил один из бокалов королю ЯндолАнганолу.

Последний отверг угощение кратким жестом руки.

— Ваш виноград чудесен, ваше величество, но в последнее время от вина меня что-то стало клонить в сон.

Король Сайрен Станд сделал вид, что не понял намека.

— Дорогой монарх, в первую очередь хотелось бы решить, как мне кажется, главный вопрос в процедуре бракосочетания. Как мы все хорошо помним, когда вы собирались сочетаться с Симодой Тал, у нас была договоренность, что церемония будет проходить в Олдорандо. На этом основании мы, родители принцессы, а также присутствующий здесь представитель Церкви, изъявляем желание, чтобы ваша теперешняя свадьба также проходила в Олдорандо, на сей раз под патронажем Святейшего Це'Сарра, который вскоре почтит нас своим визитом.

— Но насколько я знаю, сударь, не далее как вчера вы недвусмысленно заявили, что были бы рады, если бы я уже сегодня покинул вашу столицу.

— Вы не совсем верно поняли меня. Речь шла не о вас, а о ваших дрессированных животных, оскорбительных для нашего города, от которых мы действительно хотели бы поскорее избавиться.

При этих словах король Сайрен Станд выразительно посмотрел на унылое лицо церковника, словно ища у него поддержки.

— Хочу уверить вас, что сами вы можете оставаться гостем в моем дворце сколько захотите. Я обещаю, что бракосочетание пройдет с надлежащей роскошью и навсегда останется в памяти моих подданных.

— Можно рассчитывать на то, что Це'Сарр прибудет сюда не позже чем через три дня?

— Его посланцы уже тут. По моим расчетам, в настоящее время Святейший движется мимо озера Дорзин. Но уже завтра мы ожидаем прибытия других почетных гостей, например, панновальского принца Тайнца Индредда. Уверяю вас, дорогой брат, что ваша свадьба станет знаменательным событием, которое запечатлится в истории нашей Империи.

Понимая, что король Станд пытается выгадать время и добиться тем самым над ним каких-то преимуществ, Яндол-Анганол вместе со своим капитаном удалились в другой конец зала, для переговоров. В его собственные планы входило покинуть столицу Олдорандо как можно скорее, прежде чем в ход будет пущено очередное коварство. Но для того, чтобы отправиться тотчас же и со всей возможной скоростью, ему нужен был корабль, который можно было получить только у короля Сайрена Станда. Кроме того, торопиться заставлял спрятанный в комнате оружейника Фарда Франтила Сартон-Ирвраш. Он лежал там связанный, с кляпом во рту и находился, по всей видимости, на грани удушья.

— Насколько мы можем быть уверенными, что святейший Це'Сарр не откажется исполнить для нас обряд бракосочетания? Вряд ли он ведет службу сам, ведь он уже давно старик, и ему уже трудно проводить подобные церемонии.

Сайрен Станд надул губы.

— Его святейшество, конечно, не молод, но достаточно бодр. Его возраст почтенный, но силы еще не покинули его. И я бы не назвал его стариком, по крайней мере глубоким старцем. Само собой, по каким-либо причинам он может не пожелать сочетать вас браком лично или вообще возражать против вашего с моей дочерью союза, например, на основании того, что Борлиен по-прежнему продолжает привечать на своих землях фагоров и игнорирует священную традицию крестовых походов. Лично я не придерживаюсь в этом отношении каких-либо догм; но окончательное мнение мы сможем услышать только лично из уст его святейшества.

Лицо ЯндолАнганола сделалось багровым. Он еле сдерживал себя.

— По моему мнению, есть все основания полагать, что наша религия, самым горячим приверженцем которой я являюсь, родилась с простого поклонения фагорам. Верование это зародилось в ту пору, когда люди и фагоры находились на более низкой, примитивной, ступени развития. Сейчас церковники тщательно скрывают этот факт, но, судя по сохранившимся рисункам, в свое время Всемогуший удивительно напоминал фагора. С тех пор прошло много веков, и образ Бога изменился, но тем не менее факт остается фактом. Да, сегодня люди и фагоры находятся на разных ступенях развития, но, однако, мы все должны знать и помнить нашу историю — тем более это относится к Церкви. Ведь при умелом и хорошем обращении с сегодняшними двурогими они могут быть очень послушными и понятливыми — это я знаю из своего собственного опыта.

Сайрен Станд повернулся к своему советнику-церковнику, опять ища у того поддержки. Церковник заговорил глухим, но уверенным голосом:

— По мнению Церкви, подобное вряд ли покажется убедительным его святейшеству Це'Сарру, который скорее всего сочтет слова короля Борлиена ЯндолАнганола богохульством, направленным на подрыв основ спокойствия его правления.

— Вот именно, — подхватил Сайрен Станд. — А кроме того, подобное вряд ли покажется убедительным любому из нас, брат мой. Однако ж, если ты решишь держать свое мнение при себе, Це'Сарр скорее всего обручит тебя с моей дочерью без всяких осложнений.

Итог встрече был подведен очень быстро. Оставшись наедине со своей женой и советником, Сайрен Станд, потирая руки, заметил:

— Теперь ему ничего не остается, как дожидаться Це'Сарра. У нас есть три дня для того, чтобы сделать все, чтобы свадьба не состоялась. Нам нужен СарториИрвраш. В обители фагоров в Парке Свистуна его нет — там уже иска-

ли. Значит, он еще во дворце. Сегодня же мы обыщем флигель короля Яндола, осмотрим там каждый угол.

Советник-церковник коротко прокашлялся.

— Не все ясно с этой женщиной, Оди Джесератабхар, что прибыла сюда вместе с СарториИврашем. Сегодня утром она, обнаружив исчезновение своего спутника, очень встревожилась и попросила убежища в посольстве Сиборнела. По моим сведениям, она адмирал флота и в посольстве ее приняли не лучшим образом. С ней вполне могут обойтись как с дезертиром и предателем. Но для нас она уже потеряна.

Сайрен Станд налил себе еще вина.

— Мы сумеем обойтись и без нее.

— Церковный стряпчий недавно сообщил мне еще об одном обстоятельстве, которое может оказаться на руку вашему величеству, — продолжал вещать ровным голосом священник. — Грамота с разрешением на развод короля ЯндолАнганол и МирдемИнггалы по сию пору находится в руках посланца Элама Эсомбера. Хотя и король и королева подписали документ, разведенными они станут только тогда, когда грамота физически окажется в руках у Це'Сарра. Этот закон был принят для того, чтобы исключить поспешность и необдуманность в заключении династических союзов. Так что в настоящее время король ЯндолАнганол еще является мужем королевы королев. Но, как я догадываюсь, он не знает об этом законе и думает, что он уже свободен.

— Значит, пока он не может жениться?

— Да, до тех пор, пока все условия соответствующего закона Панновальского Права не будут соблюдены в точности.

От удовольствия Сайрен Станд хлопнул в ладоши и рассмеялся.

— Чудесно. Замечательно. Он не знает, что у него связаны руки.

— А как же ваше желание получить Борлиен в союзники, ваше величество? — слабым голосом спросила королева. Король пренебрежительно взглянул на свою супругу.

— Дорогая, сейчас у нас другая задача — мы должны остудить пыл нашего дорогого Яна, обесчестить его и ослабить его позицию, и тогда Матрассил отвергнет его сам. Мои агенты доносят о продолжающихся беспорядках в столице Борлиена. В этих обстоятельствах я могу выступить в качестве спасителя Борлиена и взять правление обоими королевствами в свои руки, так, как было когда-то в древности, когда Борлиен был всего лишь провинцией Олдорандо. История часто возвращается вспять, разве ты не знала об этом, дорогая?

Что касается короля ЯндолаАнганол, тот отлично осознавал сложность своего положения. Но всякое отчаяние и растерянность в нем немедленно исчезали, стоило ему вспомнить то зло, которое причинил ему король Сайрен Станд. Он то и дело вспоминал, как утром, обнаружив обезглавленное тело Юлия на кровати, он, едва придя в себя, вышел в коридор и наткнулся там сначала на голову Юлия, а потом на труп солдата-борлиенца — стражника, охранявшего его покои. Лицо солдата было почти полностью срезано жестоким и искусным ударом меча. От вида окровавленного тела его вырвало. В течение всего дня, этого и последующего, он чувствовал себя нездоровым. Во дворце царила невыносимая жара, но его тело трясло от озноба.

После известного разговора с Сайреном Стандом король Борлиена отправился в Парк Свистуна, где собравшаяся небольшая толпа зевак приветствовала его радостными криками. Проведя немного времени со своими фагорами-гвардейцами, король почти успокоился.

Он начал с того, что с особенной тщательностью осмотрел все постройки, отведенные для жилья двурогим солдатам. Командиры фагоров следовали за ним неотступно. Один из павильонов специально предназначался для приема гостей и имел приличную обстановку. Верхний этаж павильона представлял собой обычные жилые комнаты.

— Сегодня же сюда переселюсь, — сказал король ЯндолаАнганол.

— Это место будет вашим, король. Ни один человек из Хрл-Дрра-Нхдо не войдет сюда.

- Фагоров здесь тоже быть не должно.
- Фагоров не будет.
- Вы будете стеречь эти покои пуше глаза.
- Понимаем и повинuemся.

Король ЯндолАнганол не удивился тому, что верховная командирша фагоров назвала Олдорандо его старинным именем, употребляемым двурогами много веков назад, поскольку знал об их отличной генетической памяти. К старинной манере разговора двурогих он тоже давно привык.

Когда король Орел в сопровождении четырех фагоров шел через парк, земля содрогнулась. В Олдорандо землетрясения были весьма часты. Со дня прибытия сюда Орла это был уже второй случай. Вскинув голову, он в нетерпении взглянул через площадь Лойлбрайдена на дворец, вообразив, как землетрясение разрушает эти вычурные стены. На какое-то мгновение это стало его мечтой. Но он знал, что архитекторы, конечно, предусмотрели все, чтобы это строение выдержало самые сильные толчки.

Перед закатом Беталикса во дворец вбежал гонец с известием, что панновальский принц Тайнц Индредд въехал в Восточные ворота, прибыв в столицу раньше, чем предполагалось. Немедленно королю Борлиена ЯндолАнганолу было выслано официальное приглашение принять участие в приветственной встрече принца на площади Лойлбрайдена. Отказаться от такого приглашения он не мог.

Легкомысленно взирающий на дела политические и на то, что всюду кипит война, принц Тайнц Индредд в своем Квизинте занимался охотой и теперь прибыл в Олдорандо тяжело груженный трофеями — шкурами, гривами и бивнями. Сам он путешествовал в паланкине, а вслед за ним везли несколько клеток с дикими зверями, которых его охотникам удалось поймать живьем. В одной из клеток находилась дюжина иных, которые пронзительно кричали на прохожих. Караван двигался по улицам Олдорандо под аккомпанемент походного оркестра из двадцати музыкантов, наигрывающего бравурные марши. Повсюду реяли знамена. Прибытие

принца Индредда было обставлено с еще большей помпой, чем появление короля ЯндолАнганола. И конечно же, принцу панновальскому не приходилось делать крюк и терять время на рынке, раздобывая жалкие гроши.

Среди свиты принца находились и панновальские придворные, давние знакомые короля Орла, например, Гуаддл Улбобег. Путешествие утомило этого пожилого человека. Когда наконец официальная приветственная церемония постепенно перешла в обильные возлияния, грозящие растянуться до самого утра, король ЯндолАнганол улучил момент, чтобы переговорить с советником Улбобегом.

— Годы берут свое, и мне становится тяжело наносить подобные визиты, — сказал королю Гуаддл Улбобег. Понизив голос, он добавил: — Только между нами — общество Тайнца Индредда последнее время, теннер от теннера, становится для меня все более утомительным. Жду не дождусь, когда наконец уйду на покой. Ведь мне уже как-никак тридцать шесть лет, да еще с четвертью.

— Так чего бы вам не уйти на покой уже сейчас?

Гуаддл Улбобег положил руку на рукав ЯндолАнганола. В жесте этом было столько неожиданного порывистого дружелюбия, что король Борлиена был очень тронут.

— Это будет мне стоить звания епископа Прайна. Осмелюсь вам напомнить, ваше величество, что я являюсь епископом Священной Панновальской Империи, да благословит ее Господь. Если вдруг, паче чаяния, я решу уйти на отдых, то немедленно буду исключен из числа ближайших слуг Церкви, потеряв все блага, которые к этому посту полагаются... Кстати сказать, принц Тайнец Индредд держит на вас зуб, ваше величество, спешу предупредить вас об этом.

Король ЯндолАнганол рассмеялся в ответ.

— Сдается мне, что в последние дни меня возненавидел весь свет. И чем же я так досадил принцу Индредду?

— Не секрет, что он и ваш добрый друг король Сайрен Станд давно уже уговорились женить принца на принцессе Милуе Тал, чему вы теперь так ловко помешали.

— В самом деле? И вы об этом знали?

— Да, естественно. А сейчас, с вашего разрешения, я отправлюсь в свою комнату, приму там ванну и завалюсь спать. В мои годы обильные возлияния — не самое лучшее времяпрепровождение. Прошу прощения, ваше величество.

— Мы поговорим еще утром. Спокойной вам ночи.

Новые подземные толчки случились в самом начале ночи. На этот раз они были очень сильные и город взволновался. В беднейших районах города с крыш сыпалась черепица и обваливались балконы. Горожане с криками выбегали из домов на улицу. Во дворце началась паника.

Все это устраивало ЯндолАнганола. Для осуществления его планов суматоха подходила как нельзя лучше. Осмотрев задний двор дворца, его капитан обнаружил множество выходов, вполне укромных и доступных для тех, кто тайно хотел ими воспользоваться. Многими из этих дверей для своих частных целей пользовалась дворцовая челядь. С парадной стороны дворец охранялся многочисленным караулом, но задний двор был доступен для кого угодно.

Воспользовавшись одним из таких выходов, король ЯндолАнганол вышел наружу, где оказался свидетелем странного события. По аллее, тянувшейся вдоль северной части дворца, подкатил фургон, запряженный шестеркой хоксни. Из фургона выбрались шестеро крепких мужчин. Пока трое из приехавших отодвигали деревянные засовы с боковой двери фургона, четвертый держал под уздцы хоксни, готовясь провести повозку во дворец. Как только дверь фургона растворилась, все четверо наперебой принялись кричать внутрь, приказывая кому-то находящемуся там выходить наружу. После того как изнутри фургона не последовало ответа, двое мужчин с руганью и проклятиями влезли внутрь и вытащили на улицу упирающуюся связанную фигуру. Поверх головы пленника был брошен и увязан веревкой мешок. Несчастный испустил несколько слабых стонов, в наказание за что его несколько раз сильно ударили по плечам кнутом.

Действуя дальше без лишних слов, четверка здоровяков отомкнула имеющуюся в задней стене дворца железную дверь

и втащила туда пленника. Дверь вслед за ними захлопнулась, и все стихло.

За всем этим король ЯндолАнганол наблюдал, спрятавшись в тени портика. Рядом с ним стояла принцесса Милуя Тал.

Они собирались устроить свое убежище в одном из павильонов Парка Свистуна, который назывался «Белый Павильон». Там, под защитой двурогих Первого Фагорского Полка, они будут находиться в безопасности. По дороге до павильона они в своих разговорах все время возвращались к событию на заднем дворе дворца, которому они стали невольными свидетелями.

— Я слышал, что твой отец хочет убить меня.

— Если бы. Убийство — это еще не так плохо. Он задумал нечто похуже — опозорить тебя. Я не знаю, каким образом он собрался это сделать, — я пыталась выведать у него хоть что-нибудь, но у меня ничего не получилось. Неужели и вправду со всеми королями так тяжело? Надеюсь, что после того как мы сбежим в Матрассил, ты не станешь таким же? Мне не терпится отправиться в путь, совершить плавание вниз по реке. Говорят, что лодки, плывущие вниз по течению, развивают такую страшную скорость, что на ходу обгоняют птиц.

— А в Борлиене есть пекубы? Мне хотелось бы завести там нескольких, устроить так же, как в комнатах моей матери. Четыре пекуба было бы в самый раз, ну может быть, пять — надеюсь, мы сможем это себе позволить? Отец сказал, что ты хочешь отомстить ему и наверняка отрежешь мне голову, но я только посмеялась над ним и показала ему язык — ты видел, какой длинный у меня язычок? — и спросила его: «За что ему мне мстить, ты, старый король-глупец?», а он ничего не ответил, а только покраснел от злости как вареный рак. Я думала, его тут же на месте хватит удар.

Принцесса весело щебетала и одновременно осматривала комнаты и их обстановку. За ней, с единственной лампой в руке, шел ЯндолАнганол.

— Я не собираюсь тебя обижать, Милуя, и даже в мыслях у меня никогда такого не было. Можешь мне поверить

и успокоиться. Все почему-то считают меня невероятным злодеем. На самом же деле я такой же послушный сын Акханаба, как и все остальные его дети. Твоему отцу я тоже ничего плохого не сделаю.

Плюхнувшись на постель, принцесса уставилась в окно.

— То же самое сказала и я ему, но мои слова были для него пустым звуком. Он был настолько вне себя, что все-таки немножко проговорился. Ты знаешь СарториИрвраша?

— Знаю, и очень хорошо.

— Он снова в руках моего отца. Его нашли в одной из задних комнат.

Король отрицательно покачал головой.

— Этого не может быть. Он сидит в шкафу с кляпом во рту. Ночью мои капитаны приведут его сюда, в этот дом. Здесь он будет в безопасности.

Милуя Тал сдержанно хихикнула.

— Отец обманул тебя, Ян, обвел вокруг пальца. В твоём шкафу сидит другой человек, раб, которого они подменили в темноте. Настоящего СарториИрвраша выкрали, когда все встречали этого противного толстяка принца Тайнца.

— Всемогущего ради! Этот хитрец СарториИрвраш против меня что-то замышлял, а теперь явно сам угодил в беду. В свое время он был моим придворным советником. Что же он такое натворил? Наверное, опять что-то открыл, и на этот раз его открытие вышло ему боком. Что бы ни случилось, Милуя, я должен все узнать об этом его открытии, тем более что здесь замешана моя честь!

— Ох, зиганкис, «замешана моя честь»! Сейчас ты говоришь в точности как мой отец. Я хочу слышать от тебя совсем другое. Например, что мое детское очарование сводит тебя с ума или что ты сходишь с ума от вида моих глаз?

ЯндоЛанганол поймал принцессу за руку.

— Может быть, так и скажу, моя милая Милуя. Но запомни: простое безумие меня никогда не привлекало, потому что у него нет будущего. Бесчестье же требует к себе пристального внимания, потому что обращаться с ним нужно крайне осторожно, чтобы не заразиться им раз и навсег-

да. Раз потеряв честь, ее больше не вернуть. Но стоит мне достойно встретить бесчестье и дать ему такой же достойный отпор, я приобрету всеобщее уважение. После этого станет возможным все, в том числе и союз между моим королевством и королевством твоего отца, каким бы удивительным сейчас это ни казалось. Давно я думал об этом союзе, хотел его, и я добьюсь своего, с твоим ли отцом или с кем-то другим, кто взойдет на престол после него.

Милуя всплеснула руками.

— После него королевой Олдорандо стану я! Тогда под твоей властью окажутся обе страны.

Несмотря на все свое напряжение, на гнетущее предчувствие того, что еще одна беда может сломить его, король Орел рассмеялся, подхватил Милую на руки и прижал к себе ее тоненькое изящное тело.

Земля снова содрогнулась.

— Мы ляжем спать вместе? — шепнула она ему на ухо.

— Нет, так не годится. Утром мы пойдем навестить моего друга Эсомбера.

— Вот уж не думала, что он твой друг.

— Он будет моим другом. Я его им сделаю.

Подземные толчки прекратились. Вскоре сошла на нет и ночь. Во всей силе поднялись над горизонтом Беталикс и Фреир, окутанные желтой дымкой. Жара начала быстро усиливаться.

В середине дня отряд дюжих олдорандских гвардейцев арестовал короля ЯндолАнганоло.

Солдаты окружили его, как только он спустился по лестнице, ведущей из его покоев. Он пытался оказать сопротивление, но его схватили и отвели во дворцовую темницу. Солдаты спустили его по винтовой лестнице в каменный мешок, и, упав на холодный пол, он потерял сознание.

Придя в себя, он несколько минут лежал на полу, задыхаясь от ярости, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой.

— Юлий, Юлий... Они снова просчитались — им не удалось вывести меня из себя своей жестокой выходкой, я все

еще сохранил трезвый разум и могу предчувствовать опасность... Я все вижу и все понимаю... все понимаю... Но я был слишком самоуверенным. Отсюда постоянные ошибки, которые преследовали меня. Я считал, что могу управлять обстоятельствами, верил, что держу все в своих руках...

Полежав еще немного, он наконец с трудом поднялся на ноги и беспомощно огляделся по сторонам. Скамья у одной из стен служила одновременно и нарами. Из маленького окна высоко под потолком сочился свет. В углу стояла кадка, в которую, очевидно, можно было справлять нужду. Опустившись на скамью, он задумался, вспомнив о том, как много лет подряд держал в заточении своего отца. Эти мысли тут же осадили его дух и тогда он заставил себя думать о Милуе Тал.

— Сайрен Станд, если с ее головы упадет хотя бы один волос, ты заплатишь мне, слизняк...

Заставив себя успокоиться, он прислонился к стене камеры, влажной от стекающих по ней испарениям. Но не выдержав и минуты, он с рычанием вскочил на ноги и принялся мерить свою темницу шагами, вперед и назад, вправо и влево, от двери к стене и обратно.

Остановился он, только когда услышал, как под чьими-то ногами скрипят камешки на винтовой лестнице. В скважине заскрежетал ключ, и в его темницу вошли несколько облаченных в черное священников, в сопровождении двух вооруженных стражников. Когда один из священников поклонился, король Орел узнал в нем скучноликого советника короля Сайрена, имя которого было Криспан Морну.

— По какому праву я, король дружественной страны, гость в этом дворце, заключен в темницу?

— Я пришел к вам, чтобы сообщить, что вы обвиняетесь в убийстве и что завтра на восходе Беталикса вы будете по этому обвинению подвергнуты пытке перед церковным советом королевского двора.

Загробный глас черного священника стих, потом тихо добавил:

— Приготовьтесь же.

Король ЯндоЛанганол взорвался от ярости.

— В убийстве? В убийстве? И это вы собираетесь обвинить меня в убийстве, вы, кучка презренных преступников? Что это за новая подлость? И кого же я убил на этот раз?

Острия копий уперлись ему в грудь.

— Вы обвиняетесь в убийстве принцессы Симоды Тал, старшей дочери короля Олдорандо Сайрена Станда.

Еще раз поклонившись королю, священник удалился.

Словно громом пораженный, король остался стоять на месте, молча уставившись на закрытую дверь.

Его орлиные очи впились в широкие доски двери и смотрели на них не моргая, словно их хозяин поклялся в том, что ни разу не моргнет, и твердо вознамерился исполнить свою клятву, до тех пор, пока не окажется на свободе.

Всю ночь он почти в полной неподвижности пролежал на кровати без сна. Ярость бушевала в нем и он готов был броситься на любого, кто посмел бы приблизиться к нему.

Но никто к нему не пришел. Никто не принес ему ни пищи, ни воды. В середине ночи земля чуть заметно содрогнулась — настолько незаметно, что причиной этому могло быть как землетрясение, так и отдаленный взрыв или залп пушек. От сотрясения из нескольких щелей меж камнями посыпалась известковая пыль. Больше ничего примечательного за всю ночь не случилось.

Когда наконец сквозь высокое окошко в его темницу начал проникать первый бледный утренний свет, он поднялся и прогулялся к отхожему месту. Потом он встал на лавку и некоторое время смотрел вверх на свет, подставляя лицо тянущемуся снаружи свежему ветерку.

По его расчетам, темница, в которой он находился, располагалась перед королевским дворцом, возможно, в одном из угловых крыльев Собора. Приподнимаясь на цыпочки, он мог видеть уголок площади Лойлбрайден.

С площади не доносилось ни звука — очевидно, для горожан было еще слишком рано выходить из дома. Чуть повернувшись, он посмотрел на запад. Небольшой клочок неба, видимый ему, был безоблачен и чист. Беталикс уже взошел, судя по тому, что деревья начинали отбрасывать тени. По-

степенно тени побледнели, а после разделились надвое — над горизонтом появился Фрейр. Небо постепенно затянула дымка и тени снова побледнели. Жара стала нарастать.

Дверь его камеры стукнула и в темнице появились несколько молчаливых рабочих. С собой они принесли деревянные щиты и несколько шестов. Их поведение было типичным для рабочих всего мира: они выполняли свою работу, но не думали с ней торопиться. Мало-помалу посреди камеры был воздвигнут эшафот.

Король сел на лавку и стиснул руками виски.

Пришли стражники. Он попытался сопротивляться, и тогда его заковали в кандалы. Он выкрикивал солдатам страшные ругательства, рычал как дикий зверь. Но его толкнули вперед и повели по каменным ступеням вверх.

Все случилось самым наилучшим образом. Умело направив непрерывный поток печальных событий себе на пользу, Сайрен Станд ловко сумел одержать победу над зарвавшимся, как ему казалось, королем Борлиена. Ликующе прохаживаясь по залу, он то и дело с улыбкой обнимал жену, Бакхаарнет-она, и время от времени бросал осторожные, но вместе с тем исполненные злорадства взгляды на свою непокорную дочь.

— Видишь, дочь моя, как все обернулось — этот злодей, которому ты так опрометчиво бросилась в объятия, теперь известен всем, как жестокий убийца.

Повернувшись к дочери, он улыбнулся ей нервной улыбкой.

«Скоро он будет предоставлен тебе в полное распоряжение, правда, в виде трупа. Еще двадцать пять часов — и твоя девственность навсегда будет избавлена от посягательств короля ЯндолаАнганолоа».

— Почему бы тебе не повесить и меня с ним заодно, чтобы разом избавить себя от всех неприятностей в лице своих дочерей?

Особый зал дворца был приготовлен для заседания суда. Монахи освятили это место, дабы оно служило только ин-

тересам веры. На стенах были развешаны пучки вероника, скантиома и пелламонтейна, трав, известных своими успокоительными и охлаждающими свойствами, дабы хоть как-то сделать терпимее жару и умастить ноздри присутствующих особ королевской крови и судей приятными запахами. Членами суда были видные церковники и толкователи Завета города Олдорандо, выбранные с таким расчетом, чтобы ход их мыслей и поведение полностью соответствовали тому плану, который король Станд разработал для своего узника.

Основные роли в этом деле должны были играть: сам король Олдорандо, его мрачный и невозмутимый советник Криспан Морну и судья по имени Кимон Эурас, известный церковник, секретарь Министерского Совета.

Кимон Эурас был тощ и ходил ссутулившись, словно натянутая кожа искривляла его позвоночник; кроме того, он был совершенно лыс. Его кожа была сероватого цвета, напоминающая оттенком пергамент, с которым ему приходилось иметь дело по долгу службы очень часто и который исписывался им чрезвычайно экономным почерком. Мрачный вид, с которым он усаживался в судейское кресло, черный кидрант и тощие голые ноги в сандалиях — все говорило о том, что в деле вершения правосудия он будет отпускать милосердие с таким же скупым расчетом и экономией, какие демонстрировал при заполнении письменами бумаги.

Как только все основные дигнитарии заняли свои места, прозвучал гонг, и два стражника, выбранных для этой цели благодаря своей недюжинной силе, ввели, а точнее втащили, в зал суда короля ЯндолАнганоло. Его поставили прямо посредине, чтобы все присутствующие могли его хорошо видеть.

Дистанция между свободными людьми и заключенными при любом дворе очень велика. При дворе Олдорандо это расстояние было особенно ощутимым. Краткое пребывание короля Анганоло в темнице оказалось достаточным для того, чтобы его одежда, лицо и руки стали грязными. Но осанка его по-прежнему была горделивой, взгляд — орлиным, и видом своим он еще более, чем прежде, напоминал хищную

птицу, высматривающую себе добычу. Его движения отличались обычной точностью и целесообразной экономностью, выражение лица было спокойным и осмысленным.

Судья Кимон Эурас начал зачитывать обвинение пыльным сухим голосом. Пыль древних манускриптов, столь часто просматриваемых им в поисках точных формулировок старинных законов, испортила и иссушила его горло. Добравшись до слов: «...жестоким убийстве возлюбленной принцессы Симоды Тал в этом самом дворце, путем пронзания рогом фагора. Вы, король ЯндолАнганол, обвиняетесь как организатор и вдохновитель преступления...», Эурас особо повысил свой голос.

Король ЯндолАнганол не преминул выкрикнуть несколько слов в свою защиту и шагнуть по направлению к судьям. Его немедленно схватили за руки и осадили холодным замечанием: «Преступникам в этом суде не полагается говорить. Больше с вашей стороны не должно раздаться ни одного слова, иначе вы будете немедленно препровождены в свою камеру».

По случаю знаменательного события Криспан Морну облачился в одежду цвета густой черноты. Тьма ложилась на его щеки, на скулы, на глаза, а когда он начинал говорить, то и на его рот и горло.

— В наши намерения входит доказать несомненность вины короля ЯндолАнганола, явившегося теперь во дворец с очередным злодейским намерением умертвить вторую дочь короля Сайрена Станда, принцессу Милую Тал, и тем самым положить конец существованию дома Станов. Сейчас присутствующим будет предъявлено орудие, при помощи которого было совершено это жестокое деяние. Кроме того, сразу же после этого будет представлен действительный исполнитель убийства. Мы намерены доказать, что все улики однозначно указывают на подсудимого как на непосредственного автора ужасного плана. Принесите кинжал.

Деловитый раб с важным видом заторопился к судейскому столу, где представил всем требуемый предмет.

Не в силах удерживаться далее в стороне от происходящего, король Сайрен Станд бросился вперед и схватил кинжал раньше, чем это успел сделать Криспан Морну.

— Это рог фагора. Рог обоюдоострый, то есть имеет две острые стороны и его невозможно спутать с рогом любого другого животного. По форме рог в точности совпадает с раной, имевшейся в груди покойной принцессы. Моей несчастной дочери, бедной девочки.

Мы не собираемся сейчас утверждать, что это именно то самое оружие, при помощи которого было совершено убийство. Тот роковой кинжал, к несчастью, был утерян. То, что вы сейчас видите перед собой, совершенно новый рог, только недавно отпиленный от головы фагора.

Хочу напомнить суду, хотя, быть может, этот факт и не имеет отношения к делу, что подсудимый имел у себя в качестве домашнего зверя ручного фагора-рунта. Этот рунт был назван подсудимым именем величайшего воителя нашей нации, Юлия, возведенного в ранг святого, что, конечно же, может рассматриваться только как святотатство. Было ли оскорбление это нанесено умышленно или по невежеству, нам в данной ситуации не важно.

После того, как кинжал был пущен по кругу, чтобы все смогли налюбоваться им вдоволь, согнутая фигура Кимона Эураса разогнулась достаточно, чтобы суметь выдавить из себя вопрос:

— Что еще может обвинение предъявить в качестве доказательства вины подсудимого?

— Только что вы видели перед собой оружие, которым было совершено жестокое деяние, — объявил заупокойным голосом Морну. — Теперь же суду будет представлен человек, имевший в тот роковой день это оружие в руках.

В зал суда был наполовину введен, наполовину внесен отчаянно вырывающийся молодой человек. Голова его была закрыта рогожным мешком, но король ЯндоЛанганол немедленно узнал в нем виденного им невольника, привезенного ночью ко дворцу в деревянном фургоне.

Прозвучал приказ, и мешок с головы человека был сдернут.

Юноша, которого увидели зрители, весь, казалось, состоял только из яростно взъерошенных длинных волос, покрытого синяками лица и рваной рубашки. Один из приведших его стражников сильно толкнул его в бок, он поник, перестал вырываться и начал хныкать. Король ЯндоЛангол тут же узнал в нем своего сына, РобайдайЛангола.

— Роба! — крикнул король, за что незамедлительно получил такой удар по почкам, что согнулся от боли пополам. Он упал на скамью. Увидев собственного сына, он потерял последние силы. Роба, попавший в неволю. Роба, который больше всего на свете боялся именно неволи...

— Этот молодой человек был задержан агентами его величества в порту Оттассол, что в Борлиене, — объявил Криспан Морну. — Его не так-то легко оказалось выследить, поскольку иногда он выдавал себя за мади, ловко имитируя их манеру поведения и соответствующим образом одеваясь. Тем не менее он человек. Его имя РобайдайЛангол. Он является сыном обвиняемого, и его необузданный и дикий образ жизни уже давно стал притчей во языцех.

— Это ты убил принцессу Симоду Тал? — грозно потребовал ответа судья голосом, напоминающим звук рвущегося пергамента.

Робайдай разразился рыданиями, прерываемыми судорожным лепетом о том, что никаких принцесс он не убивал, что в Олдорандо никогда прежде не был и что сейчас просит только об одном — как можно скорее отпустить его туда, где он мог бы продолжать жить своей прежней жизнью, простой и понятной.

— По чьему наущению ты совершил убийство? — потребовал ответа Криспан Морну, каждое слово которого напоминало стук топора, опускающегося на плаху. — Твой отец велел тебе?

— Я ненавижу своего отца! Я боюсь его! О чем бы он ни попросил меня, я никогда не исполнил бы его просьбы!

— Тогда почему ты убил принцессу Симоду Тал?

— Я не убивал ее. Не убивал. Я невиновен, клянусь.

— Не убивал ее? Тогда кого же ты убил?

— Никого. Я никому не причинял зла. Я невиновен.

Словно только и ждавший всю свою жизнь от принца именно этих слов, Криспан Морну вскинул над головой покрытую старческими пятнами руку и вслед за рукой задрал свой тонкий нос, да так высоко, что тот засиял, пронизанный лучами солнца, словно кусок медвяного воска.

— Только что вы слышали, как этот молодой человек заявил, что никого в своей жизни не убивал. Сейчас мы представим вам свидетеля, который уличит его во лжи. Приведите свидетеля.

В зал суда вошла молодая женщина. Она вошла как будто бы добровольно, хотя и в сопровождении пары стражников. Пока она двигалась от двери к месту свидетеля, весь зал с живейшим интересом рассматривал ее фигуру и лицо. Она была молода, красива и соблазнительна. Щеки были ярко зарумянены. Черные волосы тщательно расчесаны и блестели. На ней был обтягивающий бедра чардирак, цветочный рисунок которого выгодно подчеркивал ее фигуру. Остановившись перед судейским столом, девушка уперла одну руку в бедро, чуть вызываяще, при этом имея вид одновременно невинный и манящий.

Судья Кимон Эурас качнул своим алебастровым черепом, быть может, для того, чтобы лучше оценить тугие формы свидетельницы и голос его в этот момент приобрел более человеческие интонации.

— Назови свое имя, девица.

— Пожалуйста, ваша честь, — меня зовут АбазВасидол, — слабым голосом отозвалась Абази. — Среди друзей меня обычно называют Абази.

— Уверен, что друзей у тебя немало.

Криспан Морну торжественно объявил:

— Сия молодая девица была привезена во дворец агентами его величества. Она согласилась ехать без принуждения, по своей собственной воле, за что, после того как истина восторжествует, будет хорошо вознаграждена. Абази, не расскажешь ли ты нам, когда в последний раз видела этого молодого человека и при каких обстоятельствах.

Прежде чем заговорить, Абазы облизнула свои блестящие губы.

— О, сударь, я тогда находилась в своей комнате, в моей маленькой комнате в домике в оттассольском порту. Со мной был мой друг, по имени Див. Мы с ним сидели на кровати и разговаривали. Внезапно дверь распахнулась и этот человек...

Абазы замолчала.

— Продолжай, девица.

— Это ужасно, ваша честь...

В зале суда повисла напряженная тишина.

— В общем, сударь, этот человек вбежал в мою комнату с кинжалом в руке. Он хотел увести меня с собой, но я отказалась. Я не позволяю с собой ничего такого. Див пытался защитить меня, и тогда этот человек... он ударил Дива своим кинжалом — это был рог фагора, хотя вы, наверное, и так знаете — и убил Дива. Он ударил Дива кинжалом прямо в живот.

— И что же произошло после этого?

— Сударь, я уже говорила вам — этот человек забрал с собой бедного Дива и выбросил его тело в море.

— Все это ложь, все специально придумано, чтобы опровергнуть нас! — закричал со своего места король ЯндолаАнганол. — Ах ты, лживая сучка!

Свидетельница взглянула на короля. Она уже почти освоилась со своей ролью. И начала получать от нее даже удовольствие.

— В том, что я сказала, нет ни слова лжи. Обвиняемый забрал из моего дома тело мертвого Дива и выбросил его в море. Но более всего удивительно, что несколько дней спустя это самое тело снова вернулось в Оттассол, в повозке со льдом. Вторично я видела его, то есть тело мертвого Дива, в доме моего опекуна и хозяина, Бардола КараБансити — впоследствии ненадолго ставшего советником короля Борлиена.

На этот раз король ЯндолаАнганол обратился прямо к судье:

— Эта история — сплошная выдумка, ибо она совершенно невероятна. Как вы могли поверить такому?

— Здесь нет ничего невероятного, и я сейчас докажу это, — дерзко отозвалась Абази. — У Дива имелся с собой удивительный предмет, драгоценность, представляющая собой часы с тремя рядами цифр. Эти цифры менялись сами собой, словно живые. Див хранил эти часы в своем кошельке, который носил на поясе. Труп Дива был доставлен к КараБансити вместе с драгоценными часами. КараБансити часы эти нашел и передал его величеству, королю ЯндолАнганолу, у которого они, должно быть, и находятся до сих пор.

Говоря это, девушка драматически указала пальчиком на короля Орла.

Король ЯндолАнганол заметно сник. Часы действительно были у него — лежали забытые в кармане туники.

Только сейчас, когда стало уже слишком поздно, он вдруг вспомнил, как всегда страшился этой чужеродной вещи. Когда БиллишОупин, человек, объявивший, что он прибыл из другого мира, с каких-то далеких звезд, преподнес ему эти часы в качестве дара, он с отвращением бросил их ему обратно. Мистическим образом эти же самые часы вернулись к нему. Как он ни старался, но избавиться от этого странного предмета так и не смог.

И вот теперь часы сыграли в его судьбе роковую роль.

Говорить он больше не мог, да и нечего ему было сказать. Теперь уже ничто не сможет спасти его, даже его верность Акханабе.

— Итак, мой дорогой брат, имеется ли у вас с собой эта драгоценность? — спросил, наслаждаясь этой минутой, король Сайрен Станд.

— Эти часы были предназначены мной в качестве свадебного подарка принцессе Милуе Тал... — слабым голосом отозвался ЯндолАнганол.

Под сводами зала суда разнесся невнятный гул. Король Сайрен Станд закрыл лицо руками, чтобы скрыть свой триумф.

Когда порядок был наконец восстановлен, Криспан Морну задал Абази еще один вопрос:

— Убедена ли ты, девица, в том, что этот молодой человек, сын короля ЯндолАнганола, принц РобайдайАнганол, и есть тот самый убийца, оборвавший жизнь твоего друга Дива? Ведь со дня убийства ты больше его так и не видела?

— Сударь, насколько вы понимаете, его жестокий поступок навлек на меня большие неприятности. На другой день РобайдайАнганол вернулся. Я не знаю, что бы со мной было, если бы ваши люди не пришли и не забрали его.

Вслед за словами Абази в зале суда наступила краткая пауза, в течение которой присутствующие пытались представить себе, что могло бы случиться с такой привлекательной молодой девушкой.

— Позволь, Абаз, задать тебе последний и немного личный вопрос, — заговорил наконец Криспан Морну, пригвоздив Абази к месту своим застывшим взглядом. — Ты, как следует по твоему рождению, простолюдинка, но тем не менее имеешь многих высокопоставленных друзей, обладающих обширными связями. Твое имя связывают с именем некого сиборнельского посла. Что ты можешь сказать по этому поводу?

— Какой стыд, — раздался возглас со зрительских скамей, но Абази оставалась совершенно спокойной.

— Я имела удовольствие быть знакомой с одним сиборнельским господином, сударь. У сиборнельцев хорошие манеры и мне нравится их общество.

— Благодарю тебя, девица Абаз, твои показания были для нас очень ценными, — проговорил Криспан Морну ледяным тоном, сопроводив свои слова острой, как лезвие стилета, улыбкой. После этого он опустил на место, и снова заговорил только тогда, когда Абази покинула зал суда.

— По моему мнению, больших доказательств для подтверждения вины не требуется. Благодаря показаниям девушки сын короля Борлиена уличен как убийца. Его излюбленным оружием был рог фагора и именно этим же самым рогом он убил Симоду Тал. Его отец в своем дворце ждал, когда сын совершит убийство, чтобы отправиться в наш город, где его так гостеприимно встретили, и здесь оконча-

тельно завершить свой злодейский план, убив теперь уже единственную дочь нашего короля принцессу Милую Тал. Здесь, господа, перед нами раскрывается черный план, самый жестокий и кровавый, какой только знала история. Без колебаний мы требуем — и не только перед судом, но и перед всем нашим народом — смертной казни, как для отца, так и для сына.

Уже во время допроса Абазы РобайдайАнганол превратился в обычного мальчишку, только и способного на то, чтобы просить тихим умоляющим голосом:

— Прошу вас, отпустите меня. Я не способен на придворное коварство. Я не был исполнителем воли моего отца, да и ничьей другой воли тоже, и я никого не убивал.

Медленно и драматически повернувшись, Криспан Морну взглянул на молодого человека.

— Итак, ты не убивал Симоду Тал?

РобайдайАнганол торопливо облилиз губы.

— Разве может лист дерева кого-то убить? Я лишь древесный лист, сударь, не более того, лист, подхваченный всемирной бурей.

— Ее величество Бакхаарнет-она готова опознать тебя как лицо, посетившее ее во дворце некоторое время назад под обличем мади, кем ты прикинулся, чтобы тебе удобнее было совершить свое безжалостное деяние. Желает ли ты, чтобы ее величество указала на тебя пальцем при всех присутствующих прямо в этом зале?

Робайдай отчаянно задрожал.

— Нет, я не хочу этого.

— В таком случае доказательств более чем достаточно. Этот молодой человек, ни более ни менее как борлиенский принц, пробрался в наш дворец и — по приказу своего отца — убил нашу возлюбленную принцессу, Симоду Тал.

Все взгляды устремились на судью. Прежде чем объявить приговор, судья некоторое время смотрел в пол перед собой, словно бы размышляя.

— Вердикт будет следующим. Рука, совершившая убийство, принадлежала сыну. Разум, управляющий всем делом

и направляющий руку, принадлежал отцу. Кто из них виновен больше? Ответ ясен...

Робайдай испустил стон подлинной муки. Выбросив вперед руку, он вскочил с места, словно хотел помешать словам сорваться с губ Кимона Эураса.

— Ложь! Все ложь! Все, что сейчас прозвучало в этом зале, с начала до конца ложь. Я скажу вам правду, пускай эта правда и будет означать мою смерть! Я признаюсь в том, что Симоду Тал действительно убил я. Но я сделал это не потому, что находился в сговоре со своим отцом. Нет, это невозможно. Мы с ним — что день и ночь. Я сделал это, чтобы причинить ему боль.

Вы говорите, что я был с ним в сговоре? Да я принципиально ни разу не исполнил ни одной его просьбы. Я даже отказался жениться, когда он меня просил об этом! Подумайте, как бы я согласился по его просьбе отнять у кого-то жизнь! Я говорю вам, что этот человек невиновен. Пусть я обречен и моя смерть будет мучительной, но никогда, слышите — никогда — я не войду со своим отцом в сговор, и пусть это услышат все находящиеся под сводами этого зала. Быть может, мне бы и хотелось жить со своим отцом в согласии, но по сию пору это было невозможно. Зачем мне было помогать тому, кто никогда не помогал мне?

Принц затряс головой так, словно хотел сбросить ее со своих плеч.

Наступила тишина.

— Если бы ты промолчал, то смог бы отомстить отцу гораздо сильнее, — ледяным тоном заметил наконец Криспан Морну.

Вскинув голову, Робайдай окинул священника холодным и совершенно разумным взглядом.

— Я всегда боялся в людях зла. Но сейчас я понял, что в вас кроются силы более страшные, чем в этом человеке, который стоит перед вами и голова которого сгибается под тяжестью короны Борлиена.

Сидя на скамье, король ЯндолАнганол упрямо смотрел в потолок, словно не слыша, что происходит в этом зале. На самом же деле он плакал.

Плохо скрывая волнение, судья обратился к публике.

— Ввиду чистосердечного признания сына, а история знала немало неблагодарных сыновей... Итак, перед лицом Всемогущего Акханаба я объявляю, что король ЯндолАнганол невиновен в убийстве принцессы Симоды Тал и освобождается из-под стражи. Сын же его, РобайдайАнганол, будет препровожден из зала суда в тюрьму и предан казни через повешение. Время казни будет назначено королем Олдорандо Сайреном Стандом.

Когда все стали медленно подниматься со своих мест, под сводами зала разнесся голос короля Сайрена Станда:

— Не забудьте, что сегодня в полдень нас ожидает продолжение спектакля: СарториИрвраш желает выступить перед нами с речью. Послушаем, что он нам скажет.

Глава XXI

УБИЙСТВО АКХАНАБА

Аудитория, которая следила за драмой, разыгравшейся во дворце Олдорандо, была более многочисленна, чем мог себе представить король Сайрен Станд.

Однако нельзя было сказать, что исключительно все население Аверна было увлечено именно этими событиями, в которых король ЯндолАнганол играл решающую роль. Некоторые ученые гораздо больше внимания уделяли глобальным природным переменам, происходящим в разных уголках планеты, а также не менее значительным событиям в ее социосфере, в которых король Борлиена был всего лишь второстепенной эпизодической фигурой. К примеру, группа ученых дам из семейства Тан занималась выявлением корней местечковых раздоров, которые продолжались уже в

течение многих столетий. Они прослеживали развитие конфликтов от одного поколения к другому, определяя, где брало начало то или иное неразрешимое противоречие, где это противоречие переходило рубеж конфликта и когда каким путем разрешалось. В частности, одним из объектов наблюдения этой группы была небольшая деревня в северной провинции Борлиена, через которую король, направляясь в Олдорандо, недавно проехал. Тут отправной точкой конфликта был вопрос о том, имеют или не имеют право свиньи, принадлежащие двум соседям, пить из одного и того же ручья. Через некоторое время и свиньи и ручей были забыты, но конфликт и не думал утихать и дело постепенно дошло до небольшого кровопролития. Появление на улице деревни короля ЯндолАнганоло и его фагорского эскорта также спровоцировало драку, в которой одному из молодых людей сломали палец.

В настоящее время леди Тан работали над ссорой, имевшей место два столетия назад, начавшейся с весьма неприятного инцидента — старик из одной деревни был ограблен жителями другой деревни. После того как инцидент был наконец исчерпан, о нем сложили очень красивую песнь, с тех пор певшуюся традиционно при каждом удобном случае на каждом деревенском празднике. По мнению ученых леди, подобный инцидент был настолько же жизненно важен для культуры планеты, как и суд над ЯндолАнганолом — и конечно же, гораздо более важен, чем все текущие перипетии неорганического мира.

Другая группа ученых занималась исследованием предметов еще более эзотерических. Они особенно пристальное внимание уделяли упадку, который в настоящее время переживали фагоры. Факт миграции фагоров, кажущийся столь удивительным для жителей Гелликонии, на Аверне не удивлял никого. Фагоры имели уходящие корнями в давние времена рефлексy и манеру поведения, от которых они не смогли освободиться до сих пор, хотя жители на Гелликонии придерживались противоположного мнения. Появился вид так называемых «одомашненных» фагоров, с готовнос-

тью принявших руководство человека, как в свое время произошло с кзаххнами. Но была и другая группа фагоров, с которой человек практически никогда не встречался. Именно они выживали во время резкой смены сезонов. Это были свободные создания, независимые от человека и не испытывавшие на себе его влияния.

Олдорандо, разумеется, тоже исследовали. Группа ученых занималась историей и развитием наиболее распространенных представителей населения страны.

Когда электронные глаза Аверна впервые взглянули на Олдорандо, в ту пору еще Эмбруддока, это место было известно только лишь своими горячими источниками да еще сливанием двух рек. Вокруг горячих источников среди бескрайней ледяной пустыни стояли несколько приземистых башен. Уже в ту пору, в годы первых авернских исследований, было отмечено, что место это расположено очень выгодно стратегически, и в будущем, когда климат наконец исправится, наверняка станет центром активного развития цивилизации.

В настоящее время Олдорандо стал городом гораздо более известным и популярным, чем кто-либо из членов шести семейств мог в ту далекую пору предположить. Подобно живому организму, город разрастался в благоприятное время года и как бы уменьшался во время холодов или невыносимой жары.

Однако, как считали на Аверне, история этого края только-только начиналась. Авернцы занимались регистрацией всех событий на поверхности планеты, они передавали накапливающийся поток сведений в сторону Земли, но информация, которую они передавали, должна была достигнуть Земли только лишь в 7877 году, то есть тогда, когда на Станции пройдет два полных больших цикла.

Ученые будут продолжать анализировать полученную информацию, будут пытаться предсказать развитие Гелликонии в веках, но ни один из обитателей Аверна, каким бы проницательным он ни был, не мог решить вопросы ближайшего будущего, над которыми так же безуспешно бился король ЯндолАнганол.

* * *

Король Сайрен Станд в первый раз после того, как была убита его старшая дочь, пребывал в наилучшем расположении духа. Он предвкушал событие, которое должно было произойти в полдень, и вместе с тем он снова и снова переживал восторг от унижения короля ЯндолАнганолоа. Король Станд, подкрепившись легким завтраком, состоящим из мяса дорзинской козы, созвал в дворцовом саду своих советников, чтобы еще раз, но уже перед ними, пережить сладость победы.

— Не скрою, что я и не рассчитывал на то, что мне удастся так легко одолеть короля ЯндолАнганолоа, — откровенно признался он своему совету. — При помощи угрозы смертной казни я хотел только лишь немного осадить его. И этот его сын, это волосатое грязное ничтожество, пришелся здесь как нельзя кстати. Король Анганол полагал, что ему позволено все. Но это оказалось не так.

Старший советник, выступив вперед, произнес благодарственную речь его величеству.

— Мы рады видеть, как вы, ваше величество, так умело смогли поставить на место этого монарха, который привечает на землях своего королевства фагоров и обращается там с ними... почти как с людьми. Мы здесь, в Олдорандо, знаем и знали всегда, что в действительности фагоры всегда были и останутся лишь грязными животными и ничем иным. У двурогих все повадки и ужимки животных. Пускай они говорят. Но попугаи и претты тоже говорят. Однако в отличие от попугаев и претт эти фагоры всегда были враждебно настроены к людям. И мы считаем, что эти отвратные и враждебные нам создания должны быть истреблены полностью: сначала устранены из рядов человеческого общества, а потом и вообще стерты с лица земли. По сию пору нам приходится терпеть присутствие в Парке Свистуна друзей короля Анганолоа. Сегодня днем мы должны будем доказать нашему доброму королю Сайрену Станду нашу преданность еще раз. Мы должны избавить наш город от этого зловонного стада, вместе с его гнусным гуртовщиком. Вышвырнуть их из города!

Со всех сторон послышались дружные аплодисменты.

Подобная лесть нравилась королю Олдорандо. Однако при этом он понимал, что Олдорандо необходим союз с Борлиеном. Но король Станд хотел играть в этом союзе главенствующую роль. Кроме того, он надеялся, что окажет серьезное влияние на нацию, которая с недавних пор начала сомневаться в монархе-союзнике, то есть на панновальцев. Этот вопрос должен был решиться в полдень. Таким образом, сегодня он намеревался бросить вызов монополии Це'Сарра на веру и военное первенство. Всего этого он собирался достигнуть путем серьезного улучшения господствующей и проводимой Панновалом философии, направленной против расы фагоров. Разговор с СарториИрврашем убедил короля Олдорандо в том, что открытие этого ученого поможет ему добиться желаемого результата.

С самим СарториИрврашем он заключил сделку. В обмен на небольшое выступление перед придворными и избранными церковниками Сайрен Станд обещал бывшему советнику помочь вытащить Оди Джесератабхар из сиборнельского посольства. Он также обещал Оди и СарториИрврашу предоставить безопасное жилье при дворце, где они смогли бы жить и работать. Обе стороны остались довольны друг другом.

Утренняя жара отняла силы у многих и полуденное представление решено было устроить во дворцовом саду, где били фонтаны, на листе блестела влага и где между деревьями были развешаны паланкины.

Когда придворные и представители Церкви собрались в саду, появился король Сайрен Станд, ведущий под руку королеву. Вслед за высочайшей четой шла принцесса-дочь. Король Олдорандо обвел присутствующих взглядом в поисках ЯндолАнганола. Милуя Тал увидела короля Орла первой и заторопилась через лужайку к нему. Король ЯндолАнганол стоял под деревом в компании своего оружейника и двух капитанов.

— А эти парни смелые ребята, — пробормотал Сайрен Станд. Сразу же после суда он приказал доставить Анганолу

украшенное виньетками письмо с извинениями за ошибочное обвинение и заключение в темницу, что, по мнению хозяина дворца Олдорандо, имело оправдание по причине внешней вескости улик. О чем король Станд не знал, так это о том, что его жена, Бакхаарнет-она, в тот же час отправила борлиенцу сходное письмо, в котором выразила свою боль и муку за все случившееся и, в частности, назвала своего мужа «палачом любви».

Когда король наконец удобно уселся на своем троне, прозвучал удар гонга и на поляне появился облаченный во все черное Криспан Морну. Отсутствующий Кимон Эурас, секретарь министерства, очевидно, был слишком утомлен утренними событиями.

Поднявшись на помост, возведенный в середине лужайки, Морну поклонился королю и королеве и заговорил голосом, о котором один из придворных остряков однажды заметил, что в голосе этом имеется столько же благозвучия, сколько можно найти любовного пыла в публично повешенном.

— Событие, которое должно случиться сегодня, достаточно редкое и необычное. Сегодня мы будем свидетелями открытия, совершенного силой мысли, и станем первыми, кто вкусит плоды труда исследования истории и естественной философии. В настоящее время мы, как одна из самых просвещенных наций, понимаем, в чем причина прерывистости истории нашего народа, да и многих других народов тоже. Причина здесь заключена в цикличности Великого Года, состоящего из 1825 малых лет, а отнюдь не в войнах или лени, как иногда заявляется. В течение Великого Года имеются два противоположных периода — глубокого ледяного холода и испепеляющей жары. Таково наказание, посылаемое Всемогущим на человечество за его грехи. Во время холодных лет развитие цивилизации, как правило, замирает, а иногда и откатывается назад. Но не буду утомлять вас своими речами.

Благородное собрание, я представляю вам известного ученого и философа, доктора СарториИврваша.

Раздались вежливые хлопки. Для подавляющего большинства присутствующих музыка и непристойные представления были значительно интереснее, чем интеллектуальные беседы.

На помост взошел СарториИрвраш. Он казался совершенно спокойным и уверенным. Вместе с ним на помост поднялась Оди Джесератабхар, в красивом чаргираке с цветочным рисунком. Уже совершенно оправившись от раны, причиненной ей ассатасси, она чувствовала себя отлично и выглядела очень энергичной. На присутствующих она взглянула типичным взглядом ускутки — холодно и надменно.

Бывший советник матрассильского двора принес с собой несколько книг, которые, прежде чем начать говорить, аккуратно разложил на столе.

— Прежде всего я хочу поблагодарить короля Сайрена Станда за предоставленное мне убежище.

Много лет я служил советником у короля ВарпалАнга-нола, после чего перешел на службу к его сыну, который сегодня присутствует здесь. Этот человек, король Борлиена, в пылу ярости снял меня с поста советника и, уверяю вас, совершенно несправедливо. Будучи советником при королевском дворе Борлиена, я в течение многих лет проводил систематизацию накопленных в нашем мире знаний и описывал их в труде, названном мною «Алфавит Истории и Природы». В этом труде я попытался отделить миф от реальности. Именно об этом я собираюсь говорить сейчас.

После того как я попал в матрассильском дворе в немилость и был изгнан, все мои бумаги были безжалостно сожжены, в результате чего работа моей жизни погибла. Но осталось знание, которое я сохранил в своей голове. Используя это знание и опыт, который я приобрел после изгнания меня из Борлиена, а также благодаря помощи вот этой прекрасной леди, что стоит рядом со мной, Оди Джесератабхар, адмирала воинов-священников сиборнельского флота, я сумел разрешить многие из важнейших загадок, над которыми ломал голову с давних времен.

Разрешите остановить ваше внимание на одной из них. Именно решение этого вопроса мне показалось чрезвычайно важным, имеющим космологическое значение, и кроме того, с ним мы сталкиваемся в нашей жизни ежедневно. Прошу вас потерпеть немного и, несмотря на жару, выслушать меня до конца, а я в свою очередь постараюсь быть как можно более краток, хотя, как известно, это не всегда входило в мои привычки.

Улыбнувшись, он внимательно осмотрел присутствующих. В глазах, устремленных на него со всех сторон, читались внимание и интерес. Воодушевившись, он смело перешел к делу.

— Смею надеяться, что я никого не задену тем, о чем буду говорить ниже. Я уповаю на то, что человеку в принципе присуще любить правду более всего на свете.

Погрязнув в своих житейских хлопотах, мы редко поднимаемся над собой, чтобы узнать, что творится в мире. То, что происходит сейчас с Гелликонией, воистину подобно чуду. Наш мир напитан жизнью до краев. Жизнь, копытная и крылатая, существует всюду от одного полюса до другого. Неисчислимые стада фламбергов, в каждом стаде не менее миллиона голов, без видимой цели мчатся по просторным равнинам Сиборнельского материка. Я был свидетелем нашествия такого стада, и поверьте мне, то, что я видел, незабываемо. Откуда появились эти рогатые создания? Как давно они существуют на свете? На эти вопросы у нас нет ответа. Нам остается только неметь от благоговейного ужаса при виде подобного множества живых существ.

Но древняя тайна может быть раскрыта, стоит нам только отбросить излишнее стеснение пред лицом природы. Причем тайна эта могла быть раскрыта очень давно, если бы все короли обладали мудростью короля Сайрена Станда.

С этими словами СарториИрвраш поклонился в сторону монарха, который ответил ему улыбкой. С разных сторон донеслись разрозненные хлопки.

— В то время, когда мое существование при дворе в Матрассиле еще было мирным, мне доводилось бывать в обще-

стве МирдемИнггалы, прозванной за ее несравненную красоту королевой королев — очевидно, потому, что люди, давшие МирдемИнггале такое имя, не знали королевы Бакхарнет-она. Вместе с МирдемИнггалой всегда была ее дочь, юная принцесса ТатроманАдала. Я часто играл с принцессой и читал ей сказки из ярких детских книжек, которых у той было во множестве. Мои бумаги уничтожены, но, по счастью, книжки принцессы Татро не постигла та же участь, даже после того как ее жестокий отец изгнал ее вместе с матерью в ссылку на побережье. Вот книга, которую я когда-то читал Татро.

В этом месте Оди взяла со стола небольшую книгу и подняла ее так, чтобы было видно всем.

— В книге Татро была одна сказка, называющаяся «Серебряный Глаз». Много раз я читал эту сказку принцессе, не вникая во внутренний смысл этого произведения. И лишь по воле случая пустившись в плавание, я сумел угадать правду. Возможно, это случилось потому, что стада фламбергов так напомнили мне странствующих примитивных фагоров древности.

У присутствующих, которые слышали ненавистное им слово «фагор», заметно возрос интерес к речи СарториИрв-раша.

— Так, в сказке о Серебряном Глазе упоминается фагор. Точнее, здесь речь идет о гиллоте, состоящей советником при дворе короля сказочной страны Понпот. Хотя страна эта не такая уж сказочная — сегодня Понпот, ныне называющийся Понипот, благополучно существует к западу от Барьерных Гор. Гиллота, обладающая магической силой, направляла короля и давала ему мудрые советы, касающиеся разрешения вопросов его управления королевством. Закончилось тем, что король стал зависим от любого слова гиллоты, как малый сын от матери. В конце сказки король убивает гиллоту.

Серебряный Глаз, о котором идет в этой сказке речь, есть некий предмет в небе, напоминающий солнце, но только серебристого цвета и светящий по ночам. Глаз этот можно

было бы сравнить также и с недалекой звездой, не дающей тепла. Когда король убил гиллоту, Серебряный Глаз уплыл в небо и больше не появился.

«Что все это может означать? — спросил я себя. — Нет ли в сказке скрытого смысла?»

Подойдя к самому краю помоста, СарториИрвраш, уже очень взволнованный и желающий как можно скорее выложить наконец самое сокровенное, склонился через перила к аудитории и протянул к ней руку.

— Ответ в конце концов был найден мной во время плавания на ускутском военном корабле. Судно наше попало в штиль в проливе Кадмира. Леди Оди Джесератабхар и я отправились на остров, где нам удалось захватить живьем гиллоту с черной шерстью. Известно, что перед началом брачного периода и гона у самок фагоров бывают в течение одного дня месячные. Всю жизнь пренебрегая фагорами и имея к ним стойкое предубеждение, я никогда не изучал их языков, ни родного, ни хурдху, но общаясь с гиллотой через переводчика, я вдруг выяснил, что на хурдху месячные у гиллот произносятся как «теннхрр». Вот это-то и послужило ключом к открытию!

В своих записках, так безжалостно уничтоженных королем ЯндолАнганолом, я отмечал, что у фагоров, какими бы примитивными они ни были, тоже существуют легенды, одна или две, передающиеся из поколения в поколение. Трудно было ожидать, что в этих легендах может крыться хоть какой-то малейший смысл. Однако в одной из легенд говорится, что когда-то давным-давно вокруг Гелликонии обращалось некое дочернее тело, точно так же как сама Гелликония обращается вокруг Беталикса, а Беталикс вокруг Фреира. Когда вблизи нашей планеты появился Фреир и на планете произошло зарождение людей, это дочернее тело по какой-то причине уплыло. Так следует из легенды фагоров. Причем называлось это пропавшее небесное тело не иначе как Т'Сехнрр.

«Не может ли оказаться так, что слова «теннхрр» и «Т'Сехнрр» означают одно и то же?» — такой вопрос я задал себе.

Теннхрр случается у гиллот десять раз в течение малого года — каждые шесть недель. Таким образом, можно предположить, что Серебряный Глаз в небесах являлся как бы мерилом для наступления месячных. Но могло ли быть так, что «Т’Сехнрр», допуская его существование, облетал Гелликонию один раз за шесть недель? Каким же образом проверить то, что происходило столько веков назад и даже в человеческой истории об этом не сохранилось документальных свидетельств?

Ответ и здесь был мной найден — он крылся в сказке из книжки Татро.

В сказке говорится, что Небесный Глаз то открывался, то закрывался. Это могло означать, например, что глаз становился то больше, то меньше, в зависимости от расстояния, на котором он пребывал от Гелликонии, как это происходит теперь с Фреиром. По сказке, Глаз широко или полностью открывался десять раз в году. Понимаете? Снова десять. Взятые из разных мест фрагменты начали совпадать.

Надеюсь, теперь вам понятен тот вывод, к которому я немедленно пришел?

СарториИрвраш обвел глазами аудиторию и понял, что никто из присутствующих к никакому выводу не пришел. Слушатели вежливо ждали продолжения. Он снова заговорил, не заметив, что его голос от волнения поднимается до крика.

— Когда-то наш мир имел спутник, так называемую луну, серебряную луну, Глаз в Небесах, который он потерял во время каких-то невероятных катаклизмов. Луна эта уплыла прочь, каким образом, нам неизвестно. Луна называлась Т’Сехн-Хрр, и имя ей было дано фагорами.

Заглянув в свои записки, СарториИрвраш коротко переговорил с Оди; в продолжение паузы его слушатели в нетерпении елозили на своих местах. Когда СарториИрвраш заговорил снова, в голосе его появилась суровая нотка.

— Почему, спросите вы, имя луне дали именно фагоры? Почему человечество не располагает никакими записями о небесной сестре Гелликонии?

И я, представьте себе, нашел-таки потерянную луну. Но не в небе, а в совершенно ином месте — в нашей повседневной речи. Каким образом, скажите, устроен наш календарь? Восемь дней в неделе, шесть недель в теннере, десять теннеров в году из четырехсот восьмидесяти дней... Никто из нас никогда не спрашивал себя, почему наш календарь устроен именно так. Никому из нас не приходило в голову узнать, отчего теннер зовется именно теннером, и никак по-другому, и почему в году ровно десять теннеров, а не иначе.

Но и это еще не все. Наше всем известное слово «теннер» означает момент, когда Небесный Глаз бывал полностью раскрыт. Так люди приняли в свою речь слово фагоров «теннхрр». Наш «теннер» — это «теннхрр» фагоров, и он же — «Т'Сехн-Хрр».

Тихий говор, зародившийся среди слушателей, постепенно становился громче. Сайрен Станн оглядывался по сторонам и, видимо, чувствовал себя очень неловко. Взяв со стола книжку Татро еще раз, СарториИрвраш призвал присутствующих к молчанию. Он был настолько увлечен своим рассказом, что уже не замечал пропасть, разверзшуюся у его ног.

— Вот, друзья мои, и весь вывод, к которому я пришел. Вот среди вас стоит король ЯндоЛанганол и вы можете спросить его — я уверен, он знает правду и не посмеет опровергнуть мои слова — ибо не кто иной, как он, всеми силами способствует тому, чтобы на землях его королевства нечелы спокойно селились и размножались во множестве.

Но король ЯндоЛанганол никого больше не интересовал. Злобные лица уставились на СарториИрвраша.

— Окончательный вывод так же ясен и очевиден. Раса фагоров вовсе не раса недавних пришельцев-захватчиков, каковыми являются, например, дриаты. Нет. Двурогие — это древняя раса. Некогда фагоры населяли всю Гелликонию сплошь, как теперь фламберги покрывают области Приполярья.

Фагоры были произведены на свет не во время последней Вейр-Зимы, как зовут холода сиборнельцы. Нет. Счи-

тать так — означает расписываться в своем невежестве. Правда в том, что на Гелликонии фагоры появились задолго до людей.

Фагоры владели Гелликонией прежде, чем в ее небе появился Фреир — и возможно, это продолжалось очень и очень много веков. Люди появились много позже. Сначала люди зависели от фагоров, были привязаны к ним накрепко. Фагоры научили людей речи, и потому в нашем языке до сих пор сохранилось столько слов двурогих. «Кхмир» на родном означает «период гона». Даже само имя нашего мира, «Гелликония», вышло из языка фагоров.

Король ЯндолАнганол наконец нашел в себе силы произнести слово. То, о чем говорил его бывший советник, настолько потрясло основы веры, что в течение некоторого довольно долгого времени король Орел стоял словно бы в трансе, выпучив глаза и приоткрыв рот, напоминая больше рыбу, чем гордую птицу.

— Ложь, ересь, святотатство! — выкрикнул он.

При слове «святотатство» опомнились и другие. Но вмешательство короля Сайрена Станда остановило зарождающийся скандал — монарх направил к ЯндолАнганолу стражников, которым было поручено следить за тем, чтобы вспыльчивый борлиенец не мешал выступлению. К королю Орлу устремились несколько дюжих воинов, но им пришлось остановиться перед сверкнувшими остриями мечей борлиенских капитанов, в любую секунду готовых к драке.

СарториИрвраш поднял голос.

— Итак, истина в том, что фагоры появились на свете много раньше людей. Фагоры были господствующей расой на Гелликонии и, вполне возможно, обращались с нашими предками как с животными до тех пор, пока мы, люди, не восстали и не освободились от их господства.

Нарастающий шум перешел в крики, которые становились все громче и громче. Некоторые люди, наоборот, опускались на колени и тихо молились. В саду появилась еще одна группа стражников, и несколько придворных дам по-

торопились уйти, не дожидаясь, когда начнется скандал и дело дойдет до рукопашной. В СарториИрвраша был брошен первый камень, угодивший ему в руку. Потирая ушибленное место, он продолжал говорить.

Обитатели Земли с сочувствием следили за событиями, которые разворачивались в саду короля Сайрена Станда. Земляне знали, что в словах СарториИрвраша содержится правда или почти правда. Знали они также и то, что человеческое существо отнюдь не любило правду превыше всего на свете, как полагал бывший советник. Правда была тем, за что все время приходилось бороться.

Космологи на Земле и Аверне реконструировали событие с исчезновением Т'Сехн-Хрр с максимально возможной степенью приближения. Катаклизм случился восемь миллионов земных лет назад, когда силы гравитации звезды, зовущейся Фреир, размерами и массой в 14 раз превышающей Солнце, вырвали Т'Сехн-Хрр из объятий Гелликонии.

Из вычислений следовало, что радиус Т'Сехн-Хрр составлял 1252 километра против 7723 километров Гелликонии.

Эти эпические события накрепко запечатлелись в безвременном сознании фагоров.

Кроме самого факта космологического события такого порядка, землян удивляло также и то, каким образом сумела Гелликония вообще пережить потерю своего спутника.

— Да, я понимаю, что подобное звучит как кощунство против нашего единого Бога, и прошу у вас за это прощения, — закричал в толпу СарториИрвраш. — Но я должен был сказать вам правду — в этом я видел свой долг. И объясню почему: поскольку фагоры были когда-то господствующей расой, то если их не уничтожить сейчас, они снова могут взять верх над людьми. Поставленные мной эксперименты позволили установить, что мы, люди, те же животные. Путем ли божьей воли или по другой причине, но люди в свое время произошли от иных — от домашних зверей фагоров,

и случилось это после вселенского катаклизма. Люди произошли от иных точно так же, как в свое время фагоры произошли от фламбергов. И поскольку фагоры потомки фламбергов, то вполне может случиться так, что в один прекрасный день они снова покроют наш мир своими неисчислимыми стадами. Фагоры ждут своего часа, затаившись со своими кайдау на заоблачных плоскогорьях Нктрихта. Они в любой день готовы спуститься на равнины и отомстить нам. Они сотрут людей с лица земли. Помните об этом и страшитесь. Пока царит жара и господствует лето, фагоры должны быть уничтожены, потому что только летом люди являются полновластными хозяевами Гелликонии. Когда снова наступят холода и грянет зима, злобные кайдау вернутся!

Вот вам мое последнее слово: перестаньте враждовать между собой, не тратьте на это понапрасну силы. У нас есть общий враг, древний, безжалостный и затаившийся, а кроме того, есть и те, кто защищает этого врага, принимает у себя фагоров!

Но его уже никто не слушал. Вся высшая религиозная верхушка собралась здесь, включая самого Криспана Морну, вдохновителя крестовых походов.

Перед ними был чужак, оскорбивший их в лучших религиозных чувствах и одновременно пробудивший воинственные инстинкты. Первый придворный, бросивший в советника камень, был атакован своим же соседом. Камни засвистели по всему саду. Довольно скоро в ход был пущен первый кинжал. Пронзительно кричали женщины. Постепенно страх и возбуждение приняли всеобщий характер.

Элам Эсомбер, который до этого спокойно взирал на развитие событий, неторопливо и незаметно покинул место действия, где среди прекрасных ухоженных деревьев и декоративных растений дворцовой лужайки разыгрывалась в миниатюре история всех военных конфликтов планеты.

Тот, кто явился главной причиной суматохи, с ужасом взирал на дело рук своих. Он и представить не мог, что реакция людей на научную мысль может оказаться именно

такой. Глупые святоши! Метко пущенный камень ударил его в лицо, и он упал на спину.

К нему с криком бросилась Оди Джесератабхар, которая пыталась собой защитить советника от груды камней, летящих на помост.

Ее оттащили в сторону несколько молодых монахов, наскоро отвесив пару тумачков, после чего всерьез занялись лежащим бывшим советником матрассильского двора. Его били кулаками, а потом начали пинать ногами.

Решив, что дело зашло слишком далеко, Криспан Морну выступил вперед и, подняв руки, распахнул свой кидрант как черные крылья. Мгновенно чей-то удар меча проделал в его кидранте широкую дыру. Оди вскочила на ноги и попыталась спастись бегством; женщины, среди которых она проталкивалась, срывали с нее одежду, а потом набросились на нее целой сворой.

Не прошло и получаса, как перепачканные кровью церковники выбежали из ворот дворца. Они несли искалеченные трупы СарториИрвраша и его сиборнельской подруги, выкрикивая на ходу: «Святотатство мертво! Да здравствует Акханаба!»

После схватки в саду состоялся марш по улицам Олдорандо, который сопровождался новыми побоищами и жертвами. Марш закончился в конце улицы Возен, где два мертвых тела были брошены собакам. Наконец все затихло. Весь город как будто затаился в напряженном ожидании, включая и Первый Фагорский Полк в Парке Свистуна.

План Сайрена Станда с треском провалился.

Целью выступления СарториИрвраша перед высокой публикой было отомстить своему бывшему хозяину и, в случае максимального успеха, устроить резню в казармах двурогих Первого Фагорского Полка. Отчасти такую же цель преследовал и Олдорандо. Но бывший советник, преданный Знанию, готовый целиком отдаться истине и в то же время, по большому счету, презирающий людей, жестоко просчитался. Он не был понят своими слушателями. В результате чувства присутствующих на его выступлении ока-

зались сильно задетыми и быстрое нарастание всеобщей истерии разрешило кризис самым устрашающим образом. И все это произошло за день до прибытия в Олдорандо Его Преосвященства Императора Священного Панновала Це'-Сарра, желающего ниспустить здесь благодать Божью на головы своей преданной паствы.

Смерть СарториИрвраша и Оди не прошла даром. Монахи, сами не желая этого, способствовали распространению ереси советника. Через день камни полетели уже в сторону самих монахов.

Причиной, побудившей толпу к таким действиям, был факт, самым СарториИрврашем упущенный, хотя косвенно присутствующий среди его откровений.

Из всего услышанного народ сделал вывод, что Акханаба, которому поклонялись и которого обожествляли они и многие поколения до них, был фагором, самым отвратительным из существ, которые обитали в этом мире. Открылось, что молитвы их были направлены к тем самым мерзким созданиям, которых они же сами с таким жаром преследовали. «Не спрашивайте меня покуда, что я есть — человек, животное или камень», — говорилось в старинных летописях. Теперь загадка была разрешена в одно мгновение — Бог был обычным двурогим.

Люди пребывали в недоумении. Внезапно все словно бы оказались в чужом и незнакомом мире, где рядом с ними теперь существовали совершенно недоброжелательные незнакомцы, до этого бывшие такими скромными и услужливыми.

Имели место горячие споры. Большинство приверженцев веры отвергало теории СарториИрвраша, безоговорочно относя их в разряд хитроумной лжи, имевшей целью опорочить религию. Но даже в подобной обстановке общего противления знанию, царящей в верхушке, находились такие, и их было немало, кто не только брал гипотезу бывшего советника на вооружение, но и развивал ее, находил ей новые подтверждения и более того, даже утверждал, что

знал об этом давным-давно и сам. Ситуация складывалась весьма критическая.

Сайрена Станда религия интересовала только с практической точки зрения. Никогда он не воспринимал веру как нечто живое и нерасторжимое с ним. Она всегда служила ему удобной смазкой для колес его правления. И вдруг колеса перестали вращаться.

Король Сайрен Станд провел весь остаток дня в покоях своей жены, в окружении щебечущих пичужек. Время от времени он посылал Бакхаарнет-она узнать, куда пропала принцесса Милуя Тал, или принять гонцов, прибывших с новыми сообщениями о том, что в той или иной части города громят лавки купцов и что тут и там в старинные и почитаемые монастыри врываются разгневанные толпы и с кольями в руках гоняются за монахами.

— Но у меня нет больше солдат, — рыдал король Сайрен Станд.

— И у нас нет больше веры, — отвечала ему не без некоторого самодовольства его жена. — Как мы будем обходиться в этом ужасном городе без этих инструментов власти?

— Король ЯндолАнганол, убоявшись убийства, наверняка сбежал. Трус. А ведь он должен был остаться, чтобы присутствовать на казни своего сына.

Несколько ободрившись этой мыслью, Сайрен Станд вечером встретился со своим советником Криспаном Морну. Вид советника поражал: лицо его осунулось, он еще больше похудел.

— Проанализировав сложившуюся в столице тревожную ситуацию, ваше величество, я отмечаю, что народ, в своем подавляющем большинстве, отвернулся от короля ЯндолАнганола. Нам остается только надеяться, что прозвучавшая сегодня днем в дворцовом саду столь неуместная речь будет скоро забыта. Я уверен, что люди не смогут в течение долгого времени выносить мысль о том, что их хоть как-то можно сравнивать с фагорами.

Кстати сказать, эта ситуация выгодна нам, потому что теперь самое время удалить наконец из города короля Ян-

долАнганоло. По каноническим законам он все еще считается состоящим в браке, но то, что случилось сегодня утром, позволило нам понять его амбициозные планы. Он может принести нам еще немало неприятностей.

По этой причине я предлагаю удалить Анганоло из города прежде, чем он сумеет переговорить с его святейшеством Це'Сарром — возможно, при посредничестве посланника Эсомбера или Улбббега. Его святейшеству предстоит столкнуться с проблемой очень высокого порядка, с трагедией духовного кризиса целого народа. Кроме того, сейчас как никогда остро стоит вопрос о замужестве вашей дочери, и этот вопрос мы так же можем быстро урегулировать, предоставив ей наиболее достойную партию.

— О, я догадываюсь, на кого ты намекаешь, Криспан, — прошептала Бакхаарнет-она.

Криспан Морну остался невозмутимым. Он и король поняли друг друга. Обычным своим окольным путем советник напомнил монарху о том, что наступила пора провести в жизнь давно задуманный план и срочно обручить принцессу с панновальским принцем Тайнцем Индреддом, упрочив таким образом руку веры, хватка которой в Олдорандо начала ослабевать.

— Каково будет ваше решение, ваше величество?

— Знаешь что, Криспан, я думаю, что пришло время мне принять ванну...

Криспан Морну выудил из недр своего черного облачения распечатанный конверт.

— Вот полученные на этой неделе известия от наших агентов в Матрассиле. Очень скоро нам придется столкнуться с различного рода сложными проблемами. Например, сообщается, что во время очередного набега Ундрейд Молот, бич Мордриата, был сброшен хоксни, сломал себе шею и вследствие этого умер. Пока его набеги грозили Борлиену, наши соседи были вынуждены держать некоторую часть сил своей армии близ столицы. Но теперь, когда Ундрейд мертв, а ЯндолАнганоло нет...

Советник Морну умолк и в повисшей звенящей паузе улыбнулся своей острой улыбкой.

— Я посоветовал бы вам предложить королю ЯндолАнганолу самый быстроходный корабль. И даже два, если это возможно, ваше величество, — чтобы он смог увезти свою фагорскую гвардию из Олдорандо как можно быстрее. Думаю, он возражать не будет. Проявите настойчивость, упирайте на то, что сложившуюся в столице ситуацию вы не можете держать под контролем, по причине чего его драгоценные чудовища должны немедленно покинуть город, иначе их перебьют всех до единого.

Король Сайрен Станд утер со лба пот и задумался.

— Совет хорош, но король ЯндолАнганол никогда не прислушается к нему, если этот совет дам ему я. Пусть он услышит его от кого-нибудь из своих друзей.

— От друзей?

— Да, от своих панновальских друзей. От Элама Эсомбера и этого презренного Гуаддла Улбобега. Устрой мне с ними встречу и заранее проинструктируй их, а я пока все же приму ванну, о которой так давно мечтаю. Хочется чего-нибудь сладенького. Ты пойдешь со мной, дорогая? — спросил он, повернувшись к жене. — Ты ведь тоже сластена.

Многие авернцы смотрели на творящуюся внизу смуту с презрением. Но некоторые видели во всем этом нечто большее, чем просто народное волнение. Вопросы, поднятые СарториИврашем, на первый взгляд нелепые и даже примитивные, тем не менее перекликались с проблемами самих обитателей Станции Наблюдения, которым в их решении никакие бунты помочь не могли.

«Вера — сама непостоянность». Так утверждалось в трактате «О временах года Гелликонии, длящихся дольше, чем человеческая жизнь». Вера в технологический прогресс, вдохновивший людей на создание Аверна, через несколько поколений превратилась в ловушку для тех, кто находился на борту Станции.

Преданные самосозерцательному квиетизму, управляющие Станцией не видели выхода из этой ловушки. Им необходимы были перемены, но их-то они больше всего и боялись. Их чувствами руководили немые и нечесанные грубые типы, с дикими криками несущиеся по Гусиной улице и по улице Возен, неучи, у которых была надежда, которой у них, божественных созерцателей, не было никогда. Распаленный выпивкой и дракой, человек с Гусиной улицы мог вволю поорудовать кулаками или просто поорать перед собором. Этот человек мог быть сбит с толку, но ему не суждено было познать всю глубину гулкой пустоты, которую ощущали вокруг себя Наставники всех шести семейств. «Вера — сама непостоянность». Так оно и было. На Аверне вера умерла, оставив после себя отчаяние.

И все-таки среди жителей Станции существовала и другая группа людей. Пока старейшины своими дрожащими голосами записывали на пленку то, что видели внизу, на Станции Наблюдения рождалось новое движение. Его адепты называли себя аганиперами. Все они были молоды и безрассудны. Отлично понимая, что у них нет ни единого шанса вернуться на Землю, а также нет шанса жить на Гелликонии, они видели единственную надежду в планете Аганипе. Собираясь в тех редких местах, где можно было укрыться от всевидящих камер, аганиперы общались горячим шепотом и уже строили планы, как угонят со Станции челнок, который доставит их на пустынную планету. В сердцах этих молодых людей горела надежда не менее пламенная, чем у тех, кто мчался с кольями по Гусиной улице.

К вечеру немного похолодало. Повторились новые подземные толчки, но в царящей на улицах суматохе на них мало кто обратил внимания.

Принявший ванну и значительно посвежевший, король Сайрен Станд наконец почувствовал себя в силах принять в своем кабинете посланника Эсомбера и престарелого Гуаддла Улбобега. Раскинувшись на мягкой кушетке, король усадил рядом с собой жену, приобнял ее за плечи и, составив

таким образом продуманно радующую глаз композицию, велел звать к себе панновальцев.

После положенных по этикету приветствий, рабыня наполнила вином кубки, предварительно набитые лучшим лорд-риардрийским льдом.

Гуаддл Улбобег надел поверх легкого чарфрула броский саш. Неловко поклонившись, он смущенно взглянул на Криспана Морну, вероятно, чувствуя себя в присутствии сего мужа не слишком уютно. Пожилой человек явно нервничал.

В противоположность Улбобегу, Элам Эсомбер чувствовал себя совершенно свободно и был весел и приветлив. Как всегда изящно одетый, он пружинистым шагом приблизился к кушетке королевской четы и поцеловал руки им обоим с видом счастливого человека, обладающего полнейшим иммунитетом к любым бактериям.

— Смею поблагодарить вас, ваше величество, за представление, которым, как и было обещано, вы развлекли нас сегодня днем. Примите мои поздравления. Как говорил этот ваш ученый старикан! Человек он воистину дремучий, но как говорил! Сомнения только укрепят веру, вот и все, чего он добился. И тем не менее я не могу не отметить столь внезапный поворот фортуны, случившийся с королем-еретиком ЯндолАнганолом, этим любителем фагоров. Ведь еще только сегодня утром он стоял перед судом, который был вправе приговорить его к смерти, а к вечеру он уже стал героем — защитником сынов Господа.

Рассмеявшись приятным смехом, он повернулся к Криспану Морну, чтобы разделить с тем шутку.

— Это богохульство, — ледяным тоном отчеканил советник и еще больше почернел.

Эсомбер согласно кивнул и снова улыбнулся.

— Теперь, когда у Бога появилось новое обличье, у богохульства оно появилось тоже. Вчерашняя ересь, сударь, сегодня выступает словом истины, ведущим нас в край обетованный самым кратчайшим путем...

— Мне непонятно ваше веселье, — ворчливо подал голос Сайрен Станд. — Но полагаю, что хорошее настроение

всегда лучше дурного. По крайней мере, я надеюсь, мне это будет на руку. Я позвал вас, чтобы попросить об одной услуге. Женщина, еще вина.

— Мы готовы исполнить любую просьбу вашего величества, — проговорил Гуаддл Улбобег, в волнении крепко сжимая в кулаке свой бокал.

Не спеша выбравшись из мягких объятий кушетки и, несколько раз прогулявшись по кабинету, Станд заговорил, придав своему голосу легкий оттенок торжественности.

— Я собираюсь просить вашего содействия в том, чтобы убедить короля ЯндолАнганола как можно скорее оставить пределы моего королевства. Я хочу, чтобы он сделал это прежде, чем успеет завлечь мою бедную младшую дочь Милую в матримониальные узы.

Эсомбер взглянул на Гуаддла Улбобега. Улбобег взглянул на Эсомбера.

— Так каким же будет ваш ответ? — спросил король Станд.

— Сударь... — начал было Эсомбер и тут же замолчал, уставившись в пол.

Откашлявшись, Улбобег немного помолчал и потом, словно одного раза было недостаточно, откашлялся снова.

— Могу я осмелиться спросить, ваше величество, как давно вы в последний раз видели свою дочь?

— Что касается меня, сударь, то я полностью нахожусь во власти короля ЯндолАнганола, — объявил Элам Эсомбер. — Причиной этому является неосмотрительность поведения, допущенная мною некоторое время назад. И что самое непростительное, моя неосмотрительность касалась, и тут, я думаю, меня нетрудно понять, самой королевы королев. Вот почему, когда сегодня утром король ЯндолАнганол явился к нам с просьбой о содействии, мы не могли... мы чувствовали себя обязанными...

Внимательно всмотревшись в лицо короля Олдорандо, посланник замолчал, дав возможность продолжать Улбобегу.

— Я, сударь, являюсь епископом Собора его святейшества Це'Сарра Панновальского, — пояснил Улбобег, — и

таким образом наделен его святейшеством правом совершать некоторые церковные акты...

— В свою очередь я, — подхватил Эсомбер, — по сию пору удерживаю при себе грамоту с разрешением на развод, подписанную королевой МирдемИнггалой. Грамоту, которую я должен был передать его святейшеству Це'Сарру... или одному из представителей его Собора еще несколько теннеров назад — прошу прощения за то, что вынужден был произнести при вас это слово, которое, как недавно выяснилось, принадлежит фагорам...

— Вы понимаете, что мы сделали все возможное, — продолжил Гуаддл Улбобег не без удовольствия, — чтобы оставить его святейшеству побольше свободного времени во время его визита в дружественную державу, сняв с него часть обязанностей...

— Тем более что вопрос касался весьма приятной темы...

— О да, конечно, и чтобы не беспокоить ваше величество понапрасну...

— Все, достаточно! — заорал, не выдержав более, Сайрен Станд. — Ближе к делу, вы, пара болтунов! Достаточно проволочек!

— Вот именно, то же самое сказали и мы себе несколько часов назад, — согласно кивнул Эсомбер, сияя своей лучезарной улыбкой. — Ближе к делу и достаточно проволочек — отлично сказано, ваше величество... Так вот, волей, данной нам свыше, мы скрепили законом матримониальную связь между королем ЯндолАнганолом и вашей дочерью Милуей Тал. Обряд был очень простым, но чрезвычайно трогательным. Жаль, что вашему величеству не удалось присутствовать.

— Так они обвенчались?

— Да, ваше величество, они обвенчались и теперь зовутся «муж и жена», — согласно кивнул Гуаддл Улбобег. — Я возглавлял церемонию и принимал от новобрачных клятвы перед его святейством, которого я, в его отсутствие, представляю.

— А я был свидетелем и держал кольца, — вставил Эсомбер. — Кроме того, присутствовали несколько капитанов ко-

роля ЯндолаАнганоло. Фагоров, тороплюсь сообщить вам, не было. Это я гарантирую.

Сайрен Станд медленно опустился на кушетку.

— Имеем честь поздравить ваше величество с законным браком дочери, — развязно подал голос Эсомбер. — Мы уверены, что счастливей этой пары не будет на свете.

Наступил вечер следующего дня. Небесная дымка перед закатом растаяла, на востоке уже зажигались звезды. Стояла тихая безветренная погода. По земле время от времени пробегала дрожь.

Ранее, в полдень, в Олдорандо прибыл Его Святейшество Це'Сарр Киландр IX. Его святейшество был глубоким стариком, и потому сразу же по приезде улегся отдыхать в своих покоях. Пока усталый Це'Сарр лежал под шелковым покрывалом, разные официальные лица, включая и самого короля Сайрена Станда, навевались к нему в спальню, дабы принести, в основном бессвязные, извинения за тот религиозный разброд и беспорядок, в котором пребывает королевство Олдорандо.

Все слова извинений Его Святейшество выслушивал молча и спокойно, ничем не выдавая своего раздражения. В премудрости своей он планировал устроить специальную службу на закате Фреира, — но не в городском Соборе, а в часовне при дворце, — во время которой он обратится со своим словом к собравшимся и разрешит все их сомнения. Оппортунистские слухи о том, что фагоры якобы являются древней и мудрой расой, значительно превосходящей людей, будут объявлены им полной ложью. Никогда голоса безбожников не будут звучать в этой стране громче гласа Церкви, и так будет продолжаться до тех пор, пока в его дряхлом теле бьется сердце.

Как и было условленно, служба началась на закате Фреира. Це'Сарр, старец с длинными белыми волосами, говорил тихим и исполненным благородства голосом. На службу явились все, жившие во дворце, кроме двоих, что сейчас находились в белом павильоне Парка Свистуна.

Только что совершив покаянную и благодарственную молитву, король ЯндоЛанганол принял бичевание и теперь обмывал свою окровавленную спину, подставляя ладони под горячую воду термальных источников, которую ему лил из кувшина раб.

— Зачем ты так жесток с собой, муж мой? — испуганно воскликнула Милуя Тал, торопливо появляясь в павильоне. Она была босиком, в полупрозрачной мантии из белого сатара. — К чему истязать плоть, из которой состоят наши тела? Или твоя плоть не устраивает тебя?

— Я не собираюсь просить тебя подвергать себя подобному ритуалу, но впредь прошу не мешать мне в моих религиозных пристрастиях.

— Но твоя плоть дорога мне.

Бросившись к мужу, она крепко прижалась к его мокрому телу и стояла так, пока ее платье не промокло насквозь. Король приказал рабу уйти и принялся ласкать молодую жену.

— Твоя юная плоть тоже дорога мне, но я поклялся, что не трону тебя до тех пор, пока тебе не исполнится двенадцать.

— О нет, Ян! Это невозможно! Это еще целых пять теннеров! Я такая слабая и доверчивая девушка — меня ничего не стоит соблазнить.

— Пять теннеров — это совсем немного.

Милуя набросилась на него как дикая кошка и, весело смеясь, повалила его на постель.

— Я не собираюсь ждать, я не собираюсь ждать! Я уже все знаю о том, что должна делать жена. И я буду твоя вся — вся, до последней частицы!

Он страстно поцеловал ее.

— Ты мой маленький огонек, моя веселая малышка. Он попытался отвлечь ее от опасной темы.

— Послушай, дорогая, у меня есть для тебя маленький свадебный подарок. Сейчас это все, что у меня есть. Но когда мы вернемся в Матрассил, я осыплю тебя драгоценностями с головы до ног.

Засунув руку в карман, он достал оттуда часы с тройным рядом цифр и подал Милуе.

На циферблате значилось:

07:31:1518:21:9019:24:40

Приняв подарок из рук супруга, Милуя озадаченно на него посмотрела. Она попыталась застегнуть часы вокруг головы как обруч, но ремешок не сошелся у нее на затылке.

— И где же я должна их носить?

— Как браслет.

— Хорошо, может быть, я так и сделаю. Спасибо, Ян, замечательная вещица. Я примерю ее позже.

Милуя отложила часы на столик и вдруг, одним быстрым движением, стянула с себя через голову мокрое платье.

— Можешь рассмотреть меня и убедиться в том, что товар стоит своей цены.

Он попытался молиться, но когда она начала танцевать, грациозно передвигаясь по комнате, его глаза отказались закрываться. Он взял ее на руки и перенес в постель.

— Что ж, прекрасно, моя очаровательная Милуя, мой лакомый кусочек. Я сдаюсь.

Час спустя, когда они буквально находились на седьмом небе от счастья, раздались подземные толчки. С потолка посыпалась штукатурка и начали падать доски. Кровать опасно закрипела.

— Может, нам лучше выйти наружу? — спросила она. — Кажется, что парк ходит ходуном.

— Подожди минутку.

На этот раз землетрясение продолжалось особенно долго. Потом дрожь земли улеглась и наступила жутковатая тишина.

В этой тиши мысли в голове короля шевелились, подобно земляным червям. Он думал о клятвах, которые приносил — и нарушил все до единой. О людях, которых любил — и всех предал. О надеждах, которые лелеял — и после отказывался от них. В наступившей тишине он нигде не мог

найти успокоения — даже в стройном, покрытом потом маленьком теле, что лежало рядом с ним.

Его зоркие глаза остановились на предмете, упавшем со стола и лежащем теперь на тростниковой циновке. То были часы, когда-то принадлежащие БиллишОвпину, порождение неизвестной науки, прокравшейся в его судьбу за последние теннеры его бедственного существования.

Неожиданно с яростным криком он вскочил на ноги и, как следует размахнувшись, выбросил часы в дальнее, выходящее на север окно. Избавившись от часов, он остался стоять, тяжело дыша, совершенно голый и странно напряженный, словно ожидающий, что странный предмет вот-вот вернется обратно к нему.

Милуя Тал тоже соскочила с кровати, встала рядом с мужем, положила руку ему на плечо и они, не сговариваясь, отвернулись от окна, в которое король выбросил злополучные часы.

На севере сиял сверхъестественный свет, выделяющий силуэтами горизонт и деревья. Среди удивительного сияния бесшумно плясали молнии.

— Всемогущего ради, что творится? — спросил ЯндоЛАнганол, сжимая хрупкие плечи своей миниатюрной жены.

— Все в порядке, Ян, не волнуйся. Во время землетрясения в небе всегда бывает такой свет — вскоре он угаснет. Этот свет в небе особенно ярок после сильных толчков. Мы называем это «ночными радугами».

— Но это безопасно? И почему так тихо?

Прислушавшись, король понял, что снаружи от казарм Первого Фагорского не доносится ни звука. Им овладела неожиданная тревога.

— Я, кажется, что-то слышу.

Внезапно повернувшись, Милуя подбежала к противоположной стене и уже оттуда закричала:

— Ян, Ян! Посмотри, что творится! Дворец!

Бросившись к жене, король выглянул в окно. Видимый через площадь Лойлбрайдена дворец был объят пламенем.

Горел весь внешний деревянный фасад и клубы черного дыма, завихряясь, поднимались к звездам.

— Должно быть, пожар начался из-за землетрясения. Нужно пойти посмотреть — может быть, мы чем-то сможем помочь. Скорей, скорей, там моя бедная мать!

Птичий голосок Милуи Тал выдавал пронзительные тревожные трели.

Потрясенные, они молча оделись и выбежали наружу. Фагоров в парке нигде не было видно, но как только они пересекли площадь, то сразу же увидели двурогих.

Первый Фагорский в полном боевом снаряжении охранял дворец, не сводя с огня розовых неподвижных глаз. В отдалении перед строем фагоров стояла толпа горожан, которые не могли сделать хоть что-нибудь, так как фагоры не подпускали людей к огню.

Король ЯндолАнганол решительно бросился ко дворцу, но не успел он приблизиться к двурогим, как путь ему преградили острия копий. Перед ним появилась предводительница фагоров Гххт-Мларк Чзахн.

— Вам нельзя подходить ближе, господин, — это опасно. Мы принесли огонь в это обиталище сынов Фреира, туда, где под землей у них существуют убежища веры. От предков к нам пришла весть, что король зла и король-церковник готовят убийство против всех ваших слуг, тех, что состоят в Гвардии.

— Кто приказал вам это? Ты понимаешь, что только что вы убили Акханаба — Бога, созданного по вашему подобию.

— Приказ предков пришел ко мне много времени назад. Когда-то в древности это место звалось Хррм-Бххрд Йдохк... Говорится, что еще...

Король ЯндолАнганол едва смог расслышать, что говорила фагорша, так как стоящая с ним рядом Милуя Тал без конца кричала, держа голос на одной высокой мучительной ноте:

— Моя мать! Моя мать! Моя мать! Моя бедная мать!

— Хррм-Бххрд Йдохк когда-то был местом обитания короля фагоров. В древности. Никто не отдавал его сынам Фреира, они взяли его сами.

Король Орел ничего не понимал. Он вновь попытался прорваться ко дворцу. Он вытащил меч.

— Пропусти меня, Чзахн, или я убью тебя!

— Туда нельзя, господин, вы не пройдете.

Милюя нещадно щипала его за руки, толкала в спину, но он не трогался с места. Чзахн, явно желающая объясниться, заговорила вновь:

— Древний Хррм-Бххрд Йдохк — доброе место, сударь. В воздушных октавах здесь слагаются песни. До пришествия сынов Фреира здесь жил Хрл-Ичор Йхар. Это было в давние времена, во времена Т'Сехн-Хрр.

— Но сейчас другое время, гиллота! И мы живем и умираем сегодня, а не когда-то в древности!

Он пытался заставить себя размахнуться и ударить ее, но все было бесполезно и даже пронзительно кричащая женщина рядом с ним не могла заставить его сделать это.

Помолчав немного, гиллота продолжила, четко выговаривая слова.

— Фагоры были тут до сынов Фреира, господин. До того дня, когда свет Фреира стал совсем плохим. До того, как ушел Т'Сехн-Хрр. Старые грехи, господин.

Хотя, может быть, гиллота сказала и «старые вехи». В яростном реве пламени невозможно было расслышать что-то наверняка. С грохотом часть дворцовой крыши провалилась внутрь, и в ночное небо взметнулся огненный столб. Колонны рушились прямо на площадь.

Закричав в один голос, толпа отпрянула назад.

— Его святейшество Це'Сарр... все погибли! — воскликнул ЯндолАнганол. Милюя Тал рыдала, спрятав лицо у него на груди. — Все погибли... все погибло!

Он стоял, опустив руки, не пытаясь обнять жену, но и не отталкивая ее. Его душа горела в пламени дворцового пожара.

Фагоры привели его к триумфу, в котором он видел только одно — свое полное поражение. Его мысли устремились к МирдемИнггале: но их лето давным-давно закончилось и этот великий погребальный костер его врагов был лишь тусклым отсветом их осени.

— Все погибли, — снова повторил он.

Стройная фигура, свободно пересекая ряды фагоров, приблизилась к ним как раз вовремя, чтобы успеть заметить:

— Не совсем все, господин, далеко не совсем. Рад вам об этом сообщить.

Эсомбер старался держаться уверенно и легко, но это ему теперь плохо удавалось — он был заметно бледен и весь дрожал.

— Поскольку я преданно верю во Всемогущего, кем бы он там ни был, человеком или фагором, я решил, что вполне могу пропустить лекцию Це'Сарра по поводу этого самого предмета. Как оказалось, это верное решение спасло мне жизнь. Пускай это послужит и вам уроком, ваше величество, — не стоит чрезмерно чтить Церковь, ходите туда реже.

Злобно взглянув на посланника снизу вверх, принцесса выкрикнула:

— Там же мои родители — мать и отец.

Эсомбер погрозил юной особе пальцем.

— Вам стоит поучиться у своего мужа использовать обстоятельства, в которых он оказывается. Если ваши мать и отец действительно трагически погибли, а скорее всего это так, то я первым поспешу поздравить вас, сударыня, так как это значит, что с сегодняшнего дня вы являетесь королевой Олдорандо и Борлиена вместе взятых.

Я сыграл одну из главных ролей в вашем тайном бракосочетании и в будущем надеюсь на особое отношение ко мне. Вы оба знаете, что я останусь предан вам до конца своих дней. Всегда, даже во времена страшных потрясений и бед, таких как теперь, всегда ищите во всем хорошую сторону.

Король ЯндолАнганол взял Милую Тал за плечи.

— Я ничего не могу сделать. Если я заручусь сейчас одного или двух фагоров, это все равно ничего не изменит. Подождем до утра. Хотя Эсомбер и циник, но в его словах есть правда.

— Цинизм? — тихо переспросил Эсомбер. — А разве ваши фагоры не повторили в большем масштабе то, что вы сделали в свое время с мирдолаторами? Ваши зверюги сегодня ночью преподнесли вам корону короля Олдорандо.

— Если окажется, что весь двор в одночасье сгорел в пожаре, то мне придется остаться здесь и проследить, чтобы наследование власти произошло законным путем и королевой стала Милуя Тал — это нормальное положение вещей, но разве эта обязанность может меня радовать, Эсомбер?

— Лично я рассчитываю, что вы, как всегда, используете обстоятельства, господин. По крайней мере я на вашем месте поступил бы так.

Они уже шли через площадь. После недолгого молчания Эсомбер добавил:

— В противном случае может возникнуть анархия — или за дело возьмется Панновал. Как бы там ни было, сейчас выпал реальный шанс: два королевства, объединившись, станут много крепче и сумеют противостоять удару любого врага.

Король ЯндолАнганол повернул к Эсомберу лицо, на котором было написано недоверие:

— Ведь сам Це'Сарр умер, сам Це'Сарр...

— Причастность к лику святых не помогла ему, это точно. У меня есть еще кое-что, чем я смогу вас утешить. Возможно, король Сайрен Станд и не войдет в историю как самый мудрый монарх, но незадолго перед тем, как погибнуть в огне, он неожиданно продемонстрировал всем образец потрясающего милосердия. Быть может, на это его подвигнула мать свежее испеченной королевы. Час назад бывший король Олдорандо приказал отпустить одного известного нам всем осужденного. Возможно, это его свадебный подарок, странноватый, но все же...

— Станд освободил Робайдая? — На мгновение лицо Орла прояснилось.

Целое крыло дворца провалилось внутрь. Высокие колонны из каменного дерева горели ярко, как свечи. Площадь быстро наполнялась народом: казалось, что все насе-

ление Олдорандо пришло поглазеть на объятый пламенем дворец. Многие из наиболее суеверных видели во всем этом знамение близкого конца света.

— Я лично проследил, чтобы юношу освободили. Он, конечно же, до смерти обрадовался и немедленно бросился снова бродяжничать.

Стон сорвался с губ ЯндолАнганоло.

— Мой бедный мальчик, ну когда наконец ненависть перегорит в нем...

— Сейчас он, наверное, стоит в очереди желающих приложиться к ранам усопшего СарториИрвраша. Это самая негигиеничная форма преклонения, которую я только видел...

— Почему Роба не пришел ко мне?..

Ответа не последовало, но ЯндолАнганол мог догадаться о нем: Милуя Тал шла рядом с ним, опираясь на его руку. Пройдет немало теннеров, прежде чем случившееся сегодня поблекнет и станет историей.

Словно подслушав его мысли, Элам Эсомбер спросил:

— Смею я узнать, что ты собираешься сделать со своей знаменитой Фагорской Гвардией, которая устроила все это зверство?

— Ты бы лучше сказал мне, что теперь нам делать с открытием СарториИрвраша, — пробормотал король ЯндолАнганол.

ЭПИЛОГ

Высадившись на борлиенском берегу, морские пехотинцы под командованием Пашаратида совершили марш на восток к Гвабагалинену.

По пути он получил известие о беспорядках, наблюдающихся в Матрассиле. Причина гибели мирдолаторов наконец-то была понята массаами, и это понимание привело всех в ярость. Так что, по возвращении в столицу, короля Яндол-Анганола мог ожидать недоброжелательный прием.

Родившийся в голове Ио Пашаратида план так прочно утвердился там, что стал казаться ему сбывшейся реальностью. Он захватит в плен королеву королев. Матрассил с готовностью примет МирдемИнггалу в качестве королевы. Он женится на ней и станет править страной, но только как ее супруг. В политическом отношении он не страдал особыми амбициями, по крайней мере вселенского характера. И тогда все унижения прошлой жизни, все разочарования и бесчестье — все должно будет уйти и забыться. Ему будет принадлежать все то, о чем он когда-то мог только мечтать.

Посланная вперед разведка доложила ему о возведенных вокруг деревянного дворца земляных укреплениях. Он начал атаку на заходе Беталикса, когда над всей землей распространилось туманное предзакатное сияние. Стрелки наступали парами под прикрытием легковооруженной пехоты, держа свои мушкеты наготове.

Над бруствером поднялась рука с белым флагом. Из траншеи появилась коренастая фигура и, осторожно распрямившись, сделала несколько шагов вперед. Подняв руку, Пашаратид остановил своих солдат и двинулся вперед один. Он представил себя со стороны — он отважен и силен, идет так бодро и смело. Ему казалось, что с каждым шагом он завоевывает все новые и новые футы чужой земли.

Он и коренастый борлиенец сошлись, остановившись на расстоянии длины солдатской пики.

Бардол КараБансити заговорил первым. Он хотел знать, почему солдаты в боевом строю наступают на практически беззащитный дворец.

На что Пашаратид с высокомерием ответил, что его намерения крайне благородны. Он требует отдать ему королеву МирдемИнгалу, после чего он оставит дворец в покое.

Осенив лоб священным кругом, КараБансити звучно всхлипнул.

— Увы! — сказал он. — Королева королев МирдемИнгала умерла, ее застрелил из лука убийца, подсланный ее бывшим мужем, королем ЯндолАнганолом.

Ио Пашаратид гневно заявил, что отказывается верить такой невероятной новости.

— Посмотрите сами, — ответил КараБансити.

Жестом он указал на море, глянцевито блестящее в свете заката. На берегу несколько человек готовили к отплытию корабль с погребальным костром.

Но этого Ио было недостаточно — он желал видеть все своими собственными глазами.

Оставив своих солдат, он бросился к берегу бегом. Четверо носильщиков несли на плечах помост, на котором лежало накрытое белым муслином тело покойной. В налетающем с моря бризе края муслинового савана трепетали. Вокруг тела были насыпаны вороха живых цветов. На берегу у самого прибоя стояла и плакала старуха с темной крупной родинкой на щеке, из которой росли волосы.

Четверо носильщиков занесли помост на борт белого корабля, каравеллы «Священник Ваджабхара», пробитые бор-

та которого были наскоро отремонтированы. Водрузив помост с усопшей под мачтой, четверо носильщиков вернулись на берег.

СкафБар, мажордом королевы, весь в черном, в одиночку поднялся на борт с ярко горящим факелом в руках. Остановившись перед помостом с телом покойной, он низко ей поклонился. Потом опустил факел в кучу сухого плавника, заготовленного на палубе.

Когда огонь охватил почти весь корабль, попутный ветер наконец заставил его отчалить от берега. Дым, стелющийся над водой, напоминал тонкие длинные седые волосы.

Сдернув с головы свой боевой шлем, Пашаратид с силой швырнул его в песок, потом, повернувшись к своим солдатам, яростно закричал им:

— На колени, вы, невежды! Становитесь на колени и молитесь Азоиаксику за душу этой чудесной женщины. Королева умерла, о, королева королев умерла!

Трясаясь на гнедом хоксни, возвращающийся в Оттассол к своей жене КараБансити время от времени вдруг начинал улыбаться. Его уловка увенчалась успехом. В который раз он доказал свое хитроумие: атака Пашаратида была отбита без единого выстрела, без единого взмаха мечом. На мизинце левой руки у него красовался подарок королевы — кольцо с камнем цвета морской волны.

Королева бежала из Гравабагалинена всего за несколько часов до появления Пашаратида. Вместе с королевой уехали ее генерал, его сестра — королевская фрейлина, принцесса Татро и несколько верных придворных. Все вместе они направились на север, через плодородные земли к столице Борлиена, Матрассилу.

Где бы на пути королевы и ее спутников ни попадалась деревня, крестьяне и их дети выходили из своих хижин и молили Бога ниспослать удачу королеве МирдемИнггале. Самые беднейшие несли последние крохи, чтобы накормить ее и тех, кто ехал вместе с ней, умоляли сказать, чем еще они могут помочь прекрасной королеве королев.

Сердце королевы разрывалось от признательности, хотя сейчас оно уже было не таким, как раньше. Она думала о том, что возможно, когда все утрясется, она и сможет принять предложение генерала ТолрамКетинета. Когда-нибудь так оно и будет. Но прежде ей необходимо найти своего сына и утешить его, только тогда ее будущее примет более определенные очертания.

А Пашаратид решил разбить на берегу моря лагерь на длительный срок. Не обращая на него никакого внимания, небольшое стадо косуль спустилось на песчаный берег, чтобы попасть у высшей линии прилива.

Погребальный корабль уплыл в море, унося на своем борту тело старой прислужницы, умершей от ран, причиненных ударами порохового бочонка. Пламя от пылающего судна поднималось столбом в небо, а дым стелился, широко расходясь по волнам. Скрип такелажа еще долго звучал в ушах Пашаратида.

Рыдая, он рвал на себе тунику и призывал смерть, которая никак не шла к нему. Тому, о чем он когда-то мечтал, уже никогда не суждено будет сбыться.

Некоторое время вокруг горящего судна кружили морские животные, а потом и они оставили его. Уходя от берега, стая дельфинов устремилась в открытое море, повинаясь только им одним слышимому зову. Их путь лежал к диким просторам водяного покрова Гелликонии, туда, где не проходил еще ни один корабль.

Прошли годы. Постепенно, один за другим, ушли все герои этого беспокойного поколения... Но еще не скоро после того, как королева королев приобщилась к сонму усопших, ее печальная и одухотворенная история, преодолев необозримый простор пространства и времени, наконец была получена ретрансляционными станциями Земли. И все ее страдания, радости, падения и взлеты, добродетели и пороки — все еще раз прошло ровной чередой перед глазами людей Земли.

Что касается Гелликонии, то там память о королеве королев довольно скоро ушла в небытие.

* * *

Над головой сиял Т'Сехн-Хрр. Свет луны казался голубым. Даже днем, когда сквозь холодный туман до земли доходило сияние Беталикса, день был окрашен в голубоватые тона.

Фагоры были отлично приспособлены для такого климата. Вокруг царила приятная прохлада. Фагоры высоко держали рога и жили без спешки, без суеты. Центром цивилизации двурогих были горы тропиков и полуостров Пеговин, что в Геспагорате. Друг с другом двурогие давно уже научились уживаться в мире. По мере того как рунты становились молодыми подтелками, а потом достигали и полной зрелости, шерсть их становилась черной, густой и блестящей. Фагоры были невероятно сильны. Они метали грубые копья на сто ярдов, убивая без промаха и наверняка. В бою оружие они применяли редко, только для расправы со стаями полуживотных, пытавшихся проникнуть на территорию их обитания.

Они уже давно пользовались огнем. Положив очаги себе на плечи, они отправлялись в путь, и иногда группы двурогих можно было увидеть спускающимися к берегу моря, где они по ночам промышляли рыбу, раскладывая костры на валунах.

Они научились добывать бронзу. Этот металл использовался пока только для украшений; мягкий свет отблесков пламени на бронзовых пластинах играл в глубине их продымленных пещер в склонах гор. Умели двурогие делать из глины и прутьев посуду — горшки и прочее — часто довольно сложной и красивой формы, по очертаниям напоминающую кожуру половинок фруктов, которые они так любили. Свое грубое одеяние они плели из тростника и ползучих растений. Гиллоты и сталлуны охотились вместе и вместе расчищали и обрабатывали небольшие участки земли, где выращивали скромный урожай овощей. Между самками и самцами никогда не бывало ссор.

Фагоры приручали диких животных и одомашнивали их. Асокины жили с ними со стародавних времен, выполняя

роль охотничьих собак, когда фагоры выбирались за дичью. От иных толку было меньше; иных, с их вороватыми повадками, терпели только ради развлечений.

Когда Беталикс закатывался за горизонт и наступал холод, фагоры равнодушно погружались в сон. Они спали вповалку, как скот, ложась на землю там, где заставляли их сумерки. Ни один сон в продолжение долгих ночных часов не посещал их удлинненные тяжелые черепа.

Лишь только в ночи при полной луне Т'Сехн-Хрр, вместо того чтобы провалиться в сон, фагоры занимались охотой или безудержно спаривались. Время полнолуния было великим временем. В ночь полной луны двурогий убивал любого, кто встречался ему на пути, будь то зверь или птица или даже другой фагор. Убивал безо всякой на то причины, вероятно, потому, что так было заведено природой.

Днем те племена, что жили ближе к югу, охотились на фламбергов. Бескрайние равнины южных приполярных районов Геспагората были наводнены стадами фламбергов. Среди следующих со стадами огромными тучами насекомых были и желтые мухи. Фагоры убивали фламбергов, кололи их поодиночке и целыми десятками, убивали выборочно вожakov стада, убивали беременных самок и молодняк, изо всех сил стараясь сплошь покрыть равнины тушами мертвых копытных.

Ничто не могло свернуть упрямых, а может быть, просто глупых фламбергов с их неизменного пути миграции с юга на север через просторы полуострова Пеговин. И с тем же неизменным упрямством фагоры продолжали убивать фламбергов. Годы уходили за годами, складываясь в века, но бесконечные стада без устали все рвались и рвались навстречу безжалостным копыям. Среди племен фагоров не было других сказаний, кроме как рассказов о бесконечной бойне фламбергов.

Зачатие потомства происходило в лунные ночи, а через год, в такие же лунные ночи, новорожденные фагоры появлялись на свет. Период полного возмужания рунтов занимал долгое время. В те далекие века время тянулось медлен-

но, словно бы шагало в такт с мерным спокойным боем невозмутимых сердец; ленивый темп жизни, казалось, подстраивался под незаметный рост деревьев. После того как широкий диск белой луны наконец скрывался за горизонтом, утопая в стелющемся по земле тумане, все застывало до тех пор, пока луна снова не появлялась в небе, восходя из того же самого тумана. В своем безыскусном мире фагоры жили в раз и навсегда установленном темпе; мысли об уходящем времени никогда не проникали в серый сумрак обиталища их предков.

Домашние животные фагоров умирали довольно часто. Когда умирал иной, его тело небрежно выбрасывалось за околицу поселка или к ближайшим деревьям у выхода из пещеры на растерзание промышляющим падалью животным или стервятникам. Великие черные фагоры не знали смерти: смерть значила для них не больше, чем значило само время. С возрастом движения фагоров замедлялись — и только. Оставаясь жить в пределах условно существующей семьи или племени, они все больше и больше отдалялись от сородичей. Год за годом ловкость и проворство оставляли их. Язык тоже постепенно забывался. Наконец движения прекращались вовсе.

Как только это происходило, племя оказывало своим старейшинам последнюю милость. Эта милость была одинаковой для всех и традиционной. Ибо в племенах фагоров заботились только о недавно появившихся на свет и о глубоких стариках, возраст которых близился к веку или перевалил за него. Сверхдолгожителей хранили в безопасном месте и, всячески почитая, выносили по дням великих праздников на общее обозрение и поклонение.

Олицетворяя собой воплощение мерного тока времени, фагоры-патриархи незаметно для себя и других, не меняясь особенно внешне, перебирались через сумеречную черту, отделяющую привычную всем активную жизнь от иной формы существования. Само время, сгущаясь, пропитывало их тела. Древние фагоры сжимались и иссыхали, превращаясь за несколько десятков лет в небольшие кератиновые сгустки, лишь

отдаленно напоминающие формой те тела, которые у них были раньше. Но даже тогда искорки разумного существования не покидали их. Мудрость копилась в них и к ним нередко обращались за советом живые. Так неподвижные старейшины продолжали еще очень долго участвовать в жизни племени. Но в конце концов распадался и кератин, и лишь после этого считалось, что фагор наконец достиг конца своего существования; при соответствующем уходе и заботе многие старцы тянули свои дни в течение многих веков.

Подобная сумеречная полупотусторонняя жизнь могла продолжаться очень долго. Зимы приходили на смену лету, мало отличаясь друг от друга и мало изменяя облик напоминающего булаву протянувшегося через экватор полуострова. Где-то далеко зимой моря могли замерзать; на полуострове же, высоко в горах и у их подножия в охваченных изморозью долинах летаргический рай длился в течение многих лун и многих веков.

Нельзя было сказать, что фагоры были неподвластны переменам, просто затрагивающие их изменения происходили крайне замедленно. Неизвестная звезда, которая неожиданно появилась в небе и стала быстро увеличиваться в размерах, внесла коренные перемены в рассчитанный на века уклад существования фагоров.

Появление первого фагора с белой шерстью было воспринято сородичами с полнейшим равнодушием. Вслед за первым появились и другие альбиносы, и многим из них удалось достигнуть возраста зрелости. От белых сталлунов и гиллот произошло на свет белое потомство. И только тогда уродов стали выгонять из племени. Изгои поселились на берегах моря Ковасса, где вели сытую и спокойную жизнь, вволю наедаясь игуанами. Они тоже приручали иных и носили своих домашних зверьков с собой на спинах. В обязанности иных входило поддерживать огонь в переносных очагах своих хозяев, подбрасывая туда время от времени пучки сухих морских водорослей.

Освещенные блеском новой звезды, фагоры с иными на спинах брели без цели вдоль берега моря на восток, окутан-

ные дымом из каменных очагов и совершенно безутешные на вид. По мере того как на смену одному году приходил другой, число белых фагоров росло, а их исход на восток превращался в общее неуклонное стремление. Свой путь они отмечали каменными столбами, возможно, в надежде на то, что в один чудесный день по этим отметинам будет легче найти дорогу назад. Но ушедшим на восток так и не суждено было вернуться обратно.

Странная звезда в небе продолжала неуклонно расти, и так продолжалось до тех пор, пока по ночам все другие звезды не стали тонуть в ее блеске, а все предметы отбрасывать от нее тень, как раньше случалось лишь в ночи полнолуния, ночи господства Т'Сехн-Хрр. И тогда, посоветовавшись со своими предками, фагоры дали новой звезде имя «Фреир», что означало «страх».

От поколения к поколению звезда-страх продолжала увеличиваться, хотя и почти незаметно для глаз. И от одного поколения к другому белые фагоры-мутанты расселялись вдоль побережья до самого Геспагората. На запад от полуострова Пеговин продвижение белых фагоров было остановлено непроходимыми топями, покрывающими земли края, позже получившего название Димариам. На востоке мутанты с медлительной уверенностью осваивали альпийские луга Зроссы, пройдя через которые около двух тысяч миль, они вышли наконец к тонкому мостику-перешейку Кадмир. Вся эта история была бесстрастно сохранена в родовой памяти фагоров, что являлось отличительной чертой их типа.

Перебравшись через перешеек в Родадо, белые фагоры оказались в землях, климат которых напоминал тот, к которому они привыкли в Пеговине. Часть фагоров обосновалась здесь; другие, из тех, что пришли позже, двинулись дальше. И всюду на своем пути они воздвигали каменные столбы, отмечающие благоприятные воздушные октавы, по которым можно будет потом найти путь в дом своих двурогих предков.

В конце концов катастрофа все-таки грянула. Древняя охлаждающаяся и обремененная планетами звезда оказалась

пойманной в сети звезды-страх, молодой и яростно-мощной, пронизывающей космос вокруг себя всепроникающим излучением. В своем путешествии в пространстве звезда-страх была не одинока, ее сопровождал напарник гораздо меньшего размера. В последующих затем космических пертурбациях с установлением новых орбит и тому подобного малый напарник звезды-страх был потерян. Выбрав себе новый курс, он умчался в пространство, в неизвестность, прихватив с собой одну из планет системы Беталикса, а также луну Гелликонии, Т'Сехн-Хрр. Сам Беталикс превратился в один из спутников звезды-страх. Такова была Катастрофа, память о которой сохранилась навсегда в родовых воспоминаниях предков фагоров.

Появление у планеты нового сильного хозяина и происшедшие вслед за этим неблагоприятные природные явления в виде невероятной силы ветров, приливов и землетрясений разрушили перешеек Кадмир, превратив это место в узкий пролив. Пуповина между Геспагоратом и Кампаннлатом оказалась перерезанной.

В эти Времена Перемен менялись также и иные. Эти существа всегда были значительно щедрее и слабее своих хозяев-попечителей, хотя и заметно превосходили их в ловкости и гибкости ума. Однако в процессе исхода из Пеговина становилось все более и более очевидным, что иные больше не являлись обычными домашними зверьками, о которых вспоминали только в часы досуга, когда наступало желание развлечься, но становились добытчиками пропитания наравне с двурогими, и вклад их в жизнь племени иногда оказывался весьма велик.

Революционный переворот произошел благодаря чистой случайности.

Группа иных собирала на берегу одной из бухточек Родадо съестное, когда неожиданно поднявшийся прилив отрезал их от суши. На некоторое время иные оказались предоставленными самим себе. На островке имелось пропитание — в лагуне водилась жир-рыба. Жир-рыба тоже была одним из манифестов перемен, грядущих в экологии; раз

появившись, жир-рыба принялась активно размножаться, собираясь в морях в многомиллионные косяки.

Когда прилив наконец спал, оказалось, что хозяева иных, не дождавшись своих слуг, бросили их и ушли. Иным не оставалось ничего иного, как начинать свое самостоятельное странствие, и они двинулись на северо-запад, в глубь страны, которой они дали название Понпт. Именно там появились легендарные Десять Племен, Олле Онетс. Язык, в основе совершенно непохожий на речь фагоров, постепенно принял форму современного олонецкого, ставшего главным на Кампаннлате. Но это случилось не сразу — прежде чем потомки иных забыли о том, что когда-то принадлежали фагорам, научились жить полностью самостоятельно и превратились в «разумных», прошло немало веков.

Дикие просторы Кампаннлата возделывались и заселялись. Одновременно с этим менялись и сами иные. Десять Племен разрослись настолько, что разошлись во все стороны и потеряли себе счет. Оказываясь в разных краях материка, племена приспосабливались к существующему там климату и местности довольно ловко и быстро. Некоторые племена так и не осели на одном месте, превратившись в странников Кампаннлата. Главными врагами племен были, конечно, фагоры, к которым они по-прежнему продолжали относиться с еще оставшимся в крови почтением. Подобное заблуждение — или лучше сказать «слепая вера» — являлось как бы частью душевного уклада, формирующегося в сознании поселенцев нового мира, на окружающую природу которого они реагировали с невероятной живостью. Они радовались жизни, охотились и размножались под ярким светом молодого солнца, проливающего на них свои лучи.

Но вот пришла первая Великая Зима, сменив первое безумно жаркое лето. Начались холода и снег принялся валить не переставая целыми месяцами. С точки зрения фагоров, ситуация в природе вернулась вновь к привычной норме. Но эти времена стали испытанием для Десяти Племен: генетически невероятно податливые, они выжили, и за время веков апоастра, пока Беталикс преодолевал самый далекий

и медленный участок своей новой орбиты, тела их принимали новую форму и получали новое свойство. Те из племен, которым удалось выжить, вступили в новую весну исполненными свежих сил и уверенности. Они уже не были полуживотными — они были людьми.

Новые мужчины и женщины быстро совершенствовали свои умения. Безотчетное осознание того, что будущее принадлежит им и только им, переполняло их. Однако выпадали часы, например, ночами во время сидения в темноте у костра под огромным сияющим звездами небосводом, когда в душе, казалось, разверстывался темный неизведанный провал, противоположного края которого не было видно и через который не существовало моста. Из глубины памяти всплывали смутные воспоминания о временах, когда существование проистекало под началом больших и сильных созданий, заботливых и вершащих суровое правосудие. И тогда, засыпая без снов, люди шептали слова, для которых у них еще не было образов.

Необходимость поклонения и осознания того, что пастырь существует — против правления которого так удобно было время от времени восставать, — осталась в душах людей навсегда, даже тогда, когда Фреир снова заявил о себе в полную силу.

Новый жаркий климат совсем не устраивал укутанных в плотную белую шубу фагоров. Фреир, кроме всего прочего, превратился в символ всех неудач, которые претерпевали на своем пути двурогие. На камнях своих воздушных октав они теперь вырезали защитные знаки-символы: один круг внутри другого, соединенные словно спицами волнистыми лучами. По мнению фагоров, картинка эта как нельзя лучше отображала уплывающую от Хрл-Ичор Йхар луну Т'Сехн-Хрр. Впоследствии этим знакам был придан совершенно иной смысл, означающий испепеляющий свет подкрадывающегося все ближе и ближе Фрейра, проливающийся на землю Хрл-Ичор Йхар.

По мере того как говорящие на олонецком, поколение за поколением, принимали сформировавшийся ныне облик

ненавистных фагорам сынов Фрейра, культура самих фагоров медленно приходила в упадок. Но по-прежнему двурогие были рослыми и сильными и по-прежнему держали рога высоко. Ибо новые времена не во всем благоприятствовали сынам Фрейра.

Новое светило хотя больше и не покидало Гелликонию, иногда удалялось от нее на такое огромное расстояние, что превращалось в еще одну звездную блестку среди сотен других. И в эти времена ледящего холода двурогие получали возможность подчинить сынов Фрейра своему владычеству снова. И в следующие Времена Холодов они были твердо вознамерены окончательно стереть своих извечных врагов с лица Гелликонии.

Это время еще не наступило. Но оно придет.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Олдисс Брайан

Лето Гелликонии

Фантастический роман

Редактор К.Е. Россинский

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: С.Б. Клещёв

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»

368560, Республика Дагестан, Каякентский район,

с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

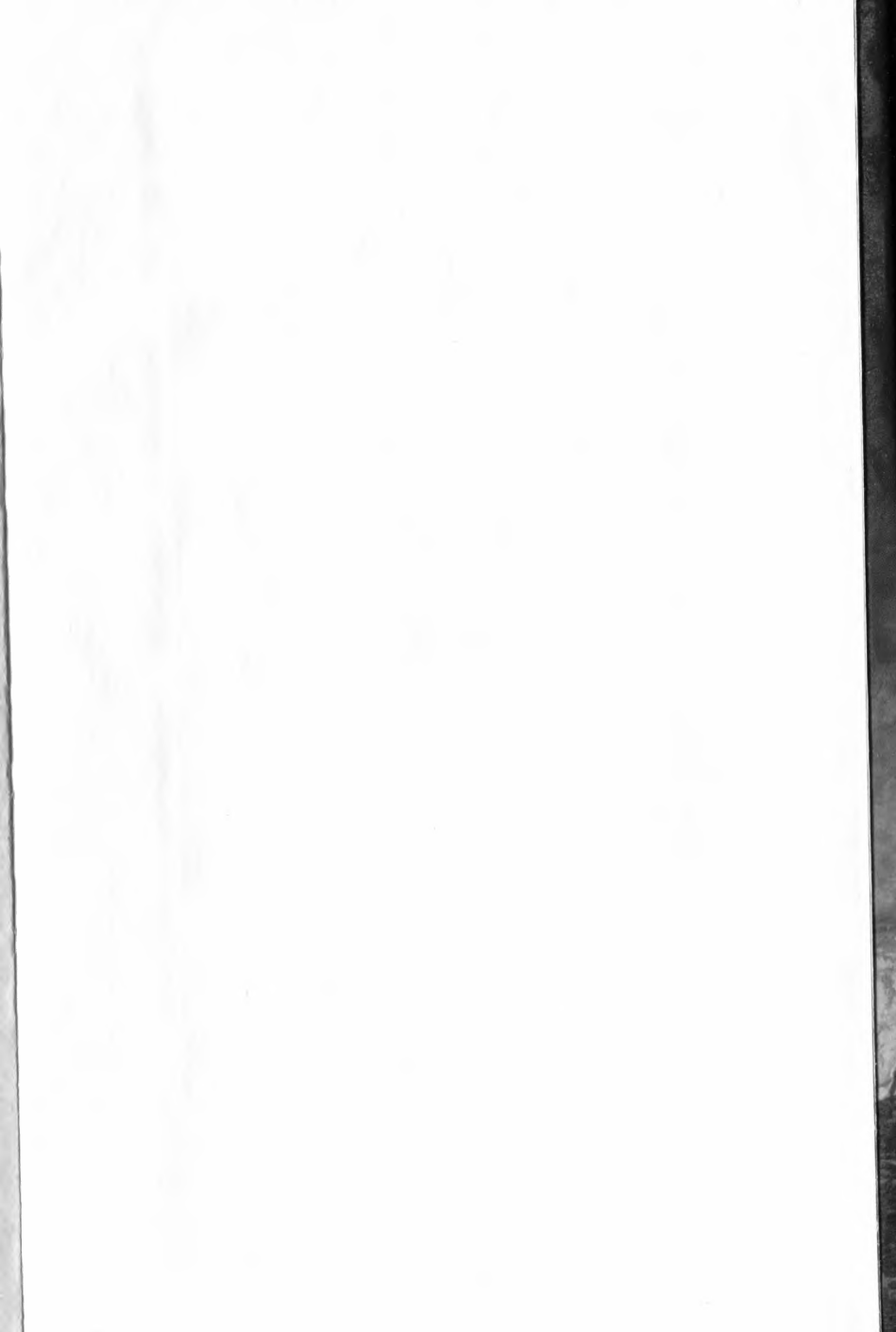
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
“Самарский Дом печати”

443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Брайан Олдисс.

Мастер «золотого века» мировой фантастики — и один из немногих англичан, которых «считали за своих» американские фантасты.

Писатель, ТРИЖДЫ резко менявший творческий «стиль и почерк» — от добротной «традиционной» научной фантастики к «Новой волне», а после того как «Новая волна» «схлынула» — назад, к традиции.

Обладатель огромного количества премий и наград — от «Хьюго» и «Небьюлы» до итальянской «Кометы д'Ардженто» и французского «приза Жюль Верна».

Перед вами — одно из лучших творений Олдисса. «Космическая сага», сравнимая по масштабу, увлекательности и эпизму лишь с «Дюной» Фрэнка Герберта.

Сага о планете Гелликония, на которой каждый «великий год» — это время жизни сотен поколений. О планете, солнце которой снова и снова оборачивается вокруг более яркой звезды, неся с каждым оборотом коренные перемены климата и экологии.

Это мир, прописанный до мельчайшей детали — от военного искусства до дипломатии, от науки — до философии.

Добро пожаловать на Гелликоню!

Весна Гелликонии

Лето Гелликонии

Зима Гелликонии

ISBN 5-17-016663-X

9 785170 166633